

**ВЕСТНИК
Томского государственного университета
2015. № 395. Июнь**

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY, SOCIAL
AND POLITICAL SCIENCES
- CULTURAL STUDIES
- HISTORY
- LAW
- ECONOMICS
- PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS
- EARTH SCIENCES

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL
2015. № 395. June**

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.;
А.А. Глазунов, д-р техн. наук, проф.; **В.И. Голиков**, канд. ист. наук, доц.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**,
канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **О.М. Краснорядцева**, д-р психол. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.;
О.В. Петрин, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**,
д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слизов**, канд. хим. наук., доц.; **В.С. Сумарокова**,
директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.;
Г.М. Татьянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **V. Golikov**, PhD in History, Associate Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr. of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **O. Krasnoriadtseva**, Dr. of Psychology, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.;
О.М. Краснорядцева, д-р психол. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **В.П. Парначев**,
д-р геол.-минер. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.;
В.Г. Шилько, д-р пед. наук, проф.

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

T. Demeshkina, Dr. of Philology, Professor; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr. of Economics, Professor; **S. Kulizhskiy**, Dr. of Biology, Professor; **O. Krasnoriadtseva**, Dr. of Psychology, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor

Журнал «Вестник Томского государственного университета»
включен в «Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»
(http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 395

Июнь

2015

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694,
электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793;
электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Воронина Л.П. Деминутивы в текстах В.М. Шукшина (функциональная актуализация системно-языковых возможностей)	5
Кузнецова О.А. История и мотивационная структура лексико-семантического поля «гордость» в русском языке	10
Хохлова Н.А. Героиня комического эпоса Лиса и «Волки и овцы» А.Н. Островского (к вопросу об эпизации драмы)	18
Цыпилёва П.А. Образы и мотивы античной танатологии в поэзии Арсения Тарковского	25
Шумахер А.Е. Разновидности балладного жанра в поэзии М.Н. Муравьева	31

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

Безлекин Е.А. Методологические особенности становления квантовой механики	40
Жданов М.А. Любовь как важнейший элемент медицинской корпоративной культуры	46
Иванова А.Н. Путешествия как потребность в самотрансценденции	51
Рзаева С.В. Этническая социальная сеть как механизм миграционных процессов и адаптации мигрантов в принимающем обществе: о понятии и устройстве	60
Фаритов В.Т. Трансценденция и трансгрессия в научном дискурсе	67

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Горшкова В.В. Музейная коллекция икон как база развития современного иконописания (из опыта Ярославского художественного музея)	72
Золотарева Н.В. Технологии актуализации этнокультурного наследия в Музее искусств народов Севера (с. Каргасок)	78
Савельева Е.Н., Буденкова В.Е. Коммуникативные основания идентичности: к постановке проблемы	83
Шапошников И.А. Поэмыные сочинения Ф. Листа и Ф. Шопена: исполнительский аспект	88

ИСТОРИЯ

Абсеметов М.О. В.И. Вернадский в Казахстане (из истории научных связей России и Казахстана)	93
Борина Л.С. Реформа графики в СССР в 1920–1930-х гг. как фактор формирования этнического самосознания тюркоязычных этносов Саяно-Алтая	97
Запорожченко Г.М. Городская потребительская кооперация в Томской губернии в начале XX в.: опыт гражданского самоуправления	102
Лекаренко О.Г. Политика США в отношении европейской интеграции при президенте Л. Джонсоне	107
Салмин А.К. Краткая история булгар	116
Смоленчук О.Ю. Участие Королевства Нидерландов в миротворческих операциях ООН (1945–1992 гг.)	123

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL
GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 395

June

2015

Certificates of registration: printed version № 018694,
electronic version № 018693
Issued by the Russian Federation State Committee for Publishing
and Printing on April 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
April 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

CONTENTS

PHILOLOGY

Воронина Л.П. Diminutives in the texts of V.M. Shukshin (functional actualization of the system-language possibilities)	5
Кузнецова О.А. History and motivational structure of the lexical semantic field “pride” in the Russian language	10
Хохлова Н.А. Foxy as a comic epic heroine and A.N. Ostrovsky's stage play <i>Wolves and Sheep</i> (on epic-related drama)	18
Цыпилёва П.А. Ancient thanatology images and motives in Arseny Tarkovsky's poetry	25
Шумахер А.Е. Variety of the ballad genre in M.N. Muravyov's poetry	31

PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

Безлекин Е.А. Methodological features of the establishment of quantum mechanics	40
Жданов М.А. Love as the most essential element of medical corporate culture	46
Иванова А.Н. Travelling as a need in self-transcendence	51
Рзаева С.В. Ethnic social network as a mechanism of migration and migrants' adaptation in the receiving society: the concept and structure	60
Фаритов В.Т. Transcendence and transgression in scientific discourse	67

CULTURAL STUDIES

Горшкова В.В. The museum icon collection as a basis for modern iconography development (from Yaroslavl Art Museum experience)	72
Золотарева Н.В. Ethnic and cultural heritage actualization technology in the Art Museum of the North (Kargasok village)	78
Савельева Е.Н., Буденкова В.Е. Communicative foundations of identity: raising the problem	83
Шапошников И.А. Poem pieces of F. Chopin and F. Liszt: performance aspect	88

HISTORY

Абсеметов М.О. V.I. Vernadsky in Kazakhstan (from the history of scientific connections of Russia and Kazakhstan)	93
Борина Л.С. The reform of the graphics in the Soviet Union in 1920–1930s as a factor in the formation of ethnic identity of Turkic-speaking ethnic groups of the Sayan-Altai	97
Запорожченко Г.М. Urban consumer cooperation in Tomsk Province in the early 20th century: the experience of civil self-government	102
Лекаренко О.Г. US policy towards European integration under presidency of L. Johnson	107
Салмин А.К. A brief history of the Bulgars	116
Смоленчук О.Ю. Participation of the Kingdom of the Netherlands in UN peacekeeping operations (1945–1992)	123

Соколова Т.Л. Партийное руководство региональными печатными СМИ в годы перестройки	132
Харусь О.А. Сибирские депутаты в Государственной думе: поиск баланса региональных и общероссийских интересов (1906–1916 гг.)	137
Шерстова Л.И. Этнокультурные общности Горного Алтая в XVII–XVIII вв.: этническая идентичность в историческом контексте	142

ПРАВО

Груздев В.В. О некоторых вопросах залога, возникших в связи с модернизацией российской правовой системы	147
Ольховик Н.В. Рецидивная преступность осужденных к ограничению свободы	151
Сузальцева Т.И. Основания права на компенсацию за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок	155
Уварова И.А. Развитие и современное состояние судебного почерковедения	160

ЭКОНОМИКА

Гришанова А.В. Формирование национальной платежной системы России на основе опыта специализированных платежных систем	165
Скрипкин К.Г. Парадокс производительности информационных технологий: современное состояние в мире и в России	172
Шрайбер Н.Ю. Теоретические и методологические аспекты управления стоимостью кооперативных организаций	179

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Биллер М.Г. Технология разработки образовательной программы, направленной на успешную творческую самореализацию обучающихся	188
Ведуга О.В. Мотивационные кризисы и кризисно-обусловленная модель формирования учебной мотивации студентов	198
Вечканова Е.М. Факторная структура модусов временной перспективы личности в контексте переживания актуального смыслового состояния	204
Зверев П.А. Моделирование процесса формирования мотивации творческой деятельности подростков в системе дополнительного образования	211
Иванова И.В. Актуальность педагогических взглядов К.Э. Циолковского в свете модернизации дополнительного образования в России	217
Константинова Е.А., Константинов Д.В. Концептуальные предпосылки развития коммуникативных умений у детей дошкольного возраста в процессе физического воспитания	224
Неупокоев С.Н., Капилевич Л.В., Кабачкова А.В., Лосон Е.В., Крупitsкая О.Н. Анализ показателей системы внешнего дыхания при совершенствовании ударных движений у боксеров различной спортивной квалификации	229

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Горбатенко В.П., Громницкая А.А., Константинова Д.А., Ершова Т.В., Нечепуренко О.Е. Оценка роли климатических факторов в возникновении и распространении лесных пожаров на территории Томской области	233
Зырянова Л.А., Пеков И.В., Япаскурт В.О., Бритвин С.Н. Перит PbBiO ₂ Cl из Захаровского месторождения (Северо-Западный Алтай) – первая находка в России	241

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Sokolova T.L. Party control of regional printed media during the Perestroika period	132
Kharus O.A. Siberian deputies in the State Duma: search for a balance between local (regional) and all-union interests (1906–1916)	137
Sherstova L.I. Ethnocultural communities in Gorny Altai during the 17th–18th centuries: ethnic identity in historical context	142

LAW

Gruzdev V.V. On some issues of lien resulted from the modernization of the Russian legal system	147
Olkhovik N.V. Recidivism of convicts sentenced to imprisonment	151
Suzdal'tseva T.I. Grounds for the right to compensation for violation of the right to a fair trial within a reasonable time or the right to execute a judicial act within a reasonable time	155
Uvarova I.A. Development and current state of legal graphology	160

ECONOMICS

Grishanova A.V. Formation of the National Payment System in Russia based on the experience of specialized payment systems	165
Skripkin K.G. IT productivity paradox: present state of research in the world and in Russia	172
Shrayber N.Yu. Theoretical and methodological aspects of cost management in cooperative organizations	179

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

Biller M.G. Theoretical aspects of professional self-actualization of students through personal qualities integration	188
Veduta O.V. Motivation crises and crisis-mediated model of students' educational motivation formation	198
Vechkanova E.M. Factor structure of person's time perspective modes in the context of actual meaning state experiences	204
Zverev P.A. Simulation of teenagers' creative activity motivation formation in the system of additional education	211
Ivanova I.V. The relevance of the pedagogical views of K.E. Tsiolkovsky in the light of further modernization of education in Russia	217
Konstantinova E.A., Konstantinov D.V. Conceptual premises of preschoolers' communicative skills development in the process of physical education	224
Neupokoev S.N., Kapilevich L.V., Kabachkova A.V., Loson E.V., Krupitskaya O.N. Analysis of external respiration performance in improving shock movements in boxers of different sports qualification	229

EARTH SCIENCES

Gorbatenko V.P., Gromnitskaya A.A., Konstantinova D.A., Ershova T.V., Nечепуренко О.Е. Assessing the role of climatic factors in the formation and spread of forest fires in Tomsk Oblast	233
Zyryanova L.A., Pekov I.V., Yapaskurt V.O., Britvin S.N. PbBiO ₂ Cl Perite from the Zakharovskoe deposit (NW Altai): first find in Russia	241

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'23

Л.П. Воронина

ДЕМИНУТИВЫ В ТЕКСТАХ В.М. ШУКШИНА (ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМНО-ЯЗЫКОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ)

Представлены результаты анализа функциональной актуализации семантики деминутивов в художественном тексте. Анализ проводится на материале функционирования деминутивов конкретно-предметной семантики в текстах В.М. Шукшина. Выявляются тематические группы деминутивов и варианты текстовой актуализации их семантики. Доказывается, что писатель, следуя в использовании функционально-семантического потенциала единиц общерусским системным тенденциям, использует его для создания повышенной эмоционально-экспрессивной тональности текста, его стилевой разговорной маркированности.

Ключевые слова: деминутивы; В.М. Шукшин; текст; эмоционально-экспрессивное значение.

Как неоднократно отмечалось в лингвистической литературе, для русского языка характерна повышенная экспрессивность, которая находит воплощение прежде всего в словарном фонде русского языка. В этой связи А. Вежбицкая отмечает: «Согласно проведенным в Гарварде исследованиям русского национального характера, русские являются людьми “экспрессивными и эмоционально живыми”, их отмечает “общая экспансивность”, “лёгкость в выражении чувств”, “импульсивность”» [1. С. 34]. Одним из разнообразных средств создания повышенной экспрессивности речи является деривационная система. Для суффиксальной системы русского языка характерно обилие уменьшительно-ласкательных суффиксов, придающих производным существительным широкий спектр pragmatischeskih насыщенных значений, ядром которых является субъективная оценочность (А. Вежбицкая, З.И. Резанова, Н.А. Лукьянова, Р.Н. Порядина и др.).

На формирование значения деминутивных производных оказывают влияние условия внутрисловного контекста, т.е. сочетание суффиксальной и производящей семантики. Внутрисловный контекст определяет вариацию только рационально-оценочного компонента значения суффикса. При этом производится оценка размерных параметров предмета, количества, интенсивности, значимости, степени соответствия другим социальным и эстетическим признакам. Но весь спектр эмоционально-оценочной семантики, экспрессивные смыслы, коммуникативные функции проявляются в условиях воздействия элементов внешнего контекста и конситуации употребления. Семантическое варьирование деминутивных суффиксов происходит в особом лексическом и синтаксическом окружении или в особых коммуникативных ситуациях. Конкретная реализация эмоционально-оценочных смыслов зависит от сочетания эмоциональной окрашенности, рационально-оценочных смыслов, лексем ближайшего окружения и эмотивной направленности текста как целостной единицы [2. С. 198].

Существенно важными для дальнейшего анализа считаем следующие характеристики смыслового потенциала деминутивной деривации: синкетизм значений, зависимость реализации значения от внутрисловного и внешнего контекста.

Нацеленность на выражение оценки, эмоциональная насыщенность определяют функциональную особенность этого деривационного ресурса русского языка при формировании лексических средств разговорного стиля. Особенно отмечается широкое использование, разнообразие смысловых и pragmatischeskih функций деминутивов в диалектной речи. Именно в диалектной речи более ярко прослеживается направленность производных с деминутивными суффиксами на реализацию смыслов, которые способствуют осуществлению коммуникации в условиях непосредственного общения [3. С. 14].

Эмоционально-прагматический потенциал деминутивной деривации в разной степени используется авторами художественных произведений. Востребованность этого выразительного средства в художественной речи во многом определяется тематикой и находит проявление в «деревенской прозе», в произведениях таких писателей, как Ф. Абрамов, В. Астафьев, В. Белов, С. Залыгин, Е. Носов, В. Распутин. К ряду авторов, в текстах которых широко представлены выразительные возможности деминутивной деривации, принадлежит В.М. Шукшин.

Для прозаических произведений В.М. Шукшина характерным является народно-разговорный язык. Автор мастерски передает стихию разговорной речи. Известный исследователь языка произведений писателя В.Ф. Горн отмечает: «Шукшин воссоздаёт живую разговорную речь с присущей ей образностью, экспрессией, естественностью» [4. С. 26]. Также выделяется особенность прозы писателя, которая состоит в преобладании диалога над повествованием [5. С. 117]. Герои произведений говорят на языке окружающей их народной среды. В.М. Шукшин в своей работе «Нравственность есть Правда» заметил: «Я знаю, когда я пишу хорошо: когда пишу и как будто пером вытаскиваю из бумаги живые голоса людей» [6. С. 291]. Яркой чертой рассказов писателя является широкое использование диалектной и просторечной лексики, с помощью которой воссоздаётся своеобразная, красочная, живая речь [7. С. 106]. Данные особенности считаем важнейшими для характеристики идиостиля писателя.

Исследование деминутивных производных в произведениях В.М. Шукшина ранее лингвистами не принималось. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью изучения функционально-семантических особенностей деминутивов в текстах писателя. В наши задачи входит выявление спектра эмоционально-оценочных смыслов, выражаемых деминутивами в рассказах В.М. Шукшина 1960–1970-х гг. Анализ произведений проводится с целью определения направлений актуализации потенциала русской деминутивной деривации в текстах писателя на основе данных о суффиксах, представленных в «Русской грамматике» [8]. Это позволит охарактеризовать одну из основных черт идиоматики В.М. Шукшина – использование деминутивов в качестве средства создания повышенной экспрессивности текста, стилевой разговорной маркированности. В текстах писателя проявляются как общие тенденции функционирования деминутивов в русской деривационной системе, так и своеобразие, определяемое авторскими предпочтениями, ориентацией на создание особого художественного мира.

Соответствие характера использования деминутивов системным особенностям русского модификационного словообразования проявляется в первую очередь в том, что относительная частотность использования деминутивов в текстах В.М. Шукшина соотносится с их продуктивностью в русской деривационной системе. Проведя анализ степени частотности, выделяем четыре группы деминутивных суффиксов, используемых автором. Отметим, что наибольшей продуктивностью характеризуются производные с суффиксами **-ок** (60 единиц), **-ик**, **-чик** (50 единиц), **-к(а)** (60 единиц) – *городок, катерок, костерок, кулачок, ремешок, мужичок, столик, топорик, шалашик, гра-финчик, пальчик, бородка, церковка, кобылка, неделька, банька* и т.п. Большая продуктивность характерна для деминутивов со следующими суффиксами: **-очек(а), -ечк(а)** (44 единицы), **-ек** (35 единиц), **-ишк** (35 единиц) – *юбочка, рюмочка, жиличка, скамеечка, усмешечка, колышек, ковишик, порожек, ружьшико, бельшишко, клубишко*. Средней продуктивностью характеризуются производные с суффиксами **-к(о)** (20 единиц), **-ушк** (16 единиц), **-онк** (12 единиц) – *брюшко, мяско, головушка, долюшка, одежонка, когрёвёнка*. Меньшая продуктивность характерна для производных с суффиксами **-оньк(а), -еньк(а)** (10 единиц), **-ц(о), -ец(о), -ц(е), -иц(е)** (10 единиц), **-иц(а)** (6 единиц), **-ец** (4 единицы), **-ушк(а)** (5 единиц), **-ушек** (3 единицы) – *бабонька, ноченька, душенька, сальцо, письмецо, копытце, платьице, водица, рошица, братец, избушка, комнатушка, хлебушек*.

В текстах В.М. Шукшина отражается и вторая общая тенденция формирования семантики деминутивных производных, характерная для русской деминутивной деривации. Эта тенденция заключается в том, что при сочетании деминутивных суффиксов с производящими основами различных лексико-семантических групп (ЛСГ) может наблюдаться смысловое и функциональное варьирование производной семантики.

Деминутивные суффиксы, используемые в текстах писателя, сочетаются с производящими основами с

конкретно-предметным значением, со значением лица, кроме того, присоединяются к производящим основам со значением процесса, признака, состояния, а также времени. Проследим многообразие значений и семантико-прагматическое варьирование деминутивных суффиксов при сочетании с производящими основами конкретно-предметного значения.

Охарактеризуем семантические особенности производных, используемых в рассказах писателя.

1. Суффиксы **-ик**, **-чик**, **-ок**, **-к(а)**, **-очек(а)**, **-ц(а)**, **-ц(е)**, присоединяясь к производящим основам с конкретно-предметным значением, придают производным в основном уменьшительное значение. При этом деминутивные производные выражают значение «меньше нормы по объемным параметрам» и указывают на малый размер предмета. Деминутивы служат для выражения объективной уменьшительности. Собственно уменьшительное значение без соединения с эмоциональными смыслами свойственно производным, обозначающим: а) инструменты, орудия, приспособления (*ломик, топорик, фонарик, тросик, бачок, ремешок, лучинка, гирька, палочка, проволочка*); б) строения, части строений (*оградка, банька, шалашик, заборчик, дверца, оконце*); в) мебель, предметы быта (*столик, коврик, шкафчик*).

Во многих фрагментах из рассказов В.М. Шукшина на уменьшительное значение деминутивов подтверждается элементами ближайшего лексического окружения. При этом перед деминутивом может использоваться определение, указывающее на малый размер предмета: *небольшой, невысокий, маленький*. В других контекстах косвенно указывается на малый размер предмета либо уменьшительное значение детерминируется значением слова, обозначающего предмет малого размера. Также наблюдается противопоставление предмету крупного объекта, чтобы подчеркнуть его малый размер. Например, в следующих контекстах в семантике деминутивов актуализируются прежде всего размерно-оценочные смыслы: *Образцовый жеребец стоял в образцовой конюшне, за невысокой оградкой. Косил на людей большим нежно-фиолетовым глазом, насторожённо вскидывал маленьку голову, стриг ухом* («И разыгрались же кони в поле») [9. С. 181]; *Сидели друг против друга за маленьким квадратным столиком, ждали официантку* («Правда») [Там же. С. 16].

2. В русском языке к уменьшительному значению деминутивов наиболее регулярно добавляется прагматический компонент «ласкательное». При этом к значению деминутива присоединяются эмоциональные смыслы положительной направленности.

Уменьшительно-ласкательное значение свойственно многим производным, образованным от производящих основ с конкретно-предметным значением, это значение реализуется у следующих единиц ЛСГ:

а) «части тела человека», при этом к производящим основам присоединяются суффиксы **-к(а)**, **-очек(а)**, **-ечк(а)**, **-ик**, **-ок**, **-чик** – *головка, губка, бородка, жиличка, ладошечка, носик, ротик, зубок, локоток, кулачок, чубчик, пальчик, мизинчик. И слёзы за- капали ему на большую руку и на её белые пальчики*.

Клара испугалась: «Больно?!» («Беспалый») [9. С. 147];

б) «Одежда, личные вещи», производящие основы сочетаются с суффиксами *-очки(a), -к(a), -ик, -чик, -ек, -ок, -иц(e)* – юбочка, косыночка, сумочка, кофточка, шубка, халатик, костюмчик, платочек, сапожок, платьице. Тут выпорхнуло из подъезда этакое воздушное создание и заспешило, заспешило, отстукивая каблучками по асфальту. Коротенькая юбочка – туда-сюда, туда-сюда («Три грации») [10. С. 132];

в) «детские вещи, игрушки» при сочетании производящих основ с суффиксами *-к(a), -очки(a), -ечк(a), -ок* – куколка, кроватка, коляски, игрушечка, катерок. Павел вытащил его (предмет), зажёг спичку – то была маленькая капроновая ёлочка, увенчанная крошечными игрушечками («Капроновая ёлочка») [Там же. С. 242];

г) «строения, части строений» при соединении производящих основ с суффиксами *-ик, -ек, -к(o), -ицк(a)* – домик, порожек, окошечко, крылечко, избушка. Витька и не заметил, как дошли и как шли – какими переулками. Домик как домик – старенький, но ещё будет стоять семьдесят лет, не охнет. («Материнское сердце») [Там же. С. 912];

д) «мебель, предметы быта» при сочетании производящих основ с суффиксами *-очки(a), -ечк(a), -ок, -ек* – лавочка, этажерочка, скамеечка, подушечка, половицок, холодильничек. ...Была у него такая скамеечка со столиком, аккуратная такая скамеечка, он удобно устраивался – нога на ногу, закуривал и, поблескивая повлажневшими глазами, ждал кого-нибудь («Непротивленец Макар Жеребцов») [Там же. С. 407];

е) «посуда» при сочетании производящих основ с суффиксами *-чик, -очки(a), -ечк(a), -ец* – стаканчик, графинчик, тарелочка, рюмочка, чашечка, сосудец. ...Явно не хватает! – Владимир Семёнович появился в комнате с подносом в руках. На подносе – медный сосудец с кофе, малые чашечки («Владимир Семёнович из мягкой секции») [10. С. 313];

ж) «растения, части растений» при соединении производящих основ с суффиксами *-к(a), -очки(a), -ек* – березка, травка, веточка, цветочек. Ночь. Поскрипывает и поскрипывает ставенка – всё время она так поскрипывает. Шелестят листовой берёзки («Петя Краснов рассказывает») [Там же. С. 346];

з) «домашние животные, птицы, части их туловища» при соединении производящих основ с суффиксами *-к(a), -очки(a), -ек, -иц(e), -к(o)* – кобылка, курочка, тёлочка, тёлёночек, копытце, пёрышко. Тут весна, теплеет уже, а тут скоро заскользит по полу нежными копытцами, может, бог даст, тёлочка («Из детских лет Ивана Попова») [9. С. 369];

и) «печатные документы» при сочетании производящих основ с суффиксами *-к(a), -ечк(a), -чик, -ик* – страницка, бумажечка, талончик, рецептник. – Без рецепта нельзя, не могу. У Максима упало сердце. – Это маленький рецептник, да? Бумажечка такая... Женщина невольно улыбнулась («Змеиный яд») [Там же. С. 170].

Как следует из приведённого материала, в сферу эмоционально заряженной оценки вовлекаются люди, в том числе дети, и окружающие их животные, расте-

ния, предметный мир. В рассмотренных выше контекстах к уменьшительному значению добавляется эмоциональный компонент положительного спектра, что подтверждается ближайшим лексическим окружением. В контекстах *в, з* деминутивы выражают эмоции умиления, ласки. В контекстах *г, д, и* деминутивы имеют эмоциональную заряженность, которая вызывается соответствием эстетическим и pragматическим запросам повествователя. В контекстах *а, б, е, ж* деминутивы служат для выражения референтной отнесённости, когда ласкательное отношение проецируется с предмета на героя или на ситуацию в целом.

3. Определённые деминутивные производные с конкретно-предметным значением имеют в текстах В.М. Шукшина только ласкательное значение. Это значение привносит суффикс *-ычик* единицы ЛСГ «Уникальный предмет» – *солнышко*. Например, в следующем контексте: Завтра хороший день будет, – сказал дядя Володя, – вот где *солнышко* село, небо зеленоватое: значит, хороший день будет («Вянет, пропадает») [9. С. 274].

Для деминутива, использованного в данном контексте, характерно выражение эмоциональных смыслов положительной направленности, которые создаются ближайшим лексическим окружением. У производного, обозначающего уникальный предмет, уменьшительная семантика реализоваться не может. Деминутив употребляется с чисто pragматической направленностью.

4. Следует отметить, что производные, образованные от производящих основ, обозначающих части тела человека, в текстах В.М. Шукшина в определённых контекстных условиях меняют положительный эмоциональный заряд на отрицательный, что можно проследить в следующем контексте: Малость она, правда, вульгаритэ: *носик*. К тридцати годам *носик* этот самый на лоб полезет («Шире шаг, маэстро») [10. С. 31].

У производных с суффиксами *-иц(o), -к(o), -ик, ок* к уменьшительному значению в зависимости от контекста добавляются эмоциональные компоненты снисходительности, уничтожительности, иронии (пузцо, брюшко, животик, задок): В палату привезли новенького. Здоровенный парень, полный. Даже с *брюшком*, красивый, лет двадцати семи, но с разумом двухлетнего ребёнка [Там же. С. 338]. – Ах, славно! – воскликнул редактор. И опять захочотал, так что заколыхался его упругий *животик* («Боря», «Раскас») [8. С. 335].

Широкое использование деминутивов с суффиксами, имеющими ласкательное или уменьшительно-ласкательное значение для выражения эмоциональных смыслов отрицательной направленности, является своеобразием идиостиля В.М. Шукшина. При этом такое употребление не противоречит общерусским тенденциям. Для данных единиц характерна разговорная стилевая маркированность. Разговорный стиль реализует функцию общения и как разновидность языка отличается от других стилей по основным параметрам, в том числе широким употреблением обиходно-бытовой лексики [11. С. 494].

5. Значительное количество производных, образованных от производящих основ с конкретно-предметным значением, употребляется в текстах В.М. Шукшина для выражения уменьшительно-уничижительного, уничижительного, пренебрежительного значения. Эти значения придают суффиксы *-ишк*, *-онк*, *-к(а)* у следующих единиц ЛСГ:

а) «строения, части строений» (*домишко, клубишко, банёшка, избёнка*). – …*Значит, клубишко имеет-ся? – Имеется, Паша. Вот такой клуб – бывшая церковь* («Классный водитель») [9. С. 129];

б) «предметы быта» (*постелишка, бельишко*). – *Здравствуйте, – не очень приветливо говорит мужик. – Заезжай, я покажу, куда ставить. Барахло-то много? – Откуда!.. Одежонка кой-какая да постелишка* («Земляки») [10. С. 363];

в) «инструменты, орудия, приспособления» (*неводишко, ружьишко*). – *Как устроился-то? Слушай, приезжай сегодня ко мне! Этак к вечерку. Баньку протопим, с неводишком на речку сбегаем… Небось стосковался без своих-то?* («Правда») [9. С. 18];

г) «одежда» (*платьишко, пальтишко, одежонка, костюмешко*). *Сколько я в дом получек перетаскал, а хоть один костюмешко маломальский купили мне?* («Мой зять украл машину дров!») [10. С. 117];

д) «рукописные и печатные документы» (*книжка, газетка, бумажка, письмешко, деньжонки*). *Фёдор положил тяжёлую руку на председательские бумажки. – Будет клуб или нет?!* («Артист Фёдор Грай») [9. С. 78];

е) «домашние животные» (*коровёнка, боровишко*). – *Коровёнку выгони завтра в стадо, я забыла сказать. Мы уговорились с бабами до свету за ягодами идти* («Думы») [Там же. С. 311].

В контекстах б, в, е наблюдается использование деминутивов с намеренно уничижительным значением. Деминутивы употребляются в высказываниях с целью отчуждения элементов «своего» мира, чтобы не прогневать высшие силы [12]. Эта особенность, отмеченная в диалектной речи, находит проявление в рассказах писателя.

В других приведённых выше контекстах деминутивные производные используются для выражения пренебрежения, снисходительности. В контексте *г* деминутив употребляется в экспрессивной конструкции, в которой он служит в сочетании с другими элементами для усиления смысла высказывания. При этом выражается отчуждающе-уничижительное значение. В контексте *а* с помощью деминутива передаётся эмоция снисходительности, которая выражает отношение говорящего, имеющего другую ценностную ориентацию. В контексте *д* деминутив выражает эмоцию пренебрежения, передаёт смысл «нечто незначительное в социуме». Как правило, данные лексические единицы имеют разговорную стилевую маркированность.

Проследив семантико-функциональное варьирование деминутивных производных в текстах В.М. Шукшина, отмечаем, что для многих деминутивов, образованных от производящих основ с конкретно-предметным значением, характерны уменьшительное, уменьшительно-ласкательное, ласкательное и уменьшительно-уничижительное, уничижительное или пренебрежительное значения. Уменьшительное значение в чистом виде у деминутивов в текстах В.М. Шукшина встречается редко. К этому значению добавляется спектр других эмоциональных оттенков положительной или отрицательной направленности. Деминутивы в рассказах писателя выражают эмоции ласки по отношению к людям, окружающим их животным, растениям, предметному миру. Кроме этого, деминутивы передают уничижительность, пренебрежение, снисходительность, иронию. Анализ реализации значений деминутивов в текстах В.М. Шукшина выявляет своеобразие их семантического потенциала: тенденцию к выражению деминутивными производными комплекса, прежде всего pragmatischesких смыслов, что является отражением общих закономерностей. Основной особенностью рассказов писателя является воссоздание живой разговорной речи. Своеобразие идиостиля В.М. Шукшина состоит в широком использовании деминутивных производных, имеющих разговорную стилевую маркированность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1996. 416 с.
2. Картины русского мира: аксиология в языке и тексте / отв. ред. З.И. Резанова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 353 с.
3. Порядина Р.Н. Функционирование моделей деминутивного словообразования в диалектном тексте : дис. … канд. филол. наук. Томск, 1997. 229 с.
4. Горн В.Ф. Живой язык Василия Шукшина // Русская речь. 1977. № 2. С. 25–31.
5. Творчество В.М. Шукшина. Энциклопедический словарь-справочник. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. Т. 1. 330 с.
6. Шукшин В.М. Нравственность есть Правда. М. : Советская Россия, 1979. 351 с.
7. Воробьёва И.А. Региональная культура в лексике прозаических произведений В.М. Шукшина // Проза В.М. Шукшина как лингвокультурный феномен 60–70-х годов. Барнаул, 1997. С. 105–147.
8. Русская грамматика : в 2 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Наука, 1980. 783 с.
9. Шукшин В.М. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Молодая гвардия, 1992. Т. 2.
10. Шукшин В.М. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Молодая гвардия, 1992. Т. 3.
11. Лингвистический энциклопедический словарь / отв. ред. В.Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990. 610 с.
12. Порядина Р.Н. О «магической» функции деминутива (на примере среднеобских говоров) // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. Томск, 1998. С. 249–255.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 мая 2015 г.

DIMINUTIVES IN THE TEXTS OF V.M. SHUKSHIN (FUNCTIONAL ACTUALIZATION OF THE SYSTEM-LANGUAGE POSSIBILITIES)

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 5–9. DOI: 10.17223/15617793/395/1

Voronina Ludmila P. Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Voroninalp@sibmail.com

Keywords: diminutives; V.M. Shukshin; text; emotionally expressive meaning; diminutive meaning.

One of the multiple ways of speech excessive expressiveness creation is the derivational system. Numerous diminutive-hypocoristic suffixes that give a wide range of pragmatically rich meanings (the center of which is subjective evaluation) to derivative nouns is typical for the suffixation system of the Russian language. The most important things for further analysis are the following characteristics of diminutive derivation semantic potential: syncretism of meanings, dependence of implementation of meaning from intraword and external contexts. The author determines the thematic groups of diminutives and variants of text actualization of their semantics. Focus on the expression of evaluation and emotional intension determine the functional orientation of the derivational resource of the Russian language on formation of lexical means of the colloquial style. The main peculiarity of the prose works of V.M. Shukshin is folk-colloquial language. The author of the article takes into consideration one component of V.M. Shukshin's idiom: active use of emotionally and expressively colored words represented by forms with diminutive suffixes. The task is to determine the spectrum of emotionally evaluative meanings expressed by diminutives in Shukshin's stories. Analysis of V.M. Shukshin's idiom shows that his texts contain both general tendencies, typical for functioning of the diminutives in the Russian derivational system, and original ones, determined by Shukshin's preferences and orientation on creation of the specific artistic world. Having followed the semantic and functional variation of diminutive derivatives with a concrete objective meaning in the texts of V.M. Shukshin, the author points out that diminutive meaning proper is a rare occurrence for diminutives. A spectrum of other emotional connotations of positive or negative character is added to the hypocoristic meaning of the diminutives. Analysis of the meanings of diminutives in V.M. Shukshin's texts shows idiosyncrasy of their semantic potential: tendency of diminutive derivatives to primarily express the pragmatic sense, which is a reflection of general trends. The basic feature of the writer's stories is a recreation of real colloquial speech. The originality of V.M. Shukshin's idiom consists in the broad use of diminutive derivatives that have not only colloquial, but also rusticated style markedness.

REFERENCES

1. Wierzbicka A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkie slovari Publ., 1996. 416 p.
2. Rezanova Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: aksiologiya v yazyke i tekste* [Pictures of the Russian world: axiology in language and text]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2005. 353 p.
3. Poryadina R.N. *Funktzionirovaniye modeley deminutivnogo slovoobrazovaniya v dialektnom tekste*: dis. kand. filol. nauk [Functioning of diminutive word formation models in dialect text. Philology Cand. Diss.]. Tomsk, 1997. 229 p.
4. Gorn V.F. *Zhivoy yazyk Vasil'ya Shukshina* [The Live Language of Vasily Shukshin]. *Russkaya rech'*, 1977, no. 2, pp. 25–31.
5. Chuvakin A.A. (ed.) *Tvorchestvo V.M. Shukshina. Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Creativity of V.M. Shukshin. Encyclopedic referene book]. Barnaul: Altai State University Publ., 2004. V. 1. 330 p.
6. Shukshin V.M. *Nravstvennost' est' Pravda* [Morality is the Truth]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1979. 351 p.
7. Vorob'eva I.A. *Regional'naya kul'tura v leksike prozaicheskikh proizvedeniy V.M. Shukshina* [Regional culture in the vocabulary of the prose works of V.M. Shukshin]. In: Pishchal'nikova V.A. (ed.) *Proza V.M. Shukshina kak lingvokul'turnyy fenomen 60–70-kh godov* [Prose of V.M. Shukshin as a linguultural phenomenon of the '60s – '70s]. Barnaul: Altai State University Publ., 1997, pp. 105–147.
8. Shvedova N.Yu. (ed.) *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian grammar: in 2 v.]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 783 p.
9. Shukshin V.M. *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 v.]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1992. V. 2.
10. Shukshin V.M. *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 v.]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1992. V. 3.
11. Yartseva V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. 610 p.
12. Poryadina R.N. *O "magicheskoy" funksii deminutiva (na primere sredneobskikh govorov)* [On the "magic" function of the diminutive in the Middle Ob dialects]. In: Palagina V.V., Bankova T.B. (eds.) *Problemy leksikografii, motivologii, derivatologii* [On the "magic" function of the diminutive in the Middle Ob dialects]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1998, pp. 249–255.

Received: 02 May 2015

ИСТОРИЯ И МОТИВАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ГОРДОСТЬ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья является частью исследования лексико-семантического поля «гордость» в диахронном и этноспецифическом аспектах и посвящена исследованию мотивационных особенностей единиц лексико-семантического поля «гордость» на различных этапах развития русского языка. Хронологическая стратификация мотивационных моделей, функционирующих в рамках лексико-семантического поля «гордость», позволяет отслеживать изменения представления о понятии «гордость» в сознании носителей языка.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле; понятие «гордость»; мотивационная модель; история русского языка; внутренняя форма слова.

Данная статья представляет результаты исследования мотивационных особенностей лексико-семантического поля (ЛСП) «гордость» на различных временных этапах развития русского языка. Под ЛСП здесь понимается совокупность лексических единиц, имеющих общность денотата или значения, связанных парадигматическими и ассоциативными отношениями и имеющая специфическую структуру ядра-периферии [1. С. 99]. ЛСП в современном языкоzнании – инструмент описания лексической системы языка, позволяющий приблизиться через лексические данные к единицам ментального плана, увидеть специфику национального мировидения на определенном временном этапе.

В последние десятилетия достаточно глубокая разработанность понятия семантического поля в лингвистике позволяет исследовать ЛСП в различных аспектах, что, в свою очередь, приводит к значимым выводам не только в области лексикологии, лингвокультурологии, этнолингвистики, но и этимологии, мотивологии [2–5]. Как показала практика ряда научных школ¹, рассмотрение ЛСП в историческом, мотивационном и этимологическом аспектах может привести к интересным результатам по исследованию эволюции картины мира носителя языка [3, 6, 7].

Мотивационный анализ поля позволяет определить признаки предметов и явлений, выделяемые в сознании этноса, что дает возможность самым непосредственным образом выйти на картину мира. Сочетание этимологического-мотивационного анализа с историческим позволяет определить степень изменчивости устойчивости мотивационных моделей, действующих в составе ЛСП в истории языка, а также направление семантического развития этимологических гнезд, единицы которого формируют данное ЛСП [3].

Аксиологическая двойственность, а также культурная значимость понятия «гордость» обеспечивают интерес к презентирующим его единицам. Так, в последнее десятилетие особенное внимание было уделено функционированию понятия (концепта) «гордость» в русской и британской лингвокультурах при синхронном подходе (проведено исследование паремических единиц, маркирующих концепт «гордость», языковых метафор гордости, проведена реконструкция семантического центра концепта «гордость» в английском языке) [8–10]. В это же время в

последние 20 лет появились новые версии относительно этимологии рус. *гордый* и характера его генетических связей [11–13]. Однако представление ЛСП «гордость» в истории его развития с учетом данных всех форм национального русского языка до сих пор не проводилось. Вне поля зрения исследователей оставался также мотивационный аспект исследования данного ЛСП.

Как уже было отмечено, ЛСП подразумевает наличие в структуре ядра и периферии. Ядерными единицами являются те, что выражают понятие в более полном объеме, чем другие лексические единицы языка. В современном русском литературном языке ядром ЛСП «гордость» является прилагательное *гордый* и его дериваты. Данная единица двуоценочна. Анализ лексикографических источников XX – начала XXI в. показал, что прилагательное *гордый* в современном русском литературном языке выступает в значениях ‘обладающий чувством собственного достоинства, самоуважения’ (*гордый народ, гордая девушка*); ‘испытывающий чувство удовлетворения от сознания достигнутых успехов, чувство своего превосходства в чем-либо’ (*гордый предложением, гордый успехами*); ‘исполненный гордости; выраждающий гордость’ (*гордый вид, гордый взгляд*); .перен. ‘величественный, величавый’ (*гордые пальмы*); перен. ‘высокий, возвышенный’ (*гордый призыв*); ‘считающий себя выше, лучше других и с пренебрежением относящийся к другим; заносчивый, высокомерный’ [14. Т. 4. С. 296; 15. Т. 1. С. 332].

Семантический анализ дериватов *гордый* (*гордиться, гордость, гордец, гордячка, горделивый, горделивец, гордыня*) показывает, что в рамках анализируемого словообразовательного гнезда (СГ) лексические единицы, выраждающие понятие «гордость» как отрицательное качество, представлены в большем количестве². При этом анализ контекстов Национального корпуса русского языка [17] последнего двадцатилетия показал, что лексемы *гордый, гордость, гордиться* в большинстве случаев выражают положительную оценку со стороны субъекта речи.

В состав ЛСП «гордость» в современном русском литературном языке входят единицы 27 СГ, включая СГ с вершиной *гордый*, ЛСП «гордость» структурируется на субполя в соответствии с четырьмя значениями прилагательного *гордый*. Первая группа лек-

сем, соотносящаяся с основным значением прилагательного *гордый* ‘обладающий чувством собственного достоинства’, включает единицы *достоинство* (в значении ‘сознание своих человеческих прав, своей моральной ценности и уважение их в себе; внешнее проявление уважения к себе, сознания своей значимости’ [15. Т. 1. С. 437]), *самоуважение*, *самолюбие* (и его производные). Ко второй группе принадлежат единицы с семантическим компонентом ‘наличие причины, объекта гордости’, что соотносится с ЛСВ *гордый* ‘испытывающий чувство удовлетворения от сознания чьих-либо успехов’. Данные лексемы могут содержать как положительную оценку (сущ. *краса*, *украшение*, *жемчужина* ‘украшение, слава чего-либо’; о том, кто / что является лучшим среди прочих и увеличивает ценность, значимость чего-либо’ (*украшение общества*, *краса гимназии*), так и отрицательную (*кичиться* *чем-л.* и его производные).

Третья группа соотносится с третьим ЛСВ *гордый* ‘выражающий гордость’ и включает такие лексемы, как *величавый* ‘исполненный торжественной красоты, величия’ [14. Т. 3. С. 396–397], *величественный* ‘исполненный величия, торжественности, величавый; исполненный достоинства, важности’ [Там же. С. 397] (с положительным оценочным компонентом), *важный* ‘исполненный достоинства; величавый, гордый’ [Там же. С. 296] и их производные (с отрицательным оценочным компонентом).

Четвертая группа включает лексические единицы, выражающие понятие «гордость, высокомерие, надменность» (также с отрицательной оценкой): СГ *надменный*, *высокомерие*, *спесь*, *кичиться*, *чваниться*, единицы *напыщенный* ‘преувеличенно важный, кичливый’ [14. Т. 11. С. 313], *амбиция* ‘чрезмерное самомнение, самолюбие; спесь, чванство’ [Там же. Т. 1. С. 179], *амбициозный*, *форс*, *барский* ‘полный высокомерия’ [15. Т. 1. С. 62], разг. *зазнаться*, разг. *задаваться*, разг. *фанаберия* ‘неуместная, неоправданная гордость; спесь, чванство’ [Там же. Т. 4. С. 551], разг. *воображать* ‘быть чрезмерно высокого мнения о себе’ [14. Т. 3. С. 122; 15. Т. 1. С. 210], прост. *дуться* ‘важничать, гордиться’ [15. Т. 1. С. 454]), прост. *пыхнуться* ‘держать себя чванно, важничать, кичиться’ [Там же. Т. 3. С. 568].

Анализ мотивационных особенностей единиц ЛСП «гордость» современного русского литературного языка с живой внутренней формой выявил семь основных мотивационных моделей (ММ), действующих в составе данного поля:

- 1) ‘гордость’ < ‘любовь, уважение субъекта к самому себе’ (СГ *самолюбие*, *самоуважение*);
- 2) ‘гордость’ < ‘представление субъекта о себе как о значимом и положительном элементе общества’ (СГ *важный*, *достоинство* ‘сознание своей значимости, самоуважение’);
- 3) ‘объект гордости’ < ‘представление об объекте как о наиболее значимом, выдающимся из группы подобных’ (*жемчужина*, *краса*, *украшение* (в значении ‘объект гордости’)).

Единицы, образованные по данным ММ, несут положительную или нейтральную оценку. Исключе-

ния – прилагательные *важный* и *самолюбивый*, отличающиеся двойственностью оценки;

4) ‘гордость’ < ‘мнимое чувство превосходства в чем-либо; неоправданное завышение своего положения (СГ *высокомерие*, *занестись*). По данной ММ образуются единицы с отрицательным оценочным компонентом;

5) ‘гордость’ < ‘внешний вид, поведение субъекта, выражающие важность, значительность’. По данной ММ образуются лексемы с внутренней формой, указывающей на превышение нормы в размерах, в объеме (ср. *величавость*, *величавый*). В просторечии производящими единицами могут выступать слова, содержащие потенциальный семантический компонент ‘пустота, полость’ (ср. *пыхнуться*, *дуться*), что подчеркивает безосновательность притязаний субъекта качества. Аксиологический компонент единиц данной ММ – отрицательный;

6) ‘гордость’ < ‘неадекватное своему действительному положению в обществе поведение субъекта’ (малоупотреб. *бариться*);

7) ‘гордость’ < ‘мыслительная деятельность субъекта, в процессе которой формируется неадекватное представление о себе и окружающих’ (разг. *зазнаваться*). Аксиологический компонент – отрицательный.

Анализ мотивационных особенностей единиц ЛСП «гордость» показывает, что в современном русском литературном языке сильна связь гордости с выделением субъекта своими характеристиками или внешним видом и поведением из группы подобных (по ней образуются единицы как с положительным оценочным компонентом, так и с отрицательным) (ср. ММ-3, 4). Также гордость осмысляется через семантику высоты, изолированности (ММ-), направленности чувств, мыслей и эмоций субъекта на себя, что проявляется в наличии таких словообразовательных компонентов, как префиксOID *само-* (*самолюбие*, *самоуважение*) и постфикс *-ся* у глаголов (ср. *кичиться*, *чваниться*, *зазнаться*, *задаваться*). В русском литературном языке и просторечии продуктивна ММ, основанная на соотнесенности представлений о гордости с увеличением в объеме.

В русских диалектах прилагательное *гордый* и его дериваты также представляют ядерную часть ЛСП «гордость». Русские диалектные единицы СГ с вершиной *гордый* в большей степени выражают понятие «гордость» как отрицательное качество: зафиксированы лишь единичные случаи употребления диалектных единиц СГ с вершиной *гордый* в значениях, связанных с пониманием гордости как чувства собственного достоинства или чувства удовлетворения от сознания достигнутых успехов. Помимо этого семантика диалектных дериватов *гордый* выходит за пределы понятия «гордость» в понимании носителя современного русского литературного языка: единицы СГ с вершиной *гордый* в русских диалектах выражают другие качества характера, которые могут быть рассмотрены как смежные для гордости и высокомерия («дерзость», «грубость», «упрямство; непокорность», «пренебрежение, презрение», «хвастливость», «крикливость»,

вздорность; желание спорить», «вспыльчивость; гнев», «сердитость», «обидчивость», «угрюмость, необщительность» и др.), а также смежные понятия «чувство собственного достоинства», «величественность» и выражают положительную оценку («спокойствие», «пышность, красота», «красота», «смелость» и др.). Также единицы СГ с вершиной *гордый* выражают понятие «сила, крепость» (о голосе, напитках) (дон. каз. *гордый* ‘насыщенный, концентрированный, крепкий (о жидкости)’ (*Гордая острыя вода, ие пить нильзя...*) и «громкость» (*гордкий* ‘громкий (о голосе)’). Характерной диалектной особенностью единиц СГ с вершиной *горд-* является их повсеместное употребление с положительной оценкой в свадебном дискурсе (*гордые* влад. ‘родственники и первые гости за свадебным столом’, нижегор. ‘гости на свадьбе со стороны жениха’, ворон. *гордой обед* ‘обед у жениха после венчания’, фольк. арх. *гордокняжная* ‘при обращении к свату’ и др.) [18. Вып. 7. С. 29–31; 19. Вып. 7. С. 99; 20. С. 355]).

В лексикографических источниках, кроме дериватов слова *гордый*, было обнаружено еще около 320 диалектных единиц (112 СГ), выражают значение ‘гордость / гордыгортиться’. Анализ диалектного материала показывает, что большинство из них содержит отрицательную оценку со стороны субъекта речи. Мотивационный анализ диалектных единиц позволил выявить основные семантические схемы номинации, которые укладываются в семь мотивационных моделей. Отметим, что для данной работы принципиально принятие того факта, что в естественном языке в процессе функционирования частотно наличие вторичных мотивировочных признаков [21. С. 92–94], поскольку в основании номинации обычно лежит не один семантический компонент исходной единицы, а совокупность, зачастую потенциальных, семантических компонентов. По этой причине некоторые единицы можно отнести к нескольким ММ одновременно.

В русских диалектах наиболее продуктивной является мотивационная модель, основанная на связи гордости с мнимой важностью субъекта, проявленной в поведении (по ней образовано более 30% диалектной лексики) (1). В рамках этой модели в русских диалектах выделяется еще три подмодели: самой продуктивной из них является ‘гордость’ < ‘превышение нормы в объеме, в размерах (зачастую сопровождаемое внутренней полостью)’ (1.1) (казан. *дутик* ‘гордый, надменный, спесивый человек’) [18. Вып. 8. С. 274], перм. *пузыриться* ‘чваниться, важничать, спесивиться’ [Там же. Вып. 33. С. 116], вят. *расшепериваться* ‘заживничать, надуться, загордиться’ [Там же. Вып. 34. С. 324] и др. (около 13% всех диалектных единиц). Помимо этого продуктивна в русских диалектах подмодель, основанная на связи гордости с прямой осанкой, определенным положением головы, величавостью, неторопливостью и спокойствием движений субъекта (‘гордость’ < ‘осанка / походка’ (1.2), 12%). По ней в русских диалектах образуются единицы как с положительным оценочным компонентом (напр., фольк. *постатный* ‘горделивый, красивый (о походке)’ [Там же. Вып. 30. С. 216], так и с отрица-

тельный (костр., перм., твер. *осаниться* ‘принимать гордый, надменный вид’ [Там же. Вып. 23. С. 352]; перм., урал. *здыморыл* ‘человек с большим самомнением; гордец, зазнайка’ [Там же. Вып. 11. С. 239], волог. *сдергоносоватый* ‘важный, чванливый, напыщенный (о человеке)’ [Там же. Вып. 37. С. 65] и др.). В русском просторечии аналогом этих диалектных единиц является фразеологизм *задрать нос* ‘зазнаться’ [15. Т. 2. С. 509]. Единиц с подобной внутренней формой в русском литературном языке не зафиксировано.

Специфическим диалектным вариантом ММ ‘гордость’ < ‘мнимая внешняя важность субъекта’ является подмодель, основанная на связи гордости с поведением птиц и домашних животных (‘гордость’ < ‘поведение птиц, домашних животных’ (1.3), 12%): ср. урал. *курун* ‘о надменном, важничающем человеке’ (< *курун* ‘индейка’) [14. Вып. 16. С. 146]; ряз. *кочетком* ‘гордо, с независимым видом’ (< *кочет* ‘петух’) [18. Вып. 15. С. 131–132]; ворон. *конь-конем* ‘гордо, величаво’ [Там же. Вып. 14. С. 275]; пск., твер. *кудахтаться* ‘важничать, бахвалиться, хвастаться’ [Там же. Вып. 15. С. 396] и др.

Как и в литературном языке, в русских диалектах также функционирует ММ ‘гордость’ < ‘заященная самооценка субъекта, признание своего превосходства’ (2), представленная 11% проанализированной диалектной лексики. Мотивирующими для слов данной модели часто выступают единицы с семантикой высоты, возвышения: СГ *высокий* (*повысочеть* смол. ‘стать гордым, зазнаться’ [Там же. Вып. 27. С. 279]; *высеха* твер., пск. ‘гордячка; надменная, надутая девушка или женщина’ [Там же. Вып. 6. С. 19]; *высота* смол. ‘гордость’ [Там же. С. 25–26]). В русских диалектах отдельную группу в рамках данной ММ образуют слова с корнем *крас-*. Мотивирующим признаком для этих единиц является представление субъекта о своем внешнем превосходстве (тул., помор. *красоваться* ‘важничать, гордиться’ [Там же. Вып. 15. С. 197–198], смол. *красовка* ‘величанье, важничанье; жизнь в довольстве, в неге’ [Там же. С. 198]).

Также в русских диалектах функционирует зафиксированная в русском литературном языке ММ ‘гордость’ < ‘материальное благополучие / высокий социальный статус’ (3). К данной ММ относится 13% проанализированной диалектной лексики (волог. *забояриться* ‘зазнаться, загордиться’ [Там же. Вып. 9. С. 273]; влад. *забарсить* ‘зазнаться, стараться походить на барина’ [Там же. С. 246]; тамб., олон. *майориться* ‘важничать’ [Там же. Вып. 17. С. 305]). В диалектах, в отличие от литературного языка, единицы ЛСП ‘гордость’ могут также содержать во внутренней форме ссылку к материальному благополучию субъекта (влад. *бархатница* ‘зазнавшаяся франтиха’ [Там же. Вып. 2. С. 122] < лит. *бархат*).

Таким образом, три модели мотивации являются общими для современного русского литературного языка и русских говоров. Помимо вышеназванных мотивационных моделей, в русских диалектах функционируют еще четыре, нехарактерные для русского литературного языка. Так, одной из самых продук-

тивных (более 14% проанализированной лексики) является ММ «гордость» < ‘самоизоляция субъекта от социума’ (4). Гордый стремится отделиться, обособиться от окружающих, он утверждает личную значимость и независимость, что само по себе противопоставлено идеи русской соборности, а следовательно, отмечается говорящими как отклонение от нормы. В рамках этой модели выделяются три подмодели. В северорусских говорах распространены единицы, внутренняя форма которых указывает на интерпретацию гордости как качества, затрудняющего коммуникативное взаимодействие с субъектом («гордость» < ‘трудность коммуникативного взаимодействия с субъектом качества’ (4.1). К таким единицам относятся яросл. *недоступный* ‘гордый, важничающий человек’ [18. Вып. 21. С. 32], смол., пск. *неподступный* ‘высокомерный, надменный’ [Там же. С. 114]), а также ряд лексем, внутренняя форма которых указывает на связь гордости с жесткостью, колкостью предметов (ср. смол. *острый* ‘дерзкий, заносчивый’ [Там же. Вып. 24. С. 90], влад., новг. *еришиться* ‘кичиться, важничать, чваниться’ [Там же. Вып. 9. С. 37]). Выделяются также единичные случаи (5–6%), когда внутренняя форма диалектных лексических единиц со значением ‘гордый / гордость / гордиться’ указывает на не желание субъекта вступать в коммуникацию с окружающими, на его брезгливость и пренебрежение к окружающим (4.2 «гордость» < ‘брезгливость, игнорирование, пренебрежение’): *невзора* ‘надменный человек’ (*ленивый*, *непосесный*, *работяга*, *невзора-надутай*) [Там же. Вып. 20. С. 341]; перм. *невидим* ‘себялюбивый человек; эгоист’ [22. С. 355]). Среди диалектной лексики, выражающей понятие «гордость», фиксируется также ряд единиц с префиксами *само-* и *свое-* (забайк. *самкай* – ‘зазнавшийся, высокомерный человек’; яросл., арх. *самознай* ‘себялюбивый, хвастливый, высокомерный человек’ [18. Вып. 36. С. 87]; *самотный* бурят. ‘высокомерный; самолюбивый’ [Там же. С. 107]; прибайк. *своеумник* ‘упрямый, своеенравленный человек’ [Там же. С. 314]). В основе мотивации данных единиц лежит связь гордости с излишней самостоятельностью субъекта (4.3. «гордость» < ‘излишняя самостоятельность субъекта’).

Представление о гордости как об отрицательном, ‘неправильном’ качестве человека отражается во внутренней форме диалектных единиц, образованных по ММ «гордость» < ‘неестественные телодвижения, мимика’ (5) (более 13%). В основе этих единиц лежат такие семантические компоненты, как ‘ломаться’, ‘наклоняться’, ‘корчиться’, т.е. семантика изменения первоначальной (естественной) формы чего-либо (гнуть, сгибать). Данная ММ особенно активно проявляет себя в северных диалектах (ср. волог. *залом* ‘гордый человек’, новг., твер., пск. *заломиться* ‘возгордиться’, новг. *ломаньице* ‘важниchanье, заносчивость’ [18. Вып. 21. С. 117–120], пск., твер. *сгибениваться* ‘ломаться, чваниться, важничать’ [Там же. Вып. 37. С. 16], пск., твер. *зверняй* ‘гордец’ (< *звернуться* ‘загнуться’ [19. Вып. 11. С. 63]); волог., перм. *кособениться* ‘важничать чваниться’ [18. Вып. 15. С. 112]).

Определение диалектносителем гордости через особенности поведения субъекта отражается во внутренней форме единиц, образованных по ММ «гордость» < ‘желание выделиться внешне, обратить на себя внимание’ (6) (11% лексики). Данная ММ объединяет единицы, внутренняя форма которых указывает на особенности внешнего вида субъекта или его речевого поведения (ср. яросл., твер. *басить* ‘держаться гордо, важничать’ < *басить* ‘наряжаться, франтить’ [18. Вып. 2. С. 130]; волог. *базланить* ‘говорить напыщенно важно, свысока’ [Там же. С. 48] и др.).

В отличие от литературного языка в русских диалектах понятие «гордость» осмысливается также через другие черты характера, что отражается в функционировании в диалектах ММ «гордость» < ‘другие черты характера, особенности поведения (упрямство, наглость, жеманность, смелость)’ (7) (8%). В диалектах значения единиц, связанные с понятием «гордость», часто соседствуют со значениями, выражающими другие качества человеческого характера. В большинстве случаев «гордость» связывается со свойствами поведения, оценивающимися носителями языка негативно: наглость, угрюмость, нелюдимость, жеманство, упрямство, сложность характера (яросл. *мравный* ‘упрямый, самолюбивый, своеенравленный, с норовом’ (< *мрав* в значении ‘нрав’ [Там же. Вып. 18. С. 326]); олон., волог., тул., курск. *купороситься* ‘важничать, держаться нагло, заносчиво; куражиться’ [Там же. Вып. 16. С. 103–104] (< *купорос* на основе потенциального семантического компонента ‘вредный’); самар. *жеманный* ‘надменный’ [Там же. Вып. 9. С. 121]). Гордость в сознании носителя диалекта связывается также с храбростью, смелостью, на что указывает фиксация в вологодском фольклоре таких единиц, как *хоробриться* ‘гордиться’, *хоробро* ‘смело, храбро, гордо’ (*Удалой добрый молодец Не добро идет, не хоробро За столы за дубовые*) (по данным картотеки Словаря русских народных говоров).

Таким образом, анализ лексики, выражающей понятие «гордость» в русском языке, демонстрирует тенденцию к нарастанию положительной оценки в ЛСП «гордость» в литературном языке и существенное преобладание негативной оценки в русских диалектах: 90% найденной диалектной лексики со значением ‘гордость / гордый / гордиться’ содержит отрицательный аксиологический компонент.

Обращение к истории русского языка показывает, что в древнерусском языке прилагательное *гърдыни*, согласно лексикографическим источникам, обладало большим семантическим объемом, чем его аналог современного русского литературного языка. Так, в его семантической структуре зафиксированы значения ‘непокорный, дерзкий’, ‘высокомерный, надменный, кичливый’, ‘жестокий, губительный’, ‘суровый, безжалостный’, ‘страшный’, ‘славный, выдающийся’, ‘высокий, важный’ [23]. В структуре всего ЛСП «гордость», как и в семантическом поле прилагательного *гърдыни*, отрицательный оценочный компонент превалирует. Положительные коннотации отмечаются у единиц, выражающих значение ‘важность’, ‘величавость’.

Анализ семантических особенностей единиц ЛСП «гордость» в древнерусском языке указывает на то, что понятийная область гордости на исследуемом этапе развития языка была намного шире, чем в современном языке: гордость мыслилась не только как высокомерие, завышенная самооценка субъекта, но и как качество человека особенного социального статуса, способное проявляться в суровости, жесткости, жестокости субъекта. Гордость также связывалась с дерзостью, непокорностью субъекта. При этом гордость не мыслилась только как отрицательное качество, она связывалась также с какими-либо выдающимися характеристиками субъекта, с его отличностью от других подобных [23].

Проанализированный с точки зрения мотивационных отношений материал древнерусского позволил выделить шесть ММ, функционировавших в составе ЛСП «гордость» в древнерусском языке. Основные ММ представлены в статье [Там же]. Самыми продуктивными ММ в ЛСП «гордость» в древнерусском языке являются ММ (1) ‘гордость’ < ‘мнимое чувство превосходства в чем-либо (в социальном положении, в мыслительной деятельности)’ и (2) ‘гордость’ < ‘внешний вид, поведение субъекта, выражающие важность, значительность’³. В рамках ММ 2 могут выступать единицы с семантикой ‘превышение нормы в объемах, в размере’ (надменный, надыматися [24. Т. 5. С. 139; 21. Т. 2. С. 283]), величавыи [24. Т. 1. С. 384–386]); ‘осанка, внешний вид субъекта’ (кычывыи [Там же. Т. 4. С. 385], высокощиявыи [25. Т. 1. С. 452]); ‘речевое поведение, выражающее стремление субъекта казаться важнее, значительнее’ (вель-рѣчывыи ‘высокомерный, надменный’ [24. Т. 3. С. 25]). Единичными примерами представлены ММ ‘гордость / надменность’ < ‘обособление субъекта от социума вследствие ощущения превосходства над окружающими’ (3) (высокосердыи (XI в.) [25. Т. 1. С. 452]); ‘гордость / надменность < ‘завышенная оценка значимости своего мнения, желания’ (4) (самохотие (ХIII в.) [Там же. Т. 3. С. 251–253]) (подробнее см. [23]).

На данном этапе новые данные, полученные сплошной выборкой из словаря XI–XVII вв., позволяют дополнить эти сведения о мотивационной структуре ЛСП «гордость» в древнерусском языке еще двумя ММ. Так, по ММ ‘гордость’ < ‘пренебрежение, отсутствие внимания’ (5) образованы единицы с корневой морфемой з(о)р-: позорство ‘гордость, высокомерие’ (Яко же отъиде позорьствомъ отъ общения своего епископа, себе отлучить) (XII в.), ‘позор, бесчестье’ (XVII в.) [26. Вып. 16. С. 126–127], презоръ, презор ‘гордость, высокомерие’ (Сего ради удержася прѣзоръ до конъца одѣтия ся неправдою и нечестию своею) (XI в.); ‘пренебрежение, презрение’ [Там же. Вып. 18. С. 232] и др. ММ ‘гордость’ < ‘непокорность, дерзость, смелость’ (6), представлена в древнерусском языке единицами боуєсть ‘высокомерие, тщеславие, заносчивость’, боуии ‘самонадеянный, кичливый’ (ХIII в.), боуиство 1) ‘хвастовство, заносчивость’ (XII в.), боуявый ‘высокомерный, надменный, утонченный’ (XIV в.) [24. Т. 1. С. 323].

В XV–XVII вв. в структуре ЛСП «гордость» не происходит кардинальных перемен, однако в него включаются единицы СГ с вершиной спѣсь ‘высокомерие, чванство, спесь’; ‘вычурность, роскошь’ (вспѣсивство, спѣсивство, спѣсивый, спѣсь, спѣсть и др.) [26. Вып. 27. С. 24], заневѣдатися ‘зазнаться, стать спесивым’ (XVII в.) [Там же. Вып. 5. С. 250], себевозношение ‘самомнение’ (XVII в.) [Там же. Вып. 24. С. 8], высокоречие ‘высокомерная, кичливая речь’ (XVII в.) [Там же. Вып. 2. С. 253], высокоревнитель ‘надменный, гордый человек’ (XV в.) [Там же]. Таким образом, согласно лексикографическим источникам, с этого периода в мотивационной структуре ЛСП «гордость» начинает функционировать ММ ‘гордость’ < ‘мыслительная деятельность субъекта, в процессе которой формируется неадекватное представление о себе и окружающих’ (заневѣдатися), у ММ ‘гордость’ < ‘мнимое превосходство в чем-либо’ появляется новый вариант: ‘гордость’ < ‘мнимое превосходство, выраженное в речевом поведении субъекта’.

Кардинальные изменения в составе ЛСП «гордость» происходят именно в XVIII в., что, конечно, тесно связано с такими социально-культурными изменениями, как секуляризация, европеизация русской культуры, ослабление роли церкви. В это время в ядре ЛСП «гордость» (т.е. в СГ с вершиной *гордый*) появляются единицы, выражающие понятие ‘гордость’ с положительными коннотациями (ср. *гордость* ‘чувство собственного достоинства, самоуважения’ [27. Вып. 5. С. 168]), а также выражающие понятие ‘гордость’ как ситуативно обусловленное чувство превосходства (*гордость* ‘кичливость, гордость за что-либо’ [17]. Происходит разрыв связи данного СГ с понятиями ‘жестокость’, ‘супровость’, ‘страх’ (при этом связь с понятием ‘дерзость, строптивость’ сохраняется). В XVIII в. семантический объем СГ с вершиной *гордый* сужается до выражения понятия ‘гордость’ в его современном понимании.

В связи с семантическими изменениями СГ с вершиной *гордый* в XVIII в. происходят значительные изменения в структуре всего ЛСП ‘гордость’. В состав ЛСП включаются единицы с семантическими компонентами ‘гордость’, ‘внутреннее чувство’ и положительным оценочным компонентом: достоинство, амбіція (1) домогательство власти, властолюбие 2) ‘честолюбие, славолюбие’; ‘чувство собственного достоинства’ (Амбіція не допустила их [оскорбленных] остаться без сатисфакции); и ‘высокомерие, заносчивость’ (Описать невозможно всех изряднейших качеств сего кавалера, который... не только никакой амбіціи не имеет, но и напротив того весьма приятен) [27. Вып. 1. С. 58].

Таким образом, в этот период в мотивационной структуре поля появляется блок новых ММ: ‘гордый’ < ‘достойный, осознающий свои заслуги’ (достоинство), ‘гордый’ < ‘честолюбие, честь’ (амбіція). Помимо этого в словаре XVIII в. фиксируются единицы великолепствовать в переносном значении ‘гордиться, славиться чем-либо’), образованная по ММ ‘гордость’ < ‘внешнее величие, красота’. В этот период ММ ‘гордость’ < ‘пренебрежение, отсутствие внима-

ния', 'гордость' < 'непокорность, дерзость, смелость' снижают свою продуктивность (хотя сохраняются в диалектах). В субполе «гордость как отрицательное качество» существенно сокращается количество лексических единиц, принадлежащих ММ 'гордый' < 'выделяющийся мыслительной деятельностью'.

В XIX в. СГ с вершиной *гордый* сужает свою семантическую область, утрачивая связь с понятием «дерзость, непокорность». В остальном структура ЛСП «гордость» остается такой же. В это время в ЛСП «гордость» включаются заимствованная единицы *гонор* 'преувеличенное понятие о своей чести или достоинстве', 'ревнивое охранение своего достоинства в мнении посторонних людей' [28. Т. 1. С. 923]. Изменения происходят в мотивационной структуре субполя 'гордость, высокомерие'. Наиболее значительной новацией является появление единиц, образованных по ММ 'гордость' < 'стереотипное представление о поведении определенной социальной группы' (*барство* 'состояние, звание барина; сослование бар; все общие барские качества; хлебосольство; тороватость, властолюбие, тщеславие спесь и др.' [Там же. С. 123], *высокородничать* 'важничать' [Там же. С. 772]). ММ, основанная на связи гордости с превышением нормы в объеме и высоте, в XIX в. становится малопродуктивной: слова СГ с корневыми морфемами *высок* и *-вел-* уже не играют такой ключевой роли в построении ЛСП «гордость», как это наблюдалось на материале языка XI–XVII вв.

В XX в. общая структура ЛСП в русском литературном языке, а именно деление ее на субполия, остается такой же, что и в XIX в., однако в мотивационной структуре ЛСП появляется ММ 'гордость' < любовь, уважение субъекта к себе' (*самоуважение*). Сокращается продуктивность ММ 'гордость' < 'внешний вид или поведение, выраждающее важность', 'гордость' < 'мнимое превосходство в чем-либо'. Из состава ЛСП уходят единицы, образованные по ММ 'гордость' < 'мнимое превосходство в мыслительной деятельности'. В просторечии фиксируется единица *воображать о себе*, образованная по ММ, основанной на связи гордости с неадекватной самооценкой субъекта.

Современные литературные и диалектные ММ, основанные на связи гордости с неоправданным чувством собственного превосходства субъекта, а также с его стремлением выглядеть значительнее представлены в языке с древнерусского периода. ММ 'гордость' < 'мыслительная деятельность субъекта, в процессе которой формируется неадекватное представление о себе и окружающих' появляется в языке в великорус-

ский период и на протяжении всей истории русского языка не проявляет особой продуктивности. Появление литературной ММ 'гордость' < 'представление субъекта о себе как о значимом и положительном элементе общества' относится к XVIII в., когда понятие «гордость» начало осмысляться как чувство, оценивающееся положительно. ММ 'гордость' < 'неадекватное своему действительному положению в обществе поведение субъекта', функционирующая в русских диалектах и частично в русском литературном языке, берет свое начало в XIX в. Новацией литературного языка XX в. является появление в ЛСП «гордость» ММ, основанной на связи гордости с положительными чувствами, испытываемыми субъектом к самому себе (ММ 'гордость' < 'любовь, уважение субъекта к самому себе').

Диалектные единицы ЛСП «гордость» большей частью отражают мотивационные связи, возникшие в древнерусский и великорусский периоды. Так, например, мотивационные и семантические особенности диалектных единиц хранят следы древнерусской сочлененности понятий «гордость» и «непокорность, дерзость», «самоотделения субъекта от социума», а также «гордость», «храбрость» и «высокий социальный статус» (следы связи понятий «гордость» и «высокий социальный статус» сохраняются в диалектной свадебной обрядовой лексике). В великорусский период актуализируется связь гордости с изолированностью, с речевым поведением субъекта, которая остается актуальной в рамках русских диалектов. Специфическими в мотивационном плане диалектными единицами являются те, внутренняя форма которых указывает на связь гордости с неестественными телодвижениями и мимикой субъекта, а также с поведением домашних животных и птиц.

Для древнерусского периода особенно актуальной была связь гордости с мнимым превосходством субъекта в мыслительной деятельности, однако с XVIII в. эта связь ослабевает и в XX в. мотивационно уже не выражается. То же происходит с древнерусской ММ 'гордость' < завышенная оценка значимости своего мнения, желания': она теряет свою актуальность в XVIII в. В XVIII в. актуализируется связь между гордостью и честью, честолюбием субъекта, его внутренним достоинством. В современном русском языке связь понятий «гордость» и «внутреннее достоинство» сохраняется на мотивационном уровне во внутренней форме единицы *чувство собственного достоинства*, однако связь понятий «гордость» и «честь» мотивационно не маркируется.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например, московской под руководством Ж.Ж. Варбот, екатеринбургской (Е.Л. Березович, М.Э. Рут и др.).

² Это объясняется существующей в языковом выражении асимметрией положительного и отрицательного: средства выражения отрицательной оценки всегда представлены в языке многообразнее и богаче, чем положительной [16. С. 19–21].

³ В статье [23] две эти ММ рассматриваются как варианты одной модели «гордость» < 'внешне подчеркнутое превосходство над чем-либо'.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
2. Топоров В.Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа // Исследования по этимологии и семантике. Т. 1 : Теория и некоторые частные ее приложения. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 19–40.

3. *Варбот Ж.Ж.* Опыт историко-этимологического исследования лексико-семантических полей в семинаре по русской этимологии // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии: материалы междунар. науч. конф. (Москва, 26–28 ноября 2013 г.). М., 2013. С. 53–56.
4. *Хелемендик А.В.* Генетическая характеристика лексико-семантического поля ‘ругать(-ся)’ в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 206 с.
5. *Мельникова С.А.* Мотивационная и генетическая характеристика лексико-семантического поля «сила, здоровье / слабость, болезнь» в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 26 с.
6. *Березович Е.Л.* К этнолингвистической интерпретации семантических полей // Вопросы языкоznания. 2004. № 6. С. 3–25.
7. *Варбот Ж.Ж.* Морфо-семантическое поле лексемы в этимологическом словаре и возможности его реконструкции // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 1995. № 4. С. 60–65.
8. *Малахова С.А.* Образная составляющая концепта «гордость» / «pride» в русском и английском поэтическом дискурсе // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 3. С. 163–169.
9. *Попова Н.В.* Отражение саморефлексии человека в британской лингвокультуре (на примере концепта гордость) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 201 с.
10. *Мурысов Р.З., Самигуллина А.С.* Метафорические модели гордости в британской лингвокультуре: корпусно-ориентированный подход // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 10 (301). Филология. Искусствоведение. Вып. 76. С. 68–65.
11. *Кретов А.А.* «Гордый»: славянская этимология // Этимология 2006–2008 : сб. ст. / Ж.Ж. Варбот (отв. ред.) ; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М. : Наука, 2010. С. 115–134.
12. *Петлева И.П.* Этимологические заметки по славянской лексике. XVII // Этимология. 1988–1990 : сб. ст. / Трубачев О.Н. (отв. ред.) ; Ин-т рус. яз. РАН. М. : Наука, 1993. С. 52–57.
13. *Kralik L.* Urslawisch *gъrdъ und seine baltischen Parallelen // Studia etymologica Brumensia. Praha, 2000. P. 305–309.
14. *Большой академический словарь русского языка / К.С. Горбачевич, А.С. Герд. (гл. ред.).* М. ; СПб. : Наука, 2004–2013. Т. 1–22.
15. *Словарь русского языка : в 4 т. / А.П. Евгеньева (ред.).* 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981–1984.
16. *Национальный корпус русского языка.* URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.01.2015).
17. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М. : Наука, 1985. 228 с.
18. *Словарь русских народных говоров / Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов (гл. ред.).* М. ; Л. : Наука, 1968–2013. Вып. 1–45.
19. *Псковский областной словарь с историческими данными / Санкт-Петербургский государственный университет, межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б.А. Ларина.* Л., 1967–2009. Вып. 1–21.
20. *Малеча Н.М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков : в 4 т. Оренбург : Оренбург. кн. изд-во, 2002–2003.
21. *Блинова О.И.* Мотивология и ее аспекты. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007.
22. *Словарь говоров Соликамского района Пермской области / О.П. Беляева (сост.).* Пермь, 1973.
23. *Кузнецова О.А.* Мотивационная структура лексико-семантического поля «гордость» в древнерусском языке // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 26–29.
24. *Словарь древнерусского языка : в 10 т. / Р.И. Аванесов, В.Б. Крысько (гл. ред.).* М. : Рус. яз., 1988–2013.
25. *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка / И.И. Срезневский (сост.). Репринт. изд-е. М., 1989.
26. *Словарь русского языка XI–XVII веков / Ин-т рус. яз. РАН.* М. : Наука, 1975–2008. Вып. 1–28.
27. *Словарь русского языка XVIII века / Ин-т лингвист. исслед. РАН.* Л. : Наука, 1984–2013. Вып. 1–20.
28. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка / Б. де Куртене (ред.). 4-е изд., испр. и доп. СПб. ; М., 1912. Т. 1.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 11 июня 2015 г.

HISTORY AND MOTIVATIONAL STRUCTURE OF THE LEXICAL SEMANTIC FIELD “PRIDE” IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 10–17. DOI: 10.17223/15617793/395/2

Kuznetsova Olga A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: o.kuz.89@gmail.com

Keywords: lexical-semantic field; concept “pride”; motivational model; history of the Russian language; word inner form.

This article is a part of the study of the lexical-semantic field (LSF) “pride” in the diachronic and ethnosemantic aspects and deals with the study of motivational features of the LSF “pride” units at different stages of the Russian language. The field motivational analysis allows identifying the features of objects and phenomena existing in an ethnos’s mind, which gives an opportunity to see the world-image of an ethnic group. Chronological stratification of the motivational models operating within the LSF “pride” allows watching how the concept “pride” changes in the minds of language bearers. The research is conducted on the data of lexicographical sources, as well as data of the National Corpus of the Russian language. In the modern Russian literary language, six motivational models operate in the LSF “pride”. Lexicographical sources and corpus data analysis shows that some of them are presented in language since the Old Russian period. They are motivational models based on connection between pride and unjustified subject’s sense of superiority (comp. *arrogance*) and between pride and subject’s desire to look more important (comp. *coll. to swagger*). The modern colloquial motivational model “pride” < ‘intellectual activity of the subject forming an inadequate understanding of oneself and others’ (comp. *to overween*) began to operate in the 15th – 16th centuries. The emergence of the literary motivational model ‘pride’ < ‘subject’s notion about him-/herself as a significant and positive element of society’ (comp. *dignity*) refers to the 18th century, when the concept “pride” began to be interpreted as a feeling evaluated positively. The MM “pride” < ‘subject’s behavior irrelevant to his/her actual social position’ originates in the 19th century (comp. *self-esteem*). The dialectal LSF “pride” mostly reflects the motivational connection of the Old Russian and Great Russian periods. For instance, motivational and semantic features of dialectal units preserved the Old Russian connections between concepts “pride” and “recalcitrance, insolence”, “subject’s self-isolating from society”, “courage” and “high social status”. Lexis motivational analysis shows that dialect connections between pride and self-isolation as well as specific speech behavior were actualized in the Great Russian period. A part of motivational models that operated in LSF “pride” earlier are not presented in modern language. In the Old Russian period, the connection between pride and imaginary intellectual superiority was particularly relevant, but from the 18th century, this relationship weakened and already in the 20th century this connection was not expressed motivationally. the same happened to the Old Russian motivational model “pride” < ‘overestimation of the importance of one’s opinions, desires’: it lost its relevance in the 18th century.

REFERENCES

1. Kobozeva I.M. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2000. 352 p.
2. Toporov V.N. *Issledovaniya po etimologii i semantike* [Studies on etymology and semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. V. 1, pp. 19–40.
3. Varbot J.J. [Experience of the historical and etymological study of lexical-semantic fields in a seminar on the Russian etymology]. *Slavyanskie yazyki i literatury v sinkhronii i diakhronii: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Slavic languages and literature in synchrony and diachrony: Proceedings of the international scientific conference]. Moscow, 2013, pp. 53–56. (In Russian).
4. Khelemendik A.V. *Geneticheskaya kharakteristika leksiko-semanticeskogo polya 'rugat'(-sya)' v russkom yazyke*: dis. kand. filol. nauk [Genetic characterization of the lexical-semantic field 'curse' in the Russian language. Philology Cand. Diss.]. Moscow, 2007. 206 p.
5. Mel'nikova S.A. *Motivatsionnaya i geneticheskaya kharakteristika leksiko-semanticeskogo polya "sila, zdorov'e / slabost', bolez'" v russkom yazyke*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Motivational and genetic characterization of the lexical-semantic field "strength, health / weakness, sickness" in Russian. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Moscow, 2011. 26 p.
6. Berezovich E.L. K etnolingvisticheskoy interpretatsii semanticheskikh poley [On ethno-linguistic interpretation of semantic fields]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2004, no. 6, pp. 3–25.
7. Varbot J.J. Morfo-semanticeskoe pole leksemy v etimologicheskem slovare i vozmozhnosti ego rekonstruktsii [Morpho-semantic field of a word in the etymological dictionary and the possibilities of its reconstruction]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 1995, no. 4, pp. 60–65.
8. Malakhova S.A. The metaphorical component of the concept "pride" in Russian and English poetic discourse. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2009, no. 3, pp. 163–169. (In Russian).
9. Popova N.V. *Otrazhenie samorefleksii cheloveka v britanskoy lingvokul'ture (na primere kontsepta gordost')*: dis. kand. filol. nauk [Reflection of human self-reflection in the British linguoculture (on the example of the concept "pride"). Abstract of Philology Cand. Diss.]. Moscow, 2007. 201 p.
10. Muryasov R.Z., Samigullina A.S. Metaphorical Models of PRIDE in the British Linguistics and Culture: a Corpus-Based Approach. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 10 (301), pp. 68–65. (In Russian).
11. Kretov A.A. "Gordy": slavyanskaya etimologiya ["Proud": Slavic etymology]. In: Varbot J.J. (ed.) *Etimologiya 2006–2008* [Etymology 2006–2008]. Moscow: Nauka Publ., 2010, pp. 115–134.
12. Petleva I.P. *Etimologicheskie zametki po slavyanskoy leksike. XVII* [Etymological Notes on Slavic vocabulary. XVII]. In: Trubachev O.N. (ed.) *Etimologiya. 1988–1990* [Etymology. 1988–1990]. Moscow: Nauka Publ., 1993, pp. 52–57.
13. Kralik L. *Urslawisch *g"rd" und seine baltischen Parallelen*. In: *Studia etymologica Brumensiæ*. Prague, 2000, pp. 305–309.
14. Gorbachevich K.S., Gerd A.S. (eds.) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Big Academic Dictionary of Russian]. Moscow; St. Petersburg: Nauka Publ., 2004–2013. V. 1–22.
15. Evgen'eva A.P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of Russian language: in 4 v.]. 2nd edition. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1981–1984.
16. The Russian National Corpus. Available from: <http://ruscorpora.ru>. (Accessed: 12.01.2015). (In Russian).
17. Vol'f E.M. *Funktional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 228 p.
18. Filin F.P., Sorokoletov F.P. (eds.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1968–2013. Is. 1–45.
19. *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov Oblast Dictionary with historical data]. Leningrad – St. Petersburg: St. Petersburg (Leningrad) State University Publ., 1967–2009. Is. 1–21.
20. Malecha N.M. *Slovar' govorov ural'skikh (yaitskikh) kazakov: v 4 t.* [Dictionary of dialects of Ural (Yaik) Cossacks: in 4 v.]. Orenburg: Orenburg. kn. izd-vo Publ., 2002–2003.
21. Blinova O.I. *Motivologiya i ee aspekty* [Motivology and its aspects]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2007.
22. Belyaeva O.P. *Slovar' govorov Solikamskogo rayona Permskoy oblasti* [The dictionary of dialects of the Solikamsk area of Perm region]. Perm: Perm State Pedagogical University Publ., 1973. 706 p.
23. Kuznetsova O.A. Motivational structure of lexical-semantic field "pride" in the Old Russian language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2013, no. 375, pp. 26–29. (In Russian).
24. Avanesov R.I., V.B. Krys'ko (eds.) *Slovar' drevnerusskogo yazyka: v 10 t.* [Dictionary of the Old Russian language: in 10 v.]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1988–2013.
25. Sreznevskiy I.I. *Slovar' drevnerusskogo yazyka* [Dictionary of the Old Russian language]. Moscow: Kniga Publ., 1989.
26. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vekov* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1975–2008. Is. 1–28.
27. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Leningrad: Nauka Publ., 1984–2013. Is. 1–20.
28. Dahl V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. 4th edition. St. Petersburg; Moscow, 1912. V. 1.

Received: 11 June 2015

ГЕРОИНЯ КОМИЧЕСКОГО ЭПОСА ЛИСА И «ВОЛКИ И ОВЦЫ» А.Н. ОСТРОВСКОГО (К ВОПРОСУ ОБ ЭПИЗАЦИИ ДРАМЫ)

Рассматривается вопрос об эпизации комедии А.Н. Островского «Волки и овцы» как процессе творческого осмысления писателем традиций комического эпоса, в частности архетипа Лисы. Образ Глафиры – героини сатирической комедии «Волки и овцы», наделенной чертами Лисы, – рассматривается в контексте русских народных сказок – басен И.А. Крылова – эпической поэмы «Рейнеке-Лис» И.В. Гете. Содержание и поэтика данного образа связаны с развитием концепта охоты и служат эпическому обогащению комедии.

Ключевые слова: А.Н. Островский; «Волки и овцы»; образ Лисы; концепт охоты; эпизация драмы; комический эпос; И.А. Крылов; И.В. Гете.

Одним из способов эпизации в драматических произведениях А.Н. Островского является разработка концепта охоты. Интересный материал в этом плане представляет исследование семантики и поэтики комедии «Волки и овцы» (1875).

При создании пьесы драматург опирался на эпическое истолкование концепта охоты как способа изображения основ национального быта и духовной жизни русского общества, которое получило воплощение в русской прозе 1840–1860-х гг., в первую очередь в произведениях С.Т. Аксакова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого.

В комедии «Волки и овцы» концепт охоты сохраняет эпическую значимость, раздвигая пространственные и временные границы событий, наполняя драматическое действие материалом, имеющим характер важной по содержанию информации об обстоятельствах повседневной жизни провинциального русского дворянства (занятия охотой, общение с природой). Однако в пьесе Островского, в сравнении с тургеневскими «Записками охотника», меняется сама структура эпического, осложняется ракурс исследования. Внимание к духовному здоровью и целостности, составляющим основу национального единства (охота за красотой), сочетается с актуализацией вопроса о противоречивой сущности быта и духовной жизни русского пореформенного общества.

Содержание и поэтика концепта охоты (волки и овцы), строящегося на антитезе нравственно-этических и социальных представлений (сила – слабость, власть – беззащитность, грех – святость и др.), восходят у Островского к комическому эпосу, к образной системе фольклора (сказки о животных, басни, пословицы, поговорки) и литературных жанров, ориентированных на народное творчество.

В качестве заглавия комедии «Волки и овцы», как и его вариантов («Ловит волк, ловят и волка», «Волк и овцы» [1. С. 138]), Островский взял крылатое выражение, в котором в сжатой, свернутой форме представлена драматическая коллизия неравной схватки в двух вариантах развития: преследование волком овцы и возможность охоты на волка, попадающего в положение овцы. Оба эти варианта, получившие воплощение в развитии драматического конфликта комедии, дали драматургу возможность показать особенности социальных противоречий, связанной с ними нрав-

ственной мимики, составившей основу психологического рисунка характеров.

Среди волков в стае хищников в комедии Островского оказывается персонаж, наделенный чертами Лисы. Номинация Лисы встречается в пьесе только один раз – в реплике Лыняева, который оценивает способности Глафиры как хищницы: «Смотрит личикой, все движения так мягки, глазки томные, а чуть зазевался немножко, так в горло и влепится» [2. Т. 4. С. 134].

Образ «бедной девицы» Глафиры получает полную характеристику через особенности ее речевого портрета и комплекса устойчивых значений, закрепленных за Лисой в фольклорной, а также литературной европейской и национальной традиции. В этом отношении весьма интересным оказывается рассмотрение особенностей данного образа в жанровой цепочке: русская народная сказка о животных – басенная классика И.А. Крылова – эпическая поэма И.В. Гете «Рейнеке-Лис» – комедия А.Н. Островского «Волки и овцы».

Характеристика и аллегорическое воплощение архетипического образа Лисы формируют особый тип героини-охотницы, дающий широкое представление о мире хищников и их жертв: в «Волках и овцах» человеческий персонаж обретает зооморфные черты, в произведениях Крылова, Гете, а также в русской народной сказке, наоборот, в образе животного прослеживается характеристика, свойственная человеку.

Ранней повествовательной формой, в которой формируется амбивалентный образ Лисы, становится сказка о животных. Важнейшей особенностью такой сказки является принцип универсальной целостности и единства животных и людей, что объясняет присутствие в образах бестиария не только инстинктивных, но и моральных, общечеловеческих качеств. Художественное сочетание реалий быта, повседневной жизни человека и зооморфных явлений образует в сказке синтез правдоподобия и вымысла, обусловливая ее эстетическую значимость. «В центральном образе животного эпоса – лисе, – пишет В.А. Бахтина, – выражена не только хитрость, но и смекалка, ум, упорство, находчивость, назойливость, лицемерие и пр. <...> Как диалектично сложно само представление о хитрости, выраженное в сказке народом, так неравнозначна и оценка ее» [3. С. 20].

Образ сказочной Лисы показателен и тем, что при единстве внутренней организации – Лиса всегда голодная, мудрая, находчивая, как «сметливая баба», и т.д. – он получает целостность и завершенность путем раскрытия разносторонней характеристики: Лиса голодная, используя всю свою хитрость и смекалку, может остаться ни с чем; или Лиса крайне осторожная, медленно поедающая запасы волка, выходит «сухой из воды». Плутовка для утоления голода использует все возможные средства: обман ценой жизни другого животного, осуществляемый посредством слов и действий как результат движения внутренних побуждений и инстинктов. Психологический портрет Лисы создается через осмысление ее речевых действий – вербального воплощения ее хитрых умыслов посредством комического развития образа. Однако русская сказка о животных, ориентированная на простого читателя или слушателя, «не представляет удобного материала для наблюдений над психологическими тонкостями» [4. С. 94], ставшими центром внимания в баснях Крылова, поэме Гете и комедии Островского.

Дидактические свойства русской сказки о животных получают развитие в басенной классике И.А. Крылова, где эпический образ Лисы играет чрезвычайно важную роль. Басня, отмечает В.А. Жуковский, «есть мораль в действии; в ней общие понятия нравственности, извлекаемые из общежития, применяются... к случаю частному и посредством сего применения делаются ощущительнее» [5. С. 402]. В образе басенной Лисы сохраняются ее сказочные черты, свойственные неумолимой хищнице. Разносторонняя характеристика Лисы дается Крыловым в целом ряде басен: «Ворона и Лисица» (1807), «Мор зверей» (1809), «Крестьянин и Лисица» (1811), «Воспитание Льва» (1811), «Лисица и Сурок» (1813), «Добрая Лисица» (1814), «Лиса-строитель» (1815), «Волк и Лисица» (1816), «Лев и Лисица» (1818–1819), «Крестьянин и Овца» (1821), «Пёстрые овцы» (1821–1823).

В басенном творчестве Крылова образ Лисы, сохраняя общечеловеческие начала, обогащается социальным и психологическим содержанием, обретая черты национального характера и сатирическую направленность в изображении общественных нравов русского общества первой половины XIX в.

В разработке мотива охоты и образа Лисы-охотницы важное место в истории европейской литературы занимает поэма И.В. Гете «Рейнеке-Лис» (1793), написанная по мотивам средневекового «Романа о Лисе» (XII–XIV вв.). В поэме Гете развернута социально-психологическая картина нравов европейской жизни, отображающая в деталях особенности мышления, поведения и судьбы героев. Под масками животных изображается борьба представителей разных сословий, в частности трикстерские проделки Лиса в отношении других персонажей.

Островский был знаком с поэмой Гете «Рейнеке-Лис», опубликованной в переводе М.М. Достоевского в «Отечественных записках» 1848 г. [6]. Об этом свидетельствует текст письма А.Н. Островского и Т.И. Филиппова к Б.Н. Эдельсону от 28 февраля

1848 г.: «Читали мы в “От[ечественных] за[писках]” превосходнейший перевод (М. Достоевского) древней германской легенды. Если ты не читал, то советуем тебе исправить сию твою ошибку в наискорейшем времени. Это очень хорошее приобретение нашей литературы» [2. Т. 11. С. 13–14].

Поэма Гете, созданная в атмосфере общеевропейского потрясения событиями Французской революции, представляет собой сатирическую характеристику не только Средневековья. Обращение к сказочной традиции давало возможность Гете нарисовать обобщенную картину нравов современной Европы. Показателем общественной остроты содержания поэмы может быть публикация ее в «Отечественных записках» 1848 г. Перевод М.М. Достоевского, выполненный «по возможности подстрочно» [6. Т. LXI. С. 271], в ситуации новой волны европейских потрясений, связанных с событиями Французской революции 1848 г., был напечатан с купюрами. Строками точек были заменены не только описания физиологического характера, но в основном – стихи, заключающие в себе характеристику хищных повадок и безнравственности представителей высшего сословия, включая Лису, Волка и короля Льва¹.

Таким образом, осуществляя замысел создания сатирической комедии о русской жизни середины 1870-х гг., Островский опирался на богатую фольклорную традицию в русской и европейской литературе, открывшей классической драматургии энциклопедию лицемерия, механизмы манипуляции при помощи хитрости, давшей обобщенную и вместе с тем развернутую психологическую и социальную разработку образов животных, в том числе и Лисы.

В эпоху расцвета русского социально-психологического романа Островский по сказочно-басенному принципу создает художественный образ героини, отличающийся тонкостью и достоверностью психологического рисунка и острой социальной направленностью в адрес несправедливой и безнравственной морали общества².

В развитии концепта охоты и образа Глафиры обнаруживается глубокая связь драматурга с комическим эпосом. В сказках и баснях Лиса – неоднозначный персонаж: с одной стороны, она занимает свое место в системе басенных образов – голодных волков, жалких овец, с другой – Лиса выполняет роль трикстера, оказывая особенное влияние на развитие других образов, обостряет протекание конфликта и выходит победительницей в опасных ситуациях. Басенная Лиса оказалась способной «превести» совершенно разных представителей мира животных, независимо от возможностей их внутреннего потенциала, определенного мно-говековой народной культурой. Так, в результате речевых действий лисы ворона оказывается без сыра (ласково-льстивый характер), овцы, куры и птенцы – съеденными (поучение и ложь), волки и львы – голодными и обманутыми (ласковость и лицемерие).

Для Лиса, героя поэмы Гете, охота – единственная форма существования. В своем «покаянии» перед королем («Выдумать что поновее, получше, и жизнь даровал бы / Мне король умиленный») он признается:

Я в этом собраны
Ни одного не встречаю, кого бы я не обидел
[6. Т. LXI С. 295–296].

Глафира, героиня комедии Островского, предстает впервые в третьем явлении первого действия с авторской ремаркой: одета «в грубое черное шерстяное платье» [2. Т. 4. С. 118]. Бедная родственница влиятельной помещицы Мурзавецкой проживает в ее имении. Для осуществления своего главного плана – выйти замуж за богатого барина Лыняева – Глафира использует ряд ухищрений, постоянно пребывая в состоянии охоты.

«Бедная девица» Глафира – двойник своей благодетельницы Мурзавецкой, ставшей организатором аферы с поддельными векселями. Так же, как и Мурзавецкая, Глафира на протяжении всей пьесы предстает в разных ликах, свойственных типу сказочного, басенного и европейского трикстера. У нее три главных выхода, которые обнаруживают новые грани характера и поведения, определяющие развитие этого образа и каждый раз связанные с развитием мотива охоты:

1. Глафира в доме Мурзавецкой в отношениях с теткой и Аполлоном демонстрирует смиренное существование; находясь во внутренне напряженном ожидании охоты, разрабатывает план нападения.

2. В усадьбе купчихи Купавиной Глафира выслеживает добычу (Лыняева), заманивает в «любовные» сети и ловит жертву.

3. В последнем визите к Мурзавецкой Глафира в качестве невесты и уже на правах гостьи предстает победительницей в охоте за мужем, самодовольной Лисой.

Сквозная тема комедии «Волки и овцы» – грех и праведность. С ее развитием Лиса получает широкую и многостороннюю характеристику за счет обладания разными качествами и способностями, ведущими ее по греховному пути, – это ум, хитрость, смекалка, лицемерие, лесть, изворотливость, красноречие, лукавство, умение давать советы и устанавливать законы и др.

Постановка темы святости и греховности как центральной при характеристике Лисы была глубоко разработана в баснях Крылова и в поэме Гете.

У Крылова Лиса – законодатель моральных истин, главный судья в спорах по этическим проблемам:

Но лучше б нам сперва всем вместе перечесть
Свои грехи: на ком их боле есть, –
Того бы в жертву и принесть,
И было бы богам то более угодно. –
<...>
О царь наш, добрый царь! От лишней доброты, –
Лисица говорит, – в грех это ставиши ты.
Коль робкой совести во всём мы станем слушать,
То придет с голоду пропасть нам наконец
(«Мор зверей») [8. С. 32].

Тема греха и праведности – одна из ведущих в характеристике Лисы. Он любит вести речи о своей святости, создавать имидж схимника, отшельника. Не без восхищения об этом говорит его племянник барсук:

Жизнь свою изменил он,
Ест только по разу в день, живет одиноко,
как схимник,

Плоть распинает свою, бичует себя ежедневно,
Молится, носит на теле голом своем власяницу
И уж давно от дичины и пищи мясной отказался...
<...>

И строит
Где-то пещеру себе. А как похудел он, бедный,
Как побледнел от поста и других воздержаний,
В том вы сами, конечно, взглянув на него, убедитесь
[6. Т. LXI. С. 275].

Лис, отлученный Папой за грехи, распускает слухи о своем решении посетить Рим:

С духом собравшись, с восходом
солнечным завтра пуститься
На покаяние в Рим, молить грехам отпущенья...

[Там же. С. 303].

И получив согласие короля на путешествие, Лис нагло и откровенно смеется над глупым королем:
А как увидит обман, так страшно станет сердиться.
Можешь представить себе, сколько лгать мне
там приходилось,
Чтоб от них ускользнуть; дело-то шло ведь о шее!

[Там же. С. 309].

Жене же своей, фрау Армелине, встревоженной возможными преследованиями, Лис отвечает:

Милая женушка, вы не грустите – не стоите! – ответил
Рейнеке. – Слушайте и согласитесь: страшно –
не клясться,
Страшно – попасться. Мудрец-исповедник сказал
мне однажды:
«Клятва по принуждению недорого стоит». Мне лично
Трижды начхать! Я имею в виду свой обет.

Вам понятно?

[7. С. 83].

Отношение Рейнеке к понятию греха уточняется автором:

Волокитство, убийство, разбой и измену считал он
Делом вовсе негрешным

[6. Т. LXI. С. 285].

В комедии Островского образы Мурзавецкой и Глафиры типологически сходны – обе героини носят маску святости и добродетели, искусно представляя свой дом в качестве монастыря, и впоследствии обнажают истинную сущность охотниц. Образ Глафиры, рядом с сильной по характеру и грубой по манерам Мурзавецкой, дополняет картину нравов – показывает разнообразие проявления масок лицемерия и безнравственности как закономерности поведения пореформенного дворянства. Женский, хитрый вариант хищницы оттеняет и дополняет образ Мурзавецкой. Как справедливо указывают исследователи творчества А.Н. Островского, одним из реальных источников истории и образа Мурзавецкой является нашумевший судебный процесс над игуменьей Митрофанией (в миру – баронессой Розен), судимой за подлог [9–12]. И если при создании образа Мурзавецкой важную роль для характеристики играет сюжет, постоянные рассуждения героини на тему святости и греха, а зооморфные метафоры ведут опосредованно к сравнению ее с волком, то образ Глафиры строится на прямом, непосредственном соотношении с образом Лисы.

Из уст Лыняева Глафира получает номинацию и характеристику Лисы: «смотрит лисичкой» [2. Т. 4. С. 134]; «но ведь так можно поймать человека только

тогда, когда он любит» [2. Т. 4. С. 172]; «а там только пооплошай, и запрягут!» (как сказочная небитая Лиса – битого Волка) [Там же. С. 173]. Глафира в отношениях с другими персонажами ведет себя очень осторожно, прикрываясь маской праведности, однако в finale пьесы, осмелив, позволяет себе резкие высказывания в адрес «пойманного» мужа: «...ты толстеешь так, что ни на что не похоже. Мы в Париж поедем, ведь самому будет совестно таким медведем приехать» (физическая полнота и неповоротливость Лыняева на протяжении пьесы коррелирует и с метафорическими качествами, свойственными сказочному Медведю, – доверчивостью и опрометчивостью) [Там же. С. 206]. А в авторской ремарке образ Лисы-Глафиры дополняется, типологически сближаясь с образом Рейнеке-Лисы: «из-за портьеры смотрит на него страстным, хищническим взглядом, как кошка на мышь» [Там же. С. 185]. С апелляцией к игре в «кошки-мышки» вводится характеристика еще одной черты – кровожадности, ведущей к неминуемому поражению жертвы.

В диалогах с Купавиной, которая «попалась» [Там же. С. 154] в силки другого хищника – Беркутова, Глафира изображает благородную набожную девицу, отрицающую все земное. Наряду со смиренностью и послушанием она демонстрирует свои умственные способности, выступая в роли прекрасной слушательницы и советчицы: «Ах, это вы? (Опускает книгу.) Я давно собиралась к вам; сельская природа так располагает к благочестивым размышлению» [Там же. С. 150]; «Рада служить вам всем, чем могу. Откройте мне свою душу! Впрочем, не надо, я догадываюсь. Вы женщина светская, значит, легкомысленная, – вы влюблены?» [Там же].

Подобно Рейнеке, Глафира резко меняет позицию, когда понимает, что от Купавиной нечего скрывать:

Глафира. Люблю? О нет, зачем же! Но я хочу выйти за него замуж, – это моя единственная надежда, единственная мечта.

Купавина. Но что же значит ваш костюм, ваше поведение, ваши проповеди?

Глафира. Мой костюм, поведение, проповеди – все это маска. Я буду с вами откровенна, только помогите мне [2. Т. 4. С. 151].

Отличительная черта сказочной и басеной Лисы, получившая отражение и развитие в образе Глафиры, – ум, способность создать своего рода авторитет среди других персонажей: крестьянин нанимает Лису охранять курятник («Крестьянин и Лисица»), лев рассматривает возможность отдать на воспитание Лисе своего преемника («Воспитание Льва»), в другой басне лев просит Лисицу построить «курятный двор» («Лиса-строитель»), волк приходит к Лисе пожаловаться на свое голодное существование («Волк и Лисица»).

В разных баснях образ Лисы дополняется новыми характеристиками, обретая многогранность и особую значимость: Лиса льстивая, хитрая, ленивая («Ворона и Лисица»); «праведная» и «справедливая» («Морозверей»); лицемерная, уклончивая («Лисица и Суров»); подлая, расчетливая, речевая обольстительница («Крестьянин и Лисица»); умная, лживая («Воспита-

ние Льва»); ласковая («Волк и Лисица»); «добрая», «заботливая» («Добрая Лисица»); находчивая («Лев и Лисица»); «строить мастерица», изворотливая («Лиса-строитель»); «справедливая» («Крестьянин и Овца»); смиренная, осторожная, умная («Пёстрые овцы»); скромная и беспощадная («Лев, Серна и Лиса»).

Столь же богата и разнообразна характеристика Лисы в поэме Гете. Рейнеке:

Надеюсь я крепко на милость
Короля; он ведь знает, сколько ему я полезен;
Знает он также, что этим я прочим стал ненавистен.
Двор без меня обойтися не может. И будь я преступней
Во десять крат, я уж знаю, что если мне только удастся
В очи к монарху взглянуть и с ним перемолвить
два слова,

Гнев его тотчас затихнет

[6. Т. LXI. С. 287].

В откровениях Глафиры перед Купавиной обнажается ее истинная сущность хитрой и двуличной Лисы: «Выучилась хитрить, не говорить даром ни одного слова, не иметь стыда, когда чего-нибудь добиваешься, выучилась бесцеремонному обращению, просто наглости, которая у ханжей идет за откровенность и простоту. Жертву я нашла: Лыняев – единственный человек, за которым я могу жить так, как мне хочется, как я привыкла; всякая другая жизнь для меня тягость, бремя, несчастье – хуже смерти. А я сама себе не враг, Евлампия Николаевна, и потому постараюсь во что бы то ни стало выйти за Лыняева; для этого я готова употребить все дозволенные и даже недозволенные средства» (курсив мой. – Н.Х.) [2. Т. 4. С. 153]. Для достижения своей цели Глафира готова переступить порог нравственности и в любой момент превратиться в «добрую лисицу» из одноименной басни Крылова, стремящуюся «спасти» осиротевших птенцов просьбами к лесным птицам приютить их:

«Послушайте меня: докажем, что в лесах
Есть добрые сердца, и что...» При сих словах
Малютки бедные все трое,
Не могши с голоду сидеть в покое,
Попадали к Лисе на низ.
Что ж кумушка? – Тотчас их съела
И поученья не допела

[8. С. 93].

Мастерство Островского в создании сложного психологического рисунка образа Глафиры как типа национального характера во многом обусловлено гендерным выбором «прекрасной натуры» – женского характера и ориентацией драматурга на традицию истолкования образа Лисы в русской культуре. В «Предисловии переводчика» к поэме Гете «Рейнеке-Лис» М.М. Достоевский указывает на «самое затруднительное и щекотливое положение» [6. Т. LXI. С. 269], в которое поставлен главный герой – Лис: «Чувствуя свое превосходство над всеми со стороны ума и характера, он очень хорошо знает, что он подлец... <...> Но за то в домашней своей жизни, в своем углу, единственном месте, где ему дозволили обстоятельства принимать человеческий образ, каким нежным супругом, каким чадолюбивым отцом является этот отъявленный мошенник, этот всюду бесчинствующий плут и мерзавец!» [Там же. С. 270]. Достоевский отмечает объективность художественной ма-

неры Гете, опирающейся на просветительскую концепцию личности. Островскому близка нравственно-этическая позиция и объективность Гете, проявляющаяся в доверии к человеческой натуре. Но своеобразие русского «прочтения» Лисы – и в сказках, и в баснях Крылова, и у Островского – состоит в том, что русские авторы апеллируют к чувству своих героев, тогда как в западной традиции просветительская мысль обращена с надеждой к разуму, логике, за которыми стоит не только ум, но и расчет: Лис напорист, беспощаден, коварен, мстителен, ехиден, лишен абсолютно всякого благочестия. Рейнеке вступает в связь с супругой волка, умертвляет зайца и посыпает его голову к королевскому двору, отправляет на поиски несуществующего клада самого короля, лишает петуха жены и детей, с особой кровожадностью оставляет кролика без уха, а ворона – без супруги.

Лиса в русских сказках и баснях провоцирует других персонажей, обращаясь к душе, сердцу, маской нежности и доброты затуманивая и обманывая их.

Показательна народно-поэтическая, ласковая, «сердечная» лексика Лисы:

Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перушки! какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица, –
Ведь ты б у нас была царь-птица!

(«Ворона и Лисица») [8. С. 5].

Значимым является и имя героини комедии Островского. «Глафира» как существительное имеет значение «тищательная отделка, изящество; культурность, воспитанность, тонкость, учтивость», а вот у прилагательного «*глъфбрбс*» из того же гнезда появляется, среди прочих, значение «умелый, искусный» [13. С. 325].

Героиня Островского, используя свое женское обаяние, обходительность, льстивость, мягко заманивает в силки «ожиравшего барина». Для обольщения Лыняева Глафира использует метод провокации.

Г л а ф и р а. Ну, полноте, какой вы любовник! Вы не обижайтесь, Михайло Борисыч! Вы очень хороший человек, вас все уважают; но любить вас невозможно. Вы уж и в летах, и ожирели, и, вероятно, дома в теплом халате ходите и в колпаке; ну, одним словом, вы стали похожи на милого, доброго папашу.

Лыняев. Вы уж очень безжалостны ко мне. Нет, я еще...

Г л а ф и р а. Нет, нет, не обманывайте себя, – откажитесь от побед, Михайло Борисыч! Ха-ха-ха! (Хочет.) [2. Т. 4. С. 160–161].

Успех уловки определяется задетым мужским самолюбием Лыняева, что позволяет Глафири перейти к новому этапу – организации испытания:

Г л а ф и р а. Притворитесь влюбленным в меня и целый вечер сегодня ухаживайте за мной [Там же. С. 162].

Подобные психологические приемы использует и Рейнеке-Лис:

Если ж останетесь вы, свежих сот принесу я,
Выберу сам уж для вас, что ни есть наилучших.
«Я никогда их не ем» ответил кот ему с сердцем:
«Если в доме у вас уже нет ничего повкуснее,
Мышь мне подайте! До ней я страстный охотник, а соты
Вы про других сберегите.» – «Как? До мышей
вы охотник?»

Лис с удивлением спросил: «Только скажите – мышами
Я угостить вас готов

[6. Т. LXI. С. 283–284].

Манера поведения Рейнеке отличается продуманной и неприкрытой жестокостью к врагу: Лис изначально предлагает коту мед, после чего ведет его к амбару, где много мышей: кот оказывается в западне. Рейнеке свойственны коварство и кровожадность. Являясь победителем в спорной ситуации, он закрепляет свое первенство в обществе очередной порцией издевательств:

О, как я рад, что медведя так удалось мне отделать!
Бьюсь об заклад, что крестьяне его топором угостили!
Браун всегда был врагом мне, теперь мы с ним квоты

[Там же. С. 281].

Глафира действует хитрее, не позволяя себе откровенной грубости во время охоты, но после ее завершения не может удержаться от легких насмешек:

Г л а ф и р а. Он хочет поблагодарить вас. (Лыняеву.) Что ж ты молчишь, Мишель?

Лыняев. (со вздохом). Да-с, поблагодарить...

Г л а ф и р а. Ему особенно понравилась во мне моя кротость. (Бросая Лыняеву шаль.) На, Мишель, подержи шаль! (Мурзавецкой.) Мое смирение. (Лыняеву.) Возьми хорошенъко, не мни! (Мурзавецкой.) Моя скромность. А всем этим я обязана вам. (Лыняеву.) Ты все молчишь, Мишель, так уж я за тебя говорю» [2. Т. 4. С. 204].

В поэме Рейнеке вызывает на поединок Изегрима-волка, заранее обмазав себя жиром и в процессе борьбы бросая в глаза противнику песок. В сказках Лиса становится организатором то голосования / жребия (в сказке «Звери в яме» – кого съедят первым), то проворочного испытания (у кого первым мед / масло появится на брюхе, тот и виновен в его поглощении). Этот важный психологический прием испытания, ставший судьбоносным для всех Лис, Островский вводит в комедию в женском варианте – соблазнения Лыняева любовью – и раскрывает в репликах эмоциональную сторону поведения плутовки и многоликость ее образа:

Лыняев. А как хорошо просыпаться холостому! Как только откроешь глаза, первая мысль: что ты сам себе господин, что ты свободен. Нет, я неисправимый холостяк, я свою дорогую свободу не променяю ни на какие ласки бархатных ручек! (Медленно склоняется к изголовью.)

Глафира, выйдя из-за портьеры, обнимает его одной рукой за шею и смотрит ему прямо в глаза. Лыняев, приподнявшись, смотрит на Глафири с испугом [2. Т. 4. С. 185].

Таким образом, вместе с провокацией, испытанием в комедию объективно входит тема любви как необходимый критерий истинно нравственных отношений. Тема любви получает развитие и в отношениях Кутавиной с

Беркутовым, где тоже присутствует игра, провокация, но находит место и искреннее чувство героини.

Введение любовного сюжета в остросоциальную комедию с конфликтом, построенным на мотиве всеобщей охоты за «бешеными деньгами», позволяет Островскому сопрягать сатирику с развернутым психологическим анализом и возводить изображаемые коллизии и образы героев конкретной среды и эпохи к общечеловеческому смыслу.

Создавая сатирическую комедию о жизни русского пореформенного дворянства, Островский использует модель аллегорической охоты, разработанную в комическом эпосе – в народной сказке о животных, в

баснях И.А. Крылова, поэме И.В. Гете «Рейнеке-Лис». Образ героини, наделенной чертами сказочной Лисы (трикстера), вносит в развитие конфликта комедии эпическое содержание, раздвигая рамки изображения духовной жизни русского человека и дополняя сатирическую картину кризиса общественных нравов. В характере обращения Островского к традициям комического эпоса, заключавшемуся в сохранении демократического содержания, сатирической направленности его и в тончайшей разработке психологического рисунка, заданного уже традицией комического эпоса, получил воплощение процесс эпизодизации русской драмы в эпоху расцвета реализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цензорские купюры (цензоры – А. Крылов и А. Мехелин) были сделаны в третьей, пятой, шестой, седьмой и восьмой песнях поэмы. Например, в восьмой песне [6. Т. LXII. С. 9] исключены были стихи, характеризующие власть имущих:

Грабить умеет король не хуже других, как известно:
Что не захватит он сам, оставит медведю иль волку.
Он-де имеет права! И ведь никого не найдется,
Кто бы сказал ему правду! Настолько глубоко проникло
Зло! Духовник, капеллан... но молчат и они! Почему же?
Тоже не промахи: глядь – и завел себе линьюю ряжку.

(Пер. Л. Пеньковского) [7. С. 64–65].

В пятой песне точками были заменены стихи о рабской терпимости народа [6. Т. LXII. С. 64]:

Вспомнил я тут о лягушках, которые кваканьем долгим
Господу на небесах вконец прокеакали уши.
Им захотелось царя, им жить захотелось под гнетом
После того, что свободой повсюду они насладились.
Внял их просьбе господь и направил к ним аиста. Аист
Стал притеснять их, терзать, не стало жить им от тирана.
Так и свирепствует! Глупые твари поныне все плачут.
Но, к сожалению, поздно – душит их царское иго

(Пер. Л. Пеньковского) [Там же. С. 64].

К строкам точек была сделана формально компромиссная, но по сути ироническая в адрес цензуры сноска: «Просим читателей вспомнить басню Крылова: Лягушки, просящие Царя» [6. Т. LXI. С. 299].

Сноска эта замечательна еще и тем, что в ней выражена мысль М.М. Достоевского о жанрово-родовой близости басен Крылова и поэмы Гете.

² Следует заметить, что в этот же период М.Е. Салтыков-Щедрин пишет роман «Господа Головлевы» (1875–1880), героем которого становится Иудушка Головлев – типологически близкий Рейнеке-Лису.

ЛИТЕРАТУРА

1. Холодов Е.Г. Мастерство Островского. М., 1963.
2. Островский А.Н. Полное собрание сочинений и писем : в 12 т. М., 1973–1980. Т. 4, 11.
3. Бахтина В.А. Эстетическая функция сказочной фантастики (наблюдения над русской народной сказкой о животных). Саратов, 1972.
4. Костюхин Е.А. Проблема генезиса животного эпоса // Типы и формы животного эпоса. М., 1987.
5. Жуковский В.А. О басне и баснях Крылова // Собр. соч. : в 4 т. Т. 4 : Одиссея. Художественная проза. Критические статьи. Письма. М. ; Л., 1960. С. 402–418.
6. Рейнеке-Лис. В двенадцати песнях. (Из Гете). М.М. Достоевского. Часть первая (шесть песней) // Отечественные записки. 1848. Т. LXI. Февраль. № 2. Отд. I. Словесность. С. 265–313; Часть вторая и последняя (шесть песней) // Отечественные записки. 1848. Т. LXII. Март. № 3. Отд. I. Словесность. С. 1–49.
7. Гете Иоганн Вольфганг. Рейнеке-Лис / пер. с нем. Л. Пеньковского. М., 1984.
8. Крылов И.А. Сочинения : в 2 т. М., 1984. Т. 2.
9. Штейн А.Л. Мастер русской драмы. М., 1973. С. 309–337.
10. Журавлева А.И. А.Н. Островский – комедиограф. М., 1981. С. 163–165.
11. Хохлова Н.А. Концепт охоты в пьесе А.Н. Островского «Волки и овцы» // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики : материалы XIV Всерос. конф. молодых ученых / под ред. А.А. Плотниковой. Вып. 14. Томск, 2013. Т. 2 : Литературоведение и изда-тельское дело. С. 47–50.
12. Хохлова Н.А. Поэтика комедии А.Н. Островского «Волки и овцы» // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики : материа-лы конф. молодых ученых / под. ред. А.А. Казакова. Вып. 10. Томск, 2009. Т. 2 : Литературоведение. С. 225–228.
13. Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. / сост. И.Х. Дворецкий. М., 1958. Т. 1.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 мая 2015 г.

FOXY AS A COMIC EPIC HEROINE AND A.N. OSTROVSKY'S STAGE PLAY *WOLVES AND SHEEP* (ON EPIC-RELATED DRAMA)

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 18–24. DOI: 10.17223/15617793/395/3

Khokhlova Natalya A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: natalyakhohl@ya.ru

Keywords: A.N. Ostrovsky; *Wolves and Sheep*; foxy character sketch; hunting concept; epic-related drama; comic epic; I.A. Krylov; J.W. von Goethe.

A.N. Ostrovsky's poetic manner in his acute social post-reform comedy *Wolves and Sheep* (1875) arouses special interest in studying drama epification methods, one of which is hunting concept elaboration. This concept (wolves and sheep) is based on the antithesis of moral and ethical and social representations. The content of this concept goes back to Ostrovsky's comic epic, to the figurative system of folklore and literary genres which focused on folk art. The title of the comedy reflects in a surrogated form a dramatic collision of a one-sided fight with its two variants of development: a wolf chases a sheep and a possible hunting for the wolf that got into the state of a sheep. Both of these variants were embodied in the development of the comedy dramatic conflict and gave the playwright an opportunity to demonstrate the peculiarity of social contradictions and ethical mimicry that accompanies them and serves as a basis for the psychological picture of the characters. 'A poor girl' Glafira has a special role in the comedy. Her image is endowed with some peculiar features of a foxy – a trickster in Russian and European folklore and literary traditions. This image is almost not declared (there is only one nomination of a foxy) in the play but has an extremely significant role. The foxy appears in the comedy and broadens the central collision scopes (wolves hunt for sheep), actualizes it in its breadth and varieties of manifestations. The content and development of the image of Glafira, a Foxy, are organically connected with the hunting concept elaboration, they strengthen the ethical contradictions and gives the drama a psychological analysis depth. Glafira's image is fully characterized by peculiarities of her speech portrait and a complex of traditional Foxy's features fixed in European and national folklore and literature. The manner peculiarities of Ostrovsky, who created an artistic image with satirical gags and a deep revelation of female psychology, are observed in the context of a genre chain: Russian folk animal tale – I. A. Krylov's fable classics – J.W. von Goethe's epic poem 'Reynard the Fox' – Ostrovsky's comedy *Wolves and Sheep*. The key moment of the complex Foxy's nature analysis in the comedy is the study of its mimicry (a vamp, a zaddik and a sinner) and also the heroine's diversity: (cunning, smart, hypocritical yet affectionate, charming and sly, as it is presented in the Russian national tradition). In the golden age of realism in Russian literature, A.N. Ostrovsky enriched the content and the poetics of Russian dramaturgy by referring to the comic epic tradition and creating the *Wolves and Sheep* comedy where epic-related drama was implemented in the satirical manner of a comedy and a superfine elaboration of a psychological picture.

REFERENCES

1. Kholodov E.G. *Masterstvo Ostrovskogo* [The skill of Ostrovsky]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1963. 542 p.
2. Ostrovsky A.N. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 12 t.* [Complete works and letters: in 12 v.]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1973–1980. V. 4, 11.
3. Bakhtina V.A. *Esteticheskaya funktsiya skazochnoy fantastiki (nablyudeniya nad russkoy narodnoy skazkoy o zhivotnykh)* [The aesthetic function of fairy-tale fantasy (observations of Russian folk tales about animals)]. Saratov: Saratov State University Publ., 1972. 52 p.
4. Kostyukhin E.A. *Tipy i formy zhivotnogo eposa* [Types and forms of animal epic]. Moscow: Nauka Publ., 1987. 269 p.
5. Zhukovskiy V.A. *Sobraniye sochineniy: v 4 t.* [Works: in 4 v.]. Moscow; Leningrad: USSR AS Publ., 1960. V. 4, pp. 402–418.
6. Reyneke-Lis. V dvenadtsati pesnyakh. (Iz Gete). M.M. Dostoevskogo. Chast' pervaya (shest' pesney) [Reynard the Fox. The twelve songs (From Goethe). Part One (Six Songs). Translated by M.M. Dostoevsky.]. *Otechestvennye zapiski*, 1848, v. LXI, February, no. 2, pt. 1, pp. 265–313; Chast' vtoraya i poslednyaya (shest' pesney) [Part Two and the Last (Six Songs)]. *Otechestvennye zapiski*, 1848, v. LXII, March, no. 3, pt. 1, pp. 1–49.
7. Goethe J.W. *Reyneke-Lis* [Reynard the Fox]. Translated from German by L. Pen'kovskiy. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984. 192 p.
8. Krylov I.A. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 v.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984. V. 2.
9. Shteyn A.L. *Master russkoy dramy* [Master of the Russian drama]. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1973, pp. 309–337.
10. Zhuravleva A.I. *A.N. Ostrovskiy – komediograf* [A.N. Ostrovsky as a comedian]. Moscow: Moscow State University Publ., 1981, pp. 163–165.
11. Khokhlova N.A. [The concept of hunting in A.N. Ostrovsky's play "Wolves and Sheep"]. *Aktual'nye problemy literaturovedeniya i lingvistiki: materialy XIV Vseros. konf. molodykh uchenykh* [Topical issues of literary criticism and linguistics: Proceedings of the XIV All-Russian Conference of Young Scientists]. Tomsk, 2013, is. 14, v. 2, pp. 47–50. (In Russian).
12. Khokhlova N.A. [The poetics of A.N. Ostrovsky's comedy "Wolves and Sheep"]. *Aktual'nye problemy literaturovedeniya i lingvistiki: materialy XIV Vseros. konf. molodykh uchenykh* [Topical issues of literary criticism and linguistics: Proceedings of the XIV All-Russian Conference of Young Scientists]. Tomsk, 2009, is. 10, v. 2, pp. 225–228. (In Russian).
13. Dvoretzkiy I.Kh. *Drevnegrechesko-russkiy slovar': v 2 t.* [Ancient Greek-Russian Dictionary: in 2 v.]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyykh i natsional'nykh slovarey Publ., 1958. V. 1, 1040 p.

Received: 02 May 2015

ОБРАЗЫ И МОТИВЫ АНТИЧНОЙ ТАНАТОЛОГИИ В ПОЭЗИИ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО

Исследуется функционирование в поэзии Арсения Тарковского художественных образов и мотивов античной танатологии. Прослеживается эволюция восприятия и осмыслиения понятия «смерть». Развивая тему смерти, Арс. Тарковский обращается к представлениям о загробном мире древних, однако не включает в художественный мир своей поэзии персонифицированный образ самой смерти (Аид, Танатос) и Элизий как идеальный (идиллический) топос. Смерть изображается как процесс, не исключающий динаминости образа лирического героя.

Ключевые слова: Арс. Тарковский; танатология; антропология; метаморфоза; античная литература; русская поэзия.

Мортальная тематика при заметной эволюции восприятия и осмыслиения понятия «смерть» пронизывает творчество Арсения Тарковского. Развивая тему смерти, поэт обращается к представлениям древних о загробном мире: античным мифам, инфернальным образам, символам, мотивам. Целью статьи является выявление причин обращения Арс. Тарковского к художественным образам и мотивам, а также символике античной танатологии и осмыслиения понятия «смерть» в парадигме античного мировоззрения.

Тема смерти рано входит в сознание будущего поэта и впоследствии становится органичной частью его поэтического мирообраза.

«Я помню себя с года и восьми месяцев. Первое воспоминание такое: у меня умерла бабушка. Она лежала в гробу в бархатном лиловом платье. Вошла мама – я помню и то, как она и мы были одеты, – вошла и сказала: “Идите, дети, и встаньте на колени”. Я так хорошо все это помню» [1. С. 239], – пишет Арсений Тарковский. Более поздние воспоминания поэта также окрашены болью от потери близких:

«Дядя Володя вместе с армией Самсонова погиб в Мазурских болотах <...>

Утром, надеясь на чудо, я спросил:

– Мама, а дядя Володя вправду погиб?

Чуда не произошло. Мать ответила:

– Да, конечно, погиб, ты ведь знаешь. Помолись за его высокую душу» (1914) [Там же. С. 154–155];

«Я очень любил отца. И брата Валю. <...> Валю зарубили в 19-м году банды Григорьева» [Там же. С. 235–236].

Так в сознании будущего поэта отмечается неизбежность смерти, при этом уже в детстве, в 1914 г., приходит понимание как ее естественной, так и насилиственной природы. Тема насилиственной, неестественной смерти развивается позже в поэзии военного и послевоенного периодов.

Детское сознание Арс. Тарковского характеризовалось мифологическими представлениями о времени, верой в таинственную силу растений и природных явлений («Я в детстве боялся растений: / Листва их кричала мне в уши, / Сквозь окна входили, как тени, / Их недружелюбные души» («1914», 1976) [1. С. 75]. В рассказе «Воробышная ночь» (20 июля 1945 г.) Тарковский передает детские впечатления от соприкосновения с жизнью таинственных сил:

«Грозы еще не было, она только подбиралась к даче. Сказать по правде, это было хуже грозы. Деревья

гнулись до земли, я не видел этого, потому что было темно, я только слышал, как свистят ветви. Ветер непрерывно менял направление. От реки по временам тянуло прохладой, далеко за нею вспыхивали красные зарницы.

Мне было страшно. Я подставлял лицо ветру и темноте, а стоял под ветром нарочно в самом дальнем углу сада, откуда бы меня никто не услышал, даже если громко закричать» [1. С. 155–156].

При этом смерть в детском сознании Арс. Тарковского вследствие возможности переплетения прошлого и настоящего (т.е. архаического нелинейного ощущения времени) не воспринимается как финальный, необратимый акт жизни человека: «Мое представление о времени было неполным и неверным, словно дикарским; если бы я умел объяснить, каким мне представляется время, то сказал бы, что прошлое и будущее могут пересечься, сомкнуться, слиться, если этого очень захочет. Я играл в смерть, предназначенну для дяди Володи» [Там же].

Поэтическая образность рождается в недрах мифа, вследствие чего особенности мифологического мировосприятия (пространственно-временной синкретизм, слабое развитие абстрактных понятий, очеловечивание природных явлений вследствие неумения выделять себя из окружающего природного мира [2. С. 164–165]), характерные для детского мировосприятия и закрепленные в памяти поэта, в дальнейшем находят выражение в поэтическом творчестве Арс. Тарковского как антропоморфизация природного мира, служащая предпосылкой осуществления метаморфоз лирического героя, развития темы смерти и бессмертия души путем обращения к конкретным предметным образам древнегреческой мифологии.

Танатологическими образами, символами, мотивами, восходящими к Античности, в художественном мире поэзии Арс. Тарковского выступают:

1. Забвение: «Кто по мосту ходил не раз, / Не помнит ничего, / Он город свой забыл, и мост, / И нищего того» (1930) [1. С. 29]; «Для чего мне теплить свечи, / Петь у гроба твоего? / Ты не слышишь нашей речи / И не помнишь ничего» (1932) [1. С. 37].

2. Переправа на ладье в загробное царство: «Я должен ладью отыскать, / Плыть и плыть и, замучась, причалить, / Увидеть такою тебя, / чтобы вечно была ты со мною» (1942) [3. С. 119]; «А вы нас любили, а вы нас хвалили, / Так что ж вы лежите могила к могиле / И молча плывете, в ладьях накреняясь, / Ко-

сарь и псалтырщик, и плотничий князь?» («Поэты», 1952 [3. С. 194]).

3. Изображение умерших в образе теней: «И эту тень я проводил в дорогу» (1966–1968) [3. С. 315]; «Мне другие мерещатся тени» (1973) [Там же. С. 325]; «Я тень из тех теней, которые, однажды...» (1974) [Там же. С. 351].

4. Ласточки: «Он сходит по ступеням обветшалым / К небытию, во прах, на Страшный суд, / И ласточки над экваториалом, / Как вестницы забвения, снуют» («Анжелло Секки», 1957) [3. С. 85].

5. Омертвление глаз и слепота: «Тяжесть нежных век своих» [1. С. 37]; «Вижу я тусклое око с какой-то налипшей травинкой. / Черное, окостеневшее яблоко без отражений» («Охота», 1944) [3. С. 136], «око Божие затравленного зверя, / Как мутная вода, подёргивает мгла» («Дума», 1946 [Там же. С. 365]); «Ужасный рот царицы Коры / Улыбкой привечает нас, / И душу обнажают взоры / Ее слепых загробных глаз» («Кора», 1958 [3. С. 81]).

Перечисленные мотивы соответствуют содержанию античного мифа, а их использование не образует полемики с классической традицией. Однако уже в одном из ранних стихотворений Арс. Тарковского («Есть город, на реке стоит...», 1930 [1. С. 29]) прослеживается трансформация древнегреческого инфернального мифа и модификация образа Харона: величественный, устрашающий паромщик снижается до просящего подаяние невластного нищего, в тарелочку как символ общечеловеческой памяти которого каждый проходящий по мосту через реку забвения вносит свою монету. Альтернативный античному образ загробного пространства, воплощенный в стихотворении Арс. Тарковского, – город на реке как аллегория посмертного забвения и утраты общекультурной памяти противопоставляется существованию человека в текущей и изменчивой реальности, закрепленной в текстах и предметах материального мира, вбирающих в себя память культурную и историческую («А как тарелочка поет, / Качается, звенит, / Рассказывает о себе, / О нищем говорит»), вследствие чего принадлежность лирического героя к миру поэзии позволяет оспаривать тождественное смерти забвение («Но вспомнить я хочу себя, / И город над рекой. / Я вспомнить нищего хочу / С протянутой рукой»).

В лирике военного периода на смену теме смерти как забвения и потери общекультурной памяти приходит изображение смерти как деструктивной силы в связи с открытием ее неестественной, насилиственной природы. В двух стихотворениях военного периода энергия жизни противопоставляется смерти на ритмическом уровне. Ритмическая неупорядоченность, отсутствие рифмы свободного стиха и наращение ударных слогов внутри строфы подчеркивают жажду жизни («Не стой тут...», 1943) или предсмертную агонию лирического героя, представленного в образе затравленного зверя («Охота», 1944), и одновременно противопоставляются метрической размеренности в финальной строфе стихотворения «Охота», три стиха которой соответствуют общей схеме гекзаметра, а четвертая воплощает схему русского гекзаметра с заменой в 1-, 3- и 4-й стопах дактиля хореем.

Не стой тут,
Убьют!
Воздух! Ложись!
Проклятая жизнь!
Милая жизнь,
Странная смутная жизнь,
Дикая жизнь!
Травы мои коленчатые,
Мои луговые бабочки,
Небо все в облаках, городах, лагунах
и парусных лодках.

Дай мне еще подышать,
Дай мне побывать в этой жизни безумной и жадной,
Хмельному от водки,
С пистолетом в руках
Ждать танков немецких,
Дай мне побывать хоть в этом окопе...

(1943) [1. С. 105]

Охота кончается.
Меня затравили.
Борзая висит у меня на бедре.
Закинул я голову так, что рога уперлись
в лопатки.

Трублю.
Подрезают мне сухожилья.
В ухо тычут ружейным стволом.

Падает на бок, цепляясь рогами за мокрые прутья.
Вижу я тусклое око с какой-то
налипшей травинкой.
Черное, окостеневшее яблоко без отражений.
Ноги свяжут, и шест проденут, вскинут на плечи...
(«Охота», 1944) [3. С. 136]

Кроме того, переход от свободного стиха к гекзаметру знаменует необратимую смерть уязвимого физического тела: противопоставление смертности тела и бессмертия души – это устойчивый мотив лирики Арс. Тарковского военного периода (ср.: «Я лежал / Вниз головой, как мясо на весах, / Душа моя на нитке колотилась, / И видел я себя со стороны» («Полевой госпиталь», 1964 [Там же. С. 130])).

В статье представлена поздняя публикация полного текста стихотворения «Охота» из собрания сочинений Арсения Тарковского 1991 г., в сборник «Земле – земное» 1966 г. стихотворение было включено с пропуском стиха «Меня затравили». Такое изъятие строчки цензурой могло быть обусловлено дополнительными смысловыми коннотациями лексемы «затравить». Однако переплетающаяся с мортальностью телесность в лирике Арс. Тарковского военного периода, мотив метаморфозы, представление смерти как отделение души от тела, идея всеобщей обратимости, которые присутствуют и в стихотворении «Дума» (1946), вместе с почти дословно воспроизведенным образом омертвевшего ока как символа смерти не позволяют интерпретировать стихотворение «Охота» как несоответствующее идеологическим требованиям («Меня затравили. <...> ...тусклое око с какой-то налипшей травинкой. / Черное, окостеневшее яблоко без отражений» («Охота») – «око Божие затравленного зверя, / Как мутная вода, подёргивает мгла» («Ду-

ма»). Кроме того, для развития темы запрета первого сборника «Перед снегом» Арс. Тарковский выбирает иронически-иносказательную форму публикации «Новости античной литературы».

Развитие темы смерти как деструктивной силы служит предпосылкой возникновения отвращения, резкого неприятия смерти, реализующегося в стихотворении «Смерть никто, канцеляристка, дура...» (1947) [4. С. 108]. Это единственный случай персонификации смерти, однако смерть здесь представлена в негативно-обезличенном образе товарища Ивановой («Выжига, обшарканный подол, / У нее чертог – регистратура, / Канцелярский стул – ее престол»), не снимающем страха перед смертью и трагического осмысливания темы смерти, характерного для поэзии Арс. Тарковского: «Я жизнь люблю и умереть боюсь» (1958) [3. С. 173], «Жизнь хороша, особенно в конце <...> Малютка-жизнь, дыши, / Возьми мои последние гроши, / Не отпускай меня вниз головою / В пространство мировое, шаровое» [Там же].

Преодолению отвращения и страха перед смертью в поэзии Арсения Тарковского служит идея непрерывности и единства всей вселенной, взаимодействие и взаимовлияние всех природных реалий и как следствие – способность к превращению одних форм в другие («Как я хочу вдохнуть в стихотворенье / Весь этот мир, меняющий обличье» («Дождь», 1938 [3. С. 50]); «Древесные и наши корни / Живут порукой круговой» («Деревья») [Там же. С. 177]; «Все на земле живет порукой круговой: / Созвездье, и земля, и человек, и птица» («Дума», 1946 [Там же. С. 366])) и развитие темы смерти как последней метаморфозы, дающей возможность не только духовного, но и физического бессмертия вследствие обращения в новую материю.

Возможность трансформации внешнего облика заключается в свойствах физической оболочки человека. Внешним изменениям еще при жизни подвергается тело: «истерзанное тело» [3. С. 319]; «хромое тело» [Там же. С. 265]; «Душе осточертела / Сплошная оболочка / С ушами и глазами / Величиной в пятак / И кожей – шрам на шраме, / Надетой на костях» («Эвридики», 1961 [Там же. С. 221]), и сам эпитет «смертный» используется лишь по отношению к телу («смертое тело» [Там же. С. 116], «небессмертное тело» [Там же. С. 134]). Соответственно, метаморфозе подвергается физическая оболочка человека с одновременным отделением от нее души, что трактуется как смерть: «И то, что прежде нам казалось нами, / Идет по кругу / Спокойно, отчужденно, вне сравнений / И нас уже в себе не заключает» («Дерево Жанны» [Там же. С. 78]).

Тесная связь между тождественным детскому архаическим мифомышлением и поэтическим осмысливанием мира, присущая эпосу Гомера, воплощается в художественном мире Арс. Тарковского в виде антропоморфизаций и оборотничества. Механизмом служит поэтический образ, строящийся на сближении далеких в реальной действительности предметов за счет метафорического переноса дифференциальных признаков природных реалий (чешуя, рога, кора и др.)

на неродственные предметы и явления окружающего мира («Иголки черные, и сосен чешуя» [3. С. 319] – «Над хрупкой чешуей светло-студеных вод» [Там же. С. 250] – «В серебряной чешуе мостовые» [Там же. С. 41]).

В поэзии Арсения Тарковского окружающий мир описывается во всей полноте («Люди, рыбы и камни, листва и трава» [Там же. С. 74], «Трава и звезды, бабочки и дети» [Там же. С. 80]), в статике – с детальным прорисовыванием отличительных признаков отдельных предметов и природных явлений, так как обозначение дифференциальных признаков служит механизмом осуществления метаморфозы (круглое яблоко, белое облако, сухой песок, осклизлые грибы в сырой траве), и динамике (осы снуют, гнется камыш, капли бегут), поскольку общность явлений может прослеживаться и на уровне движения (в поэтической системе Тарковского движение тождественно жизни, а его отсутствие приравнивается к завершению метаморфозы, т.е. смерти: «застыну, как смола на соснах» [Там же. С. 82]).

Предпосылкой осуществления метаморфозы в художественном мире Арс. Тарковского служит антропоморфизаций, однако природные реалии уподобляются человеку не только по внешним признакам (для их описания используются термины человеческой анатомии: «под сердцем травы тяжелеют росинки» [3. С. 34]; «кожу бугорчатую земли / Бульдозерами до костей сдирали» [Там же. С. 61]; «сердце земли» [Там же. С. 63]; «из глаз травы» [Там же. С. 64]; «деревьев с перебитыми ногами» [Там же. С. 130]; «дерево поверх лесной травы / Распластывает листьев пятерню» [Там же. С. 140]); но наделяются речью (или пением): «ручей лесной / В зеленых зеркальцах поет совсем иное» [Там же. С. 45]; «черный ветер, как налетчик, / Поет на языке блатном» [Там же. С. 98]; «Снова я на чужом языке / Пересуды какие-то слышу, – / То ли это плоты на реке, / То ли падают листья на крышу» [Там же. С. 145]. Кроме того, параллелизм жизни человека и природных явлений изображается на эмоциональном уровне: «И капли бегут по холодным ветвям. / Ни словом унять, ни платком утереть...» (1941) [3. С. 55]; «Любая росинка – слеза» [Там же. С. 65].

При этом природным объектам могут присваиваться признаки не только человека, но и соответственно идеи всеобщей обратимости – признаки другой реалии природного мира. Так, например, песок наделяется эпитетом «крылатый» («раздраженный и крылатый / Сухой песок, щебечущий по-птичий» [3. С. 50]), уподобляемый Актеону дождь называется ветвисторогим («дождь бежал по глиняному склону / Гонимый стрелами, ветвисторогий, / Уже во всем подобный Актеону. / У ног моих он пал на полдороге» [Там же]). В поэзии Тарковского дождь наделяется способностью быстро передвигаться – гнаться, бежать («дождь за ними гонится» [3. С. 41]; «сто / Капель дождя, побежавших волслед» [Там же. С. 35]; «дождик дышит и дрожит» [Там же. С. 58]; «капли бегут по холодным ветвям» [Там же. С. 55]); оливы сравниваются с оленями («призраки диких олив, / На камни рога положив, / Застыли, как стадо оленей» [Там же. С. 250]), а мир описывается во всей полноте («мир,

прекрасный и горбатый»), так как всеобщая обратимость размывает грань между явлениями и абсолютными понятиями.

Более частой и последовательной антропоморфизации в лирике Тарковского подвергаются дождь («Осенний дождь, двойник мой серый» [3. С. 163]) и деревья, близость которым ощущает лирический герой, «молочный брат листвы и трав» [Там же. С. 175], «собеседник и ровесник / Деревьев полувековых» [Там же], «наместник дерева и неба» [Там же. С. 143]. Однако человек в художественной реальности Тарковского в результате смерти-метаморфозы становится частью только растительного мира. Перевоплощение тела человека в дерево становится результатом их метафорического отождествления («марля, как древесная кора, / На теле затвердела» [Там же. С. 131] – «хрящи придорожной бузины»). Однако художественному воплощению метаморфозы у Тарковского способствует и следование овидиевской традиции, а именно разнообразие и пестрота изображаемого мира, оригинальность манеры определять предмет («полый тростник», «изогнутый серп» (Овидий) – «круглое яблоко», «белое облако» (Тарковский)), выделение общих признаков у неродственных предметов и эффект единства мира, благодаря чему процесс превращения оказывается следствием из общего устройства вселенной, а также последовательно простые этапы метаморфозы [6. С. 70–85].

У Тарковского в стихотворении «Когда под соснами, как подневольный раб...» ((1969) [3. С. 319]) описывается поэтапное превращение тела человека в дерево – сосну – танатологический символ древнегреческой мифологии: «некогда Аттис Кибелин, / Мужем здесь быть перестав, в стволе заключился сосновом» (Овидий «Метаморфозы» X, 104) [7. С. 248]; «Рухнула все же сосна не напрасно: высокому ростом / Крантору с левым плечом всю грудь отделила от шеи» (Овидий «Метаморфозы» XII, 361) [Там же. С. 300]. В процессе превращения происходит появление черных иголок и чешуи сосен («Иголки черные, и сосен чешуя»), затем сращение век («веки пальцами я раздираю дико»), исчезновение рта. Изменения сопровождаются продолжающимся движением тела («брызжет из-под ног багровая брускина») до превращения конечностей в корни («разве это я ищу сгоревшим ртом / Колен сухих корней»). При этом метаморфоза сопровождается сопротивлением тела, нежеланием менять собственную оболочку, так как превращение равно смерти («И тело хочет жить, и разве это – я?»). Вопрос «и разве это – я?» прочитывается как завершение процесса метаморфозы (неузнавание собственного внешнего облика).

Символом завершившейся метаморфозы в стихотворении со сходным лирическим сюжетом («Превращение» (1959) [3. С. 231]) выступает образ ласточки («ласточки снуют, как пальцы пряхи»), что также восходит к тексту Овидия, у которого Прокна и Филомела превращаются в ласточку и соловья. Ласточка выступает одним из танатологических образов-символов и в контексте всей поэзии Арсения Тарковского («Он сходит по ступеням обветшалым / К небы-

тию, во прах, на Страшный суд, / И ласточки над экваториалом, / Как вестницы забвения, снуют» («Анжелло Секки», 1957 [3. С. 85]); «в том краю, / Где Симон спит в земле, вы спойте, как в дурмане, / На языке своем одну строку мою» («Ласточки», 1967 [Там же. С. 299]). Следование овидиевской традиции проявляется и в обращении в двух текстах к мифу о Фаэтоне: «Наша кровь не ревнует по дому...» (1968) [Там же. С. 309], «Когда под соснами как подневольный раб...» (1969) [Там же. С. 319].

В текстах Арс. Тарковского, описывающих процесс метаморфозы, не обозначается причина, послужившая началом, «толчком» осуществления превращения, что свидетельствует о постепенном сглаживании резкой границы между естественной и вызывающей страх и отвращение насилиственной смертью в сознании поэта, их уравнении, так как итогом смерти-метаморфозы выступает превращение истерзанной физической оболочки в часть гармоничного природного пространства. В овидиевском мире человек претерпевает превращение, если он «погибает или страдает» [6. С. 84], в текстах Тарковского смерть как последняя метаморфоза также играет роль связки, восстанавливающей равновесие в природе. Кроме того, в поэзии Тарковского реализуется и древнегреческий миф о превращении девушки в дерево (Дафна, Сиринга), в котором метаморфоза служит средством спасения:

Девочка Серебряные Руки
Заблудилась под вечер в лесу.
В ста шагах разбойники от скуки
Свистом держат птицу на весу.
<...>
Приоденьте корнем и травою,
Положите на свою кровать,
Помешайте злобе и разбою
Руки мои белые отнять!

(«Серебряные руки», 1959 [3. С. 264])

Так, от детского непризнания смерти как необратимого акта и более позднего видения смерти как забвения, которому противостоит культурная память, поэт приходит к открытию ее второй неестественной, насилиственной природы, порожденному войной состоянию жертвы и как следствие отвращению и страха перед смертью, к смерти как последней метаморфозе («Природа бесконечна, в ней ничего не останавливается, не замирает, но всё перетекает из одного состояния в другое» [5. С. 255]) и вере в бессмертие души. «Если верить в переселение душ, то в меня переселился кто-нибудь из небольших поэтов – Дельвиг, быть может... Я бы предпочел, чтобы это был Данте, но он не переселился» [1. С. 245], – говорит Арсений Тарковский.

Кроме того, для поэзии Арс. Тарковского характерно использование имен мифологических героев, осмелившихся состязаться в искусстве с богами либо нести людям благо и переживших последующее падение и страдание: Прометей («Эсхил», 1959), Хирон («Загадка с разгадкой», 1960), Фаэтон («Когда под соснами как подневольный раб», 1969), Актеон («Дождь», 1938), Марсий («После войны», 1960), развитие темы возвращения из загробного мира в этом

контексте может интерпретироваться как попытка оспаривать божественный закон либо как архаический обряд инициации – перерождение в новом социальном статусе. При этом смерть – это такая же составляющая жизни как вечного круговорота, но явление, противоположное рождению, поэтому изображается как смена координат: «Все на земле живет порукой круговой: / Созвездье, и земля, и человек, и птица. / А кто служил добру, летит вниз головой / В их омут царственный / и смерти не боится» («Дума», 1946 [3. С. 366]), «Малютка-жизнь, дыши, / Возьми мои последние гроши, / Не отпускай меня вниз головою / В пространство мировое, шаровое» (1958) [Там же. С. 173]. И если смерть осмысляется как спуск вниз по ступеням («Он сходит по ступеням обветшальным / К небытию, во прах, на Страшный суд» [Там же. С. 85]), то и возвращение из загробного мира представляется как подъем вверх в мир живых («Так я по лестнице взойду на ту ступень, / Где будет ждать меня твоя живая тень» (1974) [Там же. С. 351]). Кроме того, антропоморфное представление всех явлений мироздания в их единстве создает гармоничную сферическую модель мира, при которой теряются ориентиры верха и низа («А небо ежится и держит клен, как розу» («Игнатьевский лес», 1935 [Там же. С. 44])), однако смерть в поэтическом сознании Тарковского мыслится как оторванность лирического героя – человека – от земной поверхности и приобщение к новому сферическому пространству.

В словах из поздних заметок Арсения Тарковского наравне с отсутствием страха перед смертью звучит жизнеутверждающая вера в бессмертие души: «Я как-то очень постарел в последние годы. Мне кажется,

что я живу на свете тысячу лет, я сам себе страшно надоел... Мне трудно с собой... с собой жить. Но я верю в бессмертие души» (1982) [1. С. 246].

Вариативность античного мифа о загробном существовании, широта танатологических мифологем (ладья, река забвения, паромщик, ласточки, сосны, тени в загробном мире, царица Кора, миф о Фаэтоне и Актеоне), возможность для героев нарушать установленный богами порядок позволяют Арс. Тарковскому осмыслять понятие «смерть» путем обращения к художественным образам и мотивам античной танатологии. Античный миф предлагает различные сюжеты развития событий после смерти, позволяет развивать тему бессмертия в различных вариациях и оспаривать вечное забвение, вследствие чего смерть в поэзии Тарковского не изображается как активная персонифицированная сила, внушающая ужас, страх, трепет, а рассматривается как процесс – метаморфоза физического тела и перерождение бессмертной души, предпосылкой чему служит антропоморфизация природного мира и идея всеобщей обратимости. При художественном воплощении процесса метаморфозы Арс. Тарковский во многом следует овидиевской традиции, однако главным образом эффект непрерывности и единства всей вселенной достигается благодаря поэтической образности, рождающейся в недрах мифа. Развитие темы смерти как последней метаморфозы служит раскрытию идеи преодоления времени, пространства, победы над смертью и забвением. Перерождение бессмертной души как отрицание длительного загробного существования обуславливает отсутствие Элизия – идиллического пространства в художественном мире Арс. Тарковского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарковский А. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 2 : Поэмы; Стихотворения разных лет; Проза. М. : Худож. лит., 1991. 270 с.
2. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М. : Восточная литература РАН, 2000. 407 с.
3. Тарковский А. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1 : Стихотворения. М. : Худож. лит., 1991. 462 с.
4. Тарковский А.А. Благословенный свет: Избранные стихотворения. СПб. : Северо-Запад, 1993. С. 108.
5. Тарковский А. Письма, дневники, наброски // Волкова П. Жизнь семьи и история рода. М. : Изд-й дом «Подкова»; Эксмо-Пресс, 2002. 224 с.
6. Щеглов Ю.К. Некоторые черты структуры «Метаморфоз» Овидия // Проза. Поэзия. Поэтика. М. : Новое литературное обозрение, 2012. 569 с.
7. Публий Овидий Назон. Метаморфозы. М. : Худож. лит., 1977. 430 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 апреля 2015 г.

ANCIENT THANATOLOGY IMAGES AND MOTIVES IN ARSENY TARKOVSKY'S POETRY

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 25–30. DOI: 10.17223/15617793/395/4

Tsypilova Polina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anilopa87@mail.ru

Keywords: Arseny Tarkovsky; thanatology; anthropology; metamorphosis; ancient literature; Russian poetry.

This article investigates how ancient thanatology art images and motives function in Arseny Tarkovsky's poetry. As the mortal theme penetrates Arseny Tarkovsky's poetry, the ways of perceiving and interpreting of the "death" category evolve. The poet leaves both the childish non-recognition of death as an irreversible act and the later view of death as an oblivion opposed to the cultural memory for the discovery of its second, unnatural and violent kind of a war-begotten victim state followed by disgust and fear of death, and then for vision of death as a final metamorphosis and for belief in the soul immortality. In order to elaborate on the topic of death the poet refers to the ancient afterlife notions: ancient myths, infernal images, symbols and motives. The article aims to identify the reasons of Tarkovsky's resort to ancient thanatology art images and motives as well as his interpretation of the "death" category in the coordinates of antiquity. Inability to clearly distinguish oneself from the surrounding natural world underlies the mythological thinking features also immanent for childish mentality, such as space-time syncretism, poor abstract thinking and nature anthropomorphism, which Tarkovsky's memory fixes and later his verse reflects as natural world anthropomorphism followed by the lyric hero's metamorphosis and also develops the theme of death and soul immortality by resorting to concrete object images of ancient Greek mythology. Arseny Tarkovsky refers to ancient thanatology artistic figures and motives in order to reveal the topic of

death, as the variety of ancient afterlife myths provides a wide range of thanatological mythologems (the boat, the river of forgetfulness, the ferryman, swallows, pines, shades in the underworld, Queen Core, the myth of Phaeton and Actaeon) as well as the hero's ability to break the rules established by gods. Ancient myth challenges eternal oblivion by offering a variety of both further developments after death and ways of immortality theme elaboration, therefore Tarkovsky's poetry portrays death as a process of the physical body metamorphosis and immortal soul's rebirth, but not as an active force, personified (Hades, Thanatos) and terrifying. Dualism of body and soul comprehends physical death as the last metamorphosis predetermined both by the natural world anthropomorphism and the idea of the universal reversibility. The interpretation of death as the final metamorphosis serves to disclose the ideas of time and space overcoming as well as a victory over death and oblivion. Tarkovsky's artistic world contains no idyllic place of Elysium, as a rebirth of an immortal soul denies the concept of a long afterlife.

REFERENCES

1. Tarkovsky A. *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Works: in 3 v.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1991. V. 2. 270 p.
2. Meletinskiy E.M. *Poetika mifa* [The Poetics of Myth]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN Publ., 2000. 407 p.
3. Tarkovsky A. *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Works: in 3 v.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1991. 462 p.
4. Tarkovsky A.A. *Blagoslovennyy svet: Izbrannye stikhotvoreniya* [Blessing Light: Selected Poems]. St. Petersburg: Severo-Zapad Publ., 1993. 368 p.
5. Volkova P. *Arseniy Tarkovskiy. Zhizn' sem'i i istoriya roda* [Arseniy Tarkovsky. Family life and history of the genus]. Moscow: Podkova Publ.; Eksmo-Press Publ., 2002. 224 p.
6. Shcheglov Yu.K. *Proza. Poeziya. Poetika* [Prose. Poetry. Poetics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 569 p.
7. Publius Ovidius Naso. *Metamorfozy* [Metamorphoses]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1977. 430 p.

Received: 20 April 2015

РАЗНОВИДНОСТИ БАЛЛАДНОГО ЖАНРА В ПОЭЗИИ М.Н. МУРАВЬЕВА

Рассматриваются балладные опыты М.Н. Муравьева на пересечении с другими, более традиционными жанрами русской поэзии XVIII в. – романом, любовной и исторической песнями, элегиями. Детально анализируются их образный и стилистический строй, доминирующие мотивы и сюжетные ситуации, особое внимание обращено на то, как М.Н. Муравьев осмысливает ключевой для жанра баллады мотив судьбы. Кроме того, впервые балладные опыты М.Н. Муравьева рассматриваются в контексте творчества писателя в целом.

Ключевые слова: баллада; роман; сюжет; мотив; М.Н. Муравьев; русская литература XVIII в.

К концу XVIII в. традиция французской баллады в русской литературе угасла, начиная с 1790-х гг. получил распространение так называемый англо-шотландский, или немецкий, тип баллады (об истории возникновения и о развитии жанра английской и немецкой литературных баллад см.: [1; 2. С. 8–11]). Эта новая разновидность баллады оказаласьозвучной умонастроению представителей сентиментализма и предромантизма в русской литературе, но ее рецепция у поэтов конца XVIII – начала XIX в., в чьем творчестве осуществлялся синтез чужой и национальной традиции, происходила постепенно и по-разному.

Первым поэтом, попытавшимся придать литературной балладе «русский дух», был Муравьев, перу которого принадлежат три текста: «Неверность» (1781), «Болеслав, король польский» (1790) и «Романс, с каледонского языка переложенный» (1804), которые с большим или меньшим основанием можно отнести к балладному жанру. Стихотворные опыты Муравьева послужили предметом исследования Л.Н. Душиной, считающей, что именно им был «намечен и... осуществлен “перелом” от сказки в стихах, от романа к балладе» [3. С. 49]. Круг задач, поставленных исследовательницей, оказался достаточно широким: выявление основных черт поэтики становящегося жанра, влияние на него других, более традиционных жанров русской поэзии (песни, романса, элегии), соотношение творческой программы Муравьева (особенностей его художественного мышления) с литературным процессом рубежа XVIII–XIX вв.

Цель нашей статьи – выяснить, как в творчестве Муравьева осуществился синтез европейской баллады нового типа и отечественной литературной и фольклорной традиции. Достижение этой цели предполагает решение следующих задач: на основе полного и детального анализа образного, мотивного и стилистического строя балладных опытов Муравьева определить, как в каждом отдельном тексте осмысливается мотив судьбы, являющийся двигателем сюжета, и проследить, как трансформируется жанр баллады под влиянием национальной традиции.

Стихотворение «*Неверность*» – первая в отечественной литературе «баллада в русском духе» [4. С. 90], хотя сам Муравьев почти не давал своим опытам какого-либо жанрового обозначения [3. С. 49]. Объяснением этому факту может служить общая ситуация в отношении жанров в творческой практике поэта: на фоне существующих жанровых норм и канонов стихотворные опыты Муравьева не поддаются

однозначному определению, большинство его стихотворений после 1775 г. лишено каких бы то ни было спецификаций жанрового характера.

Л.Н. Душина видит в этом стихотворении синтез баллады и романса. Жанровое влияние романса скрывается в выборе темы и распространяется в основном на форму стихотворения [3. С. 46]¹. «“Экзистенциальной” темой романса является тема неразделенной любви, выраженная в форме бессюжетного монолога с прямыми обращениями, риторическими и нериторическими вопросами, восклицаниями, императивами» [7. С. 196].

К жанру романса читателя отсылает музыкальность текста и название «Неверность», обозначающее событие и предполагающее наличие автора с его оценкой происходящего. В эмоционально-образном строе «Неверности» доминирует «“балладное дыхание” чудесного, выявляющая себя атмосфера таинственного» [3. С. 46]. Именно наличие сюжета, окутанного атмосферой таинственности, отличает стихотворение Муравьева от баллад В.К. Тредиаковского и А.П. Сумарокова, способствует «взлету баллады» [8. С. 25]. Категория «чудесного» уводит балладу от традиционной песенной поэтики романса к новому, «романтическому» типу повествования, в котором возможна метафоризация сюжета².

Композиционно стихотворение «Неверность» можно разделить на три части. В первой автор рассказывает читателю о страданиях главной героини:

За кусточком девица
Горько плачет и рвется:
Темна ночь наступает,
Милый друг не приходит.

В ситуации выбора между любовью и службой герой выбирает службу (исполнение воинского долга), а героиня – любовь («...оставила бедна / Мать, отца, род и племя»). «Аккомпанементом» первой части служит плач девушки (2-й стих – «Горько плачет и рвется», 18-й стих – «Плачет бедная, плачет»), но в 19-м стихе ее плач внезапно прерывается, и героиня умирает ровно в полночь («Тихо... В полночь не стало / Боле плакати силы»). Функцию преломления событий в иной план выполняет «насыщенная пауза», которую Л.Н. Душина называет еще «паузой таинственности» и которая благодаря Муравьеву вошла в арсенал приемов балладной поэзии [3. С. 47].

Вторая часть стихотворения, как и третья, построена на собственно балладном мотиве – мотиве таин-

ственной силы. Важно отметить, что небесные силы выполняют функцию своеобразного помощника героини, избавляющего ее от страданий:

Милосердый небесный
Дух помог ей кончаться
И убавил мученья,
Бедной, ей половину

(здесь и далее курсив мой. – А.Ш.).

«Тень», т.е. душу девушки, дух забирает к себе на небеса («В рощи добрых усопших»), где она обретает покой и безмятежность, а тело оставляет земле. Сюжетная линия, связанная с жизнью героини, завершена.

Третья часть посвящена описанию злоключений героя, которого преследует страшный рок. Будучи один (без героини), он не может найти дорогу из Твери. В отличие от героини, которую небесный дух избавляет от страданий, героя преследуют силы природы, явленные в образах низшей славянской мифологии, – лешие и филины, – наказывая за измену³. Как и в англо-германских балладах, природа здесь враждебна герою:

И запутали тропки
Всюду лешие ждущи.
Совы, филины страшны,
С человеческим гласом
И со очи горящи,
С сука на сук летают
И крылами своими
Бьют изменничьи плечи.

Обращение к образам языческой мифологии (Полель⁴, леший) сообщает балладе колорит славянской древности.

Автор называет героя странником, т.е. человеком, которому некуда идти и некуда возвращаться. Ему, в отличие от героини, нет пути наверх, и он пытается найти защиту у земли, но и та не принимает его. В момент наивысшего отчаяния героя настигают мстящие роковые силы:

...и послышал
По спине он колесы
Громовой колесницы.

В жанровом отношении эта баллада является собой соединение драматического, эпического и лирического начал при явном доминировании лирического. В первых русских балладах поэты обращаются в поисках поэтических средств выражения содержания к жанру народной лирической песни (о влиянии традиционной русской песни на русскую литературную балладу см.: [10. С. 106–116]). Балладный опыт Муравьева не составляет исключения: он также ориентирован на фольклорную, в частности песенную традицию, на что указывает использование фольклорных эпитетов («темна ночь», «девица», «горько плачет», «милый друг», «Тверь любезная», «злые бусурмане», «горючие слезы»), усеченных форм прилагательных («темна ночь», «чужадальна сторонка», «мать сыра земля»), уменьшительно-ласкательных суффиксов (кусточек) и безрифменного стиха. Лирические интонации баллада принимает и благодаря тому, что автор-рассказчик играет роль «сопереживателя», будто бы являясь частью балладного мира.

К фольклорным текстам отсылает и причудливое соединение языческого и христианского мироощуще-

ний (своего рода «двоеверие»). Можно сказать, что в балладе представлены как бы два уровня осознания событий: уровню сознания героя свойственны языческие представления, в то время как видение автора-рассказчика ближе к христианской картине мира:

Пораженный, скитался
Девять дней и ночей он.
Со десятой зарею
Набежал на любезну.
Совершил он ей тризну...⁵.

Именно рассказчику в стихотворении принадлежит христианская идея Божьего суда, воплощающего высшую правду («милосердый небесный дух»).

Повествовательный ряд баллады представлен мотивами измены одного из любящих, разлуки, таинственной силы и трагической гибели героев. Ко времени написания Муравьевым «Неверности» мотивы любовной измены и разлуки широко использовались в лирических текстах – это, прежде всего, песни петровского времени и авторские песни и элегии середины и второй половины XVIII в., представляющие собой монолог лирического субъекта и лишенные повествовательности⁶.

Событийная линия в этой балладе тоже намечена пунктиром. Именно фрагментарность повествования помогает создать атмосферу недосказанности и умалчивания. Автору очень важно показать свое отношение к героям и передать ощущение тайны. Суггестивная атмосфера сладкого ужаса присуща разным жанрам, зародившимся и популярным в конце XVIII в. – готическому фрагменту, готической и кладбищенской повестям, готическому роману и литературной балладе. «Страшная» баллада (или баллада «ужаса») и «готическая» проза выполняли сходные эстетические задачи, являясь продуктивным жанром и становясь модным чтением⁷. Близость и взаимовлияние прозаических и поэтических жанров можно объяснить тем, что в их основе лежат одни и те же устойчивые элементы: тематические, сюжетно-композиционные и образные.

На первый план в тех и других выходит встреча героя с надличной силой, коренным образом меняющей его судьбу. Ситуация тревожного и напряженного ожидания, предчувствие трагической развязки как нельзя более соответствует пространственно-временному континууму текста (описание вечернего пейзажа на грани ночи в «кладбищенском» духе; устойчивый балладный топос «лес», враждебный человеку, в котором герой встречает представителей загробного мира).

Доминантный, сюжетообразующий мотив «Неверности» – мотив таинственной силы: он определяет судьбу героев, настраивает читателя на волну предчувствия, которое сбывается по-балладному: героиня гибнет в полночь, герой наказан за измену. Ощущение пограничности земного и потустороннего мира («Ему мстилось») спустя почти тридцать лет после создания «Неверности», станет одним из наиболее устойчивых признаков баллады, именно на нем построит свою «Людмилу» (1808) В.А. Жуковский.

«Болеслав, король польский» – результат многолетней работы Муравьева (о трагедии Муравьева «Болеслав» см.: [17. С. 71–82; 18. С. 29–302]). Задолго

до написания баллады он работал над трагедией «Болеслав» (1773), так и оставшейся незаконченной⁸. Источниками сюжета послужили факты славянской истории XII в., народные сказания и предания⁹. В трагедии, по мнению Л.И. Кулаковой, были «заложены элементы будущих балладных тем; здесь и романтика рыцарских времен, и любовь, и сражение, и братоубийство, и обители святые» [20. С. 458]. Перечисленные исследовательницей «элементы» и составили мотивный комплекс написанной в 1790 г. баллады (в свет она вышла только в 1810 г.).

В отличие от «Неверности» эта баллада обладает разработанным сюжетом, в основе которого – соперничество двух братьев Збигнева и Болеслава в борьбе за трон и любовь.

Столкновение родственников в борьбе за власть и любовь – довольно распространенный мотив в литературе XVIII в. Так, например, в «Синаве и Труворе» Сумарокова два брата – Синав и Трувор – влюблены в Ильмену, дочь боярина Гостомысла. Против воли Ильмены отец обещает ее руку Синаву как спасителю Новгорода от междуусобных войн. В финале трагедии Трувор гибнет, Ильмена закалывает себя кинжалом, а раскаивающийся Синав, как и Болеслав, хочет последовать за возлюбленной, но ему не дают этого сделать. В трагедии Сумарокова, написанной в 1750 г., сильно рационалистическое начало: безвременная смерть героев объяснена властью несчастного случая, вторгшегося в жизнь и нарушившего ее гармонию:

Влекущий днесь меня к великолепну сану,
Мой *случай* бурному подобен океану:
Свергаюсь в ярости воюющих валов
...
В пучину страшную с высоких берегов;
Оставь мою вину, что *в случае жестоком*
Была принуждена Ильмена изменить... .

В отличие от классицистических текстов в основе произведений рубежа веков лежит сомнение в способности человека «одолеть природу» усилием воли и рассудка и все более отчетливо начинает звучать мотив непознаваемости человеческой судьбы.

Баллада Муравьева не является исключением на этом фоне. Если соперничество в борьбе за трон кончается победой Болеслава, то победитель в любви – Збигнев, так как Болеславу княжна отказывает со словами: «Хоть навеки разлученна, / Буду ввек ему верна». Эта единственная реплика персонажа, которую автор вводит в текст баллады, звучит как предвестие судьбы: героиня (в отличие от героя «Неверности») остается верна своему слову, но счастливая развязка все равно невозможна, по воле рока княжна навеки оказывается разлучена со Збигневом.

Будучи несчастным в любви, Болеслав забывает о военных действиях до того момента, когда на Воллин нападают чехи. Болеслав побеждает неприятеля и снова жестоко платит за свою победу:

Пленна витязя сретает
Царь у ног княжны своей;
Меч во грудь его вонзает,
Шлем валится – то Збигней.

Узнав своего брата, Болеслав пытается покончить жизнь самоубийством, но приближенные останавливают его.

«Оставив трон высокой», Болеслав навсегда покидает Воллин и странствует, посещая «обители святых». Если целью его боевых походов было объединение Польши, то сейчас главная задача – спасение души через странничество и публичное покаяние. Можно предположить, что подобная концовка была написана Муравьевым под влиянием духовных стихов или христианских легенд¹⁰. Финал баллады – «Должно думать, что спокойство / Наконец сошло с небес» – можно трактовать двояко: как смерть героя или как обретение им спокойствия в земной жизни¹¹. Двойственность финала отвечает особенностям художественного мышления Муравьева, ставшегося избегать «точности» и каноничности и тяготевшего к неоднозначности и свободе воображения¹².

Неявным образом, что свойственно поэтике Муравьева, в «Болеславе» присутствует тема непреодолимых, не зависящих от воли человека обстоятельств: герой, наделенный властью над людьми, не властен над чувствами других людей, да и над своей судьбой он тоже не властен¹³. Концепт судьбы в разных балладах имеет разные сюжетные мотивировки: в «Неверности» трагический финал – следствие того, что герой нарушил данное им слово, за что и был наказан; в «Болеславе, короле польском» причина несчастий – действие «сильных страстей» и слепого рока (мотив рока в сочетании с мотивом трагической вины)¹⁴.

«Именно “роковым”, фатальным движением событий определен энергетический ритм произведения, – пишет Л.Н. Душина, – его четкая строфа, одномоментность кульминации и острота сюжета» [3. С. 48]. Заметим, что размер, которым написана баллада, – 4-стопный хорей – как нельзя более соответствует «энергетическому ритму», а кроме того, позволяет соотнести данный текст с жанром исторической песни.

В жанровом отношении «Болеслав» занимает некое переходное место, совмещающее черты исторической и любовно-психологической баллады.

В 1804 г. Муравьев пишет стихотворение, которое обозначает как «*Романс, с каледонского языка перевложенный*». Однако после его смерти в журнале «Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академией» было сообщено, что в 1804 г. на заседании в Российской академии Муравьев прочитал «Каледонский баллад в стихах». По мнению В.А. Западова, заглавие «Каледонский баллад в стихах» не принадлежит Муравьеву [26. Сн. 25]. Замену авторского названия отчасти объясняет исследование В.Н. Топорова: «...романс, – пишет он, – редкое для того времени жанроуказующее слово, отсутствующее в “Словаре Академии Российской”»; слово «романс» и его жанровое применение связаны с западным влиянием («увлечение оссиянизмом в его французских одеждах»). Фиксация данного слова в этом стихотворении – один из первых примеров явления слова «романс» в русской литературе и языке [4. С. 88]. Возможно, именно поэтому в журнале «Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академией» малоизвестное жанровое обозначение «романс» было заменено на становившееся популярным слово «баллада».

Для русской литературы конца XVIII в. характерно увлечение английской сентиментальной и преро-

мантической поэзией – поэмами Э. Юнга, Дж. Томсона и, конечно, Оссиана, который в сознании многих русских литераторов того времени объединялся с поэтами-сентименталистами. Муравьев представляет читателю свое стихотворение как перевод из Оссиана, о чем свидетельствует выбранное им заглавие «Романс, с каледонского¹⁵ языка переложенный». На самом деле это самостоятельный текст, из Оссиана автор заимствовал только имена героев (Оссиан, Фингал и Мальвина) и «меланхолический колорит повествования» [28. С. 12].

Стихотворение начинается с «романтического» описания природы в духе Оссиана:

Лес священный помавает
Со кругых своих вершин.

Рассказчик одушевляет окружающую действительность¹⁶. Субъективность его восприятия подчеркивает глагол «кажется»:

Кажется, что он взымет:
«Оссиан, Фингалов сын!»¹⁷.

Одухотворение природы свойственно фольклорным текстам (например, народным песням), а также тем, что написаны под влиянием фольклора (как «Слово о полку Игореве»), природные явления в них соотносятся с внутренним миром человека. Природа способна услышать и понять просьбу о сочувствии, но в этом стихотворении призыв природы остается без ответа, сын Фингала не может ему внясть – он мертв.

Связь с фольклором отчетливо прослеживается в описании военного снаряжения Оссиана (постоянные эпитеты – «шлем пернатый», «златая булава»); его «конь крылатый», подобно коню из фольклорных текстов, способен лить слезы. При жизни Оссиана как подлинно эпического героя, отличала храбрость, мудрость и умение веселиться в перерывах между боями:

На горах гремел восточных
Посреди своих врагов;
...
...советы витязь юный
Старцам мудрым подавал;
...
...арфы стройны струны
Гласом сладким провождал.

В четвертой строфе появляется Мальвина, ищащая своего возлюбленного, на тщетность ее поисков указывает эпитет «несчастная». Восклицание «Ах!» и характеристика Мальвины через эпитет акцентируют внимание читателя на отношении к происходящему лирического субъекта. В балладах Муравьева, как позднее В.А. Жуковского (о жанре баллады в поэзии Жуковского см.: [25; 30; 31. С. 155–264; 32. С. 48–69 и др.], между героями и читателями стоит образ автора-рассказчика: его голосом рассказаны все «ужасные» истории, его интонация звучит в каждом слове.

Обозначив вначале место действия, автор называет и время («полночные часы»), вводя важнейшую для данного текста категорию судьбы, выступающей здесь в роли безличной силы, равнодушной к человеческим ценностям («...судьбина / Не снисходит для красы»).

Мотивы разлуки и смерти не имеют, в отличие от «Болеслава», психологических мотивировок. Автор не называет причины смерти Оссиана, очевидно лишь,

что он погиб как воин. Образное описание смерти героя, как и всего относящегося к нему, восходит к фольклорной традиции:

Сник, как утренней росою
Оживленный только цвет
Пожинается косою,
Так упал он в цвете лет.

Гибель героя представлена как переход через границу – «невидиму ограду», отделяющую мир мертвых от мира живых, в том числе и от возлюбленной. Душа Фингалова сына устремилась ввысь, на «горний круг», где парит вместе с облаками, но благодаря силе чувств границу между двумя мирами – земным и горним можно преодолеть:

Слезы – вот твоя отрада, –
Слезы дойдут до него.
Или лучше взор слезящий
Возвели на горний круг:
Зри со облаком парящий,
Зри его блестящий дух.

Если в «Неверности» надличные силы наказывают героя за предательство возлюбленной, то здесь герояня за искреннюю любовь получает возможность зреТЬ дух возлюбленного в другом мире (может быть, только в воображении), вспоминать его былые подвиги. Финал этого текста (десятую строфи):

Он окончил дней теченье –
Нас волнует жизни ток.
Бейтесь, струны, в небреженье;
Всё уносит лютый рок,
можно соотнести с финалом «Болеслава»:

Ах! ни чести, ни геройство
Не спасают нас от слез.

И в том и в другом стихотворении автор выводит общий удел всего человечества (героев, царей и простых смертных), призванный примирить нас с несовершенством мира, присутствием в нем несчастий, слез, горестей. В «Романсе...» важную семантическую роль играют глагольные времена: «он» (Оссиан) принадлежит к прошедшему времени, «мы» – к настоящему, а «всё», выполняющее обобщающую функцию, снимает границу, отделяющую прошедшее время от настоящего, мир мертвых от мира живых. Метафора перетекания жизни в смерть выстроена через образы течения, реки: река жизни впадает в смерть. Образ бывающих в небрежении, т.е. покинутых поэтом, струн арфы благодаря метафоре реки жизни дополнен поэтически свежим образом бывающих о берег волн. Всесилие смерти принадлежит к числу вечных тем, которые не утрачивают своей значимости на протяжении всего XVIII в.

«Романс, с каледонского языка переложенный» не менее других опытов Муравьева свидетельствует о самобытности его поисков в жанре баллады. В.А. Западов определяет жанр этого текста как романс балладного типа [26. Сн. 25]. Близко это стихотворение и «сентиментальным подражаниям народным песням» [28. С. 58], о чем свидетельствует установка на песенное исполнение. Можно говорить применительно к этому тексту и о влиянии элегии: ведущий балладный признак – событийность – едва намечен, а «звучящий здесь мотив рока как бы расходится и тает в оссияновских мотивах уныния» [3. С. 49]. Размышления о

жизни, смерти и бессмертии, об истинном героизме, о славе окрашены в элегические тона.

Подведем итоги. Очевидно, что «Болеслав, король польский» и «Романс с каледонского языка переложенный» написаны не без влияния традиций сентиментализма и предромантизма, о чем свидетельствуют как чувствительность героев, так и эмоциональность автора:

Не давал он мищенью места,
И виновного любя;
...
Где возьму я выраженья,
Чтобы горесть описать;
Ax! Ни чести, ни геройство
Не спасают нас от слез
(«Болеслав, король польский»);
Слезы – вот твоя отрада, –
Слезы дойдут до него.
Или лучше взор слезящий
Возведи на горний круг...¹⁸,
...
Ax, несчастная Мальвина...

(«Романс с каледонского языка переложенный»).

Сочувствующий автор, являющийся своеобразным посредником между читателем и героем, – типичная для сентименталистской литературы фигура.

В отличие от «Болеслава», где доминирует эпическое начало, «Романс...» и «Неверность» отличает ослабление повествовательности и преобладание лиризма. «Неверность», по справедливому замечанию Л.И. Душиной, предваряет психологические баллады В.А. Жуковского, «полные меланхолического чувства, которое размывает сюжетные границы произведения, вступает с ними в композиционно оправданное художественное противоречие» [34. С. 8].

Размышляя над характером своего поэтического дарования, Муравьев видит себя прежде всего лирическим поэтом¹⁹. Возможно, этим можно объяснить доминирование в его балладах лирического начала над двумя другими, ведь, не сумев написать трагедию «Болеслав», Муравьев реализует свой замысел именно в поэтическом жанре – балладе.

В полной мере соответствуют лирическому дарованию Муравьева роль воображения – «игры мечтания» («К Музею», 1790-е гг.), полутона и недосказанность баллады²⁰. Излюбленное время баллад – сумерки / полночь²¹, когда контуры реального времени растворяются и появляются обманчивые ночные призраки, исчезающие при пробуждении (о художественном времени и пространстве баллад см.: [36. С. 7–11]). Историческое время – условная «древность»: Древняя Русь, средневековая Польша и Каледония.

В отличие от своего предшественника – стихотворения канонической формы и шутливого содержания, в основе менее канонического нового типа баллады лежит трагический конфликт человека и стихийных

сил природы либо человека и тяготеющего над ним рока. Все три балладных опыта Муравьева заканчиваются гибелью героев, хотя в трагической развязке вины героя может и не быть («Болеслав, король польский»). Сам по себе герой пассивен, им управляет балладная ситуация, которая и позволяет развить драматическое действие. Причиной и двигателем сюжета является действие внеположных человеку, внешних по отношению к нему сил – реальных или фантастических («Неверность»), либо сил внутренних – «страстей роковых», владеющих героем («Болеслав, король польский»).

Признавая надличную силу, зависимость человека от чьей-то воли, Муравьев не определяет ее до конца (рок, судьба, небесный дух). Понятия «судьба», «жребий», «рок» синонимичны в его поэзии:

Aх, может быть, мой рок той чести не судил,
Чтоб верх мой увенчан был листвием лавровым
И чтобы поздний род меня произносил
С певцами наших дней Херасковым, Петровым.
Представлю жребий сей –
И слезы зависти катятся из очей.
(«Ах, может быть, мой рок той чести не судил...»,
1770-е гг.);

Ты хочешь гнев опять испытывать судьбины?
(«Жалобы Диодона», 1772 г.).

Главное для Муравьева – понимание скоротечности жизни, беспощадности и всесилия смерти, являющейся уделом всех людей, и осознание невозможности остановить ход времени:

Во времени одну занять мы можем точку.
Минута, кою жил, длиннее году сна...

(«Время», 1775 г.);

Всё оставим за пределом,
С сим что сродно бренним телом.
Смертный, ты сие внуши.
И, затем воспоминая
Скоротечность дней своих,
Не достигнуши до края,
О цене помысли их

(«Скоротечность жизни», 1780-е гг.);
Как вихрь, что, убежав из северной пещеры,
Вскрутится и корабль в пучину погрузит,
Так смерть нечаянно разрушит наши меры
И в безопасности заснувших поразит

(«Неизвестность жизни», 1802 г.).

Осознание дисгармонии мира, меланхолическое, элегическое настроение распространяются и на черты балладного жанра, начинающего складываться в поэзии Муравьева. Отказ следовать какому-то одному направлению и жанру, неприятие «точности» и «вольность воображения», тяготеющего к «древностям», – все это создавало мощный импульс для последующего развития баллады как в варианте В.А. Жуковского, так и в варианте П.А. Катенина.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под романсом в конце XVIII в. понимается стихотворный текст вокального произведения. Термин «романс» постепенно упраздняет жанровое обозначение «российская песня». Сравнивая «русскую песню» и романсы, Т.М. Акимова отмечает, что «романс в русской литературе иногда не различался по родовому признаку с балладой, иногда даже с поэмой» [5. С. 36]; схожего мнения придерживается В.Е. Гусев, отмечая, что «разграничение романса и баллады – еще более сложная проблема», чем разграничение песни и романса [6. С. 6].

² В отличие от баллад в романсе чаще всего использовались мотивы любовной верности и преданности, самопожертвования ради счастья возлюбленной и поклонения своей «владычице», а также мотивы бессмертия, вечности любви и обожествления, святости избранницы (о жанре романса в русской поэзии конца XVIII в. см.: [7. С. 196]).

³ В описании М.Д. Чулкова лешие – подземные жители, могущие выходить на поверхность только ночью, они «...кричат ужасно, хлопают в ладони и откликаются на голос, когда аукают; ходящих по лесу людей обходят кругом, чем затмевают их память, и принуждают заблуждаться до ночи; а потом уносят в свои [подземные] жилища... Сии страшилища почитались от древних славян лесными богами...» [9. С. 233].

Сова или филин символизируют некое демоническое ночное существо, злые предзнаменования и являются атрибутом бога подземного мира, вестником смерти или проводником душ в потустороннем мире. Сова встречается в качестве атрибута аллегорических фигур Ночи и Сна. С собой связана одна из мойр – Атропос («неотвратимая»), прерывающая нить жизни. М.Д. Чулков описывает филина как «птицу, почитающуюся предвестницей пагубы», ее крик предвещает скорую смерть или беду [9. С. 304].

⁴ У М.Д. Чулкова дано следующее описание бога Полеля: «Полель – должность и свойство онаго означает самое его имя полеля, то есть следующий полеле, ибо брак всегда следует за любовью. Он и его порода почитались наидревнейшими Славянскими божествами, из чего ясно означается сила и преимущества природы несомненно по достоинству своему имел и он у себя немало божниц в Славенских городах» [9. С. 269].

⁵ Если у язычников тризна – часть *погребального обряда*, совершаяся рядом с местом погребения перед *сожжением* покойника, то у православных – обряд поминания умершего, а также поминки на третий, девятый, сороковой день, через год и три года [9. С. 300].

⁶ Напр., любовные элегии В.К. Тредиаковского («Элегия II»), А.П. Сумарокова («О мesta, места драгие...», «Сокрылись те часы, как ты меня искала...») и А.А. Ржевского («Престрого судьбою...») (о жанре элегии см.: [12. С. 12; 13; 14. С. 10–14]).

⁷ «Страшная» баллада, по определению А.Г. Вакуленко, – «сюжетно-тематическая разновидность фантастической баллады» [15. С. 4]. Именно в литературе предромантизма берет начало тесное взаимодействие баллады и фантастической повести [16. С. 138–165].

⁸ В середине 1776 г. М.Н. Муравьев вернулся к неоконченной трагедии. 23 июля он читал написанную часть пьесы И.А. Дмитревскому. Слушатель был «не совсем доволен тирадами о политике», но тем не менее одобрил автора. «Ничто не послужило», – записал Муравьев позднее (т.е. не подтолкнуло к завершению трагедии) [19. С. 307]. В письме от 23 ноября 1777 г. Муравьев пишет сестре: «Ах! Зачем я только могу судить в трагедии, а не быть сужден. Хемницер мне это упрекает. А ты еще упоминаешь “Болеслава”!» [11. С. 320].

⁹ Болеслав III Кривоустый был польским королем с 1102 г., ему удалось добиться политического единства Польши, он был известен войной с братом Збигневом и его союзниками – чехами и германским императором.

¹⁰ Ср., напр., с духовным стихом «Стихи о страстех Господних и о плаче пресвятые Богородицы»: «Со страхом мы, братие, восплачаемся: / Мучения – страдания Иисуса Христа. / Восплачаемся на всяк день и покаемся, / И Господь услышит покаяние / За что и нам дарует Царствие Свое, / Радости и веселию не будет конца» [21. С. 755–756] (о духовных стихах см.: [22]). Анализируя народные баллады, Д.М. Балашов относит к их числу значительную часть эпических духовных стихов [23]. Вслед за ним А.В. Кулагина отмечает близость баллад к духовным стихам, выраженную в сюжете, одноконфликтности и напряженности действия, повествовательности, объеме и характере стиха [24. С. 88].

¹¹ Ср. «К Хемницеру»: «А тихий сон селян смыкает очи томны / И вносит на крылах в их домы неогромны / Ласкающи мечты; / Спокойна их душа подобием природы, / И лучше день один весенния погоды / Всей мира суеты... <...> И пусть придет мой день: ты здесь меня спо-коиши / И, может быть, еще слезами удастоиши / Прах друга своего».

¹² Так, например, в письме отцу в 1777 г. Муравьев признается: «В самом деле, дано у меня много вольности воображению... Он [Новиков] друг точности. Но, может быть, ее требовать строго в стихотворстве и невозможна» [11. С. 310].

¹³ Власть судьбы над жизнью человека подчеркнута последней рифмой («слезы – «небес»).

¹⁴ Поступки героев в «Болеславе» получают психологическое обоснование, что позволило Р.В. Иезуитовой соотнести его с любовно-психологическим типом баллады [25. С. 10].

¹⁵ Каледония – древнее название северной части острова *Великобритания*, заливом Фортским; отождествляется с нынешней Шотландией. *Каледонский лес* находится на северной границе *римской Британии* [27].

¹⁶ Прием олицетворения природы был позднее применен Жуковским в «Людмиле».

¹⁷ Г.А. Гуковский, анализируя эстетические установки и поэтические эксперименты поэта, приходит к выводу: «Субъективный мир как реальность – как бы в укор катастрофическому и иллюзорному объективному миру – эта уже романтическая тема вырисовывается из лирической медитации Муравьева» [29. С. 262].

¹⁸ Уже к 1797 г. слезы становятся штампом сентиментальной литературы, и в предисловии к альманаху «Аониды» Н.М. Карамзин напишет: «Не надо только беспрестанно говорить о слезах, прибирая к ним разные эпитеты, называя их блестящими и бриллиантовыми, – сей способ трогать очень ненадежен: надо только описать разительно причину их; означить горесть не только общими чертами, которые, будучи слишком обыкновенны, не могут производить сильного действия в сердце читателя, – но особенными, имеющими отношение к характеру и обстоятельствам поэта» [33. С. 144].

¹⁹ В 1777 г. Муравьев в письме отцу написал: «Куратор... сказал мне, что я имею *дар в лирическом*» [11. С. 260].

²⁰ Ср. в письме отцу в 1777 г.: «В самом деле, дано у меня много вольности воображению... Он [Новиков] друг точности. Но, может быть, ее требовать строго в стихотворстве и невозможна» [11. С. 310].

²¹ Сумеречное время суток сближает жанр баллады с жанром элегии. Собиратель народных баллад П. Якушкин отмечал, что «баллада так легко переходит в элегию и наоборот, элегия в балладу, что строго разграничить их невозможно» [35. С. 3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Петровая Е.К. Немецкая романтическая литературная баллада первой половины XIX века (К. Брентано, Э. Мерике) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 1999. 18 с.
2. Сиповская М.П. Литературная баллада и балладное возрождение в Англии первой половины XVIII в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1977. 18 с.
3. Душина Л.Н. М.Н. Муравьев и русская баллада // Проблемы изучения русской литературы XVIII в. Л., 1978. С. 39–49.
4. Топоров В.Н. Из истории русской литературы. Т. 2 : Русская литература второй половины XVIII века: исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. 2. М., 2003.
5. Акимова Т.М. «Русская песня» и роман первой трети XIX века // Русская литература. 1980. № 2. С. 36–45.
6. Гусев В.Е. Песни, романсы, баллады русских поэтов // Песни русских поэтов : в 2 т. Л., 1988. Т. 1. С. 5–54.
7. Яницкая С.С. Романс в творчестве Ю.А. Нелединского-Мелецкого // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Санкт-Петербург ; Самара, 2001. С. 194–198.
8. Душина Л.Н. На жанровом «переломе» от романа к балладе // Литературоведение : науч. доклады. Л., 1973. С. 21–25.
9. Чулков М.Д. Абевела русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и пр. М., 1786. 326 с.
10. Копылова Н.И. Фольклоризм композиции русской литературной баллады первой трети XIX в. // Вопросы поэтики литературы и фольклора : сб. статей. Воронеж, 1976. С. 106–116.
11. Кулакова Л.И., Западов В.А. М.Н. Муравьев // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 259–353.
12. Ефимова П.А. Эволюция жанра песни в русской литературе XVIII века (1730–1770 гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 18 с.

13. Трубицына В.В. Эстетические и художественные начала русской лирики и драмы в творчестве А.П. Сумарокова (песни, трагедии) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 21 с.
14. Фризман Л.Г. Два века русской элегии // Русская элегия XVIII – начала XX века : сб. Л., 1991. С. 5–48.
15. Вакуленко А.Г. Эволюция «страшной» баллады в творчестве русских поэтов-романтиков XIX – начала XX в. (от В.А. Жуковского до Н.С. Гумилева) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
16. Маркович В.М. Балладный мир Жуковского и русская фантастическая повесть эпохи романтизма // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 138–165.
17. Крестова Л.В. Из истории русско-польских связей в XVIII в. (Незавершенная трагедия М.Н. Муравьева «Болеслав, король польский» и его баллада на ту же тему) // Польско-русские литературные связи. М., 1970. С. 71–82.
18. Топоров В.Н. Неоконченная трагедия М.Н. Муравьева «Болеслав» // Из истории русской литературы. Т. 2 : Русская литература второй половины XVIII века: исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. 1. М., 2001. С. 29–302.
19. Западов В.А. Муравьев Михаила Никитич // Словарь русских писателей XVIII века. М., 1999. Вып. 2 : К–П. С. 307.
20. Кулакова Л.И. Муравьев // История русской литературы : в 10 т. М. ; Л., 1941–1956. Т. 4 : Литература XVIII века. 1947. Ч. 2. С. 454–461.
21. Беломорские старины и духовные стихи : собр. А.В. Маркова / РАН. Ин-т рус. лит. СПб., 2002. 1080 с.
22. Федотов Г.П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991. 192 с.
23. Балашов Д.М. Древняя русская эпическая баллада : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1962. 19 с.
24. Кулагина А.В. Русская народная баллада : учеб.-метод. пособие. М., 1977. 104 с.
25. Иезуитова Р.В. В. Жуковский и его время. Л., 1989. 288 с.
26. Западов В.А. Примечания // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1978. С. 48–49.
27. Каледония // Энциклопедический словарь. Т. 14 : Калака – Кардам. СПб., 1895. С. 12.
28. Левин Ю.Д. Оссиян в русской литературе. Конец XVIII – первая треть XIX века. Л., 1980. 205 с.
29. Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938. 313 с.
30. Артамасова М.А. Творчество В.А. Жуковского и фольклор : дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 191 с.
31. Немзер А.С. «Сии чудесные виденья...»: Время и баллады В.А. Жуковского // Зорин А.Л., Зубков Н.Н., Немзер А.С. Свой подвиг совершив: О судьбе произведений Г.Р. Державина, К.Н. Батюшкова, В.А. Жуковского. М., 1987. С. 155–264.
32. Штамлов С.Е. Характерология элегий и баллад Жуковского (к вопросу о единстве художественного мира поэта) // Жуковский и литература конца XVIII–XIX века. М., 1988. С. 48–69.
33. Карамзин Н.М. Находить в самых обыкновенных вещах пинитическую сторону // Карамзин Н.М. Избранные сочинения : в 2 т. М. ; Л., 1964. Т. 2. С. 143–145.
34. Душина Л.Н. Поэтика русской баллады в период становления жанра : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1975. 19 с.
35. Русские песни, собранные Павлом Якушкиным. СПб., 1860. 106 с.
36. Левченко О.А. Жанр русской романтической баллады 1820–1830-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1990. 22 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 мая 2015 г.

VARIETY OF THE BALLAD GENRE IN M.N. MURAVYOV'S POETRY

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 31–39. DOI: 10.17223/15617793/395/5

Schumacher Anastasia E. Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: nastasya02@yandex.ru

Keywords: ballad; romance; story; motive; M.N. Muravyov; Russian literature of the 18th century.

The formation of the literary ballad genre occurs simultaneously with the increase of interest in the folk ballad, and dates back to late 18th – early 19th centuries. At this particular time the crisis of European consciousness caused a change of philosophical paradigms: the transition from the cognitive optimism of the early Enlightenment to philosophical relativism and skepticism, characterized by realization of the impossibility of rational understanding of the World and Man, by interest in enigma, in irrational bases of the human soul. The literary-philosophical perception of that time showed the shift from sample imitation to ethnic origin apology, which had an impact on the ballad genre formation. The development of Russian literary ballad genre begins with M.N. Muravyov's ballad experiences. It was he who reoriented the Russian ballad from the French genre norms to the less canonical Anglo-German ones. The constitutive features of the new type of the ballad are the plot and the mysterious atmosphere; lack of these features leads to the synthesis of ballads with other genres – poetry and prose, folklore and fiction. M.N. Muravyov developed three variants of Russian ballads, each interacting with a certain genre – romance, historical song and elegy. “Infidelity” (“Nevernost”) is a synthesis of a ballad and a romance, where the two worlds – real and surreal – are described. The contrast of the real and the mysterious, almost thirty years after the creation of “Infidelity”, would become one of the most permanent features of ballads; V.A. Zhukovsky later created his “Lyudmila” using this contrast. “Boleslaw, the King of Poland” (“Boleslav, korol' pol'skiy”) is close to a historical song; this type develops in a new kind of ballads such as “The Song About the First Battle of the Russians and the Tatars on the Kalka River” (“Pesn' o pervom srazhenii russkikh s tatarami na reke Kalke”) by P.A. Katenin, partly “Thinking” (“Dumy”) by K.F. Ryleev and “The Song of the Wise Oleg” (“Pesn' o veshchem Olege”) by A.S. Pushkin. “A Romance Translated from the Caledonian Language” (“Romans, s kaledonskogo yazyka perelozhennyi”) represents a blend of a ballad and an elegy and precedes the psychological ballads by V.A. Zhukovsky. The blurred genre boundaries, halftones and innuendo of the ballad correspond to M.N. Muravyov's lyrical talent. Recognizing the suprapersonal force, person's dependence on someone's will, the poet does not define it until the end: the concepts of “fortune”, “fate”, “fatality” are synonymous in his poetry. Realization of the world disharmony extends to the ballad genre which begins to emerge in M.N. Muravyov's poetry.

REFERENCES

1. Petrvnyaya E.K. *Nemetskaya romanticheskaya literaturnaya ballada pervoy poloviny XIX veka* (K. Brentano, E. Merike): автореф. дис. канд. филол. наук [German Romantic literary ballad of the first half of the 19th century (K. Brentano and E. Mörike). Abstract of Philology Cand. Diss.]. N. Novgorod, 1999. 18 p.
2. Sipovskaya M.P. *Literaturnaya ballada i balladnoe vozrozhdenie v Anglii pervoy poloviny XVIII v.*: автореф. дис. канд. филол. наук [Literary ballad and the ballad revival in England of the first half of the 18th century. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Leningrad, 1977. 18 p.

3. Dushina L.N. *M.N. Murav'ev i russkaya ballada* [M.N. Muravyov and the Russian ballad]. In: *Problemy izucheniya russkoy literatury XVIII v.* [The study of Russian literature of the 18th century]. Leningrad, 1978, pp. 39–49.
4. Toporov V.N. *Iz istorii russkoy literatury* [From the history of Russian literature]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003. V. 2, book II, 960 p.
5. Akimova T.M. “Russkaya pesnya” i romans pervoy treti XIX veka [“Russian Song” and the romance of the first third of the 19th century]. *Russkaya literatura*, 1980, no. 2, pp. 36–45.
6. Gusev V.E. *Pesni, romansy, ballady russkikh poetov* [Songs, romances and ballads of Russian poets]. In: Gusev V.E. (ed.) *Pesni russkikh poetov: v 2 t.* [Songs of Russian poets: in 2 v.]. Leningrad: Sovetskiy pisatel' Publ., 1988. V. 1, pp. 5–54.
7. Yanitskaya S.S. *Romans v tvorchestve Yu.A. Neledinskogo-Meletskogo* [The romance in the works of Yu. Neledinsky-Meletsky]. In: *Problemy izucheniya russkoy literatury XVIII v.* [The study of Russian literature of the 18th century]. St. Petersburg: Samara: AS Gard Publ., 2001, pp. 194–198.
8. Dushina L.N. *Na zhanrovom “perelome” ot romansa k ballade* [In the genre “shift” from the romance to the ballad]. In: Grigor'ev A.L. (ed.) *Literaturovedenie: nauch. doklady* [Literary criticism: Scientific reports]. Leningrad: Leningrad State Pedagogical University Publ., 1973, pp. 21–25.
9. Chulkov M.D. *Abevega russkikh sueveriy, idolopoklonnicheskikh zhertvoprinosheniy, svadebnykh prostonarodnykh obryadov, koldovstva, shamanstva i pr.* [Dictionary of Russian superstitions, idolatrous sacrifices, vulgar wedding rituals, witchcraft, shamanism et al.]. Moscow, 1786. 326 p.
10. Kopylova N.I. *Fol'klorizm kompozitsii russkoy literaturnoy ballady pervoy treti XIX v.* [Folklorism of the composition of Russian literary ballads of the first third of the 19th century]. In: Lazutin S.G. (ed.) *Voprosy poetiki literatury i fol'klora* [Issues of poetics of literature and folklore]. Voronezh: Voronezh State University Publ., 1976, pp. 106–116.
11. Kulakova L.I., Zapadov V.A. *M.N. Murav'ev* [M.N. Muravyov]. In: Makogonenko G.P. (ed.) *Pis'ma russkikh pisateley XVIII veka* [Letters of Russian writers of the 18th century]. Leningrad: Nauka Publ., 1980, pp. 259–353.
12. Efimova P.A. *Evolyutsiya zhanra pesni v russkoy literature XVIII veka (1730–1770 gg.)*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [The evolution of the song genre in Russian literature of the 18th century (1730–1770). Abstract of Philology Cand. Diss.]. Samara, 2007. 18 p.
13. Trubitsyna V.V. *Esteticheskie i khudozhestvennye nachala russkoy liriki i dramy v tvorchestve A.P. Sumarokova (pesni, tragedii)*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [The aesthetic and artistic origin of Russian poetry and drama in the works of A.P. Sumarokov (songs, tragedies). Abstract of Philology Cand. Diss.]. Barnaul, 2006. 21 p.
14. Frizman L.G. *Dva veka russkoy elegii* [Two centuries of the Russian elegy]. In: Frizman L.G. (ed.) *Russkaya elegiya XVIII – nachala XX veka* [Russian Elegy of the 18th – early 20th centuries]. Leningrad: Sovetskiy pisatel' Publ., 1991, pp. 5–48.
15. Vakulenko A.G. *Evolyutsiya “strashnoy” ballady v tvorchestve russkikh poetov-romantikov XIX – nachala XX v. (ot V.A. Zhukovskogo do N.S. Gumileva)*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Evolution of the “horror” ballad in the works of Russian romantic poets of the 19th – early 20th centuries (from V.A. Zhukovsky to N.S. Gumilyov). Abstract of Philology Cand. Diss.]. Moscow, 1996.
16. Markovich V.M. *Balladnyy mir Zhukovskogo i russkaya fantasticheskaya povest' epokhi romantizma* [The ballad world of Zhukovsky and Russian fiction novel of the Romanticism era]. In: Iezuitova R.V. (ed.) *Zhukovskiy i russkaya kul'tura* [Zhukovsky and Russian culture]. Leningrad: Nauka Publ., 1987, pp. 138–165.
17. Krestova L.V. *Iz istorii russko-pol'skikh svyazey v XVIII v. (Nezavershennaya tragediya M.N. Murav'eva “Boleslav, korol' pol'skiy” i ego ballada na tu zhe temu)* [From the history of Russian-Polish relations in the 18th century. (An unfinished tragedy of M.N. Muravyov “Boleslaw, the King of Poland” and a ballad on the same topic)]. In: Balashov N.I. (ed.) *Pol'sko-russkie literaturnye svyazi* [Polish-Russian literary connections]. Moscow: Nauka Publ., 1970, pp. 71–82.
18. Toporov V.N. *Iz istorii russkoy literatury* [From the history of Russian literature]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001. V. 2, book 1, pp. 29–302.
19. Zapadov V.A. *Murav'ev Mikhaila Nikitich* [Mikhail Nikitich Muravyov]. In: Panchenko A.M. (ed.) *Slovar' russkikh pisateley XVIII veka* [Dictionary of the Russian writers of the 18th century]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1999. Is. 2: K–P, p. 307.
20. Kulakova L.I. *Murav'ev* [Muravyov]. In: Lebedev-Polyanskiy P.I. (ed.) *Istoriya russkoy literatury: v 10 t.* [History of Russian Literature: in 10 v.]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1941–1956. V. 4, pt. 2, pp. 454–461.
21. Ivanova T.G. (ed.) *Belomorskie stariny i dukhovnye stikhi: sobr. A.V. Markova* [White Sea antiquities and spiritual poetry: Collection of A.V. Markov]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2002. 1080 p.
22. Fedotov G.P. *Stikhi dukhovnye (Russkaya narodnaya vera po dukhovnym stikham)* [Spiritual Poems (Russian folk beliefs by spiritual verses)]. Moscow: Progress Publ., Gnozis Publ., 1991. 192 p.
23. Balashov D.M. *Drevnyaya russkaya epicheskaya ballada*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [The ancient Russian epic ballad. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Leningrad, 1962. 19 p.
24. Kulagina A.V. *Russkaya narodnaya ballada* [Russian folk ballad]. Moscow: Moscow State University Publ., 1977. 104 p.
25. Iezuitova R.V. *V. Zhukovskiy i ego vremya* [V. Zhukovsky and his time]. Leningrad: Nauka Publ., 1989. 288 p.
26. Zapadov V.A. *Primechaniya* [Notes]. In: *Problemy izucheniya russkoy literatury XVIII v.* [The study of Russian literature of the 18th century]. Leningrad, 1978, pp. 48–49.
27. *Kaledoniya* [Caledonia]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, 1895. V. 14, pp. 12.
28. Levin Yu.D. *Ossian v russkoy literature. Konets XVIII – pervaya tret' XIX veka* [Ossian in Russian literature. The end of the 18th – first third of the 19th centuries]. Leningrad: Nauka Publ., 1980. 205 p.
29. Gukovskiy G.A. *Ocherki po istorii russkoy literatury i obshchestvennoy mysli XVIII veka* [Essays on the history of Russian literature and social thought of the 18th century]. Leningrad: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1938. 313 p.
30. Artamasova M.A. *Tvorchestvo V.A. Zhukovskogo i fol'klor*: dis. kand. filol. nauk [V.A. Zhukovsky's works and folklore. Philology Cand. Diss.]. Moscow, 2001. 191 p.
31. Nemzer A.S. “*Sii chudesnye viden'ya...*”: *Vremya i ballady V.A. Zhukovskogo* [“These wonderful visions”: Time and ballads of V.A. Zhukovsky]. In: Zorin A.L., Zubkov N.N., Nemzer A.S. *Svoi podvig svershiv: O sud'be proizvedeniya G.R. Derzhavina*,

K.N. Batyushkova, V.A. Zhukovskogo [Accomplishing the feat: The fate of the works of G.R. Derzhavin, K.N. Batyushkov, V.A. Zhukovsky]. Moscow: Kniga Publ., 1987, pp. 155–264.

32. Shatalov S.E. *Kharakterologiya elegiy i ballad Zhukovskogo (k voprosu o edinstve khudozhestvennogo mira poeta)* [Characterology of elegies and ballads of Zhukovsky (on the unity of the artistic world of the poet)]. In: Troitskiy V.Yu. (ed.) *Zhukovskiy i literatura kontsa XVIII–XIX veka* [Zhukovsky and literature of the late 18th and 19th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1988, pp. 48–69.

33. Karamzin N.M. *Izbrannye sochineniya: v 2 t.* [Selected works: in 2 v.]. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1964. V. 2, pp. 143–145.

34. Dushina L.N. *Poetika russkoy ballady v period stanovleniya zhanra: avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Poetics of the Russian ballad during the formation of the genre. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Leningrad, 1975. 19 p.

35. Yakushkin P.I. *Russkie pesni, sobrannye Pavlom Yakushkinym* [Russian songs collected by Pavel Yakushkin]. St. Petersburg: V tip. I. I. Glazunova i komp. Publ., 1860. 106 p.

36. Levchenko O.A. *Zhanr russkoy romanticheskoy ballady 1820–1830-kh gg.: avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Genre of the Russian romantic ballad of the 1820s – 1830s. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Tartu, 1990. 22 p.

Received: 02 May 2015

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 167.7

E.A. Безлепкин

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ КВАНТОВОЙ МЕХАНИКИ

Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РГНФ (проект № 13–03–00065).

Проиллюстрированы отношения преемственности квантовой механики с классической физикой. Показано, что, во-первых, концепция преемственности и принципа соответствия Бора были необходимыми средствами построения квантовой теории на начальном этапе развития; во-вторых, некоторые концепции классической физики использовались как для построения квантовой теории, так и для ее обоснования. Таким образом, квантовая механика есть синтез старых классических концепций и нового неклассического (физического и математического) содержания.

Ключевые слова: квантовая механика; классическая физика; преемственность; соответствие; непрерывность; дискретность; физический принцип.

Постановка проблемы¹. В первом параграфе курса квантовой механики Л.Д. Ландау и Е.М. Лифшица написано: «...квантовая механика занимает очень своеобразное положение в ряду физических теорий – она содержит классическую механику как свой предельный случай и в то же время нуждается в этом предельном случае для самого своего обоснования» [1. С. 16]. Этот тезис далее остается не раскрытым, поскольку для этого требуется провести историческое исследование становления квантовой теории. Статья представляет попытку доказать это положение, прибегая к общему историческому обзору. Наше внимание будет уделено философской и методологической стороне: мы рассмотрим те принципы и концепции, которые квантовая механика заимствовала из классической физики.

Классическую физику можно очертить следующим минимальным набором принципов:

1) **непрерывность** (при переходе между состояниями физическая система проходит бесконечное множество переходных состояний, при этом параметры системы меняются непрерывно и могут принять любое значение);

2) **детерминизм** (математическая форма физических законов позволяет однозначно определить любое временное состояние объектов по их состоянию и начальным условиям в некоторый момент времени);

Квантовую физику можно очертить иным минимальным набором принципов:

1) **дискретность** (физическая система находится в суперпозиции нескольких состояний; измерение системы «скачком» переводит ее в определенное состояние, параметры которого принимают только определенные значения из ряда);

2) **неопределенность** (существует предел точности одновременного определения пары сопряженных переменных, характеризующих квантово–механическую систему).

Н. Бор характеризует принцип дискретности следующим образом: «Квантовая теория характеризуется признанием принципиальной ограниченности классических физических представлений в применении к атомным явлениям... каждому атомному процессу

свойственна существенная прерывность или, скорее, индивидуальность, совершенно чуждая классической теории» [2. С. 30]. Он подчеркивает, что этот принцип отрицает основополагающий принцип непрерывности классической физики.

В. Тейзенберг характеризует принцип неопределенности так: «...невозможно одновременно с произвольной точностью определить место и скорость атомной частицы» [3. С. 127]. Это означает, что принцип неопределенности онтологически и эпистемологически ограничивает классический принцип детерминизма.

Таким образом, сравнивая базовые принципы классической и квантовой физик, мы можем констатировать их противоположность, что в свое время явилось причиной отказа от многих классических концепций (например, понятия о траектории частицы, строгого детерминизма). Однако история физического познания показывает, что при создании квантовой физики ученые заимствовали многие положения классической физики. Использование в основе новой теории некоторых опытно проверенных и математически обоснованных классических положений в то же время служило для обоснования квантовой теории. Вследствие этого происходило выстраивание отношений преемственности между классическими и неклассическими концепциями.

Макс Планк и принцип дискретности. Начало квантовой механике положил М. Планк, введя первую квантовую гипотезу о том, что энергия является дискретной величиной. Эта гипотеза возникла для объяснения распределения энергии в спектре испускания абсолютно черного тела. Формулы, полученные на основе представлений классической физики, расходились с опытом, что свидетельствовало о существовании закономерностей, несовместимых с классической физикой. Планк писал: «В стремлении достигнуть понимания экспериментальных фактов на основе обоих начал термодинамики я пришел к радикальной гипотезе, что множество состояний, в которых может находиться колеблющаяся излучающая система, является дискретным, счетным, а различие между двумя такими состояниями характеризуется одной универ-

сальной постоянной, элементарным квантом действия» [4. С. 512]. Планк ввел предположение, что энергия дискретна и пропорциональна кванту действия: $\epsilon = hv$ [4. С. 290]. С помощью этого предположения он вывел формулу, описывающую спектр испускания абсолютно черного тела, которая *обобщила формулы Релея и Вина*, полученные на основе представлений классической физики.

Концепция кванта действия (постоянная Планка) происходит из классической термодинамики следующим образом. Тепловое излучение подчиняется второму началу термодинамики (энтропия), которое описано с помощью термодинамических понятий. После теории Максвелла и опытов Герца ученые признали, что тепловое излучение имеет электродинамическую природу. Принятие этого положения способствовало поиску, кроме термодинамического, также электромагнитного определения энтропии. В определении, данном Планком, содержалась константа « h », размерность которой «энергия*время», т.е. «действие» – отсюда название – «квант действия».

Таким образом, постоянная Планка возникла как результат редукции термодинамических концепций к электромагнитным. Впоследствии она была интерпретирована квантово-механически как коэффициент пропорциональности между энергией и частотой излучения ($\epsilon = hv$). Методологически причиной введения кванта действия послужила ограниченность классической теории в области описания новых явлений. Поэтому и формула Планка для спектра излучения черного тела, содержащая квант действия, получена как синтез классических концепций и квантовых представлений.

Луи де Бройль и вариационные принципы классической физики. Введение понятия кванта действия привело к противоречию между непрерывными и дискретными представлениями в физике. Решить это противоречие удалось Луи де Бройлю, которого можно считать основателем волновой механики, так как из его идей, во-первых, выводятся условия устойчивости атомов (основания теории Бора); во-вторых, выводится основное уравнение волновой механики (уравнение Шредингера – основа волновой механики).

В основе идей де Бройля лежат два предположения, которые обобщают идеи классической физики: во-первых, объединение оптического и механического вариационных принципов; во-вторых, объединение энергетических концепций релятивизма и квантов (релятивистское $E_0 = mc^2$ и квантовое $E_0 = hv$).

Первое объединение можно назвать гипотезой корпускулярно-волнового дуализма. Оно возникло на основе оптико-механической аналогии У. Гамильтона, по которой «классическую механику можно рассматривать как аналог геометрической оптики» [5. С. 341]. Из сопоставления механического и оптического вариационных принципов можно сделать вывод, что возможные динамические траектории частицы идентичны с возможными лучами волны. Таким образом, де Бройль предположил, что корпускулярный и волновой способ описания распространения вещества аналогичны. Отсюда возникает первое объ-

единение, из которого следует вывод о существовании волн вещества.

По поводу второго объединения приведем высказывание де Бройля: «Рассмотрим движущееся со скоростью $v = \beta c$ ($\beta < 1$) тело с собственной массой m_0 . В соответствии с принципом инертности энергии это тело должно обладать внутренней энергией, равной $E = m_0c^2$. Вместе с тем принцип квантов заставляет приписать эту энергию некоему синусоидальному процессу с частотой v_0 , для которой справедливо соотношение $hv_0 = m_0c^2$ » [7. С. 178]. Следовательно, описание движения объекта (например, электрона) можно представить не только с точки зрения корпускулярной теории, но и с точки зрения волновой теории, что расширяет сферу применимости волновых процессов и делает квантовую теорию более общей и в то же время универсальной теорией.

Таким образом, квантово-механические концепции де Бройля, как и концепции Планка, возникли как синтез положений классической (вариационные принципы) и квантовой (постоянная Планка) физики.

Первая квантовая теория Эрвина Шредингера. Э. Шредингер, развивая идеи де Бройля, получил основное уравнение волновой механики, которое является синтезом корпускулярного и волнового описаний квантово-механического объекта. Уравнение Шредингера, во-первых, является уравнением волны, однако описывает динамику квантовой частицы; во-вторых, основано на вариационном принципе Гамильтона (вариационные принципы заключают в себе «синтез континуального и дискретного аспектов движения и являются выражением обобщенного принципа причинности в физике» [6. С. 879]).

Исходное положение Шредингера – обобщение гипотезы де Бройля. Шредингер использует вариационный принцип Гамильтона, который рассматривается как уравнение распространения волны (геодезическая). Эта волна описывается произведением непрерывной (волновой) ψ -функции на постоянную Планка, характеризующую принцип дискретности. Поскольку уравнение рассматривается в пространстве конфигураций, поскольку ψ -функция теряет наглядную аналогию.

Э. Шредингер писал: «...естественно связать функцию ψ с некоторым колебательным процессом в атоме, в котором реальность электронных траекторий в последнее время неоднократно подвергалась сомнению» [9. С. 17]. Существование множества интерпретаций квантовой механики связано с рядом многих причин, среди которых отметим следующие:

- 1) не задана авторская интерпретация основных понятий квантовой механики, согласующаяся с классической физикой;
- 2) сторонние интерпретации в большинстве случаев не имеют преемственных отношений с классической физикой.

Таким образом, объектом исследования становится математический символ (ψ -функция), не имеющий онтологического содержания. Эта особенность квантовой механики увеличивает пропасть между классическими объектами, которые могут описываться в терминах интуитивных представлений (например,

идеальный газ как совокупность упругих шариков) и объектами микромира, где подобные представления неприменимы.

Однако отметим, что между уравнением Шредингера и классическим уравнением для энергии Эйнштейна существует тесная взаимосвязь. На основе принципа соответствия, заменяя классические переменные операторами, можно получить из уравнения Эйнштейна уравнение Шредингера. *Наличие этой аналогии позволяет утверждать, что существуют отношения преемственности между классической и квантовой теориями в нерелятивистской области.*

Сделаем выводы. Использование вариационного принципа Гамильтона для вывода основного уравнения волновой механики подчеркивает, во-первых, преемственность классической и квантовой теорий, во-вторых, большую общность квантовой теории (при стремлении постоянной Планка к нулю становится ясно, что «классическая механика является лишь приближением волновой механики» [5. С. 343]).

Уравнение Шредингера изначально выводилось из классических представлений и нуждается в классических представлениях для придачи смысла производным от ψ -функции, которые являются экспериментально наблюдаемыми. Подчеркнем, что ученые, с одной стороны, использовали концепции классической физики для построения квантовой теории, с другой стороны, использование этих концепций одновременно служило обоснованием квантовой теории.

Нильс Бор и принцип соответствия. Методологически квантовая механика вводит новое понимание объекта исследования и требует пересмотра эпистемологических стандартов. Работы Н. Бора как раз были направлены на разработку философского и методологического понимания основ квантовой физики. Бор сформулировал несколько методологических принципов, на основе которых сумел решить многие философские вопросы квантовой механики.

Первый принцип – принцип соответствия. Исходное условие – существование аналогии между классической и квантовой теориями. Бор говорит о возможности представить орбиту электрона как классический эллипс, переход электрона между орбитами (от одного стационарного состояния к другому) характеризуется выделением или поглощением энергии (совершается работа в классическом смысле, или происходит квантовый скачок в квантовом смысле) [2. С. 14]. Таким образом, с помощью принципа соответствия, связывающего классические и квантовые представления, Бор смог объяснить изменение энергии (спектра) атома при его возбуждении (теория работала хорошо только для атома водорода).

Принцип соответствия утверждает, что в предельном случае старая и новая теории должны приводить к одним и тем же результатам, а значит, новая теория в пределе переходит в старую. Поэтому можно считать, что *две теории, связанные принципом соответствия, объединены в том смысле, что новая теория есть расширение и обобщение старой.*

Второй принцип – принцип дополнительности. Выделим два исходных условия. Первое – «как бы

далеко ни выходили явления за рамки классического физического объяснения, все опытные данные описываются при помощи классических понятий» [2. С. 406]. Второе – «поведение атомных объектов невозможно резко ограничить от их взаимодействия с измерительными приборами, фиксирующими условия, при которых происходят явления» [2. С. 406].

Принцип дополнительности утверждает, что «описание физических свойств микроскопических объектов на классическом языке требует использования пар дополнительных переменных, причем каждый член пары определяется тем точнее, чем менее точно определяется другой» [9. С. 154].

Один из основных постулатов классической физики основан на том, что в процессе опыта можно не учитывать взаимовлияние объекта и прибора (поэтому не нужно отграничивать их друг от друга). Принцип дополнительности учитывает обратное (неконтролируемое) влияние, которое в квантовой механике принципиально неустранимо, ввиду чего требуется ограничение прибора от объекта: т.е. между субъектом и объектом существует взаимное действие.

С помощью принципа дополнительности Бор интерпретировал принцип неопределенности Гейзенберга и явление корпускулярно-волнового дуализма.

Первая интерпретация: проводя эксперимент над микросистемой, ввиду неконтролируемости обратного действия объекта на прибор, мы можем точно узнать либо координату объекта, но тогда неконтролируемое обратное действие создаст неопределенность в импульсе, либо наоборот.

По поводу второй интерпретации приведем высказывание М.А. Маркова: «Как различные траектории одной и той же частицы – параболу и прямую – нельзя понимать существующими в данной системе координат, так и точные понятия импульса и координаты классической частицы в применении к микрочастице нельзя представить существующими в данном опыте» [10. С. 23]. В опыте всегда проявляются либо корпускулярные, либо волновые свойства атомной системы, отображаемые соответствующей группой приборов. *То есть количественное выражение принципа дополнительности – это принцип неопределенности.*

Таким образом, *Бор методологически обосновал основные концепции квантовой физики:* принцип дискретности через методологический принцип соответствия связывается с принципом непрерывности; принцип неопределенности оказывается количественным выражением принципа дополнительности. *При этом принципы Бора в своей основе либо включают положения классической физики, либо связаны с этими положениями.*

Формализация квантовой механики (Поль Дирак). Дальнейшее развитие квантовой механики лежало в русле формализации теории. Одна из первых формализаций принадлежит Полю Дираку. Исходное положение теории – всем физическим понятиям сопоставляются математические понятия.

Первым положением Дирак вводит принцип суммирования квантово-механических состояний: любое

состояние системы может быть выражено как суперпозиция (наложение) нескольких новых состояний [11. С. 24]. Принцип суперпозиции является *классическим принципом*, заимствованным из электродинамики. Однако волновая функция складывается из функций взаимоисключающих событий, в то время как электромагнитное поле системы зарядов представляет собой наложение частичных полей от каждого заряда системы.

Вторым положением понятию «состояние физической системы» сопоставляется математическое понятие «вектор». Классическим переменным (координата, импульс и пр.), с помощью которых описывается состояние системы, ставят в соответствие операторы.

Третье положение выражает принцип дискретности. Дирак предположил, что любую систему частиц мы можем характеризовать двумя величинами – либо описанием состоянием системы (вектора состояния), либо описанием переменных системы. Уравнение волновой механики (Шредингера) выводится из предположения, что изменяется система, в то время как переменные, описывающие систему, постоянны. Уравнение матричной механики (Гейзенберга) выводится из предположения, что изменяются переменные, в то время как состояние системы постоянно.

Таким образом, теория Дирака представляет более глубокий подход к описанию неклассических объектов, поскольку она объединила более ранние теории. На основе формализма Дирака была установлена эквивалентность теорий Шредингера и Гейзенберга, было показано, что они восходят к единым физическим и алгебраическим принципам и могут быть сформулированы как варианты представлений квантово-механической системы.

Методологические изменения в квантовой физике. Теперь зафиксируем наиболее яркие методологические положения квантовой механики, которые отличают ее от классической физики.

Первое положение – между прибором и объектом существует неустранимое взаимодействие. Ввиду этого физическая теория для полного описания исследуемого объекта должна включать описание условий познания (квантовая механика делится на теорию замкнутой квантовой системы и теорию измерений). Таким образом, требуется учет динамического отношения исследователя к объекту познания, что чуждо классической методологии.

Второе положение связано с тем, что классическая физика полностью принимала принцип наблюдаемости, однако практика квантовых экспериментов постулировала ненаблюдаемость индивидуального атомного процесса (в первую очередь траектории, что наглядно проявляется в экспериментах с двумя щелями). Отсюда возникло стремление Гейзенберга исключить из его матричной механики все наблюдаемые величины.

Третье положение классической физики – единство мира. Закон всемирного тяготения Ньютона описывал универсальное взаимодействие тел во вселенной и в этом смысле установил через механическую картину мира единство мира. Главный результат – объединение подлунного и надлунного миров (по

Аристотелю). Однако создание релятивистских, а затем квантовых теорий привело к тому, что окружающий мир вновь стал рассматриваться состоящим из качественно разнородных уровней, а именно из микро-, макро- и мегауровней.

Четвертое положение: квантовая механика содержит классическую механику как предельный случай. Это происходит потому, что при создании квантовой механики использовались более общие идеи (физические и математические), которые смогли вобрать в себя и новое квантовое и старое классическое содержание. Это особенно хорошо видно на примере перехода от уравнения Шредингера к уравнению Эйнштейна. Переход ведет не только к изменению математического аппарата, но также и к изменению физических предпосылок: принцип дискретности переходит в принцип непрерывности. Постоянная Планка определяет масштабы, начиная с которых вступает в силу принцип неопределенности Гейзенберга. Можно сказать, что чем больше масса частицы, тем меньше роль квантовых эффектов.

Категории и картина мира квантовой механики. Квантовая механика, прежде всего, изменила понимание мира и те онтологические категории, которыми пользовались ученые.

Классическая модель мира описывает его тремя независимыми категориями: вещество, пространство и время. Квантовая механика описывает мир с помощью двух объединенных категорий: категория массы (частица) и категория поля (волновые свойства частицы) объединены в категорию поля амплитуды вероятности [12. С. 156–158], которая является основной неклассической категорией квантовой механики. Шредингер пишет по поводу этого объединения: «Оба фундаментальных понятия – частицы и их взаимодействие – при объединении оказали влияние друг на друга; если, с одной стороны, произошла атомизация взаимодействия, то, с другой стороны, частица стала полуподобным образованием» [8. С. 258]. Поскольку это поле не является полем классического вида, поскольку и возникают многие «кажущиеся» парадоксы теории.

Категория «пространство – время» выражена классически; пространство – время рассматривается как фон, на котором происходят физические события. Пенроуз пишет: «Существует пространство – время, выполняющее важнейшую функцию арены, на которой разыгрываются всевозможные физические процессы... имеются физические объекты, задействованные в этих процессах, но ограниченные точными математическими законами» [13. С. 179].

Таким образом, две обобщенные категории связаны формулой: «волноподобная» частица движется на классическом пространственно-временном фоне. Первое объединение – частицы и взаимодействия – от квантовой механики, второе объединение – пространства и времени – от специальной теории относительности.

Заключение. В заключение перечислим основные связи квантовой механики с классической физикой.

1. Постоянная Планка (квант действия) является результатом редукции между классическими теория-

ми (теория теплового излучения редуцирована к электромагнитной теории).

2. Представление о корпускулярно-волновом дуализме возникло за счет объединения вариационных принципов классической физики; объединение принципов создает единое основание для классической корпускулярной механики и геометрической оптики.

3. Представление о волнах материи получено за счет объединения нерелятивистской формулы Эйнштейна для энергии и квантовой формулы Планка для энергии ($E_0 = m_0c^2$ и $E_0 = h\nu$).

4. Уравнение Шредингера – синтез классического корпускулярного (классическая механика) и классического волнового (волновая оптика) описаний микроскопического объекта.

5. Принцип соответствия: новая теория есть расширение и обобщение старой, и между ними существуют отношения предельного перехода. Принцип дискретности через методологический принцип соответствия связывается с принципом непрерывности.

6. Принцип дополнительности объединяет классические, «противоположные» описания результатов опытов в одну картину, которая исчерпывает все, что можно знать о квантово-механической системе.

Принцип неопределенности оказывается количественным выражением принципа дополнительности.

Мы проиллюстрировали отношения преемственности между квантовой механикой и классической физикой. История показывает, что развитие квантовых идей происходило при непосредственном влиянии классической физики, поэтому главными эвристическими приемами построения квантовой теории являются две идеи, а именно идея преемственности и идея соответствия, которая выражена в принципе соответствия Бора.

В то же время квантовые теории нуждаются в использовании классических представлений для обоснования и проверки. Это связано с ограничениями, накладываемыми экспериментальной техникой. Будучи классическими наблюдателями, мы взаимодействуем с микросистемой только посредством макроприбора. Следовательно, эпистемологические стандарты верификации научного знания требуют применения классических представлений и для обоснования квантовых теорий.

Таким образом, можно сказать, что квантовая механика есть синтез старых классических концепций и нового неклассического (физического и математического) содержания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья продолжает исследования по выявлению интертеоретических отношений между классическими и неклассическими теориями физики. См. другие работы: Безлекин Е.А. Обобщение классической физики: специальная теория относительности // Философия науки. 2014. № 2 (61). С. 55–65; Безлекин Е.А., Сторожук А.Ю. Реализация идей объединения в ходе разработки общей теории относительности // Философия науки. 2014. № 3 (62). С. 42–53.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ландау Л.Д., Лифшиц Е.М. Теоретическая физика : в 10 т. Т. III : Квантовая механика (нерелятивистская теория). М. : Наука, 1989. 768 с.
2. Бор Н. Избранные научные труды. Т. 2 : Статьи, 1925–1961. М. : Наука, 1971. 674 с.
3. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М. : Прогресс, 1987. 368 с.
4. Планк М. Избранные труды. М. : Наука, 1975. 788 с.
5. Голдстейн Г. Классическая механика. М. : Наука, 1975. 415 с.
6. Полак Л.С. Вариационные принципы механики. М. : Физматгиз, 1959.
7. Броиль Л. де. Волны и кванты // УФН. 1967. № 9.
8. Шредингер Э. Избранные труды по квантовой механике. М. : Наука, 1976. 424 с.
9. Мессиа А. Квантовая механика. М. : Наука, 1978. 478 с. Т. 1.
10. Марков М.А. О трех интерпретациях квантовой механики. М. : Наука, 1991. 112 с.
11. Дирак П. Принципы квантовой механики. М. : Наука, 1979. 480 с.
12. Владимиров Ю.С. Метафизика. М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009. 550 с.
13. Пенроуз Р. Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и законах физики. М. : УРСС, 2003. 382 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 15 марта 2015 г.

METHODOLOGICAL FEATURES OF THE ESTABLISHMENT OF QUANTUM MECHANICS

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 40–45. DOI: 10.17223/15617793/395/6

Bezlepkin Evgeniy A. Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: evgeny-bezlepkin@mail.ru

Keywords: quantum mechanics; classical physics; succession; compliance; continuity; discontinuity; principle.

The purpose of the article is to show that quantum mechanics is a synthesis of the old classical concepts and the new non-classical concepts (physics and mathematics). To illustrate the relationship of continuity between classical physics and quantum mechanics, the materials of Planck, Broglie, Schrödinger, Bohr and Dirac are considered. The author begins with a comparative study of the fundamental principles of classical and quantum physics, and concludes that, despite their opposition and irreducibility, scientists tried to adopt the principles of classical physics for constructing quantum mechanics. Survey of Planck's papers showed that Planck's formula for the blackbody spectrum containing the quantum of action is obtained as a synthesis of classical concepts and quantum concepts. Survey of Broglie's papers showed that the quantum-mechanical concept of Broglie emerged as a synthesis of the provisions of the classical (variation principles) and quantum physics (Planck's constant). Survey of Schrödinger's papers showed great generality of quantum theory in comparison with classical mechanics. Survey of Bohr's papers showed that Bohr was able to prove the basic concepts of quantum physics with the help of methodological principles. Survey of Dirac's papers showed that Dirac discovered the equivalence of Schrödinger's and Heisenberg's theories, showed that they go back to the same physical and algebraic

principles, and that they can be formulated as variants of the quantum-mechanical system. The author considers the methodological features of quantum mechanics and fixes a number of methodological principles by which quantum mechanics is significantly different from classical physics. The category of quantum mechanics, on which an attempt to reconstruct the physical picture of the world based on quantum theory, is briefly discussed. On the basis of this reconstruction, there are the world picture broad categories: "mass-field" and "space-time". The categories are related by the formula: "wave-like" particle moves in the classical space-time background. The first association - the particles and interactions – is from quantum mechanics, the second – space and time – from the special theory of relativity. In conclusion, a list of basic relations of quantum mechanics with classical physics is made. The development of quantum ideas resulted from direct influence of classical physics, so the main heuristic techniques to construct quantum theory are two ideas, namely, the idea of continuity and the idea of conformity which Bohr's methodological principles express. At the same time, quantum theory requires the use of classical concepts for support and verification. This is due to the restrictions imposed by the experimental technique. Thus, the author claims that quantum mechanics is a synthesis of the old classical concepts and the new non-classical concepts (physics and mathematics).

REFERENCES

1. Landau L.D., Lifshits E.M. *Teoreticheskaya fizika: v 10 t.* [Theoretical physics: in 10 v.]. Moscow: Nauka Publ., 1989. V. 3, 768 p.
2. Bohr N. *Izbrannye nauchnye trudy* [Selected scientific papers]. Moscow: Nauka Publ., 1971. V. 2, 674 p.
3. Heisenberg W. *Shagi za gorizont* [Steps beyond the horizon]. Moscow: Progress Publ., 1987. 368 p.
4. Planck M. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 788 p.
5. Goldstein H. *Klassicheskaya mekhanika* [Classical Mechanics]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 415 p.
6. Polak L.S. *Variatsionnye printsipy mekhaniki* [Variational principles of mechanics]. Moscow: Fizmatgiz Publ., 1959.
7. De Broglie L. *Volny i kvanty* [Waves and quanta]. *Uspekhi fizicheskikh nauk*, 1967, no. 9, pp. 178–180.
8. Schrodinger E. *Izbrannye trudy po kvantovoy mekhanike* [Selected works on quantum mechanics]. Moscow: Nauka Publ., 1976. 424 p.
9. Messiah A. *Kvantovaya mekhanika* [Quantum mechanics]. Moscow: Nauka Publ., 1978. V. 1. 478 p.
10. Markov M.A. *O trekh interpretatsiyakh kvantovoy mekhaniki* [The three interpretations of quantum mechanics]. Moscow: Nauka Publ., 1991. 112 p.
11. Dirac P. *Printsipy kvantovoy mekhaniki* [Principles of Quantum Mechanics]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 480 p.
12. Vladimirov Yu.S. *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow: BINOM. Laboratoriya znaniy Publ., 2009. 550 p.
13. Penrose R. *Novyy um korоля: O komp'yuterakh, myshlenii i zakonakh fiziki* [Emperor's New Mind: On the computer, thinking and the laws of physics]. Moscow: URSS Publ., 2003. 382 p.

Received: 15 March 2015

ЛЮБОВЬ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭЛЕМЕНТ МЕДИЦИНСКОЙ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Проводится философско-культурологический анализ медицинской корпоративной культуры через призму одного из главных ее элементов – любви. Автор отмечает процесс дегуманизации в современной системе оказания медицинской помощи и деонтологический кризис медицинской корпорации. Один из способов выхода из кризиса – возвращение к этике любви врача к своему пациенту на новом уровне. Автором использован методологический подход Эриха Фромма, представляющий любовь как искусство, в котором необходимо совершенствоваться.

Ключевые слова: любовь; благородумие; мудрость; добродетели; ятрогения; медицинская корпорация; медицинская корпоративная культура.

В последнее время мы наблюдаем за сложными процессами в современной медицине как важнейшей составляющей культуры, а также в деятельности медицинской корпорации в целом.

С одной стороны, налицо интенсивная динамика развития в области медицинской науки и техники: многие неизлечимые в прошлом заболевания поддаются лечению, что резко увеличивает продолжительность жизни людей. С другой же стороны, становится очевидным небывалый уровень недовольства пациентов качеством медицинской помощи. Современная медицина теряет чувство такта во взаимоотношениях с пациентами, подрывая их комплаентность (приверженность лечению). Параллельно развитию научного знания наблюдается пересмотр и трансформация нравственных ценностей внутри медицинской корпорации. Такие моральные постулаты, составлявшие некогда основу медицинской культуры, как «жизнь – благо», «смерть – зло», пересматриваются в соответствии с категориями «качество жизни», «эфтаназия» и др. Как говорил один из современников Платона: «Человека вижу, лошадь вижу, а человечности и лошадности не вижу» [1. С. 30]. С своеобразное «обесчеловечивание» медицины происходит под влиянием узкой специализации и технолизации в оказании медицинской помощи, что характерно для индустриальной культуры современного общества. Это приводит к утрате доверия к системе здравоохранения в целом. Врачи, используя современную аппаратуру и технику, пытаются свести к минимуму общение с пациентами, что часто служит причиной различных ятрогений (неблагоприятные изменения, возникшие у пациента вследствие действий медицинского работника). Известно, что применение новых медицинских технологий не только усиливает эффективность здравоохранения, но и сопровождается увеличением числа осложнений [2. С. 223]. Как отмечал американский кардиолог Самуэль Левайн, «купование на так называемое обследование с использованием современной медицинской “тяжелой артиллерией”, т.е. рентгено- или кардиофлюороскопии, электро- и фонокардиографии, анализов крови и мочи, свидетельствует лишь об отсутствии врачебного опыта» [3. С. 14]. Основа всего врачевания – искусство слушать и понимать пациента – сегодня гибнет у нас на глазах, а медицина все чаще опирается на данные приборов, которые зачастую не в состоянии разгадать тайну индивидуального человеческого организма. Пациенты рассматриваются

как абстрактный конгломерат клинических показателей, поддающихся расчету. Все эти обстоятельства приводят к глубокому кризису качества оказания медицинской помощи, в котором многие пациенты чувствуют себя бесправными и отчужденными [4. С. 392]. Это дает импульс к расширению границ философской рефлексии в области медицинского знания.

Обобщая, можно сказать, что одной из фундаментальных причин современного кризиса в здравоохранении является процесс дегуманизации, развивающийся на фоне научно-технического прогресса и внедрения в медицинскую практику различного рода стандартов и протоколов лечения больных. В таких формальных рамках, задаваемых государством, на наших глазах в медицинской корпоративной культуре растворяется любовь и сострадание к пациентам, без которых медицина не способна удовлетворить возлагаемые на нее функции и надежды. «Добродетельный компонент» медицинской профессии забывается и отодвигается на задний план в системе оказания медицинской помощи.

Однако, как известно, добродетели не являются действиями одноразового использования или просто интеллектуальными выводами. Наоборот, как отмечал Аристотель в «Никомаховой этике», они определяют наклонность действий, восприятие и эмоции нужного типа к нужным субъектам, нужные заключения в нужное время и наивернейшим способом [5. С. 78–84].

Тесную взаимосвязь медицины и этики добродетели можно проследить уже у древнегреческих философов: у Платона, восхваляющего метод Гиппократа о понимании тела как модели, предназначенной для понимания души; и у того же Аристотеля, сравнивающего цель медицины с целью добродетели как человеческого стремления к счастью и процветанию [6. С. 1–2].

Особое место в этике добродетели занимает любовь. Но в контексте медицинской корпоративной культуры будет неправомерно рассматривать ее в отрыве от еще одной не менее важной добродетели – практической мудрости, или, используя термин Аристотеля, – фронезиса.

По мнению Чарльза Брайана, посвятившего целую серию статей теме добродетелей в современной медицине, «мудрость и любовь – это две добродетели-сестры, которые превосходят другие добродетели в области компетенции и заботы о пациенте, они – основа медицины» [7. С. 135]. В клинической практике эти две добродетели не функционируют по отдельно-

сти, а представляют собой сложную синергию, выражющуюся в добродетели «благоразумной любви», в которой объединенные свойства двух компонентов превосходят их отдельные свойства. Остановимся на феномене «благоразумной любви» более подробно и определим ее место в культуре медицинской корпорации.

Любовь, пожалуй, является одним из самых сложных понятий в философии, которому весьма затруднительно задать четкие категориальные рамки. В академической литературе можно встретить великое множество дефиниций, каждая из которых по-своему отражает суть данного явления. В течение столетий представители разных философских школ и течений усердно спорили и предлагали свои подходы к определению любви. Мы в данной статье будем опираться на классический подход к любви Эриха Фромма, в котором любовь понимается как особого рода искусство.

«Любовь – это активная сила в человеке, сила, которая рушит стены, отделяющие человека от его близких; которая объединяет его с другими; любовь помогает ему преодолеть чувство изоляции и одиночества; при этом позволяет ему оставаться самим собой, сохраняя свою целостность» [8. С. 350]. «Любовь – это активность, а не пассивный аффект, – подчеркивает также Э. Фромм, – это помочь, а не увлечение» [Там же. С. 351]. Проще говоря, активный характер любви означает, что человек должен, прежде всего, давать, а не брать. Немецкий врач-гуманист Х.В. Гуфеланд писал: «Жить для других, не для себя – вот истинное назначение врача. Врач должен жертвовать не только спокойствием, выгодами, удобностями и приятностями жизни, но и собственным здоровьем и жизнью, даже, что выше всего, своею честью и славой, если он хочет достигнуть высочайшей цели своей – сохранения жизни и здоровья других» [9. С. 73]. Однако для врача «акт давания» не должен отождествляться с капиталистическим принципом «давать в обмен на что-либо». Для врача «акт давания» – это естественное проявление профессионализма и моральной ответственности. Отдавать себя – значит быть самодостаточным и жизнеспособным. В этом проявляется сила и уверенность врача. «Не тот богат, кто имеет много, а тот, кто много отдает», – отмечает тот же Э. Фромм [8. С. 352].

Нужно понимать, что любовь – это дарение от внутреннего достатка, щедрости и силы, а не поиск источника тепла, заботы и утешения от немощи. Такой тип жертвенной и нисходящей любви к «ближнему» называется «Агапэ» – от греческого слова, которым обозначается процесс благотворительности и милосердия. Английский писатель и ученый Клайв Льюис называет это любовным даром, направленным на тех, кто нуждается в любви [10. С. 191]. Агапэ полностью исключает наличие собственного интереса, ожидания награды или признания, отрицает саморекламу и взаимовыгоду. Чистота мотивов является главным компонентом любви к ближнему. Согласно психологии Ролло Мэя, Агапэ есть «форма бескорыстной любви, беспокойство по поводу благополучия других людей» [11. С. 6]. Данный вид любви несовместим с эгоизмом. Тут можно вспомнить учение В.С. Соловьева о том, что любовь – это важнейшая форма преодоления эгоизма. В ней он видит дей-

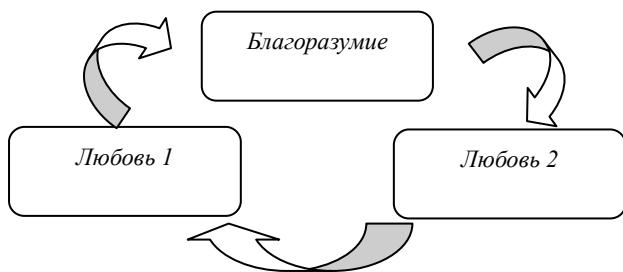
ственную силу победы над ним: «Любовь как действительное упразднение эгоизма есть действительное оправдание и спасение индивидуальности» [12. С. 32]. Поэтому истинный альтруист любит вне зависимости от того, наблюдается ли обратная связь или нет, как солнце светит независимо от того, греется кто-то под ним или нет [13. С. 345]. Сколько бы пафосно это ни звучало, но врач, если только он хочет стать настоящим профессионалом, должен, подобно альтруисту, учиться любить своего пациента вне зависимости от наличия отклика со стороны последнего.

К счастью, «давание» врача зачастую побуждает пациента тоже стать дающим. Любовь врача-клинициста способствует в большинстве случаев успешному достижению обратной связи с пациентами, а значит, непосредственно влияет на мотивацию врача, побуждая его еще более милосердно относиться не только к конкретному пациенту, но и ко всем другим больным, вырабатывая своеобразную профессиональную привычку. Такая форма представляется нам весьма продуктивной с деонтологической точки зрения. Еще Аристотель в «Нicomаховой этике» отмечал, что все нравственные добродетели рождаются привычками [5. С. 78]. Что касается медицинских работников, то для них особенно важно активно «учиться любить», если использовать выражение Э. Фромма, ибо это – важнейшее условие роста их профессиональной компетентности и успешности. Это тот уникальный случай, когда важнейшая созидающая этическая максима оказывается одновременно и предельно прагматичной.

Совершенствуясь в искусстве любви, медицинские работники должны при этом тонко чувствовать меру. Мера в любви считается одним из критериев профессионализма в медицинской корпоративной культуре. В этой связи было бы справедливо привести суждение одного сирийского писателя, автора трактатов по медицине и философии Абу-Ль-Фараджа: «Умеренность – союзник природы и страж здоровья. Поэтому когда Вы пьете, когда Вы едите, когда двигаетесь и даже когда Вы любите – соблюдайте умеренность» [14. С. 9]. Без благородства слепая и неконтролируемая любовь может приобрести ятрогенный характер. Например, беременная женщина, прия в женскую консультацию, нередко получает от любящего акушера-гинеколога назначение лишних, порой дорогостоящих, не имеющих никакого обоснования с точки зрения доказательной медицины исследований и препаратов. Вместо научно обоснованных рекомендаций – витамин Е, фолиевая кислота, йодсодержащие продукты, рациональная диетотерапия – врачи увлекаются назначением различных витаминов, минералов, БАДов, препаратов прогестерона и др. [15]. Данная тактика ведения больного с элементами полипрагмазии (одновременное назначение более пяти препаратов для лечения одного заболевания) способна сформировать даже у здоровой беременной женщины «комплекс неполноценности». Или наоборот, врач-хирург может, не показывая своей любви к пациенту, без лишних сантиментов и церемоний блестяще провести операцию и спасти жизнь больному, улучшив ему при этом и качество жизни. Здесь само спокойствие и

уверенность врача, если хотите, *разумная сурвость в любви* – фактор формирования у больного уверенности в успешном исходе операции. Врач должен знать, как рационально (не забывая при этом про принцип «не навреди» и уже упомянутое выше чувство меры) использовать ответную реакцию пациента и правильно распорядится полученной информацией. Таким образом, благоразумная любовь позволяет врачу принимать мудрые клинические решения и устанавливать тесные доверительные взаимоотношения с больными.

Между благоразумием и любовью американский исследователь Джеймс Маркум отмечает циклическое взаимодействие, которое можно считать синергией благоразумной любви [16. С. 880].

Начиная с Любви 1 (любовь медицинского работника), добродетельный врач мотивирован на объединение с пациентом в целях удовлетворения своих профессиональных потребностей, выражющихся в сохранении и восстановлении здоровья пациента. Данное объединение подразумевает не только желание заботиться о пациенте, но и альтруистическую любовь к нему. А для того чтобы адекватно ответить на запросы общества и конкретного пациента в условиях научно-технического прогресса, узкой специализации в здравоохранении и избытка профессиональной информации, любовь врача (Любовь 1) должна сосуществовать с врачебной мудростью, приобретая осмотрительный характер. В результате такого отношения к пациенту у последнего возникает Любовь 2 (любовь пациента к врачу). Ее обратная связь с Любовью 1 позволяет врачу осуществлять более разумные действия по уходу за больными, выбирая при этом оптимальную тактику лечения. Сформировавшиеся доверительные отношения служат путь не основополагающим, но одним из главных факторов повышения комплаентности пациентов. Более того, полученная обратная связь служит причиной расширения Любви 1 на более широкую группу пациентов или на более требовательных пациентов. Таким образом, синергия благоразумной любви проявляется в циклических отношениях с обратными связями (см. схему), в которых любовь и мудрость наделяют друг друга необходимыми свойствами [Там же]. Любовь в таком случае становится «благоразумной», а благоразумие «любящим».

Любовь, по Э. Фромму, – это еще и активная заинтересованность в жизни и развитии того, кого мы любим. Она включает в себя четыре базовых элемента – заботу, ответственность, уважение и знание [8. С. 354]. Об этих составляющих любви не следует забывать и медицинским работникам.

Забота о пациенте во все времена занимала особое место в системе оказания медицинской помощи. Сегодня, пожалуй, невозможно переоценить значимость этого компонента. Забота прочно закрепилась в перечне основополагающих принципов врачевания. Вряд ли можно ответственно говорить о какой-либо альтруистической любви к пациенту без заботы о нем. Забота при этом часто обладает эффективными терапевтическими свойствами. Отец медицины Гиппократ писал: «Если существует любовь к человеку, то есть и любовь к искусству. Некоторые пациенты, знающие об опасности своего заболевания, могут восстановить здоровье только благодаря тому, что будут довольны своим врачом» [3. С. 10]. Пациенту, который чувствует заботу и внимание, выздороветь гораздо легче. Результаты исследований, проведенных английскими учеными в небольшом поселении в Уганде, показали, что забота и любовь являются значимыми факторами излечения больных СПИДом и ВИЧ-инфицированных [10. С. 190]. Данное исследование было построено на консультациях и опросах пациентов. Больные постоянно отмечали высокую значимость подобных консультаций и часто свидетельствовали о том, что если бы не забота консультантов, они бы просто прекратили прием лекарственных препаратов и оставили попытки излечения [Там же. С. 192]. Данное обстоятельство служит прямым доказательством важности этого компонента в медицинской корпоративной культуре.

Забота о пациенте определяет следующий аспект любви – *ответственность*. Но ответственность не означает обязанность. В истинном смысле ответственность – добровольный акт, проявление свободы. Быть ответственным – значит быть готовым к ответу. Любящий и осмотрительный врач обязательно будет чувствовать ответственность за здоровье своих пациентов при проведении той или иной терапии (или оперативного вмешательства), полагаясь, безусловно, на свой клинический опыт и практическую мудрость. Отметим, что у медицинских работников ответственность носит особый характер и является предметом повышенного внимания, ведь от них зависят жизни и судьбы людей, а в некотором смысле – даже ход истории.

Но ответственность часто превращается в господство и превосходство, формируя при этом некий патернализм. Заметим, что в медицине это не редкость. Сдерживающей силой такого патернализма является третий компонент любви – *уважение*. Уважение – это форма отношения, признающая достоинство личности, осознание ее уникальной индивидуальности, которая предписывает непричинение физического или морального вреда. В акте любви оба субъекта дополняют друг друга. Обоюдное уважение врача и пациента является гарантом продуктивных взаимоотношений в рамках терапевтического союза. Пациент должен рассматриваться как страждущая личность, а не просто как клинический материал или средство самоутверждения медицинских работников. Истинное уважение к пациенту возможно лишь в том случае, если врач сам обрел независимость и не имеет потребности манипулировать пациентами. Любовь,

предполагающую уважение и умение считаться с каждым индивидом как уникальным существом, наделенным прирожденной ценностью, Стефан Пост называет сакраментальной [10. С. 192].

Однако забота, ответственность и уважение были бы не столь значимы, если бы не четвертый компонент любви – *знание*. Знание как неотъемлемая часть благородной любви не должно быть поверхностным, особенно в медицине. Важнейшим элементом медицинской корпоративной культуры является перманентное обучение и повышение квалификации медицинских работников. Любовь без профессиональных знаний становится губительным явлением для всех участников лечебного процесса. Врач должен глубоко познать своего пациента, чтобы помочь ему справиться с недугом. Э. Фромм пишет: «Я могу знать, например, что человек раздражен, даже если он не проявляет это открыто; но я могу знать его еще более глубоко: я могу знать, что он встревожен и обеспокоен, чувствует себя одиноким, чувствует себя виноватым. Тогда я знаю, что его раздражение – это проявление чего-то более глубинного, и я смотрю на него как на встревоженного и обеспокоенного, а это значит – как на страдающего человека, а не только как раздраженного» [8. С. 354]. Таким образом, любовь представляется в виде средства познания. В акте любви врач получает новые знания, открывает себя и получает клинический опыт.

Забота, ответственность, уважение и знание являются взаимосвязанными компонентами. Они должны быть присущи всем медицинским работникам, которые непосредственно взаимодействуют с пациентами. А если понимать любовь как искусство, то ему следует учиться и воспитывать в себе все его компоненты, постоянно совершенствуясь в них.

Социологические исследования выявили любопытный факт: абитуриенты медицинских вузов поступают в университеты с желанием исцелять больных, сделать медицинскую помощь более качественной и доступной. Однако в ходе обучения многие студенты разочаровываются в выбранной профессии. Интерес к медицине значительно девальвируется. Происходит это по причине личных переживаний, связанных в том числе с оскорблением, с которыми студентам-медикам приходится сталкиваться практически ежедневно в ходе практики. В результате к выпускному курсу у абсолютного большинства студентов наблюдается синдром «эмоционального выгорания» [17. С. 59–61], который препятствует дальнейшему культурному и профессиональному развитию. Отме-

тим, что данная проблема наблюдается не только в России, но и в других странах мира. Например, Джеймс Маркум описывает ряд конкретных примеров из американской практики [16. С. 881].

Мы, естественно, не утверждаем, что искусство любить способно заменить профессиональные знания и клинический опыт врачей. Умение любить понимается нами как часть профессиональных навыков, способных оживить медицину и привести ее в соответствие с требованиями сегодняшнего дня. Человек как главный общественный капитал требует к себе именно человеческого и любовного – а не отчужденного и техногенно-потребительского – отношения. Нравственность и обязательность медицинских работников – это главный залог доверия пациентов.

Суммируя вышесказанное, отметим, что любящий врач оказывает медицинскую помощь на качественно другом уровне. Интеграция благородной любви в клиническую практику должна начинаться с внедрения в медицинское образование факультативных занятий для старших курсов, посвященных этическим и интеллектуальным добродетелям. Полученные на всем протяжении обучения знания позволят студентам старших курсов более профессионально воспринимать роль и место этих добродетелей в медицинской корпоративной культуре. Однако целью подобных занятий должно быть не просто приобретение знаний, а приобретение навыков с обязательным применением их в медицинской практике. В медицине иметь знания недостаточно. Крайне важно эффективно использовать приобретенные знания в реальном процессе лечения пациентов.

Закончить статью хочется словами известного поэта Евгения Евтушенко, которые должны заставить задуматься не только медицинских работников, но и пациентов: «Конечно, они не двужильны и их организм не обладает каким-то чрезвычайным резервом нравственных сил по сравнению с другими людьми. Поэтому надо не уставая оберегать врачей, медсестер, санитарок всеми известными доступными средствами от стрессов и дискомфорта. Тогда, вероятно, и милосердие не станет профессиональным делом врачуемого, а будет вполне естественным проявлением его души» [18. С. 122].

Только любовь во всех перечисленных выше компонентах способна победить дегуманизацию современной медицины и сделать пациентов настоящими партнерами медицинских работников в борьбе с недугом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Братусь Б.С. Любовь как психологическая презентация человеческой сущности // Вопросы философии. 2009. № 12. С. 30–42.
2. Седов В.М. Ятрогения. СПб. : Человек, 2010. 296 с.
3. Лайун Б. Утерянное искусство врачевания. М. : Издательский Дом «КРОН-ПРЕСС», 1998. 307 с.
4. Marcus J.A. Reflections on Humanizing Biomedicine // Perspectives in Biology and Medicine. 2008. Vol. 51, № 3. P. 392–405.
5. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / пер. с древнегр. ; общ. ред. А.И. Доватура. М. : Мысль, 1984. Т. 4. 830 с.
6. Walker R.L. Virtue ethics and medicine // Lahey Clinic Journal of Medical Ethics. Fall 2010. № 17 (3). P. 1–2.
7. Bryan C.S. The seven basic virtues in medicine // Journal of the South Carolina Medical Association. 2007. № 103. P. 135–137.
8. Фромм Э. Здоровое общество. Искусство любить. Душа человека. М., 2007. 602 с.
9. Блохина Н.Н. Профессионально-этические взгляды врача-гуманиста Ф.П. Гааза // Клиническая медицина. 2012. № 4. С. 73–77.
10. Lightbown A., Fane N. Medicine and Spirituality. The role of love in the therapeutic process of HIV/AIDS sufferers in an African village // The International Journal of Person Centered Medicine. 2011. Vol. 1, is. 1. P. 190–195.
11. Мэй Р. Открытие бытия. М. : Институт общегуманитарных исследований, 2004. 224 с.
12. Шестаков В.П. Русский Эрос, или философия любви в России. М. : Прогресс, 1991. 448 с.

13. Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Человек восходящий : философский и научный синтез «Живой Этики». Барнаул : Алтайский дом печати, 2012. 512 с.
14. Комарова И.И., Кондрашов А.П. Великие мысли великих людей. Антология афоризма : в 3 т. Т. 2 : От Средневековья до Просвещения. М., 1998. 736 с.
15. Радзинский В.Е. Акушерская агрессия как причина снижения качества родовспоможения: по материалам VI Российского форума «Мать и дитя». Москва, 2004. URL: <http://www.midwifery.ru/today/agressia.htm>
16. Marcum J.A. The role of prudent love in the practice of clinical medicine // Journal of Evaluation in Clinical Practice. 2011. № 17. P. 877–882.
17. Репкина Т.В., Карманова Т.Т., Касумов В.В. и др. Психологическое здоровье студентов старших курсов АГМУ // Социологические проблемы медицины и социальной работы: теория и практика. Новосибирск, 2013. С. 59–61.
18. Куприй В.Т. Философия медицины (лекции для аспирантов). СПб. : СПбГМУ, 1998. 163 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 26 февраля 2015 г.

LOVE AS THE MOST ESSENTIAL ELEMENT OF MEDICAL CORPORATE CULTURE

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 46–50. DOI: 10.17223/15617793/395/7

Zhdanov Mikhail A. Polzunov Altai State Technical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: m.zhdanov@live.ru

Keywords: love; prudence; wisdom; virtue; iatrogenesis; medical corporation; medical corporate culture.

The article contains a philosophic and cultural analysis of medical corporate culture in terms of one of its main elements – love. An extremely contradictory situation is currently formed in the sphere of healthcare. On the one hand, it is expressed in the fact that the government is trying to reinforce the existing healthcare system financially and materially, on the other hand, it is hard to detect any activity on the part of the government as the basic subject of realization of the state social policy in the field of health protection which would contribute to the convergence of such an important tandem as doctor and patient. The article marks the process of de-humanization in the modern system of medical aid and deontological crisis of medical corporation. One of the reasons of the crisis is the existing deficiency of cultural research of medical professional culture. Besides, surviving a deep crisis of its profession, medical corporation is losing the basic principles of medical aid, unfortunately. Considering the relationships between doctor and patient, loss of trust and honesty is clearly seen. One of the ways out of the crisis is regaining the ethics of doctor's love to their patient on a new level. The given problem was examined with the use of Erich Fromm's methodological perspective that describes love as an art in which one should perfect oneself continuously. The article provides a number of examples which demonstrate how the love of health professionals to their patients encourages forming a mutual reaction to health professionals and raises patients to fight diseases. The given examples unconditionally prove the efficiency of the described approach in the system of medical aid. Moreover, some defects are also detected in the modern system of young professionals' training in medical universities and some steps are suggested on the improvement of the methods of teaching medical ethics and deontology which are supposed to be used for students as well as for specialists during their extension courses.

REFERENCES

1. Bratus' B.S. Lyubov' kak psikhologicheskaya prezentatsiya chelovecheskoy sushchnosti [Love as a psychological presentation of human nature]. *Voprosy filosofii*, 2009, no. 12, pp. 30–42.
2. Sedov V.M. *Yatrogeniya* [Iatrogenesis]. St. Petersburg: Chelovek Publ., 2010. 296 p.
3. Lown B. *Uteryannoe iskusstvo vrachevaniya* [The lost art of healing]. Moscow: KRON-PRESS Publ., 1998. 307 p.
4. Marcum J.A. Reflections on Humanizing Biomedicine. *Perspectives in Biology and Medicine*, 2008, vol. 51, no. 3. pp. 392–405. DOI: 10.1353/pbm.0.0023
5. Aristotle. *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 v.]. Translated from Old Greek by A.I. Dovatur. Moscow: Mysl' Publ., 1984. V. 4, 830 p.
6. Walker R.L. Virtue ethics and medicine. *Lahey Clinic Journal of Medical Ethics*, Fall 2010, no. 17 (3), pp. 1–2.
7. Bryan C.S. The seven basic virtues in medicine. *Journal of the South Carolina Medical Association*, 2007, no. 103, pp. 135–137.
8. Fromm E. *Zdorovoe obshchestvo. Iskusstvo lyubit'. Dusha cheloveka* [Healthy society. The Art of Loving. The soul of man]. Moscow: AST: Khranitel' Publ., 2007. 602 p.
9. Blokhina N.N. Professional and ethical beliefs of the physician humanist F.P. Haas. *Klinicheskaya meditsina*, 2012, no. 4, pp. 73–77. (In Russian).
10. Lightbown A., Fane N. Medicine and Spirituality. The role of love in the therapeutic process of HIV/AIDS sufferers in an African village. *The International Journal of Person Centered Medicine*, 2011, vol. 1, is. 1, pp. 190–195.
11. May R. *Otkrytie bytiya* [The discovery of being]. Translated from English by A. Bagryantseva. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 2004. 224 p.
12. Shestakov V.P. *Russkiy Eros, ili filosofiya lyubvi v Rossii* [Russian Eros, or love philosophy in Russia]. Moscow: Progress Publ., 1991. 448 p.
13. Ivanov A.V., Fotieva I.V., Shishin M.Yu. *Chelovek voskhodyashchiy: filosofskiy i nauchnyy sintez "Zhivoy Etiki"* [Man ascending: the philosophical and scientific synthesis of "Living Ethics"]. Barnaul: Altayskiy dom pechati Publ., 2012. 512 p.
14. Komarova I.I., Kondrashov A.P. *Velikie mysli velikikh lyudey. Antologiya aforizma: v 3 t.* [Great thoughts of great people. Anthology of the aphorism: in 3 v.]. Moscow, 1998. V. 2, 736 p.
15. Radzinskij V.E. *Akusherskaya agressiya kak prichina snizheniya kachestva rodovspomozheniya: po materialam VI Rossiyskogo foruma "Mat' i ditya"* [Obstetric aggression as a cause of reducing the quality of obstetric care: Based on the proc. of the VI Russian forum "Mother and Child"]. Moscow, 2004. Available from: <http://www.midwifery.ru/today/agressia.htm>
16. Marcum J.A. The role of prudent love in the practice of clinical medicine. *Journal of Evaluation in Clinical Practice*, 2011, no. 17, pp. 877–882. DOI: 10.1111/j.1365-2753.2011.01719.x
17. Repkina T.V., Karmanova T.T., Kasumov V.V. et al. [The psychological health of ASMU senior students]. *Sotsiologicheskie problemy meditsiny i sotsial'noy raboty: teoriya i praktika* [Sociological problems of medicine and social work: theory and practice]. Novosibirsk, 2013, pp. 59–61. (In Russian).
18. Kupriy V.T. *Filosofiya meditsiny (lektii dlya aspirantov)* [Philosophy of Medicine (lectures for graduate students)]. St. Petersburg: St. Petersburg State Medical University Publ., 1998. 163 p.

Received: 26 February 2015

ПУТЕШЕСТВИЯ КАК ПОТРЕБНОСТЬ В САМОТРАНСЦЕНДЕНЦИИ

Выбор темы статьи продиктован необходимостью объединить все возможные варианты путешествий в жизни человека как виды его трансцендирования за границы своей личности, традиций социума, ментальности, культуры и т.д. Суть явления, которое принято называть «путешествием», так или иначе состоит в покидании пределов родного края или своего Я, попадании личности в неизвестные ранее места и миры и, как следствие, трансформации ее в этот момент и рефлексии над этими переменами после возвращения. Результатом подобного рода изменений и их осмысления могут стать некие «продукты», интересные для социума. В связи с этим достаточно важным представляется социальный аспект влияния путешествий конкретных людей на жизнь общества в целом. Комплекс таких понятий, как критерии и различные виды путешествий, личность путешественника и «продукт» (как итог путешествия), автор предлагает считать структурными единицами «философии путешествия».

Ключевые слова: путешествие; самотрансценденция; типология путешествий; личность путешественника; философия путешествия.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что всю историю существования человечества его сопровождает потребность в преодолении материальных, ментальных или духовных границ обыденного существования, которое постоянно кажется человеку «тесной старой одеждой» и требует смены каких-то деталей-характеристик этого «одеяния». Причем эта потребность обнаруживалась в жизни как оседлых народов, так и кочевых, и при этом не обязательно выражалась в желании совершил перемещение только в области географии. Возможно, чаще слом границ скучной повседневной реальности происходил, когда человек использовал сны, фантазию, трансовые состояния и креативные способности для создания новых параметров для своего существования или новых метафизических реальностей. Это вечное стремление человека разными способами «перейти границу» замечательно описал А. Маслоу в своей концепции метапотребностей: он считал, что этот вид потребностей возникает как обязательный, но только на почве удовлетворенности базовых дефицитарных потребностей [1].

Одним из вариантов удовлетворения потребности в самотрансценденции у человека (а вслед за ним и у общества) является путешествование, которое протекает как процесс покидания на время чего-то хорошо известного и понятного ради попадания во что-то, до тех пор неизвестное и незнакомое. Выбор параметров путешествия – его маршрут (пункты назначения, длительность, расстояния), глубина духовного погружения в новую реальность, степень риска для жизни или целостности личности – зависит только от индивидуальных интересов путешественника. Все это связано с балансом внутри его личности таких компонентов, как ценность будущих приобретений (после путешествия) и цена, которую придется заплатить за них (в процессе путешествования). Ценностями в этом случае чаще всего являются нахождение свежих источников впечатлений, информации, ощущений, мыслей, переживаний, опыта, энергии, фантазии и т.д. Цена за путешествие и за возвращение в обновленном состоянии – это, как правило, преодоление страха новизны, страха за свою жизнь или за разрушение монолитной структуры личности.

Рассмотрим влияние путешествия на личность «человека путешествующего» и в итоге на социум, к которому он принадлежит. Для начала нам нужно определить, что мы будем считать путешествием. Чаще всего эта тема изучается в рамках культурологии, психологии, социологии, маркетинга и индустрии туризма, реже становится предметом философии (социальной). Автор считает, что было бы актуально объединить в философском определении «путешествия» все возможные варианты передвижения человека – как в физическом реальном мире («внешние» географические), так и во внутреннем пространстве его личности и трансцендирования за ее пределы («внутренние» метафизические). У этих видов общими являются атрибутивные признаки, описать которые мы можем терминами из области «путешествие»: перемещение, преодоление границ, обновление, возвращение и пр. Необходимо признать, что эти два вида путешествий (географические «внешние» и метафизические «внутренние») разграничены крайне условно, так как они могут переплетаться в реальной жизни путешественника: первые могут быть необходимым условием для совершения вторых и наоборот. Мы предлагаем выделить некоторые путешествия внутри данных двух типов в особую категорию и назвать их Путешествиями, а людей, их совершающих, – Путешественниками. Смысл жизни Путешественников можно сформулировать, используя слова американского писателя Уильяма Берроуза: «Жить неизбывательно. Путешествовать – необходимо» [2]. Критерии для определения феномена Путешествия (его отличительных особенностей на фоне иных видов перемещений, поездок, странствий или внутренних видов активности человека), а заодно базисные характеристики для понимания сути «путешествующей личности» (Путешественника) следующие:

- 1) критерий осознанности и добровольности совершения «внешних» и «внутренних» путешествий;
- 2) критерий способности Путешественника к самотрансценденции или покиданию границ обыденной реальности и своего Я ради абсолютно новых «маршрутов» (Маршрутов) и готовность пережить в этом состоянии нечто новое;
- 3) критерий желания и возможности Путешественника после Путешествия вернуться обратно – в социум, на родину, в обыденную реальность, в свое Я;

4) критерий создания Путешественником некоего «продукта» (Продукта), произведенного им после завершения Путешествия и на основании полученных там впечатлений.

Будем исходить из того, что «путешествующий человек» может осмыслять и обработать новые мысли, переживания, озарения, знания, или, другими словами, превратить свой опыт Путешествия в Продукт. Следовательно, Продукт – это, во-первых, материальная фиксация факта путешествия для самого человека и его окружения, а во-вторых, некий акт рефлексии, оформление проделанной путешественником в его сознании работы, переведенной в коды и на язык той культуры, в рамках которой он сам существует. Неотъемлемой чертой Продукта должна быть его вос требованность обществом и потенциал влияния на коллективное сознание.

Попробуем описать типы путешествий, которые можно будет считать Путешествиями, если они соответствуют всем вышенназванным критериям. Первый тип («внешние» географические) один из самых древних видов человеческой активности: это перемещение человека по поверхности Земли, ее воздушной оболочке и подводным глубинам с различными целями. Географические путешествия – излюбленный способ времепровождения и отдыха многих людей. Даже простая визуальная смена картинок перед глазами действует как развлекательный аспект, не говоря уже о тех переживаниях и эмоциях, которые мы всегда можем получить, покидая родные края. Но как отличить путешествие от простого перемещения в пространстве, эмиграции, отдыха на море, дауншифтинга, номадического образа жизни? У американского писателя Д. Керуака, воплотившего в своих произведениях тему бродяжничания как образа жизни, в романе «В дороге» есть замечательная фраза: «Вы, парни, куда-то едете или просто едете? – Мы не поняли вопроса, а это был чертовски хороший вопрос» [3. С. 28–29]. У Путешествий всегда есть цель – Маршрут, элемент добровольности, момент выхода за границы личности в процессе путешествования, аспект возвращения и создание «отчета» (Продукта). Важность такого рода путешествий в жизни человека всегда отмечалась мыслителями. Например, А. Камю полагал, что «путешествие как самая великая и серьезная наука помогает нам вновь обрести себя» [4].

Вариантами «внешних» географических путешествий можно назвать следующие:

1. Открытие новых земель и народов. Это, к сожалению, вид путешествий, ставший на данный момент практически невозможным в силу объективной причины – отсутствия неоткрытых территорий на планете. В то же время он породил такое количество Продуктов, которых человечеству хватит их еще на несколько столетий в качестве источника знаний о различных уголках Земли и восхищения личностями великих Путешественников. Путешественниками и Продуктами такого рода, вдохновляющими многие поколения людей, можно считать: А. Македонского, фиксировавшего маршруты и историю своих передвижений, включая наблюдения за особенностями

новых земель и народов, с помощью большого количества ученых, сопровождавших его военные экспедиции; М. Поло, описавшего свои путешествия в «Книге чудес» [5]; Х. Колумба, оставившего нам свои «Дневники, письма, документы» и передавшего чувства и мысли человека из одного полушария, впервые ступившего на земли другого [6], и т.д.

2. Этнографические Путешествия. Сегодня можно с полной уверенностью сказать, что этот вид путешествий становится одним из самых востребованных в мире. Причем интерес вызывают как поездки к практически изолированным от внешнего мира племенам, так и в те регионы планеты, где специфика образа жизни местных жителей обещает нам самые яркие впечатления. В первом случае у людей, считающих себя цивилизованными, появляется шанс заглянуть «за кулисы» истории человечества, посмотреть в лицо самим себе прежним, осознать ценности «дикого» мира, погрузиться в структурные составляющие его культуры: мифы, сказки, песни, легенды, а также пропитаться его визуальными образами, ритмическими и звуковыми рядами. Одним из первых русских этно-Путешественников был Н.Н. Миклухо-Маклай, с риском для жизни исследовавший культуру туземных народов Азии и Океании. Среди современных исследователей стоит выделить эпохальные работы Д. Даймонда – американского ученого и Путешественника, который в своей последней книге «The World until yesterday: what can we learn from traditional societies?» [7] говорит нам о том, какие ценности мы, цивилизованные существа, можем взять у «дикарей» или «отсталых» народов с неевропейской ментальностью. За последние годы эта тема породила сотни Продуктов про встречи современных людей с их историческими «прототипами». Символы других культур, традиционные для них цветовые сочетания, элементы декора тел, одеяний и жилищ разных «диких» народов становятся мощнейшим трендом в мире моды и интерьерных проектов. Ритмы и мелодииaborигенных племен, сохранивших свою уникальность и самоидентичность, входят в новые аранжировках в нашу жизнь. В этом ключе нельзя обойти вниманием процесс изменения пищевых привычек «европейского человека» под влиянием новых для него продуктов и их сочетаний в рецептах приготовления различных блюд, добывших Путешественниками-кулинарами в своих «гастрономических экспедициях».

3. Экстремальные Путешествия. В этом типе путешествий главной целью становится не столько попадание в какие-либо новые для путешествующей личности географические пространства, а способы и стили его путешествования, которые подразумевают предельный уровень нагрузок для организма, а также испытания силы духа и мужества. Вероятно, потребность в экстриме – это атавистические инстинкты у определенной части человечества, сформировавшиеся в ту фазу его истории, когда был возможен единственный тип путешествий – открытие неизведанных земель с высокой степенью риска для Путешественника. Так или иначе, мы постоянно видим, слышим в новостях о людях, преодолевающих океаны на ве-

сельных лодках, переходящих на лыжах пространство Арктики, взирающихся на все самые высокие пики Земли, погружающихся в глубины морей без запасов воздуха и т.д. Продуктами таких свершений являются, как правило, блоги Путешественников в социальных сетях, собственные сайты и их интервью различным изданиям. Иногда Путешественник-экстремал пишет книгу, как, например, 16-летняя австралийка Д. Уотсон после одиночного безостановочного кругосветного путешествия на яхте [8]. А порой самих Путешественников-экстремалов можно считать Продуктами, так как эти сильные личности и настоящие герои своим образом жизни влияют на общество, создают новые ценности и вдохновляют тысячи других людей быть смелее и активнее.

4. Образовательно-познавательные Путешествия. Этот тип поездок выбирают те, кто имеет задачи увидеть-посетить-узнать все самое интересное, что может дать некое выбранное Путешественником направление (Маршрут). Чаще всего здесь совмещаются посещение культурных достопримечательностей и природных объектов какого-либо региона, этнографические и гастрономические экскурсии, а также бывает задействован приключенческо-экстремальный стиль путешествования. Обычно образовательно-познавательные путешествия проходят в формате «организованный туризм» и подразумевают наличие экспертов-специалистов (гидов, рейнджеров, экскурсоводов и т.д.) или хороших путеводителей, которые способны стать «проводниками» в мир некой страны или региона земного шара. Ценность образовательно-познавательных видов путешествий и их роль в жизни социума подробно рассмотрела Н.В. Черепанова в своей диссертации «Путешествие как феномен культуры» [9] и многие другие авторы.

5. Языковые Путешествия. Этот вид туризма связан с изучением Путешественником языков других народов или древних несуществующих языков на территории нынешних или прежних носителей языка. Серьезное углубление в звучание, структуру, лексико-семантическую систему чужих языков (особенно вне группы языков, из которой происходит язык Путешественника) позволяет ему занять позицию транскультурного маргинального существа на период занятий, а позже создать Продукты, связанные с переводом / интерпретацией продуктов той культуры на язык / язык ментальности «родной» культуры.

6. Эко-природные Путешествия. В XXI в. на фоне разговоров про глобальные изменения климата, стремительное исчезновение многих природных объектов, различных видов растений, животных это один из самых привлекательных видов путешествий. Люди начали осознавать, что природа – невозобновляемый ресурс, а действия человека напрямую несут угрозу ее существованию. Попытки увидеть, зафиксировать «ускользающую красоту» окружающего мира приводят Путешественников в самые удаленные и порой некомфортные уголки планеты с суровыми погодными и бытовыми условиями. Они хотят увидеть чудеса, «изобретенные» самой природой, в виде водопадов, ледников, пустынь, гор, морских глубин, северного

сияния и т.д., а также успеть «пообщаться» с представителями животного и растительного мира, находящимися в списках исчезающих. Одними из лучших Продуктов на тему природы, без сомнения, являются фильмы и фотопроекты «История путешествия» Я. Артюса-Бертрана, Л. Бессона [10], «Барака» Р. Фрике [11] и др., которые раздвигают границы сознания людей до планетарных масштабов и призывают не забывать, в каком хрупком мире мы живем.

7. Паломничество. Этого рода Путешествия – одни из древнейших в человеческом мире и связаны с посещением представителями той или иной религии / конфессии сакральных для них мест или живых культовых личностей. Продукты паломнических туров (книги, фильмы, проповеди и т.д.) всегда были и будут востребованы внутри общества / минисообществ, для которых определенные «святые люди» и священные места имеют большое значения как базовая основа для самоидентификации и духовных ценностей.

8. «Путешествие-как-лекарство» и «В-поисках-себя». Эти путешествия предпринимаются в первую очередь не для того, чтобы достичь какого-либо нового места, гораздо чаще они происходят в формате «бегство от себя-самого-старого» и как попытка вы-прыгнуть за пределы тесных рамок своей личности, культуры, ценностей, традиций, языка, уютного быта, прежних отношений и круга общения. В современном мире человек как никогда чувствует свое душевное и духовное одиночество, его Я зачастую деперсонализировано и диффузировано, а личность, пытаясь вынести большие нагрузки от ожиданий со стороны требовательного общества, переживает кризисы «Эго-идентичности» (Э. Эриксон) [12] и т.д. Другие земли и страны нужны в качестве фона для таких Путешествий, иногда даже Путешественникам к «картинкам» требуется набор приключенческих, паломнических или экстремальных элементов, чтобы они могли с их помощью ощутить биение жизни, изменить свое обыденное сознание, расширить его границы новым опытом или знаниями, получить мощный творческий импульс и свежие переживания. В этом виде Путешествий становится сложно отличать внешние путешествия от внутренних, так как главная цель в данном случае – в процессе перемещений найти себя подлинного и обрести душевную гармонию, а после предъявить миру «дневник» поисков самого себя как Продукт (что-то вроде истории личности после тотальной перезагрузки или полного «апгрейда»).

Ж.-П. Сартр в романе «Тошнота» написал: «Если бы мне довелось однажды куда-нибудь поехать, мне кажется, перед отъездом я описал бы на бумаге все мельчайшие черточки своего характера, чтобы, вернувшись, сравнить – каким я был и каким стал. Я читал, что некоторые путешественники и внешне, и внутренне изменялись настолько, что по возвращении самые близкие родственники не могли их узнать» [13]. Про путешествия в качестве «лекарства» Т. Драйзер в романе «Сестра Керри» писал: «Для человека, который никогда не путешествовал, всякое новое место, сколько-нибудь отличающееся от родного края, выглядит очень заманчиво. Если не говорить

о любви, больше всего радости и утешения приносят нам путешествия. Все новое кажется нам почему-то очень важным, и разум, в сущности, лишь отражающий восприятия наших чувств, уступает наплыву впечатлений. В пути можно забыть возлюбленного, рассеять горе, отогнать от себя призрак смерти. В простом выражении «я уезжаю» кроется целый мир не находящих выхода чувств» [14].

Кроме вышеперечисленных видов, к «внешним» Путешествиям можно отнести несколько узких модификаций по Маршрутам или форматам, например, событийные (поездка приурочивается к какой-то дате и некоему действию), или фототуры (профессионалы учат новичков общаться с миром через фотокамеру), или гастрономические (шеф-повара в разных странах дают уроки кулинарного мастерства) и т.д. и т.п.

Второй вид Путешествий – «внутренние» метафизические, а их специфика заключается в том, что в данном случае процесс путешествования может сопровождаться перемещениями физического тела в рамках модели пространство-время с ее классическими характеристиками линейности / трехмерности или может происходить в областях сознания, индивидуального подсознания или коллективного бессознательного Путешественника. Внутренние путешествия совершаются, как правило, в рамках таких явлений, как мистические озарения; сновидения, наполненные символами и откровениями; трансовые состояния; эмоциональные подъемы от восприятия литературных, музыкальных и других произведений искусства; опыт переживания не известных ранее Путешественнику состояний (например, смерти). Единственно возможный способ создать классификацию видов «внутренних» Путешествий – по Маршрутам, которые выбирают для себя Путешественники:

1. В поисках Высшего Знания, Идеи. Практически во всех древних культурах существовал миф о путешествиях богов и героев с риском для их жизни по ту сторону реального мира с целью принести своему народу какое-то новое знание, религиозные идеи или что-то очень ценное для духовной жизни общества. Здесь мы можем вспомнить историю принца Гаутамы (Будды), который совершает побег из дворца за знанием, странствует несколько лет в его поисках от учителя к учителю, проводит много времени в аскезе и самоистязании, занимается медитацией и размышлениями, одновременно путешествуя по совокупности всех возможных миров, переживая в них кармические циклы рождения-смерти-перерождения – свои собственные и чужие, чтобы понять четыре Благородные Истины. На теме поиска новых знаний и ценностей построены сюжеты Путешествий: Моисея на гору Синай за Скрижалиями Завета, Пророка Мухаммеда на небо для общения с Аллахом и обсуждения с ним канонов ислама; длительных странствований Заратустры ради встречи с богом Ахура-Мазда и откровений, которые тот дал пророку лично. Во всех этих ситуациях, а также во множестве других мы видим, что покидание мира обыденной реальности – обязательное условие обретения знания.

Кроме Путешествий в поисках высоких истин к этому же типу Маршрута можно отнести погружение

в некую Идею, которая становится доминирующим концептом в жизни и источником вдохновения для той или иной личности. Например, Идея Востока стала предметом, которым по сей день одержимы люди, как правило, с европейской ментальностью. «Паломничество в страну Востока» (термин Г. Гессе [15]) связано с поиском источников вечной мудрости в тех регионах планеты, где история цивилизации насчитывает не одну тысячу лет, или с изучением религиозных текстов, духовных практик, магических ритуалов, которые бы имели отношение к теме Востока. Другими интересными Маршрутами в данной категории можно считать такие Идеи: Красоты, попытку осознать которую предпринимали О. Уайльд [16], У. Эко [17]; Природы и Правды – находим у А. Камю [18]; Алефа – «место, в котором, не смешиваясь, находятся все места земного шара, и видишь их со всех сторон» – у Х.Л. Борхеса [19. С. 193]; Смысла – у В. Франкла [20]; Будды – в китайском буддизме, когда Будда не историческая личность, а «реальность как она есть» [21]; Средиземноморья – у Вергилия [22], Гомера [23], А. Камю [18] и др.

2. Сновидения. Этот вид Путешествий характеризуется ярко выраженным характером «транспорта» для их осуществления, так как они происходят в период сна или пограничных с ним состояний. Каких-то характерных черт у Маршрутов здесь нет, кроме неких пространств и определенного набора символов, знаков, фигур, производящих какие-то действия в архетипических снах, когда Путешественник движется в направлении территории «коллективного бессознательного» (К.Г. Юнг [24]) или «трансперсональной реальности» (С. Гроф [25, 26]). Путешествия в Сновидениях отличаются, как правило, спонтанным направлением перемещения Путешественника, яркими Продуктами и сложным процессом их «изготовления», так как воспоминания о переживаниях и событиях в снах не лежат на поверхности сознания Путешественника. Область для Путешествий в данном направлении абсолютно безгранична и слабо исследована, но Продукты из этой сферы востребованы и понятны на интуитивном уровне многим. Люди восхищаются способностью Путешественника вербализовать, нарисовать, привести к звуковому ряду или реализовать кинопроект по результатам Путешествий-сновидений. Мы знаем великолепные примеры таких Продуктов у Э. Сведенборга, Х.Л. Борхеса, Г. Гессе, И. Босха, С. Дали, М. Пруста, Э. Фромма, Ф. Феллини и др.

3. Страна Смерти. Путешествия в реальном, а не метафизическом мире в эту область, как правило, лишены добровольности, осознанности и не успевают привести Путешественника к созданию Продукта. Но существует огромный пласт исследований сферы, связанной с опытом умирания близких, содержания сознания людей, склонных к суициду, пребываний в состояниях клинической смерти, переживаний людей на войне, а также изучения феномена смерти, как он воспринимается в рамках той или иной культуры, осмысливается философами, психологами и богословами. Вариантов для Путешествия в данном случае всего два: или самому пережить переход «по ту сто-

рону» жизни, или осознать чужой опыт и пытаться путешествовать на «край экзистенции» с помощью Путешественников-«гидов» и Продуктов-«путеводителей». Нужно упомянуть, что во многих древних эпосах, легендах и мифах есть описание путешествия героев в Страну Смерти и их рассказов о ней после возвращения. Например, этот сюжет присутствует в эпосе народов майя-киче «Пополь-Вух», мифе об Орфее, истории Одиссея и Энея, а также тема умирания-возрождения лежит в основе всех древних мистерий, «ритуалов перехода», трансовых путешествий шаманов и веры в реинкарнацию. У человечества всегда существовала потребность познать тот мир, откуда обычные люди не возвращаются, и много веков назад в разных точках планеты были даже написаны Путеводители по этой области – «Книги мертвых» в Египте и Тибете [27, 28]. Из современных авторов, которые работали над темой «величайшее путешествие» (С. Гроф) [29] в Страну Смерти, в первую очередь нужно отметить Р. Моуди, Д. Лонга, Р.А. Монро, С. Грофа, О. Хаксли. Исследованиям метафизического пространства этой Страны посвящали свои произведения писатели и философы, такие как Ж.-П. Сартр, Ж. Батай, С. Кьеркегор, Ж. Деррида, А. Камю, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, Г. Марсель, К. Кастанеда, Ж. Сарамаго, Ф. Хуземан, Лао-цзы и др.

4. Бог, Абсолют. Одним из вечных Маршрутов для человечества всегда был путь к Богу. У каждого Путешественника, который выбирает это направление для внутренних путешествий (порой сопровождаемых географическими «паломническими» турами), описание конечной точки Маршрута или процесса движения не обязательно совпадает с рассказами других. Бог, Божественная сущность в данном случае – это то, как звучит у Путешественников общее название Маршрута, но далее он распадается на то количество вариантов, сколько людей его прошли или прожили. Во всех случаях Продукты, создаваемые по итогам таких Путешествий, содержат набор атрибутов Бога, его присутствия, общения с ним, которые приняты в рамках культуры, религиозной парадигмы, образования, трансцендентного потенциала Путешественника. Как правило, Путешествия по данному Маршруту описываются как максимально влияющие на жизнь человека, делающие его принципиально иным, заставляющие изменить систему ценностей и классическую картину мира.

Самыми знаменитыми Путешественниками по данному Маршруту, без сомнения, были пророки-создатели новых религий и концепций мировоззрений. Моисей, Иисус Христос, Гаутама Шакьямуни, Зороастр, Мухаммед, Лао-цзы и другие – у каждого из них был свой путь к Богу, Абсолюту, Нирване, результатами которого они захотели и смогли поделиться с социумом. Продуктами их Путешествий стали Книги (или собрания священных текстов и изречений), ритуалы, ценности, правила жизни, картины мира, имеющие функцию абсолютных ориентиров для последователей того или иного Путешественника. В то же время сама личность такого рода Путешественника (история его жизни, личный пример) стала

Продуктом, также очень востребованным обществом. За пророками идут Путешественники к Богу рангом пониже – мистики, которые используют такие «транспортные средства», как прозрение, интуиция, эмоциональные переживания, воображение, психотропные средства, т.е. любые иррациональные методы попадания на Маршрут.

5. Я, Самость – Поиск Себя. Поиск своего места в мироздании, смысла существования на Земле, подлинного Я (очищенного от социальных масок), внутренней сущности личности – Самости и прочие важные темы входят в Маршрут, который можно условно назвать «Поиском Самого Себя». Иногда люди отправляются в географические «внешние» путешествия, чтобы через общение с другими людьми, культурами, местами понять какие-то важные вещи для себя и про себя. Внутренние Путешествия по этому Маршруту чаще всего предполагают плотный контакт Путешественника с собственной личностью, анализ ее структуры, ее устремлений, а также процесс сшелушивания каких-то привнесенных извне элементов часто социумного происхождения (будь то ценности или содержание коллективного бессознательного). Данным Маршрутом в европейской традиции вплотную занимается экзистенциональная философия и психология, а именно С. Кьеркегор, Ж.-П. Сартр, В. Франкл, К. Ясперс, Г. Марсель, К.Г. Юнг, Ф. Ницше, Э. Фромм, М. Хайдеггер, Л. Шестов, Н. Бердяев, А. Лэнгле, И. Ялом, а также мыслители, писатели, проявившие интерес к Путешествиям данного типа, в частности К. Кастанеда. На Востоке больше всего внимания к Маршруту и проработке его деталей уделили философы и учителя из различных направлений буддизма. Например, в китайском буддизме главной задачей на пути постижения «собственной природы», «самосути» является осознание в себе «природы Будды», которое прямо противоположно таким качествам, как «непостоянство», «страдание», «бессамо-стность» и «загрязненность» [30].

Продукты исследователей этого Маршрута высоко востребованы современным обществом, стоящим на пороге таких массовых явлений, как кризис само-идентичности, экзистенциальный вакуум (В. Франкл), деперсонализация, беспокойство, неуверенность, страхи, неврозы. Эти материалы служат Путеводителями для миллионов людей, пытающихся ответить на вопросы: «Могу ли я осилить бытие-в-мире, справиться с ним? Что дает моей жизни опору? Чувствую ли я защищенность, принимают ли меня другие люди, есть ли у меня родина, дом? Останется ли у меня еще что-то – «последнее доверие», «фундаментальное доверие», которое сопровождало бы меня до самой смерти, – или больше не будет уже ничего, и я буду ощущать себя словно падающим в пустоту? Я дан себе самому, и это ставит меня перед фундаментальным вопросом персонального бытия: я это я, но имею ли я право быть собой? Человек стоит перед самим собой как перед непостижимостью: что такое мое Я, где это Я находится?» (А. Лэнгле) [31–33].

Основная инструкция для следования по Маршруту «Поиск самого себя» – это «проживание человеком

своего духовного измерения (Person)» (А. Лэнгле), или экзистенция. А. Лэнгле анализирует идеи В. Франкла в этом направлении и пишет, что тот считал предпосылками для экзистенции «самодистанцирование» и «самотрансценденцию»: человек должен дистанцироваться от самого себя – это делает его более открытым, чтобы затем оказаться способным выйти за пределы себя и отдать себя внешнему миру с его предложениями и задачами. В качестве третьей основы экзистенции Франкл называл смысл, или «вызов момента». Человек находит смысл, когда «дает ответ на обращенные к нему запросы бытия» (А. Лэнгле).

6. Другой. Движение за границы «себя любимого», в сторону другой личности с иным мироощущением, ценностями, природными характеристиками и т.д. можно назвать Путешествием в Другого. «Личность как встреча» – так определил В.И. Кабрин [34] этот тип взаимодействия нашего Я с миром: другая личность становится как бы зеркалом, в котором мы видим порой Самого Себя или нечто удивительное Новое, что хотим постичь, но во всех случаях этот Маршрут – бесконечная расширяющаяся вселенная с миллионами тропок и моментов для потрясения. Способом совершить это Путешествие может быть любовь (как постоянный процесс – в понимании Э. Фромма), ненависть (как попытка прочувствовать и осознать, что чуждо нашему Я), восхищение, интерес, уважение и т.д. «Встрече» с Другим и Путешествию по его мирам посвящены тысячи произведений кинематографа, изобразительного искусства, художественной литературы, а также труды философов и психологов, которые становятся для нас и Продуктом, и Путеводителями для создания собственных Маршрутов (и, возможно, новых Продуктов) в этой сфере.

7. Произведения науки, искусства, литературы, музыки, кинематографа, моды, дизайна, фотографии и т.д. Одним из самых интересных Маршрутов для «внутренних» Путешествий являются произведения искусства, которые сами чаще всего являются Продуктами Путешествий их создателей, т.е. это Путешествия по Продуктам чьих-то Путешествий. Существует много исследований на тему мощнейшего эмоционального, энергетического, интеллектуального, духовного заряда, которые дарят нам погружение в произведения великих писателей, режиссеров, художников, фотографов, дизайнеров, композиторов и других творческих деятелей. Если эти произведения отвечают нам на важные экзистенциальные вопросы (или хотя бы дают направление поиска), созвучны нашим духовным изысканиям, конгруэнтны атмосфере нашей души, соответствуют ценностным и эстетическим идеалам нашей личности, то эти Продукты становятся для нас самостоятельными Маршрутами увлекательных Путешествий или Путеводителями по интересным нам областям «внешнего» / «внутреннего» мира.

Иногда в подобное Путешествие мы отправляемся с помощью Гидов, которыми выступают преподаватели, режиссеры, актеры, музыканты, певцы, танцоры, чтецы и другие люди, способные «перевести» Продукт с его изначального языка, на котором он был

создан, на язык другой художественной реальности. Например, экранизация какой-то книги (Продукта некоего Путешествия) может стать самостоятельным Продуктом и пригласить людей в отдельное Путешествие, обладающее всеми признаками нового Маршрута.

8. Другие миры и измерения. Помимо вышеобозначенных Маршрутов с достаточно четко выраженным направлением – «Бог», «В поисках себя», «Страна Смерти» и т.д., встречается достаточно обширный материал по Путешествиям в самые разные сферы, когда потребность в путешествовании, самотранценденции, преодолении границ своего Я, науки, культуры, обыденной реальности превалирует над конкретной темой Маршрута.

Ярким примером школы такого рода Путешествий служит движение «Нью Эйдж» (А. Бейли), которое является совокупностью различных религиозных, эзотерических, мистических, оккультных, духовных, метафизических, астрологических концепций, учений и практик [35]. «Нью Эйдж» пытается объединить все, что создал Восток и Запад, переплетая их наработки в единую ткань новой культуры в новую эпоху. В сферу его интересов входит шаманизм, буддизм, индуизм, зороастризм, суфизм, мировоззрение майя и инков, астрология, каббала, теософия, йога, цигун, восточные единоборства, различные виды нетрадиционной медицины и целительства, психоделические опыты, практика медитаций, вегетарианство, магические бытовые ритуалы и заклинания, музыка в стиле new age и еще многие другие идеи, теории и практики.

В эту же сферу можно отнести любые Путешествия вне тела, вне границ Я или культуры: в прошлые жизни, во времени, астральные, трансперсональные и архитипические путешествия и т.д. (Р. Монро, Н. Майлз, П. Береснев, С. Гроф, К.Г. Юнг и др.). Отчасти пережить необычный «пространственно-временной» опыт возможно и во «внешних» Путешествиях, например, попадая в точку Северного или Южного полюса, где больше нет часовых поясов, день длится полгода и равен ночи, не работает компас, и откуда существует только одно направление – «на юг» или «на север»; или пересекая «линию перемены даты» когда ты попадаешь в начало того дня, который уже прожил вчера. Совершить Путешествие в сложные временные и пространственные измерения можно и через произведения литературы (Г.Г. Маркес, М. Пруст, Д. Джойс, М. Павич, Х.Л. Борхес и др.).

Другим интересным направлением в данном Маршруте является Космос – и как предмет исследования учеными, и как феномен, который пытается осмысливать любой человек на планете Земля. Если для первых космос – это объект изучения, то для обычных людей Вселенная – безгранична реальность, чьи характеристики и законы плохо поддаются пониманию, а поэтому являются объектом фантазий, медитаций, размышлений, снов, произведений искусства. В последнее время все чаще стали возникать Продукты, созданные учеными, которые они предлагают в качестве Путеводителей для простых людей, чтобы по-

мочь им совершить акт рефлексии над этой неподъемной для обыденного мышления темой (физики и астрономы К. Саган, С. Хокинг и др.). Также всегда существовали мыслители, готовые поделиться теоретическими наработками или личным опытом Путешествий «за пределы Земли» (К.Г. Юнг, К. Кастанеда, П.В. Береснев, О. Хаксли, С. Гроф и др.).

На этом перечисление основных типов «внешних» географических и «внутренних» метафизических Путешествий можно остановить, но не закончить, так как любой человек, которому интересна тема Путешествий, очевидно, сможет продолжить список по своему усмотрению.

Итак, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что все существующие как «внешние» географические, так и «внутренние» метафизические путешествия можно объединить в общую категорию Путешествия. Напомню, что в эту область попадают те путешествия, которые были совершены человеком добровольно, с выходом за границы своей личности и культуры, «с возвратом», осмыслением произошедшего и созданием на этой основе Продукта, востребованного социумом. В данную категорию не попадают люди, которых поэт И. Бродский призывал: «Не будь дураком! <...> Не выходи из комнаты! <...> Запричь и забаррикадируйся шкафом от хроноса, космоса, эроса, расы, вируса» (1970 г.) [36].

Маршруты для Путешественника – это вопрос его личной склонности исследовать внешний мир или заниматься своим внутренним.

Несмотря на то что научных работ, литературы и других материалов по теме «путешествия» много, как правило, они все посвящены какому-то отдельному

аспекту этого феномена – или географическому, или метафизическому. Также существует определенная лакуна в исследовательском поле – это изучение Путешественника как личности с потребностью в самотрансценденции и с дополнительным набором специфических характеристик, которые заставляют ее проявлять активность в этой области, а не в иной. Другим актуальным аспектом изучения данного вопроса можно назвать тему Продукта – итога проделанного путешествия в виде произведений искусства, литературы, музыки, кинематографа, журналистики или тематических сайтов и блогов в социальных сетях и других вариантов. Только в случае создания актуального Продукта Путешественник сможет стать Гидом для других людей: разрушить какие-то их стереотипы, расширить кругозор, дать «пассионарный» импульс для перемен, стать источником вдохновения. Перемены, которые Путешественники несут в социум, могут отразиться в нем через внедрение новых ценностей, эстетических канонов, а также через демонстрацию образа жизни, не «отложенной на потом» (Ж. Батай [37. С. 223–243; 38. С. 269–308]) и способах борьбы с экзистенциальными кризисами. Потребляя Продукт, общество также учится мечтать и видеть глобальную перспективу. Многие Путешественники составляют золотой фонд выдающихся людей той или иной страны или всего человечества.

Все эти области – феномен Путешествия, типология Путешествий, Продукт и личность Путешественника с потребностью в самотрансценденции – позволяют объединить их в единую концепцию «Философии Путешествий».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маслоу А.Х. Мотивация и личность* / пер. с англ. Т. Гутмана, Н. Мухиной. СПб. : Питер, 2011. 679 с.
2. *Берроуз У. Правила жизни*. URL: <http://esquire.ru/wil/william-burroughs> (дата обращения: 20.12.2014).
3. *Керуак Д. В дороге*. М. : Азбука-классика, 2006. 352 с.
4. *Камю А. Записные книжки*. URL: http://bookz.ru/authors/kamu-al_ber/zapisnye_knizhki.html (дата обращения: 20.12.2014).
5. *Поло М. Книга чудес света* / пер. с итал. И. Минаева. М. : Эксмо, 2008. 512 с.
6. *Колумб Х. Путешествия. Дневники. Сборник* / пер. с исп. Я. Свет. М. : Эксмо, 2008. 509 с.
7. *Diamond M.J. The World until yesterday: what can we learn from traditional societies?* N.Y. : Penguin Books Ltd., 2013. P. 499.
8. *Уотсон Д. Сила мечты* / пер. с англ. Е. Александровой, И. Соколовой. М. : Эксмо, 2012. 383 с.
9. *Черепанова Н.В. Путешествие как феномен культуры*. Научная библиотека диссертаций и авторефератов. URL: <http://www.disscat.com/content/puteshestvie-kak-fenomen-kultury#ixzz3McSBT1sa> (дата обращения: 20.12.14).
10. *Дом. История путешествия* (2009) // Официальный сайт Gooofplanet.org. URL: www.homethemovie.org/en/ (дата обращения: 20.12.2014).
11. *Барака* // Официальный сайт Copyright 2001–2012 SpiritOfBaraka.com. URL: www.spiritofbaraka.com/baraka (дата обращения: 20.12.2014).
12. *Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис* / пер. с англ. А. Андреевой, А. Прихожан, В. Ривош, Н. Толстых. М. : Флинта; Прогресс, 2006. 352с.
13. *Сартр Ж.-П. Тошнота*. М. : Азбука-классика, 2006. URL: http://royallib.com/book/sartr_ganpol/toshnota.html (дата обращения: 20.12.2014).
14. *Драйзер Т. Сестра Керри*. М. : Правда, 1986. URL: http://royallib.com/read/drayer_teodor/sestra_kerri.html (дата обращения: 20.12.2014).
15. *Гесе Г. Степной волк; Курортник; Паломничество в страну Востока*: Роман. Повести / пер. с нем. В. Куреллы, С. Альт, С. Аверинцева. Новосибирск : Новосиб. книж. изд-во, 1990. 349 с.
16. *Уайльд О. De Profundis. Из глубин: тюремная исповедь; Баллада Редингской тюрьмы; Философские мысли и изречения. Афоризмы и парадоксы* / пер. В. Чухно и [др]. М. : АСТ: Астрель, 2011. 381 с.
17. *Эко У. История красоты* / пер. с итал. А. Сабашниковой. М. : СЛОВО/SLOVO, 2014. 481 с.
18. *Камю А. Посторонний. Чума. Падение. Рассказы и эссе* / пер. с фр. Н. Галь, Н. Жарковой, Н. Немчиновой, Н. Наумовой, С. Великовского, М. Злобиной, Ю. Гинзбург. М. : Радуга, 1988. 464 с.
19. *Борхес Х.Л. Проза разных лет* : сборник / пер. с исп. ; сост. и предисл. И. Тертерян. М. : Радуга, 1989. 422 с.
20. *Франкл В. Человек в поисках смысла* / пер. с нем. М. : Прогресс, 1990. 368 с.
21. *Лысенко В.Г. Будда как личность и личность в буддизме* // Бог – человек – общество в традиционных культурах Востока. М. : Наука, 1993. С. 121–133.
22. *Вергилий Публий Марон. Буколики. Георгики. Энеида* / пер. с лат. С. Шервинского, С. Ошерова. М. : Худож. лит., 1971. 417 с.
23. *Гомер. Одиссея* / пер. с греч. В.А. Жуковского. СПб. : Азбука-классика, 2008. 416 с.
24. *Юнг К.Г. Структура психики и архетипы* / пер. с нем. Т. Ребеко. М. : Академический проект, 2013. 328 с.
25. *Гроф С., Гроф К. Неистовый поиск себя. Руководство по личностному росту через кризис трансформации* / пер. с англ. А. Ригин, А. Киселев. М. : АСТ, 2003. 347 с.

26. Гроф С. За пределами мозга. Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии / пер. с англ. А. Андрианов, Л. Земская, Е. Смирнова, А. Дегтярев. М. : АСТ, 2005. 352 с.
27. Древнеегипетская книга мертвых / пер. А. Шапошникова, И. Евса. М. : Эксмо, 2011. 365 с.
28. Тибетская книга мертвых. Бардо Тхедол / автор – А. Боченков. М. : Астрель, 2012. 414 с.
29. Гроф С. Величайшее путешествие. Сознание и тайна смерти / пер. с англ. М. Ошурков, Л. Михайлова, Т. Лем, О. Черняк, М. Дремин, А. Кисислев. М. : АСТ, 2008. 520 с.
30. Философия китайского буддизма / пер. с кит. Е. Торчинова. СПб. : Азбука-классика, 2007. 462 с.
31. Лэнгле А. Психотерапия: научный метод или духовная практика? URL: <http://www.hpsy.ru> (дата обращения: 20.12.14).
32. Лэнгле А. Жизнь, наполненная смыслом. Логотерапия как средство оказания помощи в жизни. М. : Генезис, 2003. 128 с.
33. Лэнгле А. Что движет человеком? Экзистенциально-аналитическая теория эмоций / пер. с нем. О. Ларченко. М. : Генезис, 2013. 235 с.
34. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и трансакоммуникативный потенциал жизни личности. Теория, методы, исследования. М. : Смысл, 2005. 248 с.
35. Нью-Эйдж. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Нью_Эйдж (дата обращения: 20.12.14).
36. Бродский И. Стихи. URL: www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=7655 (дата обращения: 20.12.14).
37. Батай Ж. Внутренний опыт // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб. : Мифрил, 1994. 346 с.
38. Батай Ж. Слёзы Эроса // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века / пер. с фр. С. Фокина. СПб. : Мифрил, 1994. 395 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 20 марта 2015 г.

TRAVELLING AS A NEED IN SELF-TRANSCENDENCE

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 51–59. DOI: 10.17223/15617793/395/8

Ivanova Anna N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: adelaidaanna@mail.ru

Keywords: travel; travelling; self-transcendence; typology of travelling; personality of a traveller; philosophy of travelling.

The article aims to unite all possible variants of travelling in a person's life in one direction, namely, in the process of transcendence beyond the limits of their personality, traditions of society, mentality, culture, etc. The notion of the phenomenon called "travelling" consists in leaving the homeland or one's Self, person's reaching unknown places and worlds and, consequently, their transformation at this moment and reflection on alterations after returning. The result of such alterations and their comprehension can be some "products" interesting for society. In this connection, the influence of travelling of some people on society life seems quite important. The author suggests introducing the concept "philosophy of travelling" and its structural components: criteria and typology of travelling, personality of a traveller, "product" as a result of their travelling. During the whole period of human history people need to overcome some material, mental and spiritual borders of everyday life they constantly see as "tight old clothes" and need to change some details of this "outfit". It concerns lives of settled peoples as well as nomadic ones and is expressed not only in their wish to move in geographic frames. More often breaking of the borders of everyday reality happens when people use dreams, trance and creative abilities for making new characteristics for their existence or new metaphysical realities. This eternal desire for "crossing the border" was wonderfully described by A. Maslow in his metaneed concept. One of the ways to satisfy the need in self-transcendence is travelling. Every time a person starts travelling s/he considers the balance of such parameters as the value of future acquisitions (after travelling) and their cost (during travelling). Regarding the influence of travelling on the personality of a traveller, s / he always prefers to travel searching for new sources of impressions, information, feelings, ideas, experience, energy, etc. in spite of the "price" that is anxiety about newness, fear for his/her life or destruction of his / her personality's monolithic structure. In the article, the author proposes criteria for the definition of the travelling phenomenon and its differences from other ways of movement: journey, wandering, migration, nomadic life, etc. The criteria are: conscious and voluntary decision to travel; need in self-transcendence for the sake of renewal of one's own Self; desire to return home, to society, to ordinary life, to one's own Self; creation of some "product" as a result of travelling. Traveller's life sense can be expressed by the words of an American writer W. Burroughs: "To live is not necessary. To travel is essential". The article also gives different types of travelling in outer and inner worlds. For instance, kinds of geographical "outer" travelling are the following: discovery of new lands, pilgrimage, eco-natural and extreme tourism, as well as ethnographic, language-studying, educational-cognitional, in-search-of-Self travelling and others. Kinds of "inner" metaphysical travelling are identified by routes, for instance, in search of Supreme Wisdom, dreams, Country of death, sphere of God/Absolute, Self-Ego, Masterpieces of art/literature/cinematography/fashion/photography and others. Thus, this article describes criteria of the travelling phenomenon, typology of different types of travelling, description of the traveller's personality main features and suggestion to unite outer and inner travelling in a single area of "philosophy of travelling".

REFERENCES

1. Maslow A.H. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and Personality]. Translated from English by T. Gutman, N. Mukhina. St. Petersburg: Piter Publ., 2011. 679 p.
2. Burroughs W. *Pravila zhizni* [Rules of life]. Available from: <http://esquire.ru/wil/william-burroughs>. (Accessed: 20.12.2014).
3. Kerouac J. *V dorge* [On the road]. Translated from English. Moscow: Azbuka-klassika Publ., 2006. 352 p.
4. Camus A. *Zapisnye knizhki* [Notebooks]. Translated from French. Available from: http://bookz.ru/authors/kamu-al_ber/zapisnye_knizhki.html. (Accessed: 20.12.2014).
5. Polo M. *Kniga chudes sveta* [The Wonders of the World]. Translated from Italian by I. Minaev. Moscow: Eksmo Publ., 2008. 512 p.
6. Columbus C. *Puteshestviya. Dnevniki. Sbornik* [Travels. Diaries. Collection]. Translated from Sanish by Ya. Svet. Moscow: Eksmo Publ., 2008. 509 p.
7. Diamond M.J. *The World until yesterday: what can we learn from traditional societies?* N.Y.: Penguin Books Ltd., 2013. 499 p.
8. Watson J. *Sila mechty* [Power of a Dream]. Translated from English by E. Aleksandrova, I. Sokolova. Moscow: Eksmo Publ., 2012. 383 p.
9. Cherepanova N.V. *Puteshestvie kak fenomen kul'tury* [Travelling as a cultural phenomenon]. Available from: <http://www.dissercat.com/content/puteshestvie-kak-fenomen-kultury#ixzz3McsbTIsa>. (Accessed: 20.12.2014).

10. *Dom. Istorya puteshestviya* [Home] (2009). Film. Directed by Yann Arthus-Bertrand. Official site. Available from: www.homethemovie.org/en/. (Accessed: 20.12.14).
11. *Baraka* (1992). Film. Directed by Ron Fricke. Available from: www.spiritofbaraka.com/baraka. (Accessed: 20.12.2014).
12. Erikson E. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity, Youth, and Crisis]. Translated from English by A. Andreeva, A. Prikhozhan, V. Rivosh, N. Tolstykh. Moscow: Flinta Publ., MPSI Publ., Progress Publ., 2006. 352 p.
13. Sartre J.-P. *Toshnota* [Nausea]. Translated from French. Moscow: Azbuka-klassika Publ., 2006. Available from: http://royallib.com/book/sartr_ganpol/toshnota.html. (Accessed: 20.12.2014).
14. Dreiser Th. *Sestra Kerri* [Sister Carrie]. Translated from English. Moscow: Pravda Publ., 1986. Available from: http://royallib.com/read/drayer_teodor/sestra_kerri.html. (Accessed: 20.12.2014).
15. Hesse H. *Stepnoy volk; Kurortnik; Palomnichestvo v stranu Vostoka: Roman. Povesti* [Steppenwolf; Spa Visitor; Journey to the East: a novel, stories]. Translated from German by V. Kurella, S. Apt, S. Averintsev. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1990. 349 p.
16. Wilde O. *De Profundis. Iz glubin: tyuremnaya ispoved'; Ballada Redingskoy tyur'my; Filosofskie mysli i izrecheniya. Aforizmy i paradoksy* [De Profundis. From the depths: the prison confession; The Ballad of Reading Gaol; Philosophical thoughts and sayings. Aphorisms and paradoxes]. Translated from English by V. Chukhno et al. Moscow: AST: Astrel' Publ., 2011. 381 p.
17. Eco U. *Istorya krasoty* [The history of Beauty]. Translated from Italian by A. Sabashnikova. Moscow: SLOVO Publ., 2014. 481 p.
18. Camus A. *Postoronnii. Chuma. Padenie. Rasskazy i esse* [Outsider. Plague. Fall. Stories and essays]. Translated from French by N. Gal', N. Zharkova, N. Nemchinova, N. Naumova, S. Velikovskiy, M. Zlobina, Yu. Ginzburg. Moscow: Raduga Publ., 1988. 464 p.
19. Borges J.L. *Proza raznykh let: sbornik* [Prose of different years: a collection]. Translated from Spanish by I. Terteryan. Moscow: Raduga Publ., 1989. 422 p.
20. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's search for meaning]. Translated from Italian. Moscow: Progress Publ., 1990. 368 p.
21. Lysenko V.G. *Budda kak lichnost' i lichnost' v buddizme* [Buddha as a person and a person in Buddhism]. In: Stepanyants M.T. (ed.) *Bog – chelovek – obshchestvo v traditsionnykh kul'turakh Vostoka* [God – man – society in the traditional cultures of the East]. Moscow: Nauka Publ., 1993, pp. 121–133.
22. Publius Vergilius Maro. *Bukoliki. Georgiki. Eneida* [The Bucolics. The Georgics. The Aeneid]. Translated from Latin by S. Shervinskiy, S. Osherov. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1971. 417 p.
23. Homer. *Odisseya* [The Odyssey]. Translated from Old Greek by V.A. Zhukovsky. St. Petersburg: Azbuka-klassika Publ., 2008. 416 p.
24. Jung C.G. *Struktura psikhiki i arkhetypy* [The structure of the psyche and the archetypes]. Translated from German by T. Rebeko. Moscow: Akademicheskiy proekt Publ., 2013. 328 p.
25. Grof S., Grof C. *Neistovy poisk sebya. Rukovodstvo po lichnostnomu rostu cherez krizis transformatsii* [The Stormy Search for the Self. Guidelines for personal growth through the crisis of transformation]. Translated from English by A. Rigin, A. Kiselev. Moscow: AST Publ., 2003. 347 p.
26. Grof S. *Za predelami mozga. Rozhdenie, smert' i transsidentsiya v psikhoterapii* [Beyond the Brain: Birth, Death, and Transcendence in Psychotherapy]. Translated from English by A. Andrianov, L. Zemskaya, E. Smirnova, A. Degtyarev. Moscow: AST Publ., 2005. 352 p.
27. *Drevneegipetskaya kniga mertvykh* [The Ancient Egyptian Book of the Dead]. Translated by A. Shaposhnikov, I. Evs. Moscow: Eksmo Publ., 2011. 365 p.
28. *Tibetskaya kniga mertvykh. Bardo Thkhol* [The Tibetan Book of the Dead. The Bardo Thodol]. Translated from Tibetan by A. Bochenkov. Moscow: Astrel' Publ., 2012. 414 p.
29. Grof S. *Velichayshie puteshestvie. Soznanie i tayna smerti* [The Ultimate Journey: Consciousness and the Mystery of Death]. Translated from English by M. Oshurkov, L. Mikhaylova, T. Lem, O. Chernyak, M. Dremin, A. Kisislev. Moscow: AST Publ., 2008. 520 p.
30. *Filosofiya kitayskogo buddizma* [The philosophy of Chinese Buddhism]. Translated from Chinese by E. Torchinov. St. Petersburg: Azbuka-klassika Publ., 2007. 462 p.
31. Längle A. *Psihoterapiya: nauchnyy metod ili dukhovnaya praktika?* [Psychotherapy: a scientific method or spiritual practice?]. Translated from German. Available from: www.hpsy.ru. (Accessed: 20.12.2014).
32. Längle A. *Zhizn' napolnennaya smyslom. Logoterapiya kak sredstvo okazaniya pomoshchi v zhizni* [A meaningful life. Logotherapy as a means to assist in life]. Translated from German. Moscow: Genezis Publ., 2003. 128 p.
33. Längle A. *Chto dvizhet chelovekom? Ekzistentsial'no-analiticheskaya teoriya emotsiy* [What motivates a person? The existential-analytical theory of emotions]. Translated from German by O. Larchenko. Moscow: Genezis Publ., 2013. 235 p.
34. Kabrin V.I. *Kommunikativnyy mir i transkommunikativnyy potentsial zhizni lichnosti. Teoriya, metody, issledovaniya* [Communicative world and transcommunicative potential of the individual's life. Theory, methods, research]. Moscow: Smysl Publ., 2005. 248 p.
35. *N'yu-Eydzh* [New Age]. Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/N'yu_Eydzh. (Accessed: 20.12.2014).
36. Brodsky J. *Stikhi* [Poems]. Available from: www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=7655. (Accessed: 20.12.2014).
37. Bataille G. *Vnutrenniy opyt* [Inner experience]. In: *Tanatografiya Erosa: Zhorzh Batay i frantsuzskaya mysl' serediny XX veka* [Thanatography of Eros: Georges Bataille and the French thought in the mid-twentieth century]. Translated from French by S.L. Fokin. St. Petersburg: Mifril Publ., 1994, pp. 223–243.
38. Bataille G. *Slezy Erosa* [Tears of Eros]. In: *Tanatografiya Erosa: Zhorzh Batay i frantsuzskaya mysl' serediny XX veka* [Thanatography of Eros: Georges Bataille and the French thought in the mid-twentieth century]. Translated from French by S.L. Fokin. St. Petersburg: Mifril Publ., 1994, pp. 269–308.

Received: 20 March 2015

ЭТНИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ КАК МЕХАНИЗМ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ И АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В ПРИНИМАЮЩЕМ ОБЩЕСТВЕ: О ПОНЯТИИ И УСТРОЙСТВЕ

Представлен анализ роли этнической социальной сети в территориальных перемещениях мигрантов и их адаптации к новым условиям. Дано определение научного понятия «этническая социальная сеть», раскрыта сущность этнической социальной сети как механизма миграционных процессов и адаптации мигрантов в принимающем обществе через преемственность отношений, поддерживаемых участниками сети; описаны этапы формирования этнической социальной сети как механизма миграционных процессов и адаптации мигрантов в новой среде.

Ключевые слова: миграция; теории миграции; адаптация мигрантов; этничность; землячество; этническая социальная сеть; механизм миграции и адаптации мигрантов.

Последние 10–15 лет в научной литературе как зарубежными, так и отечественными учеными активно используются научные понятия, эвристический потенциал которых позволяет исследовать неформальные взаимодействия, возникающие между различными субъектами в процессе повседневной жизнедеятельности. Такими понятиями являются «социальный капитал», «социальная сеть» и «доверие». Информатизация, глобализация, интенсивность международных миграционных потоков и сопутствующие им социальные процессы актуализируют сетевое направление в различных сферах научных исследований.

Использование научной категории «социальная сеть» в социальных исследованиях позволяет рассматривать содержание субъективных и объективных факторов и механизмов, которым уделяется внимание при изучении различных процессов, в том числе территориальных перемещений и адаптации этнических мигрантов в принимающем обществе.

Миграционный вопрос для нашего государства является одним из важнейших в связи с естественной убылью населения, несмотря на то что в межпереписной период происходил рост рождаемости и наметилась тенденция к снижению смертности населения [1. С. 7–8], а также из-за обострения межнациональных отношений, роста ксенофобских настроений, обусловленных территориальными перемещениями этнических мигрантов.

Ситуация не только в обществе, но и в науке стимулирует проведение исследований, раскрывающих потенциал сетевого направления, в частности этнической социальной сети, ввиду ограниченности сферы использования характеристик и свойств последней при изучении территориальных перемещений. Научное понятие «сеть» более полно раскрыто в зарубежных теориях и концепциях миграции. Особо стоит отметить теории миграционных сетей Д. Массея и социального капитала, синтетическую теорию Д. Массея, концепции транснациональной миграции и новой экономики миграции. В рамках данных теорий и концепций сеть рассматривается учеными в качестве фактора миграционных процессов, механизма увеличения числа мигрантов, изменения социального пространства и самоподдержания миграционных потоков [2. С. 91].

В отечественных миграционных концепциях (концепция переселений, концепция миграционной по-

движности, концепция трехстадийности миграционного процесса) основное внимание уделяется причинам и функциям территориальных перемещений населения, а также внутреннему механизму осуществления добровольной миграции [3. С. 168–179]. Эмпирические исследования в отечественной науке, где активно используется понятие «социальная сеть», посвящены вопросам трудоустройства, межсемейной поддержки, социального неравенства, функционированию рынка [4–7]. Миграционные исследования в отечественной науке с привлечением теоретических и практических результатов изучения социальной сети носят единичный характер, и сеть в данных работах рассматривается в качестве одного из множества факторов, влияющих на территориальные перемещения населения [8–10].

В данной статье мы рассматриваем понятие «этническая социальная сеть», так как, на наш взгляд, в случае иммиграции речь идет не просто о мигрантах, а о представителях определенной этнической общности. Главный тезис, выдвигаемый нами, заключается в том, что данная сеть является механизмом миграционных процессов и адаптации мигрантов в принимающем обществе. Также определяется научное понятие «этническая социальная сеть»; раскрывается содержания понятий «миграция», «миграционное поведение» и «адаптация мигрантов»; дается характеристика этнической социальной сети как механизма миграционных процессов и приспособления мигрантов к новым условиям, описание этапов становления и функционирования данного механизма в районе прибытия.

При определении этнической социальной сети мы опирались на два ключевых понятия – «этничность» и «территориальная идентичность», что обусловлено принадлежностью мигранта к определенному этносу и связью его с территорией выбытия. Под этнической идентичностью Л.М. Дробижева понимает «сознание общности людей, базирующееся на представлениях о своей национальности, языке, культуре, истории, территории, интересах, эмоциональном отношении к ним и при определенных условиях готовности действовать во имя этих представлений» [11. С. 49]. Этничность обеспечивает внутреннюю связь членов некоторой общности, очерчивая границы между «своими» и «чужими», являясь своеобразным маркером. Специалисты Института философии РАН характеризуют эт-

ничность как форму социальной организации культурных различий и подчеркивают ее зависимость от контекста, т.е. она формируется и существует в пределах социальных взаимодействий людей. Стressовые ситуации выступают в качестве своеобразного катализатора этнической идентичности мигранта. Причинами стресса могут являться миграция, конкуренция с другими группами, решение трудных ситуаций, требующих участия не одного члена общности.

Территориальная идентичность также играет немаловажную роль в формировании этнической социальной сети как механизма миграционных процессов и адаптации мигрантов в принимающем обществе. Одним из вариантов использования данной категории на практике является понятие «землячество», т.е. признание индивидами друг друга на основе общего территориального признака. Н.А. Шматко и Ю.Л. Качанов понимают под рассматриваемой идентичностью «переживаемые и / или осознаваемые смыслы системы территориальных общностей («субъективной социально-географической реальности»), формирующие «практическое чувство и / или осознание территориальной принадлежности индивида» [12. С. 67]. Особо важным моментом является то, что физическая удаленность от дома слабо влияет на эмоциональную связь с ним, т.е. последняя способна сохраняться в течение длительного времени в случае отсутствия близости со столицей значимым местом. В работах Н.А. Шматко и Ю.Л. Качанова также подчеркивается связь между территориальной идентичностью и активностью субъектов, т.е. усвоение индивидами однотипных стратегий действий, практик и смыслов ввиду их проживания на одной и той же территории обеспечивает основу для их солидарных действий [Там же. С. 68]. Отождествление мигрантов (которые одновременно являются участниками этнической социальной сети) с определенной этнической группой и территорией проявляется в том, что они могут воспроизвести схожие модели поведения в районе прибытия, обусловленные проживанием в одном и том же районе вынужденного вынуждения, а также поддерживаемые эмоциональной связью с районом вынуждения.

Исходя из содержания понятий «этничность», «территориальная идентичность» и опираясь на работы П. Бурдье [13], М. Грановеттера [14], А. Портеса [15], В.В. Радаева [6], И.Е. Штейнберга [7], С.Ю. Барсуковой [4], под этнической социальной сетью мы понимаем устойчивые и повторяющиеся доверительно-реципрокные связи разной силы между членами одной этнической группы, основанные на взаимном признании друг друга как представителей определенной этнической общности и реализуемые посредством обмена. Признание друг друга в качестве членов одной и той же этнической группы предполагает разделение общих представлений о языке, культуре, истории, территории, интересах, эмоционального отношения к ним и готовности действовать в соответствии с этими представлениями при определенных условиях.

Изучение этнической социальной сети в контексте миграционных процессов и адаптации мигрантов в

новых условиях подводит нас к описанию сущности миграции, миграционного поведения и адаптации мигрантов, так как именно эти три понятия являются ключевыми для характеристики механизма в рассматриваемом нами контексте.

При изучении сущности понятия «миграция» стоит отметить, что в научной среде отсутствует общее определение, разделяемое всеми исследователями, занимающимися данной темой. Так, Т.Н. Юдина отмечает, что существует около 40 определений понятия «миграция» только в отечественной науке. В работе М.С. Блиновой представлены определения миграции как отечественных, так и зарубежных авторов, в которых затрагиваются разные характеристики изучаемого процесса (цель, срок, география перемещения). Под миграцией в узком смысле большинство отечественных исследователей понимает «законченный вид территориального перемещения, завершающийся сменой постоянного места жительства», т.е. буквально – переселение. Другими словами, миграция представляет собой процесс изменения постоянного места проживания индивидов или социальных групп, выражаящийся в перемещении в другой регион, географический район или другую страну. Территориальное перемещение, совершающееся между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности, представляет собой миграцию в широком значении этого слова [16. С. 36].

Относительно понятия «миграционное поведение» в научной литературе также нет одного мнения. А.У. Хомра определяет данный вид поведения как «совокупность действий и поступков, выраженных в процессах, непосредственно связанных с миграцией населения» [17. С. 8]. В Демографическом энциклопедическом словаре середины 1980-х гг. дано определение миграционного поведения как «совокупности действий и поступков, которые логически приводят к миграции населения, вследствие чего меняются некоторые или большинство характеристик жизненного положения мигрантов». В.Д. Шапиро характеризует миграционное поведение «как последовательность определенных действий и поступков, связанных с межпоселенными и межрегиональными (в т.ч. межстрановыми) перемещениями различных социально-демографических групп населения. Оно включает деятельность по подготовке таких перемещений, сознательный отказ от них, сам миграционный акт как таковой, а также деятельность в процессе социальной адаптации мигрантов в местах вселения» [Там же]. Мы разделяем позицию В.Д. Шапиро, который в своем определении фокусирует внимание как на социальной, так и на территориальной составляющих миграционного поведения, что, на наш взгляд, является немаловажным при изучении этнической социальной сети как механизма миграционных процессов и адаптации мигрантов в новой среде.

Л.В. Корель отмечает, что миграционное поведение обусловливается взаимодействием между внутренней структурой личности (системой ее установок,

ориентаций, интересов) и внешней средой. По мнению Т.И. Заславской, причины миграции лежат в закономерностях развития производства и в потребностях, интересах, стремлениях людей. Формирование намерений мигрировать зависит, с одной стороны, от внешних стимулов, а с другой – от особенностей индивида [18. С. 17]. Исходя из представлений о сущности миграции и миграционного поведения, мы можем говорить о том, что этническая социальная сеть выступает в качестве своеобразной буферной среды, которая опосредует взаимодействие между потенциальными мигрантами в районе выбытия и реальными мигрантами в районе прибытия.

Относительно понятия «адаптация мигрантов» анализ разных источников позволяет сделать вывод, что адаптация в контексте миграционных процессов рассматривается как составляющая: 1) интеграции мигрантов; 2) социальной адаптации мигрантов; 3) аккультурации мигрантов. В первом случае одним из авторов, который разводит данные дефиниции (адаптация и интеграция мигрантов) в контексте миграционных процессов, является В.И. Мукомель. Под интеграцией он понимает «процесс, результатом которого является принятие мигрантов местным социумом как на индивидуальном, так и на групповом уровне и подразумевает, что мигранты, сохраняя свою культурную идентичность, объединяются с принимающей средой в единое сообщество на некоем внеэтническом, значимом как для группы, так и для принимающей среды основании, тогда как адаптация может рассматриваться двояко: как первоначальная стадия интеграции и как стратегия взаимодействия мигрантов, их сообществ с местным населением» [10. С. 695]. В.И. Дятлов при рассмотрении приспособления мигранта к новым условиям описал стратегию диаспорализации (процесс формирования диаспор), реализация которой возможно двумя способами: 1) создание собственных этнически маркированных социальных сетей, главными субъектами которых выступают только что приехавшие мигранты, использующие созданные сети для адаптации в принимающем обществе; 2) создание собственных этнически маркированных социальных сетей путем актуализации этнической идентичности, где ведущая роль принадлежит мигрантам, интегрированным в принимающее общество [19].

При рассмотрении адаптации мигрантов как частного случая социальной адаптации важно понять сущность последней. Под социальной адаптацией в научной литературе понимают «приведение индивидуального и группового поведения в соответствии с господствующей в данном обществе, классе, социальной группе системой норм и ценностей» [20. С. 206]. Л.В. Корель считает, что адаптация является одновременно и процессом приспособления индивида к новой среде, и результатом этого приспособления. Она предполагает наличие цели и соответствующих ей результатов; характеризует состояние равновесия между индивидом и средой; сопровождается изменением действующего субъекта и той среды, в которую он включен [20. С. 207].

При исследовании адаптации мигрантов как составляющей аккультурации мигрантов целесообразно определить понятие «аккультурация». Классическое определение аккультурации было дано культурными антропологами Р. Редфилдом, Р. Линтоном и М. Херсковицем в 1936 г. По их мнению, аккультурация – это непосредственный и продолжительный контакт представителей разных культур, последствиями которого являются изменения в моделях оригинальных культур одной или обеих групп [21. С. 49]. Из современных авторов выделим работу зарубежного исследователя, занимающегося вопросами адаптации мигрантов в новой среде, Дж.У. Берри. Аккультурацию он понимает как «смену культуры, происходящей в процессе постоянного прямого контакта между двумя различными культурными группами» [22. С. 183–193]. Адаптация, в его представлении, является стратегией приспособления мигранта в процессе аккультурации и ее последствиями. В своей работе Дж.У. Берри описывает четырехступенчатую модель аккультурации, где каждая ступень в ней представляет определенную аккультурационную опцию (данная опция означает и стратегию, и последствие одновременно). В качестве таких опций он указывает ассимиляцию, интеграцию, сегрегацию (или сепарацию) и маргинализацию, с помощью которых раскрывает содержание процесса приспособления мигранта в районе прибытия. Под интеграцией подразумевается совмещение и центростремительных, и центробежных установок в поведении актора, т.е. сохранение этнической (культурной) идентичности и стремление стать неотъемлемой частью принимающего общества, что подразумевает определенные действия по приспособлению к новым условиям [Там же].

Анализ соотношения и сущности понятий «этническая социальная сеть», «миграция», «миграционное поведение» и «адаптация» позволяет рассмотреть последнюю как завершающую стадию миграции. Под адаптацией мигрантов мы понимаем и процесс, и результат приспособления поведения мигранта к доминирующей в обществе системе норм, ценностей с целью обустройства на новом месте жительства для постоянного (временного) проживания и удовлетворения своих (индивидуальных, семейных) потребностей и интересов с сохранением собственной нормативно-ценостной системы (нормы, традиции, обычаи и т.д.). В случае адаптации этнических мигрантов в районе прибытия может происходить обогащение мигрантами собственной системы ценностей и норм новой среды при сохранении тех традиций, обычаев, норм и правил, которые мигрант усвоил в процессе социализации на исторической родине.

Еще одним понятием, требующим конкретизации при рассмотрении этнической социальной сети как механизма миграционных процессов и адаптации мигрантов в новой среде, является «социальный механизм». С.Г. Максимова, М.В. Старчикова отмечают, что «раскрыть сущность механизма того или иного процесса означает объяснить феномен, являющийся результатом взаимовлияния и взаимозависимости определяющих его явлений, факторов» [23. С. 151].

Впервые данная категория введена Контом для объяснения целостности и жизнеспособности общества как «социального тела». По его мнению, каждое общество имеет свой социальный механизм, обеспечивающий его выживание и развитие. В дальнейшем концепция социального механизма в различной форме нашла отражение в трудах практических всех классиков социологии: О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Парсонса и др. [24. С. 139–144].

В социальных исследованиях в советской социологии под механизмом, с точки зрения методологии, понимается особое образование (системы элементов и связей) в объекте, обеспечивающее функционирование и развитие объекта, будучи относительно устойчивым, стабильным. Механизм позволяет объяснить существование объекта [25. С. 494–495].

Одну из наиболее серьезных попыток дать определение категории «социальный механизм» по отношению к развитию экономики сделали лидеры Новосибирской школы экономической социологии Т.И. Заславская и Р.В. Рывкина. В монографии «Социология экономической жизни» в качестве предмета экономической социологии они определили социальный механизм развития экономики, который представляет собой «устойчивую систему экономического поведения социальных групп, а также взаимодействия этих групп друг с другом и с государством по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг». Данная система регулируется, с одной стороны, социальными институтами данного общества, с другой – социально-экономическим положением и сознанием этих групп [26. С. 59]. Движущей силой данного механизма является противоречие между уровнем развития производительных сил и состоянием производственных отношений, находящее выражение в интересах общественно-экономических групп [27. С. 35].

Отличительными чертами любого частного механизма являются функциональность, устойчивость и системность; он (механизм) включает в себя определенные элементы, состав которых может варьироваться от сферы применения, их внутренние и внешние связи, их влияние на действие и развитие изучаемого механизма [20. С. 88]. Наличие в социальном механизме элементов, относящихся к разным временным периодам, определяет инерционность социального механизма, т.е. обновление его составляющих происходит частично, что не исключает создание каких-либо новых элементов, удовлетворяющих определенные потребности и развивающихся естественным и историческим путем [23. С. 151].

Мы разделяем позицию С.Г. Максимовой и М.В. Старчиковой, заключающуюся в том, что способность социального механизма регулировать те или иные процессы объясняется наличием определенного рода связей, значимых, сильных и устойчивых, обуславливающих их системность [23. С. 151]. Согласно Р.В. Рывкиной и Л.Я. Косалсу, функционирование социального механизма с включенными элементами выглядит следующим образом: 1) социальные институты формируют условия жизнедеятельности соци-

альных групп, а следовательно, определяют характер их социального положения; 2) условия и положение групп детерминируют характер их целей и интересов; 3) цели и интересы групп непосредственно влияют на их деятельность и поведение; 4) последние определяют характер соответствующих социальных процессов [28].

В нашем исследовании мы предполагаем, что этническая сеть, выполняя функцию такого механизма, способствует разрешению противоречий между потребностями мигранта и возможностями, которые ему может предоставить какая-либо территория (вакансии на рынке труда, доходы, состояние социальной инфраструктуры, экологические условия в районе прибытия). Под этнической социальной сетью как механизмом миграционных процессов и адаптации мигрантов в принимающем обществе мы понимаем устойчивую совокупность практик взаимодействий между потенциальными и реальными мигрантами, их ближайшим окружением одной этнической группы по поводу переезда и адаптации новых мигрантов в районе прибытия, основанных на взаимном признании друг друга как представителей определенной этнической общности и реализуемых с помощью ресурсов персонифицированного реципрокного обмена (информации, материальной и нематериальной поддержки и т.д.). Основой формирования такого механизма выступают доверительные взаимоотношения потенциальных и реальных мигрантов, их окружений, которые могут быть обусловлены родством, дружбой, соседством, землячеством, взаимным признанием друг друга как носителей определенной этническости; общего исторического прошлого, культуры (системы взглядов, убеждений и т.д.). Реципрокный обмен ресурсами (информацией, материальными и нематериальными благами) является способом поддержания сети как механизма такого рода.

Функционирование сети в качестве механизма миграционных процессов и адаптации мигрантов в принимающем обществе поддерживается с помощью преемственности отношений участников сети. В научной литературе описаны различные типы такой преемственности в зависимости от объекта и предмета исследования (например, преемственность в культуре, науке). В нашей работе мы разделяем позицию А.В. Очкиной, изучавшей социальные механизмы воспроизводства культурного капитала в семье. Ею выделены такие типы преемственности, как социокультурная (передается отношение к переезду, заработкам в другой стране, транслируются определенные модели поведения), социоэтническая (поддерживаются отношения между представителями одного этноса, обеспечивается социальная включенность), профессиональная (передаются профессиональные навыки, например, для наследования семейного бизнеса) [29. С. 28–41].

При изучении этнической социальной сети как механизма миграционных процессов и адаптации мигрантов в новой среде целесообразно выделить несколько этапов в ее становлении и функционировании. Становление этнической сети начинается с момента обустройства первых мигрантов на новом месте жительства (в иностранной литературе их часто назы-

вают «первоходцами», «старожилами», «пионерами») и проходит несколько этапов в своем развитии. Первым этапом возникновения этнической социальной сети после переезда и обустройства первых мигрантов на новом месте является их адаптация в районе прибытия, мониторинг социальной ситуации с точки зрения дальнейшей жизнедеятельности. На первом этапе возможна возвратная миграция (краткосрочная или долгосрочная – в зависимости от целей мигранта) в район выбытия для поддержания связей с ближайшим окружением. На втором этапе происходит интегрирование первых мигрантов в новую среду (или создание собственных социальных неформальных институтов, поддерживающих мигрантов в районе прибытия), укрепление их социальных позиций, что создает основу для территориальных перемещений новых потенциальных мигрантов. Третий этап характеризуется закреплением положения реальных мигрантов в районе выбытия, сопровождающимся притоком новых мигрантов, в качестве которых могут выступать близкие родственники, друзья, и расширением этнической социальной сети мигрантов. На последнем этапе также может происходить миграция потенциальных мигрантов, пока не произойдет «насыщение», по достижении которого территориальные перемещения практически сводятся к нулю.

Расширение этнической социальной сети в будущем может осуществляться за счет миграции индивидов, их семей или объединения с уже адаптировавшимися в районе прибытия мигрантами. Этническая социальная сеть с течением времени может приобретать форму формального социального института, защищающего интересы своей этнической общности, а также неформального объединения реальных мигрантов, так называемого круга своих.

В заключение отметим, что потенциал этнической социальной сети при изучении миграционных перемещений и адаптации мигрантов в новой среде (ее роль как механизма в рассмотренных нами процессах) позволяет рассмотреть миграционные потоки не просто как совокупность индивидуальных актов территориальных перемещений этнических мигрантов, реализуемых ими независимо друг от друга, но как совокупность сетевых связей участников миграционных процессов, соединяющих их в разных районах выбытия и прибытия. Использование научного понятия «этническая социальная сеть» в данном контексте способствует поиску и разработке новых инструментов и мер противодействия нелегальной миграции этнических мигрантов посредством детального анализа неформальных практик, существующих между потенциальными и реальными мигрантами в районах прибытия и выбытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики. М. : Статистика России, 2012.
2. Блинова М.С. Современные социологические теории миграции населения. М. : КДУ, 2009.
3. Моисеенко В.М. Внутренняя миграция населения. М. : Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2004.
4. Барсукова С.Ю. Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 20–29.
5. Давыдова Н.М. Социальный капитал как фактор формирования и воспроизводства социальных неравенств // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. 2007. Вып. 6. С. 169–182.
6. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 5–16.
7. Рефлексивное крестьяноведение : Десятилетие исследований сельской России / Дж. Скотт, Т. Шанин, О. Фадеева и др. ; под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002.
8. Бредникова О., Паченков О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Экономическая социология. Т. 3, № 2. С. 74–81.
9. Валитов В.Н. Социальные сети российских иммигрантов и коренных жителей. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/valitov_immigrants_nets/
10. Мукомель В.И. Адаптация и интеграция мигрантов // Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия : в 3 т. Т. 1, ч. 2 / НП РСМД ; под общ. ред. И.С. Иванова ; отв. ред. Ж.А. Зайончковская. М. : Спецкнига, 2013. С. 692–702.
11. Дробижесва Л.М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 49.
12. Мосиенко Н.Л. Социально-территориальная структура пространства городской агломерации / под ред. Е.Е. Горяченко. Новосибирск, ИЭОПП СО РАН, 2010.
13. Бурье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5 С. 60–74.
14. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 4. С. 31–50.
15. Portes A. Social Capital: Its Origins and Application in Modern Sociology // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 1–24.
16. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Стадии миграционного процесса. М., 2001.
17. Горбачева Е.А. Миграционное поведение студенческой молодежи: теория и практика. М. : Институт социально-политических исследований РАН, 2006.
18. Корель Л.В. Перемещение населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск, 1982.
19. Дятлов В.И. Мигранты и принимающее общество: стратегии и практики адаптации (на примере Иркутска). URL: http://www.buk.irk.ru/exp_seminar/3/3_dyatlov.pdf
20. Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / ред. кол. , отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск : Наука, 1999.
21. Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М. : Ин-т психологии РАН, 2002.
22. Берри Дж.У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы // Развитие личности. 2001. № 3–4. С. 183–193.
23. Максимова С.Г., Старчикова М.В. Методологические подходы к изучению социального механизма формирования адаптивных стратегий лиц старших возрастных групп в рамках становления новой геронтологической реальности // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 2 (62). С. 150–154.
24. Шмельков А.В., Кирьянов В.И. Методология изучения социального механизма экономического развития города // Социокультурные исследования : межвуз. сб. науч. тр. Волгоград, 2004. Вып. 9. С. 139–144.
25. Социология в СССР. М. : Мысль, 1964. Т. 2.
26. Заславская Т.И., Рыбкина Р.В. Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск : Наука, 1991.

27. Заславская Т.И. Социальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М. : Дело, 2002.
28. Рыкина Р.В., Косалс Л.Я. Роль социальных механизмов в ускорении социально-экономического развития общества // Известия СО АН СССР. Сер. экономики и прикладной социологии. 1986. № 12, вып. 3.
29. Очакина А.В. Социальные механизмы воспроизводства культурного капитала семей в провинциальном российском городе // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 28–41.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 5 апреля 2015 г.

ETHNIC SOCIAL NETWORK AS A MECHANISM OF MIGRATION AND MIGRANTS' ADAPTATION IN THE RECEIVING SOCIETY: THE CONCEPT AND STRUCTURE

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 60–66. DOI: 10.17223/15617793/395/9

Rzaeva Sabina V. Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: sapfirochek@gmail.com

Keywords: migration; migration theories; migrants' adaptation; ethnicity; fraternity; ethnic social network; mechanism of migration and integration of migrants.

The article considers ethnic social networks in the context of migration processes and migrants' adaptation in the receiving society. Migration problems in Russia, as well as a limited use of social networks potential in domestic science, does not allow describing the content of this scientific category when studying migration processes and adaptation of migrants in the Russian society. The author suggests to use the “ethnic social network” concept as subjects involved in territorial migration and adaptation in a new place, ethnic migrants, representatives of a certain ethnic community. The scientific concepts “migration”, “migration behavior”, “adaptation of migrants” and “social mechanism” are defined. These concepts are basic components in the description of an ethnic social network as a mechanism of migration processes and adaptation of migrants in the host society. The analysis of various works on the migrants' adaptation issue allows making three variants of using this concept: migrants' integration, social adaptation and acculturation. The author formulates the definition of the “migrants' adaptation” category, based on the studied materials. The content of “migration”, “migration behavior” and “adaptation of migrants” concepts allows determining territorial displacement and adaptation of migrants as two successive stages of the migration process, where an ethnic social network can have an important place as a factor and mechanism in migration processes and migrants' adaptation to a new condition. Theoretical and empirical results of the Novosibirsk School of Economic Sociology help to define the content of an ethnic social network as a mechanism of migration processes and migrants' adaptation to new conditions. The basis for the formation of this mechanism is confidential relationships between migrants (potential and real), their immediate environment (relatives, friends, neighbors, countrymen), caused by mutual recognition of each other as carriers of a certain ethnicity, common historical past, culture (a system of attitudes, beliefs, etc.). A way to support such a mechanism is a reciprocal exchange of resources. The continuity of relations between network members contributes to the maintenance and operation of such a mechanism. The article describes four stages of ethnic social network formation and functioning. The author comes to a conclusion that the heuristic potential of ethnic social networks can be analyzed from the viewpoint of territorial mobility both within a state and between different countries, and also that new ways of counteracting illegal migration can be developed using the results of the research of the migration and adaptation processes informal component.

REFERENCES

1. Federal State Statistics Service. *Sotsial'no-demograficheskiy portret Rossii: Po itogam Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda* [Socio-demographic portrait of Russia: By the result of the All-Russia Population Census of 2010]. Moscow: Statistika Rossii Publ., 2012.
2. Blinova M.S. *Sovremennye sotsiologicheskie teorii migratsii naseleniya* [Modern sociological theories of migration]. Moscow: KDU Publ., 2009. 159 p.
3. Moiseenko V.M. *Vnutrennaya migratsiya naseleniya* [Internal migration of the population]. Moscow: Moscow State University Faculty of Economics Publ., TEIS Publ., 2004. 285 p.
4. Barsukova S.Yu. *Retsiproknye vzaimodeystviya. Sushchnost', funktsii, spetsifika* [Reciprocal interaction. Essence, functions, specifics]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2004, no. 9, pp. 20–29.
5. Davydova N.M. *Sotsial'nyy kapital kak faktor formirovaniya i vospriyvoda sotsial'nykh neravenstv* [Social capital as a factor in the formation and reproduction of social inequalities]. In: Gorshkov M.K. (ed.) *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia reforming]. Moscow: Institute of Sociology, RAS Publ., 2007. Is. 6, pp. 169–182.
6. Radaev V.V. *Ponyatie kapitala, formy kapitalov i ikh konvertatsiya* [The concept of capital, forms of capital and their conversion]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2003, no. 2, pp. 5–16.
7. Scott J., Shanin T., Fadeeva O. et al. *Refleksivnoe krest'yanovedenie: Desyatiletie issledovaniy sel'skoy Rossii* [Reflective peasant studies: Decade of rural Russia research]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2002.
8. Brednikova O., Pachenkov O. Ethnicity of the “Ethnical Economics” and Social Networks of Migrants. *Ekonomiceskaya sotsiologiya – Economic Sociology*, 2002, v. 3, no. 2, pp. 74–81. (In Russian).
9. Valitov V.N. *Sotsial'nye seti rossiyskikh imigrantov i korennykh zhiteley* [Social networks of Russian immigrants and the indigenous population]. Available from: http://sbiblio.com/biblio/archive/valitov_imigrants_nets/.
10. Mukomel' V.I. *Adaptatsiya i integratsiya migrantov* [Adaptation and integration of migrants]. In: Ivanov I.S. (ed.) *Migratsiya v Rossii 2000–2012: v 3 t.* [Migration in Russia in 2000–2012: in 3 v.]. Moscow: Spetskniga Publ., 2013. V. 1, pt. 2, pp. 692–702.
11. Drobizheva L.M. Identichnost' i etnicheskie ustanovki russkikh v svoey i inoetnicheskoy srede [The identity and ethnic Russians' orientations in their and another ethnic environment]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2010, no. 12, pp. 49.
12. Mosienko N.L. *Sotsial'no-territorial'naya struktura prostranstva gorodskoy aglomeratsii* [Socio-territorial structure of the urban agglomeration area]. Novosibirsk, IEOPP SO RAN Publ., 2010. 283 p.
13. Bourdieu P. Forms of capital. *Ekonomiceskaya sotsiologiya – Economic Sociology*, 2002, v. 3, no. 5, pp. 60–74. (In Russian).
14. Granovetter M. The Strength of Weak Ties. *Ekonomiceskaya sotsiologiya – Economic Sociology*, 2009, v. 10, no. 4, pp. 31–50.

15. Portes A. Social Capital: Its Origins and Application in Modern Sociology. *Annual Review of Sociology*, 1998, vol. 24, pp. 1–24.
16. Rybakovskiy L.L. *Migratsiya naseleniya. Stadii migrationsionnogo protsessa* [Population migration. The stages of the migration process]. Moscow: Nauka Publ., 2001. 114 p.
17. Gorbacheva E.A. *Migrationsionnoe povedenie studencheskoy molodezhi: teoriya i praktika* [Migration behavior of students: theory and practice]. Moscow: Institut sotsial'no-politicheskikh issledovaniy RAN Publ., 2006.
18. Korel' L.V. *Peremeshchenie naseleniya mezdu gorodom i selom v usloviyakh urbanizatsii* [Population movements between urban and rural areas in terms of urbanization]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1982. 192 p.
19. Dyatlov V.I. *Migrancy i prinimayushchee obshchestvo: strategii i praktiki adaptatsii (na primere Irkutska)* [Migrants and host societies: adaptation strategies and practices (on the example of Irkutsk)]. Available from: http://www.buk.irk.ru/exp_seminar/3/3_dyatlov.pdf.
20. Zaslavskaya T.I., Kalugina Z.I. (eds.) *Sotsial'naya traektoriya reformiruemoy Rossii: Issledovaniya Novosibirskoy ekonomiko-sotsiologicheskoy shkoly* [Social trajectory of the reformed Russia: Studies of the Novosibirsk School of Economic Sociology]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1999. 735 p.
21. Gritsenko V.V. *Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya pereselentsev v Rossii* [Socio-psychological adaptation of migrants in Russia]. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2002.
22. Berry J.W. Akkul'turatsiya i psikhologicheskaya adaptatsiya: obzor problemy [Acculturation and psychological adaptation: overview of the problem]. *Razvitiye lichnosti*, 2001, no. 3–4, pp. 183–193.
23. Maksimova S.G., Starchikova M.V. Methodological Approaches to Studying the Social Mechanism of Formation Adaptive Strategy of Persons of the Senior Age Groups within the Limits of Formation New Gerontology Realities. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – The News of Altai State University*, 2009, no. 2 (62), pp. 150–154. (In Russian).
24. Shmel'kov A.V., Kir'yanov V.I. *Metodologiya izucheniya sotsial'nogo mekhanizma ekonomicheskogo razvitiya goroda* [The methodology of the study of the social mechanism of economic development of the city]. In: Dulina N.V. (ed.) *Sotsiokul'turnye issledovaniya* [Sociocultural Studies]. Volgograd, 2004. Is. 9, pp. 139–144.
25. *Sotsiologiya v SSSR* [Sociology in the USSR]. Moscow: Mysl' Publ., 1964. V. 2.
26. Zaslavskaya T.I., Ryvkina R.V. *Sotsiologiya ekonomicheskoy zhizni: Ocherki teorii* [Sociology of Economic Life: Essays on the theory]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1991. 448 p.
27. Zaslavskaya T.I. *Sotsial'naya transformatsiya rossiyskogo obshchestva: Deyatel'nostno-strukturnaya kontseptsiya* [Societal transformation of Russian society: activity and structure concept]. Moscow: Delo Publ., 2002. 568 p.
28. Ryvkina R.V., Kosals L.Ya. Rol' sotsial'nykh mekhanizmov v uskorenii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya obshchestva [The role of the social mechanisms in accelerating socio-economic development of society]. *Izvestiya SO AN SSSR. Ser. ekonomiki i prikladnoy sotsiologii*, 1986, no. 12, is. 3.
29. Ochkina A.V. Sotsial'nye mekhanizmy vosproizvodstva kul'turnogo kapitala semey v provintsial'nom rossiyskom gorode [Social mechanisms of reproduction of cultural capital of families in a provincial Russian city]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2010, no. 1, pp. 28–41.

Received: 05 April 2015

ТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ И ТРАНСГРЕССИЯ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, в рамках проекта проведения научных исследований: «Комплексное исследование трансгрессии как сущностной характеристики современной социально-культурной реальности» (проект № 15-33-01222).

Научный дискурс характеризуется направленностью на подчинение всех способов бытия единой перспективе. Для научного дискурса в качестве такой перспективы выступает объективный мир. Содержанием объективного мира является фиксированное в своей определенности сущее, отсылающее к инвариантным структурам – законам. Аспекты существования, выходящие за рамки данных инвариантных структур, образуют сферу негативного другого и лишаются статуса реальности.

Ключевые слова: научный дискурс; трансценденция; трансгрессия; объективный мир.

В настоящей статье центральное внимание уделяется проблеме взаимоотношения научного дискурса с такими основополагающими категориями онтологии, как трансценденция и трансгрессия. При этом следует подчеркнуть, что мы рассматриваем не столько науку как вид познавательной деятельности или как социальный институт, сколько специфический способ конституирования бытийно-смысловых перспектив, который осуществляется посредством научного дискурса. Онтологическая проблематика является приоритетной для настоящего исследования. Вместе с тем мы стремимся дистанцироваться не только от постпозитивистской парадигмы, но и от фундаментально-онтологических изысканий М. Хайдеггера. А именно: мы видим свою основную задачу в том, чтобы сместить акцент онтологического исследования науки с хайдеггеровского бытия как такового на перспективизм Ф. Ницше. Трансценденция и трансгрессия рассматриваются нами не как обнаружения бытия самого по себе, но как самостоятельные перспективы смыслообразования и существования. Научный дискурс является тем онтологическим пространством, в котором названные перспективы определенным способом разворачиваются в конфигурации смыслов и способов существования.

Наука представляет собой один из глобализирующих дискурсов, т.е. дискурсов, направленных на интеграцию в свою сферу всех разнородных способов бытия с их частными дискурсами и конституирование единой бытийной сферы – объективной реальности. Наука стоит в одном ряду с такими глобализирующими дискурсами, как право, экономика и техника. Названным дискурсам присуща направленность на тотальный охват всех бытийных областей и приведение их к единому знаменателю. Ничто не должно ускользнуть от власти науки, права, экономики и техники: ни природа, ни культура, ни общество, ни повседневность. Всё сущее, каковым бы оно ни было, должно быть переработано глобализирующими дискурсами, должно пройти сквозь них, как через онтологические фильтры, чтобы стать элементом единой и универсальной сферы бытия, организованной на единых принципах. То, что уходит от их власти, не получает статуса реально сущего.

В историческом плане глобализирующие дискурсы выявились достаточно давно – со времен древних

цивилизаций, но в полной мере их интенции начали раскрываться только к началу Нового времени и развернулись во всем спектре лишь в Новейшем. Столь длительный период их созревания объясняется тем, что в течение продолжительного промежутка времени глобализирующие дискурсы встречали мощное сопротивление со стороны религиозного метадискурса. Последний не характеризуется направленностью на конституирование единого пространства *объективной* реальности (за исключением случаев перехода в глобализирующий дискурс, например, когда религия сращивается с государственной властью), но, напротив, нивелирует *посюстороннюю* реальность как задомо неистинную: достаточно вспомнить основные положения буддизма или христианства.

Однако к Новому времени роль религиозного метадискурса стала заметно ослабевать, а в Новейшем стал утрачивать свое значение и философский трансценденциалистский метадискурс. Ж.-Ф. Лиотар охарактеризовал данную ситуацию как утрату доверия к метанarrативам [1]. Поэтому только в XX в. стали возможны большая политика, большая экономика, большая наука и большая техника – мегамашина, как сказал бы Л. Мэмфорд. Или, как отмечает В.И. Вернадский: «И как раз в это время, к началу XX в., проявилась в ясной реальной форме возможная для создания единства человечества сила – *научная мысль*, переживающая небывалый взрыв творчества. Это – сила геологического характера, подготовленная миллиардами лет в истории биосфера. Она выявила впервые в истории человечества в новой форме, с одной стороны, в форме *логической обязательности и логической непрекращаемости* ее основных достижений и, во-вторых, в форме *вселенского* – в охвате ею всей биосфера, всего человечества, в создании новой стадии ее организованности – ноосфера. Научная мысль впервые выявляется как сила, создающая ноосферу, с характером стихийного процесса» [2. С. 500].

Наука стала планетарным явлением или раскрылась в качестве глобализирующего дискурса. У нас до сих пор нет всеобщей мифологии, религии или философии, несмотря на тысячелетнее существование последних, но уже сейчас есть единая для всех наука и техника, которые непрестанно распространяют свою власть на остающиеся еще не затронутыми ими бы-

тийно-смысловые пространства. Развитие науки и техники влечет за собой возможность единого права и единой экономики, которые, в свою очередь, создадут основу для еще более мощного научно-технического прогресса. На эту сущностную характеристику науки также указывает М. Хайдеггер: «Как и искусство, наука не есть просто культурное занятие человека. Наука – способ, притом решающий, каким для нас предстает все, что есть. Мы должны поэтому сказать: действительность, внутри которой движется и пытается оставаться сегодняшний человек, все больше определяется тем, что называют западноевропейской наукой. Вглядываясь в это обстоятельство, мы обнаруживаем, что в западной части мира на протяжении веков ее истории наука развернула нигде более на земле не встречающееся могущество и идет к тому, чтобы в конце концов наложить свою власть на весь земной шар» [3. С. 239].

Итак, наука представляет собой не один из видов познавательной или социальной деятельности, существующий наряду с другими, но мощнейший глобализирующий дискурс, определяющий способ бытия и смысл всего сущего и конституирующий соответствующее этому способу и смыслу единое бытийно-смысловое пространство объективной реальности. Это пространство может быть определено как сфера *объективного* или сфера объективности. Любое сущее в этой сфере становится фиксированным, статичным и самотождественным, строго ограниченным от любого другого сущего, так же привязанного к своей самотождественной определенности. Тождество одерживает верх над различием и становлением, фиксированная определенность – над неопределенностью как возможностью свободного перехода границ различных определеностей. Трансценденция окончательно утверждает свое превосходство над трансгрессией. Таким путем – путем элиминирования трансгрессии – сущее становится объективным, оно становится *объектом*.

Утверждение, что научная объективность сконституирована дискурсом, не означает, что сфера объективной реальности представляет собой только мысль, лишь субъективный способ восприятия некой самой по себе сущей действительности. Материальный, интерсубъективный и принудительный характер объективной реальности нисколько не отменяется фактом ее дискурсивной определенности. Однако эта реальность не существует как нечто, отделенное и независимое от своего смысла, но образует неразрывное единство существования, значения и значимости. Отсюда следует, что смысл не привносится в реальность дискурсом как чисто субъективной и идеальной инстанцией. Дискурсы не субъективны и не объективны, не идеальны и не материальны, но представляют собой пространство бытийно-смысловой определенности, в котором только и могут быть выделены названные оппозиции. С учетом сказанного возможный упрек в субъективизме и солипсизме снимается как исходящий из заведомо неадекватных по отношению к настоящему исследованию установок. В свою очередь, вера в существование самостоятельной объективной реальности характерна только для грубых

форм материализма, представляющих собой другую крайность по отношению к субъективизму.

На конструктивный характер научной объективности указывали многие мыслители различных направлений. Одним из первых и наиболее значимых в этом плане был И. Кант, вслед за ним – И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинг и Г.В.Ф. Гегель. Этую же тенденцию мы обнаруживаем в учениях А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, затем Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Ж.П. Сартра, П. Рикера. Далее, в другом ключе конструктивный характер научной объективности был раскрыт в постпозитивизме (И. Лакатос, Т. Кун, П. Фейерабенд, В.С. Степин), структурализме и постструктурализме (особенно Г. Башляр и М. Фуко), социальном конструктивизме (П. Бурдье).

Раскрытие сферы фиксированной субъект-субъектной объективности представляет собой фундаментальное событие конституирования объективного мира. Этому фундаментальному событию коррелиативно другое, не менее фундаментальное событие – конституирование человеческого бытия в качестве субъекта. Так же как объективность не является изначальным и единственным способом существования сущего, так и субъективность не представляет собой единственный и основной способ бытия человека. Противопоставленность субъекта объекту есть лишь одна из возможных бытийно-смысловых перспектив, которая устанавливается в пространстве соответствующих дискурсов, а не существует изначально как некая данность. Задолго до постструктурлистов и конструктивистов этот факт был выявлен Гегелем. Вот как он характеризует становление субъект-объектной модели: «Душа приобретает господство над своей *природной индивидуальностью*, над своей *телесностью*, низводит эту последнюю до подчиненного ей *средства* и выбрасывает *из себя* не принадлежащее к ее телесности содержание своей субстанциальной тотальности в качестве мира *объективного*. Достигнув этой цели, душа выступает в абстрактной свободе своего “я” и становится *сознанием*» [4. С. 131–132]. Здесь проявляется преимущество Гегеля перед Кантом. Кант, а вместе с ним и Гуссерль, признают конструктивность только объективного мира, но гипостазируют субъект и сознание в качестве основополагающих источников этого конституирования. Тем самым оба мыслителя утверждают радикальный субъективизм: постулирование трансцендентных вещей-в-себе или гилетического материала есть лишь неудачная попытка уйти от справедливых обвинений в субъективизме. У Гегеля, напротив, не только объективный мир, но и субъект и сознание есть результат конституирования. И то и другое представляют собой в его учении лишь моменты, которые устанавливаются и в дальнейшем должны быть сняты. Следовательно, нет никакого трансцендентального субъекта и сознания (субъективизм), как нет и объективного мира самого по себе (материализм). И то и другое есть лишь конструкции дискурса, который начинает формироваться только в Новом времени.

Противопоставленность субъекта объективному миру составляет основное условие для возникновения

научного дискурса. Фиксированный субъектом вместе с таким же субъектом являются важнейшими компонентами этого дискурса.

Сказанное выше характеризует, прежде всего, классическую науку – неклассическую и постнеклассическую в данной статье мы не рассматриваем. Классическая наука изначально базируется на трансценденции и всеми силами стремится подавить трансгрессию. Еще с Античности на стадии своего латентного существования в лоне философии она была движима поиском вечных и неизменных законов, лежащих в основании текущего и изменяющегося мира. Сфера объективности конституируется посредством трансцендирования любых бытийных сфер по направлению к объективному миру и к законам этого мира. Это означает, что объективированное сущее является трансцендентным по отношению к необъектным сферам бытия, но сохраняет имманентность по отношению к миру вообще, модифицированному в объективный мир, на фоне которого оно проявляется в качестве объекта.

Только объективный мир, только объективированное сущее могут получить статус реальности. Это означает, что такой феномен, как реальность, есть прерогативная сфера науки, что именно с раскрытием научного дискурса нечто такое, как реальность, впервые становится возможным в человеческом бытии.

Следует еще раз подчеркнуть, что под реальностью в данном случае понимается не совокупность всего сущего, изначально наличествующая в качестве первичной данности (наивный онтологизм). Объективная реальность есть специфическая, ограниченная жесткими рамками научного дискурса бытийная сфера. Все, что не соответствует этому дискурсу, не может раскрываться в рамках этого специфического пространства бытия. Бытийные сферы мифа, религии и искусства представляют примеры того, как бытие и сущее могут раскрываться не из перспективы объективной реальности.

Одновременно с раскрытием пространства реальности происходит конституирование негативного Другого – того, что не соответствует базовым интенциям научного дискурса и должно поэтому быть раскрыто в качестве второго члена оппозиции «реальное – нереальное». На это указывает Лиотар: «Научное задается вопросом о законности нарративных высказываний и констатирует, что они никогда не подчиняются аргументам и доказательствам. Оно относит их к другой ментальности: дикой, примитивной, недоразвитой, отсталой, отчужденной, основанной на мнении, обычаях, авторитете, предубеждениях, незнании, идеологии. Рассказы являются вымыслами, мифами, легендами,годными для женщин и детей» [1. С. 73].

Задумаемся, что не подчиняется аргументам и доказательствам в перспективе классического научного дискурса? То же, что признавалось иллюзией элеатами, – всё то, что не поддается приведению к устойчивости и упорядоченности, что ускользает от фиксации смысла. Именно трансгрессия элиминируется из пространства реальности научного дискурса и получает

статус нереального. Классическая наука идет по стопам метафизики, подчиняя трансгрессию трансценденции и превращая её в негатив последней. У В.С. Стёпина мы находим самое непосредственное подтверждение этого тезиса в предлагаемой им характеристики специфики зрелой науки: «Для перехода к собственно научной стадии необходим был особый способ мышления (виденья мира), который допускал бы взгляд на существующие ситуации бытия, включая ситуации социального общения и деятельности, как на одно из возможных проявлений сущности (законов) мира, способной реализоваться в различных формах, в том числе весьма отличных от уже осуществившихся» [5. С. 60].

Взгляд на существующие ситуации бытия как на одно из возможных проявлений *сущности* мира – это классическая метафизическая установка, восходящая к Пармениду и Платону. В научном дискурсе место сущности занимает закон (Стёпин употребляет его в скобках как синоним сущности), который по своей сути остается трансцендентным первоначалом. Итак, многообразие форм и способов бытия сводится к единому закону-сущности как к своему основанию. Это означает, что в классической науке так же, как и в метафизике, становление и различие (трансгрессия) подчиняются бытию и тождеству (трансценденции). Еще в древности Парменидом была выявлена связь между бытием, тождеством и трансценденцией: бытие, полагаемое как высшее тождество, как то, что всегда остается равным себе и не знает никаких изменений, оказывается недоступным чувственному восприятию. В свою очередь, Гераклит одним из первых представил становление и различие в качестве основополагающего принципа мироздания.

Разоблачение метафизического характера науки осуществляется Ф. Ницше: «Нет никакого сомнения, что правдивый человек, в том отважном и последнем смысле слова, каким предполагает его вера в науку, *утверждает тем самым некий иной мир*, нежели мир жизни, природы и истории; и коль скоро он утверждает этот иной мир... не должен ли он как раз тем самым отрицать его антипод – *наши мир?* <...> Наша вера в науку покоится на *метафизической вере*... даже мы, познающие нынче, мы безбожники и антиметафизики, берем *наши* огонь все еще из того пожара, который разожгла тысячелетняя вера, та христианская вера, которая была также верою Платона, – вера в то, что Бог есть истина, что истина божественна» [6. С. 661–662]. В XX столетии отголоски этой метафизической веры проявляются в концепции «третьего мира» К. Поппера и в учении В.И. Вернадского о ноосфере.

Таким образом, специфика научного дискурса состоит в установлении бытийно-смысловой перспективы *объективной реальности*. Конституируемое научным дискурсом пространство объективной реальности, в качестве основания которого полагается трансцендентная объективность (законы как аналоги метафизических сущностей), представляет собой эффект этого дискурса, так же как и противопоставленный объективному миру субъект. Поскольку классическая наука направлена на элиминацию перспективы транс-

грессии, поскольку она обращается к трансценденции, а вместе с ней – и к традиционной метафизической структуре, которая в научном дискурсе модифицируется показанным выше образом. Формальное отличие научного дискурса от метафизики в чистом виде состоит в том, что свои умозрительные конструкции (трансцендентную объектность) наука должна доказывать путем непосредственной презентации в объективном мире (т.е. эмпирически). Но это различие является сугубо формальным и не отменяет тот факт, что в своем классическом варианте научный дискурс остается модификацией метафизики.

В сказке Экзопери главный герой попадает на планету к некоему деловому человеку, занятому подсчетом звёзд:

– Так что же ты делаешь со всеми этими звездами? <...>

– Ничего не делаю. Я ими владею.

– Владеешь звездами?

– Да. <...>

– А для чего тебе владеть звездами?

– Чтоб быть богатым.

– А для чего быть богатым?

– Чтобы покупать еще новые звезды, если их кто-нибудь откроет. <...>

– И что же ты с ними делаешь?

– Распоряжаюсь ими, – ответил делец. – Считаю их и пересчитываю. Это очень трудно. Но я человек серьезный.

Однако Маленькоому принцу этого было мало.

– Если у меня есть шелковый платок, я могу повязать его вокруг шеи и унести с собой, – сказал он. – Если у меня есть цветок, я могу его сорвать и унести с собой. А ты ведь не можешь забрать звезды!

– Нет, но я могу положить их в банк.

– Как это?

– А так: пишу на бумажке, сколько у меня звезд.

Потом кладу эту бумажку в ящик и запираю его на ключ.

– И все?

– Этого довольно.

Этот отрывок позволяет в наиболее простой и наглядной форме проиллюстрировать фундаментальные черты научного дискурса.

1. Исчисляющая объективация сущего. Только то, что исчислено, принято в расчет, как сказал бы Хайдеггер, обладает статусом реального, несомненного. Мы предлагаем сравнить фрагмент из «Маленько-го принца» с переделенным В.И. Вернадским понятием «научный аппарат», под которым он подразумевает «комплекс количественно или качественно точно выраженных тел или природных явлений» [2. С. 504]. Далее: «Научный аппарат целиком проникнут и держится всё улучшающимися и углубляющимися систематизацией и методикой исследования. Этим путём наука охватывает и запечатлевает для будущего со всё ускоряющимися темпом ежегодно миллионы новых фактов и на их основе создаёт множество крупных и мелких эмпирических обобщений. Ни научные теории, ни гипотезы не входят, несмотря на их значение в текущей научной работе, в эту основ-

ную и решающую часть научного знания» [2. С. 538]. Деловой человек из сказки как раз занят пополнением научного аппарата «миллионами новых фактов», он производит количественно точно выраженные тела – исчисленные им звёзды. Характерно, что для делового человека значение имеет только точное число, а не то, к чему оно относится. Звёзды без числового выражения не могут быть включены в научный аппарат, стало быть, не имеют значения для научного дискурса. Сколь сильно отличаются эти объективированные физические тела от звёздного неба, приводившего в восхищение размышляющего о моральном законе Канта!

2. Исчисляющая объективация как владение. То, что подчинено научному дискурсу посредством исчисляющего раскрытия, то, тем самым, находится во владении, в распоряжении исчисляющего субъекта, который не имеет никакого другого доступа к существу. Исчисление здесь – не простая математическая операция, но акт присвоения, осуществления власти. Деловой человек владеет звёздами, потому что он их подсчитал – поставил на учёт.

3. Владение как накопление про запас, имеющее в виду не непосредственное применение в актуальной практике, но исключительно приращение власти, накопление ради возможности накопления, ради накопляемости. Характерная формулировка: «Ничего не делаю. Я ими владею» – владение не есть делание, но накопление про запас, постановка в состояние готовности [7]. В.И. Вернадский: «Научный аппарат, т.е. непрерывно идущая систематизация и методологическая обработка, и согласно ей описание, возможно, полное и наиболее точное всех явлений естественных тел реальности, является в действительности основной частью научного знания. Он должен непрерывно расти с ходом времени и изменяться, отмечать и сохранять, как научная память человечества, всё кругом нас происходящее, должен всё больше углубляться в прошлое планеты, в её жизнь прежде всего, научно отмечать меняющуюся картину космоса – для нас – звёздного неба» [2. С. 59]. В этом описании чётко и открыто показана основная функция научного аппарата – тотальная власть над всем сущим (даже над тем, что было в прошлом) и накопление всего сущего («всё кругом нас происходящее») – непрерывно растущее и не знающее предела своей экспансии.

Научный дискурс по своим сущностным характеристикам и структурной организации конституируется на основе перспективы трансценденции. Установка на поиск вечных и неизменных сущностей (законов) и предельных оснований (субстанций) характерна для классического варианта этого дискурса не в меньшей степени, чем для метафизики. Эта базовая установка дополняется ориентацией на элиминацию перспективы трансгрессии из конституируемого научным дискурсом пространства объективной реальности. Благодаря сочетанию этих двух тенденций – утверждение трансценденции и отрицание трансгрессии – классический вариант научного дискурса раскрывает бытийно-смысловую перспективу фиксированной определенности в качестве фундаментального критерия

реальности. Трансгрессия получает статус второго члена структурной оппозиции «реальное – нереальное». Только в неклассическом и постнеклассическом варианте (наиболее ярко – в физике микромира и в синергетической парадигме) осуществляется экстраполяция перспективы трансгрессии на сферу объективной реальности. Фиксированная определенность растворяется в потоке становления и преобразования самоорганизующихся систем, превращается в момент, существующий между точками бифуркаций.

Таким образом, трансгрессия интегрируется в пространство научного дискурса на содержательном уровне, что характеризует отличительную особенность современного этапа развития науки. При этом сам научный дискурс продолжает функционировать в

трансценденталистском режиме, сохраняя фундаментальную установку на выстраивание универсальной перспективы, охватывающей все уровни существования (проект создания «единой теории всего сущего» актуален и для современной физики). Научный дискурс переходит в трансгрессивный режим лишь в ситуациях криза или тяготения в направлении сближения с философским дискурсом. Оба случая являются своеобразной зоной несовпадения научного дискурса с самим собой, бифуркацией, выводящей данный дискурс из равновесия и нарушающей границы конституируемой им определенности. На этом основании можно сделать заключение, что трансгрессивный режим не характерен для науки даже в ее современном варианте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М. : Алетейя, 1998. 160 с.
2. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление // Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. 744 с.
3. Хайдеггер М. Наука и осмысление // Время и бытие. М. : Республика, 1993. С. 238–253.
4. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3 : Философия духа. М. : Мысль, 1977. 471 с.
5. Степин В.С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
6. Ницше Ф. Веселая наука (la gaya scienza) // Сочинения : в 2 т. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 1998. Т. 1. С. 489–717.
7. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие. М. : Республика, 1993. С. 221–238.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 25 марта 2015 г.

TRANSCENDENCE AND TRANSGRESSION IN SCIENTIFIC DISCOURSE

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 67–71. DOI: 10.17223/15617793/395/10

Faritov Vyacheslav T. Ulyanovsk State Technical University (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: vfar@mail.ru

Keywords: scientific discourse; transcendence; transgression; objective world.

Science is one of the globalizing discourses. Discourses of this type focus on intention to integrate diverse ways of existence into its sphere and to constitute an integrated existential sphere – objective reality. Science is not one of the types of cognitive or social activities, but the most powerful globalizing discourse that defines the way of being and the meaning of all things, and constitutes the integrated space of objective reality. Any things existent in this area become fixed, static and self-identical, strictly delimited from any other things existent. Transcendence finally asserts its superiority over transgression. In this way (by way of elimination of transgression), things become objective. The content of the objective world is things existent, fixed in their certainty, referring to invariant structures – laws. Simultaneously with the opening of the space of reality, there occurs a constitution of a negative Other that does not correspond to the basic intentions of scientific discourse and, therefore, should be disclosed as a second member of the “real – unreal” opposition. The specificity of scientific discourse is to establish the perspective of objective reality. Produced by scientific discourse, the space of objective reality is the effect of this discourse. Classical science aims to eliminate the perspective of transgression and is characterized by the assertion of transcendence. Therefore, scientific discourse bases on the standard metaphysical model. This model assumes the denial of formation and difference (transgression) and the assertion of being and identity (transcendence). The difference between scientific discourse and metaphysics in its pure form is that science must prove its speculative constructions by direct representation in the objective world (empirically). But this distinction is purely formal and does not negate the fact that in its classic version scientific discourse is a modification of metaphysics. Transgression becomes integrated into the space of scientific discourse at the level of content. It characterizes the distinctive feature of the present stage of science development. In this case, scientific discourse itself continues to operate in the mode of transcendence. Scientific discourse retains the fundamental orientation on the formation of a universal perspective which covers all levels of existence (the project of creating a “unified theory of everything” is relevant for modern physics). Scientific discourse enters transgression only in crisis situations. In this case, scientific discourse is unbalanced. Borders of its constituted certainty are violated. Fixed certainty dissolves in the flow of formation and transformation of self-organizing systems, transforms into a moment that exists between the points of bifurcation.

REFERENCES

1. Lyotard J.-F. *Sostoyanie postmoderna* [The postmodern condition]. Translated from French. Moscow: Aleteyya Publ., 1998. 160 p.
2. Vernadskiy V.I. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010. 744 p.
3. Heidegger M. *Vremya i bytie* [Time and Being]. Translated from German. Moscow: Respulika Publ., 1993, pp. 238–253.
4. Hegel G.W.F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopedia of Philosophy]. Translated from German. Moscow: Mysl' Publ., 1977. V. 3, 471 p.
5. Stepin V.S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2003. 744 p.
6. Nietzsche F. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 v.]. Translated from German. Moscow: RIPOL KLASIICK Publ., 1998. V. 1, pp. 489–717.
7. Heidegger M. *Vremya i bytie* [Time and Being]. Translated from German. Moscow: Respulika Publ., 1993, pp. pp. 221–238.

Received: 25 March 2015

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 069.1

B.B. Горишкова

МУЗЕЙНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ИКОН КАК БАЗА РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ИКОНОПИСАНИЯ (ИЗ ОПЫТА ЯРОСЛАВСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ)

Анализируется опыт работы отдела древнерусского искусства Ярославского художественного музея с современными иконописцами по использованию произведений древнерусской живописи в собрании музея для создания современных икон, в том числе и новой иконографии; значение научно-исследовательской и реставрационной деятельности музея в процессе развития современного церковного искусства.

Ключевые слова: музейная коллекция; копирование; современная иконопись; создание икон новой иконографии.

В последние годы в связи с оживлением церковной и приходской жизни, открытием не действовавших церквей и монастырей, строительством новых храмов и обитателей возникла насущная потребность заполнения храмовых интерьеров как отдельными иконами, так и целыми иконостасными комплексами. Церковная общественность обратилась к музеям, коллекции которых стали осознаваться как хранилища авторитетных, овеянных традицией образцов.

Востребованность современной иконы стала причиной сотрудничества Ярославского художественного музея (ЯХМ) с современными иконописцами. Ученый секретарь Академии художеств Н.Н. Мухина отмечала, что для ярославских художников музейные коллекции являются неисчерпаемой базой данных. «Именно музеи города, — писала она, — хранят огромные сокровища тысячелетней ярославской епархии, фрески и иконы которой явились образцами, своеобразными изводами и подлинниками для современных художников» [1. С. 2]. Иная картина наблюдается в Новосибирске. Исследователь современного иконописания, преподаватель Новосибирского государственного педагогического университета Н.В. Гольцова отмечала, что «отсутствие на территории Новосибирска музейных центров с оригинальными образцами древнерусских икон, необходимых для обучения иконописцев», существенно усложняет развитие иконописи в регионе [2].

Коллекция иконописи Ярославского художественного музея сложилась в 1920–1930-е гг., когда музейные сотрудники совместно с реставраторами Ярославского отделения ЦГРМ размещали в музейных хранилищах иконы из разрушенных храмов. На протяжении последующих десятилетий музейная коллекция пополнялась, велись реставрационные работы, строились экспозиции и выставки, происходило научное осмысление собрания.

Благодаря научным трудам первой заведующей древнерусским отделом И.П. Болотцевой (1944–1995), а также сотрудников отдела О.Б. Кузнецовой и А.В. Федорчука сложились устоявшиеся представления о ярославской иконописной школе 2-й половины XVI – XVII вв., путях развития ярославского иконописания в Новое время – XVIII и XIX вв. В настоящий момент завершено издание каталога отреставриро-

ванных икон фонда музея XIII – начала XX в. в трех томах и пяти книгах.

На сегодняшний день в собрании Ярославского художественного музея почти 2 000 икон, четверть из которых отреставрирована. Это позволяет создать экспозицию, построенную как по хронологическому принципу, так и в соответствии с развитием стиля местного иконописания. Кроме того, существует выставочный фонд икон, который позволяет создавать тематические выставки. Все это делает музейную коллекцию собранием бесценных подлинников, которые приобрели в настоящее время новую актуальность.

Использование музейной коллекция икон как важнейшего источника развития современного иконописания идет в нескольких направлениях.

Первое направление — обращение к музейным памятникам как образцам при создании копий, а фактически списков древних образов. Копирование — основа развития иконописца, единственный путь владения техникой иконописания. Об этом писали как выдающиеся иконописцы XX в. М.Н. Соколова (монахиня Иулиания), о. Зинон (Теодор), так и исследователи (Н.В. Квливидзе) [3. С. 113].

М.Н. Соколова придавала копированию основное значение при обучении начинающих иконописцев. Она писала: «Иконописи нужно учиться только через копирование древних икон... Копируя икону, человек всесторонне познает ее и невольно приходит в соприкосновение с тем миром, который в ней заключен <...> потом постигает глубину его содержания, поражается четкостью форм, внутренней обоснованностью его деталей и поистине святой простотой художественного выражения. Но чтобы так понять икону, нужно время, и иногда довольно длительное» [4. С. 37].

Насущность копирования эталонных образцов осознают руководители многих иконописных школ. В залах Ярославского художественного музея работают ученики иконописных школ при Московской духовной академии имени преподобного Алипия г. Дубны Московской области. Для копирования произведения или его фрагмента выбираются памятники XV–XVII вв. высокого художественного качества, имеющие точную атрибуцию. Важным является то, что выбранные произведения прошли качественную

научную реставрацию и имеют хорошую сохранность авторского красочного слоя. Обязательным условием копирования является несовпадение размера копии и оригинала.

В процессе копирования учащиеся постигают справедливость требований, предъявляемых к современным иконам: «1) более глубокого осмысления богословия иконы; 2) обязательного учета специфики храмового пространства... 3) творческого осмысления особенностей и возможностей различных стилистических традиций и их оправданного использования в каждом конкретном случае; 4) осознания значения и роли канона в иконописи; 5) поисков новых иконографических решений, оптимально отвечающих назначению иконы, ее богословскому содержанию, правдивости реалий образов; 6) внимания к технико-технологическим вопросам при создании икон, их дальнейшей разработки» [5. С. 45]. Именно благодаря копированию формируется профессионализм иконописца. О его актуальности говорит исследователь современного церковного искусства С. Ржаницына: «В художественном отношении, если не касаться богословия иконы, единственное, что может противопоставить современному миру церковный художник – это профессионализм. Ведь общее падение его уровня в изобразительном искусстве отмечают многие искусствоведы и культурологи» [6].

Однако в современном иконописании копирование является не только средством обучения, но и самостоятельным явлением. Еще в 1930 г. иконописец В.А. Комаровский писал о. Сергию Мечеву: «Писать хорошо копии с древних икон – это уже очень большое дело, тут приложимы и дарование, и вкус, недоступные современникам, ремесленным иконописцам. Написать хорошую копию, а не подделку – это уже дело художника-иконописца» [4. С. 14]. На высоком научном уровне в 1950-е гг. художник-монументалист Н.В. Гусев выполнил колоссальные по объему копии с фресок Андрея Рублева, Феофана Грека и Дионисия. С. Ржаницына отмечает, что в наши дни высоким профессионализмом отличаются иконописец А. Глотов, школа известного московского художника-реставратора А.Н. Овчинникова, где создаются точные списки с древнерусских икон или произведения, характеризующиеся стилем единством с ними [6].

Профессиональные иконописцы Ярославля также создают копии икон из собрания Ярославского художественного музея. Так, в мастерской «Преображение» под руководством К. Фарсяна в 2002 г. была написана копия иконы «Иоанн Златоуст» начала XVIII в. [7. С. 97], а в иконописной мастерской «Ковчег» – иконы «Собор Архангела Михаила» [8. С. 275]. При этом современные копии, повторяя иконографию, имеют свои колористические особенности, не воспроизводят размеры образца и степень сохранности авторского слоя.

В 2008 г. Ярославский художественный музей выступил инициатором проекта по созданию копий пяти икон, происходящих из не сохранившегося кафедрального Успенского собора Ярославля. Копии предназначались для нового собора, строительство кото-

рого велось в связи с подготовкой к празднованию 1000-летия Ярославля в 2010 г. До разрушения храма, построенного в 1660-х гг. и взорванного в 1937 г., реставраторы и сотрудники ярославского музея успели переместить часть икон его интерьера в музейные фонды.

Проект, направленный на сохранение подлинников в музейном собрании и одновременно стимулировавший профессиональное развитие современных иконописцев, получил финансовую поддержку федеральной целевой программы «Культура России 2006–2010».

Для копирования сотрудники музея выбрали знаменитые произведения, о которых упоминали все авторы, писавшие об Успенском соборе в XIX – начале XX в. Это, в первую очередь, домонгольская икона «Спас Вседержитель» начала XIII в. [9. С. 41], по преданию принадлежавшая ярославским князьям Василию и Константину, мощи которых находились в старом Успенском соборе. Вторая икона «Богоматерь Ярославская» начала XVI в. [Там же. С. 85] – список с древнего образа XIII в., бывшего также семейной реликвией ярославских князей. В отличие от иконы Спаса Вседержителя, располагавшегося над ракой с мощами Василия и Константина, образ Богоматери Ярославской в 1803 г. был заключен в крупную икону-раму с изображением святых ярославских князей [10. С. 11]. Последнюю написал ярославский художник Иван Смирнов (1762–1804) [11. С. 125–126]. Он изобразил князей на иконе-раме так, как будто они бережно поддерживают образ Ярославской Богоматери, находящийся внутри рамы. Кроме того, в иконе представлено 20 клейм с изображением чудес Богоматери, или Богородичных икон. Этот выразительный комплекс – небольшая икона XVI в. в центре и представительная икона-рама 1803 г. – находился на столпе прежнего Успенского собора.

Еще один настолпный комплекс также состоял из иконы сравнительно небольшого размера, вставленной в позднее изготовленную икону-раму. Этот комплекс представлял собой образ Богоматери Толгской, созданный иконописцем Иваном Андреевым [11. С. 33–34] в 1721 г., и живописную раму около 1796 г. с 44 клеймами истории и чудес иконы Толгской Богоматери [7. С. 345]. Поскольку средник этого комплекса был утрачен, в качестве образца были подобраны другие иконы Толгской Богоматери кисти Ивана Андреева, дошедшие до нашего времени [12. Ил. 324, 325–326].

Копии выполнялись в иконописной мастерской «Ковчег» под руководством А.В. и Ю.С. Беловых. Сложность копирования состояла в том, что надо было тщательно изучить и усвоить особенности художественных приемов мастеров XIII, XVI, а также конца XVIII – начала XIX в., которые существенно отличаются друг от друга. Тяжело было копировать миниатюрные клейма, зачастую многофигурные, с подробной разработкой пейзажа и архитектуры. Важной особенностью создания копий для нового Успенского собора было то, что копирование осуществлялось непосредственно в музее и современные иконописцы постоянно обращались к подлинникам, выверяя свою работу.

Все пять копий торжественно переданы Ярославской епархии в дни празднования 1 000-летия Ярославля, в сентябре 2010 г. Ныне эти комплексы занимают почетное место в местном ряду иконостаса кафедрального собора, выделенные резными позолоченными сенями [13. С. 23].

В 2013 г. музей организовал создание копии еще одной иконы собрания – иконы-рамы с 20 клеймами «Сказания об иконе Ярославской Казанской Богоматери» конца XVII в. [8. С. 195]. Икона-рама была предназначена для оформления иконы Ярославской Казанской Богоматери 1588 г. – святыни и основательницы Ярославского Казанского женского монастыря.

Сам центральный образ Казанской Богоматери пропал около 1931 г., а икона-рама с 20 клеймами попала в музей в 1935 г. с неизвестным происхождением. В 2001 г. в процессе реставрации и изучения произведения оно было атрибутировано и сразу же включено в экспозицию как выдающийся памятник ярославской иконописной школы XVII в., имеющий, кроме того, уникальное изображение Ярославля в эпоху Смуты.

Вопрос о создании копии встал в 2012 г., когда настоятельница монастыря игумения Екатерина (Гаева) обратилась в Министерство культуры с просьбой передать в формирующийся музей монастыря икону-раму конца XVII в. из собрания Ярославского художественного музея. Начался процесс непростых переговоров с представителями Ярославской епархии, в результате которых был достигнут компромисс.

Финансирование создания копии было осуществлено музеем за счет премии в 300 000 рублей, полученной на фестивале «Интермузей» в 2013 г. за победу в конкурсе «Музей – образовательный ресурс общества» в номинации «Редкий гость». Проект «Семинаристы в музее», представленный в этой номинации, был посвящен программе сотрудничества Ярославского художественного музея и Ярославской духовной семинарии.

В краткие сроки художники иконописной мастерской «Ярославль» (руководитель – Э.В. Сквородина) написали копию иконы с 20 многофигурными клеймами и четырьмя композициями, прославляющими Богоматерь. 4 ноября 2013 г. копия иконы-рамы была торжественно передана Казанскому женскому монастырю для монастырского музея.

Таким образом, копирование икон музеиного собрания – это явление, рожденное современной эпохой, позволяющее сохранить подлинники в государственном музейном фонде и в то же время дать им новую жизнь в виде списков в условиях действующего храма или даже монастырского музея.

Другое направление сотрудничества музея с современными церковными живописцами – создание самостоятельных икон новой иконографии. В этом процессе оказывается востребованным весь комплекс знаний, накопленных музейными сотрудниками при изучении коллекции, ее стилевых и образных особенностей.

В 2001 г. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II благословил Ю.С. и А.В. Беловых (ма-

стерская «Ковчег») написать житийную икону святителя Тихона (Беллавина) [14. С. 10–11]. Ее размер (200 × 155 см) был продиктован размерами интерьера кафедрального Свято-Тихоновского собора в г. Архангельске, в иконостас которого икона предназначалась как местный образ.

Разработка принципов написания иконы шла параллельно с созданием новых иконографических композиций. Опираясь на литературное житие, из которого были выбраны самые важные сюжеты, художники обратились к традициям ярославского иконописания XVII в., которое отличается особо отточенным чувством монументальной формы и в то же время подробной разработкой сюжетного начала. В качестве образца в процессе консультаций с автором настоящей статьи и другими сотрудниками отдела древнерусского искусства ЯХМ была выбрана икона преподобного Димитрия Прилуцкого конца XVII в. из собрания музея [8. С. 167]. Было принято решение создать классический житийный образ с хронологическим рядом клейм, заключенных в прямоугольные рамки и расположенных вокруг средника. Пропорции доски позволяли разместить на ней 20 клейм жития святителя Тихона. В среднике было решено представить поясное изображение патриарха, так как это укрупняет образ и делает его лучше воспринимаемым в интерьере крупного храма.

Иконописцы мастерской «Ковчег», работая артельным способом, творчески восприняли образец, не уходя в новаторство, не свойственное иконе, но и не выступая эпигонами художников XVII в. Иконы Димитрия Прилуцкого и патриарха Тихона роднят общие пропорциональные соотношения и композиционные решения ряда клейм, расположение текста на полях, изображение отдельных архитектурных фрагментов. В то же время, сохраняя общие колористические принципы ярославской иконописной школы, мастера «Ковчега» использовали более яркие и звучные цветовые соотношения, чем в иконе-образце.

Ряд традиционных композиций – «Рождество святителя», «Пострижение в монахи», «Поставление в епископы», «Успение» – не вызвал затруднений, почему способствовали устоявшиеся каноничные приемы иконописи. Много творческих споров между заказчиками, с одной стороны, и художниками и музейщиками – с другой вызвал вопрос о том, как изобразить эпоху гонений на Церковь, разрушения святынь. Здесь важно было соблюсти баланс исторической правдивости и узнаваемости с традиционной для иконы условностью языка. Помощь пришла в виде клейма икона «Богоматерь Толгская с 24 клеймами Сказания» 1655 г. [15. С. 155], который мы порекомендовали в качестве образца. Здесь представлен пожар монастыря и уходящие из обители монахи. Иконописец XVII в. выразительно передал опустошенность обители и обездоленность братии. Фигуры трех монахов представлены в динамичных поворотах, с жестами, выражющими отчаяние. Эти композиционные приемы иконы XVII в. были дополнены в современном произведении изображением группы шествующих воинов, которое было указано нами на иконе «Сергий

Радонежский с житием и Сказанием о Мамаевом побоище» [8. С. 143] из коллекции ЯХМ.

Используя эти образцы, иконописцы мастерской «Ковчег» добились ясного и пронзительного по содержанию звучания клейма «Гонения на Церковь. Разрушение святынь», не изобразив активного действия и не прибегая к не свойственному иконе натуралистическому реализму. В целом канон, усвоенный мастерами, и глубокое понимание традиции помогли иконописцам создать иконный образ, отвечающий требованиям, предъявляемым к современным иконам. «От иконы, как от богословия в красках, – пишут современные богословы, – требуется отражение вовсе не духа времени, а единых и вечных истин христианства. В каждый момент времени раскрытие тех же самых истин происходит в Церкви на языке данной эпохи. Требуется лишь понятность этого языка, но она приходит, когда художник органично постигает канон...» [16. С. 32].

В 2004 г. по заказу Толгского женского монастыря Ярославля автор настоящей статьи совместно с кандидатом исторических наук О.И. Добряковой создали иконографическую программу для современной иконы «Богоматерь Толгская со Сказанием в 18 клеймах».

Образ Толгской Богоматери – одна из наиболее почитаемых святынь Ярославо-Ростовской митрополии. По преданию, икона чудесно явилась Ростовскому владыке Трифону на берегу реки Толги недалеко от Ярославля в 1314 г., где был основан Свято-Введенский Толгский мужской монастырь. В течение XIV–XVII вв. икона, находясь в обители, была местночтимой, а с 1648 г., после включения ее в Святцы, стала почитаться по всей Руси. Литературное «Сказание о иконе Толгской Богоматери» имело несколько редакций [17. С. 62–74]. С иконы писали многочисленные списки; появились и образы Толгской Богоматери с клеймами, иллюстрирующими литературное «Сказание» о ее явлении и чудесах. Такие иконы, написанные в XVII–XIX вв., находились во многих ярославских храмах [18. С. 92–101]. Был такой образ и в часовне, стоявшей в кедровой роще Толгского монастыря.

В 1929 г. Толгский монастырь был закрыт, все убранство его церквей практически уничтожено, как и часовня с иконой в кедровнике. Однако древняя икона Толгской Богоматери еще в 1919 г. прямо в монастыре была раскрыта из-под позднейших записей известными иконописцами и реставраторами Г.О. Чириковым и Ф.А. Модоровым, а затем попала в музей [9. С. 43], что и спасло ее от уничтожения.

В 1988 г. Толгский монастырь, на территории которого в советское время находилась колония, был возвращен Ярославской епархии Русской православной церкви, и началось восстановление монастыря. В 2003 г. икона Толгской Богоматери конца XIII – начала XIV в. была передана в Толгский монастырь, оставаясь частью Государственного музеяного фонда. Автор данной статьи является ее хранителем.

В процессе возобновления монастырской жизни возникла потребность в воссоздании часовни в кедро-

вой роще с иконой Толгской Богоматери со «Сказанием». В процессе консультаций с заказчиками мы убедились, что новая икона должна быть не простой копией старого образца, а отразить весь комплекс знаний об иконе Толгской Богоматери и ее роли в истории Ярославля, накопленный за время пребывания иконы в музее.

За 80-летний период пребывания древней иконы в музее в результате изучения архивных источников, исследований искусствоведческого и реставрационного характера был собран значительный комплекс сведений об облике иконы в разные века, степени сохранности древней живописи, наличии и расположении живописных участков более поздних эпох. Изучались списки с чудотворного образа, иконы Толгской Богоматери со Сказанием, литературная основа клейм этих икон.

Все эти знания были использованы нами в процессе создания программы клейм новой иконы и поисков живописных образцов для художников мастерской «Ковчег».

В среднике современной иконы «Богоматерь Толгская со Сказанием в 18 клеймах» (73 × 56 см) был воссоздан образ Толгской Богоматери конца XIII – начала XIV в., как он реконструируется благодаря музеинным исследованиям. Изображены ныне не сохранившиеся на древней иконе рисунок пальцев левой руки Богоматери, орнамент каймы мафория, звезда на правом плече, воспроизведены надписи. Написан и утраченный в настоящее время конец гиматия Христа, свисающего на левую руку Богоматери, который воспроизводится на всех более поздних списках.

Литературной основой иконографии стали списки «Сказания о иконе Богоматери Толгской» XVII–XIX вв. [19. С. 400–407], а также «Сказание о иконе Спаса Нерукотворного и построении обыденной церкви в Ярославле», написанное около 1705 г. [20. С. 622–623]. В качестве живописных источников были выбраны иконы из собрания Ярославского художественного музея и Ярославского музея-заповедника, фрески Введенского собора Толгского монастыря (1693 г.) и церкви Иоанна Предтечи в Толчкове (1701–1704 гг.).

В отличие от известных икон Толгской Богоматери со Сказанием, в иконографическую программу нового образа были введены сюжеты «Чудо от иконы Толгской Богоматери о спасении города от моровой язвы в 1612 г.», когда здесь стояло ополчение К. Минина и Д. Пожарского; «Посещение Толгского монастыря императорским семейством в 1913 г.»; «Разорение и закрытие монастыря в 1929 г.»; «Спасение и пребывание иконы в музее»; «Передача иконы в монастырь в 2003 г.». В целом из 18 клейм, окружающих средник, очевидными иконографическими новшествами являются композиции пяти клейм [21. С. 18–19]. В соответствии с традицией, каждое клеймо сопровождается надписью, расположенной на полях иконы. Тексты надписей были предложены автором статьи на основе надписей, известных по сохранившимся иконам.

Написание иконы для монастырской часовни, где она находится и до настоящего времени, стало ре-

зультатом плодотворного сотрудничества исследователей-музейников и современных иконописцев.

Таким образом, традиционные функции музея в современном обществе обогащаются актуализацией

произведений древнерусского искусства, музейные коллекции которых становятся базой для развития современного иконописания и развития новых иконографий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современная икона. Ярославль. Каталог выставки / авт.-сост. Ю.С. Белова, Н.Н. Мухина, Л.Л. Полушкина. Ярославль, 2002.
2. Творчество новосибирских иконописцев XX–XXI веков в контексте современной культуры. URL: http://sociosphera.ucoz.ru/publ/konferencii_2011/religija_nauka_obshhestvo_problemy_i_perspektivy_vzaimodejstvija/tvorchestvo_novosibirskikh_ikonopiscev_xx_xxi_vekov_v_kontekste Sovremennoj_kultury/53-1-0-1117
3. Проблема образцов в современной практике иконописания // Проблемы современной церковной живописи, ее изучения и преподавания в Русской Православной Церкви: Материалы конференции 6–8 июня 1996 г. М. : Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 1997. С. 113.
4. Соколова М.Н. Руководство для начинающих иконописцев // Труд иконописца. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 37.
5. Кутейникова Н.С. Искусство России второй половины XX века. СПб., 2001.
6. Московская иконопись конца XX века: Основные проблемы современного церковного искусства. Светлана Ржаницына. URL: <http://nesusvet.narod.ru/ico/books/rzhan/diplom4.htm>
7. Ярославский художественный музей. Каталог собрания икон. Т. III, ч. 1 : Иконы XVIII века. Ярославль, 2013.
8. Ярославский художественный музей. Каталог собрания икон. Т. II, ч. 2 : Иконы XVII – начала XVIII веков. Ярославль, 2012.
9. Ярославский художественный музей. Каталог собрания икон. Т. I : Иконы XIII–XVI веков. Ярославль, 2002.
10. Ярославский художественный музей. Каталог собрания икон. Т. III, ч. 2 : Иконы XVIII века. Ярославль, 2013.
11. Шемякин А.И. Словарь мастеров художественных ремесел Ярославля XVIII–XIX веков. Ярославль, 2012.
12. Костромская икона XIII–XIX веков / авт.-сост. Н.И. Комашко, С.С. Каткова. М., 2004.
13. «Богоматерь Ярославская». Копия для Успенского собора. Мастерская А.В. и Ю.С. Беловых // Русское возрождение. Современное храмовое искусство. Ярославль, 2010. С. 23.
14. Иконописная мастерская «Ковчег». Ярославль, 2007.
15. Ярославский художественный музей. Каталог собрания икон. Т. II, ч. 1 : Иконы XVII – начала XVIII веков. Ярославль, 2012.
16. Чернышев И., Жолондзь А.Г. Некоторые вопросы нынешнего иконопочитания и иконописания // Проблемы современной церковной живописи, ее изучения и преподавания в Русской Православной Церкви : материалы конф. 6–8 июня 1996 г. М. : Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 1997.
17. Добрякова О.И. Сказание об иконе Толгской Богородицы: редакции и списки // Источник по истории реставрации и изучения памятников русской художественной культуры. XX век. М., 2005.
18. Горшкова В.В. Иконы Толгской Богоматери со «Сказанием» в музейных коллекциях Ярославля // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1993. Вып. V.
19. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. СПб., 1998.
20. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. СПб., 2004.
21. Иконописная мастерская «Ковчег». Ярославль, 2006.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 26 марта 2015 г.

THE MUSEUM ICON COLLECTION AS A BASIS FOR MODERN ICONOGRAPHY DEVELOPMENT (FROM YAROSLAVL ART MUSEUM EXPERIENCE)

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 72–77. DOI: 10.17223/15617793/395/11

Gorshkova Viktoria V. Yaroslavl Art Museum (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: vika-gorshkova@mail.ru

Keywords: museum collection; making copies; modern icon-painting; creation of new iconography.

The icon collection of the Yaroslavl Art Museum includes about 2000 icons of the 13th – early 20th centuries. This collection consists of valuable masterpieces which makes modern icon-painting development successful. On the contrary, the absence of museum centers with original icons, as in Novosibirsk, for instance, complicates the development of modern icon-painting in this region considerably. The Yaroslavl Art Museum icon collection is a basis for copying and, in fact, making replicas from ancient paintings. Students of the Icon Painting School of Moscow Theological Academy replicate the monuments of the 15th – 17th centuries in the museum. All monuments are deeply examined by museum professionals; they are well-restored and have a well-preserved original paint layer. Replicating is not only a means of education, but an independent fact. In 2008, the Yaroslavl Art Museum initiated a project to create the copies of five icons of the 17th – 19th centuries from the unpreserved Assumption Cathedral in Yaroslavl. The replicas were intended for a new cathedral built in 2010 to the 1000 anniversary of Yaroslavl. The artists made copies of the most significant icons. Now they are placed in the most honorable place in the iconostasis of the cathedral. In 2013, the museum again organized making a copy of an icon with the image of Our Lady of Kazan in Yaroslavl of the end of the 17th century for the Kazan monastery of Yaroslavl. Replicating was financed by the Museum's award of 300,000 rubles it had won in the international festival “Intermuzei”. Copying the Museum's collection of icons allows keeping the originals in the State Museum Fund and, at the same time, giving them a new life in the form of replicas, which corresponds to the tradition. The museum collection allows painting icons of new iconography. The whole range of knowledge the staff gained during the studying of museum collections is required. In 2001, a hagiographical icon of St. Tikhon (Bellavina) was written for St. Tikhon's Cathedral in Arkhangelsk on the model of the “Reverend Dimitri Prilutsky” icon of late 17th century. In 2004, by the order of the Tolga Female Monastery in Yaroslavl, the author of the article created an iconographic program for the new icon of “Our Lady of Tolga”. Unlike other icons on the subject of the 17th – 19th centuries, five new stories developing the iconography of “Our Lady of Tolga” were included. In conclusion, the author claims that the icon collection of the Yaroslavl Art Museum is a fundamental basis for the development of modern icon-painting and creating of new iconography.

REFERENCES

1. Belova Yu.S., Mukhina N.N., Polushkina L.L. *Sovremennaya ikona. Yaroslavl. Katalog vystavki* [Modern Icon. Yaroslavl. The exhibition catalog]. Yaroslavl, 2002.
2. Gol'tsova N.V. *Tvorchestvo novosibirskikh ikonopistev XX–XXI vekov v kontekste sovremennoy kul'tury* [Works of Novosibirsk painters of the 20th – 21st centuries in the context of modern culture]. Available from: <http://sociosphere.com/files/conference/2011/k-37-11-11.pdf>.
3. Kvildze N. [The problem of samples in the modern practice of iconography]. *Problemy sovremennoy tserkovnoy zhivopisi, ee izucheniya i prepodavaniya v Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi: Materialy konferentsii* [Problems of modern religious art, its study and teaching in the Russian Orthodox Church: Conference Proc.]. Moscow: Izd-vo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo Bogoslovskogo instituta Publ., 1997. (In Russian).
4. Sokolova M.N. *Trud ikonopista* [Iconographer's Labour]. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra, 1995.
5. Kuteynikova N.S. *Iskusstvo Rossii vtoroy poloviny XX veka* [The Art of Russia in the second half of the 20th century]. St. Petersburg: St. Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture named after Ilya Repin Publ., 2001. 64 p.
6. Rzhanitsyna S. *Moskovskaya ikonopis' kontsa XX veka: Osnovnye problemy sovremennoy tserkovnoy iskusstva* [Moscow iconography of the end of the 20th century: The main problems of modern religious art]. Available from: <http://nesusvet.narod.ru/ico/books/rzhan/diplom4.htm>
7. *Yaroslavskiy khudozhestvennyy muzej. Katalog sobraniya ikon* [The Yaroslavl Art Museum. Catalogue of the Collection of icons]. Yaroslavl, 2013. V. III, pt. 1.
8. *Yaroslavskiy khudozhestvennyy muzej. Katalog sobraniya ikon* [The Yaroslavl Art Museum. Catalogue of the Collection of icons]. Yaroslavl, 2012. V. II, pt. 2.
9. *Yaroslavskiy khudozhestvennyy muzej. Katalog sobraniya ikon* [The Yaroslavl Art Museum. Catalogue of the Collection of icons]. Yaroslavl, 2002. V. 1.
10. *Yaroslavskiy khudozhestvennyy muzej. Katalog sobraniya ikon* [The Yaroslavl Art Museum. Catalogue of the Collection of icons]. Yaroslavl, 2013. V. III, pt. 2.
11. Shemyakin A.I. *Slovar' masterov khudozhestvennykh remesel Yaroslavlya XVIII–XIX vekov* [Dictionary of art craftsmen of Yaroslavl of the 18th – 19th centuries]. Yaroslavl: Izdatel' Aleksandr Rutman Publ., 2012. 616 p.
12. Komashko N.I., Katkova S.S. *Kostromskaya ikona XIII–XIX vekov* [Kostroma icon of the 13th – 19th centuries]. Moscow: Grand-Kholding Publ., 2004. 672 p.
13. "Bogomater' Yaroslavskaya". *Kopiya dlya Uspenskogo sobora. Masterskaya A.V. i. Yu.S. Belovykh* [“Our Lady of Yaroslavl”. A copy for the Assumption Cathedral. Workshop of A.V. and. Yu.S. Belov]. In: *Russkoe vozrozhdenie. Sovremennoe khramovoe iskusstvo* [Russian revival. Modern temple art]. Yaroslavl, 2010, p. 23.
14. *Ikonopisnaya masterskaya "Kovcheg"* [Icon Painting Workshop “Ark”]. Yaroslavl, 2007.
15. *Yaroslavskiy khudozhestvennyy muzej. Katalog sobraniya ikon* [The Yaroslavl Art Museum. Catalogue of the Collection of icons]. Yaroslavl, 2012. V. II, pt. 1.
16. Chernyshev I., Zholondz' A.G. [Some issues of the present the veneration of icons and iconography]. *Problemy sovremennoy tserkovnoy zhivopisi, ee izucheniya i prepodavaniya v Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi: Materialy konferentsii* [Problems of modern religious art, its study and teaching in the Russian Orthodox Church: Conference Proc.]. Moscow: Izd-vo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo Bogoslovskogo instituta Publ., 1997. (In Russian).
17. Dobryakova O.I. *Skazanie ob ikone Tolgskoy Bogoroditsy: redaktsii i spiski* [The legend about the icon of Our Lady of Tolga: versions and copies]. In: Vzdornov G.I. et al. (eds.) *Istochnik po istorii restavratsii i izucheniya pamyatnikov russkoy khudozhestvennoy kul'tury. XX vek* [Sources of the history of restoration and study of monuments of Russian culture. 20th century]. Moscow: Indrik Publ., 2005. 264 p.
18. Gorshkova V.V. *Ikony Tolgskoy Bogomateri so "Skazaniem" v muzeynykh kollektsiyakh Yaroslavlya* [Icon of Our Lady of Tolga with the “Legend” in the museum collections of Yaroslavl]. In: *Soobshcheniya Rostovskogo muzeya* [Rostov Museum Reports]. Rostov, 1993. Is. 5.
19. Likhachev D.S. (ed.) *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of the scribes and literature of ancient Russia]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 1998. Is. 3, pt. 3.
20. Likhachev D.S. (ed.) *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of the scribes and literature of ancient Russia]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2004. Is. 3, pt. 4.
21. *Ikonopisnaya masterskaya "Kovcheg"* [Icon Painting Workshop “Ark”]. Yaroslavl, 2006.

Received: 26 March 2015

ТЕХНОЛОГИИ АКТУАЛИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЕ ИСКУССТВ НАРОДОВ СЕВЕРА (с. КАРГАСОК)

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00263
«Этническая и книжная традиции в культурном наследии Западной Сибири».*

Проанализированы музейные технологии актуализации этнокультурного наследия восточных хантов, проживающих на р. Вах в Каргасокском районе. Выделены три направления музейной деятельности: фондовая, экспозиционная и культурно-образовательная работа. Рассмотрена их реализация в Музее искусств народов Севера (с. Каргасок). Охарактеризован состав фондов и его музейный потенциал. Освещена практика нетрадиционной работы в музее с посетителями. Даны характеристики внемузейного направления трансляции культурных ценностей.

Ключевые слова: музей; культурное наследие; экспозиционная работа; культурно-образовательная деятельность; вахиоганские ханты.

На современном этапе развития общества тенденции культурной универсализации заставляют мировое сообщество поднимать вопросы сохранения, изучения и актуализации этнокультурного наследия. Особый интерес вызывает территория Западной Сибири, так как именно здесь сохраняются очаги традиционной культуры, а также проводится активная работа по возрождению обычаями силами этнической интеллигенции. Коренные народы Западной Сибири, населяющие бассейн Оби и её притоков, включая Васюган, именуются на основе территориально-языковой характеристики обскими уграми, или хантами и манси. Традиционная культура вахиоганских хантов, проживающих на территории Каргасокского района и относимых исследователями к восточной группе этноса, в настоящее время практически утеряна. Ичезнувшие из повседневности реалии культуры сосредоточены главным образом в музеях. В связи с этим важным является изучение форм актуализации этнокультурного наследия, т.е. вовлечения музейных фондов в различные направления музейной деятельности, адресованные посетителю.

К основным направлениям музейной работы относятся фондовая, экспозиционная и культурно-образовательная деятельность [1]. Фондовая работа включает в себя комплектование, учёт, хранение и изучение объектов наследия. Экспозиционная деятельность – одно из основных направлений работы музея, основа музейной коммуникации [2]. Согласно современной трактовке, музейная экспозиция – это целенаправленная и научно обоснованная демонстрация музейных предметов, которые организованы композиционно, снабжены комментарием, технически и художественно оформлены и в итоге создают специфический музейный образ природных и общественных явлений [3. С. 355]. В музее создаются не только постоянные, но и временные экспозиции – выставки, стационарные и передвижные [4. С. 429]. Мобильность выставок позволяет оперативно отвечать на запросы, возникающие в обществе, вводить в научный оборот материалы исследований и знакомить с ними посетителей. Экспозиционная деятельность является базой для реализации культурно-образовательной деятельности музея. Формами по-

следней являются экскурсии и лекции, внедрённые в практику ещё в конце XIX в. С середины 1980-х гг. распространяются такие жанры экскурсий, как театрализованные экскурсии, экскурсии-беседы, экскурсии-уроки и др. Кроме того, существуют клубные формы образовательной работы: лектории, музыкальные и литературные гостиные, вечера, музейные праздники, кружки и музейные клубы [5].

Приоритетным направлением деятельности Музея искусств народов Севера является сбор и сохранение предметов материальной и духовной культуры коренных народов, проживающих на территории Каргасокского района [6]. Районный музей в с. Каргасок был создан на общественных началах при поддержке районной администрации в 1992 г. и назывался Музеем народного искусства. Первым директором музея была Алла Николаевна Панова – человек энергичный и целеустремлённый. Не имея источников финансирования, она должна была отремонтировать помещение, выделенное под музей, а также сформировать фонд. С 1995 г. музей стал филиалом Томского областного художественного музея и был переименован в Музей искусств народов Севера [7. С. 242–243]. С 2000 г. заведующей филиалом является Елена Михайловна Мацкевич. Кроме нее в музее работают ещё два сотрудника – смотритель и старший научный сотрудник [8].

Музейные фонды играют важную роль во всех направлениях музейной деятельности. Основой при создании музея послужила коллекция этнографических материалов известного в Томской области собирателя старины И.К. Мартемьянова. Он родился 30.03.1909 г. в семье крестьян, с раннего возраста вместе с отцом сопровождал обозы по тракту от Нарыма до Томска. Уже после выхода на пенсию начал собирать различные предметы старины, отражающие повседневную жизнь сибиряков [9. С. 414]. Его коллекция включает в себя предметы быта, кухонную утварь, орудия лова и охоты, предметы извозного промысла, столярные инструменты и старые деньги. Сначала она находилась в музее Каргасокской школы № 1, затем была передана в Музей народного творчества [10. С. 245]. Количество предметов коллекции Мартемьянова в основном фонде музея составило 139 единиц хранения, в научно-

вспомогательном – 223 единицы хранения [11]. Для пополнения фондов сотрудники проводили активную экспедиционную работу – ездили по посёлкам района, а также встречались с местными жителями. В настоящее время фондовое собрание музея насчитывает 1253 предмета (869 единиц хранения основного и 384 – научно-вспомогательного фондов). В основном фонде 418 предметов декоративно-прикладного искусства, 29 – живописи, 167 – графики, 250 – этнографии. Научно-вспомогательный фонд состоит из предметов декоративно-прикладного искусства, нумизматики, этнографии [7. С. 243].

Основное здание музея находится на реконструкции, в связи с чем он располагается во временном помещении общей площадью 85,9 кв. м. Несмотря на скромную площадь, в музее имеются два зала для экспозиционно-выставочной работы. Войдя в музей, посетитель оказывается в зале, где экспонируются берестяные изделия разных авторов на различную тематику – от традиционных хантыйских мотивов до современных сюжетов. Большой интерес у посетителей вызывают берестяные изделия Н.В. Югиной. В музее представлено более 50 авторских изделий (туеса, шкатулки, сундучки, куклы, шахматы, самовар, книга, колыбель и т.д.), выполненных в технике прорезной бересты, аппликации и скобления. Хотелось бы отметить работы, выполненные в технике скоблённой бересты (рис. 1). Они интересны тем, что ваянганская скоблённая береста уже к 1970-м гг. практически исчезла [12. С. 3], а Надежда Владимировна – одна из немногих, кто воссоздал традицию.

Рис. 1. Шкатулка «Заяц». Автор Н.В. Югина

Во втором зале музея расположена постоянная экспозиция «Медвежий мыс» (рис. 2). В пяти витринах представлены предметы материальной и духовной культуры коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Каргасокского района – хантов и селькупов. Экспозиция, построенная по тематическому и сюжетно-образному принципам, отражает основные занятия – охоту и рыболовство, традиционные верования, декоративно-прикладное искусство. Учитывая профиль музея, определённый образ традиционной культуры создаётся посредством художественных произведений. В первой витрине постоянной экспозиции представлены атрибуты хантыйского медвежьего праздника (берестяные маски, выполненные Н.В. Югиной, шапка и

рукавицы «Медведь», сшитые Н.А. Громовой, ложки), а также предметы декоративно-прикладного творчества (хантыйское налобное украшение, изготовленное Н.В. Югиной, селькупские нагрудные украшения, браслеты) и материальной культуры (куклы, кружки, солонка, селькупский флаг, наголовник). Образ медведя отражается в орнаментации шапок и рукавиц.

Рис. 2. Постоянная экспозиция «Медвежий мыс»

Во второй витрине показаны предметы, характеризующие снаряжение охотника (пальма – нож для охоты, сумочка), обувь (чики, кисы, торбаса), другие предметы материальной культуры (сумочки, кошелёк, перчатки, шапка оленевода, сшитая А.И. Наумовой). Художественный образ создает панно «Глухарка». В третьей витрине представлены рукавицы с орнаментами «жук» и «глухарка», тапочки, детская обувь (торбаса), эвенкийские перчатки, сумочки, шаманский бубен.

В четвёртой витрине находятся селькупские туеса, хантыйские музыкальные инструменты (тумран, нарсыюх), сумочка и кошелёк из гусиных лапок, сшитые М.Н. Чечулиной. В пятой витрине показаны селькупские туеса, хантыйское нагрудное украшение «саклопс», изготовленное Н.А. Пироговой, керамическая композиция по мотивам хантыйского праздника лося (автор И.И. Максименко), хантыйская дневная люлька, выполненная Н.В. Югиной (рис. 3). Экспозиция дополнена таксидермической коллекцией: во всех витринах показаны чучела птиц края – совы, скворца, сойки, кулика, утки, изготовленные известным таксидермистом В.И. Шушкевичем.

Рис. 3. Хантыйская дневная люлька. Автор Н.В. Югина

Как видим, постоянная экспозиция знакомит посетителя с основными предметами материальной и духовной культуры коренных народов Севера. Кроме того, во втором зале музея организуют выставки и проводят различные культурно-образовательные мероприятия.

В 2005 г., в рамках празднования 365-й годовщины Каргаска, музей начал подготовку к празднику медведя, так как онь особо почитаем у многих народов Севера, в том числе и у хантов, и объявил конкурс на лучшую игрушку-медведя, выполненную из любого материала и в любой технике: вязание, шитье, глина, тесто, дерево и т.д. [13. С. 1]. Большинство работ для конкурса подготовили ученики детской художественной школы. В апреле в выставочном зале музея начала работу выставка «Медвежий праздник». Во время её открытия сотрудники музея рассказали посетителям о традициях медвежьего праздника, хореографический коллектив «Искорки» исполнил хантыйский танец, хореографический коллектив школы № 2 продемонстрировал главный танец праздника «Тулыглан», также была разыграна сценка в берестяных масках. Изюминкой праздника стала демонстрация моделей одежды с элементами национального орнамента [14. С. 3].

В ноябре 2007 г. в музее работала выставка «Баю-баюшки-баю», которая знакомила посетителей с историей колыбелей и колыбельных песен. В экспозиции были представлены живописные и графические работы учащихся Детской школы искусств (ДШИ), а также колыбели и кроватки, изготовленные Н.В. Югиной, О.Н. Ларионовой, А.М. Керб, И.А. Залогиным. На экскурсии посетители имели возможность узнать о типах колыбелей, об обычаях и ритуалах использования колыбелей на Руси и у коренных народов Севера, а также о том, почему обязательно нужно петь младенцу колыбельные песни [15. С. 3].

В декабре 2007 г. в музее открылась выставка «Рыбак и рыбка», рассчитанная на учащихся 1–4-х классов, но оказавшаяся интересной всем односельчанам. Во время экскурсии посетители могли узнать, как рыбачили коренные народы, какие породы рыб водятся в сибирских водоёмах, как выдялбливается обласки. В экспозиции были представлены древние и современные орудия лова: острога, сети, юбка, морда, рыболовные крючки различных форм и размеров. Кроме того, на выставке были показаны полотна юных художников из ДШИ, выполненные акварелью, гуашью, гелевыми ручками. Все работы объединяла «рыболовная» тематика [6].

В сентябре 2008 г. в музее открылась выставка «Охотники и утки». Она представлена творчеством учащихся художественного отделения ДШИ, картинами художника В. Миронова, чучелами диких птиц, изготовленными В. Шушкевичем, а также различными охотничими снастями коренных северных народов. В ходе экскурсии посетителям рассказывали о древнейших орудиях охоты, традициях и легендах, связанных с обитателями рек и тайги [16. С. 3].

Как видим, сотрудники музея используют различные формы выставочной и образовательной работы с учётом специфики музейных фондов и художествен-

ной направленности музея, успешно применяя их в музейной деятельности. Кроме того, сотрудники музея занимаются поиском новых форм актуализации этнокультурного наследия. В 2014 г. музей участвовал в грантовом конкурсе социальных инициатив «Родные города» и выиграл средства на реализацию проекта «Онлайн-экскурсия как новая форма просветительской и образовательной деятельности в Музее искусств народов Севера с. Каргасок». В результате осуществления данного проекта учащиеся отдаленных посёлков Каргасокского района смогли вместе с «реальными» посетителями приобщиться к культурному наследию, познакомиться с выставочными проектами музея, пообщаться с сотрудниками музея в реальном времени. В дальнейшем планируется аналогичная работа и со взрослым населением [6].

Сотрудники музея также активно участвуют во внемузейных мероприятиях, способствующих возрождению этнической культуры. Музей является постоянным участником фестиваля коренных народов севера Томской области «Этюды Севера». В 2003 г. в с. Парабель впервые состоялся фестиваль коренных малочисленных народов «Все юрты в гости к нам», он собрал всех селькупов Парабельского района. В 2006 г. фестиваль обрёл статус регионального и стал поддерживаться Министерством культуры РФ через программу «Культура России». В 2008 г. фестиваль стал составляющей частью областного форума «Культурное наследие Томской области» [17]. Сегодня фестиваль объединяет не только селькупов, но и представителей других северных народов, а его программа включает в себя традиционные праздники, обряды, игровые мероприятия, концерты, выставки блюд национальной кухни и работ мастеров декоративно-прикладного искусства. Музей искусств народов Севера в рамках фестиваля достойно представил Каргасокский район, презентовав выставочный проект «Медвежий мыс». В музейной «юрте» были показаны работы местных мастеров, посвященные хозяину тайги (картины, вышивки, скульптуры из дерева, игрушки), атрибуты медвежьего праздника, берестяные изделия [6].

Таким образом, Музей искусств народов Севера играет важную роль в сохранении и актуализации этнокультурного наследия коренных народов, проживающих на территории Каргасокского района. У сотрудников музея имеется позитивный опыт в разработке тематических экспозиций и реализации различных культурно-образовательных программ. Важным является то, что в музее проводятся комплексные мероприятия, в которых задействованы все виды культурного наследия и в которые вовлечены разные возрастные категории посетителей – и дети, и взрослые. В рамках поиска новационных форм работы с посетителями в музее реализуется такая технология актуализации этнокультурного наследия, как онлайн-экскурсия, которая позволяет приобщать подрастающее поколение к ценностям культуры. Кроме того, сотрудники музея являются активными участниками внемузейных фестивалей и проектов, актуализирующих этнокультурное наследие коренных народов Севера, проживающих на территории Томской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Направления музейной деятельности // Российская музейная энциклопедия. URL: <http://www.museum.ru/rme/musbis.asp> (дата обращения: 10.09.2014).
2. Экспозиционная деятельность // Российская музейная энциклопедия. URL: http://www.museum.ru/rme/mb_exp.asp (дата обращения: 04.09.2014).
3. Закс А.Б. Экспозиция музейная // Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 355–357.
4. Юренева Т.Ю. Музееоведение : учеб. для высш. шк. М., 2003. 560 с.
5. Культурно-образовательная деятельность музеев // Российская музейная энциклопедия. URL: http://www.museum.ru/rme/mb_cult.asp (дата обращения: 04.09.2014).
6. Полевые материалы автора. Интервью с Макшиной Полиной Викторовной – старшим научным сотрудником Музея искусств народов Севера, с. Каргасок, 2014 г.
7. Мацкевич Е.А. Филиал ОГАУК «ТОХМ» Музей искусств народов Севера с. Каргасок Томской области // Томские музеи. Художественный музей: Материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области». С. 242–244.
8. Полевые материалы автора. Интервью с Барановой Ириной Николаевной – смотрителем Музея искусств народов Севера, с. Каргасок, 2014 г.
9. Мацкевич Е.М. Мартемьянов Иван Константинович // Энциклопедия Томской области. Томск, 2008. Т. 1. С. 414.
10. Мацкевич Е.М. Этнографическая коллекция И.К. Мартемьянова в филиале ОГАУК «ТОХМ» Музей искусств народов Севера с. Каргасок Томской области Томские музеи. Художественный музей: Материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области». С. 244–246.
11. Музей искусств народов Севера. Коллекционная опись № 7. Коллекция этнографических материалов Мартемьянова И.К.
12. Альбом хантыйских орнаментов (восточная группа) / сост. и автор вводной ст. Н.В. Лукина. Томск, 1979. 239 с.
13. Громова Н. Каргаску – 365 лет! // Северная правда. 2004. 8 декабря.
14. Мацкевич Е. Это надо видеть! // Северная правда. 2005. 15 июня.
15. Мацкевич Е. Баю-баошки-баю... // Северная правда. 2007. 9 ноября.
16. Охотники и утки // Северная правда. 2008. 17 сентября.
17. Этюды Севера // Парабельское краеведение. URL: http://kr-parlibrary.ucoz.ru/index/ehtudy_severa/0-10 (дата обращения: 05.09.2014).

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 11 апреля 2015 г.

ETHNIC AND CULTURAL HERITAGE ACTUALIZATION TECHNOLOGY IN THE ART MUSEUM OF THE NORTH (KARGASOK VILLAGE)

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 78–82. DOI: 10.17223/15617793/395/12

Zolotareva Natalya V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Natashik@sibmail.com

Keywords: museum; cultural heritage; exposition work; cultural and educational activities; Vasyugan Khants.

At the present stage of social development trends of cultural universalization make the world community raise issues of preservation, study and actualization of ethnic and cultural heritage. The territory of Western Siberia is especially interesting as it is the heart of traditional culture, and ethnic intellectuals work actively to revive the customs. The indigenous peoples of Western Siberia, inhabiting the Ob River basin and its tributaries including Vasyugan, have their name on the basis of territorial and linguistic characteristics of the Ob Ugres or Khants and Manses. The traditional culture of Vasyugan Khants who reside in the territory of Kargasok, which researchers attribute to the eastern group, is practically lost now. The realities of culture that disappeared from everyday life are concentrated mainly in museums. In this regard, it is important to study the forms of actualization of ethno-cultural heritage, i.e. to involve museum collections in different museum activities addressed to the visitor. The article classifies three areas of museum activities: stock, exposition and cultural and educational work. Stock work includes the acquisition, registration, storage and study of heritage objects. Exposition is one of the basic directions of museum work, the basis of museum communication. According to the modern interpretation, a museum exhibition is a purposeful and evidence-based demonstration of museum objects that are compositionally organized, provided with commentary, decorated technically and artistically, eventually creating a specific museum image of natural and social phenomena. The exposition activity is a basis for the museum's cultural and educational activities implementation. The educational activities of the museum include excursions and lectures, musical and literary salons, nights, museum holidays, project groups and museum centers. On the example of the Art Museum of the North (v. Kargasok), the implementation of various areas of the museum work is examined. It is noted that the museum staff has a positive experience in the development and implementation of thematic expositions of various cultural and educational programs. The composition of the fund and its museum potential were characterized. The practice of innovative work with visitors in the museum was covered. The out-of-museum direction of cultural values transmission was described. It was concluded that the Art Museum of the North plays an important role in preserving and actualizing the ethnocultural heritage of indigenous peoples residing in the territory of Kargasok Area.

REFERENCES

1. *Napravleniya muzeynoy deyatel'nosti* [Spheres of museum activity]. In: *Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya* [Russian Museum Encyclopaedia]. Available from: <http://www.museum.ru/rme/musbis.asp>. (Accessed: 10.09.2014).
2. *Ekspozitsionnaya deyatel'nost'* [Expositions]. In: *Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya* [Russian Museum Encyclopaedia]. Available from: http://www.museum.ru/rme/mb_exp.asp. (Accessed: 04.09.2014).
3. Zaks A.B. *Ekspozitsiya muzeynaya* [Museum exposition]. In: *Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya* [Russian Museum Encyclopaedia]. Moscow, 2001. V. 2, pp. 355–357.
4. Yureneva T.Yu. *Muzeovedenie* [Museology]. Moscow: Akademicheskiy Proekt Publ., 2003. 560 p.
5. *Kul'turno-obrazovatel'naya deyatel'nost' muzeev* [Cultural and educational activities of museums]. In: *Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya* [Russian Museum Encyclopaedia]. Available from: http://www.museum.ru/rme/mb_cult.asp. (Accessed: 04.09.2014).
6. Makshina Polina Viktorovna, senior fellow at the Art Museum of the North, v. Kargasok [Interview], 2014. (In Russian).

7. Matskevich E.A. *Filial OGAKH "TOKhM" Muzey iskusstv narodov Severa p. Kargasok Tomskoy oblasti* [Branch of Regional state autonomous cultural institution "Tomsk Regional Art Museum", Art Museum of the North, v. Kargasok, Tomsk Oblast]. In: Chernyak E.I. (ed.) *Tomskie muzei. Khudozhestvennyy muzey: Materialy k entsiklopedii "Muzei i muzeynoe delo Tomskoy oblasti"* [Tomsk museum. Art Museum: Materials for the encyclopedia "Museums and Museology of Tomsk Oblast"]. Tomsk: Tomsk State University Publ., pp. 242–244.
8. Baranova Irina Nikolaevna, caretaker of the Art Museum of the North, v. Kargasok [Interview], 2014 g. (In Russian).
9. Matskevich E.M. *Martemyanov Ivan Konstantinovich* [Martemyanov Ivan Konstantinovich]. In: Dmitrienko N.M. (ed.) *Entsiklopediya Tomskoy oblasti* [Encyclopedia of Tomsk Oblast]. Tomsk, 2008. Tomsk: Tomsk State University Publ., p. 414.
10. Matskevich E.M. *Etnograficheskaya kolleksiya I.K. Martemyanova v filiale OGAKH "TOKhM" Muzey iskusstv narodov Severa p. Kargasok Tomskoy oblasti* [Ethnographic collection of I.K. Martemyanov in the Branch of Regional state autonomous cultural institution "Tomsk Regional Art Museum", Art Museum of the North, v. Kargasok, Tomsk Oblast]. In: Chernyak E.I. (ed.) *Tomskie muzei. Khudozhestvennyy muzey: Materialy k entsiklopedii "Muzei i muzeynoe delo Tomskoy oblasti"* [Tomsk museum. Art Museum: Materials for the encyclopedia "Museums and Museology of Tomsk Oblast"]. Tomsk: Tomsk State University Publ., pp. 244–246.
11. Art Museum of the North. Collection list no. 7. The collection of ethnographic materials of Martemyanov I.K. (In Russian).
12. Lukina N.V. *Al'bom khantyyskikh ornamentov (vostochnaya gruppa)* [Album of Khanty ornaments (Eastern Group)]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1979. 239 p.
13. Gromova N. Kargasku – 365 let! [Kargasok turns 365!]. *Severnaya pravda*, 2004, December 8.
14. Matskevich E. Eto nado videt! [This is a must see!]. *Severnaya pravda*, 2005, June 15.
15. Matskevich E. Bayu-bayushki-bayu . . . [Lullaby]. *Severnaya pravda*, 2007. November 9.
16. Okhotniki i utki [Hunters and ducks]. *Severnaya pravda*, 2008, September 17.
17. *Etyudy Severa* [Sketches of the North]. Available from: http://kr-parlibrary.ucoz.ru/index/ehtjudy_severa/0-103. (Accessed: 05.09.2014).

Received: 11 April 2015

КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Реалии современного политico-экономического и социокультурного мира актуализируют проблему формирования эффективных моделей взаимоотношений культур. Возможность и успешность коммуникаций обусловливают многочисленные факторы, особое место среди которых занимает идентичность. В рамках данной статьи авторы рассматривают структурные компоненты идентичности, обуславливающие специфику современных коммуникативных практик. Понимание подобной взаимосвязи раскрывает особенности как коммуникативного «поведения» культур, так и принципов сохранения идентичности.

Ключевые слова: идентичность; коммуникативный потенциал; культурная идентичность; коллективная идентичность; кризис идентичности; глобализация.

Обращение к проблеме коммуникативных оснований идентичности приобретает все большую актуальность в свете формирования новой политico-экономической и социокультурной парадигмы XX–XXI вв., поставившей под сомнение устойчивость и стабильность мира. Не последнюю роль в усугублении современных противоречий играют глобализационные процессы. Среди «эффектов» глобализации отмечаются, с одной стороны, повышение обоядной зависимости государств, нарастающая унификация экономических, политических, культурных и других составляющих социокультурной реальности. С другой стороны, усиливаются тенденции, привносящие в гомогенизирующийся мир элементы национально-культурного разнообразия, поддерживающие локальные интересы и стремление к сохранению культурной идентичности любой ценой. Конфигурацию современного мира характеризует множественность локальных культур, нацеленных на сохранение собственной самобытности и утверждение своих ценностей, что зачастую провоцирует межнациональные конфликты. Назрела необходимость осмыслиения процессов коммуникации как основания и способа реализации идентичности, способствующего выстраиванию новых эффективных моделей межкультурных взаимодействий.

Указанную проблему актуализирует также кризис идентичности, представленный в формулировках научного сообщества как формирование множественной, «текучей», утратившей определенность и устойчивые основания идентичности. Коллективную идентичность сегодня определяет «постмодернистская дискредитация всяких традиций и какой бы то ни было идентификации и рациональное идеологическое и / или мифологическое ее оформление в “воображаемых сообществах”» [1. С. 255]. Детерминантами подобной множественной идентичности выступают в первую очередь экономические и geopolитические факторы, объективно способствующие стиранию национальных различий и границ. Вместе с тем ее составляющие не равнозначны, и в конкретной ситуации в контексте определенных «вызовов» идентичность структурируется по иерархическому принципу. На этот важный момент мы обращаем особое внимание, поскольку от того, что составляет основу иерархии, зависят возможность и успешность коммуникации. Из-за превалирования усложненных типов

«транскультурных», «синтетических» идентичностей (как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях) само ядро идентификационных моделей уже не застраховано от несогласованности и несовместимости составляющих его компонентов. В условиях подобной борьбы и соперничества «вопрос о взаимной связи, о сочетании и взаимодействии различных идентичностей становится особенно важным и в социально-научном и в социально-практическом отношении» [2. С. 250].

Само коммуникативное пространство современной культуры претерпевает существенные изменения, знаменующие исчерпанность классической парадигмы межкультурного диалога. Теоретики связывают эти процессы с глобализационным по характеру распространением новейших информационных технологий. «Мощные интеграционные процессы глобализации оказывают влияние на изменение характера диалога между культурами, на структурообразующие компоненты всей системы культуры» [3. С. 10]. Известно, что основанием классической коммуникативной парадигмы являлся диалог между культурами как функционирование разнообразных языков внутри особого коммуникативного пространства – семиосферы (Ю. Лотман), в результате чего происходило взаимообогащение смыслами, ценностями. Сегодня же диалог осуществляется в иных семиотических условиях: внутри агрессивной коммуникационной среды – инфосферы (медиапространства), которая характеризуется как псевдокультурное поле общения по заданным стереотипам, без насыщения смыслами, исключающее взаимную адаптацию [3].

Таким образом, опираясь на ключевое положение о том, что реализация идентичности возможна благодаря процессам коммуникации, авторы статьи нацелены обозначить те ее (идентичности) структурные компоненты, которые определяют специфику современных коммуникативных практик. Осмысливание подобных взаимосвязей необходимо как для построения реальной политики формирования и сохранения идентичности, так и для понимания особенностей коммуникативного «поведения» культур. Специфика современных коммуникаций такова, что усложнение ее форм и количественное увеличение контактов не способствует росту взаимопонимания. Нарушается баланс коммуникативной устойчивости и коммуникативной изменчивости. Стремление сохранить комму-

никативную устойчивость оборачивается повышением коммуникативной агрессии, которую не в состоянии нейтрализовать ни религиозная, ни социальная идентичность. В свете этого исследование коммуникативных оснований идентичности представляет не только теоретический, но и жизненно-практический интерес.

Теоретико-методологическим базисом данного исследования является культурфилософский подход, рассматривающий идентичность прежде всего как культурный феномен. Подобная позиция позволяет обозначить демаркацию интересов с учетом теоретических достижений междисциплинарных проектов, формирующих единую теорию идентичности. Сегодня очевидны достижения ученых в изучении онтологических, социокультурных, экономических, политических основ становления и исторического формирования разнообразных пластов идентичности; в осмыслении ее компонентов («репертуара» идентичности); в выработке разнообразных познавательных форм анализа и т.д. Багаж знаний успешно пополняется за счет постоянно возникающих форм и проявлений идентичности, чему способствует плюрализм жизненных стилей модернизирующегося глобального мира. Любые уровни идентичностей (этнические, профессиональные, конфессиональные, региональные, гендерные и пр.) постоянно расширяют свой типологический спектр, привлекая внимание исследователей [4, 5]. При этом следует заметить, что анализ коммуникативных аспектов формирования и развития идентичности занимает не последнее место в ряду важнейших задач, решаемых отечественной и зарубежной гуманитаристикой.

Определенные ориентиры заданы психологией, изучающей системообразующие принципы идентичности и предложившей ее понимание в контексте свойств психики (Э. Эриксон). Социальные науки, нацеленные, в свою очередь, на исследование общественных контекстов формирования идентичности, пытаются раскрыть механизмы коммуникативных практик. Привлекается внимание к слагаемым идентичности с точки зрения общества и его институтов (профессии, социоэкономического статуса, пола, раны, образовательного уровня и т.д.). Проблемы национальной и культурной идентичности в контексте глобализации подвергаются социологическому и социально-философскому анализу, к примеру, в трудах Л.М. Дробижевой, Н.С. Карабаева, А.Г. Косиченко, М.В. Тлостановой, В.С. Малахова, А.В. Костиной, Н.Н. Федотовой, Е.Н. Шапинской. В рамках конструктивистского направления, сформированного под влиянием идей Н. Лумана, Б. Андерсона, П. Бергера, Т. Лукмана, утверждается невозможность одностороннего процесса идентификации. Его представители рассматривают идентичность в коммуникативном контексте – как то, что сообщается друг другу или воспроизводится исключительно при взаимодействии. Все, что мы знаем о себе, мы знаем от других, утверждает Г. Блумер. Теория символического интеракционизма (Дж. Мид, Б. Лукман, Л. Краппман, Э. Гофман, Г. Горфинкель) акцентирует необходи-

мость анализа микро- и макроуровней социального, позволяющего связать характеристики социальных структур и индивида. Уделяя особое внимание символической (вербализированной и невербализированной) коммуникации, теоретики обращаются к исследованию зависимости способов построения идентичности и самого процесса идентификации от социального пространства и времени, от системы социальных институтов. Научный интерес, таким образом, смещается к вопросам формирования «Я» во взаимодействии с внешним миром [6. С. 129]. Человеческое общество рассматривается состоящим из индивидов, обладающих «личностным Я», конструирующих свое индивидуальное действие при помощи интерпретации и означивания социально-общественных процессов. Таким образом, «групповое или коллективное действие состоит из выравнивания индивидуальных действий при помощи интерпретации и принятием во внимание действий друг друга» [7].

Однако культурфилософский подход в понимании коммуникативных аспектов идентичности задает особый исследовательский ракурс. В первую очередь отметим, что в границах гуманитарного знания в построении теории идентичности учитываются ценностные, смысловые, нормативные и другие факторы, позволяющие переориентировать проблемы идентичности «в сторону понимания уникальности, которую невозможно стало исследовать в рамках естественно-научной ментальности» [6. С. 90]. Определяющую роль в формировании данной научной традиции играют работы Р. Баумайстера, З. Баумана, П. Бурдье, Э. Гидденса, И. Нойманна, Ю. Хабермаса. Во-вторых, среди целого спектра форм, уровней и типов идентичности особое внимание в этом случае уделяется культурной идентичности. Исследование и анализ ее моделей (включающая коллективные и индивидуальные уровни) осуществляется при помощи релевантного культурологического инструментария.

В силу своей изначальной открытости и интегративной природы, включающей национальные, религиозные, социальные составляющие, культурная идентичность к ним не сводится и ими не исчерпывается. В то время как культура, будучи мощным духовным ресурсом, составляет ядро национальной идентичности – культурная идентичность, отражающая приверженность к определенным ценностям, традициям, жизненным стандартам, – в большей степени является результатом личностного, индивидуального выбора. Вместе с тем проявляется и реализуется культурная идентичность в коллективном – национально-культурном формате. В этом, как правило, заинтересовано государство, активно принимающее участие в построении национально-культурной идентичности. «Формируя особое символическое пространство, насыщенное ценностно-смысловым содержанием, закрепляя образы, нормы и стили, передавая мифы и истории, государство интегрирует социокультурное пространство, создавая необходимые условия для социального взаимодействия и личностной самореализации» [1. С. 263]. С учетом того что соотнесение личностного с социальным происход-

дит в общем культурном пространстве – в процессе «социальных коммуникаций посредством обращения через культуру к “своим” и “другим”, поиск общих для конкретного поколения людей ценностей и смыслов» [1. С. 260], – исследования культурной идентичности неизбежно связаны с проблемой взаимоотношений ее коллективных и индивидуальных аспектов. Другим не менее важным направлением, на наш взгляд, является исследование специфики коммуникативного поведения, детерминированного сущностными характеристиками обоих уровней. В данном проблемном контексте культурную идентичность представляется возможным рассматривать в качестве основания успешных / неуспешных коммуникативных практик и коммуникативного потенциала в целом. Наиболее полно отражая баланс индивидуальной и коллективной форм функционирования, культурная идентичность проявляет себя через коммуникативный потенциал культуры, выражающийся в «способности культуры вступать в коммуникации, связи и отношения с другими культурами и развиваться под их влиянием, сохраняя собственную целостность и уникальность» [8]. Таким образом, следует подчеркнуть, что понимание сущности коммуникативных процессов требует обращения к индивидуальной и коллективной формам идентичности.

Однако в то время как индивидуальная идентичность активно осмысляется (в исторически сложившейся традиции психоанализа), проблема коллективной в теоретическом плане остается недостаточно разработанной [6. С. 156]. Под коллективной идентичностью сегодня понимают результат массового (группового) осознания тождества и различий с людьми, включенными в другие общности, проявляющейся в социальной, социокультурной, цивилизационной, этнокультурной, национальной, гражданской, гендерной, профессиональной и других формах [1. С. 257]. Инструментами ее формирования являются: осмысление и трансформация передаваемой из поколения в поколение культурной информации, наделяемой особыми смыслами и обладающей важностью для конкретной социальной группы; разработка технологий передачи рациональных целевых установок; расширение методов регулирования социальных отношений и действий, вступающих во взаимодействие с системой коллективных архетипов, символическим миром культуры, мифами, рождающими соответствующую картину мира, а также ценностными ориентациями, образами, моделями индивидуального и социального поведения [Там же. С. 264]. В качестве особой формы коллективной идентичности рассматривается национально-культурная идентичность, которая базируется на синтезе социальных, культурных, политических идей и ценностей, достигаемом в результате взаимодействия различных конкурирующих моделей идентичности. Представляя собой «интегративный,rationально конструируемый с использованием политических и идеологических механизмов феномен, образующий “культурную скрепу” для проживающей на одной территории коллективной общности» [Там же. С. 256], национально-культурная

идентичность воплощает самобытность и уникальность культурных миров. Ее научно-теоретическое освоение позволяет приобщиться к традициям, ценностным и смысловым нормам в их «узком», конкретном, специфическом для какой-либо культуры формате, воплощающем особенности менталитета или характера нации. Не случайно проблема национальной идентичности как в отечественной, так и в зарубежной литературе в основном представлена как вопрос о национальном характере. Среди компонентов, определяющих национальные отличия, указываются, как правило, общее историческое прошлое, историческая память, пространственно-временные концепты, мифология, религия, общепринятые ритуалы, биосоциальный опыт, система общезначимых моделей-образцов, географическое местоположение и национальное ощущение пространства, преобладающие экономические модели, предрассудки, семейные образцы, порочные и идеальные прототипы, отношения к чужим ценностям и пр. [9].

Расширяя гипотетический ряд форматов культурной идентичности, можно говорить о культурно-цивилизационной, которая определяется базовыми ценностями и принадлежностью к определенному типу цивилизации. Так, принципы уважения к правам личности, свободе, частной собственности и т.д. отличают европейскую цивилизацию. Русский мир, в свою очередь, зиждется на ценностях коллективизма, милосердия, справедливости и т.п. Можно пойти еще дальше и рассматривать «цивилизационно-планетарную» форму идентичности, теоретическую актуализацию которой способно инициировать общение с разумными представителями внеземных цивилизаций.

В любом случае мы обнаруживаем последовательность определяющих культуру идентичностей – от культурно-персональной до культурно-цивилизационной, каждая из которых совмещает объективные и субъективные аспекты и имеет коллективное и индивидуальное измерение. Адекватной метафорой для подобной структуры взаимной детерминации от «меньшего» (персонального) вплоть до «большего» (цивилизационного) уровня идентичности, является, на наш взгляд, образ «матрешки». Все уровни – «вложенные» один в другой – вносят лепту в формирование единой функциональной идентификационной модели. Любая подобная модель культурной идентичности не застрахована от внутренних противоречий, но, тем не менее, обеспечивает уникальность и самобытность сообщества. Этому способствует внутрисистемное ядро, которое задает коллективные и индивидуальные ориентиры, позволяющие субъекту осознавать себя тем, чем он является «по природе» и в действительности: свою национальность, религиозную принадлежность, мироощущение, мировосприятие, систему ценностей, «регион», к которому «принадлежит», и т.д. При этом каждый тип идентичности (национальная, гендерная, профессиональная и др.) не только специфицирован принадлежностью к определенной культуре, но и воплощается на разных уровнях – от микро- до макроуровня. Так, культурно-персональный срез социальной идентичности (кто я в

социуме), дробящийся на микросоциальные формы (семья, работа, друзья) в структуре «матрешки», так или иначе обуславливает макросоциальный уровень воплощения (государство, общество) вплоть до культурно-цивилизационного. Здесь важно понимать следующее: в силу того что проявление идентичности осуществляется в процессе коммуникации, коммуникативные практики, с одной стороны, внутрисистемно детерминированы, с другой стороны, по своему характеру и степени актуализации не тождественны на разных уровнях. Например, если на микросоциальном уровне идентичность проявляется в общении (с коллегами, в семье) постоянно и в устойчивых формах, то макросоциальный уровень реализации идентичности (гражданской) возможен лишь в определенных ситуациях и согласно «своим» принципам коммуникативного взаимодействия.

Если мы говорим о целостной идентификационной культурной модели, в рамках которой устанавливается внутрисистемное разнообразие коммуникативных практик, как внутрикультурных (власть и общество), так и межкультурных (Россия и Европа), то возникает вопрос «веса» или приоритетности влияния типов идентичности, определяющих эти практики на разных уровнях. Тем самым мы оспариваем концепцию «текучей» и утешающей основания идентичности, поскольку предложенная модель «матрешки» демонстрирует систему с устойчивыми параметрами, способными менять свое регулятивно-определяющее значение. Поэтому вместо поиска «исчезающей» идентичности предлагаем более пристальное внимание обратить на ее «работающие» формы (неустранимые ни при каких обстоятельствах), на формы, «симулирующие» свою приоритетность; а также на прочие, опосредованно влияющие на современные коммуникативные процессы. К примеру, на уровне национальной идентичности имеет место ее «коллективизация» («я» меняется на «мы»), т.е. субъектом коммуникации становится квазиколлективный субъект – один, выступающий от имени многих. Однако идентичность персональная (индивидуальная) при этом вовсе не растворяется. Просто меняется уровень коммуникации.

Итак, опираясь на базовое положение о том, что идентичность реализуется и проявляется в коммуникации, мы отстаиваем необходимость исследований ее коммуникативных оснований. В связи с этим возникает вопрос: каковы возможные типы, компоненты и уровни идентичности, принимающие участие в формировании коммуникативного потенциала культуры, соответственно, обуславливающие ее коммуникативные практики? Подводя итоги нашим рассуждениям, мы предлагаем рассматривать культурную идентичность в качестве подобного составляющего компонента, определяющего коммуникативный потенциал культуры и практический характер межкультурных взаимодействий. Являясь результатом индивидуального выбора и реализуясь в коллективном, а именно национально-культурном формате, культурная идентичность, оказывается гарантом уникальности сообщества, включая коммуникативную модель. При этом практические принципы коммуникации (от микро- до макроуровней) обуславливают разнообразные типы идентичностей соответственно своему расположению в общей структуре («матрешке») культурной идентичности.

Подобная теоретическая фокусировка позволяет прояснить причины непредсказуемости реакций культур, обладающих разной степенью коммуникативной устойчивости либо изменчивости, приводящей к потере контроля над межкультурными взаимодействиями в мировом масштабе. Кроме того, можно приблизиться к пониманию внутренних механизмов, обуславливающих как опасное стремление к стабильности за счет ограничения коммуникативного пространства, приводящее к коммуникативной агрессии, так и стремление к трансформативности, таящей угрозу утраты собственной идентичности. Таким образом, исследование коммуникативных оснований культурной идентичности целесообразно в контексте выбора стратегий поведения, строящихся на основе эффективных межкультурных взаимоотношений, позволяющих расширять коммуникативное пространство и сохранять культурную уникальность регионов и этносов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьев О.Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // Вопросы социальной теории: Научный альманах. Человек в поисках идентичности. М., 2010. Т. IV. С. 255–281.
2. Гофман А.Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 241–254.
3. Миронов В.В. Процессы трансформации культуры в глобализирующемся мире: коммуникационный вектор // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2010. № 3. С. 3–25.
4. Большая советская энциклопедия : в 30 т. М. : Советская энциклопедия, 1969–1978. URL: <http://slovari.yandex.ru>
5. Современный энциклопедический словарь. URL: <http://encyclopediaic.slovaronline.com>
6. Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов н/Д : Изд-во Северо-Кавказского науч. центра высшей школы, 1999. 175 с.
7. Блумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология: тексты / под ред. Т.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. М. : Изд-во МГУ, 1984. С. 173–179.
8. Буденкова В.Е., Савельева Е.Н., Зайцева Т.А. Коммуникативный потенциал региональных культур: опыт анализа и развития // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 346. С. 40–45.
9. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. ; общ. ред. А.В. Толстых. М. : Флинта ; МПСИ ; Прогресс, 2006. 352 с.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 16 апреля 2015 г.

COMMUNICATIVE FOUNDATIONS OF IDENTITY: RAISING THE PROBLEM

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 83–87. DOI: 10.17223/15617793/395/13

Savelieva Elena N., Budenkova Valeriya E. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: limi77@inbox.ru; kulturtsu@yandex.ru; soler@front.ru; kulturtsu@yandex.ru

Keywords: identity; communicative potential; cultural identity; collective identity; identity crisis; globalization.

The problem of identity formation and realization in the globalization conditions is discussed in this article. Relevance of this problem is caused by a number of factors. First of all, process of culture globalization promotes formation of a new humanitarian paradigm. Secondly, in the globalization conditions the nature of cross-cultural communication changes: increase in their number does not lead to growth of mutual understanding and respect between subjects. Thirdly, against the background of integrative processes in the economy, politics, social sphere, the aspiration to emphasize one's national, religious, cultural uniqueness is more and more obvious. At the same time, according to many researchers (Z. Bauman, A. Giddens), today identity becomes a "fluid", characterized by "volatility and unfixity". The authors deem that in modern conditions identity, both individual and collective, is most fully manifested in communications. This fact induces to study its communicative foundations. The essence of the proposed approach can be summarized in the following main ideas. First, identity is formed and realized in communication and by means of communication. Among the different levels and types of identity we focus attention on cultural identity. The reason for this focus is that its individual and collective forms play a special role in the formation of communicative models of society. The correlation between the axiological horizon of the national and cultural identity and efficiency (or an inefficiency) of cross-cultural relations is quite obvious to the authors of the article. Second, with all possible changes identity keeps its kernel. As opposed to Z. Bauman's point of view that "identities are more like the spots of crust hardening time and again on the top of volcanic lava which melt and dissolve again before they have time to cool and set", the authors consider that there is a "hard core", connected primarily with personal identity. Third, multiple identities are not a permanent change of identity, but a manifestation of different levels of the whole, including individual and collective forms. All levels of identity (from personal to civilization) are interlinked, responsible for the formation of the basic axiological systems and provide the originality of communities. The authors propose the metaphor "matryoshka", figuratively representing a similar structure of interrelated levels of multiple identities. Special interest in the context of this identification model is a study of the practical principles of communication, namely, the patterns of their formation (from micro- to macro-levels) caused by various types of identities, according to their position in the general structure of "matryoshka". Conflict of identities as a disparity of "matryoshka" dolls generates difficulties in the dialogue. Thus, the study of communicative foundations of cultural identity will help to develop effective strategies for intercultural communication in the modern world.

REFERENCES

1. Astaf'eva O.N. *Restrukturizatsiya i demarkatsiya kollektivnykh identichnostey v usloviyakh globalizatsii: budushchee natsional'no-kul'turnoy identichnosti* [Restructuring and demarcation of collective identities in the context of globalization: the future of national and cultural identity]. In: Reznik Yu.M. (ed.) *Voprosy sotsial'noy teorii: Nauchnyy al'manakh. Chelovek v poiskakh identichnosti* [Issues of social theory: Scientific Almanac. Man in search of identity]. Moscow: Akademicheskiy proekt Publ., Al'ma Mater Publ., 2010. V. IV, pp. 255–281.
2. Gofman A.B. *V poiskakh utrachennoy identichnosti: traditsii, traditsionalizm i natsional'naya identichnost'* [In search of a lost identity: tradition, traditionalism and national identity]. In: Reznik Yu.M. (ed.) *Voprosy sotsial'noy teorii: Nauchnyy al'manakh. Chelovek v poiskakh identichnosti* [Issues of social theory: Scientific Almanac. Man in search of identity]. Moscow: Akademicheskiy proekt Publ., Al'ma Mater Publ., 2010. V. IV, pp. 241–254.
3. Mironov V.V. Culture transformation processes in the globalizing world: communication vector. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*, 2010, no. 3, pp. 3–25. (In Russian).
4. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: v 30 t.* [The Great Soviet Encyclopedia: in 30 v.]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1969–1978. Available from: <http://slovari.yandex.ru>.
5. *Sovremennyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Modern Encyclopedic Dictionary]. Available from: <http://encyclopediaidic.slovaronline.com>.
6. Zakovorotnaya M.V. *Identichnost' cheloveka. Sotsial'no-filosofskie aspekty* [The identity of the person. Social and philosophical aspects]. Rostov-on-Don: Izd-vo Severo-Kavkazskogo nauch. tsentra vysshey shkoly Publ., 1999. 175 p.
7. Blumer H. *Obshchestvo kak simvolicheskaya interaktsiya* [Society as a symbolic Interaction]. In: Andreeva T.M., Bogomolova N.N., Petrovskaya L.A. (eds.) *Sovremennaya zarubezhnaya sotsial'naya psichologiya* [Modern foreign social psychology]. Moscow: Moscow State University Publ., 1984, pp. 173–179.
8. Budenkova V.E., Savel'eva E.N., Zaytseva T.A. Communicative potential of regional cultures: experience of analysis and development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2011, no. 346, pp. 40–45. (In Russian).
9. Erikson E. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity, Youth, and Crisis]. Translated from English by A. Andreeva, A. Prikhodzhan, V. Rivosh, N. Tolstykh. Moscow: Flinta Publ., MPSI Publ., Progress Publ., 2006. 352 p.

Received: 16 April 2015

ПОЭМНЫЕ СОЧИНЕНИЯ Ф. ЛИСТА И Ф. ШОПЕНА: ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЙ АСПЕКТ

Представлена попытка осмыслиения некоторых аспектов так называемых «произведений средней формы», или поэмных произведений Ф. Шопена и Ф. Листа через специфику их исполнения с привлечением таких терминов синергетической парадигмы в социальных науках, как «открытая система», «малые резонансные воздействия», а также эффекта «выразительного распределения времени» («expressive timing»), изучаемого западными учеными-искусствоведами, и предлагаемого в статье явления «потенциальной» программы.

Ключевые слова: поэмность; открытость формы; синергетика; «выразительное распределение времени»; Шопен; Лист; исполнительство.

У музыкантов-исполнителей широко распространено понятие «романтические произведения средней формы». Под ними чаще всего подразумеваются развернутые фортепианные одночастные произведения Ф. Шопена, и немного реже – Ф. Листа (еще реже – других композиторов). В музыковедческих работах эти произведения часто обозначаются как поэмные (см. к примеру, работы Е.М. Царевой).

Понятие поэмности, образованное, видимо, в первую очередь, от листовских симфонических поэм, фигурировало еще в работах Б. Яворского и Б. Асафьева. Причем они понимали под ним не наличие признаков какого-либо стиля или жанра, перенесенных в другой стиль / жанр и т.д., а изначально некий особый внежанровый драматургический признак, больше адресующий к романтической музыкально-философской концепции. Этот признак ученые рассматривают во многих произведениях именно Листа и Шопена и преимущественно в тех самых произведениях средней формы.

Б. Асафьев писал, что поэмность – это особый «метод композиции» [1], а Б. Яворский выдигал поэмность в творчестве Листа и Шопена в качестве основного новаторского принципа, отличающего их стиль от существовавших ранее [2, 3].

В этом смысле поэмность как изначально не привязанный к определенному жанру признак стоит особняком и в противовес сонатности, симфоничности и пр. адресует скорее не к жанру, а к стилю ранних романтиков.

Стоит признать, что именно поэмные сочинения, особенно Ф. Шопена, составляют львиную долю в репертуаре многих пианистов XX в. Мало известных исполнителей, не оставивших в записи баллад Шопена, причем большинство неоднократно исполняли все четыре баллады. Также среди скрипачей мало кто не исполнял сонаты Э. Изай, по сути, являющиеся поэмными сочинениями наряду с одночастными сонатами Листа.

Более того, фортепианное исполнительство, каким мы его знаем, существует (в виде отдельных технических приемов) также благодаря педагогической и исполнительской деятельности Ф. Листа и Ф. Шопена.

При этом поэмность как внежанровый признак остается в музыковедении мало изученной. Более того, поэмность является понятием очень гибким, а материал, на котором она должна изучаться, индивидуализирован, соответственно, сложно выделить основы и сформулировать отдельные принципы поэмности.

Поэмность в исполнительском искусстве, при всей ее значимости для последнего, не изучалась вовсе. Однако исполнительский аспект поэмности помог бы выделить и продемонстрировать ее наиболее существенные признаки и способствовать более точному осознанию этого явления. Так, в зарубежных работах, направленных на изучение исполнительства, часто проясняются и уточняются узко-теоретические вопросы (А. Додсон).

В связи с этим первое, что обращает на себя внимание, это то, что поэмное произведение с точки зрения исполнительства является гораздо более открытым произведением, чем в предыдущие эпохи.

Богатство тонально-гармонических связей, которые могут быть обыграны совершенно по-разному колористически; многообразие подголосков, которые помогают привнести новые смыслы; наконец, узаконенное tempo rubato – все это дает множество степеней свободы для исполнителя.

Термин «открытое» произведение появился здесь не случайно. Открытые системы с вероятностью протекающими в них процессами изучаются в современной синергетике. Синергетическая парадигма в гуманитарных науках, к которой достаточно часто обращаются за рамками музыковедения, дает необходимую перспективу для осмыслиения сложнотипологизируемых явлений, подобных поэмности. Конечно, поскольку синергетика как научный подход зародилась в рамках точных наук, в рамках музыковедения она должна использоваться дозированно и в самом общем виде.

С этой точки зрения стоит отметить, что синергетика – это подход к изучению открытых, самоорганизующихся систем, гибко реагирующих на различные взаимодействия и развивающихся, таким образом, под воздействием различных факторов. В гуманитарных науках особый акцент ставится на те возможности, которые предлагает синергетика при изучении нелинейного развития, т.е. развития, не обусловленного только одной цепочкой причинно-следственных связей и характерного именно для открытых систем.

Бессспорно, синергетика в точных науках имеет свою специфику, и сказанное выше в большей степени опирается на труды по синергетике в искусстве (И.А. Евин, Е.В. Синцов и т.д.). Из этих работ видно, что в осмыслиении явлений искусства синергетика на данный момент, применяемая в виде общих принципов и положений, функционирует правомерно.

Как представляется, и поэмные сочинения удобно рассматривать, используя синергетическую методологию – это значительно упрощает рассмотрение нелинейных, индивидуализированных и сложнотипологизируемых явлений.

Поэмные произведения как произведения «открытые» предоставляют исполнителю большую степень свободы в трактовке, чем произведения предыдущих эпох. Подобная «открытость» «проваоцирует» исполнителя на большее самовыражение.

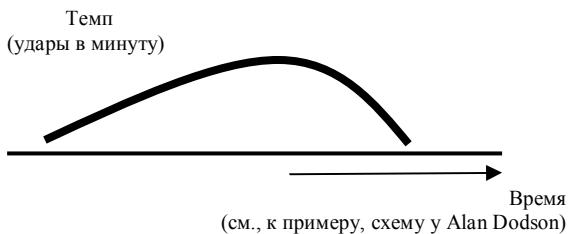
Это качество заложено в самой структуре произведения. В зарубежных работах по исполнительскому искусству давно изучается такое явление, как «expressive timing». Этот термин не имеет аналога в отечественном музыковедении и обозначает неравномерность темпа при выразительном исполнении фразы, как бы «выразительное распределение времени» для исполнения фразы.

Явление выразительного распределения времени, однако, не является новым для российских музыковедов и частично описано в работах, связанных с уточнением романтического *tempo rubato* – самого яркого примера «установленной» возможности выразительного распределения времени. В этой связи часто приводятся рекомендации Шопена о том, что левая рука должна выполнять функцию дирижера, либо метафорическое описание *tempo rubato* Листом. Эти моменты хорошо известны исполнителям.

Стоит подчеркнуть, что самое яркое проявление выразительного распределения времени наблюдается в том типе произведений, которые можно смело назвать поэмными. Это говорит о необходимости углубления в область «выразительного распределения времени» при осмыслиении поэмности и тем более поэмности в исполнительском аспекте.

Простейшим и общим правилом «expressive timing» является правило «фразовой арки». Оно говорит об общей тенденции исполнителей немного ускорять темп с начала фразы до ее кульминационного раздела, а затем немного замедлять его в каденционных построениях.

В общем и целом фразовая арка изображается следующим образом:

Правило фразовой арки было сформулировано на основании изучения «выразительного распределения времени» в рамках предложений, входящих в период классического строения, неразрывно связано с ними, гармонично функционирует там и, очевидно, столь же сбалансировано, как и сами классические периоды.

Однако за пределами фраз простой симметричной структуры выразительное распределение времени становится гораздо более сложным и интересным.

Алан Додсон в своей статье показывает, что в произведениях Шопена, в которых часто нарушается классическая симметричность фраз, правило фразовой арки не прослеживается так явно и является лишь одним из принципов «выразительного распределения времени» [4]. Само же выразительное распределение времени в этом случае не имеет столь обобщенного характера и сильно индивидуализируется в каждом исполнении.

Более того, Додсон показывает, насколько такое индивидуализированное распределение времени может помочь исполнителю гибко передать его ощущение формы фразы. К примеру, оттянуть кадансирование либо, наоборот, начать его раньше, в некоторых случаях даже сформировав своеобразную «квазикоду». И все это благодаря лишь одному «выразительному распределению времени».

Таким образом, если трактовать в синергетическом ключе описанный выше принцип, можно сделать следующие наблюдения. Во-первых, уже одна несимметричность архитектоники фразы делает ее более «открытой», восприимчивой к индивидуальным взглядам исполнителя на произведение. Исполнитель является в данном случае своего рода источником такого важного для синергетики принципа, как «малые резонансные воздействия» на открытую систему исполняемого произведения. Конечно, стоит напомнить, что с точки зрения синергетики это свобода лишь внутри возможного, вероятностного «поля решений».

Во-вторых, синергетическая парадигма предполагает наличие по ходу развития и особых точек ветвления решений (или точек неустойчивости). В данном случае если под развитием понимать развертывание музыкальной мысли, то очевидно, что такими зонами неустойчивости будут являться именно несимметричные фразы и особенно моменты их расширения. То есть произведение «открывается» в моменты отхода от выработанных в классическую эпоху норм, сообщающих ему устойчивость и, если можно так выразиться, сбалансированность.

Если попытаться встать на позицию Листа, то можно отметить, что выразительная сила произведений его современников, особенно Шопена, их эмоциональная глубина, базируются как раз на освобождении от рациональной упорядоченности классических принципов. Лист называл такое качество поэзией. Собственно, от поэзии и образовалось понятие поэмности, поскольку немецкое *dichtung* обозначает стихотворение или, шире, поэзию.

Кроме того, свобода в трактовке архитектоники фразы, как показывает Додсон, позволяет исполнителю передать и его ощущение гармонических функций в точках неустойчивости. К примеру, разбирая отличия в подходах к анализу гармонии в нескольких из шопеновских прелюдий, ученый приводит разные общепризнанные позиции музыковедов-теоретиков. Однако, обращаясь к анализу выразительного распределения времени пианистами, приходит к выводу, что многие исполнители не согласны ни с одной из версий. При этом при помощи «выразительного распределения времени» они однозначно демонстрируют свою трактовку, которую вскрывает Додсон.

Такие примеры неустойчивости и как бы «бимодальности» широко известны в романтической гармонии в целом. То есть сама тонально-гармоническая система, сложившаяся в творчестве и Ф. Шопена, Ф. Листа и многих других композиторов-романтиков, выражает принцип «открытости» произведения, вскрывая точки неустойчивости. По сути, эта позиция с несколько иными акцентами была развита еще Э. Куртом, обосновавшим идею «кризиса романтической гармонии».

Такая «открытость» произведения придает ему ощущение непосредственного выражения психологических переживаний автора. Б. Яворский относил творчество Ф. Листа и Ф. Шопена к «психологической эпохе», для которой, согласно точке зрения ученого, поэмность стала своего рода манифестом.

Поэмность в этом случае индивидуализирует драматургию не только на уровне фразы, а драматургию всего произведения, демонстрируя, что данный, конкретный способ развертывания музыкальных образов – всего лишь один из множества.

Стоит отметить, что, согласно синергетической парадигме, это множество вариантов также является свободой выбора одного пути внутри определенного «поля» решений. Обобщающие принципы для индивидуализированных форм поэмных произведений были сформулированы самим Б. Яворским, а также Л. Мазелем, А. Цуккерманом, Г. Канчели и т.д. Существует даже понятие поэмной формы.

Поэмность в данном случае как бы видоизменяет классическую сонатность. Только сам принцип организации формы, или форма-инвариант, становится более открытой системой, появляются точки неустойчивости – это моменты смены пульсации и более заостренного противопоставления главного и побочного образов. Соответственно, сами принципы композиции становятся более восприимчивыми к индивидуализированному авторскому взгляду, и по пути музыкального развертывания образов более точно угадывается автор.

Впоследствии это свойство «открытости» инварианта формы выразилось в своей крайней степени в «открытых формах» XX в., правда, придавая произведениям несколько иные свойства.

Когда речь идет о поэмных сочинениях, стоит отметить, что одним из самых изучаемых моментов этого музыкального пластика является программность. Явлению программности посвящено большое количество исследований и создано достаточно много обоснованных классификаций. В исследованиях, посвященных музыкальным поэмам, программность позиционируется как основной их признак.

Объединяя под один знаменатель с точки зрения программности произведения Ф. Листа и Ф. Шопена, следует остановиться не столько на важности этого свойства, о чём уже много написано, сколько на ключевых моментах в понимании программности как особого свойства творчества обоих композиторов.

Вообще для поэмной программности свойственна разная степень выраженности. И если программность в произведениях Листа не вызывает сомнений, то о

программности в шопеновских пьесах принято в основном говорить как о программности «скрытой» (термин Ю. Тюлина) либо как «полупрограммности» (термин В. Холоповой).

Современники Шопена, однако, часто пишут об отголосках тех ощущений, которые композитор вложил в свои пьесы и которые, видимо, не в последнюю очередь по причине интравертивности его натуры и творческого характера не были высказаны прямо в названии или программном заголовке. Эта непроявленность программных импульсов композитора хорошо описана у А. Михаловского на примере сопоставления образов «кабака» и «салона» в одной из мазурок, о котором говорил сам Шопен, не конкретизируя причину рождения этих ощущений [5. С. 138].

Лист же, с характерной для него экстравертивностью², напротив, часто сам формулировал впечатления, созвучные тому или иному произведению, иногда предпосылая их нотному тексту (как, например, в фантазии-сонате «По прочтении Данте»), иногда оставляя за рамками (как в сонате h-moll). При этом обращает на себя внимание неконкретность этих указаний. Что именно должно было происходить в душе композитора после прочтения Данте, или каким образом связана долина Обермана с далеко не пасторальной по своему характеру пьесой, имеющей также целый ряд совершенно различных по своему характеру поэтических эпиграфов?

Ясно, что если не акцентировать различность характеров самих композиторов, то в целом программность в их фортепианных сочинениях может быть трактована в одном ключе. Основным свойством ее будет «потенциальность» любых предположений о связях внемузыкальных образов с музыкальной драматургией.

При дальнейшем уточнении этого типа программности оправдано применение новых для этой области синергетических терминов «малые резонансные воздействия» и «открытые системы», достаточно точно отражающих необходимую специфику явления.

Эффект малых резонансных воздействий точно передает процесс воздействия внемузыкальных импульсов на драматургию музыкального произведения, которая гибко реагирует на эти воздействия именно благодаря «открытости» структуры инварианта поэмной формы. Благодаря этому эффекту программность угадывается в ходе развития музыкальных образов, но всегда лишь потенциально и не может быть прямо идентифицирована с ним.

По тому же принципу программные импульсы воздействуют и на восприятие произведения исполнителем, что может существенно влиять на конечный результат.

Поразительным является тот факт, что, возможно, как раз эти взаимодействия исполнителя с программой как бы переводят произведения подобного типа в разряд не программной, а «чистой музыки», напрямую выражаящей импульсы интуитивно-эмоциональной сферы, которые становятся сложноформулируемыми вербально и трудно сравнимыми с любыми другими образами. Напротив, отсутствие про-

граммы в произведениях «абсолютной музыки» позволяет исполнителю предложить достаточно убедительную потенциальную программу.

Конечно, этот вопрос требует дополнительного отдельного изучения. Для конкретизации идеи приведем в качестве примера мастер-класс М. Венгерова (<http://www.youtube.com/watch?v=Wpp7oxrBUq0>). В нем музыкант, занимаясь с учениками, часто прибегает к метафорическим сравнениям для конкретизации замысла, который предлагает вложить в произведение. И в главной партии скрипичного концерта Моцарта предложенный образ появления королевы во время бала достаточно гибко и поразительно точно передавал многие интонационно-драматургические повороты музыки.

Для изначально предполагающей некую степень нарративности романтической сонаты-баллады Э. Иззи, напротив, были предложены «локальные» неизобразительные образы, помогающие передать лишь характер отдельных интонаций (например, образ «удара в боксе»). Очевидно, что при этом сами внемузыкальные образы, если их воспринимать даже как потенциальную программу, вступили бы в диссонанс со звучащей музыкой, и потому используются только некоторые ощущения, свойственные им. Для бокса это акцентируемый М. Венгеровым стремительный выплеск энергии, который в данном случае выполняет функцию заменяющего программность «общего эмоционального знака».

В целом можно констатировать, что музыкальный образ в поэмных произведениях, как это ни противоречит их принятому программному истолкованию, «сопротивляется» привлечению любых внемузыкаль-

ных элементов в рамках экстрамузыкальной семантики. А возможные взаимосвязи могут быть выстроены лишь в рамках более отвечающей принципу синергетических «малых резонансных воздействий» семантики интрамузыкальной.

Такое понимание программности может быть осмыслено как болееозвучное листовскому обозначению поэтичности в музыке. Ведь под поэтичностью композитор понимал обращение к эмоционально-волевой сфере и уход от рационального начала, свойственного в большей степени для классического метода композиции.

Индивидуализированность драматургии поэмных сочинений Ф. Листа и Ф. Шопена, таким образом, не может быть исчерпана особенностями потенциальной программы, которую имел в виду композитор. А более яркое присутствие потенциальной программности является скорее следствием «открытого» инварианта поэмной формы, более чувствительного к «малым резонансным воздействиям».

В целом синергетический подход позволяет зафиксировать разные уровни проявления рассмотренных принципов в исполнительском творчестве, отталкиваясь, во-первых, от эффекта «выразительного распределения времени», проявляющегося в строении фраз, в гармонической пульсации, а во-вторых – от своеобразной трактовки программности. Открытость «романтических произведений средней формы», по сравнению с опусами предшествующих эпох, обнаруживает достаточно тесные связи с поэмностью, если ее трактовать как один из композиционно-драматургических ориентиров в творчестве Ф. Листа и Ф. Шопена.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В данном случае это также синергетический термин, отражающий возможность трактовки гармонического оборота с точки зрения принадлежности к двум разным функциям, а иногда и тональностям.

² Разумеется, мы не считаем, что различия в понимании программности должны быть полностью сведены к различиям социологических типов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асафьев Б. О симфонической и камерной музыке. Л. : Музыка, 1981. 216 с.
2. Яворский Б. Избранные труды. Т. 2, ч. 1. М. : Советский композитор, 1987. 366 с.
3. Яворский Б. Прелюд. Поэма (рукопись) // ГЦММК им. М.И. Глинки. Ф. 146.
4. Dodson A. Expressive timing in expanded phrases: an empirical study of recordings of three Chopin preludes. URL: [http://mpr-online.net/Issues/Volume%204%20\[2011\]/Dodson.pdf](http://mpr-online.net/Issues/Volume%204%20[2011]/Dodson.pdf)
5. Как исполнять Шопена. М., 2005. 236 с.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 29 марта 2015 г.

POEM PIECES OF F. CHOPIN AND F. LISZT: PERFORMANCE ASPECT

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 88–92. DOI: 10.17223/15617793/395/14

Shaposhnikov Ivan A. Glinka Novosibirsk State Conservatory (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: shaposhnikovi@mail.ru

Keywords: poem nature; open forms; synergy; expressive timing; Chopin; Liszt; performance.

The article describes the performing aspect of poem works by Liszt and Chopin. Musicologists consider this type of works as one of the most significant for the style of early Romantics, as its poem nature accumulates new features that differ Liszt's and Chopin's works from those created by other composers of preceding epochs. Poem works are the most often performed works and this fact shows their great importance for performance. The concept of poem nature probably appeared in Liszt's symphonic poems as well as in B. Asafiev's and B. Yavorsky's works. The concept indicates not only signs of a style or a genre, transferred to a different style or genre, but an original dramatic sign which sends us to romantic musical and philosophical concepts. Scientists see this feature in many Liszt's and Chopin's works, and mainly in the so-called "works of a medium form". In this article, the concept of poem nature in music is interpreted according to these positions. With the help of synergistic methodology, the article discusses some features of the poem works performance and its relationship with the main poem principles. First of all, the article deals with expressive timing

which reveals such a feature in the construction of phrases as emphasis in synergistic “points of instability”, produced by harmony and structure. Through these zones a performer influences images in his/her work, which are source of a “small resonant action”. The synergistic concept “open system” is proposed in this article. It displays features of the architectonics of phrases in poem works and dramaturgy individualization of the whole work, which is the key feature of poetic character from the point of view of B. Asafiev and B. Yavorsky. The author then considers the program nature in poem works as potential extramusical images. Also, the research deals with the concept “potential program” which is reinterpreted in the performance as intramusical semantics in poem works. This understanding of program nature can be thought as more consonant with Liszt’s designation of poetry in music, which is also discussed in the article. All the mentioned principles of poem works are observed in terms of their performance. The basis of the analysis is in the statistical data already studied both in western researchers’ works and in specific spoken recommendations made by popular artists that can be heard at master classes.

REFERENCES

1. Asaf'ev B. *O simfonicheskoy i kamernoy muzyke* [On the symphonic and chamber music]. Leningrad: Muzyka Publ., 1981. 216 p.
2. Yavorskiy B. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: Sovetskiy kompozitor Publ., 1987. V. 2, pt. 1, 366 p.
3. Yavorskiy B. *Prelyud. Poema* [Prelude. Poem]. (Manuscript). The State Central Museum of Musical Culture named after Glinka. Fund 146.
4. Dodson A. *Expressive timing in expanded phrases: an empirical study of recordings of three Chopin preludes*. Available from: [http://mpr-online.net/Issues/Volume%204%20\[2011\]/Dodson.pdf](http://mpr-online.net/Issues/Volume%204%20[2011]/Dodson.pdf).
5. Zasimov A.V. *Kak ispolnyat' Shopena* [How to perform Chopin]. Moscow: Klassika-XXI Publ., 2005. 236 p.

Received: 29 March 2015

ИСТОРИЯ

УДК 327(470+574) (092) «20»

M.O. Абсеметов

В.И. ВЕРНАДСКИЙ В КАЗАХСТАНЕ (ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ РОССИИ И КАЗАХСТАНА)

Академик Владимир Иванович Вернадский (1863–1945) известен как ученый естествоиспытатель, мыслитель и общественный деятель, организатор научных школ. В 1941–1943 гг. во имя судьбы в составе советских ученых был эвакуирован в Казахстан, в живописную курортную местность Боровое. В эвакуации академик закончил первый том своей книги «Химическая структура биосфера и ее окружения» «О состоянии пространства в геологических явлениях Земли как планеты. На фоне роста науки XX столетия», а также занимался вопросами истории науки.

Ключевые слова: Россия; Казахстан; Боровое; ноосфера; биосфера.

Россию и Казахстан связывает не только общая граница, которая является самой длинной в мире (7,5 тыс. км), но и крепкие братские связи с древних времен. В Казахстане в разные времена жили и создавали свои труды Александр Фридрих Гумбольдт, Алексей Ираклиевич Левшин, Федор Достоевский, Тарас Шевченко, Владимир Вернадский, Леонид Чижевский, Лев Гумилев и многие другие.

Владимир Иванович Вернадский, национальный гений России, является также вдохновителем науки и научных идей Казахстана. Его яркая и активная работа в Казахстане в период эвакуации 1941–1943 гг. послужила толчком для создания Национальной Академии наук республики. Научные изыскания академика в сфере ноосферы «материализовались» в идею превращения Казахстана в центр космических исследований. Казахский Байконур усилиями советских ученых по праву считается главной космической гаванью планеты Земля. На казахской земле поконится прах любимой супруги и верной спутницы академика Натальи Егоровны Старицкой, с которой он прожил 56 лет «душа в душу, мысль в мысль».

Вернадский с юных лет наряду с естественными науками проявлял огромный интерес к истории родного края, в частности к древностям Украины. Каменные изваяния кипчакских ханов, доставленные Владимиром Ивановичем Вернадским в Полтавский музей, и по сей день представлены как памятники истории Половецкой (Кипчакской) орды на земле Украины [1. С. 61]. Сын Вернадского, Григорий Владимирович, унаследовал от отца тягу к истории Киевской Руси и посвятил свою жизнь изучению истории Евразии. Интерес В.И. Вернадского к истории Украины и Востока возник в ранние годы, в семейной атмосфере, а также благодаря его дружбе с яркими представителями восточной философии братьями Ольденбургами и с великим украинским тюркологом, одним из основателей российской тюркологии Агафонгелом Ефимовичем Крымским.

В 1888 г. у известного немецкого профессора Пауля Грота, в его Мюнхенской лаборатории кристаллографии, наряду с В.И. Вернадским, проходили практику представители разных стран, в том числе и казах Салимгерей Жантурин (выпускник физико-матема-

тического факультета Московского университета) [Там же. С. 56]. Примечательный факт, что членом Центрального Комитета Конституционно-демократической партии, наряду с академиком В.И. Вернадским, на Учредительном съезде кадетов был избран и лидер казахского народа, ученый-естественноиспытатель, член Императорского Русского географического общества, депутат I Государственной Думы Алихан Букейханов, последний казахский султан, прямой потомок ханов Золотой Орды. За свою подпись под обращением к царю – «Народу – от народных представителей», известным более как «Выборгское воззвание», одним из авторов которого был В. Вернадский, А. Букейханов в числе 200 депутатов I Государственной Думы был подвергнут преследованию [2. С. 545; 3].

Деятельность В. Вернадского в первой половине XX в. тесно переплетается со Средней Азией и Казахстаном. В поисках радио маршруты В. Вернадского проходят через Казахстан, Узбекистан и Киргизию. В 1916 г., в путешествии по Алтаю, он посещает рудник Риддер и г. Семипалатинск. Здесь Вернадский встречается с известными людьми города, знакомится с работой Семипалатинского географического общества, восторгается богатой минеральной коллекцией, а также интересуется творчеством казахского поэта и просветителя Абая Кунанбаева [4. С. 17].

В.И. Вернадский, ранее посетивший очаги культуры Средней Азии и Казахстана – Самарканд, Ташкент и Коканд – родину Авиценны, аль-Фараби, Ходжа Ахмеда Яссави, Бируни и Улугбека, обращает особое внимание на развитие науки и образования в азиатской части России. 19 февраля 1919 г. он выступает с докладом «Задачи науки в связи с государственной политикой в России». Вернадский констатирует, что «Россия по своей истории, этническому составу и по своей природе – страна не только Европейская, но и Азиатская». Большая часть ее территории находится в Азии, и одной из важнейших задач русской государственности должно стать ее участие в возрождении Азии. «Для этого необходимо не только предоставление широкой возможности молодежи Азии (русской и зарубежной) участия в высших школах и институтах Европейской России, но мощное развитие соответ-

ствующих государственных учреждений в России Азиатской... Русская Азия должна быть возможна быстро покрыта государственной сетью высших школ и научных учреждений» [5. С. 115].

4 августа 1919 г. В.И. Вернадский принимает участие в заседании организационного собрания Туркестанского научного общества по вопросу открытия в г. Ташкенте высшего учебного заведения [6. С. 260]. Ташкент исторически считался родным городом как для узбеков, так и для казахов. В 1920 г. декретом СНК РСФСР за подпись В.И. Ленина на базе Народного университета был создан Туркестанский государственный университет – первое высшее учебное заведение Средней Азии и Казахстана.

В 20–30 гг. XX в. В.И. Вернадский активно трудится по вопросам радия, создания Урановой комиссии. Надо отметить, что еще в декабре 1921 г. учеником Вернадского В.Г. Хлопиным был получен первый русский радий из ферганской руды. В январе 1922 г. по инициативе В.И. Вернадского в Петербурге создается Радиевый институт. Идет плодотворная работа по созданию сырьевой базы не только на Урале и Забайкалье, но и в Казахстане. Академика В.И. Вернадского связывает крепкая дружба с известным советским ученым-геологом, первым президентом Академии наук Казахской ССР Канышем Имантаевичем Сатпаевым [7. Л. 20]. По призыву В.И. Вернадского, заместителя председателя Урановой комиссии АН СССР, казахстанские ученые ведут активные поиски урана, энергии будущего. У истоков советского атомного проекта стоит В.И. Вернадский, рано осознавший огромные перспективы использования атомной энергии. Первая атомная бомба СССР успешно прошла испытание 29 августа 1949 г. в Казахстане на Семипалатинском полигоне. Надо отметить, что в настоящее время Казахстан занимает одно из лидирующих мест в мире по запасам урана. В 1991 г. по инициативе Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева были прекращены атомные испытания и свернуты работы в г. Курчатове. Эти инициативы современного Казахстана как бы перекликаются с предостережением В.И. Вернадского о разумном использовании атома: «Сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить ее на добро, а не на самоуничтожение?» [8. С. 2].

Начало Великой Отечественной войны застало В.И. Вернадского в подмосковном академическом санатории «Узкое», где он отдыхал вместе с женой Натальей Егоровной. 9 июля 1941 г. Владимир Иванович с группой академиков выехал в Москву. 16 июля 1941 г., по решению руководства страны, В.И. Вернадский с группой академиков был эвакуирован в Казахстан, на курорт Боровое. Вместе с ним были жена Наталья Егоровна, личный секретарь академика Анна Дмитриевна Шаховская и др. Курорт Боровое, расположенный в двухстах километрах от столицы Казахстана – Астаны – называют Жемчужиной Евразии, или Казахстанской Швейцарией. Еще в далеком 1938 г. на всемирном конкурсе в Нью-Йорке Боровое было признано одним из красивейших оздоровительных курортов мира [9. С. 9; 10]. Вернадских очаровала девственная природа Борового – это хру-

стальный воздух, напоенный разнотравьем, красивые и живописные гранитные скалы, хвойные леса, танцующие березы и зеркальные озера. Знакомство с культурой и бытом казахского народа поразило Владимира Ивановича, с глубиной произошедших здесь изменений.

В своем дневнике В.И. Вернадский записывает: «...кончил книгу “Казахстан” – XX лет Казахской ССР. Алма-Ата, 1940. Я ясно почувствовал глубину и силу большевиков на этом примере. Здесь революция еще глубже, чем у нас: сметен тот эксплуататорский слой (бай), который царил. Лицо народа изменилось. Прежние батраки идентично сознательно создают новое общество... Создалась и литература, и новые музеи, и новый театр – огромный сдвиг» [11. С. 36–37].

«Здесь очень красивые и интересные места, – отмечает Владимир Иванович в письме к Е.Д. Ревуцкой, – никогда не думал, что судьба даст мне возможность проехать так далеко в глубь Сибири и реально увидеть то огромное изменение, которое произошло здесь за советское время. Сделано очень много. Край, несомненно, неизвестен» [12. Л. 46].

Природа и климат, регулярные прогулки на свежем воздухе, организованный быт и врачебный надзор стали основными факторами работоспособности 80-летнего академика. В газете «Акмолинская правда» от 14 июня 1942 г. была напечатана небольшая корреспонденция «Академик Владимир Иванович Вернадский в Боровом». В ней, в частности, сообщалось: «Ученый продолжает непрерывно работать. Здесь, в Боровом, он закончил первый том своего нового труда “Химическая структура биосфера и ее окружения” и продолжает работу над вторым томом. Этот труд имеет большое научное и практическое значение» [13. С. 2].

«Главная книга» жизни, как ее назвал ученый, должна была закончиться главой, посвященной ноосфере, т.е. тому новому эволюционному состоянию, в которое вступает биосфера – земная оболочка, охваченная жизнью. Однако, чувствуя, что он не успеет изложить свои идеи о ноосфере в том объеме, как было задумано, Владимир Иванович изложил основные положения в небольшой статье «Несколько слов о ноосфере». Он закончил писать ее 21 июля 1943 г. В дни эвакуации Владимир Иванович активно трудится в Академическом центре, а также уделяет большое внимание вопросам истории науки. К таким трудам относится и статья «Гете как натуралист». В своих дневниках Вернадский пишет: «Сегодня, в воскресенье 27.IX.1942, – доклад Князева (директора архива АН СССР) об истории Академии наук. Мне пришлось председательствовать. Глохну и плохо вижу...» [11. С. 348].

В Боровом в 1943 г. Владимир Иванович написал работу «О состоянии пространства в геологических явлениях Земли как планеты. На фоне роста науки XX столетия». Весной 1943 г. по просьбе Президента Украинской АН А.А. Богомольца В.И. Вернадский пишет статью, посвященную 25-летию Украинской Академии наук. Она называлась «Из воспоминаний. Первый год Украинской Академии наук».

В последние годы жизни у академика было намерение запечатлеть, как он выражался, «пережитое и передуманное». В Боровом Владимир Иванович вместе с женой Натальей Егоровной в свободное от основных занятий время подбирает материалы для составления хронологии своей жизни. 9 ноября 1943 г. В.И. Вернадский закончил работу над специальной запиской на имя президента Академии наук СССР В.Л. Комарова «Об организации научной работы». Вскоре академик вновь обращается в Президиум Академии наук с письмом, в котором обосновывает и дополняет ряд положений, высказанных ранее в записке на имя В.Л. Комарова. Новая записка называлась «О задачах Академии наук СССР в связи с быстрым восстановлением после разрушения, нанесенных варварским нашествием Германии и ее союзников в 1941–1943 гг.».

Занимаясь фундаментальными исследованиями и организационными вопросами, В.И. Вернадский в то же время следил за работой своих многочисленных учеников и сотрудников, поддерживая с ними регулярную переписку. Круг корреспондентов у академика был обширным, а темы переписки касались самых разнообразных научных вопросов, во многом тесно связанных с его текущими научными делами. Формально у него было около двух тысяч корреспондентов и более трехсот иностранных. Владимир Иванович в Боровом, как и раньше, мужественно, не считаясь с соображениями собственной безопасности, вставал на защиту репрессированных ученых. Не раз он обращался по этому поводу в самые высокие инстанции.

В феврале 1943 г. Владимира Ивановича постигло несчастье – он потерял жену Наталью Егоровну. Немногим больше, чем через месяц после смерти жены, 12 марта, Владимиру Ивановичу исполнилось 80 лет. За многолетние выдающиеся работы в области науки и техники он был удостоен Сталинской премии первой степени, а за большие заслуги в развитии геохимии и генетической минералогии награжден орденом Трудового Красного Знамени. В приветственном адресе академического коллектива говорилось: «Ваше научное творчество охватывает почти целую Академию: кристаллограф, минералог, химик, биолог, историк науки – Вы в каждой из этих дисциплин создали нечто новое, своеобразное, возбуждающее пытливость исследователя... Мы преклоняемся перед Ва-шим непоколебимым оптимизмом...» [14. С. 370].

В Москву Владимир Иванович вернулся в конце августа 1943 г. В возрасте почти 82 лет ученый все еще продолжал работать. С осени 1944 г. здоровье Владимира Ивановича стало резко ухудшаться. 6 января 1945 г. он скончался.

«Великолепный образчик величавости, сосредоточенности уверенной мысли, – писал после смерти В.И. Вернадского врач курорта Боровое Сергей Георгиевич Бражников, – Владимир Иванович вызывал в каждом, кто приходил в соприкосновение с ним, чувство уважения и восхищения. Скромный, тихий, по-своему прекрасный, он стоит, как живой, в моем воображении, как представитель некого лучезарного Граала, и я вижу его глаза, ясные, по-детски чистые, похожие на спокойные горные озера, отражающие беспредельную лазурь раскинувшихся над ними небес. Мне кажется, что к нему больше, чем к кому-либо другому, применимо великолепное определение древних: “esse homo” в смысле воплощения высоких духовных качеств человека созерцательного и творящего высшие ценности жизни...» [15. С. 52].

В ходе коренного перелома советские войска перешли в масштабное контрнаступление по всем фронтам. И к осени 1944 г. около двухсот эвакуированных академиков, составляющие цвет советской науки, а также их семьи стали покидать курорт Боровое. В прощальном письме, которое ученые послали 21 августа 1944 г. Председателю Президиума Верховного Совета Казахской ССР тов. Казакпаеву, говорилось: «Покидая после трехлетнего пребывания в Боровом пределы Казахстана, академический коллектив приносит искреннюю признательность Правительству Казахской ССР за гостеприимство, которым наш коллектив пользовался в течение этого времени. Мы уносим самые лучшие воспоминания о Казахстане и его народе, который, рука об руку с другими братскими народами Союза, доблестно защищает нашу Родину от фашистских варваров. Многие из нас, в бытность, в Боровом, в 1941–1944 гг. и ранее, работали над исследованиями природы Казахстана, его ресурсов и этнографии казахского народа, и мы рады будем и впредь способствовать изучению Вашей прекрасной страны. Желаем дальнейшего процветания!» [16. Л. 30 об.]. В этом послании нет подписи академика В.И. Вернадского, но его дух присутствует, ведь неслучайно он предсказал казахскому народу счастливое будущее под мирным небом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Владимир Вернадский: Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков / сост. Г.П. Аксенов. М. : Современник, 1993.*
2. *Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии (1915–1920 гг.) : в 6 т. М. : РОССПЭН, 1998. Т. 3.*
3. *Бүкейханов А. Избранное (на казах. яз.). Алма-Ата : Казахстан, 1994.*
4. *Герасимов Б. Двадцатипятилетие Семипалатинского Отдела Государственного Русского Географического общества. 1902–1927 гг. Кзыл-Орда : Издание Общества изучения Казахстана, 1927.*
5. *Вернадский В.И. Фотоальбом / сост. В.С. Неаполитанская ; авторы текста Г.П. Аксенов, В.С. Неаполитанская. М. : Планета, 1988.*
6. *Вернадский В.И. Ученый. Мыслитель. Гражданин. Труды ученого и литература про него из фондов Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского: Библиогр. указатель / НАН Украины. НБУВ ; сост. Л.В. Беляева, Л.С. Новосёлова и др. ; науч. ред. В.Ю. Омельчук. Киев, 2003.*
7. *Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 2057. Оп. 1. Д. 1745 (архив академика К.И. Сатпаева).*
8. *Вернадский В.И. Очерки и речи. Вып. 1. Пг. : Науч. хим.-тех. изд-во, 1922 (предисловие).*
9. *Панорама советских курортов, экспонируемых на международной выставке в Нью-Йорке. Снимки видов Сочи, Кисловодска и Борового // Медицинский работник. 1939. № 45.*

10. Фотосписок панорамы курорта Боровое в павильоне СССР на выставке в Нью-Йорке. 1939. № 7. 10 апреля.
11. Вернадский В.И. Дневники. Июль 1941 – август 1943 / сост. В.П. Волков. М. : РОССПЭН, 2010.
12. Архив Российской академии наук. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1360 (письмо к Е.Д. Ревуцкой 14 августа 1941 г.).
13. Акмолинская правда. 1942. 14 июня.
14. Мочалов И.И. Владимир Иванович Вернадский (1863–1945). М. : Наука, 1982.
15. Бражников С.Г. Воспоминания об академиках, проживавших в дни Великой Отечественной войны в Боровом. Рукопись. М., 1947.
16. ЦГА РК. Ф. Р-1109. Оп. 3. Д. 105.

Статья представлена научной редакцией «История» 19 апреля 2015 г.

V.I. VERNADSKY IN KAZAKHSTAN (FROM THE HISTORY OF SCIENTIFIC CONNECTIONS OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN)

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 93–96. DOI: 10.17223/15617793/395/15

Absemetov Marat O. National Archive of the Republic of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan). E-mail: keden-kz@mail.ru

Keywords: Russia; Kazakhstan; Borovoe; noosphere; biosphere.

Academician Vladimir Ivanovich Vernadsky (1863–1945) is a well-known scientist and naturalist, the founder of biogeochemistry science as well as a thinker and a public figure. During the evacuation to Kazakhstan of 1941–1943 his active work impacted the creation of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. His scientific research of noosphere in whole was materialized in the idea of Kazakhstan transformation to the space research center. Nowadays, Kazakhstan Baikonur is deservedly considered the main space harbor of the planet Earth. In the first half of the 20th century V.I. Vernadsky worked closely with Central Asia and Kazakhstan. Thus, while looking for radium, V.I. Vernadsky moved across Kazakhstan, Uzbekistan and Kyrgyzstan. In 1916, while journeying through Altai, he visited the Ridder mine and the Semipalatinsk town. Here Vernadsky met the well-known people of the city and got acquainted with the work of Semipalatinsk Geographical Society, also he admired a rich mineral collection and was interested in the works of the Kazakh poet and educator Abay Kunanbayev. V.I. Vernadsky made friends with Kanysh Imantayevich Satpayev, a famous geologist and the first President of Academy of Sciences of the Kazakh SSR. V.I. Vernadsky called on Kazakhstan scientists to make active search of uranium as the energy of the future. On July 16, 1941, the government decided to evacuate the group of academicians including V.I. Vernadsky to the Borovoe resort, Kazakhstan. He was accompanied by his wife Natalya Egorovna as well as his personal secretary Anna Dmitriyevna Shakhovskaya and others. In the evacuation period Vernadsky actively worked in the Academic Center and also gave special attention to the science history questions. The article “Gete kak naturalist” (“Goethe as a Naturalist”) is one of such works written at that time. In 1943, still in Borovoe, he wrote the work “O sostoyanii prostranstva v geologicheskikh yavleniyakh Zemli kak planety. Na fone rosta nauki XX stoletiya” (“On the condition of space in the geological phenomena of the Earth as a planet. Against the 20th-century science progress”). Working on fundamental research and organizational issues, V.I. Vernadsky kept a close watch on the works of his numerous pupils and collaborators, keeping up regular correspondence. He was awarded with the Stalin Award of the First Degree for his outstanding works in the field of science and technology, as well as with the Labour Red Banner Order for great service in the development of geochemistry and genetic mineralogy. At the end of August, 1943, Vladimir Ivanovich returned to Moscow. At the age of nearly 82, the scientist still kept working. He died on January 6, 1945.

REFERENCES

1. Aksenov G.P. *Vladimir Vernadskiy: Zhizneopisanie. Izbrannye trudy. Vospominaniya sovremenников. Sushdeniya potomkov* [Vladimir Vernadsky: The Biography. Selected works. Memories of his contemporaries. Judgments of the descendants]. Moscow: Sovremennik Publ., 1993. 688 p.
2. *Protokoly Tsentral'nogo Komiteta konstitutsionno-demokraticeskoy partii (1915–1920 gg.): v 6 t.* [Minutes of the Central Committee of the Constitutional Democratic Party (1915–1920.): in 6 v.]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1998. V. 3.
3. Bukeykhanov A. *Izbrannoe* [Selected works]. Alma-Ata: Kazakhstan Publ., 1994. (In Kazakh).
4. Gerasimov B. *Dvadtsatipyatiletie Semipalatinskogo Otdela Gosudarstvennogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva. 1902–1927 gg.* [Twenty-five years of the Semipalatinsk State Division of the Russian Geographical Society. 1902–1927]. Kyzyl-Orda: Izdanie Obshchestva Izucheniya Kazakhstana Publ., 1927.
5. Neapolitanskaya V.S. *Vernadskiy V.I. Fotoal'bom* [V.I. Vernadsky. Photo album]. Moscow: Planeta Publ., 1988. 239 p.
6. Omel'chuk V.Yu. (ed.) *Vernadskiy V.I. Uchenyy. Myslitel'.* *Grazhdanin. Trudy uchenogo i literatura pro nego iz fondov Natsional'noy biblioteki Ukrayiny imeni V.I. Vernadskogo: Bibliogr. ukazatel'* [V.I. Vernadsky. Scientist. Thinker. Citizen. Proceedings of the scientist and literature about him from the collections of the National Library of Ukraine named after V.I. Vernadsky: Bibliography Index]. Kiev, 2003. 260 p.
7. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 2057. List 1. File 1745 (Archive of Academician K.I. Satpayev).
8. Vernadskiy V.I. *Ocherki i rechi* [Essays and speeches]. Petersburg: Nauch. khim.-tekh. izd-vo Publ., 1922. Is. 1.
9. Panorama sovetskikh kurortov, eksponiruemykh na mezhdunarodnoy vystavke v N'yu-Yorke. Snimki vidov Sochi, Kislovodsk i Borovogo [Panorama of Soviet resorts, exhibited at an international exhibition in New York. Pictures of Sochi, Kislovodsk and Borovoe views]. *Meditsinskiy rabotnik*, 1939, no. 45.
10. Fotospisok panoramy kurorta Borovoe v pavil'one SSSR na vystavke v N'yu-Yorke [List of photos of the panorama of Borovoe resort in the Soviet pavilion at an exhibition in New York]. *Illyustrirovannaya gazeta*, 1939, no. 7, April 10.
11. Vernadskiy V.I. *Dnevniki. Iyul' 1941 – avgust 1943* [Diaries. July 1941 – August 1943]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010.
12. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 518. List 3. File 1360 (Letter to E.D. Revutskaya of August 14, 1941).
13. *Akmolinskaya pravda*, 1942, June 14.
14. Mochalov I.I. *Vladimir Ivanovich Vernadskiy (1863–1945)*. Moscow: Nauka Publ., 1982. 486 p.
15. Brazhnikov S.G. *Vospominaniya ob akademikakh, prozhivavshikh v dni Velikoy Otechestvennoy voyny v Borovom* [Memories of academicians living in the days of the Great Patriotic War in Borovoe]. (Manuscript). Moscow, 1947.
16. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund R-1109. List 3. File 105.

Received: 19 April 2015

РЕФОРМА ГРАФИКИ В СССР В 1920–1930-Х ГГ. КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ ЭТНОСОВ САЯНО-АЛТАЯ

Рассматривается влияние реформы графики, проведенной в Советском Союзе в 1920–1930-х гг., на формирование этнического самосознания тюркоязычных этносов Саяно-Алтая. Поднимается вопрос о различии оснований и результатов языковой реформы для этносов с различной степенью этнической консолидации. Анализируются малоизвестные материалы по разработке литературных языков народов Саяно-Алтая. Делается вывод, что языковая реформа 1920–1930-х гг. явилась одним из факторов формирования этнического самосознания тюркоязычных этносов Саяно-Алтая.

Ключевые слова: этнос; этническое самосознание; реформа графики; латинизация алфавитов.

Языковая реформа 20–30-х гг. XX в. привлекала внимание исследователей советского периода [1], но особый интерес к ней проявился на этапе распада СССР, когда в некоторых постсоветских республиках проводился переход на латинскую графику (Азербайджан, Узбекистан), а в Республике Татарстан была предпринята попытка такого перехода [2, 3].

Исследователи отмечают, что в самой языковой реформе второй половины 1920-х гг. не было ничего необычного. Во-первых, активное реформирование всех сфер жизни общества, включая язык, характерно именно для периодов социальных изменений [4]. Во-вторых, в 1920-е гг. существовала объективная необходимость реформирования целого ряда языков народов России, включая тюркские языки, использующие арабскую графику.

Реформа тюркских языков с арабской графикой была разработана под влиянием идей джадидизма задолго до преобразований большевиков [5. С. 128–136]. При этом предложения о замене арабской письменности латинской графикой были всего лишь одним, и далеко не самым бесспорным, из разработанных вариантов реформы исламских языков. Главным доводом сторонников латинской графики во второй половине XIX – начале XX в., равно как и сейчас, был весьма сомнительный тезис о том, что латиница точнее передает особенности тюркских языков. Однако провести языковую реформу до 1917 г. не удалось и обсуждение вопроса о необходимости реформирования арабского алфавита продолжалось в среде тюркской национальной интеллигенции и после Октябрьской революции.

Большевики хотя не сразу, но поддержали вариант перевода алфавитов мусульманских народов на латинскую графику. Необходимо отметить, что в новой тюркской графике советскую власть интересовали не только и не столько проблемы фонетики. Важнее был политический аспект – латинизация символизировала разрыв общества с традиционной исламской культурой и означала проведение политики массовой атеизации населения.

В 1926 г. на I Всесоюзном тюркологическом съезде было принято решение о переводе на латинскую графику не только алфавитов с арабской графикой, но и алфавитов на основе кириллицы, разработанных для тюркоязычных этносов миссионерами. На практике масштабы реформы были значительно расширены:

в течение 1925–1929 гг. латинизации были подвергнуты практически все неславянские языки народов Советского Союза. Разрабатывались проекты перевода на латинскую графику («октябрьский алфавит») даже русского, армянского и грузинского языков. Причины расширения масштабов реформы заключались в языковой политике большевиков, активно использовавших национальный вопрос в борьбе за власть. Реализация базового принципа национальной политики большевиков – права наций на самоопределение – на практике приводила к необходимости алфавитизации родных (этнических) языков, «чтобы каждый житель страны независимо от национальной принадлежности мог свободно пользоваться материнским языком и овладеть на нем высотами мировой культуры» [6].

Для решения этой задачи было необходимо разработать десятки национальных алфавитов для бесписьменных народов и распространить при помощи доступной для «нацменов» национальной культуры коммунистическую идеологию. В целях создания единой языковой основы новые алфавиты было решено разрабатывать на латинской основе. Во всеобщей «латинизации» сыграли свою роль и такие факторы, как ожидание мировой революции, опыт Турции, где в 1928 г. арабский алфавит был заменен латинским, а также то, что кириллица устойчиво ассоциировалась с практикой «русского колонизаторства».

Сегодня, как мы уже отмечали, языковая реформа 1920–1930-х гг. привлекает внимание исследователей. Однако, как и в советский период, изучение языковой реформы в постсоветский период проводится преимущественно на материалах тюркских этносов, имевших письменность на основе арабской графики. Главное внимание в изучении процессов, пришедшихся на период языковой реформы, у этносов Сибири, сформированных в ходе советского национального строительства из этнически неопределенных групп, уделяется достижениям в области культурного строительства, включая алфавитизацию языков [7].

Языковая реформа 1920–1930-х гг. заслуживает более тщательного анализа уже потому, что в развитии языка и тесно связанных с ним этнокультурных процессах нет случайных эпизодов [8]. Необходимо всесторонне проанализировать этнокультурные процессы, которые сопровождали языковую реформу и / или были вызваны ею, выполнить анализ на материалах этносов с разной степенью и разным характе-

ром этнической консолидации. В частности, существует настоятельная необходимость изучить влияние языковой реформы второй половины 1920–1930-х гг. на формирование этнического самосознания административно сформированных этносов.

Необходимость обращения к языковой реформе при изучении процесса формирования самосознания этносов с разной степенью и разным характером этнической консолидации диктуется тем, что положение о тесной взаимосвязи между кодификацией национального языка и процессом формирования национального самосознания [8. С. 15] применимо к этносам с естественной консолидацией и достаточно сформированным этническим самосознанием, но не учитывает специфику этносов, процесс консолидации которых явился результатом преимущественно административных усилий. Проведение языковой реформы у первой группы этносов инициировала национальная интеллигенция, и вопрос об усовершенствовании алфавита для них являлся отражением процесса формирования национального самосознания. В силу указанных обстоятельств отношение к процессу реформирования языка вне зависимости от конкретных вариантов проведения реформы для этносов с достаточно сформированным национальным самосознанием было осознанным.

Иной была ситуация с языковой реформой у этносов, процесс этнической консолидации которых был дален от завершения. В 1920-е гг. такие «этносы» представляли собой конгломерат родоплеменных групп, административно объединенных общим этническим именем; у них отсутствовало устойчивое этническое самосознание, выраженное в едином общеупотребимом автоэтнониме, а национальная интеллигенция была малочисленна и состояла преимущественно из учителей, получивших образование в рамках русскоязычной традиции в миссионерских школах. Проведение реформы графики у таких этносов имело свою специфику: реформа была инициирована только «сверху» – государством, была малопонятной даже для национальной интеллигенции, как, впрочем, и многие другие преобразования первых послереволюционных десятилетий. Непонятность реформы в совокупности с тем, что она не затрагивала какие-либо значимые для группового сознания элементы культуры, привели к тому, что изменение графики у новых советских этносов не вызвало сопротивления. При этом проведение реформы графики по времени совпало с подъемом в развитии национальных культур на базе разработанных в ходе реформы литературных языков. В то же время языковая реформа стала для национальной интеллигенции значимым мероприятием, в ходе которого появилась возможность обсудить важные проблемы развития собственного «этноса». Среди таких проблем на первом месте стоял вопрос о границах собственного «этноса».

Так, на территории Саяно-Алтая в ходе национального строительства, проводимого большевиками, из этнически неопределенных группaborигенного населения были административно сформированы три народности – ойроты (алтайцы), шорцы, хакасы.

Наиболее искусственным этническим образованием являлась шорская народность. В состав шорцев были включены близкородственные группы кузнецких татар, среди которых были группы, тяготевшие как к хакасам, так и к алтайцам. Границы шорской народности были заданы аллоэтнонимом «шорцы» и границами созданного в 1926 г. Горно-Шорцевского (Шорского) национального района [9].

В июне 1930 г. на совещании работников просвещения Горно-Шорского национального района в ходе рассмотрения вопроса о переводе шорской письменности на латинскую графику был поставлен вопрос о необходимости разработки единого литературного языка для шорцев и хакасов. Вопрос о необходимости культурного сближения Горной Шории с Хакасией через разработку единого литературного языка был поднят не впервые. Аналогичные предложения озвучивались и в 1925 г. [1. С. 119].

«Целесообразность и выгодность» [10. Л. 47] сближения шорцев и хакасов делегаты-шорцы объясняли тем, что «для культурного развития нам надо за кого-то уцепиться» [Там же]. В выступлениях шорцев подчеркивалось, что «самостоятельно развивать свою культуру мы не сможем по экономическим и культурным соображениям», а у хакасов «культура стоит почти на том же уровне, на каком стоит у нас» [Там же]. Важным аргументом в пользу сближения с Хакасией было то, что Шория «в южной части района, где шорского населения больше, чем в других частях района, имеет экономическую связь с Хакасией и сближается наречием» [Там же]. Особое внимание делегаты конференции обращали на наличие у всех народов региона – алтайцев (ойротов), хакасов (сагайцев) и шорцев – одной истории. Существующие в языке отличия объясняли вполне в духе времени: «царское правительство... разъединяло эти мелкие народы так, что они перестали друг друга понимать» [Там же. Л. 14]. На совещании было принято решение о разработке единого для шорцев и хакасов литературного языка на базе латинского алфавита [Там же. Л. 48]. Ситуация для разработки «единого языка» вилась представителям шорской национальной интеллигенции исключительно благоприятной именно в связи с переводом алфавита на латинскую графику. Правда, прозвучали и опасения по поводу возможной языковой ассимиляции: «...нас, шорцев, мало, и мы будем вынуждены перенять хакасский язык» [Там же. Л. 47].

Для характеристики уровня сформированности этнического самосознания приведенный эпизод интересен с нескольких позиций. Во-первых, шорская национальная интеллигенция достаточно реалистично оценивала потенциал недавно созданного шорского этноса, настаивая на сближении со столь же недавно созданным этносом – хакасами. Во-вторых, изменение графики, по мнению представителей национальной интеллигенции, создало благоприятные условия для разработки единого литературного языка для шорцев и хакасов. В-третьих, несмотря на то что даже представители шорской национальной интеллигенции не осознавали себя в полной мере «шорцами» (они постоянно обращались к своей родовой принадлежно-

сти), они боялись утратить в процессе разработки единого литературного языка свой главный отличительный признак – шорский язык.

Разработка национальной письменности рассматривалась в качестве главного механизма сохранения этнической – шорской – идентичности. Так, один из делегатов съезда учитель Г.Д. Чульжанов сказал в своем выступлении: «Когда я работал в Мысковской школе, я был сторонником обрушения шорцев, теперь, работая в южной части, воочию убедился, что своя письменность необходима как никогда, так как русская письменность и литература далеки от шорских детей. Они, формально читая, не понимают содержания написанного, отсюда плохая успеваемость» [10. Л. 48].

Дальнейшее обсуждение проблемы разработки латинизированных алфавитов проходило на Всесибирской конференции татаро-туркских народностей, состоявшейся 18 января 1931 г. На конференции делегаты от Горно-Шорского национального района внесли предложение о разработке единого литературного языка для хакасов и шорцев. Однако вопреки мнению шорской делегации на конференции было принято решение «считать необходимым развитие в качестве отдельных литературных языков ойротского для Ойротии, хакасского для Хакасии и шорского для Шории» [Там же. Л. 21].

Важность этого решения трудно переоценить: оно окончательно определило пути дальнейшего развития трех близко родственных этносов – шорцев, хакасов и ойротов (алтайцев). Фактически было проигнорировано желание представителей шорского «этноса» о сближении с хакасами. Такое решение одновременно способствовало усилению процессов этнической консолидации каждого из обозначенных этносов и закреплению межэтнических границ. Изменился и характер языковой самоидентификации: шорцы – шорский язык, хакасы – хакасский, алтайцы – алтайский, а не татарский язык (тадар) для всех обозначенных этносов, как это было раньше.

Решение, принятое на Всесибирской конференции, поставило шорскую национальную интеллигенцию перед проблемой выбора наречия, на базе которого нужно было разрабатывать шорский литературный язык. Обсуждение вопроса проходило на Горно-Шорской районной конференции по национальному языку и письменности, состоявшейся в мае 1932 г. [Там же. Л. 33]. В итоге бурного обсуждения было решено при разработке литературного языка взять за основу «мысковское наречие» (нижнеморасский говор морасского диалекта). При этом делегаты-шорцы сами признали, что в мысковском наречии не только сильно влияние русского языка, но и «он почти потерял свой народ» [11. Л. 22]: большинство носителей языка уже тогда говорили на других диалектах. Предпочтение, отданное нижнemорасскому говору морасского диалекта, не случайно, а объясняется тем, что именно этот говор был взят миссионерами Алтайской духовной миссии за основу при разработке алфавита.

В целом ситуация с переводом алфавитов на латинскую графику парадоксальна: латинская графика – инструмент и атрибут глобализации, оборотной сто-

роной которой является нивелирование национальных культур, – на практике стала инструментом формирования национальных культур [6]. Именно 1920–1930-е гг. стали наиболее благоприятным периодом для оформления национальных культур народов Саяно-Алтая. Этому способствовали алфавитизация хакасского языка, разработка хакасского, алтайского и шорского литературных языков, оформление национальных литератур, развитие системы образования на национальных языках.

Подъем в развитии национальных культур на основе национальных литературных языков помогал не только закреплению за этносами новых этнонимов («шорцы» за кузнецкими татарами, «хакасы» за минусинскими татарами и т.д.), но и тому, что сами «шорцы», «хакасы» и т.д. стали идентифицировать себя в своем новом качестве – этноса. При этом стоит отметить, что представления о прежней – родовой – принадлежности оставались ведущими в определении «себя» для «своих», так же как нередко сохранялось негативное отношение к навязанным аллоэтнонимам [9].

Процесс формирования письменной культуры народов Саяно-Алтая на основе латинской графики был административно прерван через семь лет: в течение 1938–1939 гг. письменность была переведена на кириллицу. Для шорцев возврат к кириллице осложнился ликвидацией в 1938 г. Горно-Шорского национального района. Следует отметить, что за десятилетие новация в виде латиницы, равно как и сама письменность, не изменила традиционную устную культуру. При этом для этносов, оформленных под непосредственным административным воздействием государства в ходе национально-государственного строительства 1920-х гг., непоследовательность государства в национальном вопросе имела более тяжелые последствия, чем для этносов с достаточно высокой степенью консолидации и сформировавшейся интеллигеницией.

В реализации языковой реформы у этносов с разной степенью этнической консолидации прослеживается много общего. В результате недостаточной проработанности реформы появились проблемы с терминологией, ведением делопроизводства на национальных языках, обучением детей в национально-смешанных школах. Возросли масштабы неграмотности как следствие необходимости переучивания людей, овладевших грамотой на основе кириллицы. Еще больше обострилась проблема с учителями, которых теперь нужно было не только подготовить, но и переподготовить. Для решения всех обозначенных проблем требовалось выделение дополнительных финансовых средств. Была дезорганизована работа по алфавитизации и разработке литературных языков для ранее бесписьменных народов [7. С. 66–67].

Реформа сопровождалась всплеском противостояния по национальному признаку. В документах зафиксированы многочисленные случаи взаимных обвинений «нацменов» и русских в «великодержавном шовинизме и местном национализме» [12. Л. 306]. Чаще стали встречаться случаи, когда в национальных образованиях на все посты стремились поставить «своих»,

нередко даже в ущерб делу; обсуждался вопрос о необходимости выполнения инструкций, написанных на русском языке; ухудшилось отношение к русским. За ростом этнических национализмов нужно видеть осознание, в том числе представителями новых «этносов», своих национальных интересов, являющееся компонентом этнического самосознания. Особенностью наблюдавшегося повсеместно этнонационализма была ярко выраженная антирусская направленность.

Однозначно оценить процессы, которые были запущены языковой реформой 1920–1930-х гг., невозможно. Реформа подтолкнула процессы этноосознания, явившиеся одним из факторов формирования этнического самосознания и национальной культуры новых советских этносов. При этом чем более искусственным образованием являлся новый этнос, тем большую роль в процессе формирования этнического самосознания играла реформа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Isaev M.I. Языковое строительство в СССР (процессы создания письменностей народов СССР). М. : Наука, 1979. 350 с.
2. Мударисова А.К. Реформирование татарского алфавита в 1920–1930-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2001. 26 с.
3. Латыпов Р.Т. Введение латинизированного алфавита среди этнических меньшинств Уральской области. URL: http://mmj.ru/ural_history.html?article=198&cHash=017a586dce, свободный.
4. Алтапов В.М. К вопросу о языковых реформах // Вопросы филологии. 2010. № 1 (34). URL: http://journal.mosinyaz.com/page_16_34/, свободный.
5. Исхаков Д. Джадидизм // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. Казань : Мастер Лайн, 2001. Гл. 8. С. 128–136.
6. Крючкова Т.Б. Языковая политика и реальность // Вопросы филологии. 2010. № 1 (34). URL: http://journal.mosinyaz.com/page_30_34/, свободный
7. Тугужекова В.Н., Мамышева Е.П. Национально-языковая политика Советского государства в 1920–1930-е гг. в Оиротской и Хакасской автономных областях // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 64–67.
8. Мыльников А.С. Язык культуры и вопросы изучения этнической специфики средств знаковой коммуникации // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л. : Наука, 1989. С. 7–37.
9. Борина Л.С. Этнические «шорцы»: к вопросу о конструировании этнических границ // Вестник ТГУ. Сер. История. 2007. № 304. С. 94–98.
10. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 47. Оп. 1. Д. 1458. Т. 2.
11. ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3086.
12. ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3086.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 апреля 2015 г.

THE REFORM OF THE GRAPHICS IN THE SOVIET UNION IN 1920-1930S AS A FACTOR IN THE FORMATION OF ETHNIC IDENTITY OF TURKIC-SPEAKING ETHNIC GROUPS OF THE SAYAN-ALTAI

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 97–101. DOI: 10.17223/15617793/395/16

Borina Lyubov S. Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: borina@nkfi.ru; hettos@rambler.ru

Keywords: ethnicity; ethnic identity; graphics reform; alphabet romanization.

In the 1920–1930s the writing system changed twice in the Soviet Union: in 1925 the writing of most non-Russian ethnic groups was converted to the Latin alphabet and a decade later – to the Cyrillic one. Initiated by the Bolsheviks, the graphics reform was mainly based on the considerably “sovietized” ideas of the Turkic reformers of the second half of the 19th century. The purpose of the study of the language reform of the 1920–1930s is a comprehensive analysis of ethno-cultural processes that accompanied the language reform and / or were caused by it. The analysis is performed on the materials of the ethnic groups resulted from Bolsheviks’ ethnos and nation building activity. In terms of the language reform implementation the ethnoses enjoying high ethnic consolidation and consciousness development have much in common with those weakly consolidated that did not form ethnic self-consciousness, but both the initial promises of the reform and the results were different. The graphics reform became one of the ethnic consciousness formative factors for new Soviet ethnoses. The elaboration materials on the Khakass, Altai and Shor writing were analyzed on the Latin graphics basis to show that as the language reform was discussed, the national intellectuals of the Shor ethnic group as one of the most artificial Turkic-speaking Sayan-Altai ethnoses insisted on uniting with the Khakasses as another artificially formed Soviet ethnic group. Thus, the national intellectuals tried to correct errors made by the Bolsheviks when differentiating Sayan-Altai ethnic groups. The Shorians suggested developing a unified literary language for both Shoria and Khakassia, but found no support. The refusal to develop such a language for closely-related clans of Kuznetsk and Minusinsk Tatars defined the linguistic identity of the Shor and Khakass ethnic groups as well as consolidated ethnic boundaries between them. Both the graphics reform and the resulted processes can neither be estimated unequivocally, nor be considered as a random episode in the language and culture development. On the one hand, alphabet romanization contributed to the formation of national cultures; on the other hand, the national literary languages were the bedrock of the national cultures further development that favored both the attaching of new ethnonyms to the constructed ethnic groups and their self-identification as new ethnoses. At the same time, the more artificial a new ethnic group was, the greater the reform contributed to the ethnic self-consciousness formation. The implementation of national interests of the new Soviet ethnic groups being part of the ethnic identity was reflected in the growth of ethnic nationalism with a strong anti-Russian orientation, which accompanied the linguistic reform. The linguistic reform was accompanied with a growth of anti-Russian ethnic nationalism as the new Soviet ethnoses realized their national interests as a part of ethnic self-consciousness process.

REFERENCES

1. Isaev M.I. *Yazykovoe stroitel'stvo v SSSR (protsessy sozdaniya pis'mennostey narodov SSSR)* [Language construction in the USSR (the process of creating scripts for peoples of the USSR)]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 350 p.

2. Mudarisova A.K. *Reformirovanie tatarskogo alfavit v 1920–1930-e gg.*: avtoref. dis. kand. ist. nauk [The reform of the Tatar alphabet in 1920s – 1930s. Abstract of History Cand. Diss.]. Kazan, 2001. 26 p.
3. Latypov R.T. *Vvedenie latinizirovannogo alfavita sredi etnicheskikh men'shinstv Ural'skoy oblasti* [Introduction of the romanized alphabet to ethnic minorities of the Ural region]. Available from: http://mmj.ru/ural_history.html?article=198&cHash=017a586dce.
4. Alpatov V.M. K voprosu o yazykovykh reformakh [On the issue of language reform]. *Voprosy filologii*, 2010, no. 1 (34). Available from: http://journal.mosinyaz.com/page_16_34/.
5. Iskhakov D. *Dzhadidizm* [Jadidism]. In: *Islam i musul'manskaya kul'tura v Sredнем Povolzh'e: istoriya i sovremennost'*. *Ocherki* [Islam and Muslim culture in the Middle Volga region: history and modernity. Essays]. Kazan: Master Layn Publ., 2001, pp. 128–136.
6. Kryuchkova T.B. Yazykovaya politika i real'nost' [Language policy and reality]. *Voprosy filologii*, 2010, no. 1 (34). Available from: http://journal.mosinyaz.com/page_30_34/.
7. Tuguzhekova V.N., Mamysheva E.P. Natsional'no-yazykovaya politika Sovetskogo gosudarstva v 1920–1930-e gg. v Oyrotskoy i Khakasskoy avtonomnykh oblastyakh [National language policy of the Soviet state in the 1920s – 1930s in Oyrot and Khakassia autonomous regions]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian sciences in Siberia*, 2010, no. 1, pp. 64–67.
8. Myl'nikov A.S. *Yazyk kul'tury i voprosy izucheniya etnicheskoy spetsifiki sredstv znakovoy kommunikatsii* [The language of culture and the study of ethnic specificity of sign communication means]. In: Myl'nikov A.S. (ed.) *Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kul'tury* [Ethnographic study of sign means of culture]. Leningrad: Nauka Publ., 1989, pp. 7–37.
9. Borina L.S. Etnonim “shortsy”: k voprosu o konstruirovaniyu etnicheskikh granits [The ethnonym “Shor”: the issue of the construction of ethnic boundaries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya. – Tomsk State University Journal of History*, 2007, no. 304, pp. 94–98.
10. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 47. List 1. File 1221.
11. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 47. List 1. File 1458. V. 2.
12. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 47. List 1. File 3086.

Received: 20 April 2015

ГОРОДСКАЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ ХХ в.: ОПЫТ ГРАЖДАНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Представлен процесс формирования общественной активности в городских потребительских кооперативах на примере крупнейшего в г. Томске общества потребителей «Деятель». Кооператив снабжал предметами первой необходимости пайщиков и жителей города в годы Первой мировой войны. Для значительной части пайщиков «Деятель» являлся «школой общественности», единственным источником опыта общественной работы, обсуждения общественно значимых вопросов, организации досуга и самообразования.

Ключевые слова: потребительская кооперация; общество потребителей «Деятель»; гражданское общество; самоуправление; Томск; Сибирь.

Одним из существенных факторов обновления России в период ускоренной модернизации на рубеже XIX–XX вв. являлось кооперативное движение, которое характеризовалось не только весомым вкладом в развитие системы розничной торговли и кооперативного производства, но и важной социointегративной функцией. В статье раскрывается опыт гражданского самоуправления городской потребительской кооперации в Томской губернии в начале XX в. на примере одного из крупнейших всесословных потребительских обществ «Деятель» в Томске.

Растущие города стали экономическими, демографическими, управленческими и культурными центрами формирования бессословного модернизированного общества. Они представляли наиболее естественную среду для развития потребительских кооперативов, в которых устанавливались тесные связи внутри больших групп потребителей, связанных тысячью нитей городской жизни и вместе с тем близко стоявших ко всем частям сложного механизма товарооборота. Томск – один из крупнейших сибирских городов со стотысячным населением [1. С. 409], где находились управления Сибирской железной дороги и Западно-Сибирского учебного округа, университет, технологический институт, Сибирские высшие женские курсы, ряд промышленных и торговых предприятий, культурно-просветительных учреждений, – отличался обилием служащих, интеллигентии, студенчества, представителей крупной и средней буржуазии, рабочих. Существенную часть томских жителей составляли социальные группы, заинтересованные в удешевлении потребляемых товаров и услуг, особенно в годы Первой мировой войны, когда происходило неуклонное снижение реальной заработной платы.

Потребительская кооперация зародилась в Томской губернии во второй половине XIX в. В 1869–1874 гг. в Барнауле действовало одно из первых в стране обществ потребителей, устав которых был утвержден государственной властью – Министерством внутренних дел [2. С. 167]. В 1891 г. городской потребительский кооператив был открыт в Барнауле, в 1893 г. – в Бийске, в 1894 г. – в Томске [Там же. С. 166–167]. В конце 1890-х гг. в Сибири получила развитие рабочая кооперация в зависимой форме на рудниках, копях и железных дорогах. В 1897 г. открылся кооператив на Зыряновском руднике, в

1898 г. – на Гурьевском горном заводе [2. С. 167]. В 1899–1908 гг. действовало Общество потребителей служащих на Сибирской железной дороге с правлением в Томске [3. С. 15].

В начале XX в., особенно после Первой русской революции, развитие потребительской кооперации заметно усилилось. Она действовала на нормальном уставе 1897 г., с 1898 г. имела свой центр – Московский союз потребительских обществ, с 1903 г. в свет выходил кооперативный журнал «Союз потребителей». Городские общества потребителей образовывались уже в среде не только привилегированных классов, но и простых малообеспеченных обывателей. Появились первые независимые рабочие кооперативы. В Томской губернии в 1903–1908 гг. работало потребительское общество в Бийске [4. Л. 2–7]. В 1905 г. было образовано общество потребителей служащих и рабочих на Судженских каменноугольных копях Л.А. Михельсона [5. С. 1–3]. В 1908 г. дважды создавались потребительские общества в Тайге [6. 7 марта; 7. С. 22–23]. В 1909 г. открылся кооператив при Томской окружной психиатрической больнице [8. С. 86]. В 1907–1909 гг. в Барнауле работали легальные рабочие потребительские общества «Свечка» и «Труженики». Последний имел 1300 пайщиков, библиотеку-читальню, столовую, но в 1913 г. был закрыт по распоряжению властей за связь с подпольной организацией РСДРП [9. Л. 40 об., 64, 67]. В 1911 г. был учрежден потребительский кооператив на Анжерской каменноугольной казенной копи, в отличие от Судженского – зависимый от администрации. В 1910–1911 гг. проводили большую организационную работу по устройству кооператива студенты Томского университета под руководством профессоров М.Н. Соболева, Н.Я. Новомбергского, М.И. Боголевова и П.И. Лященко [10. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2821. Л. 1–12; 11. С. 30], разрешение на который от МВД было получено лишь в 1916 г. [12. Л. 1–18].

В начале второго десятилетия XX в. Сибирь, по сравнению с Европейской Россией, еще называли «кооперативной пустыней» [13. № 7. С. 185]. Здесь к 1911 г. действовало 131 потребительское общество из 4 767 – общего числа кооперативов в стране, но в 1912 г. – уже вдвое больше [14. С. 128]. Если кооперативы, созданные в прежние годы, почти все погибли, то с 1912 г. начался устойчивый рост городских и

рабочих обществ, действовавших вплоть до преобразований советской власти. Томскую губернию называли «гнездом» и «самым плотным кооперативным местом» всей Сибири [15. С. 145]. Кооперативная торговля продолжалась в Судженске и Анжерске, в 1912–1916 гг. возникли всесословные и рабочие потребительские кооперативы в Мариинске, Новониколаевске, Томске, Барнауле, Нарыме, Тайге, Бийске, Кузнецке, Кольцово, Татарске, Богослове, Зыряновском, Кольчугинском и Риддерском рудниках и др.

Одним из крупных являлось всесословное общество потребителей «Деятель» в Томске. В июле 1912 г. его учредители – отставные губернские секретари, надворный советник, потомственные почетные граждане, ряд лиц из мещан и крестьян – получили утвержденный устав. Пай составлял 5 руб., вступительная плата 1 руб., число паев на одного члена ограничивалось десятью. Большинство пайщиков относилось к небогатой части городского населения – чиновничеству, интеллигенции, рабочим – и владело одним-двумя паями [10. Ф. 196. Оп. 7. Д. 5. Л. 14/2, 15/3].

В 1914 г. правление кооператива возглавлял статский советник И.В. Богомолов, в 1915 г. – П.Ю. Терру, в 1916 г. – известный сибирский этнограф и общественный деятель, заведующий статистикой Томского округа путей сообщения В.И. Анучин, затем – большевик Н.С. Васильев, в марте 1917 г. принимавший активное участие в работе I Губернского продовольственного съезда. В составе правления и ревизионной комиссии работали известные в Сибири кооперативные работники эсер Д.И. Голенищев-Кутузов (писавший под псевдонимом Дм. Илимский), большевики А.Ф. Иванов, после Февральской революции направленный на финансовую работу в Томскую городскую думу, В.Н. Чепалов – председатель Томского совета рабочих депутатов. Большое влияние на кооперативную жизнь Томска оказывал меньшевик Н.А. Рожков, перебравшийся в город в 1916 г. из Забайкалья из-за полицейских преследований.

Торговая деятельность началась в апреле 1913 г. с организации соглашений с торговцами о скидках для членов, в марте открылся собственный магазин. Паевой капитал кооператива с 243 членами едва превышал 700 руб. Незначительный товарооборот в размере 1 224 руб. в первом операционном году не дал обществу прибыли. В единственной лавке работали двое служащих. Члены правления, занимаясь кооперативной работой в свободное от основной службы время, за первый год работы «Деятеля» провели пять общих собраний и 56 заседаний правления [Там же. Д. 25. Л. 1–9]. Отсутствие квалифицированных кадров не давало возможности просчитывать рентабельность торговли и предотвращать крупные провалы, например убыточность отдаленной от Томска на 35 верст лавки в Самусьском затоне. Впоследствии торговое отделение здесь было закрыто с сохранением кооперативной основы, на которой в сентябре 1916 г. выросло потребительское общество рабочих Самусьского затона «Труд» в составе 459 членов [Там же. Д. 173]. Бедность оборотными средствами ставила кооператив в зависимость от условий товарного кредита томских

купцов-оптовиков, что сужало возможности приобретения хороших и дешевых товаров. Постоянными спутниками развития торговых операций были убытки и недостачи [16. С. 1–44; 17. 12 мая]. Невыгодной оказалась работа склада, снабжавшего товарами деревенские кооперативы.

В 1914 г. в обществе насчитывалось 359 чел., паевой капитал превысил 1500 руб., оборот составил 43 127 руб., открылась вторая лавка. В 1915 г. в общество вступило 820 членов, в городе работали уже семь магазинов «Деятеля» с бакалейной, мясной, рыбной и хлебной торговлей. «Дело развивается быстро и широко», – отмечалось в прессе [13. № 31. С. 1116]. Торговый оборот увеличился до 200 тыс. руб., что в пять раз превышало оборот 1914 г. Тем не менее по итогам 1915 г. руководство общества подверглось всесторонней критике в ряде выступлений на общих собраниях и в местной прессе. На общем собрании 8 мая 1916 г. правление, получив вотум недоверия, сложило с себя полномочия, а П.Ю. Терру покинул пост председателя. Критикуя правление, члены общества отмечали в то же время тяжелые условия его работы: ограниченность оборотных средств, бестоварье, хаотичность рынка, срыв поставок торговыми фирмами-конкурентами, отсутствие поддержки со стороны городского самоуправления [10. Ф. 196. Оп. 7. Д. 25. Л. 13; 13. № 31. С. 1117; 18. 5, 12 мая, 24 июля].

В годы Первой мировой войны потребительская кооперація превратилась в мощный фактор национальной мобилизации и регулирования общественно-экономической жизни. Столкнувшись с признаками ухудшения продовольственной ситуации, кооперативы вышли за пределы узких групповых интересов и распространяли свою деятельность на все население, вмешиваясь в хозяйственную жизнь в целом. Они предлагали городским властям планы совместных продовольственных кампаний, настаивали на демократическом составе и гласном характере деятельности городских продовольственных комиссий, в тесном контакте с городскими продовольственными органами осуществляли распределение дефицитных продуктов по карточкам, реализуя собственные и муниципальные заготовки. На общем собрании «Деятеля» 30 апреля 1915 г. было принято постановление об образовании закупочного фонда, поиске нового рынка закупок, установлении тесных отношений со всеми организациями, борющимися с дорогоизнаной [16. С. 21]. Правление обратилось в городскую думу с предложением об избрании городской продовольственной комиссии, выяснении наличия продуктов на местном рынке, урегулировании их подвоза к Томску, нормировке цен, обеспечении гласности и полном освещении деятельности комиссии путем созыва общего собрания жителей города.

Однако продуктивных отношений у правления состава 1915 г. с городской продовольственной комиссией не сложилось. Последняя не соглашалась использовать кооперативные магазины для снабжения населения заготовленными городом продуктами [Там же. С. 6]. Активная позиция представителей кооператива в продовольственной комиссии вызвала недо-

вольство местных торгово-промышленных кругов, ряд мукомольных фирм разорвал с «Деятелем» соглашения о поставках муки [19. С. 28]. Определенная ответственность за провал сотрудничества «Деятеля» с городскими властями возлагалась на сам кооператив, руководителям которого были высказаны упреки в «инертности» [18. 5 мая]. Новый состав правления, избранный весной 1916 г., более конструктивно строил отношения с продовольственной комиссией, делегировав в нее В.И. Анучина и А.Ф. Иванова. Кооператив периодически получал от города крупу, сахар и муку для реализации всему населению [20. № 27. С. 946; 17. 14 мая, 16 июня, 18 нояб.]. В момент мучного кризиса правление организовало выпечку хлеба, собирая средства на это путем привлечения вкладов пайщиков под проценты, отказа от продажи в кредит, получения займов в банках под залог товаров, а также «по знакомым». Разрешению денежного кризиса помог сахарный кризис. Продажа в кооперативных лавках сахара при почти полном отсутствии его в городе повлекла значительный приток новых членов и увеличение паевого капитала до 5 тыс. руб. Оборудованная на эти деньги пекарня выпекала белый и черный хлеб, который продавался дешевле, чем в частной торговле. Деятельность кооперативной пекарни была крайне важна для города, где с наплывом беженцев возросла потребность в печеном хлебе, а частные пекарни после введения твердой цены на муку ухудшили качество продукции и сократили ее объем [13. № 23. С. 786].

В связи с сахарным кризисом летом 1916 г. по инициативе «Деятеля» была введена карточная система. Кроме того, кооператив предпринял меры для активизации самодеятельности потребителей. Город был поделен на шесть районов по числу кооперативных лавок, в каждом из которых жители избирали комитет для наблюдения за правильным распределением сахара. Эти меры были ответом на действия спекулянтов – наемных лиц частных торговцев, скапывавших сахар в кооперативных лавках мелкими партиями для перепродажи [17. 16 июня]. Активное участие «Деятель» принимал в организации снабжения населения по карточкам мукой. В октябре 1916 г. представитель кооператива вошел в состав особого мукомольного бюро наряду с делегатами биржевого комитета и мукомолами Томска, Барнаула и Новониколаевска [21. 30 окт.].

На 1 января 1917 г. общество насчитывало 1 957 членов, паевой капитал достиг 9 820 руб. Товарооборот за 1916 г. (438 тыс. руб.) вдвое превысил оборот предыдущего года, что говорило о широком охвате кооперативной торговлей населения города [10. Ф. 196. Оп. 7. Д. 25. Л. 19/12]. Регулирующее влияние «Деятеля» на цены местного рынка и совпадение его цен с установленными томскими властями твердыми ценами на основные продукты обусловили многочисленные просьбы жителей Томска об открытии кооперативных лавок в разных частях города. Правление отмечало, что «если кооператив и не дал всем членам дивиденда, то все же незаметно, но твердо сберегал каждому до 50 руб. в год» [Там же.

Л. 15/3, 22/17]. Основная масса товаров, проходивших через торговую сеть «Деятеля», была приобретена самостоятельно, часть получена от городской продовольственной комиссии. Поданные в городскую управу ходатайства о ссудах на развитие операций, модернизацию пекарни и льготные условия аренды торговых помещений в основном остались неудовлетворенными. В целом отношение городского самоуправления к обществу потребителей «Деятель» характеризовалось как недоброжелательное, деловое сотрудничество с властными и бизнес-элитами периодически блокировалось моментами враждебности и конкуренции.

До преобразований советской власти «Деятель» оставался крупнейшей потребительской организацией города, ядром созданного в 1918 г. томского «Союза городских обществ потребителей», насчитывая в своих рядах на 1 декабря 1919 г. 11 382 члена [22. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 539. Л. 1; Д. 327. Л. 103]. Союзно-интегративная деятельность городского кооператива содействовала созданию в августе 1916 г. товарищества «Томский кооператор», в который перешли для работы на руководящих должностях Д.И. Голенищев-Кутузов, В.И. Анучин и В.И. Кириллов. «Томский кооператор» осуществлял снабжение населения важнейшими товарами, выполнял заказы на поставку свинины, мяса, хлеба и фуражка для армии [17. 11, 14 авг., 30 окт.; 23. № 15–16. С. 765], поставлял продовольствие, орудия рыболовства и теплую одежду для потребительных обществ отрезанного от Томска в период распутицы Нарымского края [17. 4 авг.]. В декабре 1916 г. товарищество произвело торговый оборот на сумму 400 тыс. руб., годовой оборот предполагался в 800 тыс. руб. [Там же. 24 июля, 24. 10 февр.]. Газета «Голос Сибири» писала, что товарищество выросло в «общественно-продовольственный центр», его деятельность, распространявшаяся на 422,4 тыс. чел. в Томской губернии, была «беспримерно универсальной» и выходила за рамки чисто кооперативной организации, являясь «своеобразным прототипом земских учреждений» [21. 15 окт.].

Для значительной части пайщиков «Деятель» являлся «школой общественности», единственным источником опыта общественной работы, организации досуга и самообразования. Правление проводило до 80 заседаний в год. На собраниях обсуждались общественно значимые вопросы: о борьбе с продовольственным кризисом, осуществлении на практике демократических норм устава, коллегиальности управления, охране труда кооперативных служащих, развитии культурной работы и др. В октябре 1916 г. культурно-просветительная комиссия кооператива приступила к созданию библиотеки-читальни, совместному с обществом попечения о народном образовании проведению лекций по кооперации, семейных музыкально-драматических вечеров. С целью сбора средств на проведение этих мероприятий организовывались концерты с участием творческих сил города [Там же. 14 окт.]. В городской среде потребительская кооперация являлась организацией, где устанавливались социальные связи между большими группами граждан на горизонтальном уровне. На месте патри-

архального «местного», «соседского» принципа общественной жизни, свойственной деревенскому социуму, в городских кооперативах возникала иная общественная среда и новая ментальность. Преодолевая территориальную разрозненность, коммуникативное отчуждение, сословные, имущественные и личностные различия участников, потребительские кооперативы создавали новые общности на основе свободного выбора, самодеятельности, единения вокруг «общего дела», способствовали выработке новых норм поведения и ценностей, расширению интеллектуального и духовного горизонта, формированию гражданской и индивидуальной идентичности личности, преодолевающей патерналистские ожидания, нацеленной на самопомощь.

Сотрудничество с местным самоуправлением и активизация потенциала городских структур, общественных организаций и пайщиков для борьбы с продовольственным кризисом, самообеспечения и контроля «снизу», а также выполнение огромного объема конкретной работы по снабжению населения, организации справедливого распределения продуктов по карточкам, поставок для армии – все это выявляло важную социально-интегративную роль потребительских кооперативов и наделяло их функциями местного общественного самоуправления. Соединение в практической работе двух важнейших форм местной жизнедеятельности – потребительской кооперации и органов городского самоуправления – являлось важным фактором формирования гражданского общества на региональном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. I.
2. Список всех потребительных обществ России как действующих, так и закрывшихся на 1 января 1912 г. СПб., 1912.
3. Сибирские вопросы (Санкт-Петербург). 1908. № 13.
4. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2674.
5. Годовой отчет общества потребителей на Судженских каменноугольных копях Л.А. Михельсона за 1914–1915 гг. Мариинск, б.г.
6. Сибирская жизнь (Томск). 1914.
7. Объединение (Москва). 1916. № 5–6.
8. Ежегодник Московского союза потребительских обществ. М., 1912. Вып. 2. 1912 г.
9. ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1912. Д. 5, ч. 82.
10. Государственный архив Томской области.
11. Вестник студенческой кооперации. 1916. № 4–5.
12. РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 91.
13. Союз потребителей (Москва). 1915.
14. Меркулов А.В. Рост и распределение потребительской кооперации в России // Вестник кооперации. 1912. № 4.
15. Илимский Д. Очерки сибирской кооперации: от распыленности к организации // Сибирские записки. 1916. № 1.
16. Томское общество потребителей «Деятель»: отчет за 1915 год. Томск, 1916.
17. Сибирская жизнь (Томск). 1916.
18. Утро Сибири (Томск). 1916.
19. Сибирская деревня (Красноярск). 1915. № 10–11.
20. Союз потребителей (Москва). 1916.
21. Голос Сибири (Новониколаевск). 1916.
22. Государственный архив Новосибирской области.
23. Кооперативная жизнь (Москва). 1916.
24. Сибирская жизнь (Томск). 1917.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 апреля 2015 г.

URBAN CONSUMER COOPERATION IN TOMSK PROVINCE IN THE EARLY 20TH CENTURY: THE EXPERIENCE OF CIVIL SELF-GOVERNMENT

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 102–106. DOI: 10.17223/15617793/395/17

Zaporozhchenko Galina M. Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: galinakoop@yandex.ru

Keywords: consumer cooperation; consumer society “Worker”; civil society; self-government; Tomsk; Siberia.

On the basis of a wide range of sources, the process of formation of social activity in the city and working consumer cooperatives by the example of the largest Tomsk consumer society “Worker” is considered in the article. The cooperative movement was characterized by not only a significant contribution to the development of retail systems and cooperative production, but also by an important social-integrative function. A consumer cooperation was born in the Tomsk province in the second half of the nineteenth century. In 1869–1874 in Barnaul, a consumer society, one of the first in the country, operated. Its rules were approved by a public authority, the Ministry of Internal Affairs. Since 1912, a sustainable growth of urban and working societies began. They operated until the transformations of Soviet power. They emerged in Mariinsk, Novonikolaevsk, Tomsk, Barnaul, Narym, Taiga, Biysk, Kuznetsk, Kolyvan, Tatarsk, Bogotol, etc. The article discusses the social composition, commercial, industrial, unifying and cultural activities of the “Worker” cooperative, founded in 1913 in Tomsk. It was headed by cooperative workers V.I. Anuchin, D.I. Golenishchev-Kutuzov, N.A. Rozhkov, well-known in Siberia. Most of the participants belonged to the poor part of the urban population: the bureaucracy, the intelligentsia, the workers, and owned one or two 5-ruble shares. By January 1, 1917, the society consisted of 1957 members, the share capital amounted to 9820 rubles, the turnover to 438 thousand rubles; it had seven shops and a bakery. Cooperative trade was widely spread among the inhabitants of the city; it regulated prices in the local market. During the food crisis of the First World War “Worker” sold products harvested by the city to the population; the scarcest products were distributed by special cards. In general, the attitude of the municipal government to the cooperative was characterized as unfriendly, the relationship between the authorities, business elites and the cooperative was periodically blocked by the moments of hostility and competition. The union-integrative activity of the cooperative helped to create the “Tomsk Cooperator” partnership in August 1916.

For a significant part of the shareholders, “Worker” was the only source of experience in public work, leisure organization and self-education. The urban consumer cooperative strengthened social ties between large groups of citizens on the horizontal level, activated the capacity of the municipal government, public organizations and shareholders to combat food crisis, to realize self-sufficiency and control “from below”. The social-integrative role of consumer cooperatives endowed them with functions of the local self-government. The connection in practice of the two most important forms of local life – the consumer cooperative and the local government – was an important factor in the formation of the civil society at the regional level.

REFERENCES

1. Lamin V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk: Ist. nasledie Sibiri Publ., 2009. V. I, 716 p.
2. *Spisok vsekh potrebitel'nykh obshchestv Rossii kak deystvuyushchikh, tak i zakryvshikhsya na 1 yanvarya 1912 g.* [List of all consumers' societies of Russia both operating and closed on January 1, 1912]. St. Petersburg, 1912.
3. *Sibirskie voprosy*, 1908, no. 13.
4. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 4. File 2674.
5. Godovoy otchet obshchestva potrebitely na Sudzhenskikh kamennougol'nykh kopyakh L.A. Mikhel'sona za 1914–1915 gg. [The annual report of consumers' society at Sudzhensk coal mines of L.A. Mikhelson for 1914–1915]. Mariinsk, [n. d.].
6. *Sibirskaya zhizn'*, 1914.
7. *Ob'edinenie*, 1916, no. 5–6.
8. *Ezhegodnik Moskovskogo soyuza potrebitel'nykh obshchestv* [Yearbook of the Moscow Union of consumers' societies]. Moscow, 1912. Is. 2.
9. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. DPOO. 1912. File 5, pt. 82.
10. State Archive of Tomsk Oblast (GATO).
11. *Vestnik studencheskoy kooperatsii*, 1916, no. 4–5.
12. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 187. File 91.
13. *Soyuz potrebitely*, 1915.
14. Merkulov A.V. *Rost i raspredelenie potrebitel'skoy kooperatsii v Rossii* [The growth and distribution of consumer cooperation in Russia]. *Vestnik kooperatsii*, 1912, no. 4.
15. Ilimskiy D. *Ocherki sibirskoy kooperatsii: ot raspylennosti k organizatsii* [Essays of Siberian cooperation from sparseness to organization]. *Sibirskie zapiski*, 1916, no. 1.
16. Tomskoe obshchestvo potrebitely “Deyatel’”: otchet za 1915 god [Tomsk consumer society “Worker”: report for 1915]. Tomsk, 1916.
17. *Sibirskaya zhizn'*, 1916.
18. *Utro Sibiri*, 1916.
19. *Sibirskaya derevnya*, 1915, no. 10–11.
20. *Soyuz potrebitely*, 1916.
21. *Gолос Сибири*, 1916.
22. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO).
23. *Kooperativnaya zhizn'*, 1916.
24. *Sibirskaya zhizn'*, 1917.

Received: 13 April 2015

ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ Л. ДЖОНСОНЕ

Администрация Л. Джонсона продолжила европейскую политику Дж. Кеннеди, освободив ее от некоторых нереалистичных и преувеличенных ожиданий «Великого проекта». Несмотря на войну во Вьетнаме, правительство Л. Джонсона успешно завершило торговые переговоры с ЕЭС в ГАТТ, а также приняло серьезные меры для преодоления кризиса, вызванного политикой де Голля в отношении НАТО. В то же время американские политики были разочарованы медленным развитием процесса европейской интеграции, а также расхождением политики европейских государств с интересами США, что стало причиной последующего переосмысления американской политики в отношении единой Европы.

Ключевые слова: Л. Джонсон; европейская интеграция; европейская политика США; ЕЭС; трансатлантические отношения.

После убийства Дж. Кеннеди в Далласе 22 ноября 1963 г. президентом США стал Л. Джонсон. Поскольку на посту вице-президента Л. Джонсон мало занимался вопросами внешней политики, первое время большую роль в формировании внешнеполитического курса новой администрации играл аппарат госдепартамента и администрации президента, перешедший без изменений из правительства Дж. Кеннеди. Лица из команды Дж. Кеннеди, отвечавшие за внешнюю политику, – госсекретарь Д. Расс, заместитель госсекретаря Дж. Болл, специальный помощник президента по вопросам национальной безопасности М. Банди – остались на своих местах и обеспечивали преемственность в европейской политике США [1]. В первое время после прихода к власти Л. Джонсон больше уделял внимания вопросам внутренней политики. В ежегодном обращении президента к конгрессу в январе 1964 г., почти целиком посвященном задачам внутренней политики, Л. Джонсон провозгласил политику борьбы с бедностью. В мае 1964 г., выступая в университете Мичигана, президент обрисовал программу масштабных социальных и экономических реформ, получившую название программы «Великого общества». Программа включала предоставление гражданских прав афро-американскому населению США и увеличение роли государства в обеспечении прав американских граждан на трудоустройство, здравоохранение, образование и жилье. В 1964 г. внимание Л. Джонсона также было приковано к задаче переизбрания на должность президента.

Хотя Дж. Кеннеди пользовался большой популярностью в Европе и в годы своего президентства значительно улучшил имидж США в западноевропейских странах, его политические достижения были весьма скромными. Правительство Дж. Кеннеди оставило в наследство умирающий «Великий проект» со всеми его противоречиями [2. С. 10]. «Великий проект» Дж. Кеннеди, в основу которого были положены идеи «взаимозависимости» и «равноправного партнерства» между США и единой Европой, исходил из того, что непременным условием развития прочного атлантического партнерства является укрепление экономического и политического единства западноевропейских стран. В то же время, как отмечал помощник госсекретаря по европейским делам У. Тайлер, в годы президентства Дж. Кеннеди США допустили серьез-

ную ошибку, стараясь направить развитие Европы по одному конкретному пути вопреки очевидному отсутствию условий для успеха. Осуществляя такое давление, подчеркивал Тайлер, Соединенные Штаты лишь усилили в Европе подозрения, что настоящая цель американской политики заключается в том, чтобы создать такие атлантические рамки, внутри которых европейские страны будут играть заранее предопределенную роль. Он предостерегал против постоянных усилий наполнить политику атлантического партнерства конкретным содержанием в ближайшем будущем, взывая ко всем и к каждому в Европе, кто мог быть полезным инструментом для достижения американских целей. Такое поведение, полагал Тайлер, вызывало недовольство в европейских странах и порождало сомнение в американских мотивах, а поскольку цели не достигались, то и в мудрости и зрелости американской политики. Оно лишь подтверждало тезис французского президента Ш. де Голля о разнице интересов США и стран Западной Европы в определении задач и способов организации западного мира. Посол США в Великобритании Д. Брюс также считал, что США должны «убрать ногу с европейской педали», ясно обозначив свою позицию лишь по основным принципам, которые управляют атлантическими отношениями, и предоставить европейцам самим решать, как и когда они смогут организовать Европу в единое целое, которое составит основу для развития эффективного атлантического партнерства [3].

После того как в январе 1963 г. Франция в лице Ш. де Голля наложила вето на вступление Великобритании в ЕЭС, на повестке дня новой администрации остались подготовка к «раунду Кеннеди» в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) и проект создания многосторонних ядерных сил (МЯС). Сторонники проекта МЯС из госдепартамента США видели в формировании многосторонних ядерных сил путь к созданию политически единой Европы, способной взять на себя большую ответственность в области обороны. Они стремились убедить Л. Джонсона возобновить американские обязательства в отношении данного проекта и оказать соответствующее давление на европейцев [2. С. 40]. Однако из всех стран Западной Европы – только Западная Германия демонстрировала устойчивый интерес к американ-

скому предложению. Участие в МЯС позволяло ФРГ получить доступ к современному ядерному оружию и повысить свой статус в Североатлантическом альянсе. В свою очередь правительство Л. Джонсона не намеревалось развивать МЯС только как американо-германский проект без участия Великобритании и других заинтересованных стран – членов НАТО [4]. В США были раздражены, когда в сентябре 1964 г. посол ФРГ в Соединенных Штатах В. Грeve передал Л. Джонсону письмо канцлера Л. Эрхарда с предложением подписать в ближайшие сроки двустороннее американо-германское соглашение по МЯС, открытое для присоединения других западноевропейских стран [5]. В ответном письме от 7 октября 1964 г. Л. Джонсон подтвердил интерес США к созданию МЯС, но отклонил немецкое предложение о подписании американо-германского соглашения [6].

К концу 1964 г. в правительстве США только заместитель госсекретаря Дж. Болл все еще являлся сторонником проекта МЯС. Госсекретарь Д. Раск, министр обороны Р. Макнамара, специальный помощник президента по вопросам национальной безопасности М. Банди считали важным поддерживать данный проект на плаву как средство обеспечить более тесную связь ФРГ с НАТО, но только как средство, а не самоцель [7, 8]. В составленном для Дж. Болла меморандуме от 25 ноября 1964 г. М. Банди предложил «дать МЯС умереть собственной смертью». В числе причин такого решения указывались стремление Западной Германии продвинуть проект МЯС любой ценой, возможность нового выпада Ш. де Голля против НАТО, нежелание Великобритании участвовать в МЯС, несовместимость курса на создание МЯС с заключением договора о нераспространении ядерного оружия, отсутствие достаточной поддержки данного проекта в конгрессе США [9, 10]. В то же время президенту Л. Джонсону было достаточно сложно открыто отказаться от проекта создания МЯС, который обсуждался в течение пяти лет и поддерживался двумя его предшественниками на посту президента. Такой отказ мог подорвать прозападную и проамериканскую ориентацию ФРГ, которая рассматривалась как одно из наиболее важных достижений послевоенной европейской политики США. В итоге вопрос о создании многосторонних ядерных сил еще два года обсуждался в НАТО как один из вариантов создания коллективного ядерного флота, хотя фактически данный проект умер в декабре 1964 г.

Другим важным направлением европейской политики Л. Джонсона являлось проведение торговых переговоров с ЕЭС в рамках ГATT. Правительство Дж. Кеннеди проделало большую работу по подготовке к новому раунду переговоров в ГATT. В 1962 г. администрация Дж. Кеннеди разработала и провела через конгресс Закон о расширении торговли, который существенно расширил полномочия президента в ведении многосторонних и двусторонних переговоров о сокращении тарифов. Для того чтобы обеспечить утверждение закона конгрессом, правительство Дж. Кеннеди пошло на ряд уступок, которые включали введение новой должности специального предста-

вителя президента по торговым переговорам, а также обещание добиваться от Общего рынка сокращения тарифов не только на промышленные, но и на сельскохозяйственные товары. Включение вопросов сельского хозяйства в повестку дня переговоров в ГATT являлось новым шагом, так как до этого времени тарифные правила и нормы ГATT распространялись только на торговлю промышленными товарами. После смерти Дж. Кеннеди администрация Л. Джонсона завершила мероприятия по подготовке к «раунду Кеннеди». Они включали пересмотр и упрощение таможенной классификации США в целях ее приближения к классификации стран ЕЭС и составление списка товаров, по которым США были готовы предоставить тарифные уступки своим торговым партнерам на взаимной основе, а также исключений из данного списка [11. С. 134].

В отличие от США страны Общего рынка отнеслись к предстоящим переговорам настороженно и считали, что сообщество не готово к новым шагам по либерализации торговли [12]. На заседании 1–2 апреля 1963 г. Совет министров ЕЭС поддержал предложение о проведении нового раунда переговоров в ГATT, но министры выступили против снижения тарифов на сельскохозяйственную продукцию по тем же правилам, что и на промышленные товары. В начале 1960-х гг. государства «шестерки» еще не завершили процесс создания таможенного союза и едва приступили к разработке Общей сельскохозяйственной политики (ОСП). Основные задачи ОСП заключались в том, чтобы добиться полной самообеспеченности стран «шестерки» продовольствием, гарантировать фермерам стабильный доход и защитить местных производителей от конкуренции извне. Достижение этих задач обеспечивалось за счет введения специальных рыночно-ценовых инструментов, включая субсидии для местных производителей и установление дополнительных импортных сборов с сельскохозяйственной продукции из третьих стран. Уже на подготовительном этапе «раунда Кеннеди» (май 1963 г. – май 1964 г.) стало понятно, что Общий рынок пойдет только на такие уступки, которые не будут препятствовать дальнейшему развитию единой внешнеэкономической и сельскохозяйственной политики сообщества.

Создание единого сельскохозяйственного рынка ЕЭС началось с согласования единых цен на зерно. При этом Франция, имевшая самые низкие закупочные цены на основные сельскохозяйственные продукты, добивалась сближения цен внутри ЕЭС на низком уровне, что позволило бы ей значительно расширить экспорт пшеницы внутри Общего рынка. В свою очередь Правительство ФРГ, для которого введение низких цен означало разорение немецких фермеров и потерю их голосов на будущих выборах в бундестаг, выдвинуло встречное предложение о сближении цен на высоком уровне. К моменту открытия первой пленарной сессии «раунда Кеннеди» в мае 1964 г. данный вопрос все еще находился в стадии обсуждения. Представлявшая Общий рынок на переговорах в ГATT Комиссия ЕЭС отказывалась обсуждать вопрос

о либерализации торговли сельскохозяйственными товарами прежде, чем на эти товары будут установлены единые цены во взаимной торговле стран – членов Общего рынка. Госдепартамент США оценивал формирование Общей сельскохозяйственной политики ЕЭС как важную составную часть развития сообщества, без которой невозможно было построение экономического союза стран «шестерки» [13]. В США считали, что принятие решений о сокращении тарифов на те сельскохозяйственные товары, которые были включены в Общую сельскохозяйственную политику ЕЭС, следовало отложить вплоть до согласования норм ОСП, однако к остальным товарам (овощи, фрукты) необходимо применить общие правила.

Процесс согласования единых цен на основные сельскохозяйственные продукты занял гораздо больше времени, чем предполагали в США. В июне 1964 г. Совет министров ЕЭС принял решение перенести обсуждение вопроса о единых ценах на зерно на середину декабря, что было воспринято в США как сигнал о возможном провале «раунда Кеннеди» [14. С. 642–643]. В июле 1964 г. экономист из Массачусетского технологического института Ф. Батор, недавно назначенный заместителем М. Банди по экономическим вопросам, предупреждал президента, что Соединенные Штаты должны быть готовы к весьма скромным результатам переговоров по вопросам сельского хозяйства взамен на соглашения по промышленным товарам в американских интересах [2. С. 37]. К ноябрю 1964 г., когда участники «раунда Кеннеди» должны были представить свои списки исключений, правила ведения переговоров по сельскому хозяйству все еще находились в стадии разработки. В отличие от специального представителя по торговым переговорам К. Гертера, заместитель госсекретаря Дж. Болл и специальный помощник президента по вопросам национальной безопасности М. Банди считали, что Соединенные Штаты должны двигаться вперед в вопросах сокращения тарифов на промышленные товары вне зависимости от результатов работы комитета по торговле сельскохозяйственными товарами [14. С. 672]. Президент Л. Джонсон, за которым оставалось окончательное решение, согласился с аргументами своих советников. 3 ноября 1964 г. США официально уведомили исполнительного секретаря ГАТТ У. Уайта, Комиссию ЕЭС и своих основных торговых партнеров, что они готовы в установленный срок представить свой список исключений по промышленным товарам при условии, что такие же списки представляют остальные участники переговоров [Там же. С. 680].

15 декабря 1964 г. Франция и ФРГ, наконец, пришли к компромиссному решению по ценам на зерновые. Цены устанавливались на среднем уровне между низкой ценой во Франции и высокой в Германии, а пострадавшие в результате падения цен производители ФРГ и Италии должны были получить компенсацию за счет фондов ЕЭС. Установленные цены были на 60% выше мировых цен на зерновые и значительно выше тех цен, по которым США могли продавать зерно в Европу [Там же. С. 714]. В меморандуме пре-

зиденту Л. Джонсону от 16 декабря 1964 г., составленном М. Банди и Ф. Батором, говорилось о том, что Соединенным Штатам не следует ожидать слишком многоного на переговорах по сельскому хозяйству, а жесткая позиция США может лишить их выгодной сделки в промышленности [14. С. 692]. Таким образом, к концу 1964 г. администрация Л. Джонсона отказалась от наиболее идеалистических и иллюзорных аспектов риторики «Великого проекта». Правительство США не собиралось больше продвигать проект создания многосторонних ядерных сил НАТО и пересмотрело свое намерение добиваться значительного сокращения пошлин на сельскохозяйственные товары на переговорах в ГАТТ взамен на уступки по промышленным товарам.

Если в 1964 г. европейская политика США в основном носила реагирующий характер, то в 1965 г. администрация Л. Джонсона столкнулась с серьезным вызовом со стороны французского лидера Ш. де Голля стремившегося вывести Францию из фарватера политики США и ослабить ее связи с НАТО. Первым выпадом де Голля против США стало его выступление на пресс-конференции 4 февраля 1965 г., во время которого французский лидер потребовал отказаться от использования доллара в международных расчетах и перейти к единому золотому стандарту. К этому времени Франция уже обратила часть своих долларовых запасов в золото. В июне 1965 г. из посольства США во Франции поступило сообщение о том, что французское правительство намерено поставить вопрос о выводе иностранных войск и военных объектов, не находящихся под французским командованием, с территории Франции. Госдепартамент США принял решение избегать поспешной реакции на французские требования и начать предварительные консультации со своими союзниками по НАТО по вопросу о выводе командований и военных сил НАТО с территории Франции и изменениях в структуре и военном планировании альянса, начиная с тех вопросов, по которым Франция не имела права вето [15, 16].

В том же месяце спровоцированный де Голлем кризис «пустого кресла» в ЕЭС на длительное время парализовал как работу Европейского экономического сообщества, так и переговоры на «раунде Кеннеди». Кризис начался после того, как в июне 1965 г. председатель Комиссии ЕЭС В. Хальштейн предложил изъять из национальной компетенции и передать сообществу средства от компенсационных сборов с сельскохозяйственного импорта из третьих стран, чтобы использовать их для финансирования Общей сельскохозяйственной политики сообщества. Кроме того согласно Римскому договору с 1966 г. должен был вступить в силу принцип голосования большинством голосов при принятии решений в Совете министров ЕЭС, что означало дальнейшее ограничение национального суверенитета стран – участниц Общего рынка. Ш. де Голль решил воспользоваться разногласиями по проблеме финансирования ОСП, чтобы отвести положение Римского договора о вступлении в силу нового принципа голосования в Совете министров ЕЭС и таким образом исключить возможность

принятия важных экономических решений без обязательного согласия Франции. В знак протеста против инициатив Комиссии французские представители в течение всего второго полугодия 1965 г. не являлись на заседания рабочих органов ЕЭС, кроме небольшого количества заседаний по текущему управлению в связи с работой таможенного союза. Франция соглашалась соблюдать достигнутые договоренности по снижению таможенных барьеров и запущенные механизмы в сельском хозяйстве, но отказывалась участвовать в любых заседаниях, предполагающих рассмотрение новых шагов [17. С. 227, 229–230].

Госдепартамент США рассматривал кризис «пустого кресла» как внутренний вопрос ЕЭС и избегал любых комментариев по этому поводу. Представительствам США в Западной Европе была отправлена инструкция в ответ на любой официальный запрос о позиции США в отношении кризиса ЕЭС и европейской интеграции в целом отвечать, что после пятнадцати лет последовательной поддержки европейской интеграции Соединенные Штаты не изменят своего отношения к ней [18, 19]. По мнению американских политиков, бойкот Францией институтов ЕЭС осложнил переговоры в рамках «раунда Кеннеди», но не означал, что переговоры стали невозможными и не будут доведены до конца. Американские эксперты отмечали наличие серьезных экономических причин, которые подталкивали Францию к успешному, пусть и с умеренными результатами, завершению торговых переговоров. Администрация США была намерена терпеливо ждать, когда ЕЭС разрешит кризис и сможет возобновить свое участие в «раунде Кеннеди» [20]. Переговоры с другими торговыми партнерами (Австралия, Великобритания, Канада, Новая Зеландия, Европейская ассоциация свободной торговли – ЕАСТ, Япония) продолжались.

В госдепартаменте США были обеспокоены параллельным развитием кризиса в ЕЭС и ужесточением политики Франции в отношении НАТО. Постоянный представитель США в НАТО Х. Кливленд считал, что кризис «пустого кресла» является более опасным для развития сообщества, чем действия Франции в отношении НАТО для судьбы альянса. Он отмечал, что политика де Голля может заметно помешать работе НАТО, но не может ее уничтожить, включая интеграцию военного планирования в мирное время, так как остальные страны – участницы Североатлантического альянса в состоянии организовать совместную оборону Западной Европы и без участия Франции. Однако цели, обозначенные в Римском договоре о создании ЕЭС, не могут быть достигнуты без наличия Франции в сообществе. Создание единого фронта «пятерки» (остальные члены ЕЭС без Франции), по мнению Кливленда, могло быть лишь временной мерой, направленной на то, чтобы вынудить французских представителей вернуться в институты ЕЭС. Он рекомендовал госдепартаменту согласовывать любые тактические шаги в отношении НАТО с развитием кризиса ЕЭС, чтобы не осложнить ситуацию еще больше [21]. Мнение Х. Кливленда разделял заместитель госсекретаря Дж. Болл. Он опасался, что

французский лидер может попытаться объединить кризисы ЕЭС и НАТО, чтобы использовать один против другого для достижения своей цели по восстановлению престижа и независимости Франции путем ее отрыва от существующих международных организаций [22].

В январе 1966 г. де Голль был переизбран на новый президентский срок. К этому времени стало ясно, что французский лидер намерен сначала завершить кризис ЕЭС, а затем выдвигать новые требования в НАТО [23]. В январе 1966 г. на заседаниях министров иностранных дел стран – участниц Общего рынка в Люксембурге было принято компромиссное решение, разрешившее кризис ЕЭС. Согласно «люксембургскому компромиссу» решения в Совете министров ЕЭС по вопросам, затрагивающим жизненно важные интересы того или иного государства, в том числе по сокращению тарифной ставки, должны были приниматься единогласно. После того как 7 марта 1966 г. Ш. де Голль направил Президенту США Л. Джонсону письмо, в котором сообщил о намерении Франции покинуть военную организацию НАТО, в госдепартаменте США вновь возникли опасения, что французский лидер может использовать Европейские сообщества для реализации своих целей в отношении Североатлантического альянса. Не только США, но и страны «пятерки» были заинтересованы в том, чтобы отделить кризис в НАТО от работы ЕЭС и переговоров в ГАТТ. В июле 1966 г. страны Общего рынка пришли к соглашению по ценам на основные сельскохозяйственные продукты и приняли решение о распределении между членами ЕЭС взносов в Европейский фонд поддержки и гарантий сельского хозяйства. После этого Комиссия ЕЭС смогла представить в ГАТТ свои предложения по снижению тарифов на сельскохозяйственные товары. В сентябре 1966 г. возобновилась работа пленарной сессии участников «раунда Кеннеди».

Еще летом 1966 г. советники президента рекомендовали Л. Джонсону выступить с официальной речью по вопросам европейской политики США вскоре после принятия ключевых решений, связанных с выходом Франции из военной организации НАТО [24. С. 474]. 7 октября 1966 г. Л. Джонсон на национальной конференции авторов передовых статей в Нью-Йорке выступил с речью, озаглавленной «Делая Европу единым целым: незавершенная задача». В ней американский президент обозначил три основных направления, в которых должны были двигаться США и их союзники в Западной Европе: модернизация Североатлантического альянса, дальнейшее развитие западноевропейской интеграции и улучшение отношений между Востоком и Западом. В своем выступлении Джонсон оперировал формулами «взаимозависимости» и «равноправного партнерства» между США и единой Европой, унаследованными от Кеннеди. Новая Европа, говорил он, «должна стать более сильной, более объединенной, но открытой Европой с Великобританией в качестве ее составной части и с тесными связями с Америкой» [25. С. 490].

Осенью 1966 г. в госдепартаменте США были настроены достаточно оптимистично, что было связа-

но с приближающимся завершением «раунда Кеннеди» в ГАТТ и решением Правительства Великобритании предпринять новую попытку вступить в ЕЭС. Вопрос о подаче новой заявки на вступление в ЕЭС был поставлен на заседании британского Кабинета министров 22 октября 1966 г. Конкретного решения принято не было, но на следующих заседаниях правительства министры одобрили идею турне премьер-министра Г. Вильсона и министра иностранных дел Дж. Брауна по столицам стран «шестерки» с целью исследовать шансы Великобритании на присоединение к ЕЭС. В ноябре того же года Г. Вильсон информировал президента Л. Джонсона о том, что англичане намерены добиваться вступления в ЕЭС. Администрация Л. Джонсона, как и правительство Дж. Кеннеди, поддерживала вступление Великобритании в Общий рынок, которое могло способствовать преодолению раскола Западной Европы на два экономических блока (ЕЭС и ЕАСТ) и задать направление будущему развитию американо-европейских отношений в сторону равноправного партнерства. После выхода Франции из военной организации НАТО Правительство США оказывало давление на Лондон и стремилось подтолкнуть британских политиков к мысли о том, что будущее страны находится в Европе. По мнению госдепартамента, вступление Великобритании в ЕЭС могло компенсировать ослабление франко-германских отношений, которые всегда были основой построения единой Европы и стабильности германской внешней политики, значительно усилить «пятерку» в ее отношениях с голлистской Францией и таким образом опосредованно способствовать сохранению единства НАТО.

Правительство Л. Джонсона, однако, воздерживалось от любых публичных высказываний в поддержку присоединения Великобритании к ЕЭС, чтобы не вызвать нового заключения де Голля о «трясянском коне» США. Администрация Л. Джонсона отдавала себе отчет в том, что Ш. де Голль скорее всего не согласится на вступление Великобритании в Общий рынок и постарается использовать различные аргументы, чтобы заблокировать англичанам путь в ЕЭС. Из них наиболее весомым был аргумент о слабости британского фунта стерлингов [26]. Статья 108 Римского договора о создании ЕЭС предусматривала оказание взаимной помощи государству – члену сообщества, испытывавшему платежные затруднения [27. С. 169–170]. Таким образом, в случае вступления Великобритании в Общий рынок сообществу пришлось бы взять на себя серьезную финансовую и политическую ответственность за состояние британской валюты.

На завершающем этапе «раунда Кеннеди» возникли некоторые затруднения. Общий рынок вместе с Великобританией и Швейцарией требовал от США пересмотреть систему исчисления пошлин на ряд товаров химической промышленности (красители, пигменты, некоторые лекарства) на базе внутренней продажной цены. В противном случае они угрожали, что отведут свои уступки по тарифам на химические продукты. В свою очередь США выступили с критикой системы пороговых цен и подвижных импортных

сборов ЕЭС [14. С. 861–862]. Дальнейшая оттяжка принятия окончательного решения грозила срывом переговоров, так как в соответствии с американским торговым законом срок полномочий президента США по предоставлению торговых уступок партнерам заканчивался 30 июня 1967 г. Как США, так и другие участники «раунда Кеннеди» были заинтересованы в снижении таможенных барьеров своих торговых партнеров и продолжили поиск компромиссов. Переговоры завершились 15 мая 1967 г. Снижение пошлин должно было проводиться поэтапно в течение пяти лет. В промышленности ожидалось снижение пошлин в среднем на 33–35%, что являлось наилучшим результатом в истории ГАТТ. В торговле продуктами сельского хозяйства США добились лишь небольших уступок от ЕЭС на сумму в 100 млн долларов [14. С. 921, 936–937; 28. С. 154]. Хотя США получили несколько большие тарифные уступки от ЕЭС, чем предоставили сами, сохранение системы подвижных импортных сборов и других протекционистских мер не позволили Соединенным Штатам увеличить свой доступ на сельскохозяйственный рынок ЕЭС.

Незадолго до окончания «раунда Кеннеди» 2 мая 1967 г. премьер-министр Г. Вильсон сделал заявление в британском парламенте о том, что правительство приняло решение подать заявку на вступление в ЕЭС. Кабинет Г. Вильсона занял иную исходную позицию, чем правительство Г. Макмиллана в 1961 г., и отказался от требований существенных поправок к Римскому договору и многочисленных исключений и гарантий для британского сельского хозяйства, стран Содружества и государств – членов ЕАСТ. В качестве главных проблем на переговорах с ЕЭС Г. Вильсон выделил только несколько пунктов, таких как вопрос о взносах в фонды ЕЭС, наличие переходного периода, гарантии сбыта в странах ЕЭС молочных продуктов из Новой Зеландии и сахара из стран Карибского бассейна [29. С. 117–118]. В тот же день госдепартамент США отправил циркулярную телеграмму американским представительствам в странах Западной Европы. В ней подчеркивалось, что намерение Великобритании вступить в ЕЭС имеет большое значение для Соединенных Штатов, но американские дипломаты не должны выражать никаких видимых эмоций по этому поводу, чтобы в ходе переговоров Великобритании с Общим рынком не привлекать внимание к позиции США. В госдепартаменте США были особенно удовлетворены тем обстоятельством, что, выступая перед палатой общин, Г. Вильсон сделал акцент на политических целях Великобритании в единой Европе. По мнению американских политиков, такое признание политического характера и цели процесса европейской интеграции являлось важным и новым конструктивным элементом в европейской политике Великобритании [30].

11 мая 1967 г. Правительство Великобритании направило официальное заявление о намерении присоединиться к ЕЭС. Примеру Великобритании последовали Дания, Ирландия и Норвегия. Посол США в Великобритании Д. Брюс положительно оценивал стратегию и тактику правительства Г. Вильсона, ко-

торое представило простую и ясную заявку и сосредоточило свои усилия на главном вопросе развития диалога с ЕЭС. Д. Брюс отмечал, что в отличие от правительства Г. Макмиллана кабинет Г. Вильсона перестал акцентировать внимание на внутренних проблемах Великобритании. Вместо этого британское правительство подчеркивало необходимость создания единой сильной Европы, способной противостоять Соединенным Штатам и играть большую роль в мире, и давало понять, что, вступив в сообщество, Великобритания встанет во главе движения к большей экономической и политической интеграции [31].

В позиции Ш. де Голля по вопросу о присоединении Великобритании к ЕЭС не произошло существенных изменений. В основе негативного отношения французского лидера к вступлению Великобритании в Общий рынок лежали страхи перед появлением в сообществе более мощного промышленного партнера, опасения за судьбы аграрной интеграции, нежелание использовать ресурсы сообщества для покрытия дефицита платежного баланса Великобритании, боязнь, что вслед за Великобританией в сообщество хлынет американский капитал, что усилит зависимость Западной Европы от Соединенных Штатов [32. С. 301]. Главная причина заключалась в том, что Европейские сообщества без Великобритании больше соответствовали амбициям Парижа играть роль лидера единой Европы. На пресс-конференции 16 мая 1967 г. Ш. де Голль выдвинул традиционные, а также новые возражения против британской кандидатуры, которые касались роли фунта стерлингов как резервной валюты. Французский президент, однако, избегал фактического вето на британское членство, не желая провоцировать новый кризис в сообществе.

Несмотря на позицию Ш. де Голля, Г. Вильсон отказался признать себя побежденным и решил добиваться начала переговоров на официальном уровне. 29 сентября 1967 г. Комиссия Европейских сообществ вынесла с рядом оговорок положительное заключение по заявкам новых кандидатов на вступление в Европейские сообщества. Комиссия отметила в качестве одного из условий вступления Великобритании в ЕЭС необходимость согласовать решение своих внутриэкономических и финансовых проблем с сообществом. На заседании Совета министров ЕЭС 23–24 октября 1967 г. министр иностранных дел Франции К. де Мюрвиль заявил, что Франция в принципе не имеет возражений против вступления Великобритании в ЕЭС, но вопрос о новых членах сообщества требует более глубокого изучения. Он поднял проблему дефицита платежного баланса и роли фунта стерлингов как резервной валюты и призвал к решению обоих вопросов как необходимому предусловию начала переговоров. Остальные министры согласились с заключением Комиссии о начале переговоров со странами-кандидатами с целью определить, может ли быть найдено решение проблем, являющихся частью их заявок [33].

Задачу Ш. де Голля по блокированию переговоров о расширении ЕЭС облегчило обострение хронических проблем британской экономики, вызванное «ше-

стидневной» арабо-израильской войной на Ближнем Востоке. После закрытия Суэцкого канала Великобритания была вынуждена покупать более дорогостоящее топливо у западноевропейских поставщиков, что привело к увеличению дефицита платежного баланса. В ноябре 1967 г. правительство Вильсона провело вынужденную девальвацию британской валюты. 27 ноября 1967 г. Ш. де Голль в очередной раз использовал формат пресс-конференции, чтобы заявить о своем отношении к вступлению Великобритании в ЕЭС. Он привел кризис фунта стерлингов в качестве наглядного доказательства неготовности британской экономики к вступлению в Общий рынок. Французский лидер высказался в категорической форме не только против полноправного членства Великобритании в ЕЭС, но и вообще против открытия переговоров с ней по этому вопросу. Хотя де Голль не наложил вето на вступление Великобритании в ЕЭС, он ясно дал понять, что не допустит ее в сообщество, пока ситуация в британской экономике не улучшится.

Министр иностранных дел Великобритании Дж. Браун считал, что на предстоящем 18–19 декабря заседании Совета министров ЕЭС «пятерка» должна надавить на Францию с целью принятия определенного решения о начале переговоров. Незадолго до заседания Совета 12 декабря, встречаясь с госсекретарем США Д. Раском, Браун обратился за помощью к США. Он стремился вовлечь американцев в сложившуюся ситуацию и настойчиво просил Раска занять твердую позицию на любых переговорах с представителями «пятерки». Д. Раск считал подобную тактику ошибочной и немедленно прервал Брауна. Он предупредил его от повторения прежних ошибок, совершенных Великобританией в ее отношениях с Общим рынком, и заметил, что время работает на Великобританию, поэтому следует предоставить «пятерке» возможность действовать в той манере, в какой она сочтет лучшим [34]. Соединенные Штаты предпочли сохранять позицию невмешательства, нежели рисковать вмешаться и сделать ситуацию еще хуже.

В декабре 1967 г. Франция успешно заблокировала открытие официальных переговоров Великобритании с ЕЭС. На заседании Совета министров ЕЭС 11–12 декабря 1967 г. был заслушан доклад Комиссии о проведенной 18 ноября девальвации британской валюты и связанных с ней надеждах на улучшение платежного баланса Великобритании. Однако на специальном заседании министров иностранных дел стран ЕЭС в Брюсселе 18–19 декабря министр иностранных дел Франции К. де Мюрвиль заявил, что вопрос о переговорах с Великобританией не может обсуждаться до тех пор, пока она не продемонстрирует, что ее экономика здорова. Длительные переговоры с Великобританией и ее вступление в ЕЭС в настоящий момент, отметил французский министр, опасны для сообщества и могут затормозить его развитие. В итоге Совет министров подтвердил «карманное вето» де Голля, хотя официального голосования по вопросу о начале переговоров со странами-кандидатами не было. Никто из членов ЕЭС, включая ФРГ, не был готов взять на себя риск противостоять де Голлю и тем са-

мым спровоцировать новый кризис в сообществе. Соединенные Штаты следовали прежней тактике: не выражать открыто свою точку зрения и не участвовать в дискуссии, пока сообщество не определится со своей позицией [35]. Ни для кого в Европе и Соединенных Штатах не было секретом, что это станет возможным только после смены политического лидерства во Франции.

Несмотря на войну во Вьетнаме, европейское направление занимало важное место во внешней политике администрации Л. Джонсона. В 1964 г. Правительство Л. Джонсона продолжило развивать основные направления «Великого проекта» Дж. Кеннеди, одновременно стараясь освободить его от просчетов и преувеличенных ожиданий. После начала в 1965 г. войны во Вьетнаме администрация Л. Джонсона могла проводить только политику острожного управления атлантическими и европейскими делами. Она продолжала поддерживать процесс европейской интеграции, но не давила на европейские страны и не проявляла излишнего беспокойства по поводу упущеных европейцами возможностей. Вопреки беспокойству в западноевропейских странах, что из-за войны во Вьетнаме, проблем черного населения Америки и заинтересованности в достижении разрядки международной напряженности США стали меньше интересоваться Европой правительству Л. Джонсона удалось добиться серьезных успехов в своей европейской политике. Администрация Л. Джонсона сумела сохранить единство Североатлантического альянса и решить технические вопросы, связанные с выходом Франции из военной организации НАТО. К марта 1967 г. войска и учреждения НАТО завершили эвакуацию с территории Франции. Другим важным достижением европейской политики Л. Джонсона стало успешное завершение в июне того же года «раунда Кеннеди» в ГАТТ.

Если в начале процесса европейской интеграции США поддерживали движение к созданию единой Европы как по экономическим, так и по политическим мотивам, то после завершения в конце 1950-х гг. восстановительного периода в Европе экономические соображения отошли на второй план. Напротив, политические мотивы, связанные с укреплением единства западноевропейских стран, стали еще более актуальными. По мнению американских политиков, только единая Европа могла играть весомую роль в международных отношениях и выступать в роли надежного партнера США. В условиях хронического дефицита американского платежного баланса лишь важные политические соображения могли перевесить протесты в США по поводу расширения европейского Общего рынка, окруженного высоким внешним таможенным барьером и составлявшего конкуренцию американским товарам на мировом рынке [36]. В то же время кризис «пустого кресла» 1965 г. показал, что процесс европейской интеграции не является необратимым. Европейцы спасли сообщество посредством «люксембургского компромисса», но отказались от задач по развитию политической интеграции, сосредоточившись на решении технических вопросов углубления экономического сотрудничества.

В некоторых кругах администрации Л. Джонсона зародились сомнения, стоит ли поддерживать политику европейских государств, если она противоречит национальным интересам США. На заседании Совета национальной безопасности 3 мая 1967 г. министр финансов Г. Фаулер поставил вопрос о том, должны ли США мириться с европейскими финансовыми инициативами и сложившейся тенденцией сокращения американских золотовалютных резервов при увеличении резервов у европейских партнеров. Он также спрашивал, должны ли США – и если должны, то как – реагировать на действия Франции, направленные на то, чтобы подорвать американское влияние в Европе и ее попытки использовать ЕЭС для достижения этой цели. В конце того же месяца Г. Фаулер отправил президенту Л. Джонсону меморандум, посвященный американо-европейским отношениям. Он отмечал, что Общий рынок отказывается брать на себя соответствующую его экономической и финансовой мощи долю ответственности в области обороны и в сфере валютных отношений. Г. Фаулер задавал вопрос, должны ли США и дальше поддерживать развитие Общего рынка, если это приведет к еще большему увеличению дефицита американского платежного баланса. Он считал, что если Правительство США намерено и впредь поддерживать объединение Европы и экономический рост ЕЭС, оно должно потребовать некоторой формы «зрелости» от «шестерки». «Зрелое партнерство», по мнению Г. Фаулера, включало добровольный отказ европейских стран от конвертации долларов в золото и увеличение доли европейцев в расходах на совместную оборону [37. С. 99–101]. Похожие мнения высказывались в госдепартаменте и Министерстве обороны США, что помогает понять причины общей переоценки американской политики по отношению к Европе, произошедшей при Р. Никсоне.

Несмотря на раздражение и нетерпение отдельных американских политиков, идея единой Европы, имеющей вес в мировых делах, все еще сохраняла свою привлекательность. По этому поводу представитель США в Европейских сообществах Р. Шетцель на одном из заседаний Совета по внешней политике иронично заметил: «Европа сегодня и в будущем необходима для нас и для мира. Это наша неприятная и неблагодарная задача вынянчить ее в трудный переходный период» [37. С. 99]. В конечном итоге правительство Л. Джонсона предпочло сохранить статус-кво, нежели кардинально переосмыслить отношения с европейскими странами. Оно признавало важность объединения Европы, но отдавало себе отчет в том, что тенденция к росту независимости европейских стран от США будет продолжаться и что европейцы будут больше говорить, чем строить единую Европу. В вопросах торговли правительство США сконцентрировало свое внимание на решении задач периода, следующего за «раундом Кеннеди». Соединенные Штаты стремились к тому, чтобы сохранить лидерство в торговой политике стран Запада и положительный торговый баланс с ЕЭС, несмотря на прогнозируемое расширение сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1964–1968. Vol. 13 : Western Europe Region. Wash., 1995. Introduction. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/introduction>*
2. *Schwartz T.A. Lyndon Jonson and Europe in the Shadow of Vietnam. London, Cambridge (Mass.), 2003.*
3. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 35. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d35>*
4. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 18. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d18>*
5. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 36. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d36>*
6. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 38. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d38>*
7. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 44. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d44>*
8. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 46. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d46>*
9. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 52. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d52>*
10. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 57. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d57>*
11. *Шеринев Е.С. «Раунд Кеннеди». Расчеты США и действительность. М., 1968.*
12. *European Reactions to US Trade Expansion Act. December 12, 1963. National Archive (NA), RG 59, Box 12, Folder L5b.*
13. *Year-End Review «European Integration Affairs», December 6, 1962. NA, RG 59, Records Relating to UK Negotiations for Membership in the EEC, 1961–1962, Box 4, Folder L5.*
14. *FRUS. 1964–1968. Vol. 8. International Monetary and Trade Policy. Wash., 1998.*
15. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 89. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d89>*
16. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 95. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d95>*
17. *Пейрефит А. Таким был де Голль. М., 2002.*
18. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 93. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d93>*
19. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 98. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d98>*
20. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 109. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d109>*
21. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 110. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d110>*
22. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 112. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d112>*
23. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 127. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d127>*
24. *Johnson L.B. The Vantage Point. Perspectives of the Presidency, 1963–1969. L., 1971.*
25. *Johnson L. Making Europe Whole: an Unfinished Task // The Atlantic Community Quarterly. 1966. Vol. 4, No. 4.*
26. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 188. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d188>*
27. *Договор об учреждении Европейского экономического сообщества // Европейский союз: Прошлое, настоящее, будущее. Т. 1 : Документы Европейского союза. М., 1994.*
28. *Economic Relations after the Kennedy Round / ed. by Frans A.M. Alting von Geusar. Leyden, 1969.*
29. *Липкин М.А. Британия в поисках Европы: долгий путь в ЕЭС, 1957–1974 гг. М., 2009.*
30. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 250. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d250>*
31. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 272. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d272>*
32. *Хесин Е.С. Англия в экономике современного капитализма. М., 1979.*
33. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 283. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d283>*
34. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 280. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d280>*
35. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 294. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d294>*
36. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 302. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d302>*
37. *Guderzo M. Johnson and European Integration: A Missed Chance for Transatlantic Power // Cold War History. 2004. Vol. 4, No. 2.*

Статья представлена научной редакцией «История» 3 апреля 2015 г.

US POLICY TOWARDS EUROPEAN INTEGRATION UNDER PRESIDENCY OF L. JOHNSON

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 107–115. DOI: 10.17223/15617793/395/18

Lekarenko Oksana G Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olekarenko@gmail.com

Keywords: Johnson; European integration; European policy of the USA; EEC; transatlantic relations.

As former Vice-President Lyndon Johnson had inherited Kennedy's European policy, the so-called Grand Design aimed at the establishment of 'partnership of equals' between the US and uniting Europe. The main components of the Grand Design were the creation of the Multilateral Nuclear Force, the supporting of Great Britain joining the Common Market and trade negotiations with the EEC in the GATT. Johnson's Administration continued Kennedy's European policy. Nevertheless, by the end of 1964, the new administration had abandoned some exaggerated and unrealistic expectations of the Grand Design about the Multilateral Nuclear Force and profit deal with the EEC in the trade of agricultural products. In conducting their policy towards European integration, Johnson's Administration pursued the following method: the US should not give the impression of intervening into Europe's affairs. The pivotal moment came in 1965–1966 with the escalation of the Vietnam War and de Gaulle's dual attack against the EEC and NATO. The 'empty chair' crisis paralyzed negotiations in GATT for half a year. The US State Department considered the 'empty chair' crisis as the EEC internal matter and avoided any comments about it. American officials were disappointed with the delay in the Kennedy Round, but did not accept it as a failure of negotiations. However, American politicians were disturbed by de Gaulle's parallel actions towards the EEC and NATO and the influence of the NATO crisis on the development of the EEC. After a hard bargaining with the EEC in 1967, the Kennedy Round was completed successfully. For the first time from the end of World War II, the US and the EEC negotiated as equal economic powers. After the completion of the Kennedy Round, it was expected that industrial tariffs would be reduced by 35–36 %, which was the best result in the history of GATT. At the same time, there were very modest achievements in the sphere of agriculture. In 1967, Great Britain made its second application to join the Common Market. Johnson's administration supported the new British application, but in comparison with the first British attempt to join the EEC, it avoided demonstrating its attitude and exerting pressure on the European states on that issue. At the end of 1967, France blocked Great Britain's entry into the EEC once again. In spite of the Vietnam War, Johnson completed the main Kennedy's initiatives for Europe and took strong measures to overcome crisis in NATO, caused by the policy of de Gaulle. However, by the end of 1960s, a gap between American expectations from the European integration process and its real achievements became obvious. Americans were disappointed by the slow progress of European integration, especially in the political sphere. Some American officials also asked whether

it was wise to support the policy of European states if this policy contradicted American national interests. These questions and disappointments contributed to the rethinking of the US policy towards uniting Europe during the Nixon period.

REFERENCES

1. *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1964–1968. Vol. 13: Western Europe Region. Wash., 1995.* Introduction. Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/introduction>.
2. Schwartz T.A. *Lyndon Johnson and Europe in the Shadow of Vietnam*. London, Cambridge (Mass.), 2003.
3. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 35.* Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d35>.
4. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 18.* Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d18>.
5. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 36.* Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d36>.
6. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 38.* Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d38>.
7. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 44.* Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d44>.
8. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 46.* Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d46>.
9. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 52.* Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d52>.
10. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 57.* Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d57>.
11. Shershnev E.S. *“Raund Kennedy”*. *Raschety SSSR i deystvitev'nost'* [The Kennedy Round. Expectations of the United States and reality]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1968. 200 p.
12. European Reactions to US Trade Expansion Act. December 12, 1963. National Archive (NA), RG 59, Box 12, Folder L5b.
13. Year-End Review “European Integration Affairs”, December 6, 1962. NA, RG 59, Records Relating to UK Negotiations for Membership in the EEC, 1961–1962, Box 4, Folder L5.
14. *FRUS. 1964–1968. Vol. 8. International Monetary and Trade Policy. Wash., 1998.*
15. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 89.* Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d89>.
16. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 95.* Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d95>.
17. Peyrefit A. *Takim byl de Goll'* [This was de Gaulle]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy Publ., 2002. 694 p.
18. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 93.* Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d93>.
19. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 98.* Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d98>.
20. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 109.* Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d109>.
21. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 110.* Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d110>.
22. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 112.* Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d112>.
23. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 127.* Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d127>.
24. Johnson L.B. *The Vantage Point. Perspectives of the Presidency, 1963–1969*. London: Henry Holt & Company Inc., 1971.
25. Johnson L. Making Europe Whole: an Unfinished Task. *The Atlantic Community Quarterly*, 1966, vol. 4, no. 4.
26. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 188.* Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d188>.
27. *Dogovor ob uchrezhdenii Evropeyskogo ekonomicheskogo soobshchestva* [The Treaty on the establishment of the European Economic Community]. In: Borko Yu.A. (ed.) *Evropeyskiy soyuz: Proshloe, nastoyashchee, budushchee* [European Union: Past, Present, Future]. Moscow: Pravo Publ., 1994. V. 1, 106 p.
28. Frans A.M. Altig von Geusar (ed.) *Economic Relations after the Kennedy Round*. Leiden: A.W. Sijthoff, 1969. 224 p.
29. Lipkin M.A. *Britaniya v poiskakh Evropy: dolgiy put' v EES, 1957–1974 gg.* [Britain in search for Europe: a long way to the EU, 1957–1974]. Moscow: Aleteyya Publ., 2009. 240p.
30. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 250.* Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d250>.
31. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 272.* Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d272>.
32. Khesin E.S. *Angliya v ekonomike sovremennoogo kapitalizma* [England in the economy of modern capitalism]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 366 p.
33. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 283.* Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d283>.
34. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 280.* Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d280>.
35. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 294.* Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d294>.
36. *FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 302.* Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d302>.
37. Guderzo M. *Johnson and European Integration: A Missed Chance for Transatlantic Power*. Cold War History, 2004, vol. 4, no. 2.

Received: 03 April 2015

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БУЛГАР

На основе древних и средневековых источников прослеживается хронография истории булгар. Первое упоминание об этом племени относится к I в. (а не к IV в., как отмечается в научной литературе). Рассматриваются генетическая связь булгар с казанскими татарами и отсутствие таковой с савирами.

Ключевые слова: булгары; савиры; хронология; история; Кавказ; Поволжье; казанские татары; чуваши.

С.А. Токарев в теоретической статье о проблеме этногенеза чувашей и булгар писал: «Трудно было бы что-либо возразить против достаточно убедительно доказанной исторической связи между древними булгарами и современными чувашами» [1. С. 13]. Однако, рассуждал далее С.А. Токарев, даже самая прямая историческая связь еще не есть тождество – об этом не всегда помнят. Необходимо дать себе отчет в том, что даже убедительное сближение современного народа с древними предками мало помогает понять его происхождение. Это скорее объяснение известного искомого через неизвестное. Поэтому даже доказанная связь, например, нынешних чувашей с древними булгарами не дает ответа на вопрос об их происхождении. Можно ли считать «булгарскую теорию» решением проблемы этногенеза чувашского народа? Скорее, наоборот, эта теория может служить ответом на вопрос о том, кто такие были булгары. Нельзя безоговорочно сближать современный народ с древним племенем.

Априорное увлечение булгарскими истоками предков чувашей и прямая идентификация булгар с древнетюркским миром приводят к ненаучным обобщениям.

Известно, что во времена царствования Валаршака (= Валарша, ок. 197–216 гг. [2. С. 69]) в Армении, близ удела Шара, появляется колония булгарских племен. В прочтении А.А. Акопяна – *вәл’эндүр булхары* (источник: личное письмо автору этих строк от 9.01.2015). Ныне это область Вананд с центром в г. Карс в Турции [3. С. 369]. В годы правления царя Аршака в Стране булгаров, окруженной Кавказскими горами, возникла смута, о чем писал Мовсес Хоренаци. В этой связи многие булгары переселились в Армению «на долгое время, ниже Кола, на плодородной земле, в обильные хлебом места». При этом Мовсес Хоренаци ссылается на Мар Абас Катину, жившего в конце III – начале IV в., что увеличивает достоверность названных событий [4. С. 61, 69]. Согласно сведениям из приведенных источников, булгары в это время жили в области Кола (ныне – область и город Göle в северо-восточной части Турции). По А.А. Акопяну, аутентичным прототипом царя Валаршака в армяноведении обоснованно считают не Валарша II (такое отождествление М.С. Гаджиева он считает поспешным) или Валарша I (117–140), а Трдата I (5475), автора реформ, описанных у Хоренаци со ссылкой на Мар Абас Катину. Таким образом, есть основание считать, что булгары впервые зафиксированы в I в. н.э. на юго-западе Армении. Пока же многие ис-

следователи продолжают считать, что первое упоминание булгар относится к 354 г. – в форме *Vulgares* у латинского Анонима в его Хронографии [5. С. 105].

Во времена Аттилы булгары входили в сферу влияния гуннов, в том числе воевали в составе их войск [6. С. 147], хотя речь не идет о полном подчинении. Комментатор «Гетики» Е.Ч. Скржинская обратила внимание на следующий факт: рассказывая о событиях второй половины V – первой половины VI в., связанных с гуннами, Иордан называл их то булгарами, то антами, то склавенами [7. С. 218]. В 493, 499 и 502 гг. булгары (Воўлгароў) совершают опустошительные походы в северные пограничные области Византийской империи [8. С. 75]. При этом у Феофана Исповедника имеется уточнение: «...и возвращаются назад, прежде чем о них узнали» (501/502 г.) [9. С. 25, 49]. Например, в 499 г. у р. Цурта (ныне – территория Южной Осетии) произошло сражение между булгарами и иллирийцами, в бою погибли более 4 000 человек. Но источник не уточняет: эта цифра относится к обеим сторонам или только к иллирийцам. Видимо, речь идет о погибших воинах из войска под командованием иллирийца Ариста, ибо автор источника говорит о византийских событиях. Из контекста следует, что до конца V в. булгары не совершали дальних походов и не были известны в византийских землях. К началу VI в. они уже приобрели военный опыт. Под 499, 502, 515, 530 гг. Комит Марцеллин также повествует о иллирийско-фракийско-булгарских войнах [10. С. 86, 119, 120].

Под 538/539 гг. Феофан отмечает крупные военные столкновения между булгарами и византийцами. Хотя, говоря об этих действиях, Малала, чьим компилятором являлся Феофан, повествовал не о булгарах, а о гуннах. Разумеется, в эти времена гуннов уже не существовало. В 555 г. Захария Ритор писал, что у булгар были города [11. С. 595]. Согласно Михаилу Сирийцу, который опирался на «Церковную историю» Иоанна Эфесского (умер в 586 г.), сасанидский царь Бахрам VI Чубин решил восстать против юного ромейского ставленника Хосрова на Кавказе. Поэтому Хосров обратился за помощью к ромейскому царю Маврикиану (582–602). Маврикиан отправил целую армию, в числе которой были армяне и булгары в количестве 2 000 человек [12. С. 36], поддержать Хосрова. Судя по контексту, событие произошло в 590 г. или сразу после этого, но не позднее 602 г. Значит, в эти годы в состав ромейских войск на Кавказе (скорее всего, на территории Армении) входили и булгары.

В 626 г. булгары осаждали Константинополь. Под предводительством Кубрата в 635 г. булгарами было сокрушено могущество аварцев в Причерноморье. С угасанием власти тюрков в эти годы в западных степях набирают силу булгары и хазары. Так возникло новое государство – Великая Булгария со столицей в Фанагории [13. С. 171–172]. После смерти (от 642 до 665 г.) у властителя булгар и котрагов Кубрата (Коβράт) остались пять сыновей. Находясь при смерти, он завещал сыновьям ни в коем случае не отделяться друг от друга и жить вместе, чтобы они властвовали над всем и не попали в рабство к другому народу. Однако сыновья поступили иначе: они удалились друг от друга и каждый правил подвластным ему народом. Исследователи по-разному трактуют этот рассказ: одни считают его легендой, другие поддерживают убежденность Феофана в достоверности. Первый сын Батбаян / Ваян (= имя аварского кагана), храня завет отца, остался на прежнем месте. Затем Батбаян попал под данничество хазар. Второй, Котраг, перешел р. Танаис (Северский Донец) и поселился напротив первого брата. Третий, Аспарух, переправился через Днепр и Днестр и, дойдя до местности Огл севернее Дуная, поселился там. Он считал, что это место укрепленное и неприступное, так как вокруг реки и болота. Видимо, Аспарух опасался хазар. Позже, вступив в сражение с ромеями, он прогнал противника до Варны. Здесь булгары покорили славинов и северов. Напуганный василевс был вынужден заключить с булгарами мир. Четвертый и пятый сыновья переправились через Истр (Дунай). Один остался в подчинении аваров в Паннонии, а другой, достигнув Пентаполя, попал под власть христиан (византийцев). В 670 г. хазары в союзе с венграми разгромили булгар [14. С. 117]. В ранней истории хазары входили в военно-политический союз савиров, известный как «страна гуннов» [15. С. 3]. Весь VII в. савиры и хазары состояли в едином военно-политическом союзе. Можно сделать вывод, что в это время савиры и булгары воевали друг с другом [16].

После распада империи гуннов в V–VIII вв. савирам на Кавказе не было равных в военной силе. Именно тогда булгары были серьезно потеснены савирами [17. С. 261] и хазарами [18. С. 235]. Затем савиры состояли в военно-политическом союзе, возглавляемом Хазарским каганатом. По призыву кагана они выступали против внешних врагов Хазарии, в первую очередь против арабов. Более того, и до переселения на Среднее Поволжье булгары и савиры жили врозь. Историк В.Д. Димитриев считает, что изменение этнического состава населения Среднего Поволжья было связано со вторжением сюда в VII в. булгарских и в VIII в. суварских племен [19. С. 7]. Однако археологические материалы свидетельствуют, что булгары появились в Среднем Поволжье во второй половине VIII в. В качестве причины называют арабо-хазарские войны [20. С. 390]. А.П. Новосельцев считал временем откочевания булгар на Среднюю Волгу VIII в. [21. С. 75]. Питер Голден пишет, что государство Волжская Булгария формировалось в период со второй половины VIII в. до второй половины IX –

начала X в. [22. С. 52]. Близки к исторической действительности взгляды на хронологию булгар Андраша Рона-Таша. По его мнению, Булгарская империя к началу миграции на Волгу располагалась не в Прикубанье и Предкавказье, а между реками Донец и Южный Буг. Булгары, на его взгляд, находились тогда в зависимости от хазар. В 737 г., воспользовавшись нападением арабского полководца Мервана на хазар, они двинулись вверх по Волге [23. С. 134]. В это же время прерывается прямое подчинение булгар хазарам. Булгары поднялись вдоль по Волге, около 750 г. дошли до Самарской Луки. По данным нумизматического материала, в конце VIII в. они были в районе Больших Тархан. Здесь археологи вскрыли самые ранние булгаро-тюркские памятники. Около 900 г. они оказались на Каме [24]. В начале 60-х гг. IX в. савиры, обитавшие в пределах Северного Кавказа – Дона, продвинулись вверх по Итилю.

Таким образом, хронологические различия между датами прихода булгар и сувар на Среднюю Волгу составляют более ста лет. Это свидетельствует об автономности каждого племени, прежде всего в этническом плане. Одновременно следует согласиться с мнением Берната Мункачи о высоком самосознании предков *čuvaš*. Именно это качество и подтолкнуло суварское племя выступить в начале X в. против булгар и перейти под предводительство князя / царя Вырыг на правобережье Волги. Как видим, булгары пришли на Волгу в 50-х гг. VIII в., а сувары – в конце 60-х гг. IX в. Еще раз отметим: булгарские и савирские племена пришли на Волгу отдельно. Более того, после распада гуннского союза савиры начали сильно притеснять булгар. Возможно, это стало причиной (дополнительной или основной – вопрос открытый) ухода булгар с плодородных земель региона Северного Кавказа – Дона. Согласно источникам, в первой половине IX в. началась вторая волна переселения булгар на Волгу. Подавление восстания сторонников старой религии в Хазарии – каваров (видимо, также булгар и суваров) – в 830 г. породило другое историческое событие – недовольные булгары (оставшаяся их часть) двинулись на Дунай и в Волго-Камье [25. С. 46].

Главным врагом Волжской Булгарии во времена царствования Алмуша была Хазария. Алмуш ежегодно платил царю хазар от каждого дома в его государстве по шкуре соболя. Из рассказа Ибн Фадлана можно заключить, что сын булгарского царя находился в заложниках у хазарского царя. «До царя хазар дошла [весть] о красоте дочери царя “славян”, так что он послал сватать ее. А он высказался против него и отказал ему. Тогда тот отправил [экспедицию] и взял ее силой... Итак, она умерла, [находясь] у него. Тогда он послал, требуя вторую его дочь. Как только это [известие] дошло до царя “славян”, он упредил [это] и выдал ее замуж за царя [князя] [племени] эскэл, который находится под его властью, боясь, что он отнимет ее у него силой, как он это сделал с ее сестрой» [26. С. 141]. Булгарский князь решил построить крепость и защищаться от «иудеев, поработивших его». Видимо, уже будучи на Средней Волге, в начале X в. сувары

ры продолжали считать себя союзниками Хазарии. В такой ситуации между булгарами, состоявшими в недружественных отношениях с Хазарией, и савирами, недавними союзниками хазар, не могло быть полного взаимопонимания. Не сложились добрые отношения у булгар и с другими соседями. Так, согласно Ибн Русте и Гардизи, во второй половине IX – начале X в. они совершали грабительские набеги на бургасов, уводили их в плен [27. С. 24].

К началу X в. в Волжской Булгарии родовой строй был изжит. К этому времени сформировалось классовое общество дофеодального типа: производителями являлись общинники, однако в хозяйстве использовалась и труд рабов. В стране правили четыре общепризнанных царя (= князя). Видимо, они должны были занимать трон в определенной последовательности.

Центром государства Волжская Булгария был город Булгар. «Из него выходит до 20 000 всадников», – сообщает источник «Худуд ал-‘Алем» [28. С. 32]. Согласно этой рукописи вблизи города Булгар находился другой город – Сувар. Однако, по Ахмеду Ибн Фадлану, города Сувара еще не существовало. Пере-правившись через реку Утка, он не упоминает на этом месте никакого города, так как он тогда еще не существовал. Видимо, речь идет не о городе, а о поселении – центре суварского племени. Однако и позже городом сувар это поселение именовалось номинально, ибо основная часть племени проживала на правобережье. В городе Сувар жила лишь небольшая часть сувар, которая приняла ислам. Вскоре они «обулгарились». Во время татаро-монгольского нашествия Сувар, оказавшись в форпосте, был стерт с лица земли.

С момента образования Волжская Булгария становится центром транзитной торговли. Особенно оживленная торговля шла с хазарами и russами, которые завозили на Волгу соболей, горностаев и белок [29. С. 29]. В описаниях 40–60-х гг. X в. город Булгар значился небольшим, в нем не было многочисленных округов. Он был известен прежде всего как порт, куда причаливали купцы соседних государств. После разгрома Хазарии киевским князем Святославом в 965 г. роль Булгарии как торгового центра возрастает. Были наложены три торговых направления – с Востоком, Русью и соседями. Строились города, развивалось ремесло. В качестве товара и средства обращения широко использовались меха пушных зверей, зерно, мед. Развитию торговли во многом способствовали водные пути по Волге и Оке. Благодаря им Булгария становится центром транзитной торговли. Из Булгара был проложен путь в Киев. В Булгаре возникали фактории, где хранили товары. Здесь купцы, охрана, носильщики, гребцы, слуги, путешественники останавливались на отдых – появилась целая сфера обслуживания. «Сюда же стремились речные пираты и грабители» [30. С. 78]. Все эти факторы способствовали возникновению государства.

Вторая половина X – начало XIII в. отмечены вторжениями в булгарские земли. Например, в 358 г.х. (968–969) русы, промышлявшие в этих местах шкурками и мехами диких зверей, разрушили Булгар [31. С. 89–90]. В конце X в. киевские князья воевали с

волжскими булгарами, союзниками киевлян были гуззы (огузы). По сообщению Ал-Бекри, булгары к этому времени были малочисленны и составляли около 500 отцов семейств. В начале X в., согласно источникам, у Алмуша было то ли 500 сородичей, то ли 5000 [32. С. 26]. В 997 г. Владимир Святославович ходил «на болгары волжские и камские и, одолев, плени их» [33. С. 66].

В 1117 г. к булгарам пришли половцы. Князь булгарский дал им питье с отравой: были отравлены хан Аепа и другие половецкие князья [34. С. 285]. В 1164 г. князь Владимирский Андрей Боголюбский со своим сыном Изяславом, братом Ярославом и муромским князем Гюргем (Юрем), отправился в поход в Болгарскую землю. Был взят славный город булгар Брякимов (Бряхимов) и сожжены три города. Погибло много булгар, стяги отняли, Андрей воротился с победой, как гласят летописи [35. С. 352]. В 1172 г. ордынский царь Сайн на Волге в устье реки Камы на месте бывшего булгарского города Бряхова основан город Казань [36. С. 13]. В 1182 г. русская конница подошла к великому городу серебряных булгар. Булгары, увидев противника, спрятались за стенами.

В 1202 г. монголо-татарские войска подошли к границам Волжской Булгарии, где и провели зиму [37. С. 155]. В 1220 г. князь Святослав с полками и воеводами осадил булгарский город Ошел и сжег его. В 1229 г. монголы оттеснили булгарские сторожевые отряды с Яика. Перед лицом реальной угрозы булгары отправили послов в Русь с предложением мира. Видимо, высказывалась мысль совместно обороняться от грозного врага. Соглашения не последовало, и булгарам самим пришлось отражать наступление, в чем они имели временный успех [38. С. 356].

В 1231 г. татаро-монголы близко подошли к великому граду Булгару, однако остановились и перезимовали здесь [39. С. 209]. В 1236 г. основные силы монголов у Булгара встретились с родом Джучи: с Бату, Ордой, Шейбаном и Тангутом. В походе участвовали все четыре ветви ханской фамилии. А зимой против народа булгар был направлен и Субэдай [40. С. 37–38]. «Они сошлись все вместе в землях булгар. От множества их войск земля стонала и гудела, и даже дикие звери столбенели от шума их полчищ. Прежде всего они захватили штурмом город Булгар, который на весь мир славился крепостью своих стен и обилием запасов; и как предостережение другим они убили жителей или увели их в плен» [41. С. 185]. Пришли «безбожники-татарове, град их сожгли, пленили всю землю Болгарскую, град их Великий взяли и иссекли вся жены и дети, а ини в полон взяли», сожалеют летописцы. О том, что булгары были разгромлены татарами в конце 1236 г., свидетельствовал и венгерский монах Юлиан [42. С. 83]. «Болгария пала, не будучи в состоянии отразить даже авангарда монгольских войск, шедшего под предводительством Субутая» [43. С. 463]. Но вскоре, уже при Батые, Булгар был восстановлен. Хан Батый в 1242–1246 гг. жил в этом городе. Примерно в те же годы были построены еще несколько городов, например Эстер-хан. В Булгаре и Сарае находились ставки

хана Берке (1257–1266) [44. С. 193]. Итак, в 1236 г. столица Волжской Булгарии г. Булгар был разрушен, но вскоре его восстановили. Поэтому «все постройки и надписи, сохранившиеся в нем теперь, относятся к эпохе монгольского владычества» [45. С. 136].

В 1370 г. булгарский престол занимает представитель русского княжества, который стал контролировать торговые дела. Много вреда было нанесено столице Булгарии и всему государству ушкуйниками, грабившими города. Например, в 1374 г. ушкуи взяли Булгар и хотели сжечь его. Город был спасен денежным откупом. В 1376 г. русские войска напали на Булгар. Произошла жестокая битва. Булгарские князья Осан и Махмат вышли к русским и откупились деньгами [46. С. 192]. В 1382 г. хан Тохтамыш послал свои войска в Булгары и повелел им грабить русских и других торговцев, а суда с товарами отнимать и препровождать к себе. Говоря об этом событии, Никоновская летопись отождествляет названия городов Булгар и Казань: «...град, нарицаемый Болгары, еже есть Казань на Волзе» [47. С. 71]. Данный летописный факт свидетельствует о том, что центром Булгарского государства в то время становится не Булгар, а Казань. В 1395 г. русские воеводы взяли города Булгар, Жукотин, Казань и Кеременчук, пробыли там три месяца и возвратились «с многою корыстию». Как сообщает Степенная книга, это событие произошло в 1396 г. [48. С. 417–418]. Согласно одному варианту Патриаршей летописи, были взяты города Болгары и Жукотин, согласно другому – Казань и Кеременчук. По другим летописям, взятие Болгар Великих, Жукотина, Казани и Кеременчука произошло в 1399 г. (6907) [49. С. 5–6]. Как видим, зафиксированы не только разные даты, но и города, относящиеся к одному событию.

В период Казанского ханства торговля заняла еще более важное место. Татарские купцы стали известны в Евразии как активные торговцы [50]. Сувары же занимались земледелием, скотоводством, обменивали излишки на товары, производимые булгарами, а затем и татарами.

В начале XVIII в. голландец Корнелий Бруин, путешествовавший по Московии, назвал в числе российских городов и Булгар. Согласно его записи город Казань находится между страной Булгария и череми-сами [51. С. 90, 148]. Это значит, что в то время продолжали бытовать названия «Булгар» и «Булгария».

Сравнительное изучение истории и культуры булгар и казанских татар привело исследователей к выводу об их генетической связи. В формировании поволжских татар как этноса большое значение имели культурные традиции булгар, которые нашли продолжение и развитие в культуре казанских татар. Именно племена Волжской Булгарии, преимущественно булгары, составили основную часть татарской народности. Именно народные массы, а не племенную верхушку, связанную с Золотой Ордой, следуют иметь в виду, когда говорим об истории поволжских татар. Хочется еще раз подчеркнуть, что необходимо разделять два понятия – «булгары» и «сувары» – и не следует писать их через дефис: «булгаро-сувары» или «булгары-сувары». Должно говорить о племени сувар только в конкретном значении: «сувары, живущие в Булгарии». Булгары, сувары, чуваши – понятия самостоятельные, какими бы близкими по отношению друг к другу они ни были. Исследователи, когда не могут идентифицировать предков чувашей, прибегают к «хитрости» и пишут «булгары-сувары». Тем самым как бы «страхуют» себя и на всякий случай указывают на оба племени в качестве предков: пусть читатель выбирает «по вкусу». Но все это не имеет никакого отношения к научному исследованию. При этом исследователи истории государства Волжская Булгария отчетливо разделяют булгар как кочевых скотоводов, а сувар – как искусственных земледельцев. Итак, время первого упоминания булгар – не 354 г., а I в., место – не Западное Предкавказье, а юго-запад Армении. Как свидетельствуют источники, булгары оказались основным этническим компонентом для формирования казанских татар. В силу указанных фактов булгары не могли быть предками чувашей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Токарев С.А. К постановке проблем этногенеза // Советская этнография. 1949. № 3. С. 12–36.
2. Гаджиев М.С. К этнокарте Северо-Западного Прикаспия в позднесарматский период (в контексте сообщения Хоренаци о походе хазир и басил в 216 г.) // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград : ВГУ, 2010. Вып. 11. С. 69–78.
3. Арутюнян А.Х. К вопросу территории расселения древневосточных славян согласно трудам Мовсеса Хоренаци // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 2 (31). С. 365–371.
4. Хоренаци Мовсес. История Армении / пер. с древнеармян., введ. и примеч. Гагика Саркисяна. Ереван : Айастан, 1990. 291 с.
5. Mommsen Theodorvs, ed. Monuments Germaniae Historica. Chronicaorum Minorum Saec. IV.V.VI.VII. Vol. I: Accedunt Tabulae Dvae. Berolini : Apvd Weidmannos, 1892. XII, 756 р.
6. Németh Gyula. A honfoglaló magyarság kialakulása. Közzéteszi Berta Árpád. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1991. 399 р.
7. Скржинская Е.Ч. Вступ. ст., пер., коммент. // Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica. СПб. : Алтейя, 2001. 512 с.
8. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М. : Наука, 1980. 215 с.
9. Феофан Исповедник. Хронография // Текст на др.-греч. и рус. яз. / пер. и коммент. И.С. Чичурова // Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М. : Наука, 1980. С. 24–144.
10. Комит Марцеллин. Хроника / пер., ред. Н.Н. Болгов. Белгород : БелГУ, 2010. 230 с.
11. Захария Ритор. Хроника // Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы / сост. Е.Н. Мещерская. СПб. : Дмитрий Буланин, 2011. С. 570–597.
12. Сиринец Михаил. Хроника / пер. Р.А. Гусейнов // Сирийские источники XII–XIII вв. об Азербайджане. Баку : Изд-во АН АзССР, 1960. С. 15–53.
13. Кляйшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей: От древности к новому времени. СПб. : Петер. востоковедение, 2009. 432 с.
14. Рона-Таш Андраш. Хазары и мадьяры // Хазары. М. : Мосты культуры; Jerusalim: Gesharim, 2005. С. 111–124.
15. Гмыря Л.Б. Правовые нормы в Хазарском каганате на раннем этапе истории (середина VII — первая треть VIII в.) // Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. 2012. № 2. С. 3–20.

16. *Salmin Anton. Savirs – Bulgars – Chuvash* / ed. P. Golden. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2014. 147 p.

17. Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М. : Айрис-пресс, 2007. 411 с.

18. *Golden Peter B. The peoples of the Russian forest belt* // The Cambridge History of Early Inner Asia. Cambridge Univ. Press, 2008. P. 229–255.

19. Димитров В. Д. Чебоксары: Очерки истории города конца XIII–XVII вв. Чебоксары : ЧГИГН, 2003. 180 с.

20. Казаков Е. О типологии и периодизации древностей Болгарии: VIII–X вв. // Симпозиум «Славяне и прабългари»: докл. София : БАН, 1982. С. 388–391.

21. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М. : Наука, 1990. 263 с.

22. *Golden Peter B. Some Notes on the Etymology of Sabir* // KOINON ΔΩΡΟΝ : сб. ст. к 60-летию В.П. Никонорова. СПб. : Филфак СПбГУ, 2013. С. 49–55.

23. Рона-Таш Андраш. От Урала до Карпатского бассейна (Новые результаты исследований по ранней истории венгров) // Алтаистика и тюркология. 2011. № 4 (4). С. 131–139.

24. Róna-Tas András. A honfoglaló magyar nép. Budapest : Balassi, 1996. 412 p.

25. Плетнёва С. Древние болгары в восточноевропейских степях // Татарская археология. 1997. № 1. С. 31–60.

26. Ибн-Фадлан. Книга // Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. / ст., пер. и comment. Харьков : Харьков. ун-т, 1956. С. 119–148.

27. Ибн-Даста. Известия о хазарах, бургасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах. СПб. : Тип. Имп. ун-та, 1869. XIII, 199 с.

28. Бартольд В. Введение // Худуд ал-‘Алем. Рукопись Туманского / С введением и указателем В. Бартольда. Л. : Изд-во АН СССР, 1930. С. 1–32.

29. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М. : Наука, 1967. Т. II. 212 с.

30. Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза : ПГПУ, 2003. 199 с.

31. Ибн Хаукал Абу-л-Касым. Книга путей и стран / пер. Т.М. Калининой // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. Т. III. С. 86–94.

32. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: [I] Горган и Поволжье IX–X вв. М. : Наука, 1962. 278 с.

33. Полное собрание русских летописей. М. : Языки рус. культуры, 2000. Т. 9 : Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 288 с.

34. Полное собрание русских летописей. М. : Языки славянской культуры, 2001. Т. 2 : Ипатьевская летопись. 938, 87, L с.

35. Полное собрание русских летописей. М. : Языки славянской культуры, 2001. Т. 1 : Лаврентьевская летопись. VIII, 733 с.

36. Полное собрание русских летописей. М. : Языки рус. культуры, 2000. Т. 19 : История о Казанском царстве. 368 с.

37. Полное собрание русских летописей. СПб. : Тип. М.А. Александрова, 1910. Т. 20 : Львовская летопись. Ч. 1. IV, 418 с.

38. Оллсен Т.Т. Прелюдия к западным походам: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе в 1217–1237 годах // Степи Евразии в Средневековье. Донецк : ИА НАНУ, 2008. Т. 6. С. 351–362.

39. Полное собрание русских летописей. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. Т. 28 : Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). 413 с.

40. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. II / пер. с персид. Ю.П. Верховского ; прим. Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова ; ред. И.П. Петрушевский. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 253 с.

41. Джусуейни Ала-ад-дин. История завоевателя мира // Тизенгаузен В. Сост. сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. Т. II : Извлечения из персидских сочинений. С. 20–24.

42. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. Т. III. С. 71–112.

43. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урхайский край. Л. : Изд. Учен. комитета МНР, 1926. Т. 2 : Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. VI, 898 с.

44. Поло Марко. Книга / прим. М.Б. Горунг // Карпини Джованни дель Плано. История монголов ; Рубрук Гильом де. Путешествие в Восточные страны ; Поло Марко. Книга. М. : Мысль, 1997. С. 192–393.

45. Бартольд В.В. Сочинения. М. : Наука, 1968. Т. V. 757 с.

46. Полное собрание русских летописей. М. : Языки славянской культуры, 2004. Т. 25 : Московский свод. Летописный свод конца XV века. XV, 463 с.

47. Полное собрание русских летописей. М. : Языки рус. культуры, 2000. Т. 11 : Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (Продолжение). 254, 6 с.

48. Полное собрание русских летописей. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1913. Т. 21 : Книга Степенная царского родословия. Ч. 2. С. 344–708.

49. Полное собрание русских летописей. М. : Языки рус. культуры, 2001. Т. 6, вып. 2 : Софийская вторая летопись. VIII, 446 с.

50. Валеев Р.М. Торговля в Поволжье и Приуралье в IX – начале XV веков : дис. ... канд. ист. наук. Казань : КГУКИ, 2011. 42 с.

51. Бруин Корнелий де. Путешествия в Московию // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л. : Лениздат, 1989. С. 19–188.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 декабря 2014 г.

A BRIEF HISTORY OF THE BULGARS

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 116–122. DOI: 10.17223/15617793/395/19

Salmin Anton K. Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: antsalmin@mail.ru

Keywords: Bulgars; Sabirs; chronology; history; Caucasus; Volga; Volga Tatars; Chuvash.

A comparative study of the history and culture of Bulgars [Proto-Bulgars] and Kazan [Qazan] Tatars leads the researchers to a finding of their genetic affinity. The central role in the development of the Volga Tatars as an ethnos was shown by cultural traditions of Bulgars which continued and developed in the culture of Kazan Tatars. It was the tribes of the Volga Bulgaria, first and foremost Bulgars, who composed the bulk of the Tatar nation. It was the national masses, rather than the tribal helm linked to the Golden Horde, which should be borne in mind when talking about the history of the Volga Tatars. The author emphasizes once again that one should distinguish the two notions, i.e. “Bulgars” and “Suvars” [Suwars], and not hyphenate them: “Bulgar-Suvars” or “Bulgars-Suvars”. There is no separate tribe of “Bulgar-Suvars” or “Bulgars-Suvars”. One should only talk about the tribe of Suvars in a specific meaning. It is possible to write “Suvars residing in Bulgaria”. Bulgars and Suvars, as well as Bulgars and the Chuvash, are distinguishable and quite independent, whatever close relatives to each other they could be. The researchers, when they cannot identify the ancestors of the Chuvash, resort to a “trick” and write “Bulgars-Suvars”. It looks like they “insure” themselves and point to the both tribes as ancestors to be on the safe side. They say, let the reader choose according to their “taste”. However, this has nothing to do with a scientific study. At the same time, the research into the history of the state of Volga Bulgaria clearly classifies Bulgars as

vagrant cattle breeders, while Suvars are classified as skillful sons of soil. As seen, the time of the first mentioning of Bulgaria is not 354, but late second – early third centuries, not in the Western Fore-Caucasus, but in the South-West Region of Greater Armenia. As the sources evidence, Bulgars appeared to be the basic component of the Kazan Tatars' development. By virtue of the above facts, Bulgars could not be ancestors of the Chuvash.

REFERENCES

1. Tokarev S.A. K postanovke problem etnogeneza [On setting the problems of ethnogenesis]. *Sovetskaya etnografiya*, 1949, no. 3, pp. 12–36.
2. Gadzhiev M.S. K etnokarte Severo-Zapadnogo Prikaspiya v pozdnesarmatskii period (v kontekste soobshcheniya Khorenatsi o pokhode khazir i basil v 216 g.) [On the ethno-map of the Northwestern Caspian in the Late Sarmatian Period (in the context of Khorenatsi's report on Khazir and Barsil campaign in 216)]. *Nizhnevolzhskiy arkeologicheskiy vestnik*, 2010, is. 11, pp. 69–78.
3. Arutyunyan A.Kh. K voprosu territorii rasseleniya drevnevostochnykh slavyan soglasno trudam Movsesa Khorenatsi [On the territory occupied by ancient eastern Slavs according to the works of Khorenatsi]. *Kaspiskiy region: politika, ekonomika, kul'tura – The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 2012, no. 2 (31), pp. 365–371.
4. Khorenatsi Movses. *Istoriya Armenii* [History of Armenia]. Translated from Old Armenian by G. Sarkisyan. Erevan: Ayastan Publ., 1990. 291 p.
5. Mommsen Theodorvs (ed.) *Monumenta Germaniae Historica. Chronicaorum Minorum Saec. IV.VI.VII. Vol. I: Accedunt Tabulae Duae*. Berolini: Apvd Weidmannos, 1892. XII, 756 p.
6. Németh Gyula. *A honfoglaló magyarság kialakulása*. Közzéteszi Berta Árpád. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. 399 p.
7. Iordan. *O proiskhozhenii i deyaniyakh getov* [Jordan. The origin and deeds of the Getae]. Translated by E. Skrzhinskaya. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2001. 512 p.
8. Chichurov I.S. *Vizantiyskie istoricheskie sochineniya* [Byzantine historical works]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 215 p.
9. Theophanes the Confessor. *Khronografiya* [Chronographia]. Translated from Old Greek by I.S. Chichurov. In: Chichurov I.S. *Vizantiyskie istoricheskie sochineniya* [Byzantine historical works]. Moscow: Nauka Publ., 1980, pp. 24–144.
10. Komita Marcellinus. *Khronika* [Chronicle]. Translated by N.N. Bolgov. Belgorod: Belgorod State University Publ., 2010. 230 p.
11. Zechariah the Rhetorician. *Khronika* [Chronicle]. In: Pigulevskaya N.V. *Siriyskaya srednevekovaya istoriografiya. Issledovaniya i perevody* [Syrian medieval historiography. Research and translation]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2011, pp. 570–597.
12. Michael the Syrian. *Khronika* [Chronicle]. Translated by R.A. Guseynov. In: Guseynov R.A. *Siriyskie istochniki XII–XIII vv. ob Azerbaydzhanie* [Syrian sources of the 12th – 13th centuries about Azerbaijan]. Baku: Izd-vo AN AzSSR Publ., 1960, pp. 15–53.
13. Klyashtoryny S.G., Sultanov T.I. *Gosudarstva i narody Evraziyskikh stepей: Ot drevnosti k novomu vremeni* [States and peoples of the Eurasian steppes: From antiquity to modern times]. St. Petersburg: Peter. vostokovedenie Publ., 2009. 432 p.
14. Róna-Tas András. *Khazary i mad'yary* [Khazars and Magyars]. In: *Khazary* [Khazars]. Moscow: Mosty kul'tury Publ.; Jerusalem: Gesharim, 2005, pp. 111–124.
15. Gmyrya L.B. Pravovye normy v Khazarskom kaganate na rannem etape istorii (seredina VII — pervaya tret' VIII v.) [Legal norms in the Khazar Kaganate at an early stage of history (mid 7th – first third of the 8th centuries)]. *Vestnik Instituta IAE DNTs RAN*, 2012, no. 2, pp. 3–20.
16. Salmin A. *Savirs – Bulgars – Chuvash*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2014. 147 p.
17. Gumilev L.N. *Otkrytie Khazarii* [The discovery of Khazaria]. Moscow: Ayris-press Publ., 2007. 411 p.
18. Golden Peter B. *The peoples of the Russian forest belt*. In: *The Cambridge History of Early Inner Asia*. Cambridge Univ. Press, 2008, pp. 229–255.
19. Dimitriev V.D. *Cheboksary: Ocherki istorii goroda kontsa XIII–XVII vv.* [Cheboksary: Essays on the History of the late 13th – 17th centuries]. Cheboksary: ChGIGN Publ., 2003. 180 p.
20. Kazakov E. [On the typology and periodization of antiquities Bulgaria: the 8th – 10th centuries]. *Simpozium "Slavyani i prab"lgari* [Symposium "The Slavs and Bulgars"]. Sofia: BAN, 1982, pp. 388–391. (In Russian).
21. Novosel'tsev A.P. *Khazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoy Evropy i Kavkaza* [Khazar state and its role in the history of Eastern Europe and the Caucasus]. Moscow: Nauka Publ., 1990. 263 p.
22. Golden Peter B. *Some Notes on the Etymology of Sabir*. In: *KOINON ΔΩΡΟΝ*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Philological Faculty Publ., 2013, pp. 49–55.
23. Róna-Tas András. Ot Urala do Karpatskogo basseyna (Novye rezul'taty issledovaniy po ranney istorii vengrov) [From the Urals to the Carpathian Basin (New results of research on the early history of the Hungarians)]. *Altaistika i tyurkologiya*, 2011, no. 4 (4), pp. 131–139.
24. Róna-Tas András. *A honfoglaló magyar nép*. Budapest: Balassi, 1996. 412 p.
25. Pletneva S. Drevnie bolgary v vostochnoevropeiskikh stepyakh [Ancient Bulgarians in Eastern steppes]. *Tatarskaya arkeologiya*, 1997, no. 1, pp. 31–60.
26. Ibn Fadlan A. *Kniga* [The Book]. In: Kovalevskiy A.P. *Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg.* [The Book of Ahmad Ibn Fadlan about his trip to the Volga in 921–922]. Kharkov: Kharkov University Publ., 1956, pp. 119–148.
27. Ibn Dustah. *Izvestiya o khozarakh, burtasakh, bolgarakh, mad'yarakh, slavyanakh i russakh* [News on Khozars, Burtas, Bulgarians, Magyars, Slavs and Russes]. St. Petersburg: Tip. Imp. Un-ta Publ., 1869. XIII, 199 p.
28. Barthold V. Vvedenie [Introduction]. In: *Khudud al-'Alem. Rukopis' Tumanskogo* [Hudud Al-'Alam. The Manuscript of Tumansky]. Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1930, pp. 1–32.
29. Zakhoder B.N. *Kaspiskiy svod svedeniy o Vostochnoy Evrope* [The Caspian collection of information about Eastern Europe]. Moscow: Nauka Publ., 1967. V. II, 212 p.
30. Belorybkin G.N. *Zapadnoe Povolzh'e v srednie veka* [West Volga region in the Middle Ages]. Penza: Penza State Pedagogical University Publ., 2003. 199 p.
31. Muhammad Abū'l-Qāsim Ibn Hawqal. *Kniga putey i stran* [The Book of Ways and Countries]. Translated from Arabic by T.M. Kalinina. In: Jackson T.N., Konovalova I.G., Podosinov A.V. (eds.) *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov*

[Ancient Russia in light of foreign sources]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2009. V. III, pp. 86–94.

32. Zakhoder B.N. *Kaspiyskiy svod svedeniy o Vostochnoy Evrope* [The Caspian collection of information about Eastern Europe]. Moscow: Nauka Publ., 1962. V. I, 278 p.
33. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow: Yazyki rus. kul'tury Publ., 2000. V. 9, 288 p.
34. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001. V. 2, 938, 87 p.
35. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001. V. 1, 733 p.
36. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow: Yazyki rus. kul'tury Publ., 2000. V. 19, 368 p.
37. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. St. Petersburg: Tip. M.A. Aleksandrova Publ., 1910. V. 20, pt. 1, IV, 418 p.
38. Ollsen T.T. *Prelyudiya k zapadnym pokhodam: mongol'skie voennye operatsii v Volgo-Ural'skom regione v 1217–1237 godakh* [Prelude to the Western campaigns: Mongolian military operations in the Volga-Ural region in 1217–1237]. In: *Stepi Evrazii v Srednevekov'e* [Steppes of Eurasia in the Middle Ages]. Donetsk: IA NANU Publ., 2008. V. 6, pp. 351–362.
39. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1963. V. 28, 413 p.
40. Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey* [Collection of Chronicles]. Translated from Persian by Yu.P. Verkhovskiy. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1960. V. 2, 253 p.
41. Juvayn Ala-ud-din. *Istoriya zavoevatelya mira* [History of the World Conqueror]. In: Tiesenhausen V. (ed.) *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy* [Collected materials on the history of the Golden Horde]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1941. V. II, pp. 20–24.
42. Anninskiy S.A. *Izvestiya vengerskikh missionerov XIII i XIV vv. o tatarakh i Vostochnoy Evrope* [News of the Hungarian missionaries of the 13th and 14th centuries about the Tartars and Eastern Europe]. In: *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archive]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1940. V. III, pp. 71–112.
43. Grumm-Grzhimaylo G.E. *Zapadnaya Mongoliya i Uryankhayskiy kray* [Western Mongolia and Uryankhai region]. Leningrad: Izd. Uchen. komiteta MNR Publ., 1926. V. 2, VI, 898 p.
44. Polo M. *Kniga* [The Book]. In: Giovanni da Pian del Carpine. *Istoriya mongolov* [History of the Mongols]. Moscow: Mysl' Publ., 1997, pp. 192–393.
45. Bartold V.V. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Nauka Publ., 1968. V. 5, 757 p.
46. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. V. 25, XV, 463 p.
47. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow: Yazyki rus. kul'tury Publ., 2000. V. 11, 254, 6 p.
48. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. St. Petersburg: Tip. M.A. Aleksandrova Publ., 1913. V. 21, pt. 2, pp. 344–708.
49. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow: Yazyki rus. kul'tury Publ., 2001. T. 6, vyp. 2: Sofiyskaya vtoraya letpis'. VIII, 446 p.
50. Valeev R.M. *Torgovlya v Povolzh'e i Priural'e v IX – nachale XV vekov: dis. kand. ist. nauk* [Trading in the Volga and Ural regions in the 9th – early 15th centuries. Abstract of History Cand. Diss.]. Kazan: KGUKI Publ., 2011. 42 p.
51. Cornelis de Bruin. *Puteshestviya v Moskoviyu* [Travels into Muscovy]. In: *Rossiya XVIII veka glazami inostrantsev* [Russia of the 18th century through the eyes of foreigners]. Leningrad: Lenizdat Publ., 1989, pp. 19–188.

Received: 15 December 2014

УЧАСТИЕ КОРОЛЕВСТВА НИДЕРЛАНДОВ В МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЯХ ООН (1945–1992 гг.)

Рассматривается миротворческая деятельность Королевства Нидерландов в рамках ООН с 1945 по 1992 г. Даются основные характеристики четырех этапов становления голландского миротворчества. Выделяются две независимые переменные: 1) взаимоотношения между правительством и парламентом Нидерландов; 2) оценка общественного мнения об участии голландских вооруженных сил в миротворческих операциях. Подчеркивается, что с 1945 по 1992 г. Нидерланды, исходя из своих исторических внешнеполитических традиций, всегда стремились к примирению противоборствующих сторон, а участие Нидерландов в операциях по поддержанию мира находило поддержку у голландского общества, характерными чертами которого является постоянный поиск консенсуса в результате совместных действий и переговоров.

Ключевые слова: Нидерланды; внешняя политика Нидерландов; миротворческие операции; операции по поддержанию мира.

С момента создания ООН деятельность этой организации явилась ключевым инструментом в осуществлении голландской внешней политики. Для Нидерландов приоритетными стали следующие направления: права человека, миротворчество, расследование и выяснение фактов в процессе мирного урегулирования и предупреждения споров, международное сотрудничество в области развития [1. С. 279]. Цель данной работы – показать развитие голландского миротворчества, выделив его основные этапы и черты, присущие каждому этапу за период с 1945 по 1992 г. На протяжении всего этого времени можно проследить две константы, по которым можно сделать вывод об эволюции голландского миротворчества как явления. Во-первых, это взаимоотношения между правительством и парламентом, во-вторых, роль общественного мнения касательно участия голландских вооруженных сил в миротворческих операциях, доверие голландского общества вооруженным силам, отношение к принципу формирования армии (добровольная или обязательная служба).

Голландский военный историк Крис Клеп выделяет четыре этапа в голландском миротворчестве после Второй мировой войны, каждый из которых обладает характерными чертами:

1. 1945–1958 гг. – «член ООН поневоле и Корейская война».
2. 1959–1978 гг. – «позиция сдерживания для ООН».
3. 1979–1989 гг. – Временные силы ООН в Ливане: вынужденные остановки и уроки.
4. 1989–2000 гг. – «новые приоритеты» [2].

Переходя к первому этапу, скажем, что еще в 1943 г. при обсуждении вопроса о создании новой международной организации, какой в будущем явились ООН, ставилась проблема признания в ней роли малых государств. Нидерланды играли одну из ключевых ролей. Занимая пост министра иностранных дел, Ван Клеффенс высказал голландскую точку зрения, изложенную в меморандуме, который был отправлен в январе 1945 г. всем государствам будущей новой мировой организации. В меморандуме были отражены три главных принципа: 1) «инкорпорирование» в Устав ООН принципов международного права, которые «могли бы служить как рекомендации» для будущего функционирования данной организации;

2) несогласие с правом вето, которым могли руководствоваться только постоянные члены Совета Безопасности, а в будущем протест касался и обязательных санкций. Они давали великим державам «непоколебимую позицию силы», в то время как малые государства, уже достигшие независимого «зрелого суждения много лет тому назад», желают, чтобы с ними обращались на равных, и «устали слышать об имеющихся грандиозных обязательствах у больших государств», которые вместо их выполнения несли войну и «разрушение всего мира» [1. С. 275]; 3) приданье особого статуса самим Нидерландам – стране, которая «нашла свое место» между «малыми» и «великими» государствами, являющейся по своим размерам средней державой и заслуживающей статус, который бы отличал ее от малых стран» [3. С. 102–103]. Эти три положения в будущем реализовались на практике и в деятельности Нидерландов в рамках ООН.

Крис Клеп характеризует голландское отношение к миротворческим операциям как «желательное, но недееспособное» [2]. Такая оценка была вызвана действиями Нидерландов в Индонезии, бывшей голландской колонии. Подписание Линггаджатского соглашения (1947 г.) о признании Нидерландами Индонезии де-факто и Реневиллское соглашение о прекращении военных действий в январе 1948 г. были нарушены голландской стороной. Военная операция Нидерландов в Индонезии в ходе начавшейся там национально-демократической революции и освободительной войны (1945–1949 гг.) получила резкое осуждение мирового сообщества [4. С. 367]. Оказавшись в международной политической изоляции, Нидерланды прекратили боевые действия. В последующие годы перед страной стала задача восстановления статуса государства, сохраняющего нейтралитет, и следующего соблюдения международно-правовых норм.

Участие Нидерландов в 1949 г. в миссии ООН на Ближнем Востоке, в Палестине (орган Организации Объединенных Наций по наблюдению за выполнением условия перемирия – ОНВУП), когда голландцы отправили своих военных наблюдателей [5. С. 35], стало неким актом «признания» своих прошлых ошибок за проведение вооруженных действий и подавление мятежа в Индонезии, что потом получило осуждение со стороны Совета Безопасности ООН.

Генерал-лейтенант Королевской Армии Нидерландов ван Баал подчеркивает, что дальнейшая позиция и действия Нидерландов в миротворческих операциях базируются на принципе «принадлежности к коалиции или сильному партнеру» [6. С. 48]. Это, в частности, прослеживается в участии голландского батальона в войне на Корейском полуострове в 1950–1953 гг., когда Нидерланды присоединились к «большинству» и поддержали американский вариант проведения миротворческой операции под эгидой Совета Безопасности ООН. Генеральная Ассамблея 3 ноября 1950 г. приняла Резолюцию 377 «Единство в пользу мира», которая разрешала предпринимать коллективные действия, если Совет Безопасности не проявлял «осмотрительность при осуществлении права вето» [7]. Передача полномочий от Совета Безопасности Генеральной Ассамблеи требовала выполнения принципов, заложенных в Уставе ООН. Поэтому приверженные строгому соблюдению законов голландцы стремились предпринять шаги по данному направлению в момент, когда у самой ООН открылись возможности для участия в миротворческих операциях [8. С. 206].

После того как 25 июля 1949 г. Республика Корея (РК) была признана единственным легитимным правительством на Корейском полуострове, Нидерланды попытались укрепить связи с РК и действовать как главный союзник. Согласно докладу, подготовленному в 2010 г. Министерством Южной Кореи по делам участников военных действий и сопротивления, голландцы явились одними из первых среди европейцев, кто инвестировал в Южную Корею [9. С. 2]. Эти данные подтверждаются статистикой 2012 г., приведенной МВФ, согласно которой Королевство Нидерландов занимало третье место по прямым иностранным инвестициям в РК после США и Японии [10].

Летом 2013 г., когда отмечалась 60-летняя годовщина окончания войны в Корее, посол Нидерландов в Корее Пол Манквельд подчеркнул, что «в 1950 году Организация Объединенных Наций призвала страны-участницы помочь Республике Корея отразить атаку Северной Кореи» [11]. В связи с этим был отправлен батальон и военно-морские суда, хотя в то же самое время Нидерланды должны были восстанавливать разрушенную войной экономику и хозяйство собственной страны. Понапалу выраженное воодушевление принять участие в миротворческой операции поставило под сомнение само голландское правительство: кто будет отправлен, так как большая часть профессиональной армии была задействована в военных действиях, происходящих в Индонезии?

Ярко выраженная общественная поддержка в вопросах миротворчества и верность «гуманным принципам» во внешней политике привели к тому, что в Нидерландах было объявлено о сборе батальона из добровольцев. Был создан Временный комитет добровольцев Корейской войны. Правительство, видя общественную реакцию, решило официально организовать отправку военной пехотной роты и морского корпуса. Из более чем тысячи добровольцев отбор прошли 636 человек [9. С. 69]. Официальная церемо-

ния отправки первого голландского батальона во главе с майором Дэном Аудэном состоялась 24 октября 1950 г. Первоначально предполагалось проведение военной подготовки еще в Гааге, но ввиду сложности переброса военной техники в Южную Корею из Нидерландов, после консультаций с Верховным Главнокомандующим Войсками ООН генералом Макартуром, было решено, что голландский батальон будет сформирован по американскому принципу, ответственность за логистику и обеспечение военным снаряжением будут нести США. Следование Нидерландов в «фарватере» американской политики в Республике Корея можно объяснить тем, что голландцы использовали «находившееся в США свое золото, а также часть инвестиций в этой стране» [12].

С самого начала голландские миротворческие силы сопровождали неудачи. Они вступили в прямые военные действия без должной подготовки в конце 1950 г. Незнание ситуации и сил противника привело к большим потерям в операциях при уезде Хонсон в декабре 1951 – феврале 1952 г. и Инджи в мае–июне 1951 г. Гибель командующего голландским батальоном майора Дэна Аудэна в феврале 1952 г. серьезно подорвала моральный дух солдат.

Одним из важных результатов участия голландского батальона стало уменьшение числа жертв со стороны США и вывод 2-й пехотной дивизии американской армии. Нидерланды, традиционно считавшиеся морской державой, предоставили шесть судов для миротворческих сил, которые во время войны оказывали поддержку огнем наземным войскам, эскортировали авианосцы, проводили патрулирование и уничтожали наземные укрепления противника.

За четыре года Корейской войны в ней приняли участие 5 322 голландских военнослужащих. Из них 121 солдат погиб, 645 человек было ранено и четверо пропали без вести. От смертельного ранения погиб первый командующий голландским батальоном генерал-лейтенант Дэн Аудэн. Последняя часть голландской группировки была выведена в декабре 1954 г.

После окончания Второй мировой войны для Нидерландов остро встал вопрос отправки своих солдат на чужую территорию, так как впервые принцип «национальные интересы» пришел в диссонанс с принципом «следования международно-правовым идеалам». Поэтому после Корейской войны масштабного участия Нидерландов в миротворческих операциях не было. Во время Суэцкого кризиса 1956 г. голландцы действовали осмотрительно, отправив пятнадцать военных наблюдателей в миссию ООН на Ближнем Востоке (ОНВУП), а также взяв на себя обязательства по финансированию данной миссии. Во второй половине 1958 г. голландские военные наблюдатели вошли в состав Группы ООН по наблюдению в Ливане (ГООННЛ), задача которой сводилась к борьбе с незаконными проникновениями и импортом оружия в Ливан [13. С. 267].

По мнению голландского военного историка Криса Клепа, первый послевоенный период участия Нидерландов в миротворческих операциях в 1945–1958 гг. можно оценить, как «благожелательное, проходящее в конструктивном и критическом русле», хотя после

Второй мировой войны им пришлось отказаться от политики «нейтралитета», и ООН, как считала голландская сторона, могла стать форумом для международных консультаций [2. С. 27]. Сами голландцы проводили взвешенную политику в решении вопросов развертывания своих вооруженных сил. Правительство опиралось на широкую поддержку голландского общества, которое остро реагировало на военные действия, проявляя либерально-гуманистические черты.

Международное право и соблюдение прав человека являются неотъемлемой характеристикой голландской внешней политики, и эти принципы заложены в Конституции Нидерландов. В статье 90 говорится о том, что «правительство должно содействовать развитию международного правопорядка» [14].

Королевство Нидерландов в первые годы после Второй мировой войны пыталось активно участвовать в миротворческих операциях. Причина активной поддержки ООН во время холодной войны была достаточно практической. Нидерланды учитывали свой статус «средней по мощи державы» или, по крайней мере, «средней малой державы». Они наряду с Канадой объявили об особой позиции в ООН. Она заключалась в том, чтобы быть в авангарде стран, борющихся за улучшение прав человека в соответствии с принципами международного права. По мнению Йориса Ворхува, голландские мондиалисты (глобалисты, приверженцы мирового порядка, управление которым должно осуществляться мировым правительством. Термин «мондиалистская политика» (или мировая политика) дает голландское определение «политика мондиализма», которое включает в себя международную деятельность голландского государства, выходящую за пределы направлений европеизма и атлантизма. Данная мондиалистская доктрина, имеющая долговременный характер и косвенное отношение к национальным интересам, ставит целью улучшение мирового порядка, соблюдение и уважение прав человека. Под содержанием «мировой политики» можно понимать широкий круг действий, и большинство из них относятся к реализации целей, провозглашенных ООН и ее аффилированными организациями и агентствами [8. С. 198]) «полагали, что обладают миссией убедить другие государства в этих взглядах, помочь установить и защитить нормы международного сообщества, которые устанавливаются голландскими нормами поведения» [9. С. 248]. Голландцы также надеялись улучшить свою репутацию среди стран третьего мира, так как сам имидж страны был подорван процессом деколонизации Индонезии, которая началась сразу после Второй мировой войны, и позже – Новой Гвинеи в 1958–1962 гг. [15. С. 59–60].

С начала 1960-х гг. Нидерланды продолжили политику «малого участия» в миротворческих операциях под эгидой ООН. В целом, как отмечает Клеп, общее количество голландских наблюдателей до 1960 г. составляло около 200 человек [15. С. 59–60]. Постепенно их число возрастает, и уже с августа 1960 г. по октябрь 1963 г. голландская сторона предоставила малый личный состав для медицинской миссии и гражданской миссии ООН в Конго (ОНУК) [2. С. 193–196].

В 1963–1964 гг. военные наблюдатели были привлечены для миротворческой миссии ООН в Йемене (МООННЙ), которая осуществляла надзор за разведением сторон в гражданской войне [2. С. 197; 13. С. 267]. С сентября 1965 г. по февраль 1966 г. миротворческий контингент Нидерландов участвовал в Индо-Пакистанской миссии ООН по наблюдению (ЮНИПОМ) для поддержания прекращения огня в вооруженном конфликте между Пакистаном и Индией [2. С. 200–204].

Многие исследователи отмечают, что хотя в 1960-е гг. Нидерланды участвовали в миротворческих операциях, отправляя небольшие наблюдательные миссии [2; 5; 13. С. 267], голландское правительство стремилось активизировать деятельность на этом направлении. На инициативу о внедрении резервных миротворческих войск, с которой выступил в 1959 г. Генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд, положительно отреагировал министр иностранных дел Королевства Йозеф Люнс и предложил военные подразделения для ООН в качестве резерва. 24 сентября 1963 г. он выступил с сообщением перед Генеральной Ассамблей ООН, что Генеральный секретарь ООН проинформирован о полной готовности голландского правительства передать в распоряжение ООН контингент морского корпуса Военных сил Королевства Нидерландов. Двумя годами позже, 5 октября 1965 г., предложение голландской стороны было подтверждено, и в качестве дополнительной силы был предоставлен вооруженный батальон пехоты. Это тем более стало актуально, когда нации, присоединившиеся к «Движению неприсоединения», стали оказывать свое влияние на принятие решений в Генеральной Ассамблее ООН [8. С. 208].

В это время Нидерланды вернулись к старому курсу по резолюции ООН 377 «Единство в пользу мира» в надежде, что Совет Безопасности снова возьмет на себя большую ответственность в решении вопроса проведения миротворческих операций. Поведение голландцев изменилось в результате финансового и структурного кризиса в ООН. Слабая организация оказалась перегружена миротворческими операциями, не находя поддержки у великих держав. Когда в 1965 г. количество непостоянных членов, входивших в Совет Безопасности, увеличилось до десяти, голландцы увидели возможность помочь в усилении роли главного исполнительного органа. Это произошло, когда Нидерланды получили место непостоянного члена в составе Совета Безопасности [Там же. С. 207]. В резолюции 2308 (XXII) от 13 декабря 1967 г. говорится, что Генеральная Ассамблея считала бы уместным «подготовить исследование по вопросам, касающимся технических средств, обслуживания и персонала, которые государства – члены Организации могли бы предоставить в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций для проведения операций Организации Объединенных Наций по поддержанию мира» [16].

21 июня 1968 г. голландское правительство отправило подготовленный Министерством иностранных дел «Меморандум о резервных войсках для операций по поддержанию мира ООН» главе «Комитета 33»

(Специальный комитет ООН по операциям по поддержанию мира). В документе подчеркивались предложения от 1963 и 1965 гг., а также говорилось о том, что в мае 1968 г. было включено дополнение о присоединении корпуса военной полиции [5. С. 37]. Действия министра иностранных дел поставили в тупик военное руководство страны, которое узнало об этом из утренних газет, что объясняет причину, почему новый персонал, ответственный за управление кризисами, получил название «Персонал Утренней газеты» (Staf Ochtendblad) [15. С. 61–62]. Генеральный секретарь ООН У Тан, сменивший на посту погибшего в результате несчастного случая Дага Хаммаршельда, с признательностью принял голландское предложение о резервных силах, но это было не больше, чем благодарность [Там же. С. 59–60]. Как считает Крис Клеп, голландцы «находились под влиянием своего колониального прошлого, и новые возникающие государства третьего мира выдвинули бы возражения» [Там же], если бы Нидерланды отправили свои силы для проведения миротворческой миссии. Дело в том, что в 1964 г. при установлении новой миссии на Кипре (Вооруженные силы Организации Объединенных Наций по поддержанию мира на Кипре – ВСООНК), располагая возможностями, Нидерланды оказались вне участия в этом процессе.

Среди главных характеристик периода с 1958 по 1978 г., названного в литературе «позицией готовности», можно указать личные предпочтения министра иностранных дел Йозефа Лунса и политику атлантизма, которую он проводил. Вышеупомянутое политическое поведение также связано с вопросом возможности использования голландских вооруженных сил в операциях НАТО в случае советской угрозы. Серьезность данного момента достигла своего апогея в 1960–1970-е гг. в бюрократической борьбе между двумя противоположными силами, отвечающими за реализацию внешней политики: военной верхушкой, выступавшей за большее участие вооруженных сил в рамках НАТО и отказ от резервных сил и их подготовки на случай базирования в миротворческие миссии, и министерством иностранных дел, у которого в приоритете находились миротворческие операции под эгидой ООН. В целом, как отмечает Клеп, «военной верхушке удалось одержать победу, и в плане подготовки весь тренировочный план был сведен к нескольким документальным лекциям» [15. С. 60]. В будущем вопросы подготовки и тренировки приобретут актуальность при обсуждении темы миротворчества между голландским парламентом и правительством, в кругах военных, ученых и политиков.

С начала 1970-х гг. возросла напряженность между Израилем и Ливаном вдоль израильско-ливанской границы, далее, в 1978 г., «активизировались диверсионные операции палестинцев против Израиля и ответные удары Израиля по палестинским базам в Ливане» [17]. В марте в ответ на военные действия палестинских диверсантов из Организации освобождения Палестины Израиль ввел свои войска на территорию Ливана, оккупировав всю южную часть. 15 марта 1978 г. Ливан обратился в Совет Безо-

пасности ООН с протестом в связи с израильским вторжением. 19 марта СБ ООН принял резолюции 425 (1978) и 426 (1978) и призвал «Израиль немедленно прекратить свои военные действия против территориальной целостности Ливана и вывести незамедлительно свои войска со всей территории Ливана» [18], а также установил временные силы ООН в Ливане «на первоначальный период в шесть месяцев и что в случае необходимости они будут продолжать выполнять свои функции по истечении этого срока...» [19].

Позже, 19 декабря 1978 г., генерал Т.К. Дибуама, военный советник Генерального секретаря ООН Курта Валдхейма, выдвинул срочное требование Правительству Нидерландов о предоставлении способного к военным действиям пехотного батальона для участия во Временных силах ООН в Ливане. Хотя данное требование было достаточно неожиданным, голландцы ответили согласием, несмотря на то что ряд обстоятельств указывал на поспешность принятого решения. Среди самых острых можно выделить следующие: недостаточная подготовка вооруженных сил (только один пехотный батальон из четырех, отправляемых в миссию, был полностью готов к размещению), недостаточно ясный и невыполнимый мандат самой миссии в Ливане, последствия нефтяного эмбарго 1973 г. стран ОПЕК. Причины, по которым Нидерланды согласились на участие в миротворческой операции, оставались прежними: поддержание статуса, престижа, соотношение себя с государством, активно участвующим в проведении политики миротворчества ООН, развенчивание «мифа о колониальном прошлом», создание нового имиджа страны, осуществляющей программы помощи по развитию в странах третьего мира.

Как отмечает профессор военной истории из Лейденского университета Бен Шунмейкер, «несмотря на то, что цель самой миссии была непонятно определена, что также касалось и самой продолжительности операции», он посоветовал министру иностранных дел отправить войска для участия в миротворческой операции длительностью в год. Хотя существовали неоспоримые риски и безнадежность самой миссии [20. С. 588].

Министр иностранных дел Крис ван дер Клау согласился с вышеуказанным советом, самое главное – оставалось найти компромисс с министром обороны Вильяном Схолтеном, так как военная верхушка не желала какого-либо участия в миротворческих миссиях под эгидой ООН. С другой стороны, участие не позволило бы выполнить обязательство по оборонной политике Североатлантического альянса (размещение вооруженных сил по внутренней границе ФРГ и ГДР). Несмотря на эти факты, 12 января 1979 г. коалиционный кабинет христианских демократов и либералов во главе с премьер-министром Дриесом ван Агтом дал свое согласие. Письмо, информировавшее о размещении войск в ВСООНЛ, было отправлено в парламент в тот же день. Палата представителей холодно встретила данное решение, так как не было проведено предварительных консультаций по вопросу размещения вооруженных сил. В последующем, чтобы избе-

жать недоразумений, правительство и оппозиционные партии договорились о необходимости проведения предварительных консультаций при принятии решений об отправке вооруженных сил для участия в миротворческих миссиях [5. С. 40]. Однако дальнейшие споры велись о том, кто должен входить в миротворческий контингент, во-вторых, как должны складываться отношения с Израилем. В Нидерландах в конце 1970-х гг. армия имела призывной характер, и общественность была не согласна на отправку солдат, находящихся на военной службе по призыву. Исключение было сделано лишь для военных, не годных по медицинским показаниям или имеющих серьезные личные обстоятельства. Военные союзы и родительские комитеты выступали за отправление солдат на добровольной основе. Несмотря на данное обещание не отправлять военных без их согласия, 15 февраля 1979 г. правительство Нидерландов дало положительный ответ на официальный запрос ООН, и первый голландский батальон в количестве 600 человек высадился в Южном Ливане в марте 1979 г.

Второй спорный момент касался отношений с Израилем. По утверждению министра иностранных дел ван дер Клау, он получил заверения от своего израильского коллеги Моше Даяна о согласии на размещение голландского контингента, но ряд фактов говорил об обратном: израильские военные силы выражали свое несогласие по поводу присутствия голландских военных, в СМИ распространялась информация о том, что голландское правительство должно отозвать свое решение. Генерал Арон Левран, будучи «связующим» офицером между Министерством обороны Израиля и штаб-квартирой ООН в Израиле, предупреждал генерала Эммануэла Эрскина, командующего ВСООНЛ, не размещать батальон рядом с французским миротворческим контингентом, чтобы уменьшить риск от часто попадающих снарядов и опасность конфронтации между израильскими и голландскими военными. Под давлением посла Израиля в Нидерландах Шломо Аргова не был утвержден на пост командующим операциями полковник Х.А. Крамер, который выполнял функции военного атташе в Дамаске и был хорошо знаком с вопросами ближневосточного урегулирования, но не разделял израильскую точку зрения. Кроме вышенназванных причин, с 1979 по 1985 г. следом за этим жестом «преклонения перед Израилем», скрытым от публики, между Нидерландами и Израилем не раз возникали споры касательно миссии в Ливане.

В целом, как говорилось ранее, участие голландской стороны в миссии ООН с самого начала носило противоречивый характер. Правительство необдуманно и поспешно приняло решение о размещении войск на территории Ливана. Понимая, что это явилось неверным шагом, руководство страны постоянно откладывало вывод войск. Данный период в голландской литературе получил название «вынужденные остановки» [15. С. 59–60]. На протяжении 1979–1985 гг. голландские политические круги, боясь потерять влияние на международной арене, выступали за продление миссии. Хотя согласно правилу нацио-

нальные контингенты могли быть выведены из миссии ООН в любое время, по любой причине и только с соответствующим уведомлением ООН, чтобы была возможность произвести замену, если это будет необходимо. Поэтому правительство Нидерландов приняло решение о том, что вывод голландских миротворческих войск будет осуществлен только тогда, когда Совет Безопасности сочтет это нужным, это касалось и сроков пребывания контингента. Вторая причина крылась в проведении Израилем операции «Мир для Галилеи» («Operation Peace for Galilee») и введении войск в Ливан 6 июня 1982 г. Поэтому, чтобы не допустить еще большего обострения ситуации, вывод голландских войск был отменен. Тем самым была оказана поддержка в работе специального американского посланника на Ближнем Востоке Филипа Хабиба, а также позиции США, которые осознали, что голландцы не смогут быстро вывести войска.

В ноябре 1982 г. правительство во главе с Руудом Люберсом приняло решение о выводе войск. Сменивший на посту министра иностранных дел ван Агта Ханс ван дер Брук не разделял этого мнения, так как 1 января 1983 г. Нидерланды вошли в СБ ООН в качестве непостоянного члена и «вывод войск для государства, занимающего кресло непостоянного члена СБ ООН, стал бы кошмаром» [20. С. 592]. В это же время парламент обратился с просьбой к правительству отказаться от проведения переговоров с представителями Организации освобождения Палестины, даже на государственном уровне. Нужно отметить, что Гаага неоднократно инициировала меры для примирения сторон, чтобы посадить за стол переговоров представителей Израиля и Палестины [3. С. 309]. Позже, хотя и не напрямую, эти действия способствовали заключению Израильско-палестинского соглашения в Осло в начале 1990-х гг.

С начала 1983 г. предпринималось несколько попыток вывести войска, постепенно сокращая военное присутствие, разместив только пехотный батальон [20. С. 594]. Но давление со стороны США, продолжавшееся с 1982 по 1984 г., и «страх потерять влияние и имидж» на международной арене заставляли голландские круги каждый раз продлевать мандат на полгода. Колossalные изменения произошли в конце 1983 г., снизилась степень вовлеченности американской стороны в урегулирование израильско-палестинского конфликта, что повлекло за собой односторонний вывод американских войск. Это произошло после атак террористов-смертников штаба Многонациональных сил США и Франции в Бейруте 23 октября 1983 г., в ходе которых погибли более 240 американских морских пехотинцев и 59 французских десантников. Вопрос о выводе войск Израилем с палестинской территории замедлял и вывод голландских войск. Пока угроза опасности батальону не стала реальной, парламент Нидерландов сомневался в своем решении. В итоге последние военные были выведены только в октябре 1985 г. По заявлению голландского правительства уже в 1982 г. после израильского вторжения миссия ВСООНЛ не служила ни политическим, ни практическим целям [15. С. 62]. Только за

период с 1979 по 1981 г. голландское правительство потратило около 40 миллионов долларов на операцию в Ливане, и только половина была рефинансирана ООН [1. С. 289]. Впоследствии сумма была снижена, из-за этого миротворческий контингент, сокращенный до 150 человек, реструктуризован в легкий пехотный батальон. Осенью 1983 г. значительная его часть была выведена [5. С. 40]. Как отмечал голландский профессор Петер Баэр, министр ван дер Брук, выступая перед Генеральной Ассамблей ООН в сентябре 1985 г. (за месяц до окончательного вывода батальона), ссылался на то, что миротворческие операции являются одними из успешных действий ООН, хотя сама миссия ВСООНЛ носила провальный характер. Также ученый негативно оценивает односторонние действия голландского правительства по выводу войск с учетом несоответствия сложившихся тогда условий: вопросы безопасности голландского контингента почему-то не затрагивались в начале его размещения, а в расчет брались только факты «престижа» и «поддержания имиджа» [1. С. 289–290].

Если говорить об участии голландского контингента в ВСООНЛ, можно отметить, что после 1985 г. правительство Нидерландов столкнулось с так называемым условием трапа (*de vliegtuigtrapclause / the aircraft steps clause*): военные, проходящие службу по призыву, могли отказаться от участия в миротворческой миссии ООН вплоть до последней минуты (во время посадки в самолет). Таким образом, перед голландским кабинетом встало проблема будущего вида армии и вооруженных сил. Было понятно, что военная элита Королевства Нидерландов не совсем одобряла участие в операциях по поддержанию мира, и участие в реализации оборонной политики и политики безопасности НАТО являлось для них первоочередным [2. С. 93; 15. С. 62]. Вторая причина – финансовая. Как отмечает голландский исследователь Роб Сикманн, «министерство финансов больше не желало нести расходы на операции» [5. С. 42].

19 декабря 1985 г. правительство Нидерландов отправило ноту на имя Генерального секретаря ООН, которая касалась пересмотра предложения Нидерландов о «резервных войсках» [22]. В ней указывалось, какой вид войск будет предоставлен в течение 48 часов, в течение недели и в течение шести месяцев. Б. Сикманн пишет, что Нидерланды, пересматривая свое предложение о резервных войсках, общие положения сохранили: «Это предложение основывалось на понимании того, что первоочередная консультация с правительством Нидерландов будет рассматриваться по каждому отдельному случаю, по которому Генеральный секретарь ООН потребует предоставления голландских соединений в его распоряжение» [21].

Конец 1980-х гг. характеризовался большими изменениями в системе международных отношений, и это отразилось на новом этапе голландского миротворчества, который в литературе получил название «новые приоритеты» [2. С. 95].

С 1989 г. голландское правительство опубликовало три Белых Книги по обороне: в 1991 г. появилась «Белая Книга по реструктуризации и сокращению,

Голландские вооруженные силы в изменяющемся мире» [22]; в 1993 г. свет увидела Вторая Белая Книга «Другой мир. Другая оборона, Белая Книга о приоритетах» [23]; в 2000 г. – «Белая Книга об обороне» [24. С. 88]. Как отмечает голландский ученый Марк Хубен, «Белая Книга» (1991) является «значительным и детальным документом, который открывается выражением надежды: «Кажется, что конец холодной войны – это мир во всем мире», и служит сигналом к новому уважению к ООН как к посреднику мира. Цель Белой Книги – представить проект о реструктуризации и сокращении вооруженных сил [Там же]. После холодной войны Нидерланды предоставили для миротворческих операций ООН несколько тысяч солдат из своих вооруженных войск. В начале 1990-х гг. пропорция дислоцированных военных на душу населения была одной из самых высоких в мире [24. С. 85].

Новые международные вызовы в конце 1980-х – начале 1990-х гг. привели к изменению общественного настроения. Голландское общество безошибочно подавало сигналы об «изменяющемся восприятии вооруженных сил». Со временем общественная поддержка армии стала уменьшаться. Об этом свидетельствуют опросы общественного мнения, которые показывали, что в 1989 г. 66% опрошенного населения поддерживают действия своей армии. Впоследствии вера в вооруженные силы также уменьшилась (с 43% опрошенного населения в 1981 г. до 32% в 1990 г.). Сокращающиеся денежные расходы на вооруженные силы, возможно, также стали ответным сигналом на социальные настроения. В 1989 г. почти 60% населения выступало за снижение бюджета на оборону, тогда как в 1982 г. это число составляло 40% [25. С. 112]. Ученые полагают, что уменьшение бюджета стало причиной дифференциации политики голландским правительством в расстановке целей и приоритетов в конце 1980-х гг.

Подводя итоги рассмотрения эволюции голландского миротворчества в период с 1945 по 1992 г., можно сказать, что существенным для Королевства Нидерландов оставалось сохранение престижа и международного влияния, а также удержание позиций «ненеблагого игрока» в деятельности ООН при проведении миротворческих операций. К концу 1980-х – началу 1990-х гг. было закреплено правило о «предварительных консультациях» между правительством и парламентом при принятии решений о размещении вооруженных соединений на территории других государств. В это время начался постепенный переход от армии по призыву к армии, основанной на контрактной основе, что могло обеспечить в будущем более гибкую мобилизацию при развертывании вооруженных сил для участия в миротворческих миссиях. Одной из главных особенностей голландского миротворчества явилось то, что Нидерланды, исходя из своих исторических внешнеполитических традиций, всегда стремились к примирению противоборствующих сторон. На протяжении всего рассматриваемого периода участие Нидерландов в операциях по поддержанию мира находило поддержку у голландского общества, характерными чертами которого являются

постоянный поиск консенсуса в результате совместных действий и переговоры. В 2006 г. в своем выступлении министр иностранных дел мистер Бернард Бот сказал: «Собственные интересы и мораль... – это две стороны одной медали. Если торгующая нация, как Нидерланды, сражается за более мирный, более стабильный, более процветающий

мир для усиления международного правового порядка, то также действует в своих национальных интересах». Он также отметил, что «сегодня настоящая realpolitik – это поиск взаимных выгод. Даже в конфликтных ситуациях, когда мы должны искать взаимные выгоды. В глобальном мире, оппонент сегодня – завтра партнер по переговорам» [26].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Baehr P. The Netherlands and the United Nations: The future lies in the Past* in *Alger Ch.F, Lyons G.M., Trent J.E. (eds.). The UN System: The Policies of the Member States*. Tokio : United Nations University, 1995.
2. *Klep C., van Gils R. Van Korea tot Kosovo: De Nederlandse militaire deelname aan vredesoperaties sinds 1945*. Den Haag : Sduuitgevers, 1999.
3. *Hellema D.A. Dutch Foreign Politics. The role of the Netherlands in World Politics*. Dordrecht, 2009.
4. *Шамохина-Мордвинцева Г.А. История Нидерландов*. М. : Дрофа, 2007.
5. *Siekmann R.C.R. Netherlands Participation in United Nations Peace-keeping Operations* // *The Netherlands and the United Nations: selected issues* / ed. by R. Peter Baehr and Monique C. Castermans-Holleman. 's-Gravenhage: T.M.C. Asser Institut, 1990.
6. *Van Baal A.P.P.M. Preparation and Training for Peace Support Operations*. In *Anglo-Dutch Peace Support Operations Seminar*. Den Haag, 1996.
7. *Документы ООН. Резолюция «Единство в пользу мира»*. A/RES/377 (V) (03 ноября 1950 года). URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/062/19/IMG/NR006219.pdf?OpenElement>, свободный (дата обращения: 20.08.2014).
8. *Voorhoeve J.J.C. Peace, profits and principles: a study of Dutch foreign policy*. The Hague, 1979.
9. *Park Il-Song, Yang Yong-Jo, Son Kyu-Suk. A History of Netherlands Forces' Participation in the Korean War*. Ministry of Patriots & Veterans Affairs, The Republic of Korea. Seoul, 2010.
10. *South Korea: Foreign Investment*. URL: <https://en.santandertrade.com/establish-overseas/south-korea/foreign-investment> (дата обращения: 17.01.2015).
11. *Посол Голландии о роли Нидерландов в Корейской войне*. URL: <http://m.korea.net/russian/NewsFocus/Society/view?pageIndex=5&articleId=110273>, свободный (дата обращения: 21.08.2014).
12. *Вальков В.А. Экономика и политика Голландии после Второй мировой войны*. М., 1961.
13. *Srebrenica: "A Safe Area"*. Part I – The Yugoslavian problem and the role of the West. Nederlands Instituut voor Oorlogsdocumentatie (Netherlands Institute of War Documentation). Amsterdam, 2002. URL: http://www.srebrenica.nl/Content/NIOD/English/srebrenicarcport-niod_en_part01.pdf, свободный (дата обращения: 22.03.2011).
14. *Конституция Королевства Нидерландов* (в редакции от 1982 года). URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=143&page=2>, свободный (дата обращения: 18.01.2015).
15. *Klep C. Peacekeepers in a Warlike Situation: The Dutch Experience* // *Erwin A. Schmidt. Peace Operations between Peace and War: Four Studies*. Nummer 11 (September, 1998). P. 59–69. URL: http://www.bmlv.gv.at/pdf_pool/publikationen/01_11pop_05_klep.pdf, свободный.
16. *Документы ООН. Резолюция «Всестороннее рассмотрение всего вопроса об операциях по поддержанию мира во всех их аспектах»*. A/RES/2308(XXII) (13 декабря 1967 года). URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/2308%28XXII%29&referer=http://www.un.org/depts/dhl/resguide/r22_en.shtml&Lang=R, свободный (дата обращения: 18.08.2014).
17. *ВСООНЛ. Временные силы Организации Объединенных Наций в Ливане*. URL: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/missions/unifil/background.shtml>, свободный (дата обращения: 20.08.2014).
18. *Документы ООН. Резолюция 425 (1978) от 19 марта 1978 года*. S/RES/425 (1978). URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/369/12/IMG/NR036912.pdf?OpenElement>, свободный (дата обращения: 18.10.2014).
19. *Документы ООН. Резолюция 426 (1978) от 19 марта 1978 года*. S/RES/426 (1978). URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/369/12/IMG/NR036912.pdf?OpenElement>, свободный (дата обращения: 18.10.2014).
20. *Schoenmaker B. The debate on the Netherlands contribution to UNIFIL, 1979–85* // *International Peacekeeping*. 2006. Vol. 12, No. 4. P. 586–598.
21. *UN Documents. Note-verbals van de Nederlandse Permanente Vertegenwoordiging bij de Verenigde Naties aan de Secretaris-Generaal van de Verenigde Naties inzake Nederlandse deelname aan vredesoperaties*. [Note-verbals of the Dutch Permanent Representative to the United Nations addressed to the Secretary General of the United Nations on the Dutch participation in peacekeeping operations]. A/41/56 (in Dutch). 19.12.1985; New York. URL: http://mpbundels.mindf.nl/11_serie/11_30/11_30_210.htm, свободный (дата обращения: 20.10.2014).
22. *Ministry of Defense (1991). Herstructureren en Verkleining. De Nederlandse krijgsmacht in een veranderende wereld* [White Paper. Restructuring and Downsizing. The Dutch Armed Forces in a Changing World]. The Hague. URL: http://resourcesgd.kb.nl/SGD/19901991/PDF/SGD_19901991_0006653.pdf, свободный (дата обращения: 10.09.2012).
23. *Ministry of Defense (1993). Prioriteiten Nota: Een andere wereld, een andere Defensie* [A Different World, a Different Defense. White Paper on Priorities]. The Hague. URL: http://resourcesgd.kb.nl/SGD/19921993/PDF/SGD_19921993_0007821.pdf, свободный (дата обращения: 10.09.2012).
24. *Houben M. No Blank Cheque: How and why European States Precondition Their Participation in International Crisis Management Operations*. Leiden, 2003.
25. *Van der Meulen J., de Konink M. Risky Missions: Dutch Public Opinion on peacekeeping in the Balkans* / Philip Everts, Pierangelo Isernia. Public Opinion and the International Use of Force. Routledge, 2003.
26. *Bot B. The Dutch Approach: Preserving the trinity of politics, security and development*. Speech by the Dutch minister of Foreign Affairs, Mr. Bot at the SID and NCDO Conference on Security and Development. 07 April, 2006. The Hague. URL: <http://cicam.ruhosting.nl/teksten/act.07.grotenhuis.speech%20bot.pdf>, свободный (дата обращения: 14.07.2012).

Статья представлена научной редакцией «История» 19 апреля 2015 г.

PARTICIPATION OF THE KINGDOM OF THE NETHERLANDS IN UN PEACEKEEPING OPERATIONS (1945–1992)

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 123–131. DOI: 10.17223/15617793/395/20

Smolenchuk Olga Yu. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: smolenchuk@gmail.com

Keywords: Netherlands; Dutch foreign policy; peacekeeping operations; peace support operations.

The article examines the peacekeeping activity of the Netherlands in the United Nations from 1945 to 1992. The main features of four periods in the establishment of the Dutch peacekeeping are reviewed, and two independent variables are outlined: 1) the relationships between the government and the parliament of the Netherlands; 2) public opinion on the participation of the Dutch armed

forces in peacekeeping. Dutch researchers identify four periods in the Dutch peacekeeping after the Second World War, each of which has its own characteristics. During the first (1945–1958), called “UN member against its will and the Korean War”, the Dutch pursued a reasonable policy to solve questions in the deployment of the Dutch armed forces. The government relied upon the broad support of the Dutch society that overreacted to the military actions, revealing liberal and humanistic features of behavior. Among the main aspects of the 1958–1978 period, outlined in the literature as the “standby position” or “containment position for the UN”, it is necessary to consider the personal preferences of the Dutch Minister of Foreign Affairs Joseph Luns and the *Atlanticism* policy that he conducted. That political behavior was connected with the issue of using the Dutch armed forces in case of the Soviet threat for the UN. The third period (1979–1989), “UNIFIL: downtime and lessons”, is related to the peacekeeping mission in Lebanon and the Netherlands’ consent to participate in it, despite the fact that the mandate of this mission was not clearly defined. One of the main results was that the Dutch government agreed to have compulsory consultations with the parliament before the dispatch of the Dutch armed forces. The second was that soldiers were to give voluntary consent for their participation in peacekeeping. Many changes in the system of international relations took place in the late 1980s that had an impact on the new period of Dutch peacekeeping named “new priorities”. International challenges occurred in the late 1980s and early 1990s that produced changes in public opinion; over time, public support of the army had decreased. The researchers suggest that cuts in the Netherlands budget caused a differentiation of the policies of the government and its arrangement of priorities and aims. To sum up, the most important results of consideration of the evolution of the Dutch peacekeeping during the period from 1945 to 1992 for the Netherlands was to maintain its international prestige and influence, and its position as a “strong player” in UN peacekeeping activities. By the late 1980s and early 1990s the “preliminary consultations” rule between the government and parliament in decision-making on the deployment of armed forces in different countries was established. During this time, the transition from the conscription army to the contract one would have provided more flexible mobilization of soldiers’ preparation for peacekeeping missions. But one of the main features of the Dutch peacekeeping was that the Netherlands, based on the foreign policy traditions, always tended to harmonize hostile parties. Throughout all considered periods, the participation of the Netherlands in peace support operations found relevant public support, the main feature of which is the constant search for consensus as a result of mutual actions and negotiations.

REFERENCES

1. Baehr P. *The Netherlands and the United Nations: The future lies in the Past*. In: Alger Ch.F, Lyons G.M., Trent J.E. (eds.). *The UN System: The Policies of the Member States*. Tokio: United Nations University, 1995.
2. Klep C., van Gils R. *Van Korea tot Kosovo: De Nederlandse militaire deelname aan vredesoperaties sinds 1945*. Den Haag: Sduuitgevers, 1999.
3. Hellema D.A. *Dutch Foreign Politics. The role of the Netherlands in World Politics*. Dordrecht, 2009.
4. Shatokhina-Mordvintseva G.A. *Istoriya Niderlandov* [The history of the Netherlands]. Moscow: Drofa Publ., 2007. 515 p.
5. Siekmann R.C.R. *Netherlands Participation in United Nations Peace-keeping Operations*. In: Baehr P.R., Castermans-Holleman M.C. (eds.) *The Netherlands and the United Nations: selected issues*. T.M.C.Asser Instituut: The Hague, 1990.
6. Van Baal A.P.P.M. *Preparation and Training for Peace Support Operations*. In Anglo-Dutch Peace Support Operations Seminar. Den Haag, 1996.
7. UN Documents. *Uniting for Peace. A/RES/377(V)* (November 3, 1950). Available from: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/062/19/IMG/NR006219.pdf?> (Accessed: 20.08.2014).
8. Voorhoeve J.J.C. *Peace, profits and principles: a study of Dutch foreign policy*. The Hague, 1979.
9. Park Il-Song, Yang Yong-Jo, Son Kyu-Suk. *A History of Netherlands Forces’ Participation in the Korean War*. Ministry of Patriots & Veterans Affairs, The Republic of Korea. Seoul, 2010.
10. *South Korea: Foreign Investment*. Available from: <https://en.santandertrade.com/establish-overseas/south-korea/foreign-investment>. (Accessed: 17.01.2015).
11. *Posol Gollandii o roli Niderlandov v Koreyskoy voynye* [The Ambassador of the Netherlands about the role of the Netherlands in the Korean War]. Available from: <http://m.korea.net/russian/NewsFocus/Society/view?PageIndex=5&articleId=110273>. (Accessed: 21.08.2014).
12. Val’kov V.A. *Ekonomika i politika Gollandii posle Vtoroy mirovoy voyny* [Economy and politics of Holland after World War II]. Moscow: izdatel’svo Instituta mezhdunarodnykh otnosheniy Publ., 1961. 233 p.
13. *Srebrenica: “A Safe Area”*. Part I – The Yugoslavian problem and the role of the West. Nederlands Instituut voor Oorlogsdocumentatie (Netherlands Institute of War Documentation). Amsterdam, 2002. Available from: http://www.srebrenica.nl/Content/NIOD/English/srebrenicareport-niod_en_part01.pdf. (Accessed: 22.03.2011).
14. *Konstitutsiya Korolevstva Niderlandov (v redaktsii ot 1982 goda)* [The Constitution of the Kingdom of the Netherlands (in the edition of 1982)]. Available from: <http://worldconstitutions.ru/?p=143&page=2>. (Accessed: 18.01.2015).
15. Klep C. *Peacekeepers in a Warlike Situation: The Dutch Experience*. In: Schmidt E.A. (ed.) *Peace Operations between Peace and War: Four Studies*. Nummer 11 (September, 1998), pp. 59–69. Available from: http://www.bmlv.gv.at/pdf_pool/publikationen/01_11pop_05_klep.pdf.
16. UN Documents. *Comprehensive Review of the Whole Question of Peacekeeping Operations in All Their Aspects. A/RES/2308(XXII)* (December 13, 1967). Available from: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/2308%28XXII%29&referer=http://www.un.org/depts/dhl/resguide/r22_en.shtml&Lang=R. (Accessed: 18.08.2014).
17. VSOONL. *Vremennye sily Organizatsii Ob’edinennykh Natsiy v Livane* [UNIFIL. United Nations Interim Force in Lebanon]. Available from: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/missions/unifil/background.shtml>. (Accessed: 20.08.2014).
18. UN Documents. *Resolution S/RES/425(1978)* of March 19, 1978. Available from: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/369/12/IMG/NR036912.pdf?> (Accessed: 18.10.2014).
19. UN Documents. *Resolution S/RES/426(1978)* of March 19, 1978. Available from: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/369/12/IMG/NR036912.pdf?> (Accessed: 18.10.2014).
20. Schoenmaker B. The debate on the Netherlands contribution to UNIFIL, 1979–85. *International Peacekeeping*, 2006, vol. 12, no. 4, pp. 586–598.

21. UN Documents. Note-verbale van de Nederlandse Permanente Vertegenwoordiging bij de Verenigde Naties aan de Secretaris-Generaal van de Verenigde Naties inzake Nederlandse deelname aan vredesoperaties [Note-verbal of the Dutch Permanent Representative to the United Nations addressed to the Secretary General of the United Nations on the Dutch participation in peacekeeping operations]. A/41/56 (in Dutch). 19.12.1985; New York. Available from: http://mpbundels.mindef.nl/11_serie/11_30/11_30_210.htm. (Accessed: 20.10.2014).
22. Ministry of Defense. *Herstructureren en Verkleining. De Nederlandse krijgsmacht in een veranderende wereld* [White Paper. Restructuring and Downsizing. The Dutch Armed Forces in a Changing World]. The Hague, 1991. Available from: http://resourcesgd.kb.nl/SGD/19901991/PDF/SGD_19901991_0006653.pdf. (Accessed: 10.09.2012).
23. Ministry of Defense. *Prioriteiten Nota: Een andere wereld, een andere Defensie* [A Different World, a Different Defense. White Paper on Priorities]. The Hague, 1993. Available from: http://resourcesgd.kb.nl/SGD/19921993/PDF/SGD_19921993_0007821.pdf. (Accessed: 10.09.2012).
24. Houben M. *No Blank Cheque: How and why European States Precondition Their Participation in International Crisis Management Operations*. Leiden, 2003.
25. Van der Meulen J., de Konink M. *Risky Missions: Dutch Public Opinion on peacekeeping in the Balkans*. In: Everts Ph., Isernia P. (eds.) *Public Opinion and the International Use of Force*. Routledge, 2003.
26. Bot B. *The Dutch Approach: Preserving the trinity of politics, security and development*. Speech by the Dutch minister of Foreign Affairs, Mr. Bot at the SID and NCDO Conference on Security and Development. The Hague, 2006, April 07. Available from: <http://cicam.ruhousing.nl/teksten/act.07.grotenhuis.speech%20minister%20bot.pdf>. (Accessed: 14.07.2012).

Received: 19 April 2015

ПАРТИЙНОЕ РУКОВОДСТВО РЕГИОНАЛЬНЫМИ ПЕЧАТНЫМИ СМИ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

Систематизированы и проанализированы основные направления руководства деятельностью печатных СМИ со стороны региональных партийных организаций в годы перестройки на примере Архангельской и Вологодской областей.

Ключевые слова: партийные комитеты; периодическая печать; журналисты; перестройка.

За последние десятилетия система печатных СМИ претерпела значительные изменения, которые отражают политические и социально-экономические трансформации в России. В начале XXI в. вновь развернулись дискуссии о необходимости создания механизмов, которые смогли бы обеспечить действительную независимость СМИ от государственного влияния и частного капитала и равноправный диалог общества с властью. Данные проблемы впервые были подняты во второй половине 1980-х гг., когда существовавшая десятилетиями система периодической печати стала видоизменяться под воздействием политики демократизации и гласности, провозглашённой в это время. Однако широко обнародованная гласность во многом оказалась лишь продекларированной и не коснулась взаимоотношений прессы и партийных органов как в центре, так и в регионах. В настоящей статье предпринята попытка систематизировать и проанализировать влияние партийных органов власти на деятельность печатных СМИ в годы перестройки на примере Архангельской и Вологодской областей.

С первых лет установления советской власти определяющей чертой деятельности печатных средств массовой информации было развернутое и системное партийное руководство. В партийных документах, таких как постановления Пленумов ЦК КПСС, решения партийных конференций, на местном уровне – это постановления бюро обкомов, горкомов, райкомов КПСС, рассматривались вопросы, касающиеся деятельности системы периодической печати либо отдельных изданий, выявлялись недостатки и ставились очередные задачи. При Центральном комитете партии, на местном уровне при обкомах, горкомах изначально были созданы подотделы печати, которые в 1939 г. были преобразованы в отделы пропаганды и агитации, в 1989 г. – в идеологические отделы, в 1991 г. – в отделы идеологической комиссии. Указанные отделы направляли работу периодической печати в соответствии с политическими и хозяйственными задачами, стоящими перед партийными и советскими органами власти [1. С. 78].

Курс на перестройку провозглашал перемены во всех сферах советского общества, однако в материалах апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, в документах XXVII съезда партии (1986 г.) и XIX партийной конференции (1988 г.) неизменной оставалась линия на централизацию партийного руководства СМИ, целью которой являлось обязательное проведение в жизнь директив КПСС. Широко обнародованная на январском Пленуме ЦК КПСС 1987 г. глас-

ность, по мнению Р. Овсепяна, В. Комаровского и других исследователей, во многом оказалась лишь продекларированной и не коснулась взаимоотношений прессы и партийных органов, как в центре, так и в регионах [2. С. 191; 3. С. 53].

Партийное руководство печатными средствами массовой информации в Архангельской и Вологодской областях, как и в других регионах страны, в годы перестройки проводилось в следующих направлениях.

Кандидат на должность редактора периодического издания утверждался на бюро обкома партии (горкома, райкома или парткома). Редактор областной газеты – органа обкома КПСС и областного Совета народных депутатов – входил в состав членов бюро областного комитета партии, а также являлся председателем областной организации Союза журналистов СССР. Деятельность последней также регламентировалась областным комитетом партии [4. Л. 1]. Большинство редакторов городских, районных и многотиражных газет также входили в состав бюро соответствующих партийных комитетов. Например, в Вологодской области в 1986 г. из 27 редакторов городских и районных газет 21 входил в состав бюро [5. Л. 15].

Контроль партийных организаций за деятельностью печатных СМИ прослеживался также в утверждении редакционных планов. Работа редакционных коллективов газет в период перестройки, как и в предыдущие годы, строилась на основе квартальных планов, которые рассматривались и утверждались партийными комитетами различных уровней: планы областных газет утверждались обкомом КПСС, городских – горкомом, районных – райкомом, многотиражных – парткомом предприятия. В исследуемый период партийные комитеты помимо квартальных планов рассматривали и утверждали тематические (целевые) планы на отдельную хозяйственную, общественно-политическую кампанию или перспективу [6. Л. 50]. Также на бюро обкома, горкомов, райкомов КПСС, как правило, раз в месяц заслушивались отчеты редакторов газет о выполнении редакционных планов [7. Л. 15].

Кроме того, во второй половине 1980-х гг. регулярно проходили встречи партийных руководителей всех уровней с журналистами, направляющие деятельность последних. Прежде всего речь идет о генеральном секретаре КПСС М.С. Горбачеве, который отводил огромную роль средствам массовой информации и пропаганды в мобилизации масс на перестройку. В Вологодской области встречи первого секретаря обкома КПСС с журналистами областных, гор-

родских и районных газет стали традиционными и проходили не реже одного раза в квартал. Первый секретарь обкома В.А. Купцов в своих выступлениях перед журналистами определял конкретные задачи, стоящие перед работниками СМИ области в свете решений Пленумов ЦК КПСС, и тем самым необходимость в принятии официальных документов (постановлений, решений) отпадала. Отчеты о таких встречах публиковались в газетах области. Также секретари обкома, горкомов, райкомов КПСС регулярно посещали коллективы редакций газет, присутствовали на партийных собраниях в редакциях. Кроме того, практиковались выступления в печати руководителей партийных и хозяйственных органов, исполкомов Советов народных депутатов по актуальным общественно-политическим и социально-экономическим проблемам, в том числе и в форме ответов на вопросы читателей [8. Л. 11; 9. Л. 2; 10. Л. 33].

Руководство газетами со стороны областных, городских и районных партийных комитетов проявлялось в подборе, расстановке, обучении и переподготовке журналистских кадров. На протяжении исследуемого периода областные комитеты КПСС Архангельской и Вологодской областей совместно с редакциями газет, радио и телевидения проводили работу по подбору кандидатур для рекомендации на учебу в Ленинградский государственный университет на факультет журналистики, а также осуществляли контроль за распределением выпускников журфака [11. Л. 5, 17].

Журналисты местных изданий периодически повышали свой общеобразовательный, профессиональный и культурный уровень в школах журналистского мастерства, на курсах повышения квалификации, действующих при областных комитетах партии, участвовали в творческих конкурсах [11. Л. 20; 12. Л. 19; 13. Л. 20–23]. Журналисты городских, районных и многотиражных изданий регулярно проходили аттестацию при отделе пропаганды и агитации обкома КПСС [14. Л. 5].

Тем не менее нехватка профессиональных журналистских кадров в рассматриваемый период была актуальной для региона и являлась предметом постоянного внимания со стороны партийных комитетов. Так, в Архангельской области в 1986 г. только 48% журналистов городских и районных газет имели специальное журналистское образование [15. Л. 67]. По данным идеологического отдела Вологодского обкома КПСС, в рассматриваемый период только 37% журналистов вологодских газет, телевидения и радио имели специальное журналистское образование [16. Л. 69]. Таким образом, в регионе существовала необходимость в подготовке новых профессиональных кадров и повышении квалификации журналистов.

Для повышения профессионального уровня журналисты областных изданий по распоряжению обкома партии проходили стажировку как в базовых редакциях, так и в других СМИ в соответствии с графиком, составленным партийным комитетом. Например, в соответствии с планами отдела пропаганды и агитации Вологодского обкома КПСС стажировку проходили в среднем 20 журналистов в год [17. Л. 20]. По инициативе обкомов также практиковались творче-

ские поездки журналистов областных, городских, районных и многотиражных газет по области и в другие регионы, организовывался обмен опытом работы лучших редакционных коллективов соседних областей [18. Л. 31]. Так, в феврале 1989 г. на очередное заседание идеологической комиссии Вологодского обкома КПСС, на котором рассматривался вопрос о роли СМИ в перестройке, был приглашен редактор архангельской областной газеты «Правда Севера» Д.А. Грабовой, рассказавший об опыте работы прессы в современных условиях на примере «Правды Севера» [19. С. 2].

Проблема нехватки профессиональных кадров в первую очередь касалась районных изданий. Поэтому идеологические отделы Архангельского и Вологодского обкомов партии ежегодно формировали и направляли группы журналистов в редакции районных газет для оказания практической помощи журналистам районных изданий [11. Л. 17].

Кроме того, совместно с правлением областных организаций Союза журналистов СССР при обкомах КПСС Архангельской и Вологодской областей для работников редакций газет регулярно 1–2 раза в год проводились семинары редакторов районных, городских, многотиражных газет, заведующих отделами, журналистов и фотокорреспондентов. На семинарах обсуждались новые подходы в освещении тем партийной жизни, перестройки, гласности и многие другие вопросы [20. С. 1]. Например, в 1989 г. в Вологде при обкоме КПСС на совместном семинаре партийных работников и руководителей СМИ обсуждалась тема «Актуальные вопросы перестройки деятельности средств массовой информации и пропаганды» [21. Л. 8]. Силами работников идеологического отдела Архангельского и Вологодского обкомов КПСС в редакционных коллективах газет проводились специальные занятия, целью которых было изучение и обсуждение партийных документов. Например, летом 1990 г. в редакционных коллективах Вологодской области проводились занятия с целью глубокого изучения материалов XXVIII съезда КПСС [22. Л. 33].

Проблемы освещения партийной жизни, деятельности Советов народных депутатов на страницах газет также находились под пристальным вниманием партийных органов. Партийные комитеты следили за соответствием содержания печатных изданий политике партии. Для этого идеологические отделы Архангельского и Вологодского обкомов КПСС осуществляли постоянный анализ содержания и информативности прессы, контроль над действенностью материалов. Особенно активизировалась деятельность партийных комитетов по руководству печатными СМИ во время избирательных кампаний. Так, в ходе избирательной кампании по выборам народных депутатов СССР 1989 г. идеологическими отделами обкомов и горкомов Архангельской и Вологодской областей проводились совещания редакторов газет, на которых давались рекомендации по организации и проведению «массово-политической работы» в период подготовки и проведения выборов, рассматривались и утверждались планы мероприятий, темы публикаций [23. Л. 1–

3; 24. Л. 6–13]. В целом партийными комитетами осуществлялся постоянный контроль за идеологическим обеспечением предвыборной кампании. В период избирательных кампаний народных депутатов РСФСР и депутатов местных Советов народных депутатов руководство деятельностью печатных изданий со стороны партийных комитетов проводилось в вышеуказанных направлениях.

Партийное руководство печатными СМИ Архангельской и Вологодской областей также проявлялось в том, что партийные комитеты всех уровней часто определяли темы для обсуждения на страницах изданий. Например, идеологическая комиссия Вологодского обкома КПСС в мае 1989 г. рекомендовала: «Партийным комитетам организовать широкое обсуждение проекта Закона о печати в трудовых коллективах, редакциях газет, радио, телевидения, среди общественности» [25. Л. 9, 21]. Результат не заставил себя долго ждать: летом этого года на страницах газет появился ряд статей и писем читателей, посвященных проекту Закона о печати. Таких примеров можно привести десятки. Часто именно партийные руководители являлись инициаторами появления в газетах новых рубрик, дискуссионных материалов. Например, А.П. Подольный – секретарь Вологодского горкома КПСС, на заседании идеологической комиссии в апреле 1989 г. предложил создать в газете «Красный Север» рубрику «Политклуб», что, по его мнению, позволило бы многим читателям высказывать свои позиции по актуальным проблемам [Там же. Л. 11]. Это предложение послужило руководством к действию, и уже в июле 1989 г. в «Красном Севере» появляется специальная страница «Диалог. Дискуссионный политический клуб».

Партийные комитеты региона активно работали над совершенствованием системы информирования журналистов. Во-первых, Архангельский и Вологодский областные комитеты КПСС в системе направляли в горкомы и райкомы партии, журналистам аналитические и информационные материалы, такие как итоги социально-экономического развития области, разъяснения по наиболее острым вопросам, которые поднимали трудящиеся, и т.д. [12. Л. 4]. Во второй половине 1980-х гг. в регионе вошли в систему пресс-конференции, проводимые в обкомах и горкомах КПСС. Пресс-конференции проходили регулярно не реже одного раза в два месяца, как правило, участие в пресс-конференциях принимали руководящие партийные и советские работники [7. Л. 8; 12. Л. 20; 26. Л. 2].

По мере необходимости при областных комитетах партий в Архангельской и Вологодской областях во второй половине 1980-х гг. организовывалась работа пресс-центров, направленная на выполнение тех или иных задач. Так, в 1989 г. в ходе избирательной кампании по выборам народных депутатов СССР в Вологодской области при обкоме КПСС возникает пресс-центр. Основной задачей пресс-центра являлось освещение хода выборов. После окончания избирательной кампании на бюро обкома было принято решение привести всю информационную работу в систему, сделать действительно гласной деятельность пар-

тийных, советских, хозяйственных органов и общественных организаций. Согласно Постановлению бюро Вологодского обкома КПСС «О дополнительных мерах по улучшению информирования населения области», принятому в июне 1989 г., при обкоме КПСС, облисполкоме, облсовпрофе и ряде управлений Вологодской области были созданы постоянно действующие пресс-центры. Пресс-центры рекомендовалось также создать в районах. Сотрудники пресс-центров проводили еженедельные встречи с журналистами газет, радио, телевидения с целью оперативного информирования последних. Кроме того, пресс-центры занимались изучением общественного мнения, передавали в редакции газет официальные материалы пленумов, бюро райкомов, горкомов и обкомов партии, сессий и исполкомов Советов всех уровней [26. Л. 15; 27. Л. 32].

Работниками областных и городских комитетов партии регулярно проводились исследования эффективности работы газет области, на основании которых разрабатывались рекомендации по совершенствованию деятельности изданий. Кроме того, идеологические отделы Архангельского и Вологодского обкомов партии в плановом порядке разрабатывали рекомендации, в которых определялись конкретные задачи по перестройке деятельности СМИ с учетом решений партийных пленумов, конференций, заседаний [7. Л. 13]. Работниками отдела пропаганды и агитации Архангельского и Вологодского обкомов партии также периодически осуществлялись выездные заседания, в ходе которых проверялось руководство средствами массовой информации со стороны райкомов КПСС.

Важно отметить, что вопросы изменения периодичности, увеличения или уменьшения объема газет, а также открытия новых изданий в первую очередь рассматривались на бюро обкома КПСС. Местные партийные комитеты также осуществляли постоянный контроль за организацией подписки на газеты и журналы области [28. Л. 1].

Региональная периодическая печать во второй половине 1980-х гг., несмотря на отсутствие специального законодательства, регулирующего ее деятельность, контролировалась со стороны партийных инстанций всех уровней. Несмотря на то что в целом ряде документов идеологических отделов Архангельского и Вологодского обкомов КПСС, касающихся деятельности печатных изданий, содержится требование дальнейшего повышения уровня партийного руководства периодической печатью, партийным комитетам удалось создать целостную систему партийного руководства региональными печатными средствами массовой информации, которая включала в себя утверждение кандидатур главных редакторов газет, планов работы изданий, подготовку журналистских кадров, контроль за содержанием газетных материалов, за организацией подписки на газеты. Вопросы изменения периодичности, объема газет, открытия новых изданий также рассматривались партийными комитетами.

На территории Европейского Севера России во второй половине 1980-х гг. в сфере взаимоотношений редакций периодических изданий и партийных комитетов сложилась ситуация, которую можно назвать типичной

для большинства регионов СССР. Это подтверждается исследованиями, проведенными на материалах Воро-

некской, Липецкой, Тамбовской, Курской, Белгородской областей, Красноярского края [29. С. 17; 30. С. 42].

ЛИТЕРАТУРА

1. *O partiinoy i sovetskoy pechati, radioveshchanii i televidenii: sbornik dokumentov i materialov* / сост. Л. С. Климанова. М., 1972.
2. *Ovsepyan R.P. Istorya noveyshoy otechestvennoy zhurnalistiki*. М., 1996.
3. *Komarovskiy V.S. Gosudarstvennaya sluzhba i sredstva massovoy informatsii*. Воронеж, 2003.
4. *Vologodskiy oblastnoy arxiv novyeishoy politicheskoy istorii (VOANPI)*. Ф. 2522. Оп. 119. Д. 25.
5. *VOANPI*. Ф. 2522. Оп. 106. Д. 157.
6. *Gosudarstvennyy arxiv Arkhangelskoy oblasti (ГААО)*. Ф. 296. Оп. 6. Д. 811.
7. *VOANPI*. Ф. 2522. Оп. 113. Д. 126.
8. *VOANPI*. Ф. 2522. Оп. 119. Д. 228.
9. *VOANPI*. Ф. 2522. Оп. 119. Д. 370.
10. *Gosudarstvennyy arxiv Arkhangelskoy oblasti (ГААО)*. Ф. 296. Оп. 6. Д. 1437.
11. *ГААО*. Ф. 298. Оп. 9. Д. 1018.
12. *VOANPI*. Ф. 2522. Оп. 119. Д. 227.
13. *Gosudarstvennyy arxiv Vologodskoy oblasti (ГАВО)*. Ф. 1858. Оп. 70. Д. 56.
14. *ГААО*. Ф. 296. Оп. 6. Д. 1185.
15. *ГААО*. Ф. 296. Оп. 6. Д. 811.
16. *VOANPI*. Ф. 2522. Оп. 106. Д. 157.
17. *ГАВО*. Ф. 1858. Оп. 70. Д. 56.
18. *VOANPI*. Ф. 2522. Оп. 121. Д. 478.
19. *Журналистика на марше обновления* // Красный Север. 1989. 28 февраля.
20. *Раскрепощение мысли* // Красный Север. 1987. 25 мая.
21. *VOANPI*. Ф. 2522. Оп. 113. Д. 420.
22. *VOANPI*. Ф. 2522. Оп. 119. Д. 227.
23. *ГААО*. Ф. 296. Оп. 6. Д. 1437.
24. *ГАВО*. Ф. 1858. Оп. 82. Д. 456.
25. *VOANPI*. Ф. 2522. Оп. 113. Д. 420.
26. *ГААО*. Ф. 834. Оп. 18. Д. 31.
27. *VOANPI*. Ф. 2522. Оп. 121. Д. 486.
28. *ГААО*. Ф. 834. Оп. 16. Д. 32.
29. *Григоренко Н.И. Основные тенденции и особенности процессов трансформации региональных СМИ в контексте социального реформирования российского общества (по материалам социологических исследований в Красноярском крае на рубеже ХХ – ХХI вв.)* : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Красноярск, 2003.
30. *Ефремова С.С. Новейшая история региональной прессы Черноземья (1985–1998 гг.)* : автореф. дис. ... канд. истор. наук. Воронеж, 1999.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 апреля 2015 г.

PARTY CONTROL OF REGIONAL PRINTED MEDIA DURING THE PERESTROIKA PERIOD

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 132–136. DOI: 10.17223/15617793/395/21

Sokolova Tatyana L. Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: taniavol@yandex.ru

Keywords: party committees; printed media; journalists; Perestroika period.

The article classifies and analyses the press management approaches by regional party organizations during the Perestroika times taking as an example the Arkhangelsk and Vologda regions. The research is based on the archival data which are officially used in a scientific study for the first time. It is well known that after the Soviet power establishment, the total and system management on both soviet and regional levels becomes the determinant feature of the press activity. The researcher concludes that despite the proclamation of democratic and publicity standards, the mass media control by the leading party remained the same. An editor designee was appointed by a regional party committee and then had to become a committee member him- / herself. Quarter editorial plans and calendars, immediate plans were discussed and approved by the party ideological divisions. The party leaders constantly visited editorial offices and took part in editorial party conferences. The party committees controlled the selection, placement and training of journalists. The members of ideological divisions constantly controlled the correspondence of the press content to the party policy. They also researched the press working efficiency and elaborated recommendations on its improvement. When the Perestroika started, the regions began using press-conferences as a method of awareness raising and clarification of vital economic and political issues. They were conducted in regional and city party committees. Such issues as change of publication frequency, increase or decrease of newspaper volume, establishment of new newspapers, subscription control were also under the authority of party committees. In the second half of the 1980s in the European North of Russia, the model of interaction between the editors and the party committees was the same as in the rest of the USSR. It is confirmed by the research of the materials from Voronezh, Lipetsk, Tambov, Kursk, Belgorod regions and Krasnoyarsk territory.

REFERENCES

1. Klimanova L.S. (ed.) *O partiinoy i sovetskoy pechati, radioveshchanii i televidenii: sbornik dokumentov i materialov* [Party and Soviet press, radio and television: a collection of documents and materials]. Moscow: Mysl' Publ., 1972. 635 p.
2. Ovsepyan R.P. *Istorya noveyshoy otechestvennoy zhurnalistiki* [The history of modern Russian journalism]. Moscow: Moscow State University Publ., 1996. 208 p.
3. Komarovskiy V.S. *Gosudarstvennaya sluzhba i sredstva massovoy informatsii* [Civil Service and the media]. Voronezh: Voronezh State University Publ., 2003. 105 p.
4. Vologda Regional Archive of Contemporary Political History (VOANPI). Fund 2522. List 119. File 25.

5. Vologda Regional Archive of Contemporary Political History (VOANPI). Fund 2522. List 106. File 157.
6. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 296. List 6. File 811.
7. Vologda Regional Archive of Contemporary Political History (VOANPI). Fund 2522. List 113. File 126.
8. Vologda Regional Archive of Contemporary Political History (VOANPI). Fund 2522. List 119. File 228.
9. Vologda Regional Archive of Contemporary Political History (VOANPI). Fund 2522. List 119. File 370.
10. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 296. List 6. File 1437.
11. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 298. List 9. File 1018.
12. Vologda Regional Archive of Contemporary Political History (VOANPI). Fund 2522. List 119. File 227.
13. State Archive of Vologda Oblast (GAVO). Fund 1858. List 70. File 56.
14. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 296. List 6. File 1185.
15. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 296. List 6. File 811.
16. Vologda Regional Archive of Contemporary Political History (VOANPI). Fund 2522. List 106. File 157.
17. State Archive of Vologda Oblast (GAVO). Fund 1858. List 70. File 56.
18. Vologda Regional Archive of Contemporary Political History (VOANPI). Fund 2522. List 121. File 478.
19. Zhurnalistika na marshe obnovleniya [Journalism in the update march]. *Krasnyy Sever*, 1989, February 28.
20. Raskrepostchenie mysli [Liberating the thought]. *Krasnyy Sever*, 1987, May 25.
21. Vologda Regional Archive of Contemporary Political History (VOANPI). Fund 2522. List 113. File 420.
22. Vologda Regional Archive of Contemporary Political History (VOANPI). Fund 2522. List 119. File 227.
23. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 296. List 6. File 1437.
24. State Archive of Vologda Oblast (GAVO). Fund 1858. List 82. File 456.
25. Vologda Regional Archive of Contemporary Political History (VOANPI). Fund 2522. List 113. File 420.
26. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 834. List 18. File 31.
27. Vologda Regional Archive of Contemporary Political History (VOANPI). Fund 2522. List 121. File 486.
28. State Archive of Arkhangelsk Oblast (GAAO). Fund 834. List 16. File 32.
29. Grigorenko N.I. *Osnovnye tendentsii i osobennosti protsessov transformatsii regional'nykh SMI v kontekste sotsial'nogo reformirovaniya rossiyskogo obshchestva (po materialam sotsiologicheskikh issledovaniy v Krasnoyarskom krae na rubezhe XX–XXI vv.)*: avtoref. dis. kand. sots. nauk [The main trends and characteristics of the processes of transformation of the regional media in the context of social reforming of the Russian society (on materials of sociological research in Krasnoyarsk Krai at the turn of the 20th and 21st centuries). Abstract of Sociology Cand. Diss.]. Krasnoyarsk, 2003.
30. Efremova S.S. *Noveyshaya istoriya regional'noy pressy Chernozem'ya (1985–1998 gg.)*: avtoref. dis. kand. istor. nauk [The recent history of the regional press of Chernozemye (1985–1998). Abstract of History Cand. Diss.]. Voronezh, 1999.

Received: 03 April 2015

СИБИРСКИЕ ДЕПУТАТЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ: ПОИСК БАЛАНСА РЕГИОНАЛЬНЫХ И ОБЩЕРОССИЙСКИХ ИНТЕРЕСОВ (1906–1916 гг.)

Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 № 14. В25.31.0009.

Ставится вопрос о соотношении и взаимосвязи общероссийской и региональной проблематики в парламентских практиках сибирских депутатов I–IV Государственных дум. На основе анализа способов и организационных форм думской деятельности сформулирован вывод о включенности «региональной повестки» сибирской парламентской группы в общенациональный контекст. Раскрыта роль региональной идентичности как фактора, обеспечивающего условия для межпартийного диалога и взаимодействия.

Ключевые слова: Государственная дума; Сибирь; парламентская деятельность; региональная и общенациональная идентичность.

Историография деятельности сибирских депутатов в Государственных думах первых четырех созывов восходит к началу XX в. В настоящее время специалистами по дореволюционной истории региона введен в научный оборот солидный массив источников, ставший основой для анализа состава и деятельности сибирской парламентской группы по отстаиванию интересов региона [1–3], выявления специфики работы депутатов Сибири в Думах разных созывов [4, 5], определения форм и методов взаимодействия сибирских парламентариев с местным населением [6], реконструкции значимых характеристик политической и личной биографии депутатов.

При всем многообразии авторских подходов, позволивших раскрыть различные аспекты и сюжеты в деятельности сибирских депутатов, обращает на себя внимание доминирующая в исследовательской литературе тенденция к освещению их роли в качестве представителей и защитников интересов региона. Между тем имеются достаточные основания считать, что и сами сибирские депутаты, и их избиратели не были склонны сводить миссию членов Государственной думы исключительно к решению специфических проблем края. На страницах периодических изданий, на собраниях местных отделов политических партий и инициативных групп общественности в числе первоочередных задач представителей Сибири в Думе намечалось не только создание благоприятных условий для развития региона, но и осуществление реформ государственного строя [7. С. 487–490].

Предпринятый Ю.П. Родионовым анализ различных по происхождению «наказов» избирателей, получавших одобрение на многолюдных митингах и собраниях выборщиков, также выявил наличие в них двух непременных составляющих: социально-политическая часть включала предписание добиваться осуществления гражданских и политических свобод, расширения прав Думы и установления ответственности министров перед парламентом; «региональная повестка» была ориентирована на введение земства и суда присяжных, упорядочение переселенческого дела, отмену политической ссылки в Сибирь и т.п. [8].

В этой связи заслуживает внимания вопрос о степени сопряженности региональных и общероссийских проблем в парламентских практиках сибирских депу-

татов. Его постановка продиктована стремлением сделать очередной шаг на пути комплексного изучения исторического опыта деятельности представителей Сибири в Государственной думе путем введения дополнительного ракурса исследования. Исходным методологическим основанием при этом является ориентация на изучение связей и линий пересечений между множественными измерениями социальных отношений, в данном случае – между региональной и общероссийской идентичностью сибирских депутатов. Использование анализа и синтеза как взаимодополняющих методов научного познания позволяет осуществить презентацию способов и форм парламентской деятельности по формулированию и отстаиванию региональных и общероссийских интересов с помощью моделей политического поведения. Такой методический прием, несмотря на определенные упрощения, дает возможность представить частные практики думской деятельности в систематизированном виде и создает необходимые теоретические предпосылки для выявления соотношения и взаимосвязи общероссийской и региональной проблематики в парламентских практиках представителей Сибири.

Изучение и обобщение данных различных источников (в первую очередь материалов Государственной думы) дает основания для выделения четырех ключевых моделей политического поведения сибирских депутатов.

Первая модель содержательно определяется деятельностью, направленной на устранение неравноправного положения Сибири в сравнении с регионами европейской части империи и создание благоприятных условий для развития края. Уже в I Думе сибирские депутаты продемонстрировали стремление и способность к консолидированным действиям по отстаиванию интересов региона, подписав заявление о необходимости увеличения представительства от Сибири в аграрной комиссии и добившись положительного решения этого вопроса [7. С. 491].

Организационной формой парламентской деятельности по решению специфических проблем региона стала «сибирская группа прогрессивных депутатов», идея создания которой возникла в I Думе и была реализована в Думах трех последующих созывов. В зону повышенного внимания группы входили вопросы

землеустройства, введения земства и суда присяжных в Сибири, порто-франко в устьях сибирских рек [9. 1907. № 7. С. 43; 1907. № 15. С. 33; 1909. № 7. С. 37–38; 1910. № 2. С. 50, 53; 10. 1907. 23 мая; 1908. 11 янв., 24 февр., 23 нояб.; 11. 1909. 20 февр.].

Постановка этих вопросов была продиктована в первую очередь пониманием важности их решения для населения региона. Например, в качестве основных аргументов в пользу принятия инициированного сибирской группой в III Думе законопроекта «О порто-франко в устьях Оби и Енисея как мере оживления севера Сибири и установления Северного морского пути» приводились указания на то, что закрытие порто-франко ведет к материальному и нравственному упадку края, сокращению объема торговли, процветанию контрабанды и обнищанию населения [10. 1908. 22 янв., 4 мая]. Вместе с тем очевидно, что стремление к созданию условий для развития промышленности и путей сообщения для ускорения темпов развития экономики края не противоречило и широко понимаемым интересам страны в целом.

Проявляя особую активность в постановке и решении проблем региона, сибирские депутаты неизменно рассматривали их в общенациональном контексте. Так, в марте 1908 г. на заседании Государственной думы В.А. Карапулов от имени сибирской группы заявил: «На переселение мы... смотрим с точки зрения государственной и протестуем не против самого переселения, а против способа переселения. Мы боимся, что обратное течение будет все возрастать и создаст очень опасный элемент» [11. 1909. 15 марта]. В другом заявлении сибирской группы, с которым с трибуны III Думы выступил Н.К. Волков, констатировалось разочарование «в способности современного правительства к сколько-нибудь разумной государственной политике в отношении Сибири», а лица, оказывавшие противодействие введению земства в регионе, объявлялись «врагами не только Сибири, но и всего государства» [12. С. 53–54].

Не исключено, что подобные заявления отчасти являлись своеобразным тактическим маневром, призванным усилить аргументацию в пользу принятия мер для решения проблем Сибири. Однако естественно предположить, что они были продиктованы и здравым пониманием зависимости благополучия страны от состояния дел в столь обширном регионе. Выступая от имени сибирской группы на заключительной сессии III Думы, Н.К. Волков подчеркнул: «Сибирская группа рассчитывала на понимание правительством того, что нельзя безнаказанно, даже с точки зрения коренной России... обрекать на дальнейший застой всю культурную и хозяйственную жизнь громадной страны с непочатыми естественными богатствами, с бодрым и деятельным населением, ассимилирующим все новые, вливающиеся в его среду потоки переселенцев, – страны, находящейся в непосредственном соседстве с лихорадочно обгоняющей по пути прогресса культурные государства Европы империей Восходящего солнца и с проснувшимся к новой жизни колоссальным Китаем» [Там же. С. 53]. Напоминая о geopolитических интересах России, си-

бирские депутаты инкриминировали бюрократии полную неспособность к пониманию того, что «всякая задержка в здоровом культурном и хозяйственном развитии Сибири грозит экономическим захватом ее в будущем более предприимчивыми и культурными соседями» [Там же. С. 54].

В целом именно концентрация внимания правительственные кругов почти исключительно на проблемах центра порождала у сибиряков вполне естественное стремление к преодолению этого дисбаланса интересов с помощью инициирования региональных реформ.

Практическим воплощением второй модели политического поведения являлось оперативное реагирование с помощью депутатских запросов на текущие события в регионе. Начало такого рода парламентским практикам было положено еще в I Государственной думе. Депутаты от Сибири А.Н. Ушаков, А.И. Макушин, С.И. Колокольников, А.Д. Нестеров и Е.Н. Пуртов поставили свои подписи под заявлением, осуждавшим методы борьбы с «государственной крамолой» в Тобольске. А.Н. Ушаков, Н.Ф. Николаевский, М.И. Овчинников, А.И. Макушин, Г.И. Ильин, Е.П. Пуртов, А.Д. Нестеров и Д.Н. Немченко были также в числе инициаторов запроса в адрес министров народного просвещения и внутренних дел по поводу административной ссылки в феврале 1906 г. профессоров и преподавателей Томского технологического института во главе с директором Е.Л. Зубашевым [4. С. 80]. В ноябре 1908 г. сибирская группа депутатов постановила внести в III Государственную думу запрос по поводу незакономерных и ничем серьезно не мотивированных фактов закрытия администрацией просветительных обществ и учреждений во многих сибирских городах [9. 1908. № 39–40. С. 84; 11. 1908. 15 нояб., 16 нояб.]. С обоснованием запроса о помощи голодящему населению Тобольской губернии выступал депутат III Думы от Тобольской губернии К.И. Молодцов [12. С. 16]. Представители Томской губернии Н.В. Некрасов и А.А. Скороходов мотивировали в своих речах спешность обсуждения и принятия запроса министрами внутренних дел и юстиции в связи с незакономерными действиями властей во время забастовки рабочих на Ленских золотых приисках [12. С. 15, 76–84].

Депутатские запросы в связи с конкретными событиями в Сибири фактически являлись формой протеста против репрессивной политики, силовых приемов центральной и местной администраций во взаимоотношениях с обществом и явного пренебрежения интересами населения. При этом поводы для такого рода запросов депутаты региона не воспринимали как некие частные «эпизоды» локального характера, отдавая себе отчет в том, что они отражают общую ситуацию в стране.

Осознание необходимости консолидированных действий для обеспечения правового порядка и социальной стабильности в государственном масштабе являлось стимулом для активного и заинтересованного участия сибирских депутатов в обсуждении вопросов, инициированных представителями других реги-

онов. Одним из многочисленных примеров, иллюстрирующих эту модель политического поведения, могут служить выступления депутатов I Думы А.И. Макушина и Н.Ф. Николаевского в прениях по докладу о белостокском антиеврейском погроме. «Преступление, совершенное в Белостоке, не представляет из себя чего-нибудь единичного, это только звено той цепи, которую русское министерство старается задержать стремление русского народа к свободе», – заявил Н.Ф. Николаевский. В подтверждение этого заявления он сослался на действия в Сибири карательного отряда генерала Меллер-Закомельского в начале 1906 г. и потребовал привлечь виновных в погромах к ответственности. Обличительным пафосом была проникнута и речь А.И. Макушина, который не преминул воспользоваться случаем для осуждения попустительства по отношению к участникам томского погрома в октябре 1905 г. со стороны местной администрации во главе с губернатором Азанчевским-Азанчеевым [4. С. 7].

Действительно, события в различных регионах страны давали богатую пищу для проведения параллелей, являясь симптомами общего неблагополучия. Понимание значимости совместных усилий для решения общероссийских проблем стало основой для реализации парламентских практик сибирских депутатов, связанных с поддержкой запросов представителей других территорий.

Вместе с тем для политически активных граждан, какими в большинстве своем являлись депутаты Государственной думы, была очевидна невозможность обеспечения социальной стабильности и правового порядка, создания благоприятных условий для экономического и культурного развития страны вне принципиального реформирования различных сфер общественного устройства (при этом расхождения в представлениях о целях и содержании реформ, безусловно, могли быть весьма существенными). Поэтому важным направлением в деятельности сибиряков стало участие в разработке и обсуждении законопроектов, имевших общегосударственный формат. Основными организационными формами, в которых реализовалась эта модель политического поведения, стали думские комиссии и партийные фракции. В разное время представители Сибири входили в состав таких комиссий, как: церковная, вероисповедная, старообрядческая, финансовая, бюджетная, университетская, аграрная, переселенческая, рыболовная, охотничья, сельскохозяйственная, путей сообщения, по делам православной церкви, по борьбе с пожарами, по народному образованию, по местному самоуправлению, по разбору корреспонденции [7. С. 524, 548; 12. С. 86–89; 13. С. 1, 21, 27, 33, 35, 41, 43, 55; 14. 1913. 24 нояб.].

Активная роль и авторитет сибиряков в думских комиссиях подтверждаются их выступлениями с докладами от имени комиссий на заседаниях Государственной думы, а также руководящими постами некоторых депутатов. Например, депутат от Енисейской губернии В.А. Караулов являлся в III Думе председателем старообрядческой и товарищем председателя

вероисповедной и переселенческой комиссий, депутат от Томской губернии Н.В. Некрасов – секретарем бюджетной комиссии. Н.В. Некрасов, кроме того, входил в состав руководства фракции партии народной свободы, выполняя с 1910 г. обязанности товарища председателя фракции ПНС (П.Н. Милюкова) и товарища председателя комитета фракции (А.И. Шингарева) [11. 1910. 17 нояб.]. Депутат от Тобольской губернии В.И. Дзюбинский в III Думе был избран товарищем председателя фракции трудовиков, а в IV Думе возглавил её работу в качестве председателя [15. Стб. 1149].

Участие в работе партийных фракций Государственной думы являлось еще одной формой парламентской деятельности. Наряду с беспартийными Сибирь в Думах первых четырех созывов в разное время представляли член партий демократических реформ, октябристы, кадеты, трудовики, энесы, эсеры, социал-демократы. Разнородность партийного состава создавала потенциальную угрозу конфликта интересов. Первые признаки этого обнаружились уже при создании сибирской парламентской группы во II Думе, когда члены РСДРП И.К. Юдин, А.К. Виноградов и В.Е. Мандельберг, а также эсер А.И. Бриллиантов отказались войти в её состав ввиду невозможности «сблизить задачи партийных программ с более узкими задачами областной группы» [9. 1907. № 15. С. 31]. Примечательно, что в «наказах» депутатам, написанных социал-демократами или при их активном участии, местным проблемам не уделялось сколько-нибудь значительного внимания. Причину этого Ю.П. Родионов видит «в принципиальной позиции радикальных противников самодержавия, ставивших интересы классовой борьбы выше локальных, частных, успешная защита которых невозможна, по их мнению, без ликвидации монархии» [8. С. 234].

По-видимому, неслучайно в уставе группы была предусмотрена формулировка: «Постановления большинства для меньшинства необязательны в том случае, если эти постановления нарушают партийные директивы меньшинства» [10. 1907. 8 дек.]. Разногласия членов различных партийных фракций, входивших в состав сибирской группы, действительно имели место. В частности, первоначально трудовики и социал-демократы в своих позициях по аграрно-переселенческому вопросу разошлись с кадетами [2. С. 13–15]. Однако разногласия не перерастали в конфронтацию, оппоненты были открыты для диалога и поиска совместных решений по вопросам, касавшимся интересов региона. Возможно, отчасти это объяснялось незавершенностью процесса партийной самоидентификации сибиряков [16]. Вместе с тем и те депутаты, которые вполне определились со своей партийно-фракционной принадлежностью, проявляли готовность к компромиссу и сотрудничеству в отстаивании интересов Сибири и её населения. «В своих групповых совещаниях сибиряки-депутаты сливаются в очень дружную оппозиционно-настроенную семью, – отмечал социал-демократ Т.О. Белоусов. – ...Общее положение представляемой нами окраины, общность настроения ее населения делают слишком

мало заметными детали различий в партийных платформах» [10. 1908. 7 марта]. Не исключено, что заявление депутата от Иркутской губернии несколько идеализировало реальное положение дел, однако показательно, что каких бы то ни было публичных опровержений по этому поводу не последовало. Согласованные действия представителей региона в Государственной думе встречали одобрение и поддержку со стороны местной инициативной общественности. «Мы считаем объединение сибирских депутатов в особую группу весьма целесообразным, — писала газета «Сибирская жизнь», — и общее стремление ее членов к ряду реформ, касающихся Сибири, вполне возможным, несмотря на разницу политических взглядов» [14. 1909. 3 сент.].

В целом, комплексный анализ основных моделей политического поведения сибирских депутатов позволяет делать вывод о стремлении большинства из них к поиску оптимального соотношения в представительстве общероссийских и региональных интересов. Особое внимание сибирских депутатов к проблемам регионая являлось показателем того, что они относили себя с интересами территории и видели одну из важнейших задач своей деятельности в Государственной думе в представительстве этих интересов. Однако это обстоятельство не стало препятствием для активного участия в обсуждении общегосударственных проблем и разработке законопроектов для их решения. Поднимая в Государственной думе вопросы, связанные с созданием благоприятных условий для политического, социально-экономического, культурного развития края, сибиряки не предполагали

обеспечения региону особого статуса и предоставления каких-либо исключительных преференций. Предлагавшиеся ими решения не только не противоречили интересам страны в целом, но и призваны были способствовать формированию единого политического, социокультурного и экономического пространства за счет устранения дискриминации в отношении Сибири и обеспечения её равноправного статуса в составе России. Таким образом, региональная идентичность депутатов, будучи вполне отчетливо выражена, не вступала в конфликт с их общероссийской идентичностью.

Вместе с тем, проявляя заинтересованность в решении общегосударственных проблем, свой гражданский долг — долг перед Отечеством в целом — сибиряки в ряде случаев понимали по-разному в силу специфики социальной принадлежности, партийных позиций и / или идеально-политических предпочтений, что затрудняло консолидацию в определении перспектив общественного переустройства страны и, соответственно, приоритетных направлений законотворчества. В этой связи участие в деятельности сибирской парламентской группы предоставляло едва ли не уникальные возможности для приобретения опыта межпартийного взаимодействия, достижения консенсуса по социально значимым вопросам. В таком контексте опыт сибирских депутатов Государственной думы в начале XX в. приобретает особое значение, демонстрируя потенциал региональной идентичности в качестве ресурса формирования общероссийской идентичности, позволяющего обеспечивать баланс разнонаправленных партийно-политических интересов и устремлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов А.А. Сибирские депутаты в Государственных думах (1906–1914 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. 14 с.
2. Барсуков В.Л. Сибирские депутаты и аграрно-переселенческий вопрос в Государственной думе. 1906–1914 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 16 с.
3. Шиловский М.В. Сибирская парламентская группа: опыт отставания региональных интересов (1907–1917 гг.) // Парламентаризм в России: исторический опыт и современные проблемы. Красноярск, 2006. С. 145–148.
4. Родионов Ю.П. Представительство от Сибири в Государственной думе первого созыва (1906 г.) // Омский научный вестник. 2009. № 5 (81). С. 5–9.
5. Сафонов С.А. Участие Сибирской парламентской группы в работе III Государственной думы // Омский научный вестник. 2012. № 2 (106). С. 13–16.
6. Рейзиг Ю.В. Взаимодействие депутатов Государственной думы от Западной Сибири с населением региона в 1906–1914 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007. 26 с.
7. Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века : дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1998. 813 с.
8. Родионов Ю.П. «Наказы» сибирским депутатам Государственной думы как исторический источник // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина 6–7 октября 1999 года : материалы конф. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 231–235.
9. Сибирские вопросы. Санкт-Петербург.
10. Сибирь. Иркутск.
11. Речь. Санкт-Петербург.
12. Третья Государственная дума. Сессия пятая. Фракция народной свободы в период 15 октября 1911 г. – 9 июня 1912 г. Отчет и речи депутатов. СПб., 1912. Ч. I. 91 с.
13. Комиссии Государственной думы. Личный состав комиссий к 31 января 1909 г. СПб., 1909.
14. Сибирская жизнь. Томск.
15. Деятели революционного движения в России : библиограф. словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. М., 1934. Т. 3, вып. 2. Стб. 691–1580.
16. Родионов Ю.П. Идентификация партийности сибирских депутатов Государственной думы в 1906–1917 гг. // Сибирь: XX век. Кемерово, 1999. Вып. 2. С. 23–30.

Статья представлена научной редакцией «История» 19 апреля 2015 г.

SIBERIAN DEPUTIES IN THE STATE DUMA: SEARCH FOR A BALANCE BETWEEN LOCAL (REGIONAL) AND ALL-UNION INTERESTS (1906–1916.)

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 137–141. DOI: 10.17223/15617793/395/22

Kharus Olga A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kharus-olga@sibmail.com

Keywords: State Duma; Siberia; parliamentary activity; regional and nation-wide identity

This paper raises a question of correlation and interconnection between All-Russian and regional topics in parliamentary practice of Siberian representatives in State Dumas. Orientation on studying the links and crossing lines between the multiple dimensions of social relations (in this particular case, between the regional and All-Russian identity of Siberian deputies) became an initial methodological basis for solving this question. On the ground of classification of particular historical materials, four models of political behavior can be presented: 1) consolidated actions of the Siberian parliamentary group aimed to create a conducive environment for political, social, economic and cultural development of the region; 2) quick reaction to current regional events via deputy inquiries; 3) supporting of inquiries of representatives of other regions; 4) participation in working-out and discussion of the federal draft. Comprehensive analysis of models of Siberian deputies' political behavior shows that most of them tried to find an optimal balance between representing the interests of the whole country and of its particular territory. Being especially active in setting of regional problems, Siberian deputies constantly considered them in a nation-wide context. Solutions offered by the Siberian parliamentary group did not imply giving any exceptional preferences to the region. Implementation of these solutions was supposed to help in formation of an integrated political, social, cultural and economic space by elimination of discrimination against Siberia and to provide its equal status among Russian regions. The interest of Siberian representatives in solving nation-wide problems is confirmed by their involvement into the work of various Duma's commissions and party factions. All in all, even though regional identity of the deputies was strongly pronounced, it did not conflict their All-Russian identity. Moreover, the historical experience of the Siberian parliamentary group demonstrates the potential of regional identity to be a factor of ensuring a dialog and a constructive interaction between representatives of different ideological and political movements, which allows admitting a possibility of using it as a resource for the formation of the All-Russian identity.

REFERENCES

1. Kuznetsov A.A. *Sibirskie deputaty v Gosudarstvennykh dumakh (1906–1914 gg.):* avtoref. dis. kand. ist. nauk [Siberian deputies in the State Dumas (1906–1914)]. Abstract of History Cand. Diss.]. Moscow, 1980. 14 p.
2. Barsukov V.L. *Sibirskie deputaty i agrarno-pereselencheskiy vopros v Gosudarstvennoy dume. 1906–1914 gg.:* avtoref. dis. kand. ist. nauk [Siberian deputies and agro-colonization issue in the State Duma. 1906–1914. Abstract of History Cand. Diss.]. Novosibirsk, 1990. 16 p.
3. Shilovskiy M.V. [Siberian parliamentary group: the experience of settling regional interests (1907–1917)]. *Parlamentarizm v Rossii: istoricheskiy optyt i sovremennoye problemy* [Parliamentarism in Russia: historical experience and modern problems]. Krasnoyarsk, 2006, pp. 145–148. (In Russian).
4. Rodionov Yu.P. The delegation of Siberia in the first session of State Duma (1906). *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*, 2009, no. 5 (81), pp. 5–9. (In Russian).
5. Safronov S.A. Participation of Siberian parliamentary group in the III State Duma (1907–1912) *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*, 2012, no. 2 (106), pp. 13–16. (In Russian).
6. Reyzvikh Yu.V. *Vzaimodeystvie deputatov Gosudarstvennoy dumy ot Zapadnoy Sibiri s naseleniem regiona v 1906–1914 gg.:* avtoref. dis. kand. ist. nauk [Interaction of the State Duma deputies from the Western Siberia with the population of the region in 1906–1914. Abstract of History Cand. Diss.]. Omsk, 2007. 26 p.
7. Kharus' O.A. *Liberalizm v Sibiri nachala XX veka:* dis. dr-va ist. nauk [Liberalism in Siberia in the early 20th century. Abstract of History Dr. Diss.]. Tomsk, 1998. 813 p.
8. Rodionov Yu.P. [“Instructions” to Siberian deputies of the State Duma as a historical source]. *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri. Vtorye nauchnye chteniya pamyati professora A.P. Borodavkina 6–7 oktyabrya 1999 goda: materialy konf.* [Topical issues of the history of Siberia. Second scientific readings in memory of Professor A.P. Borodavkin. October 6–7, 1999: Conference Proc.]. Barnaul, 2000, pp. 231–235.
9. *Sibirskie voprosy.*
10. *Sibir'.*
11. *Rech'.*
12. *Tret'ya Gosudarstvennaya duma. Sessiya pyataya. Fraktsiya narodnoy svobody v period 15 oktyabrya 1911 g. – 9 iyunya 1912 g. Otchet i rechi deputatov* [Third State Duma. Fifth session. The faction of people's freedom in the period of October 15, 1911 – June 9, 1912. Reports and speeches of deputies]. St. Petersburg, 1912. Pt. I. 91 p.
13. *Komissii Gosudarstvennoy dumy. Lichnyy sostav komissiy k 31 yanvarya 1909 g.* [The Commissions of the State Duma. The staff of the commissions by January 31, 1909]. St. Petersburg, 1909.
14. *Sibirskaya zhizn'.*
15. *Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii: biobibliograf. slovar'.* *Ot predshestvennikov dekabristov do padeniya tsarizma* [The leaders of the revolutionary movement in Russia: Biobibliography Dictionary. From the predecessors of the Decembrists to the fall of tsarism]. Moscow, 1934. V. 3, is. 2, col. 691–1580.
16. Rodionov Yu.P. *Identifikatsiya partiynosti sibirskikh deputatov Gosudarstvennoy dumy v 1906–1917 gg.* [Identification of partisanship of Siberian deputies of the State Duma in 1906–1917]. In: *Sibir': XX vek* [Siberia: the 20th century]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 1999. Is. 2, pp. 23–30.

Received: 19 April 2015

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОБЩНОСТИ ГОРНОГО АЛТАЯ В XVII–XVIII вв.: ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Исследование выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

Ставится проблема выделения этнокультурных общностей Горного Алтая и сопредельных территорий в ранний период русской колонизации Саяно-Алтайского нагорья и верховий Иртыша. Отмечается их сложный этнический состав и разновременность формирования, выделяется вопрос о несовпадении их этнических границ и созданных русской администрацией на их основе этносоциальных образований, что существенно повлияло на появление современных этнических идентичностей в данном регионе.

Ключевые слова: этнокультурная общность; аборигены Горного Алтая; этнические процессы; этническая идентичность.

Изучение этнокультурной истории Горного Алтая и сопредельных территорий на раннем этапе русской колонизации сопряжено с рядом проблем. Недостаточное количество письменных источников создает лакуны в понимании исторических процессов в этом регионе Евразии. Выход русского государства на эту территорию произошел достаточно поздно, джунгарские архивы погибли во время цинского вторжения, письменные традиции народов региона были частично утрачены в результате неблагоприятной политической ситуации. Все это существенно влияет на полноту представлений о протекавших здесь этноисторических процессах.

Вторая проблема заключается в сложности понимания специфики социального развития подвижных народов, основа экономики которых базируется на разных типах скотоводства, что наложило отпечаток на процессы государствообразования и этнополитические трансформации. В отличие от оседлых обществ, территория сама по себе не была базой для воспроизведения и дальнейшего функционирования социально-политических институтов. В условиях подвижных скотоводческих обществ, сменявших друг друга «кочевых империй», сопровождавшихся перетасовками человеческих коллективов, сохранение этносоциального единства не могло базироваться на привязанности к конкретной территории или единой экономике.

Ядром государственного строительства были сами человеческие коллективы, а объединяющим началом для них служили названия различных этнических образований, которые осмысливались как признак общности происхождения, основанного на реальных или вымышленных кровнородственных связях, что находило отражение в развитых генеалогиях «степных» народов.

Особенностью положения зависимых этнических групп, согласно центрально-азиатской политической традиции, было минимальное вмешательство власти в их внутреннюю структуру при полном и безоговорочном политическом и экономическом подчинении господствующему этносу. Это приводило к накоплению ими опыта государственности при сохранении достаточно архаичных внутренних связей. Такая традиция взаимоотношений подчиненных и господствующих этносов (родов, кланов, племен, патриархальных се-

мей и т.д.) складывалась в Центральной Азии, частью которой является Горный Алтай, еще в гунно-сарматское время.

Гибель очередной «кочевой державы», уничтожение правящей элиты могли приводить к временному «всплытию» архаических социальных институтов. Происходило оживление значимости, казалось бы, уже ставших неактуальными кровнородственных отношений – этой универсальной формы организации социума в условиях слома более развитых социально-политических структур. Наступала внешняя архаизация общества, что создавало ложное представление об уровне развития народов этого региона.

Однако накопленные традиции государственности быстро возрождались, когда вследствие разных причин та или иная общность, оказавшись в результате «стягивания» своих одноплеменников достаточно многочисленной, «возвышалась». Она брала инициативу создания «нового» государства, в состав которого входили бывшие подданные прежнего [1. С. 238].

В связи с этим для Центральной Азии крайне актуальной является проблема выделения этнических групп, игравших активную роль в ее этнополитическом развитии. Однако при этом возникает ряд вопросов, связанных с пониманием особенностей функционирования этноса в подвижном обществе. Его связи с этнической или производственной территорией были менее зримы внешне – они не определялись пространством «возделанной земли» и не носили характера постоянного присутствия.

Этническая территория была совокупностью различных маркеров, чаще природного происхождения, которые были «втянуты» в реальную или мифическую историю народа. Названия гор, рек, перевалов связывались с именами героев или божеств, с событиями прошлого, с историей отдельных семей и их потомков. В условиях ограниченного использования письменности «своя» территория сама по себе была источником знания о прошлом, и сезонные ее посещения оживляли связи между поколениями, увязывая все звенья в единое целостное образование.

Но главным условием сохранения этой целостности, как отмечалось, были этнонимы. Именно осознание принадлежности к той или иной этнической группе поддерживало ее внутреннее единство. Отсюда

характерное для центральноазиатского этнокультурного ареала сохранение этнонимов с раннего Средневековья. При прерывистой традиции письменности, тем не менее, такие этнонимы, как аба, аз (ач), дубо, байегу, кыргызы, теле (в форме теленгиты, телеуты, телесы), сохранились в Сибири к приходу русских с древнетюркского времени.

При этом вопрос о языковой принадлежности этих групп не может решаться однозначно: в условиях подвижности общества и особенностей политических процессов смена языка не влекла за собой обязательного изменения этнонима и отказа от прежнего образа жизни. Минимальное вмешательство господствующих этносов полиэтнических государств Центральной Азии во внутренние отношения подвластных им народов приводило к тому, что, подчинившись политически и экономически, эти народы продолжали воспроизводить свою культурную специфику, даже сменив языковую принадлежность. Монголоязычные майманы эпохи Чингисхана, потеряв впоследствии этническое единство, в качестве уже тюркоязычных родов вошли в состав современных казахов и алтайцев, но при этом сохранили свой средневековый этноним. Более того, имеются примеры, когда этносы (этнические группы), использующие один этноним, могут отличаться языковой принадлежностью и хозяйственными характеристиками.

Поэтому определять языковую принадлежность тех или иных этнических групп возможно только применительно к конкретному хронологическому периоду. При этом сохранение этнонима не может свидетельствовать о сохранении прежней языковой принадлежности. Ситуация, при которой утрачивается язык, но сохраняется этноним, а значит, удерживается и определенное этническое единство, еще раз подчеркивает значимость идентификации в подвижном обществе, что и определяло устойчивость этнографии народов Центральной Азии и Южной Сибири как ее этнокультурной периферии.

Итак, значение этнонима для народов региона заключается как в сохранении представления об определенной этнической целостности, несмотря на пространственную «распыленность», так и в понимании его как важнейшего фактора дальнейшего этногенетического развития. Но это же обилие этнонимов, упоминание некоторых из которых фрагментарно и отрывочно, создает существенные трудности при реконструкции этнополитического развития региона. Возможным выходом из создавшейся ситуации может стать попытка выделения обширных этнокультурных общностей, в рамках которых отдельные этнонимы, выполняя свои функции, тем не менее, не «дробят» исторический процесс, превращая его в быстро меняющиеся картинки калейдоскопа из названий многочисленных этносов и их подразделений, и не препятствуют его восприятию как обусловленного исторической логикой и определенными закономерностями.

По мере продвижения русских вглубь горной страны шло накопление информации об этническом ее многообразии. Верховья Томи, правые притоки Верхней Оби и территория Северного Алтая – это

«Кузнецкая землица» русских документов XVII в. Ее выразительное описание дано в документе 1622 г.: «А около Кузнецкого острога на Кондоме и Брассе реке стоят горы каменные великие, а в тех горах емлют кузнецкие люди каменья, да то каменье разжигают на дровах и разбивают молотками, просеяв, сыплют понемного в горн, и в том сливается железо, а в том железе делания пансыри, бехтерцы, копья, рогатины и сабли и всякое железное опричь пищалей... а кузнецких людей в Кузнецкой земле тысячи с три и все те кузнецкие люди горазды делать всякое кузнецкое... а живут они в горах, а на горах растет всякий лес, и лес тот расчищают, пашут пашни, сеют пшеницу, ячмень, коноплю. А которые кузнецкие же люди живут от Кузнецка далеко, и теми кузнецкими людьми всеми владеют колмацкие люди» [2. С. 191].

Документальное свидетельство не только полно рисует образ жизни здешних обитателей начала XVII в., но вполне определенно указывает на их многочисленность и границы расселения, которые далеко выходили за пределы Кузнецкой котловины – территории расселения абинцев, с которыми традиционно увязывают «кузнецких людей». Из документа становится понятным, что «Кузнецкой землицей» XVII в. русские называли не только ближайшие окрестности Кузнецкого острога, но и достаточно отдаленные от него территории. Из этого следует, что «кузнецкими людьми» были не только абинцы, но и соседние этнические группы Верхнего Приобья – азыштымы, тогулы, тагапы, итеберы и население Северного Алтая – Кумандинская, Кергежская, Кузенская, Южская, Комляжская, Шелкальская (Чалканская) волости, платившие алман (дань) джунгарам (колмакам). Условно эта общность названа мной *абинско-кумандинская* [3. С. 54–55]. Находясь на границе степного и таежного миров, она сочетала в себе этнокультурные традиции дотюркского населения – потомков южных самодийцев, кетов и ираноязычных групп и новации, связанные с разновременными волнами тюркизации. И если образ жизни и хозяйство определялись дотюркским этнокультурным пластом, то некоторые элементы культуры, и прежде всего языка, были следствием включения этого региона в тюрко-монгольский мир Центральной Азии. На основе этой общности в результате проводимой русской властью административной политики в XVII–XX вв. шло формирование современных кумандинцев, тубаларов, челканцев, шорцев; частично она вошла в состав и русских старожилов Верхнего Приобья.

Таким образом, к приходу русских бассейн правобережья Верхней Оби был достаточно плотно заселен. Образ жизни населения носил оседлый характер, экономика базировалась на развитой металлургии, земледелии, частично рыболовстве, охоте и скотоводстве. Южная граница абинско-кумандинской общности в междуречье Бии и Катуни соприкасалась с северной периферией телеуто-телеутской общности – «таутелеутскими волостями», которые в первой половине XVIII в. имели статус двоеданцев, т.е. одновременно платили ясак Москве и алман Джунгарии.

Ойратские вторжения конца XVI – начала XVII в., шедшие с верховий Иртыша, включили территорию

Западного и Центрального Алтая в состав чоросского домена и рассекли единую аборигенную теленгетскую общность – этнокультурную наследницу «доланьге» древнетюркского времени, обусловив дальнейшее обособленное развитие будущих алтайцев (алтай-кижи левобережья Катуни) и теленгитов (обитателей бассейнов Чуи, Улагана, Чулышмана). В это же время в Верхнем Приобье появились телеуты – часть теленгетов, вытесненных джунгарами с гор в северо-западном направлении.

В связи с этим интересным представляется мнение Л.П. Потапова о телеутах и теленгитах как о народах, до начала XVII в. составлявших единую тюркоязычную общность [4. С. 44]. Косвенными доказательствами существования этой общности являются, во-первых, сохранение телеутами как самоназвания слова «теленгет», тождественного этнониму населения Чуйской долины «теленгит». Во-вторых, распространение среди аборигенов Горного Алтая преданий и поговорок, рисующих теленгитов как очень многочисленный и сильный в прошлом народ. Известны поговорка «Теленгитов больше, чем пегой березы» и старинное выражение «Шестьдесят туменов теленгитов», т.е. неисчислимое множество [5. С. 9]. Наконец, в-третьих, родовой состав современных чуйских теленгитов, алтай-кижи и кузнецких (бачатских) телеутов содержит фактически одинаковый набор сеоков (родов), что также свидетельствует о былом этническом единстве.

Вышесказанное и дает возможность предположить существование до XVII в., т.е. до оттока части тюркоязычных групп (будущих верхнеобских телеутов), единой еще не расчлененной ойратской миграцией аморфной теленгетской общности, занимавшей южные земли Горного Алтая.

Таким образом, территория Западного и Центрального Алтая накануне русской колонизации представляла собой место, где скрещивалось три миграционных потока – телеуто-теленгитский, частично направленный на север (видимо, будущие таутелеуты) и частично на северо-запад – в степные районы (будущие телеуты), а также ойрато-монгольский, идущий с верховьев Иртыша на север – северо-восток, в горные районы Алтая [3. С. 43–49]. Основой складывающейся в этом регионе тюркоязычной общности являлись оставшиеся автохтонные телеуто-теленгитские группы и пришлые западно-монгольские компоненты.

Позже, в русских документах XVIII в., территория Центрального и Западного Алтая обозначалась как «зенгорские Канские, Каракольские волости», население которых, как и ойраты, часто именовалось «калмыки», что отражало их политическую зависимость от Джунгарии и подверженность ее культурному влиянию. Несмотря на то что «Канские и Каракольские волости» часто упоминались вместе и представляли собой некое этнополитическое и культурное единство, видимо, сами они четко различали друг друга.

При переписке с русскими властями в 1756 г., помимо указания на подвластные им волости, зайсаны отмечали свою этническую принадлежность. Так,

зайсанами «теленгутов» называли себя «Намук, Церин, Буктуш, Бурут, Боохол» [6. С. 245], в другом документе некоторые из этих имен фигурируют как зайсаны «телеуцкого владения». Так свою этническую принадлежность определяли Буктуш, Брут (Бурут), Номык (Намки), к которым добавились имена Кутука и Номыкая [6. С. 242]. Получается, что в середине XVIII в. этнонимы «теленгут» и «телеут» еще были синонимами, широко использовались местной элитой и, в первую очередь, соотносились с «Каракольской волостью», в которой видными фигурами были Кутук и его брат Мамут. Эта волость располагалась за Семинским перевалом на левобережье Катуни и соотносилась с Центральным Алтаем. Ее население сформировалось в результате взаимодействия теленгетских (теленгутских) и ойратских этнокультурных компонентов. Учитывая устойчивость этнокультурных традиций местного тюркоязычного населения, ее можно обозначить как *телеуто-теленгитская*.

Кроме «Каракольской волости» русские выделяли в Горном Алтае «Зенгорскую Кансскую волость», которая локализовалась в Западном Алтае и формирование которой отличалось еще большей сложностью. Помимо теленгетской этнической основы, частично подвергшейся ойратской аккультурации, она содержала в себе еще один этнокультурный пласт. Это нашло отражение в том, как свою этническую принадлежность определяли родственники Омбо. В документах «Омбин брат... Омбин сын Болот» фигурируют как «уранхаевы зайсанги» [6. С. 241]. Учитывая патрилинейность, можно утверждать, что и сам Омбо был «уранхайцем».

Этноним «урянхайцы» имеет несколько трактовок. Так, в «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина указывалось на существование в Прибайкалье местности «Баргуджин-Токум», где обитало разнообразное горно-таежное население, среди которых выделялись «урянкаты», которые были предками некоторых тюркских и монгольских народов [7. С. 121–124, 156]. В старинных преданиях якуты называли себя «урянхай Саха», что свидетельствует о сложности их этногенеза. Этот термин – урянхайцы – использовался китайцами, которые под ним понимали «окраинное» по отношению к ним население [8. С. 122]. В последнем значении, имеющем скорее геополитический, нежели этнический, смысл это название во второй половине XIX в. закрепилось за обитателями бассейна верховьев Енисея, т.е. за тувинцами.

В разные периоды своего существования этот термин мог обозначать различную принадлежность той или иной группы населения: этническую, geopolитическую, социально-экономическую, административно-территориальную. Поэтому столь важно определить внутреннее содержание термина (этнонима) «урянхай» на каждом конкретном историческом этапе существования того или иного этноса.

Судя по русским документам, в середине XVIII в. он обозначал достаточно обширную этнокультурную общность, захватывавшую не только западную часть Горного Алтая, но и «урочище Уйман» [9. С. 169], где до ухода на Волгу кочевал зайсан Намжул (Наамжил),

а также верховья Иртыша, где находились «владения» «уранхайских зайсанов» Гулчугая (Кулчугая), Бобоя, а впоследствии – Анжина и Хохоя. В хозяйственном плане урянхайцы верхнего Иртыша делились на две группы. «Уранхайцы бывают пешие и питаются сарною и марынным кормом; которые же имеют скот, те стоят по местам, где есть корм для скота и звериный промысел» [9. С. 156]. Показательно, что в документе не смешиваются два хозяйственно-культурных типа, и если второй соответствует подвижному скотоводству и соотносится с центрально-азиатским «кочевым миром», то первый является достаточно полным описанием образа жизни охотников и собирателей горнотаежной зоны Сибири, в том числе и жителей «страны Баргуджин-Токум», т.е. урянхайцев Прибайкалья.

Следует также обратить внимание на то, что этоним «урянхайцы» часто сопрягается с другим этонимом – «иркит-ирхит-иргит». На русских картах XVII в. в верховьях р. Иркут и вокруг о. Тунка недалеко от Тункинского острога показана этническая общность – «ирхинцы». В XIX в. они были известны как «тункинские и окинские сойоты». Таким образом, Прибайкалье выступает и как территория проживания этнической группы иркит, частично вошедшей в состав западных бурят – эхиритов, которая территориально и культурно оказывается связанной с урянхайцами из русских документов. Этоним «иргит» широко распространен и в Туве: по данным Г.Н. Потанина, почти во всех десяти сумынах Урянхайского края в XIX в. существовало подразделение «ирхит» [5. С. 10–13]. Согласно устной традиции алтайцев, и «почтенный зайсан Омбо», и храбрый Гулчугай также происходили из рода «иркит». Таким образом, на территории Западного Алтая и прилегающих к нему верховий Иртыша в XVIII в. существовала еще одна общность, названная мной *теленгито-урянхайская*.

Относительно времени начала урянхайско-иркитской миграции из Прибайкалья в верховья Енисея и Иртыша можно только предполагать: это должно было произойти после походов Джочи в Южную Сибирь (1207 г.) и до начала русской колонизации. Эта миграционная волна накрыла территорию современной Тувы, Северо-Западной Монголии, дойдя до бассейна верхнего Иртыша, и распространилась на Западный Алтай. В результате нескольких волн миграций в этом регионе здесь к середине XVIII в. еще не закончились аккультурационные процессы между урянхайскими группами, местной теленгетской основой и ойратскими (западно-монгольскими) этническими общностями. Подданные зайсана Омбы одновременно относили себя как к уранхайцам, так и к теленгутам, что свидетельствует о неустойчивости этнического самосознания и незаконченности аккультурации. В XIX в. четвертая алтайская дючина в основном была представлена сеоком «иркит» и по-прежнему располагалась в долине реки Кан. «Канская и Каракольская волости» стали этнической основой современных алтай-кижи, но по-прежнему определяют некоторую культурную специфику алтайцев западных и центральных районов Горного Алтая.

В результате джунгаро-китайской войны 1754–1756 гг. и набегов казахов урянхайцы верховий Иртыша, Бухтармы, Нарына, Аблайкетки мигрировали на территории, где проживало родственное им население, войдя в состав современных урянхайцев Монголии, Китая, Тувы и алтай-кижи Горного Алтая.

Сложение четвертой этнокультурной общности, названной мной *саяно-теленгитская*, также связано с центральноазиатскими событиями конца XVI в., когда вследствие образования государства Алтын-ханов в Северо-Западной Монголии произошел значительный выплеск саянской миграции с территории Тувы. Продвигаясь вниз по Чуе, а затем и Катуни, группы кужугетов, орчаков, точей, саянцев оказались в Верхнем Приобье, где кочевали вместе с телеутами Абака. Часть их расселилась в междуречье Бии и Катуни и была известна как Керсагальская волость.

Однако какая-то часть саянских мигрантов оседала по пути своего следования, взаимодействуя с теленгетами правобережья Катуни. Это привело к накоплению сойонского (тувинского) комплекса этнокультурных признаков у местных теленгетов, что впоследствии обособило теленгитов Юго-Восточного Алтая от теленгитов (теленгутов, т.е. предков алтай-кижи) левобережья Катуни [3. С. 47–48]. Последующие политические события, связанные с включением Центрального и Западного Алтая в состав России в 1756 г. и сохранением до 1864 г. статуса российско-китайских двоеданцев чуйскими теленгитами, существенно повлияли на осознание своей особости обеими близкородственными группами. Показательно, что еще в 1854 г. все население южнее Семинского перевала называло себя «теленгиты», но в то же время выделяло внутри себя «Алтай-киши» или «Катунь-киши» и «Чуя-киши» [10. С. 58]. Это свидетельствовало о появлении наряду с общей идентичностью – «теленгитской» – новых региональных идентичностей, «привязанных» к разным рекам, по берегам которых они расселялись – и которые подкреплялись наличием разных иноэтнических включений, что и определило формирование современных алтай-кижи и теленгитов.

Таким образом, ко времени прихода русских и в период их начального знакомства с населением Горного Алтая и прилегающих территорий в XVII – первой половине XVIII в. там существовали четыре этнокультурные общности – *абинско-кумандинская*, *телеуто-теленгитская*, *теленгито-урянхайская* и *саяно-теленгитская*, которые выделяются при анализе русских документов этого периода и устных преданий.

Рассмотрение истории Горного Алтая и сопредельных территорий через выделение этнокультурных общностей дает возможность глубже представить процессы сложения современных народов и понять причины существующих противоречий даже внутри одного этноса. Включение разных этнических компонентов, специфика исторического контекста, неоднозначные отношения в прошлом – все это оказывает влияние на современные межэтнические и внутриэтнические отношения. Благодаря устойчивости устной традиции и сохранению генеалогий фактически каж-

дый житель Горного Алтая имеет свое место не только в настоящем, но и в прошлом, что в определенных ситуациях активизирует этническую память. К тому же такой подход позволяет преодолевать современ-

ные государственные и административные границы и дает возможность представить историю народов Центральной Азии и Южной Сибири как целостный, динамичный процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шерстова Л.И. Горный Алтай в XVI–XX вв.: джунгарское этнокультурное наследие // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: пространственные и исторические конфигурации: материалы Междунар. науч. конф. Барнаул : АлтГПА. 2012. С. 238–246.
2. Сборник кн. Хилкова. СПб., 1879. 579 с.
3. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск : ИАЭ СО РАН, 2005. 312 с.
4. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л. : Наука, 1969. 196 с.
5. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. 1025 с
6. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1999. 256 с.
7. Рашид-ад-Дин : сборник летописей. М. : Ладомир. 2000. Т. 1, кн. 1. 221 с.
8. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М. : Наука, 1979. 311 с.
9. Пространство Северного Казахстана и Сибири по документальным публикациям Г.Н. Потанина. Томск : Том. гос. ун-т, 2013. 314 с.
10. Чихачев П. Путешествие в Восточный Алтай. М. : Наука, 1974. 359 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 ноября 2014 г.

ETHNOCULTURAL COMMUNITIES IN GORNY ALTAI DURING THE 17TH–18TH CENTURIES: ETHNIC IDENTITY IN HISTORICAL CONTEXT

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 142–146. DOI: 10.17223/15617793/395/23

Sherstova Lyudmila I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sherstova 58@mail.ru

Keywords: ethnocultural community; aborigines of Gorny Altai; ethnic process; ethnic identity.

This article raises the problem of ethnocultural community formation in Gorny Altai and neighboring territories during the early period of Russian colonization of the Sayan-Altai highland and the Irtysh River upstream. Ethnic complexity and formation time difference are noted. The author emphasizes the problem of ethnic inhabitation borders and future administrative borders mismatch. This fact had a significant impact on the composition of modern ethnic identities within this region. The research based on Russian written documents and oral legends of Gorny Altai inhabitants showed that in the 17th-18th centuries four ethnocultural communities started their formation: Abinsk-Kumandine, Teleut-Telengit, Telengit-Uriankhai and Sayan-Telengit. During the Russian administrative reforms in the 17th-20th centuries the Abinsk-Kumandine community became a base for the formation of modern Kumandine, Tubalar, Chelkan and Shor peoples. It also became part of the Russian old timers of the Upper Ob. The aboriginal Teleut-Telengit community is an ethnocultural heir of the ancient Turkic Tolanko, it gave birth to the Upper Ob Teleuts, Telengits and future Altai peoples. In Russian documents of the 18th century the latter, just like western Mongolians, were named the “Kalmyks”. This indicates the political dependency of Altai-Kizhi ancestors on Dzungaria and their susceptibility to its cultural and political influence. Unlike Central Altai inhabitants, Western Altai population, aside from the common Telenget ethnic basis which had been partly affected by Oirat acculturation, also comprised the Uriankhai ethnocultural layer genetically connected with the medieval migrations from the Baikal area and possessing some parallels with the ethnogenesis of Tuvinians, Western Buryats and Yakuts. The fourth ethnocultural community, Sayan-Telengit, is also connected with the events in Central Asia of the 16th century, when Altyn Khan state was established and due to it the Sayan migration from Tuva began. This led to the growth of Soyon (Tuva) ethnocultural features within the Chu Telengit community. Studying the history of Gorny Altai through the prism of ethnocultural communities formation gives us an opportunity to clearly imagine the real process of modern ethnogenesis and understand the reasons of conflicts within one nationality or between some of them. The inclusion of various ethnic components, specific features of historical context, controversial relations in the past are factors leading to the creation of new identities and affecting modern interethnic and intraethnic relations.

REFERENCES

1. Sherstova L.I. [Altai Mountains in the 16th-20th centuries: Dzhungar ethno-cultural heritage]. *Etnokul'turnye vzaimodeystviya v Evrazii: prostranstvennye i istoricheskie konfiguratsii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Ethno-cultural interaction in Eurasia: spatial and historical configuration. Proceedings of the international scientific conference]. Barnaul: AltGPA Publ., 2012, pp. 238–246. (In Russian).
2. Сборник кн. Khilkova [Collection of books by Khilkov]. St. Petersburg, 1879. 579 p.
3. Sherstova L.I. *Tyurki i russkie v Yuzhnoy Sibiri: etnopoliticheskie protsessy i etnokul'turnaya dinamika XVII- nachala XX veka* [Turks and Russians in Southern Siberia: ethno-political processes and ethno-cultural dynamics in the 17th – early 20th centuries]. Novosibirsk: IAE SB RAS Publ., 2005. 312 p.
4. Potapov L.P. *Etnicheskiy sostav i proiskhozhdenie altaytsev* [Ethnic composition and origin of the Altai peoples]. Leningrad: Nauka Publ., 1969. 196 p.
5. Potanin G.N. *Ocherki Severo-Zapadnoy Mongolii* [Sketches of the North-Western Mongolia]. St. Petersburg, 1883. 1025 p.
6. Самаев Г.П. *Gornyy Altay v XVII – seredine XIX v.: problemy politicheskoy istorii i prisoedineniya k Rossii* [Gorny Altai in the 17th – middle of the 19th centuries: problems of political history and joining Russia]. Gorno-Altaysk, 1999. 256 p.
7. Rashid-ad-Din. *Sbornik letopisey* [Collection of chronicles]. Moscow: Lademir Publ., 2000. Vol. 1, book 1, 221 p.
8. Гуревич Б. П. *Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentral'noy Azii v XVII – pervoy polovine XIX v.* [International relations in Central Asia in the 17th – first half of the 19th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 311 p.
9. Potanin G.N. *Prostranstvo Severnogo Kazakhstana i Sibiri po dokumental'nym publikatsiyam G.N. Potanina* [Space of Northern Kazakhstan and Siberia in the documentary publications of G.N. Potanin]. Tomsk: TSU Publ., 2013. 314 p.
10. Чихачев П. *Puteshestvie v Vostochnyy Altay* [Travel to Eastern Altai]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 359 p.

Received: 27 November 2014

ПРАВО

УДК 347.4

B.B. Груздев

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ЗАЛОГА, ВОЗНИКШИХ В СВЯЗИ С МОДЕРНИЗАЦИЕЙ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Анализируются отдельные положения о залоге, принятые в ходе совершенствования гражданского законодательства России.

Ключевые слова: залог; заложенное имущество; отчуждение предмета залога; добросовестный приобретатель; недобросовестный приобретатель; судебная реформа.

В настоящее время отечественная правовая система находится на весьма ответственном этапе своего развития: существенные новеллы гражданского законодательства с огромным трудом пробивают дорогу на фоне беспрецедентной для нашей страны судебной реформы.

Так, с 1 июля 2014 г. вступил в силу Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации».

По смыслу п. 3 и 6 ст. 3 названного Закона обновленные им положения Гражданского кодекса Российской Федерации о залоге применяются к правоотношениям, возникшим после 1 июля 2014 г. (исключение составляют лишь нормы об очередности удовлетворения требований залогодержателей, применяемые к совершенным до 1 июля 2014 г. договорам залога имущества, не относящегося к недвижимым вещам, если сведения о таких договорах внесены в реестр уведомлений о залоге движимого имущества в период с 1 июля 2014 г. по 1 февраля 2015 г. включительно).

Одной из важных новелл является закрепленная в пп. 2 п. 1 ст. 352 ГК РФ норма о прекращении залога в случае, если заложенное имущество возмездно приобретено лицом, которое не знало и не должно было знать, что это имущество является предметом залога, т.е. в ситуации возмездного добросовестного приобретения заложенного имущества. Причем по смыслу приведенной нормы для констатации факта прекращения залога не имеет значения, выражал или нет свое согласие на отчуждение залогодателем заложенного имущества залогодержатель. Соответственно у последнего отсутствует возможность требовать признания недействительной сделки по отчуждению заложенного имущества, т.е. применение в данном случае правил ст. 173.1 ГК РФ и ст. 39 Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» исключается. (В то же время залогодатель обязан возместить убытки, причиненные залогодержателю в результате отчуждения заложенного имущества (абз. 2 п. 2 ст. 346 ГК РФ).)

Вместе с тем до принятия Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ в теории и правоприменительной практике сложились разные подходы к

решению вопроса о возможности обращения взыскания на имущество, возмездно отчужденное залогодателем добросовестному приобретателю.

По мнению многих ученых, добросовестность лица не препятствовала обращению взыскания на возмездно приобретенное им заложенное имущество, так как одним из сущностных качеств залога выступает пресловутое «право следования». Кульминацией данного взгляда, который в правоприменительной практике нашел поддержку Верховного Суда Российской Федерации (далее ВС РФ) [1], стало утверждение, что залоговое право является более сильным, чем право собственности, поскольку право собственности в силу ст. 302 ГК может потеряться, а с залоговым правом этого не происходит [2. С. 10].

В силу другого подхода, подкрепленного ссылками на западногерманское и французское законодательство, если лицо приобрело заложенную вещь и при этом не знало и не могло знать о том, что она находится в залоге, залог должен прекращаться [3].

Компромиссную в известном смысле позицию занимал К.И. Скловский: «Право следования (ст. 353 ГК) сохраняется в любом случае, независимо от обстоятельств отчуждения залога. Это означает, что кредитор вправе обратить взыскание на имущество, у кого бы оно ни оказалось. Но для осуществления процедуры взыскания нужно фактически изъять залог у того лица, которое им владеет. Именно это обстоятельство упускается из виду, вследствие чего и возникает впечатление, что залоговое право сильнее права собственности. Если такой владелец знал или должен был знать, что он приобрел имущество с обременением в виде залога, то он становится обязанным перед кредитором (в пределах стоимости залога). Эта его обязанность и является основанием для изъятия имущества в порядке реализации залога. Если же приобретатель не мог знать о том, что приобретенное имущество находится в залоге, то оснований для изъятия, конечно, нет» [4].

Несмотря на некоторую двусмыслинность последних рассуждений, заключающуюся в признании права залога, осуществление которого невозможно (своего рода «голого» залога), в практическом плане они также преследовали цель обосновать необходимость защиты добросовестного приобретателя.

В итоге Высший Арбитражный Суд Российской Федерации (далее ВАС РФ) в п. 25 Постановления

Пленума от 17 февраля 2011 г. № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о залоге» сформулировал следующее интерпретационное правило: «Исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости (пункт 2 статьи 6 ГК РФ), не может быть обращено взыскание на заложенное движимое имущество, возмездно приобретенное у залогодателя лицом, которое не знало и не должно было знать о том, что приобретаемое им имущество является предметом залога».

Оставляя в стороне вопрос о соответствии приведенного правила требованиям толкования закона и действительному смыслу ранее действовавших норм о залоге, констатируем лишь, что с принятием Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ проблема возмездного добросовестного приобретения имущества, заложенного после 1 июля 2014 г., утратила свою актуальность.

Однако как арбитражному суду разрешить дело, в рамках которого заявлено требование об обращении взыскания на аналогично приобретенное движимое имущество, ставшее предметом залога до 1 июля 2014 г.? Ведь в этом случае норма пп. 2 п. 1 ст. 352 ГК РФ в силу п. 3 ст. 6 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ не подлежит применению к спорным отношениям, и одновременно имеются противоположные правовые позиции высших судебных инстанций. Вместе с тем такие споры, учитывая продолжительный характер многих возникших до 1 июля 2014 г. залоговых правоотношений, еще достаточно долго будут встречаться в правоприменительной практике.

Ситуация осложняется также правилом абз. 4 ч. 4 ст. 170 АПК РФ, в силу которого в мотивировочной части решения могут содержаться ссылки на постановления Пленума ВС РФ и сохранившие силу постановления Пленума ВАС РФ по вопросам судебной практики, а также на постановления Президиума ВС РФ и сохранившие силу постановления Президиума ВАС РФ.

Как представляется, в России в ходе последней судебной реформы имело место не объединение высших судов, а скорее присоединение ВАС РФ к ВС РФ, в пользу чего свидетельствуют следующие соображения.

Во-первых, ВАС РФ упразднен при сохранении ВС РФ, пусть и в его пореформенном виде.

Во-вторых, арбитражные суды наделены правом ссылаться на постановления Пленума и Президиума ВС РФ и лишь дополнительно – на сохранившие силу постановления Пленума и Президиума ВАС РФ, при том что последние официально не признаны в качестве документов, обязательных для судов общей юрисдикции.

В-третьих, в соответствии с п. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона от 04.06.2014 № 8-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “Об арбитражных судах в Российской Федерации” и статью 2 Федерального конституционного закона “О Верховном Суде Российской Федерации”» разъяснения по вопросам судебной практики применения законов и иных нормативных правовых

актов арбитражными судами, данные Пленумом ВАС РФ, сохраняют свою силу до принятия соответствующих решений Пленумом ВС РФ. Говоря иначе, вместе с ВАС РФ уходит в историю и сформированная им судебная практика, которую со временем должна заменить практика ВС РФ.

Стало быть, в случае обнаружившегося несоответствия правовых позиций высших судов по одному и тому же вопросу арбитражным судам следует применять постановление Пленума (Президиума) существующего ВС РФ, а не упраздненного ВАС РФ.

Вместе с тем ВС РФ во избежание недоразумений в практике применения абз. 4 ч. 4 ст. 170 АПК РФ следовало бы на уровне постановления Пленума специально разъяснить, что в случае выявления противоречия между правовыми позициями ВС РФ и ВАС РФ, закрепленными в постановлениях Пленумов (или в постановлениях Президиумов по конкретным делам) этих судов, правовые позиции ВАС РФ не подлежат применению независимо от того, когда именно сформулированы правовые позиции ВС РФ – до или после судебной реформы.

Иная картина наблюдается в ситуации, когда закрепленная в постановлении Пленума (постановлении Президиума по конкретному делу) упраздненного ВАС РФ правовая позиция противоречит подходам ВС РФ, сформулированным в иных, нежели постановления Пленума (постановления Президиума по конкретным делам), актах, в частности в поквартально утверждаемых Президиумом ВС РФ обзорах законодательства и судебной практики, обобщаемой на основе анализа определений судебных коллегий ВС РФ.

Приводимые в таких обзорах подходы к толкованию законодательства носят рекомендательный характер и по смыслу п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ не имеют обязательной силы даже для судов общей юрисдикции, если только не будут продублированы в постановлении Президиума ВС РФ по конкретному делу либо в постановлении Пленума ВС РФ. Вполне естественно, что и арбитражный суд формально не связан правовыми положениями, содержащимися в определениях судебных коллегий ВС РФ.

Более того, если суду общей юрисдикции во избежание отмены или изменения принимаемого им решения целесообразно использовать по интересующему нас вопросу рекомендацию, содержащуюся в Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2007 г., то арбитражному суду этого категорически делать нельзя, поскольку имеется обязательное для применения и сохраняющее силу Постановление Пленума ВАС РФ от 17 февраля 2011 г. № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о залоге».

Таким образом, арбитражный суд должен отклонить иск об обращении взыскания на возмездно и добросовестно приобретенное движимое имущество, ставшее предметом залога до 1 июля 2014 г., в то время как суду общей юрисдикции подобный иск надлежит удовлетворить. Цель судебной реформы – обеспечение единогообразия практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов – нельзя считать достигнутой.

Возможный выход из сложившейся ситуации видится в скорейшем принятии по данному вопросу постановления Пленума ВС РФ, которое станет обязательным для применения как судами общей юрисдикции, так и арбитражными судами и одновременно заменит в силу п. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона от 04.06.2014 № 8-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “Об арбитражных судах в Российской Федерации” и статью 2 Федерального конституционного закона “О Верховном Суде Российской Федерации”» соответствующее постановление Пленума ВАС РФ.

Кроме того, вызывает сомнение решение законодателем проблемы действия Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ во времени.

В частности, не имеет разумного объяснения тот факт, почему лицам, добросовестно и возмездно приобретшим заложенное имущество после 1 июля 2014 г. (например, в один и тот же день), а следовательно, по сути, находящимся в равных условиях, должна представляться различная правовая защита только в зависимости от даты заключения договора залога, в котором они к тому же участия не принимали.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации (Постановления от 3 ноября 1998 г. № 25-П и от 5 апреля 2007 г. № 5-П, Определение от 15 мая 2007 г. № 378-О-П), соблюдение конституционного принципа равенства, гарантирующего защиту от любых проявлений дискриминации, означает, помимо недопустимости установления в законе какого-либо различия, исключения или предпочтения, основанного на признаках расы, пола, религии, политических убеждений, национальной принадлежности, социально-го происхождения или каких-либо других обстоятельств, запрет вводить такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях). Поэтому в ст. 3 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ необходимо внести изменения, предусматривая, что правило пп. 2 п. 1 ст. 352 ГК РФ о прекращении залога подлежит применению к правоотношениям, возникшим до 1 июля 2014 г., если приобретение заложенного имущества имело место после 1 июля 2014 г.

В связи с принятием Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ требуется ответ на вопрос о возможности признания недействительной совершенной без согласия залогодержателя сделки по отчуждению залогодателем заложенного имущества (как движимого, так и недвижимого) недобросовестному приобретателю, а также добросовестному приобретателю в случае безвозмездного отчуждения заложенного имущества.

От ответа на данный вопрос зависит набор защитительных возможностей, которыми располагает залогодержатель, в частности вправе ли он только требовать обращения взыскания на заложенное имущество, или у него имеется альтернатива настаивать на признании судом совершенной без его согласия сделки недействительной и применении реституции.

В силу буквального значения содержащихся в п. 2 ст. 346 ГК РФ законоположений в случае отчуждения залогодателем заложенного имущества без согласия залогодержателя применяются правила, установленные пп. 3 п. 2 ст. 351, пп. 2 п. 1 ст. 352, ст. 353 настоящего Кодекса.

С одной стороны, залогодержателю отнюдь не безразлично, у кого находится заложенное имущество – у залогодателя или у лица, которому залогодатель произвел несогласованное с залогодержателем отчуждение предмета залога.

С другой же стороны, при отчуждении заложенного имущества недобросовестному приобретателю (при безвозмездном отчуждении – независимо от добросовестности приобретателя) залогодержатель получает право требовать досрочного исполнения обеспеченного залогом обязательства и, если его требование не будет удовлетворено, обращения взыскания на заложенное имущество на основании пп. 3 п. 2 ст. 351, ст. 353 ГК РФ.

Суть дела, однако, существенно изменится, если сторонами, в отличие от диспозитивного правила пп. 3 п. 2 ст. 351 ГК РФ, предусмотрено, что залогодержатель не вправе потребовать досрочного исполнения обеспеченного залогом обязательства. Как следствие, он утрачивает право обращения взыскания на предмет залога до наступления срока исполнения обеспеченного залогом обязательства. Иными словами, залогодержатель вынужден дожидаться «своего часа» в условиях, когда заложенное имущество находится у лица, с которым он договор залога не заключал.

Для предотвращения подобных нарушений интересов залогодержателя действиями недобросовестных участников гражданского оборота (залогодателя и недобросовестного приобретателя) следует признать за первым в качестве безусловной альтернативы требованию о досрочном исполнении обеспеченного залогом обязательства и обращении взыскания на предмет залога право на оспаривание совершенной без его согласия отчуждательной сделки на основании норм ст. 173.1 ГК РФ.

В то же время отмеченная альтернатива, как это следует из п. 2 ст. 173.1 ГК РФ, имеет место исключительно при недобросовестности приобретателя заложенного имущества. В случае безвозмездного отчуждения залогодателем заложенного имущества добросовестному приобретателю (лицу, которое либо вообще не знало или не должно было знать, что приобретенное им имущество является предметом залога, либо не знало и не должно было знать об отсутствии на момент совершения сделки необходимого согласия залогодержателя) залогодержатель, поскольку иное не предусмотрено договором, вправе только потребовать досрочного исполнения обеспеченного залогом обязательства и, если его требование не будет удовлетворено, обращения взыскания на заложенное имущество.

С учетом сделанных выводов подлежат применению после вступления в силу Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ и упомянутые ранее нормы ст. 39 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2007 г., утвержденный постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 30 мая 2007 г.*
2. Белов В.А. Залоговые правоотношения: содержание и юридическая природа // Законодательство. 2001. № 11. С. 10.
3. Маковская А.А. Добросовестность участников залогового правоотношения и распределение рисков между ними // Основные проблемы частного права. Сборник статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Александра Львовича Маковского. [Электронный ресурс]. М., 2010. Электронная версия печат. публ. // КонсультантПлюс : справ. правовая система.
4. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М., 2010. Электронная версия печат. публ. // КонсультантПлюс : справ. правовая система.

Статья представлена научной редакцией «Право» 25 февраля 2015 г.

ON SOME ISSUES OF LIEN RESULTED FROM THE MODERNIZATION OF THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 147–150. DOI: 10.17223/15617793/395/24

Gruzdev Vladislav V. Legal Company “Gruzdev and Partners” (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: gruzvlad@rambler.ru
Keywords: lien; lien property; alienation of lien property; bona fide purchaser; unscrupulous purchaser; judicial reform.

Nowadays the domestic legal system is on a very important stage of its development: the significant novelties of civil law with great difficulty make their way through the judicial reform unprecedented for our country. One of the most important novelties is the provision on the termination of lien if the mortgaged property is onerously acquired by a person who did not know or did not have to know that this property is the subject of a lien, i.e. in a situation of paid and bona fide acquisition of mortgaged property. Moreover, within the meaning of the provision to ascertain the fact of lien termination, it does not matter whether or not the lien-holder has expressed his/her consent to the alienation of the mortgaged property by the pledgor. Having analyzed the historical background of the civil law theory and having compared the approaches of the high courts to the resolution of relevant collateral disputes, the author comes to a conclusion that at present, despite the integration of these courts, there is a controversial situation: if the arbitration court must dismiss the bill for foreclosure on paid and bona fide acquisition of movable property, which became the subject of a lien before July 1, 2014, the court of general jurisdiction must satisfy it. The way out of this situation is in the rapid adoption of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, which will become mandatory for the application of both branches of the judiciary. At the same time there is an alternative, from Section 2, Article 173.1 of the RF Civil Code. It takes place exclusively in the case of mala fides of the purchaser of the mortgaged property. If the pledgor makes a gratuitous alienation of the mortgaged property to a bona fide purchaser (a person who neither knew or had to know that the property is subject of a lien, and neither knew or had to know about the lack of the required lien-holder's consent to the transaction), the lien-holder, unless otherwise specified by the contract, has the right only to demand prior execution of the secured obligation and, if the demand is not satisfied, foreclosure on the mortgaged property. The conclusions allow stating that the mortgage rules shall apply as at present.

REFERENCES

1. Overview of the legislation and jurisprudence of the Supreme Court of the Russian Federation for the first quarter of 2007, approved by the Decree of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 30, 2007. (In Russian).
2. Belov V.A. *Zalogovye pravootnosheniya: soderzhanie i yuridicheskaya priroda* [Pledged relationship: the content and legal nature]. *Zakonodatel'stvo*, 2001, no. 11.
3. Makovskaya A.A. *Dobrosostnost' uchastnikov zalogovogo pravootnosheniya i raspredelenie riskov mezhdu nimi* [Integrity of participants of pledged relationship and risk sharing between them]. In: Vitryanskiy V.V., Sukhanov E.A. (eds.) *Osnovnye problemy chastnogo prava. Sbornik statey k yubileyu doktora yuridicheskikh nauk, professora Aleksandra L'vovicha Makovskogo* [Main issues of private law. Collection of articles to the anniversary of Doctor of Law, Professor Alexander L. Makovsky]. Moscow: Statut Publ., 2010, pp. 130–150.
4. Sklovskiy K.I. *Sobstvennost' v grazhdanskom prave* [Property in the civil law]. Moscow: Statut Publ., 2010. 893 p.

Received: 25 February 2015

РЕЦИДИВНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ ОСУЖДЕННЫХ К ОГРАНИЧЕНИЮ СВОБОДЫ

Рассматриваются криминологическая характеристика преступности совершеннолетних осужденных к ограничению свободы, состояние, динамика и структура их рецидивной преступности. Автор дает криминологическую характеристику осужденных к ограничению свободы и выявляет наиболее криминогенную их категорию с точки зрения их предшествующей (первой) преступной деятельности и обосновывает ряд предложений, направленных на совершенствование уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: альтернативы лишению свободы; наказания без изоляции от общества; рецидивная преступность; ограничение свободы.

Российская статистика свидетельствует о возрастающей судебной практике по назначению наказания в виде ограничения свободы как в качестве основного, так и дополнительного к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества. Так, начиная с 2010 г. количество осужденных к рассматриваемому наказанию увеличилось с 8 до 32 тыс. человек. Обратную тенденцию, но с некоторыми колебаниями можно обнаружить и с численностью общей массы осужденных без изоляции от общества, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций. Так, например, если в 2003 и 2004 гг. происходил незначительный спад числа осужденных, состоявших на учете уголовно-исполнительных инспекций Федеральной службы исполнения наказаний (с 634 466 человек в 2003 г. до 588 289 человек в 2004 г.), в 2005 г. их количество увеличилось до 598 251 человек, в 2006 г. опять произошло снижение до 574 441 человек, а в 2007 г. – небольшой рост до 590 703 человек. Начиная с 2007 г. наблюдается стабильное снижение числа осужденных, состоящих на учете уголовно-исполнительной инспекции, с 590 703 до 452 767 человек в 2013 г. [1].

На фоне наметившегося увеличения численности осужденных к ограничению свободы четко прослеживается тенденция роста преступности данной категории осужденных. В период исполнения уголовного наказания в виде ограничения свободы в 2010 г. было совершено 142 преступления, в 2011 г. – 504, в 2012 г. – 730, в 2013 г. – 1 123, в 2014 г. – 1 044. Таким образом, в 2014 г. темп роста к 2010 г. составил 7,3. Уровень преступности рассматриваемой категории осужденных за этот период также возрастал и достиг в 2014 г. 15,6 в расчете на 1 000 осужденных.

Учитывая, что в период отбывания ограничения свободы большая часть осужденных совершили по два преступления, структуру их рецидивной преступности на 90% образуют преступления против собственности, при этом каждое третье совершенное преступление – это квалифицированная кража (ч. 2 ст. 158 УК РФ) и неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ч. 1 ст. 166 УК РФ). 14,2% составляют простые кражи, 9,5% – квалифицированный грабеж, по 4,7% приходится на квалифицированные мошенничества и разбои. В каждом пятом случае в период отбывания ограничения свободы были совершены пре-

ступления против личности: угроза убийством или причинение тяжкого вреда здоровью (9,5%). На умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, истязание, причинение смерти по неосторожности приходится по 4,7%. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка составляют в рецидивной преступности 9,5% и представлены заведомо ложным сообщением об акте терроризма. Удельный вес всех остальных преступлений в структуре преступности осужденных к ограничению свободы не превышает 1%.

Нельзя не отметить, что похожая структура рецидивной преступности характерна и для осужденных, находящихся под надзором европейских служб probation. Так, согласно ежегодным отчетам европейских служб probation 47,3% всех преступлений, совершенных осужденными, находящимися под надзором, относятся к кражам, 13,3% составляют мошенничества и подлог, 0,8% – грабежи, 17,6% – дорожно-транспортные преступления, 19,2% – насилие в отношении лица, 1,8% – сексуальные преступления [2].

По половому признаку осужденные к ограничению свободы, совершившие преступления в период исполнения этого наказания (далее рецидивисты), представлены в основном лицами мужского пола (82%), хотя удельный вес женщин, в сравнении с осужденными к другим наказаниям без изоляции от общества, высокий и составляет 18%. Следует отметить и то, что число женщин среди общей массы осужденных к ограничению свободы является также значительным и достигает 12,7%.

Половина рецидивистов были осуждены к ограничению свободы в возрасте от 18 до 30 лет (50%). На долю осужденных в возрасте 30–35 лет приходится 14,5%. Осужденные в возрасте 35–40 лет, 40–49 лет и старше 50 лет составляют в каждом случае около 5%. Следует заметить, что общая масса осужденных к ограничению свободы, состоящих на учетах уголовно-исполнительных инспекций, по данным И.Н. Смирновой, представлена осужденными в возрасте от 30 до 39 лет (29,66%) [3. С. 86]. Таким образом, состав рецидивистов является более молодым, чем общая масса данной категории осужденных. В группе рецидивистов, по сравнению с общей массой, отсутствовали лица старше 60 лет.

В связи с этим среди них оказалось меньше лиц, которые к моменту совершения нового преступления

были женаты или замужем (16,5%). В общей массе осужденных к данному наказанию удельный вес женатых (замужних) составляет около 25,42% [3. С. 86]. Это обстоятельство, как представляется, свидетельствует о том, что брачные отношения, рассматриваемые в отдельности, не являются прогностическим показателем наибольшей вероятности совершения преступления в период исполнения наказания. 12,5% осужденных, совершивших новое преступление, имели детей по сравнению с 56% таких лиц в общей массе осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, в связи с чем нельзя не отметить важность этого показателя, который необходимо учитывать в совокупности с семейным положением.

Образовательный уровень рецидивистов несколько ниже, чем общей массы. По результатам нашего исследования только 17% рецидивистов имели среднее образование, 1,2% – среднее техническое, в то время как в общей массе рассматриваемой категории осужденных таких насчитывается 49,15 и 3,39% соответственно.

Не меньший интерес представляет и бытовая характеристика осужденных рецидивистов по сравнению с общей массой осужденных к этому наказанию. Так, 40,5% рецидивистов положительно характеризовались в быту, 37,5% имели удовлетворительную характеристику, в то время как 97% общей массы имели исключительно положительную характеристику.

Кроме того, на момент осуждения к наказанию в виде ограничения свободы среди рецидивистов оказалось 89% лиц, которые нигде не работали и не учились. Для сравнения в общей массе таких насчитывалось 61% [3. С. 87]. При этом среди работавших рецидивистов только 15% имели положительную производственную характеристику, 50% – удовлетворительную. У каждого третьего характеристики в уголовном деле вообще не было.

В связи с этим не меньший интерес представляет выявление наиболее криминогенной категории осужденных к ограничению свободы с точки зрения их предшествующей (первичной) преступной деятельности. Ввиду этого небезынтересным является сравнение структуры преступности общей массы осужденных к ограничению свободы с первичной преступностью рецидивистов. По нашим данным, структура преступности общей массы осужденных к ограничению свободы на 20% представлена умышленным причинением средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ) и нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (17%). Доля преступлений против собственности составляет 17,5%, среди которых кражи – 6%, неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ) – 5%, мошенничество – 3% и грабежи – 2%. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка составляют около 6% и представлены преступлениями, предусмотренными ст. 222–226.1 УК РФ. Преступления против порядка управления составляют 2,5% и представлены преступлениями, предусмотренными

ст. 324–327.1 УК РФ. Удельный вес всех остальных преступлений в структуре преступности осужденных к ограничению свободы не превышает 1%. Подавляющее большинство лиц было осуждено к ограничению свободы за преступления небольшой тяжести (около 86%), 13% – за преступления средней тяжести, 1% – за тяжкие и 0,08% – за особо тяжкие преступления.

В структуре первичной преступности рецидивистов, по сравнению с общей массой, кратно возрастают неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (51 против 5%), кражи (28 против 6%), грабежи (4,7 против 2%), преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 228 УК РФ (14 против 7%). Наряду с этим уменьшился удельный вес умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью (14 против 20% в общей массе), отсутствуют преступления против общественной безопасности и общественного порядка (ст. 222–226.1 УК РФ), преступления против порядка управления (ст. 324–327.1 УК РФ). Учитывая это, количество осужденных к ограничению свободы за тяжкие и особо тяжкие преступления среди рецидивистов возрастает до 8%, против 3,36% в общей массе.

Если к этому добавить, что число ранее судимых в группе рецидивистов более чем в два раза превышает аналогичный показатель в общей массе осужденных к ограничению свободы (54 против 26%), то наибольшая степень вероятности совершения нового преступления приходится на осужденных за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, кражи, грабежи, преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 228 УК РФ.

Следует отметить, что по сравнению с общей массой осужденных к ограничению свободы среди рецидивистов втройне меньше тех, кто имел поощрения за надлежащее выполнение установленных для них обязанностей и ограничений (0,7 против 2,2% в общей массе). Такая тенденция прослеживается во всей структуре поощрений. Благодарность объявлялась только 3% рецидивистов против 9% в общей массе, досрочно снималось взыскание с 2,3 против 7% в общей массе, получали разрешение на проведение выходных и праздничных дней за пределами муниципального образования 20% осужденных против 62% в общей массе, а на проведение отпуска за пределами муниципального образования – 7 против 22% в общей массе.

Более того, 55% рецидивистов до совершения нового преступления не исполняли требования приговора суда, нарушали установленные для них обязанности и ограничения. В общей массе этот показатель достигает 34%. Несмотря на это, только в 65% случаев уголовно-исполнительная инспекция предупреждала их об ответственности в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, в том числе выходила в суд с представлением о замене этого наказания. Однако суд в каждом третьем случае отказывал уголовно-исполнительной инспекции в удовлетворении представления в части замены и каждому второму нарушителю дополнял ранее установленные осужденному ограничения. В конечном счете

указанные меры воздействия не стали препятствием для совершения нового преступления, при этом каждое третье совершенное преступление – это квалифицированная кража (ч. 2 ст. 158 УК РФ) и неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ч. 1 ст. 166 УК РФ), в 9,5% случаев – квалифицированный грабеж либо угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Если проанализировать дисциплинарную практику в общей массе осужденных к ограничению свободы, то в 95% случаев уголовно-исполнительная инспекция предупреждала нарушителей установленного для них режима отбывания наказания об ответственности в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, в том числе в каждом четвертом случае выходила в суд с представлением о замене этого наказания, в каждом втором случае – о дополнении ранее установленных осужденному ограничений, в 73,5% случаев – о возбуждении уголовного дела по ст. 314 УК РФ.

Кроме того, в период исполнения данного наказания 55% рецидивистов не работали, при этом каждый второй из них прекратил работать и не имел легального источника дохода после вступления приговора суда в законную силу, что не могло не отразиться на структуре их рецидивной преступности, в которой доля преступлений против собственности составляет 90%, при этом каждое третье совершенное преступление – это квалифицированная кража (ч. 2 ст. 158 УК РФ) и неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ч. 1 ст. 166 УК РФ), 9,5% – квалифицированный грабеж. Если к этому добавить, что 35% совершенных ими преступлений было учинено в течение первых трех месяцев нахождения на учете уголовно-исполнительной инспекции, то проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, учитывая, что в действиях каждого третьего из обследованных осужденных имеется специальный рецидив преступлений, предусмотренных ст. 158 и 166 УК РФ соответственно, которому предшествовало неоднократное привлечение к административной ответственности за мелкое хищение или управление транспортным средством, следует критически отнестись не только к взаимодействию уголовно-исполнительных инспекций и органов внутренних дел по предупреждению преступлений и других правонарушений, но и к тому, что поскольку эти административные правонарушения не относятся к нарушениям общественного порядка, действующее уголовно-исполнительное законодательство не предусматривает права уголовно-исполнительной инспекции применить к такому осужденному меру взыскания в виде официального предостережения о недопустимости

нарушения осужденным установленных судом ограничений, а осужденного, совершившего такое же повторное нарушение порядка и условий отбывания наказания в течение одного года после применения к нему взыскания в виде официального предостережения, признать злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде ограничения свободы. В связи с этим необходимо изменить п. «д» ч. 1 ст. 58 УИК РФ, в соответствии с которым нарушением порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы является только нарушение общественного порядка, за которое осужденный был привлечен к административной ответственности. В качестве нарушения порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы в п. «д» ч. 1 ст. 58 УИК РФ следует предусмотреть совершение административного правонарушения, являющегося однородным преступлению, за которое лицо было осуждено к ограничению свободы.

Во-вторых, существующий порядок фиксации совершенных осужденным нарушений требований приговора суда далек от совершенства. Электронная фиксация допущенного осужденным нарушения должна подкрепляться фактической его фиксацией. Это возможно при взаимодействии уголовно-исполнительных инспекций с органами внутренних дел, в обязанности которых следует вменить производство задержания осужденного к ограничению свободы, нарушившего установленную для него обязанность или ограничение.

В-третьих, принимая во внимание, что 55% рецидивистов после вступления в силу приговора суда не работали, а уголовно-исполнительное законодательство не предусматривает возможности соединения содержания этого наказания с трудом, как с иной некарательной воспитательной мерой, необходимо предоставить суду право возлагать на осужденных к ограничению свободы обязанность работать, если это наказание назначено в качестве основного либо дополнительного к лишению свободы. Как представляется, такое право суду следует предоставить не только при назначении ограничения свободы, но и в период его отбывания по представлению уголовно-исполнительной инспекции. Следует также согласиться с И.В. Соколовым, что при введении в действие наказания в виде ограничения свободы не был в должной мере использован зарубежный опыт исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в частности, в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации необходимо установить обязанность уголовно-исполнительных инспекций осуществлять контроль за средствами существования осужденного, а также обязанность осужденного содействовать осуществлению такого контроля [4. С. 9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний. URL: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20v%20УПИ/>
2. Probation Service Annual Report 2010–2013. URL: <http://wp.unil.ch/space/space-i/annual-reports/>
3. Смирнова И.Н. Характеристика осужденных к наказанию в виде ограничения свободы. Человек: преступление и наказание. 2010. № 3. С. 85–88.

Статья представлена научной редакцией «Право» 26 марта 2015 г.

RECIDIVISM OF CONVICTS SENTENCED TO IMPRISONMENT

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 151–154. DOI: 10.17223/15617793/395/25

Olkhovik Nikolay V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lawtsu@rambler.ru

Keywords: alternatives to imprisonment; types of punishment without isolation from society; recidivism; custody.

The author made a research of more than 700 convicts sentenced to imprisonment and registered in penal correction inspectorates of the Federal Penal service from 2010 to 2014. The article describes criminological characteristics of recidivism of convicts sentenced to custody: analysis of the status, changes and structure of their recidivism. There is a comparison of the structure of recidivism of convicts sentenced to custody in Russia and convicts registered by probation service in the countries of Western Europe. The author provides criminological characteristics of convicts sentenced to custody, who committed crimes during their imprisonment. The most criminogenic category is determined with reference to previous criminal activity. Persons convicted for misappropriation of vehicles without intention to steal, for theft, robbery and crimes described in Paragraph 1, Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation are the groups most expected to commit a new crime. Actions of every third examined person have special recidivism of theft (Art. 158 of the Criminal Code of the Russian Federation), recidivism of misappropriation of vehicles without intention to steal (Art. 166 of the Criminal Code of the Russian Federation) with preceding numerous impositions of administrative sanctions for petty crimes such as theft or traffic offences. 55% of recidivists did not work after the entry of judgment into legal force; moreover, penal legislation does not provide an opportunity to combine this type of punishment and duty to work. The author explains and formulates some suggestions to improve the legislation. Firstly, it is necessary to change Clause D in Paragraph 1, Article 58 of the Penal Execution Code of the Russian Federation, according to which public disturbance is the only violation of order and conditions of imprisonment, punishment for this offence brings to administrative responsibility. The author proposes to consider the committing of administrative offence, which is similar to the offence for which this person was sentenced, as violation of order and conditions of custody. Secondly, it is necessary to change the existing order of cooperation between penal inspections and internal affairs agencies. They should perform such duties as apprehension of a convicted person sentenced to custody, who violated the established duty or restraint. Thirdly, it is necessary to afford the right to court to charge a convict to work, if this punishment was applied as primary punishment or additional to imprisonment.

REFERENCES

1. The official website of the Federal Penitentiary Service. Available from: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20v%20YII/>. (In Russian).
2. Probation Service Annual Report 2010–2013. Available from: <http://wp.unil.ch/space/space-i/annual-reports/>.
3. Smirnova I.N. Characteristics of prisoners sentenced to restraint of liberty. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: Crime and Punishment*, 2010, no. 3, pp. 85–88.
4. Sokolov I.V. *Ogranichenie svobody kak vid ugolovnogo nakazaniya*: avtoref. dis. kand. yurid. nauk [Restriction of freedom as a form of criminal punishment. Abstract of Law Cand. Diss.]. Samara, 2012. 22 p.

Received: 26 March 2015

ОСНОВАНИЯ ПРАВА НА КОМПЕНСАЦИЮ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СУДОПРОИЗВОДСТВО В РАЗУМНЫЙ СРОК ИЛИ ПРАВА НА ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНОГО АКТА В РАЗУМНЫЙ СРОК

Исследование вопроса об основаниях права на компенсацию за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок невозможно без понятий «разумный срок судопроизводства», «разумный срок исполнения судебного акта», «нарушение разумного срока судопроизводства», «нарушение разумного срока исполнения судебного акта». На основе анализа действующего законодательства и судебной практики автор дает определения указанным понятиям.

Ключевые слова: разумный срок судопроизводства; разумный срок исполнения судебного акта.

Заявление (исковое) о присуждении компенсации представляет собой процессуальное средство, с помощью которого заинтересованное лицо обращается в компетентный суд с целью реализации возникшего в момент нарушения разумных сроков осуществления судопроизводства по делам, рассматриваемым судами общей юрисдикции и арбитражными судами, или разумных сроков исполнения судебных актов, предусматривающих обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, охранительного правомочия на компенсацию.

Основания права на компенсацию за нарушение права на судопроизводство или исполнение судебного акта в разумные сроки – это предусмотренные законом факты, которые свидетельствуют о возможности рассмотрения и разрешения дела по существу в связи с наличием у заинтересованного лица субъективного права на компенсацию.

Такие основания содержатся в ч. 1 ст. 1 Федерального закона РФ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» от 30.04.2010 № 68-ФЗ (далее Закон № 68-ФЗ) [1] и ч. 1 ст. 244.1 ГПК РФ, ч. 1 ст. 222.1 АПК РФ. К их числу Закон № 68-ФЗ, а также ГПК РФ и АПК РФ относят следующие.

Во-первых, факт нарушения разумных сроков судопроизводства по делам, рассматриваемым судами общей юрисдикции и арбитражными судами в соответствии с установленными процессуальным законодательством правилами подведомственности (под. «а» п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» от 23.12.2010 № 30 № 64 (далее Постановление Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 30/64)) [2].

Во-вторых, факты нарушения:

а) разумных сроков исполнения судебных актов, вынесенных по искам или заявлению к Российской Федерации, субъекту РФ, муниципальному образованию о возмещении вреда, причиненного физическому или юридическому лицу в результате незаконных

действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо их должностных лиц (под. «б» п. 1 Постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 30/64) [2];

б) разумных сроков исполнения судебных актов, предусматривающих возложение обязанности на органы государственной власти, органы местного самоуправления, их должностных лиц, государственных или муниципальных служащих произвести выплаты за счет средств федерального бюджета, бюджета субъекта РФ, местного бюджета, а также судебных актов, предусматривающих обращение взыскания на средства федерального бюджета, бюджета субъекта РФ, местного бюджета по денежным обязательствам бюджетных (казенных) учреждений (под. «б» п. 1 Постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 30/64) [Там же].

В-третьих, факт нарушения разумных сроков в ходе досудебного производства по уголовным делам, по которым установлен подозреваемый или обвиняемый (под. «в» п. 1 Постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 30/64) [Там же].

Таким образом, действующим законодательством предусмотрено три основания возникновения права на компенсацию: 1) нарушение права на судопроизводство в разумный срок; 2) нарушение права на исполнение судебного акта, предусматривающего обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы РФ, в разумный срок; 3) нарушение разумного срока в ходе досудебного производства по уголовным делам.

В связи с этим возникает вопрос: когда следует считать нарушенными разумный срок осуществления судопроизводства и разумный срок исполнения судебного акта?

Чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо определить, что представляют собой «разумный срок судопроизводства» и «разумный срок исполнения судебного акта».

Обращает на себя внимание то, что Закон № 68-ФЗ не содержит легальных определений понятий разумного срока судопроизводства и разумного срока исполнения судебного акта.

При этом в процессуальное законодательство РФ (ГПК РФ, АПК РФ, УПК РФ) введены статьи «Разумный срок судопроизводства и разумный срок исполнения судебного акта».

нения судебного постановления» (ст. 6.1 ГПК РФ), «Разумные сроки судопроизводства в арбитражных судах и исполнения судебного акта» (ст. 6.1 АПК РФ), «Разумный срок уголовного судопроизводства» (ст. 6.1 УПК РФ).

Из анализа вышеприведенных статей следует, что они содержат правила определения разумного срока судебного разбирательства, в том числе досудебного производства (ч. 3 ст. 6.1 ГПК РФ, АПК РФ, ч. 3, 3.1 ст. 6.1 УПК РФ), которые также применяются при определении разумного срока исполнения судебных актов (ч. 5 ст. 6.1 ГПК РФ, АПК РФ).

Так, в соответствии с ч. 3 ст. 6.1 ГПК РФ и АПК РФ при определении разумного срока судебного разбирательства, который включает в себя период со дня поступления искового заявления или заявления в суд первой инстанции общей юрисдикции или в арбитражный суд до дня принятия последнего судебного акта по делу, учитываются такие обстоятельства, как правовая и фактическая сложность дела, поведение участников гражданского процесса или арбитражного процесса, достаточность и эффективность действий суда, осуществляемых в целях своевременного рассмотрения дела, и общая продолжительность судопроизводства по делу.

Из содержания ч. 2 ст. 1 Закона № 68-ФЗ [1] следует, что законодатель не отождествляет разумный срок судопроизводства или исполнения судебного акта со сроками рассмотрения и разрешения гражданских дел и сроками совершения исполнительных действий, а рассматривает их в качестве обстоятельств, учитываемых при определении разумного срока наряда с иными, перечисленными выше.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что действующее процессуальное законодательство содержит расплывчатые (размытые) определения понятий разумного срока судопроизводства и разумного срока исполнения судебного акта.

На страницах юридической печати предлагаются следующие определения понятий разумного срока судопроизводства и разумного срока исполнения судебного акта.

По мнению А.Г. Мусаевой, разумный срок судопроизводства представляет собой особую разновидность срока в рамках законодательно определенных периодов времени, отведенных для производства по судебному делу во всех стадиях, включая время для совершения процессуальных действий и для принятия процессуальных решений [3. С. 7]. Данный автор отмечает, что разумный срок – это срок, наиболее отвечающий интересам участников судебного процесса, но при этом не превышающий максимальные сроки, которые получили формальное закрепление в законе [Там же].

И.Н. Поляков полагает, что разумный срок судопроизводства – это логически обоснованный и не противоречащий букве и смыслу процессуального закона период времени, в течение которого суд обязан рассмотреть гражданское, арбитражное или уголовное дело по существу, а компетентные органы – обеспечить принудительное исполнение вступившего в законную силу судебного акта [4. С. 35].

Под разумным сроком судебного разбирательства можно понимать период времени, в течение которого суд должен своевременно и правильно рассмотреть дело, учитывая его характер и сложность, вынести законный и обоснованный судебный акт, которым в полном объеме будет разрешена правовая ситуация, а права, свободы и законные интересы участвующих в деле субъектов получат надлежащую правовую защиту [5. С. 114].

Другая группа ученых придерживается мнения, согласно которому разумный срок судопроизводства является оценочным понятием, включающим в себя, помимо общей продолжительности судопроизводства, также и наличие обстоятельств, повлиявших на длительность производства по делу [6. С. 267; 7. С. 40; 8. С. 229; 9. С. 131].

Л.А. Волчихина рассматривает разумный срок судопроизводства как срок разбирательства дела, превышающий срок, установленный законом, а разумный срок исполнения судебного постановления как срок исполнения судебного постановления, превышающий срок исполнения судебного постановления, установленный законом, по причинам, перечисленным в ч. 3 ст. 6.1 ГПК РФ [10. С. 501].

Ряд авторов ограничивают предельный разумный срок рассмотрения гражданского дела тремя годами [11. С. 23; 12. С. 118]. С такой позицией трудно согласиться по следующими причинам.

Если уполномоченный субъект обратился в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок по гражданскому делу, общая продолжительность по которому составила более года, при этом дело не представляло правовой и фактической сложности, а поведение заявителя не препятствовало своевременному его рассмотрению, то уместно ли говорить об отсутствии нарушения права на судопроизводство в разумный срок? И другая ситуация, когда общая продолжительность по гражданскому делу составила более трех лет, дело представляло фактическую и правовую сложность, а поведение заявителя препятствовало его рассмотрению. Можно ли в этом случае безусловно говорить о нарушении разумного срока судопроизводства?

Как разъяснил Пленум ВС РФ и Пленум ВАС РФ в Постановлении от 23.12.2010 № 30/64, превышение общей продолжительности судопроизводства по гражданскому делу, равной трем годам, не всегда свидетельствует о нарушении права на судопроизводство в разумный срок, также как и осуществление судопроизводства по гражданскому делу в срок менее трех лет с учетом обстоятельств дела может свидетельствовать о нарушении права на судопроизводство в разумный срок (п. 45) [2].

Судебная практика свидетельствует в пользу того, что рассмотрение гражданского дела в срок до трех лет может привести к нарушению права на судопроизводство в разумный срок, а рассмотрение гражданского дела в срок свыше трех лет – нет.

Так, С.В.Н. обратился в Московский областной суд с заявлением о присуждении компенсации за

нарушение права на судопроизводство в разумный срок при рассмотрении Сергиево-Посадским городским судом Московской области гражданского дела № 2-2274/10 по иску С.В.Н. к УВД по Сергиево-Посадскому муниципальному району Московской области, МВД РФ, Генеральной прокуратуре РФ о возмещении ущерба, компенсации морального вреда. Решением Московского областного суда от 19.10.2011 в пользу заявителя с Российской Федерации в лице Министерства финансов за счет средств федерального бюджета взыскана компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок в размере 15 000 рублей. Указанным судом установлен общий срок судопроизводства по делу 2 года 2 месяца 16 дней. Мотивировал свое решение данный суд тем, что С.В.Н. на протяжении длительного периода времени не мог воспользоваться правом на судебную защиту, поскольку Сергиево-Посадским городским судом неправильно была определена подсудность спора, что привело к существенной задержке рассмотрения дела. Кроме того, данный суд неоднократно проводил длительную досудебную подготовку, в то время как дело уже находилось на стадии судебного рассмотрения. Определением судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда решение Сергиево-Посадского городского суда было отменено, в части требований С.В.Н. производство по делу прекращено в связи с тем, что они не подлежали рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства. Московский областной суд пришел к выводу о том, что ни при принятии искового заявления к производству суда, ни при рассмотрении дела судом первой инстанции не был правильно определен характер возникших правоотношений¹.

В другом деле установлено, что общий срок судопроизводства по гражданскому делу № 2-121/09 по иску Г.Б.В. к К.С.М. об установлении границ земельного участка, о признании недействительным свидетельства, постановлений Главы администрации, взыскании морального вреда, и встречному иску К.С.М. к Г.Б.В. составил 8 лет 2 месяца.

Решением Московского областного суда от 14.09.2010 заявителю Г.Б.В. отказано в удовлетворении требований о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок. Указанный суд мотивировал свое решение тем, что земельные споры относятся к сложной категории дел, а заявитель неоднократно изменял исковые требования, что явилось основанием для назначения экспертиз, и не являлся в судебные заседания. При этом Наро-Фоминский городской суд Московской области, откладывая рассмотрение дела в связи с неявкой истца по уважительным причинам, обеспечивал ему возможность реализовать принадлежащие ему права, в том числе лично участвовать в рассмотрении дела, пользоваться услугами адвоката. Московским областным судом соответствующие сроки судопроизводства не были квалифицированы как неразумные, поскольку при изменении в сторону увеличения исковых требований течение установленного законом срока рассмотрения дела начинается вновь (ч. 3 ст. 39 ГПК

РФ). Данный суд указал, что при рассмотрении дела судом первой инстанции принимались меры к надлежащему извещению участвующих в деле лиц, оказывалось содействие в получении необходимых доказательств, в том числе экспертных заключений, по ходатайству сторон вызывались эксперты в судебное заседание, а также предлагалось проверить замечания сторон к экспертизе. Московский областной суд пришел к выводу о том, что нарушение сроков судопроизводства по данному гражданскому делу произошло по причинам, которые зависели от самого заявителя.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 09.10.2010 № 4-Г10-42 решение Московского областного суда от 14.09.2010 оставлено без изменения, кассационная жалоба Г.Б.В. – без удовлетворения².

Из приведенных примеров видно, что разумный срок судопроизводства не всегда ограничивается временными критериями до трех лет.

В связи с этим следует признать обоснованными указанные выше мнения [6. С. 267; 7. С. 40; 8. С. 229; 9. С. 131] об оценочном характере термина «разумный срок судопроизводства», поскольку каждое гражданское дело индивидуально по своему содержанию и длительность рассмотрения может возникнуть из-за ряда непредвиденных сложностей.

На основании изложенного предлагаем следующие понятия разумного срока судопроизводства и разумного срока исполнения судебного акта.

Разумный срок судопроизводства представляет собой период времени со дня поступления искового заявления (или заявления) в суд первой инстанции до дня принятия последнего судебного постановления по делу, в течение которого суд как орган государственной власти обязан разрешить гражданское дело при строгом соблюдении требований, предъявляемых ГПК РФ или АПК РФ, обеспечив надлежащую реализацию процессуальных прав сторон или третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора.

Разумный срок исполнения судебного акта – это период времени со дня возбуждения исполнительного производства до дня исполнения содержащихся в исполнительном документе требований, в течение которого орган, организация или должностное лицо, на которые возложены обязанности по исполнению судебного постановления, обязаны совершить исполнительные действия при строгом соблюдении требований, предъявляемых Федеральным законом РФ «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ [13] и главой 24.1 Бюджетного кодекса РФ, обеспечив надлежащую реализацию прав взыскателя и должника.

В соответствии с предложенными выше понятиями «разумный срок судопроизводства» и «разумный срок исполнения судебного акта» во взаимосвязи с положениями ч. 1 ст. 1 Закона № 68-ФЗ [1], ч. 3, 5 ст. 6.1, ч. 2, 3 ст. 244.1 ГПК РФ и ч. 3, 5 ст. 6.1, ч. 2, 3 ст. 222.1 АПК РФ предлагаем следующие определения понятий «нарушение разумного срока судопроизводства» и «нарушение разумного срока исполнения судебного акта».

Под нарушением разумного срока судопроизводства следует рассматривать период времени со дня поступления искового заявления (или заявления) в суд первой инстанции до дня принятия последнего судебного постановления по делу, в течение которого суд как орган государственной власти разрешил (разрешает) гражданское дело не в соответствии с требованиями, предъявляемыми ГПК РФ или АПК РФ, без учета правовой и фактической сложности дела, не предприняв достаточных и эффективных действий в целях своевременного рассмотрения дела, а также не обеспечив надлежащую реализацию процессуальных прав сторон или третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора.

Под нарушением разумного срока исполнения судебного акта следует рассматривать период времени со дня возбуждения исполнительного производства до дня исполнения содержащихся в исполнительном до-

кументе требований, в течение которого орган, организация или должностное лицо, на которые возложены обязанности по исполнению судебного постановления, совершил (совершает) исполнительные действия не в соответствии с требованиями, предъявляемыми Федеральным законом РФ «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ [13] и главой 24.1 Бюджетного кодекса РФ, без учета правовой и фактической сложности дела, не предприняв достаточных и эффективных действий в целях своевременного исполнения судебного акта, а также не обеспечив надлежащую реализацию прав взыскателя и должника.

Итак, факты нарушения разумного срока судопроизводства или разумного срока исполнения судебного акта, предусматривающего обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы РФ, являются основаниями возникновения права на компенсацию.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Данный пример приведен из практики Московского областного суда (изучены дела № 3-159/2011 и № 2-2274/10).

² Данный пример приведен из практики Московского областного суда (изучены дела № 3-245/2010 и № 2-121/09).

ЛИТЕРАТУРА

1. Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 18. Ст. 2144.
2. Российская газета. 14.01.2011. № 5381.
3. Мусаева А.Г. Судопроизводство в разумный срок как гарантия конституционного права граждан на судебную защиту : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 17 с.
4. Поляков И.Н. Разумные сроки судопроизводства: Понятие и значение // Российская юстиция. 2011. № 4. С. 33–38.
5. Романова Ю.А. Разумный срок судебного разбирательства: Какие изменения необходимо внести в статью 6.1 ГПК РФ // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 347. С. 114–115.
6. Резникова Е.В. Реализация права на компенсацию за нарушение разумных сроков осуществления правосудия // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 267–269.
7. Гречаниченко А.В. Реализация права на компенсацию за нарушение разумных сроков осуществления правосудия // Юрист. 2012. № 8. С. 39–42.
8. Пощиванок Л.И. Критерии оценки соблюдения судом разумного срока судопроизводства: Проблемы правоприменения : сб. материалов науч.-практ. конф. (Омск, 15 февраля 2013 г.) / отв. ред. М.П. Клеймёнов, М.С. Фокин. Омск, 2013. 402 с.
9. Лемонджава Ю.Е. Разумность срока как элемент права на справедливое судебное разбирательство: соотношение Конвенции о защите прав человека и основных свобод и закона о компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014 № 1 (38). С. 130–133.
10. Волчихина Л.А. Некоторые проблемы влияния международного права на процессуальную форму гражданского судопроизводства // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2013. № 12 (128). С. 498–503.
11. Козлова Н.В., Мухина Т.А. О некоторых проблемах при рассмотрении дел о компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок // Российский судья. 2011. № 1. С. 21–24.
12. Ласкина Н.В. Процессуальные гарантии при рассмотрении дел о компенсации за нарушение права на гражданское судопроизводство в разумный срок // Современное право. 2011. № 10. С. 116–119.
13. Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.

Статья представлена научной редакцией «Право» 7 апреля 2015 г.

GROUNDS FOR THE RIGHT TO COMPENSATION FOR VIOLATION OF THE RIGHT TO A FAIR TRIAL WITHIN A REASONABLE TIME OR THE RIGHT TO EXECUTE A JUDICIAL ACT WITHIN A REASONABLE TIME

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 155–159. DOI: 10.17223/15617793/395/26

Suzdalceva Tatiana I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: suzdalceva_tatyta@mail.ru

Keywords: reasonable time of a trial; reasonable time for execution of a judicial act.

In order to study the grounds for the right to compensation for violation of the right to a fair trial within a reasonable time or the right to execute a judicial act within a reasonable time, the author at first considers such concepts as the reasonable time of a trial, the reasonable time for execution of a judicial act, the failure to meet the reasonable time of a trial, and the failure to meet the reasonable time for execution of a judicial act. Based on the review of the current legislation, the author identifies three grounds for compensation: 1) violation of the right to a fair trial within a reasonable time; 2) violation of the right to execute a judicial act which provides for the recovery of funds from the budgets of the budgetary system of the Russian Federation within a reasonable time; 3) failure to meet the reasonable time of pre-trial criminal proceedings. The review of Part 3, Article 6.1 of the Civil Procedural Code of the Russian Federation and the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation, as well as Part 3, 3.1, Article 6.1 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, shows that these articles contain the criteria for determining the reasonable time of a trial, including pre-trial proceedings, which also apply to the reasonable time for execution of judicial acts (Part 5, Article 6.1 of the Civil

Procedural Code of the Russian Federation and the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation). Therefore, the current procedural legislation contains ambiguous (vague) definitions of the concepts of the reasonable time of a trial and the reasonable time for execution of a judicial act. This paper provides the concepts of the reasonable time of a trial and the reasonable time for execution of a judicial act as defined by different authors in the legal literature. A number of authors think that the time limit of a civil trial is to be three years. The author of this paper challenges this opinion for the following reasons. The judicial practice suggests that in some cases civil trials of shorter than three years may entail a violation of the right to a fair trial within a reasonable time, while civil trials of longer than three years may not. As follows from the practice of the Moscow Regional Court, the reasonable period of a trial is not always limited to three years. In this context, the opinion of some authors that the concept of the reasonable time of a trial is of judgmental nature is recognized as justified, since each civil case is individual and may be prolonged due to unforeseeable circumstances. Based on the foregoing, the author defines the concepts of the reasonable time of a trial and the reasonable time for execution of a judicial act. Relying on the proposed concepts of the reasonable time of a trial and the reasonable time for execution of a judicial act, in connection with provisions of Part 1, Article 1 of the Federal Law No. 68-FZ dated April 30, 2010, Part 3, 5 of Article 6.1, Parts 2, 3, Article 244.1 of the Civil Procedural Code of the Russian Federation and Parts 3, 5, Article 6.1; Parts 2, 3, Article 222.1 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation, the author defines the concepts of the failure to meet the reasonable time of a trial and the failure to meet the reasonable time for execution of a judicial act.

REFERENCES

1. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of the legislation of the Russian Federation], 2010, no. 18, Art. 2144.
2. *Rossiyskaya gazeta*, 14.01.2011, no. 5381.
3. Musaeva A.G. *Sudoproizvodstvo v razumnyy srok kak garantiya konstitutsionnogo prava grazhdan na sudebnuyu zashchitu: avtoref. dis. kand. yurid. nauk* [Trial within a reasonable time as a guarantee of citizens' constitutional right to judicial protection. Abstract of Law Cand. Diss.]. Moscow, 2014. 17 p.
4. Polyakov I.N. Reasonable period of time trial: the concept and importance. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*, 2011, no. 4, pp. 33–38. (In Russian).
5. Romanova Yu.A. Rational period of court examination: changing Article 6.1 of the Russian Federation Civil Procedural Code. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2011, no. 347, pp. 114–115. (In Russian).
6. Reznikova E.V. Realization of the right for compensation for violation of reasonable terms of implementation of justice. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Scientific Notes of Orel State University. Series "Humanities and Social Sciences"*, 2014, no. 2, pp. 267–269. (In Russian).
7. Grechanichenko A.V. Realizatsiya prava na kompensatsiyu za narushenie razumnykh srokov osushchestvleniya pravosudiya [The right to compensation for the breach of the reasonable time of justice]. *Yurist – Jurist*, 2012, no. 8, pp. 39–42.
8. Poshevanyuk L.I. [The criteria for assessing compliance with a reasonable time of proceedings by a court]. *Problemy pravoprimeneniya: sb. materialov nauch.-prakt. konf.* [Problems of Law Enforcement: Proc. of the scientific -practical conference]. Omsk, 2013. (In Russian).
9. Lemondzhava Yu.E. Reasonableness of the length as an element of the right to a fair trial: the ratio of the convention on the protection of human rights and fundamental freedoms and the law on compensation for breach of the right to trial within a reasonable time. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" – Herald of Omsk University. Series "LAW"*, 2014, no. 1 (38), pp. 130–133. (In Russian).
10. Volchikhina L.A. Some problems of international law influence on process form of civil court work. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki – Tambov University Reports. Series: Humanities*, 2013, no. 12 (128), pp. 498–503. (In Russian).
11. Kozlova N.V., Mukhina T.A. On some problems arising in consideration of cases on compensation for violation of the right to judicial proceeding in reasonable time. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*, 2011, no. 1, pp. 21–24.
12. Laskina N.V. Procedural guarantees in cases of compensation for the violation of the rights of in civil proceedings within a reasonable time. *Sovremennoe pravo – Modern Law*, 2011, no. 10, pp. 116–119. (In Russian).
13. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of the legislation of the Russian Federation], 2007, no. 41, Art. 4849.

Received: 07 April 2015

РАЗВИТИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СУДЕБНОГО ПОЧЕРКОВЕДЕНИЯ

Приводится краткий исторический анализ возникновения и развития судебного почкероведения. Автор отмечает, что судебная экспертиза почерка является одной из наиболее разработанных в теоретическом и методическом аспекте и имеет доказательственное значение при вынесении решения в уголовном, гражданском и арбитражном процессе. Значительное внимание уделяется таким основным направлениям судебного почкероведения, как каллиграфическое, приметоописательное или сигналитическое, графометрическое, графологическое.

Ключевые слова: криминалистическая техника; судебное почкероведение; почерк; признаки почерка; судебно-почкероведческая экспертиза; графическая идентификация.

Судебное почкероведение является разделом криминалистической техники, который представляет собой систему знаний о закономерностях почерка и методах его исследования в целях установления фактических данных, имеющих доказательственное значение при вынесении решения в уголовном, гражданском и арбитражном процессе. Судебное почкероведение образует определенное учение, целостную теорию и служит научной базой для производства судебно-почкероведческих экспертиз.

Судебно-почкероведческая экспертиза документов является одним из наиболее часто назначаемых видов криминалистической экспертизы в судопроизводстве.

Письменный документ – основной источник юридически значимой информации, и, как показывает экспертная практика, объектами рукописной подделки становятся все возможные виды документов (договоры и приложения к ним, завещания, долговые расписки, различные акты и заявления, платежные ведомости, товарные накладные и т.д.).

В гражданском процессе наиболее часто судебно-почкероведческая экспертиза назначается по делам о признании недействительными завещаний, договоров, долговых расписок и др. В последние десятилетия недвижимое имущество граждан выступает одним из основных предметов спора. В их числе, например, дело С., подавшего иск о признании недействительным заключение брака с А. и последующей регистрации А. по месту своего жительства. Как следует из материалов дела, гражданка Украины А., найдя «подходящий объект» – хронического алкоголика С., подделала его подписи в заявлениях в ЗАГС и паспортный стол, зарегистрировалась в квартире, принадлежащей С., прописав туда же и членов своей семьи. Назначенная судом судебно-почкероведческая экспертиза установила, что в данных заявлениях подписи от имени С. были выполнены не им, а другим лицом, что в совокупности с другими доказательствами по делу легло в основу судебного решения о расторжении брака и признании его последствий недействительными [1].

По делам, рассматриваемым в арбитражном суде, судебно-почкероведческая экспертиза назначается в отношении документов, обеспечивающих хозяйственную деятельность юридического лица (уставы, учредительные договоры, протоколы собраний участников, договоры – соглашения, приложения к ним, векселя и т.д.). Так, например, при предъявлении к

исполнению векселя на сумму 10 млн рублей выяснилось, что векселедатель отрицает выдачу данного векселя и утверждает, что подпись генерального директора в первой передаточной надписи не соответствует его подписям. Вывод судебно-почкероведческой экспертизы о том, что подпись на векселе была выполнена не самим генеральным директором, а другим лицом с подражанием его собственным подписям, в совокупности с другими доказательствами по делу (ответчики, в частности, показывали, что несколько векселей «пропали» из сейфа компании), несомненно, помог судье принять верное решение по делу [2].

Необходимо отметить, что число судебно-почкероведческих экспертиз, проводимых в судебно-экспертном учреждении – Российском Федеральном центре судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (ГУ РФЦСЭ при МЮ РФ) – постоянно растет, что свидетельствует о востребованности данной экспертизы [3. С. 21].

Судебно-почкероведческая экспертиза является одной из наиболее разработанных в теоретическом и методическом аспекте. В настоящее время на научном уровне предпринята попытка обобщить материалы, характеризующие современное состояние этого вида экспертизы, рассматривая его с точки зрения как экспертов, так и лиц, осуществляющих доказывание по делу.

Если обратиться к истории, то потребность в судебно-почкероведческой экспертизе и, соответственно, в судебном почкероведении возникла очень давно. По историческим данным, еще в Древнем Риме во времена византийского императора Юстиниана (V–VI вв.) исследование почерка для судебных целей было отражено в законодательстве. В России уже в XV в. сравнение рукописей использовалось как способ удостоверения подлинности документов. Первая работа, посвященная судебному исследованию документов, появилась во Франции в начале XVII в. (Ф. Демель, 1604 г.).

Однако о судебном почкероведении как о специальной отрасли знаний нельзя говорить до появления криминалистики. Экспертизу почерка проводили некомпетентные, случайные лица, а в лучшем случае на основе опыта и наблюдений установить исполнителя текста по почерку пытались учителя чистописания, художники, а иногда просто грамотные люди. Так, в России в Своде законов 1857 г. было записано: «Рассмотрение и сличение почерков производится назначаемыми судом, сведущими в том языке, на коем

написаны и подписаны сличаемые документы, достойными веры людьми, не отведенными ни которым из тяжущихся, когда можно секретарями присутственных мест, учителями чистописания или другими преподавателями из находящихся в том месте или поблизости учебных заведений и вообще лицами, которые по заключению надлежащих присутственных мест, могут в сем случае быть признаны сведущими» [4. С. 67].

Формирование судебного почерковедения за рубежом связано с именами и работами таких ученых-криминалистов, как А. Бертильон, Э. Локар, С. Оттонги, А. Осборн и др. В процессе развития судебного почерковедения выделяются следующие основные направления: каллиграфическое, приметоописательное (сигналитическое) [5], графометрическое [6], граffологическое.

Каллиграфическое направление характерно, в частности, для становления судебного почерковедения в России в XVII–XVIII вв. Суть специфики каллиграфических исследований заключается, прежде всего, в том, что «сличение почерков» в судебных целях законодательно поручалось в общем-то некомпетентным людям, якобы владеющим «тайной» письма – секретарям присутственных мест, учителям чистописания, художникам либо просто грамотным людям. При этом назначение конкретного лица экспертом-почерковедом происходило лишь на основании главного критерия – умения красиво и правильно писать. Таким образом, процесс каллиграфической экспертизы сводился к установлению внешнего сходства или различия почерков в сравниваемых рукописях. Подобные исследования не имели под собой никакой научной основы и очень часто приводили к грубым экспертным ошибкам. В результате, как отмечал великий отечественный ученый-криминалист Е.Ф. Буринский, органам правопорядка приходилось бороться как с подделывателями различных документов, так и с фантазией каллиграфов.

Основателем приметоописательного (сигналитического) направления в судебном почерковедении является французский криминалист Альфонс Бертильон, который в 1897 г. изложил результаты своих научных разработок в статье «Сравнение почерков и графическая идентификация». Суть предложенных нововведений заключалась в механическом перенесении на процесс почерковедческого исследования общих принципов описания внешности человека по методу словесного портрета, который ранее был разработан самим же Бертильоном. При сравнении рукописей основное внимание рекомендовалось обращать на наиболее броские признаки почерка – своеобразные графические приметы, связанные с формой, размером, положением, наклоном письменных знаков и т.д. Некоторая совокупность таких признаков, без учета всех остальных менее заметных особенностей, была положена в основу процесса судебно-почерковедческой идентификации. Однако последнее обстоятельство очень часто приводило к ошибочным экспертным заключениям и поэтому является главным недостатком данного метода.

Возникновение графометрического направления в судебном почерковедении связано с работами ученого-почерковеда Э. Локара, который впервые предпринял попытку научного обоснования графической идентификации личности с помощью различных измерений почерка. В целом графометрический метод сводился к измерению в сравниваемых рукописях ряда одноименных характеристик почерка, которые фиксировались на графиках в виде кривых и сопоставлялись между собой. Совпадение или различие кривых свидетельствовало, соответственно, об одном либо разных исполнителях исследуемого графического материала.

Одним из наиболее известных псевдонаучных направлений в графологии конца XIX в. является реакционное учение основателя французской антропологической школы Ч. Ломброзо. В 1895 г. он в своей работе «Руководство по графологии» попытался экспериментально доказать наличие корреляции (взаимозависимости) специфических особенностей графики «прирожденных преступников» и их криминальных наклонностей. В результате Ломброзо смог дифференцировать две группы «уголовных» почерков: 1) убийцы, разбойники, грабители; 2) воры.

Отечественное судебное почерковедение связано с учением о почерке русского криминалиста Е.Ф. Буринского, который является основателем данной отрасли знаний – «судебное почерковедение» [7]. Обобщая и систематизируя данные других наук, имеющие значение для изучения письма и почерка, Е.Ф. Буринский опирался на положения медицины, психиатрии, психологии, физиологии, анатомии, обращая внимание на врачебно-диагностическое значение почерка, им использовались и работы по школьной гигиене. Впервые для целей судебного почерковедения он изложил сведения о механизме письма, рассмотрел патологические изменения в этом механизме и их отображение в рукописях.

Особое внимание Е.Ф. Буринский уделял методам научного исследования почерка, в числе которых важное место отводил правильно поставленному эксперименту, наблюдению и самонаблюдению, коллекционированию образцов почерка. Он был сторонником введения в почерковедческие исследования объективных измерительных и регистрирующих технических средств (фотосъемка, хронофотография, циклография, графометрические измерения). Таким образом, в основных положениях работы Е.Ф. Буринского было заложено начало научных основ судебного почерковедения и прогнозировалось его дальнейшее развитие.

Развитие судебного почерковедения в советский период прошло несколько этапов.

Этап накопления знаний и опыта. Он начинается в 1920-е гг., когда появляются первые работы советских авторов по криминалистике, и завершается в середине 1930-х гг. с выходом в свет самостоятельных исследований по судебному почерковедению. Рассматривая понятия письма и почерка, криминалисты обращаются к автоматизму процесса письма, отмечают важность учета темпа письма, координации движений,

дают развернутый перечень факторов, оказывающих влияние на процесс письма и почерк. Первое определение почерка принадлежит С.М. Потапову, который определял почерк как «...систему движений, выраженную в письменных знаках» [8. С. 82]. Это определение подтолкнуло криминалистов на изучение двигательной природы почерка и в дальнейшем нашло отражение и развитие в трудах других криминалистов, исследовавших почерк с учетом достижений естественнонаучных знаний.

Начальный период в развитии судебного почерковедения был переходным, когда изучались и практически переосмысливались старые положения, зарождались новые, основанные на обобщении практики производства исследований в расширявшихся и вновь создававшихся экспертных учреждениях. Это был период накопления и концентрации сил для дальнейшего бурного развития отечественного судебного почерковедения.

Далее следует этап становления теоретических основ, к которому относится период с середины 30-х до середины 50-х гг. XX в. Он тесно связан с именами таких известных советских криминалистов, как С.М. Потапов, А.И. Винберг, Н.В. Терзиев, Д.Д. Хмыров, С.И. Тихенко, А.А. Елисеев, Б.М. Комаринц, Б.И. Шевченко. Теоретические положения, выдвигаемые криминалистами в этот период, отражали формирование научных основ судебного почерковедения и методики судебно-черковедческой экспертизы. Взгляды криминалистов на письмо и почерк, их идентификационные свойства и признаки, основы методики экспертного исследования отражались в учебниках криминалистики, монографиях, специально посвященных криминалистической экспертизе письма и почерка, в многочисленных статьях.

Как уже было отмечено, первым криминалистом, сформулировавшим основные положения теории советского судебного почерковедения, был С.М. Потапов. Он развел и обосновал ранее сформулированное представление о почерке как целостной системе привычных движений, подчеркнул взаимосвязь и взаимозависимость его элементов как структурного целого и определил почерк как «систему взаимосвязанных и соотносящихся между собой движений, приспособленную к воспроизведению письма» [8. С. 83].

С.М. Потапов попытался систематизировать признаки почерка и детально разработать общие признаки. В признаках почерка он видел свойства движений пишущего, а представление о тождестве исполнителя рукописи он связывал не с совпадением буквенных форм, а с совпадением «анализированных признаков, с общей закономерностью движений в данном почерке» [9. С. 120]. Первая монография о криминалистической экспертизе была написана А.И. Винбергом, который в качестве объекта криминалистической идентификации рассматривал письмо как «...сложный процесс, включающий физиологические, анатомические и другие компоненты» [10]. Значительный вклад в развитие судебного почерковедения на данном этапе внес С.И. Тихенко [11, 12], положивший начало экспериментальным исследованиям в

этой области знаний. Он разработал самую актуальную и очень сложную проблему судебного почерковедения – проблему индивидуальности и устойчивости почерка. На основе наблюдений и обобщения экспертной практики он попытался обосновать неповторимость почерка при условии его близкого сходства.

Этап дальнейшего развития теоретических, экспериментальных исследований, математизации знаний и формирования теории судебно-черковедческой идентификации начинается с середины 50-х и продолжается до конца 80-х гг. XX в. Для этого этапа характерно быстрое развитие экспериментальных разработок и теоретических обобщений. При этом экспериментальные исследования предпринимаются не только отдельными криминалистами, но и научными коллективами, объединяющими специалистов различных профилей: криминалистов-юристов, физиологов, психологов, математиков. С помощью экспериментальных исследований осуществляется углубленное изучение предмета, ведущее к дифференциации последнего. Исследуются актуальные и конкретные проблемы, результаты исследований теоретически обобщаются и находят свое отражение в монографиях и методических пособиях.

В течение ряда лет коллектив Киевского НИИСЭ разрабатывал вопросы сложнейшего почеркового объекта – рукописей, выполненных намеренно измененным почерком [13]. При этом экспериментально были исследованы характер и пределы изменений признаков почерка, возможности идентификации исполнителя при намеренном искажении общих признаков, произвольном скорописном изменении, компетентном изменении почерка в целях его маскировки. Большой интерес криминалисты проявляли к специфическим объектам почерка – рукописям, выполненным с подражанием «печатному» шрифту и специальными шрифтами [14. С. 23], цифровому письму [15. С. 7], непривычному леворучному письму [16. С. 43] и др.

Интеграция знаний, полученных в результате экспериментальных исследований, позволила в этот период сформулировать естественнонаучные основы судебного почерковедения: обстоятельно разработать и изложить данные о механизме письма (двигательной анатомии и биомеханике, управлении письменно-двигательным аппаратом), о формировании навыка письма и двигательной природе признаков почерка, дать обоснование динамической устойчивости и вариационности почерка, рассмотреть его индивидуальность [17. С. 51].

В настоящее время судебное почерковедение тесно связано с медициной. В частности, есть попытки разработать альтернативные методы диагностики по почерку разнообразных психических и соматических заболеваний человека. Отдельные работы высоко оцениваются отечественными криминалистами и используются ими в целях решения диагностических и ситуационных задач судебно-черковедческой экспертизы. В некоторых странах Америки и Европы графологический анализ почерка применяется для определения профессиональных свойств конкретного

человека, его пригодности к работе по той или иной специальности, на определенной должности.

Подводя итоги, отметим, что в настоящее время отечественное судебное почерковедение представляет собой высокоразвитую, предметную отрасль судебной экспертизы и криминалистики со сформировавшимися научны-

ми основами, понятийным аппаратом, разработанными методическими основами судебно-почерковедческой идентификации и диагностики, созданными методами и методиками исследования разнообразных объектов почерка, носящими комплексный характер и отвечающими современным научным требованиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архив* Ленинского районного суда г. Саратова за 2011 г.
2. *Архив* Арбитражного суда Московской области. URL : <http://ras.arbitr.ru> (дата обращения: 27.03.2015 г.).
3. *Орлова В.Ф.* Теория судебно-почерковедческой идентификации. М., 2011. С. 21.
4. *Колоколов Е.* Правила и формы для производства следствий по своду законов 1857 г. М., 1859 (переиздано в 1996 г.).
5. URL : <http://www.bnti.ru> (дата обращения: 27.03.2015 г.).
6. *Локар Э.* Руководство по криминалистике. М., 1941 (переиздано в 1987 г.).
7. *Буринский Е.Ф.* Судебная экспертиза документов. СПб., 1903 (переиздано в 1991 г.).
8. *Потапов С.М.* Научное почерковедение // Советское государство и право 1940 № 12.
9. *Криминалистика* / под ред. Н.П. Яблокова. М., 1979. Кн. 1.
10. *Винберг А.И.* Криминалистическая экспертиза письма. М., 1940. URL : <http://www.bnti.ru/showart.asp?aid=1010&lvl=02.09.16> (дата обращения: 27.03.2015 г.).
11. *Тихенко С.И.* Проблемы индивидуальности и устойчивости признаков почерка в судебной экспертизе письма // Криминалистика и судебно-научная экспертиза. Киев, 1948. Вып. 2.
12. *Тихенко С.И.* Судебно-графическая экспертиза рукописных текстов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1945.
13. *Сегай М.Я., Топольский А.Д., Ципенюк С.А., Штерн Б.А.* Устойчивость признаков почерка при компетентном его изменении // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. Душанбе, 1962. № 2. С. 36–37.
14. *Ципенюк С.А.* Оценка признаков почерка при криминалистической экспертизе текстов, выполненных с подражанием типографским шрифтам и специальными шрифтами. Киев, 1963.
15. *Грузкова В.Г.* Основные положения идентификации личности по цифровому письму : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1967.
16. *Еливанова М.С.* Возможности идентификации личности по непривычному леворучному почерку. М., 1966. Вып. 1.
17. *Манциветова А.И., Орлова В.Ф., Славуцкан И.А.* Теоретические основы судебного почерковедения // Труды ЦНИИСЭ. М., 1967. Вып. I.

Статья представлена научной редакцией «Право» 7 апреля 2015 г.

DEVELOPMENT AND CURRENT STATE OF LEGAL GRAPHOLOGY

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 160–164. DOI: 10.17223/15617793/395/27

Uvarova Irina A. Sergei Witte University of Moscow (Moscow, Russian Federation). E-mail: uvarova_ira@mail.ru

Keywords: legal graphology; handwriting; handwriting features; forensics handwriting graphic identification.

Formation and development of the views of forensic scientists in the field of judicial handwriting should be investigated in order to establish a correct understanding of its current state, to understand its characteristics and perspectives of its development. Legal graphology is a branch of forensic technology which is a system of knowledge about the laws of handwriting and methods of its study in order to establish evidence having probative value in making decisions in criminal, civil and arbitration processes. It forms a certain doctrine, a coherent theory and becomes a scientific basis for production of forensic handwriting examination. According to historical records, studies of handwriting for forensic purposes were reflected in the legislation of Ancient Rome in the time of the Byzantine Emperor Justinian (5th – 6th centuries). In Russia in the 15th century, comparison of the manuscripts was used as a way to authenticate documents. The first work devoted to the study of legal documents appeared in France in the early 17th century (F. Demel, 1604). The formation of legal graphology outside Russia is connected with the names and works of such forensic scientists as A. Bertillon, E. Lokar, S. Ottolenghi, A. Osborne et al. In the development of judicial handwriting the following main areas are distinguished: calligraphy, handwriting features description, measurement of handwriting features, its graphological description. Russian legal graphology is associated with the doctrine of the Russian forensic handwriting expert E.F. Burinskiy, who paid special attention to the methods of scientific research of handwriting, including properly designed experiments, observation and introspection, collecting handwriting samples. Currently, legal graphology is closely related to medicine which seeks to develop alternative methods of diagnosis of mental and physical diseases in humans by studying handwriting features. In some countries in the Americas and Europe, graphological analysis is used to determine professional characteristics of a particular person, his/her suitability for a particular work position. In conclusion, the author notes that the current Russian legal graphology is a highly developed, substantive area of forensics and criminology with established scientific principles, a conceptual framework, well-developed methodological foundations of forensic handwriting identification and diagnosis, established research methods and techniques for analysis of various handwriting features. Such foundations manifest an integral nature and meet modern scientific standards.

REFERENCES

1. Archive of the Leninsky district court in Saratov in 2011. (In Russian).
2. Archive of the Arbitration Court of Moscow Oblast. Available from: <http://ras.arbitr.ru>. (Accessed: 27.03.2015).
3. *Orlova V.F. Teoriya sudebno-pocherkovedcheskoy identifikatsii* [The theory of forensic handwriting identification]. Moscow: GU RFTsSE Publ., 2011. 428 p.
4. *Kolokolov E. Pravila i formy dlya proizvodstva sledstviya po svodu zakonov 1857 g.* [Rules and forms for investigation production by the Collection of Laws of 1857]. Moscow, 1859.
5. Available from: <http://www.bnti.ru>. (Accessed: 27.03.2015).
6. *Lokar E. Rukovodstvo po kriminalistike* [Guide to forensics]. Moscow: Yurid. izd-vo NKKu SSSR Publ., 1941. 544 p.
7. *Burinskiy E.F. Sudebnaya ekspertiza dokumentov* [Forensic examination of documents]. St. Petersburg: Trud Publ., 1903. 386 p.

8. Potapov S.M. Nauchnoe pocherkovedenie [Scientific graphology]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1940, no. 12.
9. Yablokov N.P. (ed.) *Kriminalistika* [Forensics]. Moscow, 1979. Book 1.
10. Vinberg A.I. *Kriminalisticheskaya ekspertiza pis'ma* [Forensic examination of handwriting]. Moscow: Voenno-yuridicheskaya akademiya Krasnoy Armii Publ., 1940. 159 p. Available from: <http://www.bnti.ru/showart.asp?aid=1010&lvl=02.09.16>. (Accessed: 27.03.2015).
11. Tikhenco S.I. *Problemy individual'nosti i ustoychivosti priznakov pocherka v sudebnoy ekspertize pis'ma* [Problems of identity and sustainability of handwriting examination]. In: *Kriminalistika i sudebno-nauchnaya ekspertiza* [Forensic criminalistics and forensic science examination]. Kiev, 1948. Is. 2.
12. Tikhenco S.I. *Sudebno-graficheskaya ekspertiza rukopisnykh tekstov*: avtoref. dis. kand. yurid. nauk [Forensic examination of manuscripts. Abstract of Law Cand. Diss.]. Kiev, 1945.
13. Segay M.Ya., Topol'skiy A.D., Tsipenyuk S.A., Shtern B.A. *Ustoychivost' priznakov pocherka pri kompetentnom ego izmenenii* [Stability of handwriting with its competent change]. *Voprosy kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy*. Dushanbe, 1962, no. 2, pp. 36–37.
14. Tsipenyuk S.A. *Otsenka priznakov pocherka pri kriminalisticheskoy ekspertize tekstov, vypolnennykh s podrazhaniem tipografskim shriftam i spetsial'nymi shriftami* [Examination of handwriting in the forensic examination of texts made with imitation of typographic fonts and special fonts]. Kiev, 1963. 32 p.
15. Gruzkova V.G. *Osnovnye polozheniya identifikatsii lichnosti po tsifrovomu pis'mu*: avtoref. dis. kand. yurid. nauk [The main provisions on person's identification by digital writing. Abstract of Law Cand. Diss.]. Kharkov, 1967.
16. Elivanova M.S. *Vozmozhnosti identifikatsii lichnosti po neprivychnomu levoruchnomu pocherku* [Possibilities of person's identification by unaccustomed left-hand handwriting]. Moscow: TsNIIE Publ., 1966. 56 p.
17. Mantsvetova A.I., Orlova V.F., Slavutskan I.A. *Teoreticheskie osnovy sudebnogo pocherkovedeniya* [Theoretical foundations of judicial graphology]. *Trudy TsNIIE*, 1967, is. I.

Received: 07 April 2015

ЭКОНОМИКА

УДК 336.7

A.B. Гришанова

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПЛАТЕЖНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ НА ОСНОВЕ ОПЫТА СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СИСТЕМ

В настоящее время одним из эффективных экономических средств поражения своего геополитического противника является подавление его национальной платежной системы своей национальной платежной системой. Попытка подавления становится реально возможной, если один из геополитических противников по каким-то причинам добровольно осуществляет кругооборот своих платежей по законам платежной системы своего соперника. Подобное случилось с Россией, допустившей кругооборот большинства своих платежей в международных платежных системах, например, таких, как Visa и MasterCard. После событий на Украине, вследствие санкций и предъявления России моратория на российские банковские карты Visa и MasterCard, многим россиянам стало понятно, что нужно срочно формировать национальную платежную систему России. В статье рассматривается опыт полевых учреждений Центрального банка России в применении специализированной платежной системы «Золотая Корона». Этот опыт предлагается использовать для ускоренного формирования национальной платежной системы России.

Ключевые слова: платежные системы; банковские карты; зарплатные проекты; универсальная электронная карта; процесинговые центры.

Вопрос о внедрении в нашей стране собственной, абсолютно независимой от других государств платежной системы поднимался в российских банковских кругах уже в 1990-х гг. Об этом говорил и Центробанк, и коммерческие финансовые учреждения, которые даже переходили к активным действиям и старались создавать собственные платежные системы, аналогичные мировым. Однако до недавнего времени всерьез данным вопросом фактически никто не занимался.

В 2011 г. был принят Федеральный закон «О национальной платежной системе» [1], который дал определение национальной платёжной системе как всей совокупности операторов по переводу денежных средств, сформировал основные понятия в данной сфере, определил порядок регулирования и оказания платежных услуг, а также установил требования к организации платёжной системы и ее функционированию, сформировал положения, определяющие порядок осуществления надзора и мониторинга в национальной платёжной системе. Однако закон не предусматривал создание национальной системы платежных карт и запрета на обработку российских платежных транзакций за рубежом.

На инвестиционном форуме ВТБ «Россия зовет» президентом России В.В. Путиным было сообщено о создании механизмов, предоставляющих «возможность совершать операции с использованием пластиковых карт ведущих платежных систем даже в случае отключения от них отечественных банков». Этому предшествовало подписание президентом 5 мая 2014 г. закона о создании национальной системы платежных карт, который был направлен на обеспечение переводов денежных средств через платежную систему России [2].

Вышеназванные события являются реакцией правительства России на действия руководства Visa и MasterCard, предпринятые в рамках санкций США, которые прекратили обслуживать карты целого ряда российских банков [3]. Закон обязывал все зарубежные

платежные системы с 1 июля ежеквартально вносить обеспечительные взносы в размере 25% от среднедневного оборота на специальный счет в Банк России. Реагируя на данный закон, гендиректор Visa заявил о возможном прекращении работы в России, так как новые страховые депозиты в несколько раз превысят годовой доход компании в России. Все же позднее Visa и MasterCard договорились с руководством России о новых условиях работы компаний на территории страны. Рассмотренный поток событий наглядно демонстрирует обостренную актуальность перехода России на национальную платежную систему.

С экспанссией международных платежных систем давно сталкиваются все страны, но каждая страна выбирает свое направление развития, опираясь на свои ценности и стратегические планы развития. С целью сохранения собственного суверенитета, чтобы не зависеть от внешних факторов, ряд стран выбирают стратегию развития собственных платежных систем [4. С. 24]. Более того, этот вопрос выходит за рамки чистой экономики и напрямую касается проблем национальной безопасности государства.

Например, зарплатные проекты для силовых ведомств, безусловно, должны осуществляться в рамках отечественных платежных систем. Можно вспомнить, что во время военного конфликта в Югославии международная платежная система VISA остановила все операции с использованием банковских карт в стране, создав кризис неплатежей для населения, в том числе и для военных. Если вернуться к России, то соотношение используемых в ней платежных систем по состоянию на январь 2012 г. можно увидеть в табл. 1.

Начиная с 1990 г. в России стали регистрироваться отечественные платежные системы для расчетов по пластиковым картам, такие как «Золотая Корона». Однако в то время государственные органы Российской Федерации не считали целесообразным создание благоприятных условий для развития инфраструктуры отечественных платежных систем.

В 2005 г. в результате слияния платежных систем NCC и Union Card, работающих на финансовом рынке России с 1993 г., была образована объединенная платежная система NCC|UC [5]. Эта система успешно сочетает достоинства двух платежных систем: Union Card и NCC. В настоящее время платежная система NCC|UC организует своим клиентам процессинговые

услуги, проводит операции в направлении зарплатных проектов, программ кредитования, безналичных расчетов за товары и услуги на основе технологии пластиковых карт международных и российских платежных систем. Надо отметить, что компания NCC|UC до 90% расчетов на территории России проводит через международные платежные системы.

Использование платежных систем в России по состоянию на 1 января 2012 г.

Наименование	Всего	Международные платежные системы	Российские платежные системы	Доля международных платежных систем в общем количестве, %
Количество эмитированных карт, млн ед.	157,7	137,2	20,5	87
Количество операций с банковскими картами, млн ед.	1 908,1	1 789,3	118,8	94
– получение наличных	1 154,7	1 094,3	60,4	
– безналичные операции	753,4	695	58,4	
Объем операций с банковскими картами, млн руб.	7 775,8	7 212,7	563,1	93
– получение наличных	6 304,1	6 002,7	301,4	
– безналичные операции	1 471,7	1 210	261,7	

Тем временем на мировом рынке в ряде стран активно развивались и занимали доминирующее положение собственные платежные системы. Развитие данных систем обусловлено в первую очередь политикой независимости и самостоятельности в организации расчетов, проводимой правительствами и центральными банками этих государств (Япония – JCB, Франция – Cartes Bancaires, Китай – Union Pay, Евросоюз – SEPA) [6].

Знаковым мероприятием, осуществленным в рамках развития отечественных платежных систем, является внедрение платежной системы «Золотая Корона» для выдачи зарплаты военным, проведенное Министерством обороны России.

Данный проект реализуется через территориальные полевые учреждения Центрального банка России в период 2012–2014 гг. включительно, как представлено на рис. 1 [7].

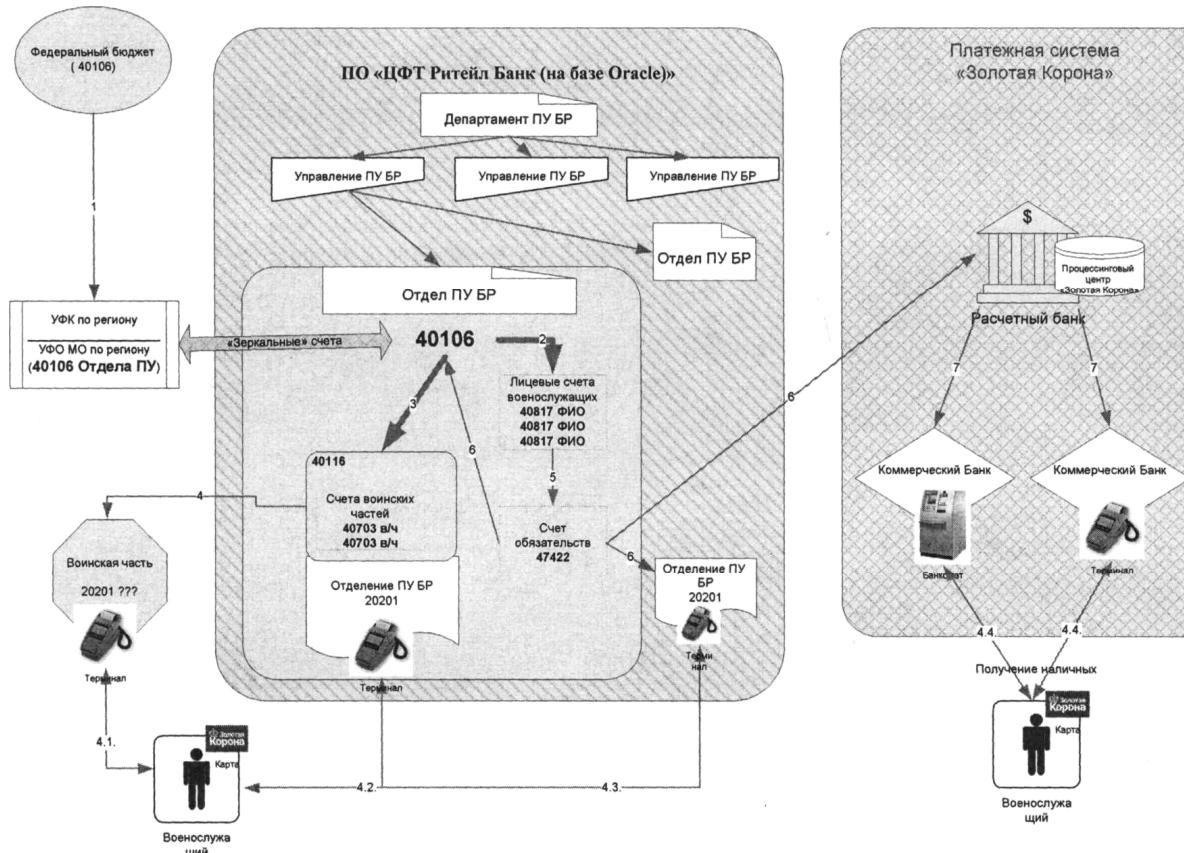

Рис. 1. Структура расчетов по выплате денежных средств военным Сибирского округа через платежную систему «Золотая Корона»

Для выплаты денежных средств военным выполняются следующие операции.

1. Поступление денежных средств из федерального бюджета на счет Отдела ПУ Банка России.
2. Зачисление денежных средств на лицевые счета военнослужащих.
3. Зачисление денежных средств на счет Отделения ПУ БР для выдачи наличных денежных средств военнослужащим и воинским частям.
4. Выдача наличных денежных средств с использованием карты «Золотая Корона»:
 - 4.1. В кассе воинской части.
 - 4.2. В отделении ПУ БР.
 - 4.3. В отделении ПУ БР, относящемся к другому Отделу ПУ БР.
 - 4.4. В кассах и банкоматах коммерческих банков.
5. Списание с лицевых счетов военнослужащих денежных средств, выданных по карте «Золотая Ко-

рона» на основании реестров от платежной системы «Золотая Корона».

6. Возмещение денежных средств участникам, осуществлявшим выдачу наличных по картам военнослужащих.

Главной проблемой при внедрении этой специализированной платежной системы (СПС) являлось оперативное оснащение военных частей необходимой инфраструктурой, включая установление банкоматов и терминалов в бытовых учреждениях, обслуживающих военных. Внедряется проект кредитных карт для военнослужащих на базе системы «Золотая Корона» [8]. В полевых учреждениях территориального представительства Центрального банка по Новосибирской области действует схема специализированного подключения к системе «Золотая Корона». В рамках этой схемы эффективно решается проблема ограниченной инфраструктуры, как представлено на рис. 2.

Рис. 2. Схема подключения полевых учреждений Банка России к платежной системе «Золотая Корона»

Правительством России и Центральным банком в 2012 г. было заявлено о стремлении максимально обезналичить денежный оборот до 2015 г. при помощи универсальной электронной карты (УЭК), представленной на рис. 3 [9]. Во второй половине 2012 г. реализовался pilotный проект выпуска и размещения универсальных электронных карт в Республике Татарстан и через некоторые территориальные банки Сберегательного банка России.

Герман Греф заявил о готовности Сберегательного банка полностью реализовать проект с универсальной картой, с чем, однако, не согласились другие банки –

участники проекта. В результате создалась парадоксальная ситуация. Выпуск карт по факту размещения в Татарстане получился очень дорогостоящим, и поэтому большинство других банков – участников проекта не смогли активно включиться в распространение карт, а Сбербанку не дали развернуться. В результате проект не получил массовой реализации.

Тем не менее выдача универсальных электронных карт активно осуществляется в Москве и Петербурге. Москвичи рассчитываются с помощью УЭК в большинстве предприятий сферы торговли и услуг. Правительственная комиссия по использованию инфор-

мационных технологий для улучшения качества жизни приняла решение о подготовке к введению электронного удостоверения личности и выдаче универсальной электронной карты с 1 января 2015 г., сообщает пресс-служба Правительства РФ. На данный момент, с 1 января 2013 г., универсальные электронные карты выдаются гражданам России только по заявлению.

Существенным аргументом в пользу отечественных платежных систем стали последние события 2014 г., связанные с несогласием отдельных государств с политикой России на Украине, что проявилось в блокировании расчетов по системе VISA для некоторых российских коммерческих банков. Таким образом, мировое сообщество вошло в новую эпоху развития мировой финансовой системы [10], при которой платежные инструменты в рамках определенных платежных систем превращаются в оружие воздействия на страны, имеющие независимое мнение в рамках своего суверенитета.

Как заявил председатель ВТБ Андрей Костин, национальная платежная система должна быть «создана в кратчайшие сроки». Но для этого следует «отказаться от идеи создания какой-либо универсальной карты», используемой для совершения электронных платежей и идентификации личности. Как утверждает Костин, здесь речь должна идти о «минимально простой» карте.

Необходимо, чтобы ЦБ перевел расчеты с валюты в рубли со всеми торговыми партнерами, не надо ограничиваться только Таможенным союзом и СНГ. Рубли надо использовать также в Китае и ЕС. Таким способом Россия обезопасит банковский сектор страны, который Запад неоднократно угрожал уничтожить долларовыми расчетами. Сейчас половина российского экспорта и меньше половины российского импорта приходится на страны еврозоны и долларовую зону. Например, на Соединенные Штаты как таковые приходится всего 2% российского экспорта и 5% импорта. Целесообразно перейти на расчеты в рублях российским экспортным компаниям [3].

Рис. 3. Внешний вид универсальной электронной карты

Между тем национальная платежная система находится только в начале пути. Так, Банк России предлагает предусмотреть функционирование национальной системы платежных карт (НСПК) с 1 июля 2015 г. Оператором НСПК будет являться некоммерческая организация, учреждаемая Банком России совместно с кредитными организациями.

Комитет Госдумы по финансовым рынкам 2 апреля 2014 г. поддержал соответствующий законопроект. Предлагается два пути создания НСПК: на базе уже

существующего проекта УЭК и на базе мегарегулятора. В работе с НСПК смогут участвовать и международные платежные системы, но при этом они не должны иметь контрольного пакета в проекте. На рынке кроме Visa и MasterCard существует несколько других платежных систем, в том числе международных, и со всеми ними предполагается работать.

Также предлагается перенести процессинговые центры, которые обеспечивают информационное и технологическое взаимодействие между участниками

расчетов, на территорию России [8]. Сейчас они находятся за пределами нашей страны.

Главной проблемой при формировании новой платежной системы является то, что в России не производятся карточные чипы. Поэтому на их покупку Центральному банку потребуются сотни миллиардов рублей.

На создание национальной платежной системы в России, в связи с политическими событиями, представлено ограниченное количество времени. Коммерческие банки, несомненно, будут внедрять национальный проект в российскую экономику [11]. Указанием Банка России от 06.11.2014 № 3439-У определены критерии, которым должна соответствовать кредитная организация для признания ее значимой на рынке платежных услуг [12]. Другие участники российского рынка должны активно содействовать созданию такой национальной системы, потому что дальнейшее формирование стабильной и устойчивой денежно-кредитной системы России без НСПК невозможно.

Специализированная платежная система, в отличие от национальной платежной системы, представляет совокупность институтов, используемых ее участниками для перевода денежных средств между пользователями финансовой системы с целью погашения возникающих у них взаимных платежных обязательств. Исследование специализированных платежных систем позволяет заключить, что они имеют четыре основные особенности, представленные в табл. 2.

Таблица 2
Основные особенности специализированных платежных систем

1. Формальные договоренности между участниками системы	2. Согласованные и принятые технические стандарты, методы пересылки платежных распоряжений между участниками
3. Согласованные способы зачета по взаимным обязательствам участников и урегулирования проблемы с ликвидностью	4. Совокупность общих процедур и правил работы, включая график работы, критерии участия, уровень комиссии и др.

На мировом финансовом рынке происходит постоянная трансформация как национальных платежных систем, так и входящих в них специальных платежных систем. На это влияют прежде всего макроэкономические изменения, в частности интеграция финансовых рынков, развитие законодательной и нормативной базы, технический прогресс и рост конкуренции на рынке платежных услуг.

Инициаторами процесса модернизации специальных и национальных платежных систем являются основные операторы системы: Центральный банк России и пользователи – физические и юридические лица. Спецификой этого процесса является то обстоятельство, что к моменту завершения адаптации очередной СПС сразу же готовится ее новая модификация. Взаимосвязь изменений в платежных системах разного уровня как по масштабу преобразований, так и по срокам представлена в табл. 3.

В европейских странах реформирование платежных систем происходило по трем основным направлениям:

– создание и (или) совершенствование системы валовых расчетов в реальном времени по крупным платежам;

– выделение наиболее эффективно работающих специальных платежных систем в рамках национальной платежной системы;

– создание эффективных регулятивных институтов.

Таблица 3
Соотношения между специализированными и национальной платежными системами

Масштаб преобразований		
Глобальное изменение всей НПС	Совершенствование или замена одной СПС	Модернизация СПС
Срок реализации		
от 5-7 лет	от 3 - 5 лет	до 3 лет

На взгляд автора, с учетом представленного в данной статье опыта полевых учреждений Центрального банка в использовании системы «Золотая Корона», для ускоренного формирования национальной платежной системы России необходимо:

1. Учитывать прежде всего геополитические интересы России.
2. Организовать законодательную поддержку национальной платежной системе России, способствующей развитию национальной экономики.
3. Модернизировать уже существующие специализированные платежные системы.
4. Ограничить срок реализации НПС тремя годами, что согласуется с договоренностями с Китаем об укреплении статуса национальных валют.

Россия имеет все предпосылки к созданию на базе имеющегося опыта специализированных платежных систем эффективной национальной платежной системы.

Национальная платежная система России в 2015 г. направлена на то, чтобы появились новые уникальные платежные инструменты, никаким образом не зависящие от западных стран, однако при этом благотворно влияющие на банковскую систему РФ. В результате можно ожидать того, что в скором времени появятся исключительно российские кредитные карты.

Создание данной системы запланировано на текущий год, поэтому все специалисты в данной сфере деятельности должны буквально за несколько месяцев разработать уникальный проект, предполагающий формирование надежной, качественной, безопасной и действенной отдельной российской платежной системы. При этом выпускаемые карты должны быть конкурентоспособными по сравнению с теми картами, которые выпускаются США. Многие аналитики утверждают, что развитие национальной платежной системы России потребует вложения довольно значительных денежных средств, которые могут превышать даже десятки миллиардов долларов.

Национальная платежная система России в 2015 г. вызывает много различных споров среди специалистов. Дело в том, что многие уверены в том, что РФ не является еще настолько развитой страной, чтобы сформировать за короткое время такую систему, которая была бы конкурентоспособной и действенной. Однако при этом утверждается, что начинать заниматься ее разработкой и усовершенствованием нужно уже сейчас, чтобы в ближайшем будущем можно было эффективно пользоваться ею.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 29.12.2014) «О национальной платежной системе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2015).
2. Федеральный закон от 05.05.2014 № 112-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».
3. Никонова Я.И., Казаков В.В. Механизм финансового обеспечения инновационной деятельности экономических систем // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364. С. 127–133.
4. Гоманова Т.К., Лук'янова З.А. Кредитный рынок: региональный аспект. Уфа : Инфинити, 2013. 152 с.
5. Тарасова Г.М. Анализ теоретических подходов к формированию и реализации денежно-кредитной политики в странах мира // Вестник НГУЭУ. 2012. № 3. С. 78–82.
6. Шмырева А.И., Кудайберген К.К. Особенности валютного регулирования и контроля в отдельных странах // Ежемесячный финансовый журнал «Банки Казахстана». 2009. № 3. С. 42–43.
7. Гришанова А.В., Савиных В.Н. Стратегия формирования ценового преимущества коммерческого банка // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2008. Т. 2, № 2. С. 183–187.
8. Гришанова А.В. О спред-методике преимущественного ценообразования коммерческого банка // Сибирская финансовая школа. 2006. № 3. С. 96–101.
9. Иvasенко А.Г. Рынок ценных бумаг: инструменты и механизмы функционирования : учеб. пособие / А.Г. Иvasенко, Я.И. Никонова, В.А. Павленко. М., 2005.
10. Звонников В.И. Современные модели разработки и совершенствования систем менеджмента / В.И. Звонников, В.А. Нефедов, А.А. Сафонов. М. : ГУУ, 2010.
11. Иvasенко А.Г., Никонова Я.И., Плотникова Е.Н. Разработка управленческих решений : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2011.
12. Указание Банка России от 06.11.2014 № 3439-У «О порядке признания Банком России кредитных организаций значимыми на рынке платежных услуг» (Зарегистрировано в Минюсте России 03.12.2014 № 35075).

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 7 апреля 2015 г.

FORMATION OF THE NATIONAL PAYMENT SYSTEM IN RUSSIA BASED ON THE EXPERIENCE OF SPECIALIZED PAYMENT SYSTEMS

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 165–171. DOI: 10.17223/15617793/395/28

Grishanova Aleksandra V. Novosibirsk State University of Economics and Business Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: 111944@mail.ru

Keywords: payment systems; bank cards; salary projects; universal electronic card processing centers.

At the VTB investment forum “Russia Calling”, Russian President Vladimir Putin reported the establishment of mechanisms that provide “an ability to make transactions using plastic cards of leading payment systems even in the case of domestic banks disconnection”. Earlier, the President enacted a bill on the establishment of the National Payment System on May 5, 2014. The law aimed at securing money transfers through the Russian Payment System. These events were a reaction of the Russian Government on the Visa and Master Card management actions that, under the United States sanctions, ceased to serve cards of a number of Russian banks. The law obliged all foreign payment systems to make a security deposit quarterly from July 1 in the amount of 25 % of the average daily turnover to a special account in the Bank of Russia. In response to this law, the CEO of Visa reported a possible cessation of work in Russia, as the new security deposits are several times higher than the company’s annual income in Russia. Later, Visa and MasterCard came to an agreement with the Russian authorities on the new working conditions in the territory of the country. The author takes into account the experience of the Central Bank field agencies in using “Zolotaya Korona” system. In her opinion, to accelerate the formation of the National Payment System, Russia has to: 1) take the geopolitical interests of Russia into account; 2) organize the legislative support of the National Payment System in Russia as it contributes to the development of the national economy; 3) upgrade the existing specialized payment solutions; 4) limit the NPS realization to three years, which is consistent with China agreements on strengthening the national currencies status. Russia has all the conditions to establish an efficient national payment system basing on the experience of specialized payment systems. In 2015, the Russian National Payment System aims to establish new unique payment tools independent from the western countries, yet beneficially influencing the Russian Federation banking system. As a result, it is possible to expect that in a short time exceptionally Russian credit cards will appear. The creation of this system is planned for the current year; therefore, in a few months all specialists in this sphere must literally develop a unique project which assumes the establishment of a reliable, high-quality, safe, efficient and independent Russian payment system. The issued cards must be competitive in comparison with cards the USA produces. Many analysts assert that the development of the Russian National Payment System will require investment of significant funds which can exceed tens of billions of dollars. The Russian National Payment System causes many disputes among the experts in 2015. The fact is that many of them are sure that the Russian Federation is not so developed to create a competitive and efficient system in such a short time. It is yet asserted that it is necessary to begin to develop and improve the system now to be able to use it efficiently in the near future.

REFERENCES

1. Federal Law of 27.06.2011 no. 161-FZ (ed. on 29.12.2014) “On the National Payment System” (rev. and ext., in force sine 03.01.2015). (In Russian).
2. Federal Law of 05.05.2014 no. 112-FZ (ed. on 12.22.2014) “On Amendments to the Federal Law “On the National Payment System” and Some Legislative Acts of the Russian Federation”. (In Russian).
3. Nikonova Ya.I., Kazakov V.V. Mechanism of financial security of innovative activity of economic systems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2012, no. 364, pp. 127–133. (In Russian).
4. Gomanova T.K., Luk’yanova Z.A. *Kreditnyy rynok: regional’nyy aspekt* [Credit market: a regional perspective]. Ufa: Infiniti Publ., 2013. 152 p.

5. Tarasova G.M. Analysis of theoretical approaches to forming and implementation of monetary policy in countries of the world. *Vestnik NGUEU – Vestnik NSUEM*, 2012, no. 3, pp. 78–82. (In Russian).
6. Shmyreva A.I., Kudaybergen K.K. Osobennosti valyutnogo regulirovaniya i kontrolya v otdel'nykh stranakh [Features of currency regulation and control in certain countries]. *Banki Kazakhstana*, 2009, no. 3, pp. 42–43.
7. Grishanova A.V., Savinykh V.N. Strategiya formirovaniya tsenovogo preimushchestva kommercheskogo banka [Strategy of formation of the price advantage of a commercial bank]. *Interespo Geo-Sibir'*, 2008, v. 2, no. 2, pp. 183–187.
8. Grishanova A.V. O spred-metodike preimushchestvennogo tsenoobrazovaniya kommercheskogo banka [On the spread-method of pricing in a commercial bank]. *Sibirskaya finansovaya shkola – Siberian Financial School*, 2006, no. 3, pp. 96–101.
9. Ivasenko A.G., Nikonova Ya.I., Pavlenko V.A. *Rynok tsennykh bumag: instrumenty i mekhanizmy funktsionirovaniya* [Securities market: tools and mechanisms of functioning]. Moscow: Knorus Publ., 2005. 272 p.
10. Zvonnikov V.I., Nefedov V.A., Safonov A.A. *Sovremennye modeli razrabotki i sovershenstvovaniya sistem menedzhmenta* [Current models of development and improvement of management systems]. Moscow: GUU Publ., 2010. 362 p.
11. Ivasenko A.G., Nikonova Ya.I., Plotnikova E.N. *Razrabotka upravlencheskikh resheniy* [Development of managerial decisions]. Moscow: Knorus Publ., 2011. 168 p.
12. The Bank of Russia Order of 06.11.2014 no. 3439-U “On the Recognition by the Bank of Russia of Credit Institutions Relevant for the Market of Payment Services” (Registered in the Ministry of Justice of Russia on 03.12.2014 no. 35075). (In Russian).

Received: 07 April 2015

ПАРАДОКС ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ В МИРЕ И В РОССИИ

Работа подготовлена в рамках Государственного контракта с Национальным фондом подготовки кадров.

В мировой экономической науке на сегодняшний день разработан целый ряд методов оценки влияния информационных технологий на производительность фирм, а равно и анализа экономических механизмов, определяющих такое влияние. Группе исследователей удалось провести эмпирическую оценку влияния инвестиций в информационные технологии на производительность российских предприятий. В результате впервые в России была продемонстрирована положительная отдача от вложений в информационные технологии на уровне предприятия. Также удалось выявить некоторые особенности организационных механизмов, обеспечивающих производительное использование этих технологий в условиях России.

Ключевые слова: информационные технологии; производительность; комплементарные взаимосвязи; организационный капитал; человеческий капитал.

Парадокс производительности как научная проблема

Информационные технологии уже несколько десятилетий рассматриваются в качестве важного рычага повышения производительности, как на уровне отдельного предприятия, так и на уровне экономики в целом. Но это повышение достигается отнюдь не автоматически – высокий риск проектов в сфере ИТ и трудности измерения экономического эффекта, даже если таковой достигнут, являются сегодня общим местом. В результате вопрос о влиянии вложений в ИТ на производительность предприятия был и остается далеко не очевидным. В то же время за последние 20 лет экономическая наука разработала целый ряд методов теоретического и эмпирического анализа производительности ИТ на предприятиях.

Проблема отдачи от вложений в ИТ остается актуальной на протяжении по меньшей мере 30 лет. Первые исследования, как правило, отмечали отсутствие эмпирически наблюдаемой связи между инвестициями в ИТ и производительностью (прибыльностью) фирмы (см., например, [1–3]). Совокупность этих исследований породила хорошо известный «парадокс производительности ИТ», который нобелевский лауреат Р. Солоу сформулировал так: «Мы видим компьютерный век везде, кроме статистики производительности» [4]. Вместе с тем уже в начале 1990-х гг. появились два новых теоретических подхода, которые затем стали основными в исследовании данной области. Первый из них связан с представлением об ИТ как о технологии общего назначения, подобной паровой машине в конце XVIII в. или электричеству в конце XIX в. Такая технология приносит эффект не сама по себе, а посредством вновь создаваемых прикладных технологий [5]. Этот подход, носящий во многом общеориентированный характер (хотя позже в рамках данного подхода появились как более близкие к практике теоретические работы, так и эмпирические исследования, в частности, [6]), выходит за рамки настоящей работы.

Значительно большее влияние приобрела теория комплементарных взаимосвязей в современном производственном производстве, впервые предложенная

в [7]. Согласно авторам, обрабатывающая промышленность переживает новую революцию. В качестве её основных черт они видят следующие:

1. Замена специализированного оборудования для массового производства гибким программируемым оборудованием, способным выполнять несколько различных задач.
2. Переход от поточного производства ограниченного ассортимента продукции к производству широкой номенклатуры товаров небольшими партиями.
3. Переход к командной работе, причем, команды могут пересекать границы подразделений организации.
4. Гибкая организация рабочих мест и должностных обязанностей.

5. Доминирование в оплате показателей производительности и приобретенных навыков, а также целый ряд других особенностей.

Таким образом, П. Милгром и Дж. Робертс выдвинули гипотезу о том, что экономическая эффективность ИТ в фирме обусловлена подкреплением внедрения ИТ адекватными институциональными изменениями. Эта гипотеза получила эмпирическую проверку в ряде последующих работ.

Оценка влияния ИТ на производительность в модели производственной функции

Одним из первых современных подходов к оценке производительности ИТ стало использование аппарата производственных функций. Именно этот подход был использован в работе с характерным названием «Paradox lost?» («Парадокс исчез?») [8]. Новизна подхода состояла в том, что капитал и труд в производственной функции Кобба–Дугласа разделялись на две составляющие каждый: компьютерный капитал и прочий капитал, компьютерный труд и прочий труд, включая и иные, не связанные с трудом, текущие расходы. В результате получалось уравнение следующего вида:

$$Q = e^{\beta_0} C^{\beta_1} K^{\beta_2} S^{\beta_3} L^{\beta_4}, \quad (1)$$

где Q – выпуск фирмы; C – компьютерный капитал; K – прочий капитал; S – труд в ИТ-службе; L – про-

чий труд и иные расходы, включая в том числе и все материальные затраты; β_0 – псевдопеременная, характеризующая год и отрасль; β_1 – β_4 – эластичность выпуска по соответствующей переменной.

Перейдя к логарифмам и добавив псевдопеременные, характеризующие год и отрасль, получим систему из пяти уравнений следующего вида:

$\ln Q_{it} = \beta_0 + \beta_1 + \beta_2 \ln C_{it} + \beta_3 \ln K_{it} + \beta_4 \ln L_{it} + \varepsilon_t$ (2),
где Q , C , K , S , L , β_1 – β_4 имеют тот же смысл, что и в уравнении (2.1); $\beta_0 = 87, \dots, 91$ – индекс года; β_i – индекс отрасли; ε_t – случайная ошибка для года t .

Исходя из числа лет наблюдений, в системе пять уравнений. Оценка этих уравнений проводилась методом ISUR¹, позволяющим учесть возможную корреляцию между случайными ошибками разных лет.

Данные модели получены путем объединения базы данных Compustat, содержащей основные финансовые показатели фирм, и данных опроса компании IDC по расходам фирм на ИТ [9].

Расчеты авторов привели к следующим результатам:

1. Эластичность выпуска по компьютерному капиталу составила 0,0169. С учетом того, что компьютерный капитал составляет в среднем 2,09% совокупного капитала фирмы, каждый доллар вложений в компьютерный капитал обеспечивает увеличение выпуска в среднем на 81 цент в год². Т-статистика составила 3,92, что означает значимость на 1%-м уровне.

2. Эластичность выпуска по затратам на персонал ИТ-службы составила 0,0178, т.е. доллар заработной платы ИТ-персонала обеспечивал прирост выпуска на 2,62 доллара. Т-статистика составила 3,38, что означает значимость на 1%-м уровне.

3. Исходя из рассчитанных эластичностей, чистый продукт труда ИТ-службы составляет 1,62 долл. По критерию χ^2 гипотеза о том, что чистый продукт не больше 0, отвергается на 5% уровне значимости.

4. Аналогичным образом авторы рассчитали чистый продукт компьютерного капитала. В данном случае следует учесть, что компьютерный капитал – это запас, а выпуск – это поток. Исходя из среднего срока использования компьютерного капитала в 7 лет (данные Бюро экономического анализа США за 1987 г.), чистый продукт последнего был оценен в 67%, по критерию χ^2 эта цифра значима на 1% уровне. Исходя из консервативной оценки времени жизни компьютерного капитала в 3 года, чистый продукт последнего был оценен в 48% (значим на 5% уровне). Проблему дополнительных расходов на компьютерный капитал, выходящих за рамки амортизации, авторы рассматривают на качественном уровне и не учитывают в своих количественных оценках.

Таким образом, в работе [8] впервые были получены результаты, с высокой надежностью подтверждающие наличие экономического эффекта от использования ИТ.

В дальнейших исследованиях, например, [10], использовалась более простая производственная функция вида

$$Q = A(i, j, t) * K^{\beta_k} * L^{\beta_L} * C^{\beta_C} \quad (3),$$

где Q – выпуск фирмы; K – обычный капитал; L – труд; C – компьютерный капитал; β_k , β_L и β_C – сте-

пенные коэффициенты при соответствующих переменных, i , j , t – индексы отрасли, фирмы и года соответственно, $A(i, j, t)$ – массив переменных, характеризующих неучтенные факторы производства, такие как вложения фирмы в комплементарные активы.

В этом случае авторам удалось не только подтвердить положительную отдачу от ИТ, но и продемонстрировать значительный лаг между приростом компьютерного капитала и отдачей в виде прироста выпуска. Q , K , L и C включались в уравнение в виде разностей за определенный промежуток времени и коэффициенты β_k , β_L и β_C , а также их значимости устойчиво возрастили.

Таким образом, аппарат производственных функций, примененный к данным отдельных фирм, позволил убедительно продемонстрировать наличие положительной отдачи от вложений в ИТ. В то же время, производственная функция не могла объяснить значительный разброс в результатах использования ИТ различными фирмами. Ответ на этот вопрос могло дать исследование механизмов, определяющих влияние ИТ на выпуск фирмы, и эта работа была проведена в рамках исследования вложений в активы, комплементарные ИТ.

Исследование комплементарных взаимосвязей между ИТ и другими активами

С момента выхода работы [7] встал вопрос об эмпирическом подтверждении комплементарных взаимосвязей между компьютерным капиталом, организационным капиталом, портфелем выпускаемых продуктов и, возможно, иными активами предприятия. Одной из первых эмпирических работ этого направления стала [11], где различными способами были продемонстрированы взаимосвязи между вложениями в ИТ, организацию рабочего места и спросом на квалифицированный труд, а также совместное влияние этих факторов на производительность фирмы.

Для измерения вложений в комплементарные организационные практики, авторы выбрали определенный набор практик, которые по результатам предшествующих работ рассматривались как комплементарные использованию ИТ, и оценили их распространенность среди выборки из более 300 крупных фирм США. Распространенность оценивалась в баллах по шкале Ликерта, данные собирались путем анкетирования топ-менеджеров фирм. Накопленный уровень человеческого капитала измерялся через образовательный уровень и процентное соотношение рабочих мест различных типов – неквалифицированные рабочие, квалифицированные рабочие, клерки, профессионалы и менеджеры. Для измерения инвестиций в человеческий капитал использовалось проведение фирмой оценки образовательного уровня кандидата при найме на работу, доля рабочих, для которых проводится обучение, обучение смежным профессиям. Компьютерный капитал оценивался как по стоимости, так и в натуральных показателях: вычислительная мощность в миллионах инструкций в секунду и число ПК.

Расчеты проводились по трем направлениям. Прежде всего, анализировалась корреляция между

переменными модели. Для целого ряда показателей, относящихся к разным группам (компьютерный капитал, организационный капитал, человеческий капитал), такие корреляции были обнаружены. Далее были оценены функции спроса на компьютерный капитал в зависимости от значений более консервативных элементов – человеческого и организационного капитала.

Для устранения влияния посторонних факторов, в функцию включали также псевдопеременные, характеризующие размер фирмы, отрасль и тип производственного процесса. Полученный набор показателей объяснял величину компьютерного капитала с удовлетворительным уровнем значимости, подтверждая наличие комплементарных взаимосвязей.

Наконец, был оценен набор производственных функций, в котором компьютерный капитал, обычный капитал, труд и показатели человеческого и организационного капитала объясняли добавленную стоимость, созданную фирмой. В качестве начального приближения была взята функция, аналогичная (3), т.е. не включающая компьютерный и организационный капитал, далее в ней включались соответствующие переменные. Показатели организационного и человеческого капитала увеличивали коэффициент детерминации, коэффициенты при этих показателях были значимы.

Таким образом, в работе [11] различными методами было подтверждено наличие комплементарных взаимосвязей между инвестициями в ИТ, организацию рабочего места и компьютерный капитал.

Альтернативным подходом к эмпирической проверке комплементарных взаимосвязей в данной области стало так называемое отношение Q , предложенное Дж. Тобином. Отношение Q представляет собой отношение рыночной и бухгалтерской стоимости активов фирмы:

$$Q = \frac{E_M + L_B}{E_B + L_B} \quad (4)$$

где E_M – рыночная стоимость акционерного капитала; L_B – бухгалтерская стоимость долга; E_B – бухгалтерская стоимость акционерного капитала.

Идея Дж.Тобина состоит в том, что фондовый рынок оценивает в качестве актива то, что реально генерирует денежный поток, вне зависимости от отражения в бухгалтерском учете. Соответственно, $q < 1$ означает, что некоторые активы фирмы не приносят дохода и, следовательно, не являются активами с экономической точки зрения. Сходным образом $q > 1$ означает наличие определенных нематериальных активов, не отражаемых в бухгалтерском балансе, но оцениваемых фондовым рынком наряду с прочими. В частности, именно к таким активам могут относиться организационный и человеческий капитал.

В [12] капитализация фирмы рассматривалась как зависимая переменная, а в качестве объясняющих переменных рассматривались инвестиции в ИТ, организационный капитал и человеческий капитал. Измерители организационного и человеческого капитала были близки к таковым в [11]. Как зависимая, так и объясняющие переменные брались не в абсолютных значениях, а в отклонениях от среднего. Результаты исследований в обобщенном виде представлены на Рис. 1.

В результате было обнаружено следующее:

– Коэффициент регрессии при компьютерном капитале без включения организационного и человеческого капитала крайне высок (более 10);

– При включении в уравнение организационного капитала и человеческого капитала коэффициент регрессии снижается в несколько раз, приближаясь в ряде расчетов к 1;

– У всех переменных, характеризующих организационный капитал, наблюдалась значимая на 1%-м уровне корреляция с компьютерным капиталом;

– Переменные, характеризующие человеческий капитал, коррелировали с компьютерным капиталом на 5%-м уровне значимости.

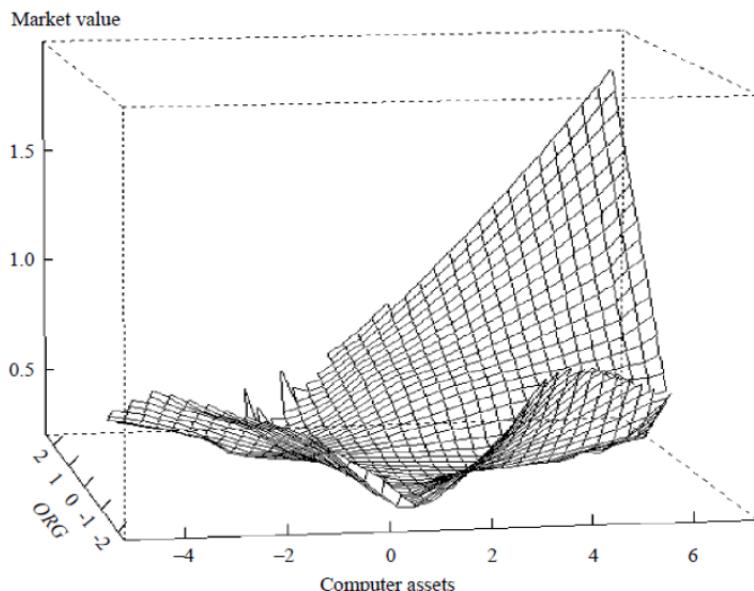

Рис. 1. Компьютерный капитал, организационный капитал и рыночная стоимость фирмы

Таким образом, удалось показать, что при инвестициях в ИТ значительное повышение капитализации фирмы обеспечивается при условии вложений в организационный и человеческий капитал, комплементарный компьютерному капиталу.

Исследования производительности ИТ в России

Подобные исследования представляют значительную актуальность и для России. Даже если не ставить под сомнение положительное влияние ИТ на производительность, остается открытым вопрос о механизмах, обеспечивающих на основе ИТ реальное повышение эффективности и прибыльности предприятия. Первым неизбежный вопрос – существует ли сам эффект как таковой. Именно этот вопрос поставила в центр своей работы группа исследователей под эгидой МФТИ, получившая название ITValue.ru.

В ответе на этот вопрос наибольшую практическую сложность представляет собой проблема данных. Зарубежные работы, в частности, [10–12], опираются на развитые коммерческие базы данных фирм, содержащие не только основные бухгалтерские показатели в стандарте Общепризнанных принципов бухгалтерского учета США (GAAP), такие, как выручка, материальные затраты, заработка плата, прибыль и т.д., но и подробные данные по использованию ИТ, например, количество персональных компьютеров, серверов и периферийных устройств на различных площадках предприятия. Благодаря этому, опросы и анкетирование используются только для сбора данных об организационном и человеческом капитале – нематериальных активах, не отражаемых в бухгалтерском учете и оцениваемых косвенным путем.

В России проблемы возникают уже на уровне бухгалтерских данных. В наибольшей степени отличается от общепризнанных стандартов учета показатель прибыли. Последняя для российского предприятия определяется не столько его реальным финансовым состоянием, сколько взаимоотношениями с налоговым ведомством. Далее, согласно российским правилам бухгалтерского учета, управленические, а равно и коммерческие расходы могут отражаться как на соответствующих статьях отчета о прибылях и убытках, так и на статье «Основное производство». В последнем случае любая из этих статей или обе сразу могут быть нулевыми. Определенные трудности вызывает и показатель заработной платы, значительная часть которой может выплачиваться «неофициальным» способом. Однако последний фактор не мешает использованию труда в исследовании производственных функций в России, см., например, [13]. В то же время, выручка и активы с определенными допущениями пригодны для исследования.

Отдельную проблему представляет собой расчет компьютерного капитала. Определение компьютерного капитала тоже весьма неочевидно. По логике теоретических работ, в частности, [7], под компьютерным капиталом следует понимать все материальные и нематериальные активы, относящиеся к сфере ИТ, – как минимум, все оборудование и программное обеспечение. Между тем, в работах [8, 10–12], а также в

целом ряде других под компьютерным капиталом понимаются только расходы на оборудование рабочих мест, серверное оборудование и периферийные устройства, не включая ни программного обеспечения, ни коммуникационного оборудования. Противоречие между данным подходом и работами по теории комплементарности состоит в том, что в отсутствие прикладного программного обеспечения оборудование (в данную статью может входить и соответствующее системное программное обеспечение) заведомо не может приносить прибыль, т.е. не является капиталом в экономическом смысле. Аналогичным товаром-комплементом выступает и коммуникационное оборудование, хотя бы в той мере, в какой интернет рассматривается как одна из составляющих ИТ. Еще большую трудность для данного подхода представляют массовый переход фирм к аутсорсингу ИТ. Теоретически, при полном аутсорсинге компания может вообще не владеть компьютерным оборудованием, получая доступ к нему как услугу. В этом случае компьютерный капитал по Э.Бринойлфсону и его коллегам будет равен нулю, но при этом фирма может быть крупным потребителем ИТ.

Вся эта совокупность проблем привела к практическому отсутствию эмпирических исследований производительности ИТ на больших выборках предприятий. Автору известны исследования исключительно на уровне экономики в целом, в частности, [16].

Для этих проблем были найдены следующие решения:

1. Эконометрическое исследование было ограничено анализом производственной функции, не чувствительной к качеству данных по прибыли.

2. Недостаток данных по компьютерному капиталу и его составляющим был восполнен широкомасштабным анкетированием российских предприятий на тему размера и структуры их ИТ-бюджетов.

3. В качестве приближения компьютерного капитала был использован показатель эксплуатационных расходов предприятия на ИТ. Значительная часть расходов на поддержку находится в прямой пропорции к установленной базе оборудования и программного обеспечения (17–20% от объема оборудования и / или программного обеспечения). Затраты на ИТ-персонал тоже находятся в определенной пропорции к установленному оборудованию и программному обеспечению. Сходным образом, затраты предприятия на аутсорсинг ИТ-услуг тоже находятся в определенной пропорции к используемому компьютерному капиталу. Следует отметить, что собственно коэффициент пропорциональности между компьютерным капиталом и эксплуатационными расходами не имеет принципиального значения, поскольку чем выше данный коэффициент, тем ниже коэффициент регрессии. Расчеты проводились из предположения, что коэффициента пропорциональности равен 5, т.е. эксплуатационные расходы по предположению составляют 20% величины компьютерного капитала.

Более подробно методология настоящего исследования изложена в [14].

В ходе расчетов на основе модели производственной функции, аналогичной (3), на выборке 170 рос-

сийских предприятий были получены положительные и значимые на 5%-м уровне коэффициенты при компьютерном капитале. В то же время, вынужденное включение в выборку предприятий самого разного размера потенциально могло привести к неоднородности исходных данных и, как следствие, к недостоверности полученных результатов. С этой целью была проведена группировка предприятий по размеру, исходя из численности занятых, ФОТ и численности ИТ-сотрудников. Во всех группах, кроме «крупнейшие», коэффициент при компьютерном капитале оказался значимым по меньшей мере на 10%-м уровне. Незначимость коэффициента в группе крупнейших предприятий, по всей вероятности, связана с малой численностью группы, где оказалось всего 11 предприятий.

Таким образом, положительная отдача от вложений в ИТ была подтверждена и для российских предприятий.

Значительно более сложной задачей оказался анализ механизмов, влияющих на производительность ИТ. Как показано в [17], в этой области велика страновая специфика, вследствие чего системы взаимосвязанных практик, успешные в одной стране, могут не оказаться таковыми в другой. По этой причине первым шагом в изучении активов, комплементарных ИТ, становится исследование самих организационных практик на материалах анализа отдельных предприятий или узких подотраслей. Именно на такие исследования ссылаются авторы [11] и [12], обосновывая выбор организационных практик и показателей измерения человеческого капитала, комплементарных ИТ. В России эта работа на сегодняшний день практически не начата. Одним из первых результатов стал анализ организационных практик, комплементарных внедрению контроллинга бизнес-процессов в крупной нефтяной компании, проведенный в рамках проекта ITValue.ru. В частности, удалось выявить и обосновать необходимость следующих организационных практик:

- Внедрение на предприятии культуры измерения результативности сотрудников и процессов в целом;
- Систему мотивации сотрудников, основанную на результатах бизнес-процессов и вкладе конкретных сотрудников или групп в эти результаты;
- Создание центра компетенции по процессам предприятия.

Более подробно это исследование описано в [18].

Хотя речь сегодня идет о результатах анализа отдельного примера, тем не менее, в этом примере получены обнадеживающие результаты в области выяв-

ления комплементарных взаимосвязей организационных практик друг с другом, а также с ИТ-сервисами.

Таким образом, команда проекта ITValue.ru, в которую входит и автор настоящей работы, получила первые результаты измерения производительности ИТ на уровне предприятий. Результаты можно разделить на две группы: во-первых, эконометрическое исследование влияния величины компьютерного капитала на выпуск фирм, во-вторых, отработку на конкретном примере методики анализа комплементарных взаимосвязей между компьютерным, организационным и человеческим капиталом.

Заключение

Среди результатов данной работы можно выделить следующие:

1. Проведен анализ подходов и моделей, разработанных в мировой экономической теории в рамках исследования так называемого парадокса производительности ИТ (парадокса Солоу) на уровне фирмы. Хотя такой анализ не относится к самостоятельным исследованиям, он, насколько известно автору, проведен впервые в российской практике.

2. Разработано оригинальное определение компьютерного капитала как всей совокупности ИТ-активов, используемых предприятием, а также найдено количественное приближение компьютерного капитала в данном понимании (эксплуатационные расходы на ИТ).

3. Построена производственная функция, оценивающая вклад компьютерного капитала в выручку российских предприятий. Анализ построенного регрессионного уравнения показал положительное и значимое влияние компьютерного капитала на выпуск. С учетом того, что в выборку были включены предприятия разного размера, выборка была разбита на несколько размерных групп. Во всех группах, кроме крайне небольшой группы крупнейших предприятий, соответствующие коэффициенты оказались положительны, значимы и сравнительно близки по своим значениям.

Таким образом, настоящая работа представляет собой первый шаг в исследовании вклада информационных технологий в производительность российских предприятий. В рамках этого шага в российский научный оборот введены основные подходы и результаты зарубежных исследований данной проблемы, а также эмпирически продемонстрировано на большой выборке российских предприятий положительное влияние компьютерного капитала на производительность предприятия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ISUR – Iterated Seemingly Unrelated Regressions, итеративная оценка системы слабо связанных регрессионных уравнений.

² Эластичность выпуска по компьютерному капиталу определяется как $\frac{\Delta Q}{Q} / \frac{\Delta C}{C} = \frac{\Delta Q}{\Delta C} \frac{C}{Q} = 0,0169$. Разделив обе части на $\frac{C}{Q}$, получим $\frac{\Delta Q}{\Delta C} = \frac{0,0169}{0,0209} \approx 0,81$.

ЛИТЕРАТУРА

1. Loveman Gary. An Assessment of Productivity Impact of Information Technologies, pp. 84-110 // In Information Technology and the Corporation of 1990s. Oxford : Oxford University Press. 1994. 532 p.

2. Roach Stephen. America's Technology Dilemma: a Profile of the Information Economy. Morgan Stanley Special Economic Study. 1987. 29 p.
3. Strassman Paul. The Business Value of Computers. New Canaan : The Information Economics Press. 1990. 530 p.
4. Solow Robert. We'd Better Watch Out // New York Times Book Review. 12 July 1987.
5. David Paul. The Dynamo and the Computer: An Historical Perspective to the Modern Productivity Paradox // American Economic Review. 1990. V. 80. № 2. P. 355–361.
6. Bresnahan Timothy, Shane Greenstein, David Brownstone, Ken Flamm. Technical Progress and Co-Invention in Computing and in the Uses of Computers // Brookings Papers of Economic Activity. Microeconomics. Washington, DC: Brookings Institution. 1996. T. 1996.
7. Milgrom Paul, John Roberts. The Economics of Modern Manufacturing: Technology, Strategy and Organization. American Economic Review. 1990. V. 80. № 3. P. 511–528.
8. Brynjolfsson Erik, Lorin Hitt. Paradox Lost? Firm-Level Evidence of the Returns to Information Systems Spending // Management Science – Apr. 1996. V. 42. No. 4. P. 541–558.
9. IDC, U.S. Information Technology Spending Patterns 1969–1991 // IDC Special Report #5368, 1991.
10. Brynjolfsson Erik, Hitt Lorin. Computing Productivity: Firm-Level Evidence // Review of Economics and Statistics – 2003. V. 85. № 4. P. 793–808.
11. Bresnahan Timothy, Brynjolfsson Erik, Hitt Lorin. Information Technology, Workplace Organisation and Demand for Skilled Labor: an Empirical Evidence. Quarterly Journal of Economics. 2002. V. 117. № 1. P. 339–376.
12. Brynjolfsson Erik, Lorin Hitt, Shinku Yang. Intangible Assets: Computers and Organisation Capital // Brookings Papers on Economic Activity. 2002. № 1. P. 137–198.
13. Замков О.О., Толстопяченко А.В., Черемных Ю.Н. Математические методы в экономике : учеб. 2-е изд. М. : Дело и сервис, 1998. 368 с.
14. Зимин К.В., Маркин А.В., Скрипкин К.Г. Влияние информационных технологий на эффективность российского предприятия: методология эмпирического исследования. // Бизнес-информатика. 2012. № 1 (19). С. 40–48.
15. Островерх А.И., Сычев В.Н., Костюков В.Д., Селиверстов А.И. Результаты анализа деятельности РКЗ ГКНПЦ им. М.В. Хруничева по внедрению информационных технологий // Информационные технологии в проектировании и производстве. 2005. № 14 (55). С. 7–22.
16. Перминов С.Б. Информационные технологии как фактор экономического роста. М. : Наука, 2007. 195 с.
17. Milgrom P., Roberts J. Complementarities and Fit: Strategy, Structure and Organizational Change in Manufacturing. Journal of Accounting and Economics. 1995. V. 19. P. 179–208.
18. Лугачев М.И., Скрипкин К.Г., Ананьев В.И., Зимин К.В. Эффективность инвестиций в ИТ : альманах лучших работ. М. : СОДИТ, 2012. С. 177–186.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 23 февраля 2015 г.

IT PRODUCTIVITY PARADOX: PRESENT STATE OF RESEARCH IN THE WORLD AND IN RUSSIA

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 172–178. DOI: 10.17223/15617793/395/29

Skripkin Kirill G. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: k.skripkin@gmail.com

Keywords: information technology; performance; complementary relationship; organizational capital; human capital.

In the early '80s the problem of return to IT investment was raised. For over a decade numerous analysts working on this problem found no positive payback of IT investment. Meanwhile, the early '90s saw new theoretical approaches, considering not only technology itself but a whole complex of IT and organizational practices as well as new skills and human capital motivation. At the same time new statistical data became available, both collected by researchers themselves and obtained from large business databases on IT usage in American and other firms. Using these new approaches and data, economists obtained new results confirming positive IT impact on firm's productivity. Firstly, they assessed the production function where the capital was divided into two categories: computer capital and the other one. The coefficient of computer capital, which proved to be positive and significant, allowed to measure directly the impact of computer capital on production and productivity. Secondly, complementary relations between different kinds of capital were investigated in a variety of ways. There is an interesting investigation method using the so-called Tobin's Q ratio, which stands for quotient of firm's market capitalization to its accounting valuation. According to this approach, $Q < 1$ means that market estimates some firm's assets lower than the same assets accounting valuation, $Q > 1$ means that some assets valued by the market are not reflected in account books. Q regression analysis across multiple firms revealed that complementary investment in computer, organizational and human capital strongly impacts the firm capitalization. In 2010–2012 and later on a Russian investigators team formed by MIPTIC used Russian firms' data in a similar research and also succeeded to draw IT positive impact on productivity. In order to do this, the group compiled the Russian firms' IT expenses database, which was first of the kind in Russia. The investigation methodology was considerably modified in two areas. Firstly, computer capital was calculated in a way incorporating kinds of computer capital that firms employed but former investigation methods missed. Secondly, Russian firms' accounting data did not match American ones, so the methodology was adapted to these discrepancies. The results again evidently demonstrated the IT investments positive impact on productivity. Empirical analysis of complementary relations within the total complex became another topic of the IT productivity research. Here investigators shed light on both organizational practices and human capital requirements, which were complementary to effective IT usage and topical primarily for USA, but also for some other countries. A number of authors empirically confirmed that joint investment in both these assets and IT impacted positively firm's productivity and capitalization. In Russia such complementary interrelations research demands first to unravel IT-related organizational practices. The first results in this field are already obtained as well.

REFERENCES

1. Loveman Gary. *An Assessment of Productivity Impact of Information Technologies*. In: Morton M.S.S. (ed.) *Information Technology and the Corporation of 1990s*. Oxford: Oxford University Press. 1994, pp. 84– 110.
2. Roach S. *America's Technology Dilemma: a Profile of the Information Economy*. Morgan Stanley Special Economic Study. 1987. 29 p.
3. Strassman P. *The Business Value of Computers*. New Canaan: The Information Economics Press. 1990. 530 p.
4. Solow R. We'd Better Watch Out. *New York Times Book Review*, 12 July 1987.
5. David P. The Dynamo and the Computer: An Historical Perspective to the Modern Productivity Paradox. *American Economic Review*, 1990, v. 80, no. 2, pp. 355–361.

6. Bresnahan T., Greenstein Sh., Brownstone D., Flamm K. Technical Progress and Co-Invention in Computing and in the Uses of Computers. In: *The Brookings Papers of Economic Activity. Microeconomics*. Washington, DC: Brookings Institution, 1996.
7. Milgrom P., Roberts J. The Economics of Modern Manufacturing: Technology, Strategy and Organization. *American Economic Review*, 1990, v. 80, no. 3, pp. 511–528.
8. Brynjolfsson E., Hitt L. Paradox Lost? Firm-Level Evidence of the Returns to Information Systems Spending. *Management Science*, Apr. 1996, v. 42, no. 4, pp. 541–558.
9. IDC, U.S. Information Technology Spending Patterns 1969–1991. IDC Special Report #5368, 1991.
10. Brynjolfsson E., Hitt L. Computing Productivity: Firm-Level Evidence. *Review of Economics and Statistics*, 2003, v. 85, no. 4, pp. 793–808.
11. Bresnahan T., Brynjolfsson E., Hitt L. Information Technology, Workplace Organisation and Demand for Skilled Labor: an Empirical Evidence. *Quarterly Journal of Economics*, 2002, v. 117, no. 1, pp. 339–376.
12. Brynjofsson E., Hitt L., Yang Sh. Intangible Assets: Computers and Organisation Capital. *Brookings Papers on Economic Activity*, 2002, no. 1, pp. 137–198.
13. Zamkov O.O., Tolstopyatenco A.V., Cheremnykh Yu.N. *Matematicheskie metody v ekonomike* [Mathematical Methods in Economics]. 2nd edition Moscow: Delo i servis Publ., 1998. 368 p.
14. Zimin K.V., Markin A.V., Skripkin K.G. IT impact on the firm productivity in Russia: methodology of empirical investigation. *Biznes-informatika – Business Informatics*, 2012, no. 1 (19), pp. 40–48. (In Russian).
15. Ostroverkh A.I., Sychev V.N., Kostyukov V.D., Seliverstov A.I. Rezul'taty analiza deyatel'nosti RKZ GKNPTs im. M.V. Khrunicheva po vnedreniyu informatsionnykh tekhnologiy [The results of analysis of the Rocket and Space Works of the State Research and Production Space Center n.a. M.V. Khrunichev in IT implementation]. *Informatsionnye tekhnologii v proektirovani i proizvodstve – Information technology of CAD/CAM/CAE*, 2005, no. 14 (55), pp. 7–22.
16. Perminov S.B. *Informatsionnye tekhnologii kak faktor ekonomicheskogo rosta* [Information technology as a factor of economic growth]. Moscow: Nauka Publ., 2007. 195 p.
17. Milgrom P., Roberts J. Complementarities and Fit: Strategy, Structure and Organizational Change in Manufacturing. *Journal of Accounting and Economics*, 1995, v. 19, pp. 179–208.
18. Lugachev M.I., Skripkin K.G., Anan'in V.I., Zimin K.V. *Effektivnost' investitsiy v IT: al'manakh luchshikh rabot* [The effectiveness of IT investments: Almanac of the best works]. Moscow: SODIT Publ., 2012, pp. 177–186.

Received: 23 February 2015

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ СТОИМОСТЬЮ КООПЕРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Представлены результаты исследования, целью которого является формирование теоретических и методологических основ управления стоимостью кооперативных организаций, что позволит обеспечить повышение результативности деятельности, а также сбалансированность социальной и предпринимательской эффективности их функционирования. В результате сформулировано определение социально-экономического потенциала, обоснована логика и элементы методологии стоимостного управления кооперативных организаций.

Ключевые слова: стоимость организации; потребительская кооперация; социально-экономический потенциал; теория и методология управления.

Современные экономические условия в России, как и в других странах, характеризуются, с одной стороны, усилением конкуренции, а с другой стороны, ограниченностью ресурсов, вследствие чего менеджмент компаний находится в постоянном поиске новых инструментов управления, способных адекватно реагировать на изменения внешней и внутренней среды. Изменение условий функционирования обуславливает развитие новых подходов к управлению компаниями, обеспечивающих эффективность и конкурентоспособность их деятельности. Так, в теории и практике управления развитие получила концепция управления стоимостью компаний, реализация которой предопределила формирование методов управления, объединенных в стоимостной подход. Основная идея стоимостного подхода заключается в следующем: стратегическую цель и критерии успешности функционирования компании характеризует ее стоимость (капитализация), что отражает перспективы роста благосостояния ее собственников.

Таким образом, в развитии методов управления стоимостью компаний заинтересованы прежде всего ее собственники. Однако механизмы влияния собственников на эффективность управления и, в конечном счете, на стоимость компании формируются под влиянием совокупности следующих факторов: организационно-правовая форма, форма собственности, вид экономической деятельности, степень регламентации деятельности законодательством, уровень социальной ответственности, приоритетность для национальной и региональной экономики. В связи с тем что вышеперечисленные факторы во всей сложности, на наш взгляд, должны учитываться при реализации стоимостного подхода, нами сформированы теоретико-методологические основы стоимостного управления применительно к деятельности организаций потребительской кооперации.

Приведем аргументы в пользу выбора кооперативных организаций в качестве экспериментальной базы разработки методов стоимостного управления. Во-первых, организации потребительской кооперации осуществляют свою деятельность в форме потребительских обществ, союзов потребительских обществ, хозяйственных обществ, созданных потребительскими обществами. Во-вторых, все перечисленные организационно-правовые формы объединены единой формой собственности – кооперативной собственностью. В-третьих, тра-

диционно организации потребительской кооперации осуществляют в рамках одного юридического лица различные виды экономической деятельности, что обуславливает необходимость оценки результативности и вклада отдельных видов деятельности в прирост стоимости компании. В-четвертых, цель функционирования кооперативных организаций, состоящая в удовлетворении социальных, экономических, культурных и других потребностей пайщиков, предопределяет необходимость обеспечения прироста и накопления собственных оборотных средств, являющихся условием реализации социальной миссии без ущерба непрерывности предпринимательской деятельности.

Научный и практический интерес к управлению организациями потребительской кооперации обосновывается также двойственным характером функционирования, отличающим их от коммерческих структур и состоящим в сочетании предпринимательской и социальной направленности деятельности. При этом предпринимательская деятельность призвана выполнять «обеспечивающую» роль, т.е. создавать финансовые ресурсы для реализации социальной деятельности. Вместе с тем многие кооперативные организации, осуществляя предпринимательскую деятельность, не способны генерировать собственные средства в объеме, достаточном для реализации социальной миссии.

Вышеперечисленные обстоятельства актуализируют задачи интенсивного поиска действенных мер, обеспечивающих условия для мобилизации внутренних резервов и увеличения собственных оборотных средств в целях финансирования социальной деятельности. Решение данных проблем во многом связано с пересмотром традиционно сложившейся практики и методов управления кооперативными организациями. В качестве одного из направлений совершенствования систем управления в потребительской кооперации нами предлагается внедрение методов стоимостного подхода, позволяющих установить причинно-следственные связи между результатами предпринимательской деятельности кооперативных организаций и потенциалом для реализации их социальной миссии.

Исследование литературы, посвященной развитию теории стоимости в управлении, позволило выделить труды ученых, являющихся основателями данного направления в экономической теории. К таким исследователям мы относим Рикардо, Мальтуса, Маркса, Менгера, Шумпетера, Маршалла и других (табл. 1).

Анализ экономических теорий, формирующих основу стоимостного управления в потребительской кооперации

Положения теории	Применение в управлении стоимостью
Давид Рикардо [1. С. 11] Стоимость товара или количество какого-либо другого товара, на которое он обменивается, зависит от относительного количества труда, которое необходимо для его производства, а не от большего или меньшего вознаграждения, которое выплачивается за этот труд	Выделение категорий «стоимость», «потребительная стоимость», «ценность»
Роберт Мальтус [2. С. 6–7] Никакой значительный и продолжительный рост невозможен без такого уровня бережливости, который ежегодно накапливает часть прибыли и создает излишек продукта сверх потребления; совершенно очевидно... что принцип сбережения разрушает стимул к производству	Применение в качестве критерия эффективности показателя «рост потребительной стоимости и ценности»
Карл Маркс [3. С. 152] Общий закон состоит в том, что все те издержки обращения, вытекающие лишь из превращения формы товара, не добавляют к нему никакой стоимости	Формирование экономико-функционального метода управления стоимостью
Карл Менгер [4. С. 120–121] Исследование причинных связей между экономическими феноменами, касающимися продуктов и соответствующих агентов производства, с целью создания теории цен, основывающейся на действительности, и охвата всех ценовых феноменов на основе единого подхода взглядом... ценность не есть нечто присущее благам или какое-либо их свойство, аналогично ценность некая, существующая независимо от благ вещь	Применение системного подхода и формирование цепочки стоимости
Йозеф Шумпетер [5. С. 63] Под «развитием» мы, следовательно, будем понимать только такие перемены в экономической жизни, которые не навязываются ей извне, а возникают по собственной инициативе изнутри	Выделение факторов экономического роста на уровне хозяйствующих субъектов
Альфред Маршалл [6. С. 315–316] Превалирует тенденция возрастания отдачи: т.е. увеличение выпуска продукции, как правило, сопровождается уменьшением удельных издержек	Установление причинно-следственной связи между эффективностью реализации потенциала и экономическим ростом

Анализ трудов перечисленных ученых позволил нам выделить аспекты, требующие развития теории и методологии управления. Во-первых, большинство управлений концепций посвящено совершенствованию организации труда, при этом игнорируется необходимость серьезных структурных изменений в отечественной институциональной среде. Во-вторых, традиционные методы управления стоимостью ориентированы на условия хозяйствования коммерческих организаций и не учитывают особенности деятельности организаций потребительской кооперации, определяющие необходимость комплексного подхода в управлении собственными оборотными средствами как основным источником финансирования социальной миссии без ущерба для непрерывности предпринимательской деятельности.

С учетом приведенных аргументов целью исследования является формирование теоретических и методологических основ управления стоимостью кооперативных организаций, обеспечивающих повышение результативности деятельности, а также сбалансированность социальной и предпринимательской эффективности их функционирования.

Таким образом, управление, нацеленное на создание стоимости, – концепция, направленная на качественное улучшение стратегических и оперативных решений на всех уровнях организации за счет концентрации усилий всех лиц, принимающих решения, связанные с ключевыми факторами стоимости. Цели управления, ориентированного на создание стоимости, заключаются в повышении эффективности деятельности

стии организации и ее структурных подразделений с точки зрения роста стоимости компании, мониторинге ведущих факторов стоимости, оценке программ и мероприятий с позиции роста стоимости компании, повышении эффективности мотивации сотрудников во взаимосвязи с повышением стоимости компаний.

В соответствии с результатами анализа эволюции управляемой науки и недостатками функциональной структуры компаний можно заключить, что управление стоимостью обеспечивает: значительное повышение результативности деятельности посредством распределения ответственности; установление параметров прозрачности управляемых решений; возможность управления по целям и разработку эффективной системы компенсации, основанной на учете вклада в рост стоимости компании; установление взаимосвязи между результативностью деятельности и приростом стоимости организаций.

Так, по мнению П.А. Левчаева, выявление основных детерминант стоимостного приращения финансовых ресурсов является в теоретико-методологическом плане весьма целесообразным, поскольку они не только определяют финансовую деятельность и прибыльность функционирования субъекта хозяйствования в финансовой среде, но и служат основными ростоформирующими обстоятельствами его развития в условиях современного этапа финансовых отношений. Ограниченность имеющихся у предприятия финансовых ресурсов вызывает проблему применимости, заключающуюся в определении оптимальной структуры активов субъекта хозяйствования [7. С. 44].

Вышесказанное позволило нам выдвинуть гипотезу о целесообразности использования в качестве критерия роста стоимости кооперативных организаций показателя, отражающего соотношение внеоборотных активов и собственных источников финансирования деятельности потребительских обществ, – наличие собственных оборотных средств.

Дело в том, что проблема формирования оптимальной структуры активов достаточно тесно связана с составом источников образования этих активов: если в структуре капитала кооперативной организации наибольший удельный вес составляют заемные средства, то достаточно сомнительны перспективы прироста стоимости. Такой вывод позволяет нам сделать модель бухгалтерского баланса, в активе которого отражено имущество, принадлежащее организации на праве собственности, а в пассиве – источники образования этого имущества. В результате моделирования можно представить оптимальную структуру активов, в основе которой соотношение между стоимостью внеоборотных активов и собственными источниками финансирования деятельности: прибыль, паевой фонд, уставный капитал, добавочный капитал, целевое финансирование.

Кроме того, метод моделирования позволил нам исследовать цепочку создания стоимости от оценки ресурсного обеспечения кооперативных организаций в частности до анализа результативности деятельности системы в целом. Для моделирования необходима информация о ресурсах, процессах и результатах функционирования организации и отдельных направлений деятельности, что обеспечивает максимально объективную диагностику состояния хозяйствующего субъекта. Изучение цепочки создания стоимости позволяет оценить рентабельность отдельных видов и направлений деятельности, а их моделирование обеспечивает обоснование мероприятий по оптимизации и сбалансированности расходов на предпринимательскую и социальную деятельность.

Руководствуясь обозначенными выше аргументами и пониманием важности управления стоимостью в деятельности кооперативных организаций, мы сформировали логическую модель реализации стоимостного подхода в управлении потребительскими обществами, учитывающую особенности деятельности и современное состояние системы потребительской кооперации (рис. 1).

Применение авторской логической модели стоимостного управления в практике управления организациями потребительской кооперации:

– определяет в качестве критерия для оценки прироста стоимости кооперативной организации величину собственных оборотных средств;

– отражает цель стоимостного управления, которая состоит в обеспечении прироста собственных оборотных средств в результате предпринимательской деятельности для обеспечения финансирования социальной деятельности;

– учитывает особенности формирования собственного капитала кооперативных организаций;

– позволяет установить причинно-следственную связь между результатами предпринимательской дея-

тельности и перспективами реализации социальной миссии;

– служит основой для разработки системы показателей, выступающих индикаторами состояния систем управления с учетом отраслевой направленности деятельности кооперативной организации.

Таким образом, нами выделены предметные области, отражающие состоятельность управлеченческих технологий, применяемых в отношении использования и распределения ограниченных ресурсов. В свою очередь, управление стоимостью в условиях функционирования кооперативных организаций определяется ресурсным обеспечением и базируется на реализации имеющегося у системы потребительской кооперации социально-экономического потенциала. Следовательно, следующим важным теоретическим аспектом, требующим исследования в контексте управления стоимостью кооперативных организаций, является развитие теории потенциала.

В этой связи важно отметить наличие некоторой несогласованности в определении содержания этой экономической категории как в теории, так и в практике. При этом сложно переоценить важность определения этой категории с позиции ее согласованности с системным представлением ресурсов, преобразование которых происходит в процессе функционирования организации, и результатов деятельности, заключающихся в положительной динамике стоимости компании.

Термин «потенциал» происходит от латинского слова *potentia* – скрытая возможность, мощность, сила. В отечественной специальной литературе термин «потенциал» используется для характеристики имеющихся в распоряжении отдельного товаропроизводителя, предприятия, корпорации, государства средств, ресурсов, которые могут быть использованы для достижения определенной цели, решения конкретной задачи [8].

В теории наиболее известен рекомендуемый Л.Н. Абалкиным, А.И. Анчишкиным ресурсный подход к измерению потенциала, в соответствии с которым в понятие производственного (экономического) потенциала входят все ресурсы, которые, будучи вовлечены в процесс производства, становятся его факторами [9. С. 14].

По мнению Р.Р. Мирошниковой, под потенциалом в широком смысле слова понимают средства, запасы, источники, которые имеются в наличии и могут быть мобилизованы, приведены в действие, использованы для достижения определенной цели, осуществления плана, решения какой-либо задачи [10. С. 6]. Ряд ученых считают производственный потенциал совокупностью ресурсов, способных производить определенное количество материальных благ.

На наш взгляд, вторая концепция наиболее обоснованна, но ресурсное толкование потенциала не характеризует его глубокой сущности и роли в развитии экономических процессов. Исследования показывают, что все элементы производственного потенциала функционируют одновременно и в тесной взаимосвязи, а достоверность и комплексность данной системы обеспечивается лишь в результате применения экономико-математических методов.

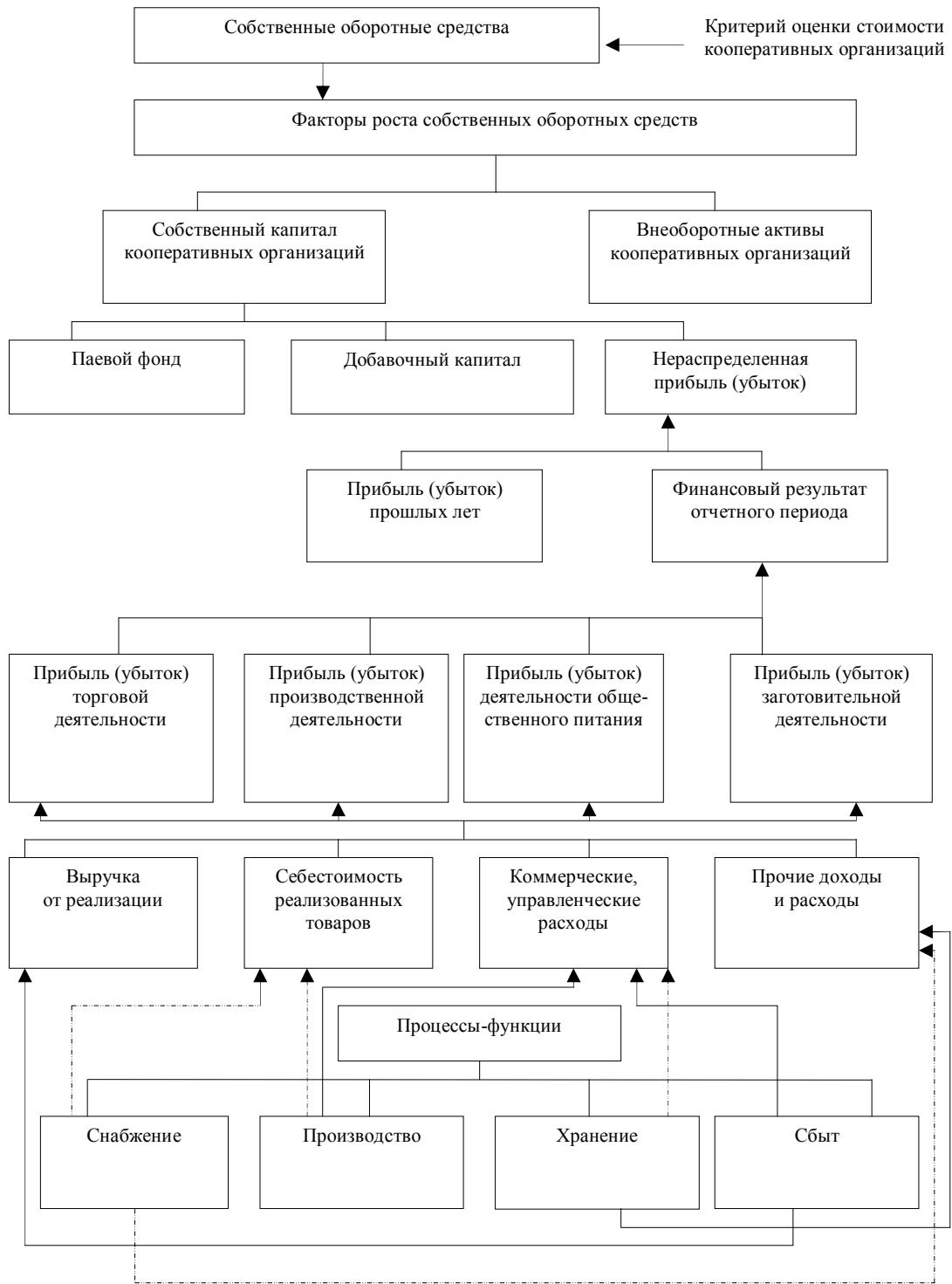

Рис. 1. Логическая модель стоимостного управления в потребительской кооперации

В последние годы мнения ученых разделились и по вопросу классификации разных видов потенциала и выделения элементов производственного потенциала – разных видов ресурсов. До 70-х гг. прошлого столетия понятие потенциала в научной литературе использовалось для характеристики экономической мощи страны, и в состав потенциала принимались элементы общественного производства прошлого и текущего периодов. Впоследствии понятие потенциала расширилось и появились категории производственного и экономического потенциала.

Р.Р. Мирошникова выделяет четыре проявления потенциала: экономический, производственный, агроэкономический, народно-хозяйственный [10]. К.М. Миско использует понятие «совокупный ресурсный потенциал», в состав которого входят: потенциал земельных, лесных, водных, минерально-сырьевых ресурсов, ресурсов животного мира, трудовой потенциал населения, фондовый потенциал, потенциал ресурсов интеллектуальной деятельности [11].

В.В. Шлычков под производственным (экономическим) потенциалом региона понимает комплекс

взаимосвязанных, расположенных на территории региона предприятий, производств, обладающих материально-техническими средствами и рабочей силой (ресурсами), способными при сложившихся объективных условиях производить строго определенный объем продукции и оказывать услуги [12. С. 25]. Определение содержит характеристику главных аспектов потенциала, который рассматривается как объективно существующая система, состоящая из нескольких взаимосвязанных элементов, каждый из которых требует правильной оценки и научно обоснованного управления.

Интерес вызывает исследование потенциала, проведенное Б.К. Плоткиным. По его мнению, любая разумная человеческая деятельность основывается на духовном и материальном потенциале. Под духовным потенциалом понимаются накопленные научные и технические знания, навыки и умения, способность генерировать идеи, творчество. Материальный потенциал выступает в виде всех форм материальных ресурсов [13].

Некоторыми учеными используется исключительно термин «экономический потенциал». Так, Е.М. Бухвальд под экономическим потенциалом понимает совокупность природных ресурсов и основных фондов [14]. В данном случае не учитываются такие составляющие потенциала, как трудовой, интеллектуальный потенциал.

Б.А. Райзберг трактует экономический потенциал как совокупную способность экономики страны, ее отраслей, предприятий, хозяйств осуществлять производственно-экономическую деятельность, выпускать продукцию, товары, услуги, удовлетворять запросы населения, общественные потребности, обеспечивать развитие производства и потребления [15].

Трактовка потенциала, приведенная выше, в полной мере встраивается в контекст нашего исследования, так как потенциал отражает способность удовлетворять потребности населения, общественные потребности, что находится в сфере социальной деятельности, осуществляющей системой потребительской кооперации.

По мнению некоторых исследователей, экономический потенциал характеризуется производственными и экономическими отношениями, возникающими между отдельными работниками, трудовыми коллективами, а также управленческим аппаратом предприятий, организаций, отдельных отраслей, народного хозяйства в целом по поводу полного использования их способностей к созданию материальных благ и услуг [16].

Ряд экономистов считают понятие экономического потенциала более широким, чем понятие производственного потенциала. При этом в экономический потенциал включаются социально-политические и культурные возможности общества, а величину этого вида потенциала определяют размерами, степенью совершенства и структурной комбинацией производительных сил [17].

И.А. Гуниной разработан механизм развития экономического потенциала предприятия на основе теоретических положений и комплекса методических

подходов [18]. Научную и практическую ценность представляют содержание категории «экономический потенциал» и структура механизма его развития. Отличие подхода, сформулированного И.А. Гуниной, состоит в его ориентации на сохранение долгосрочной конкурентоспособности организации во внешней среде за счет стратегического развития конкретизированного состава системообразующих элементов.

А.А. Задоя вводит понятия «потенциал производительных сил» и «потенциал производственных отношений». При этом в потенциал производительных сил он включает еще два вида потенциала: научно-технический и экономический, но исключает трудовой потенциал. В потенциал производственных отношений он рекомендует включать социально-экономический потенциал и потенциал хозяйственного механизма [19].

Е.В. Поповым введено в научный оборот и сформулировано понятие рыночного потенциала, под которым понимается возможность управления ресурсами хозяйствующего субъекта на определенных этапах его развития [20].

Сущность и роль потенциала, связанного с функционированием предприятия, сформулированы Д. Ханом: потенциал предприятия – это персонал, средства производства и их комбинации, позволяющие превращать ресурсы, поступающие на вход производственной системы, в готовые продукты и услуги на выходе [21].

Перечень концепций и мнений ученых по вопросам определения сущности, видов, структуры и показателей оценки потенциала можно значительно расширить, но особую роль играет их обобщение, позволяющее сделать следующие выводы:

- при определении вида, сути и элементного состава потенциала целесообразно избегать чрезмерного и не всегда обоснованного их расширения;
- в концепцию потенциала целесообразно включать только такие элементы системы, которые могли бы обеспечить их сопоставимость на всех уровнях экономической системы;
- в содержание потенциала необходимо включать только такие элементы, которые могут быть измерены и оценены количественно и качественно;
- актуальной проблемой является обоснование показателей и методики определения величины и степени использования потенциала, так как при всей общности и взаимосвязи этих показателей между ними существует принципиальная разница как между факторами и результатами производства;

- при оценке величины и степени использования потенциала в ходе анализа и прогнозирования характеризующих их показателей обязательно применение экономико-математических методов.

Методология системного исследования стоимостного прироста ресурсов может быть определена как совокупность принципов построения методов изучения системы, обеспечивающей изменение стоимости компании. В качестве принципов, формирующих основу процессно-стоимостного управления, нами рассматриваются: общие принципы организации струк-

тур; принципы организации процессов, рационализации структур, рационализации процессов.

Исследованию экономического потенциала потребительской кооперации, особенностям формирования, необходимости повышения эффективности его использования и развития посвящены труды отечественных ученых. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают результаты исследования, проведенного Р.П. Мешечкиной [22].

Ценность данного исследования, по нашему мнению, состоит в разработке и обосновании целостной концепции развития экономического потенциала потребительской кооперации и механизма ее реализации. Автором конкретизирована сущность экономического потенциала *как совокупной способности экономических ресурсов, позволяющих обеспечить производство максимально возможного объема материальных и нематериальных благ, необходимых для удовлетворения потребностей общества на соответствующем этапе его развития* [Там же. С. 9].

Данное определение, на наш взгляд, отражает природу и логику потенциала потребительской кооперации: во-первых, это совокупная способность; во-вторых, способность именно экономических ресурсов; в-третьих, экономических ресурсов, являющихся основой для удовлетворения потребностей общества.

Для реализации задач нашего исследования воспользуемся структурой экономического потенциала, обоснованной Р.П. Мешечкиной. По ее мнению, экономический потенциал потребительской кооперации состоит из научного, имущественного и трудового потенциала [Там же. С. 18–19].

Научный потенциал потребительской кооперации – это совокупность научных ресурсов, обеспечивающих развитие науки и техники и последующее применение научных результатов в хозяйственной деятельности кооперативных организаций для обеспечения их стабильного экономического роста и развития экономического потенциала. Имущественный потенциал потребительской кооперации представляет собой способность основных фондов и оборотных средств обеспечивать функционирование организаций и реализовывать стратегические и тактические задачи в условиях конкурентной среды. Данное определение отражает авторский взгляд на выделение из совокупности ресурсов – активов, имеющих надежную денежную оценку, нормы и традиции их признания и классификации по длительности использования в текущей деятельности. Трудовой потенциал потребительской кооперации заключается в способности трудовых ресурсов обеспечивать хозяйственную деятельность и выполнение миссии, которая состоит в повышении уровня жизни населения. Формулирование содержания именно этого элемента потенциала вызывает у нас некоторые вопросы, касающиеся выполнения миссии потребительской кооперации.

Мы убеждены, что в реализации миссии потребительской кооперации задействованы все элементы экономического потенциала. Научный потенциал обеспечивает постоянное развитие управлеченческих и других технологий, позволяющих добиться органиче-

ской взаимосвязи предпринимательской и социальной сторон функционирования потребительских обществ. Имущественный потенциал является основой для генерирования источников финансирования социальных мероприятий. Кроме того, идеи Р.П. Мешечкиной требуют развития в контексте адаптации методов стоимостного управления к функционированию потребительских обществ, так как они объединены общей методологией, а именно логикой процессного и системного подходов. Так, в схематичном представлении структуры экономического потенциала потребительской кооперации использованы элементы перечисленных подходов, отражающие потребительскую кооперацию как систему взаимосвязанных организаций, осуществляющих одновременно торговую, заготовительную, производственную деятельность.

Анализ исследования Р.П. Мешечкиной позволяет нам утверждать, что применение в качестве критерия прироста стоимости кооперативных организаций соотношения, установленного между стоимостью основных средств и собственными источниками финансирования деятельности, имеет достаточные теоретические и экспериментальные основания. Однако мы считаем, что определение и выделение исключительно экономического потенциала не отражает кооперативной природы хозяйствования, так как представление в его структуре имущественного, научного и трудового потенциала применимо для хозяйствующих субъектов любой организационно-правовой формы и формы собственности при условии использования в деятельности результатов интеллектуальной деятельности.

Для отражения кооперативной природы важно выделение возможностей, основанных на экономическом участии пайщиков в управлении кооперативными организациями. Такие возможности формируются при создании паевого фонда, формировании неделимого фонда, а также в тех случаях, когда пайщик одновременно выступает сотрудником кооперативной организации. На наш взгляд, перечисленные инструменты экономического участия пайщиков в деятельности кооперативных организаций оказывают непосредственное влияние на реализацию всех видов потенциала, выделенных Р.П. Мешечкиной.

Вышесказанное позволило нам сделать важное заключение: в определении потенциала потребительской кооперации должны найти отражение социальные аспекты функционирования кооперативных организаций; требует уточнения структура потенциала в соответствии с природой хозяйствования потребительских обществ и союзов. Таким образом, при формулировании понятия «потенциал» применительно к деятельности потребительской кооперации необходимо учитывать, что она является формой самоорганизации населения, взаимной поддержки и коллектиivistских (общинных) начал. Однако, обеспечивая реализацию главной цели, необходимым условием непрерывного функционирования кооперативных организаций является поддержание экономического роста потребительской кооперации.

Из вышесказанного следует важный вывод: степень реализации потенциала потребительской коопе-

рации характеризует экономический рост, наблюдющийся в системе за определенный период времени. Мы считаем, что прирост стоимости имущества кооперативных организаций, являющийся критерием эффективности процессно-стоимостного управления, достаточно тесно связан с показателями, характеризующими экономический рост в системе потребительской кооперации.

Т.Н. Прижигалинская и Д.С. Терновский осуществляют оценку влияния факторов экономического роста с использованием следующих экономических ресурсов: природные, трудовые, предпринимательские способности, инвестиционные, научно-технический прогресс [23]. По мнению Т.Г. Храмцовой и Ю.Б. Бородиной, такой подход ведет к недоучету значения основного и оборотного капитала, наличия финансовых и информационных ресурсов, а также состояния социальной базы [24. С. 20]. Р.П. Мещечкина считает экономический рост основой развития экономического потенциала, социально-экономической системы, хозяйствующих субъектов [22].

Выбор трудов перечисленных ученых определен направленностью результатов их исследований на повышение эффективности деятельности организаций потребительской кооперации посредством стимулирования факторов экономического роста. В большей мере это относится к выделению состава факторов экономического роста: трудовые ресурсы, имущественные ресурсы, социальные ресурсы, финансовые ресурсы, внесистемные факторы.

Необходимо отметить, что первые четыре блока факторов не вызывают вопросов по их содержанию, так как из названия следует ресурсная составляющая функционирования кооперативной организации. По поводу состава пятого блока факторов Т.Г. Храмцова и Ю.Б. Бородина отмечают, что они не все поддаются количественной оценке и включают: численность обслуживаемого населения, среднедушевой доход сельского населения, наличие соглашения о взаимоотношениях между администрациями и кооперативными организациями и др. [24. С. 35].

Систематизация факторов экономического роста имеет, на наш взгляд, не только теоретическую, но и практическую ценность, так как экономический рост зависит не только от наличия ресурсов – факторов производства, но и от воздействия на них различных факторов. Кроме того, группировка факторов экономического роста имеет тесную связь с управлением ключевыми факторами стоимости.

Нам близка точка зрения на выделение ключевых факторов стоимости, основанная Е.А. Торгунаковым: главную роль в управлении конкурентоспособностью играют ключевые факторы стоимости [25]. К ключевым факторам отнесены финансы, управление человеческими ресурсами, нововведения, отношения с органами власти, информационные технологии, а центральное место выделено процессам закупки и снабжения, основного производства, распределения, продажи и обслуживания, маркетинга.

Таким образом, логика стоимостного управления в потребительской кооперации, сформулированная

нами (рис. 1), имеет достаточное теоретическое обоснование, заключающееся в результатах анализа специальной литературы, состояния управления в потребительской кооперации, потенциала и экономического роста в потребительской кооперации. Однако авторская логика стоимостного управления требует уточнения в контексте ее применения в управлении социальной деятельностью кооперативных организаций.

По мнению профессора Т.Г. Храмцовой, социальная миссия потребительской кооперации состоит в защите социальных и экономических интересов пайщиков и всего сельского населения [26]. А.В. Копайгоро считает, что социальная деятельность потребительской кооперации – это форма воздействия потребительской кооперации на пайщиков, работников потребительской кооперации, а также некооперированное сельское население с целью поддержания их социального, материального и культурного уровня, обусловленная ее миссией и неразрывно связанная с ведением хозяйственной деятельности потребительскими кооперативами [27].

Для целей нашего исследования ценность представляет структуризация направлений социальной деятельности и развернутая система показателей, позволяющих сформировать количественную оценку параметров социальной деятельности [28]. Направлениями социальной деятельности кооперативных организаций признаются *обеспечение занятости населения, формирование доходов населения, улучшение условий существования, развитие инфраструктуры села и развитие нравственности в обществе*.

Перечисленные направления деятельности, за исключением последнего, на наш взгляд, реализуются в процессе осуществления предпринимательской деятельности. Следовательно, система показателей, предназначенная для оценки социальной деятельности, должна учитывать двойственный характер деятельности потребительских обществ и вклад каждой отрасли в результативность предпринимательской деятельности и перспективы реализации социальной миссии.

Таким образом, исследование подходов к определению и структуре категории «потенциал», содержанию социальной миссии и социальной деятельности потребительских обществ позволило нам уточнить определение социально-экономического потенциала системы потребительской кооперации. *Социально-экономический потенциал потребительской кооперации – это совокупная способность трудовых, имущественных, финансовых и социальных ресурсов, позволяющих обеспечить результативность предпринимательской деятельности, необходимой для удовлетворения потребностей пайщиков, персонала и общества в целом.*

Анализ перечисленных факторов позволяет нам утверждать, что гипотеза о влиянии методов стоимостного управления на эффективность деятельности может быть признана справедливой не только для предпринимательской, но и для социальной деятельности кооперативных организаций. Данное утвержде-

ние основано на том, что характер факторов, сдерживающих реализацию социальной ответственности в системе потребительской кооперации, позволяет отнести их регулирование к сфере управления стоимостью организаций.

Проведенное исследование позволило нам еще раз подтвердить актуальность исследования методов стоимостного управления, обосновать целесообразность выбора нами критерия оценки стоимости, так

как значительное по масштабам стоимостное образование для кооперативных организаций является основой для финансирования самых капиталоемких и прибыльных проектов для выгодного способа размещения собственных финансовых ресурсов для использования схем финансового предпринимательства, но уже в более крупных масштабах, часто с применением самых современных достижений практики управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ricardo D. On the Principles of Political Economy and Taxation. Cambridge University Press, 1951.
2. Malthus T.R. Principles of Political Economy. Pickering, 1836.
3. Marx K. Capital II. Progress Publishers, 1956.
4. Menger C. Principles of Economics. J. Dingwall and B.F. Hoselitz, trs., Free Press, 1950.
5. Shumpeter J.A. The Theory of Economic Development, R. Opie, tr., Harvard University Press, 1934.
6. Marshall A. Industry and Trade. Macmillan, 1921.
7. Левчев П.А. Обеспечение стоимостного прироста финансовых ресурсов экономических субъектов в условиях инновационной экономики: теория и методология исследования. М. : Издательский дом «Финансы и кредит», 2008. 213 с.
8. Большая советская энциклопедия. М. : Сов. энцикл., 1975. Т. 29.
9. Анчишин А.И. Прогнозирование роста социалистической экономики. М. : Экономика, 1973.
10. Мирошникова Р.Р. Управление ресурсным потенциалом экономических систем. Оренбург : ИПК ГОУ ОГУ, 2008. 194 с.
11. Миско К.М. Ресурсный потенциал региона. М., 1991.
12. Шлычков В.В., Аргамасцев А.Д., Фадеева Е.П. Теоретико-методологические аспекты управления ресурсным потенциалом региона. Йошкар-Ола : Марийский государственный технический университет, 2007. 390 с.
13. Плоткин Б.К. Управление материальными ресурсами. Л., 1991.
14. Бухальд Е.М. Социальная направленность экономического роста. М., 1990.
15. Райзберг Б.А. Основы бизнеса. М., 1996.
16. Самоукин А.И. Потенциал нематериального производства. М. : Знание, 1991. 62 с.
17. Авдеенко В.Н. Производственный потенциал промышленного предприятия. М. : Экономика, 1989. 239 с.
18. Гунина И.А. Теория и методы формирования механизма развития экономического потенциала предприятия : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Воронеж, 2005.
19. Задоя А.А. Народнохозяйственный потенциал и интенсивное производство. Киев : Вища школа, 1986. 153 с.
20. Попов Е.В. Рыночный потенциал предприятия. М., 2002.
21. Хан Д. Планирование и контроль: концепция контроллинга. М. : Дело и Сервис, 2001. 126 с.
22. Мещечкина Р.П. Развитие экономического потенциала потребительской кооперации: теория, методология, практика : автореф. дис. ... д-ра экономических наук. Белгород, 2006.
23. Прижигалинская Т.Н., Терновский Д.С. Оценка факторов экономического роста в организациях потребительской кооперации // Экономический анализ: теория и практика. 2003. № 10. С. 61–63.
24. Храмцова Т.Г., Бородина Ю.Б. Экономический рост потребительской кооперации: анализ и моделирование. Новосибирск : СибУПК, 2007. 160 с.
25. Торгунаков Е.А. Управление конкурентоспособностью предпринимательских структур на основе стоимостного подхода : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Санкт-Петербург, 2007.
26. Храмцова Т.Г. Социальная миссия кооперативной модели хозяйствования. Новосибирск : СибУПК, 2002. 28 с.
27. Конайгора А.В. Методика комплексной оценки социальной деятельности организаций потребительской кооперации. Новосибирск : СибУПК, 2005. 24 с.
28. Храмцова Т.Г., Конайгора А.В. Социальная деятельность потребительской кооперации: содержание и оценка. Новосибирск : СибУПК, 2007. 148 с.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 23 февраля 2015 г.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF COST MANAGEMENT IN COOPERATIVE ORGANIZATIONS

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 179–187.

Shrayber Natalia Yu. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: natasha.schreiber@tpu.ru

Keywords: cost of organization; consumer cooperation; socio-economic potential; theory and methodology of management.

Current economic conditions in Russia as well as in other countries are characterized by increased competition on the one hand and scarcity of resources on the other. Consequently, company management is in constant search for new management tools that can respond adequately to changes in the external and internal environment. Changes in business practices stipulate the development of new approaches to company management that guarantee efficiency and competitiveness of companies. Thus, the concept of company value management appeared in management theory and practice. Implementation of this concept predetermined the formation of management techniques integrated in the value approach. The main idea of value approach is that the strategic aim and criteria of company success are determined by the company's value (its capitalization) that reflects the perspectives of owners' growth in prosperity. Thus, primarily, company owners are interested in the development of value management methods. Still, the techniques of owners' influence on managerial efficiency and, eventually, on the company's value are formed by combination of the following factors: legal form of organization, form of ownership, type of economic activity, degree of legislation regulation, level of social responsiveness, priority for national and regional economies. Due to the fact that these factors in all their complexity, in the author's opinion, should be considered in the implementation of the value approach, a theoretical and methodological basis of value manage-

ment relating to the activities of consumer cooperatives was formed. The main idea and purpose of the research, the results of which are presented in this article, is to develop a theoretical and methodological framework of cooperative organizations' value management that provides enhancement of company performance and harmony of social and entrepreneurial efficiency of cooperative organizations. In the course of research the author used general scientific methods of analysis and synthesis, induction and deduction, comparison, method of system approach and modeling techniques. As a result of the research, the author defined socio-economic potential, substantiated logic and methodology of cooperative organizations value management. The author's definition of socio-economic potential differs from the traditional one by inclusion of social resources in it and by focusing on satisfying the needs of shareholders, staff and society. Logic of cost management in consumer cooperation, as opposed to traditional approaches, is based on interrelation of assets and in-house financing sources of corporate operations and implies a new criterion of corporate value increment.

REFERENCES

1. Ricardo D. *On the Principles of Political Economy and Taxation*. Cambridge University Press, 1951
2. Malthus T.R. *Principles of Political Economy*. Pickering, 1836
3. Marx K. *Capital II*. Progress Publishers, 1956.
4. Menger C. *Principles of Economics*. J. Dingwall and B.F. Hoselitz, trs., Free Press, 1950.
5. Shumpeter J.A. *The Theory of Economic Development*. R. Opie, tr., Harvard University Press, 1934.
6. Marshall A. *Industry and Trade*. Macmillan, 1921.
7. Levchaev P.A. *Obespechenie stoimostnogo prirosta finansovykh resursov ekonomicheskikh sub"ektorov v usloviyakh innovatsionnoy ekonomiki: teoriya i metodologiya issledovaniya* [Providing value growth of economic entity funds in the innovation economy: the theory and methodology of the study]. Moscow: Finansy i kredit Publ., 2008. 213 p.
8. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: v 30 t.* [The Great Soviet Encyclopedia: in 30 v.]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1975. V. 29.
9. Anchishkin A.I. *Prognozirovaniye rosta sotsialisticheskoy ekonomiki* [Predicting the growth of the socialist economy]. Moscow: Ekonomika Publ., 1973. 294 p.
10. Miroshnikova R.R. *Upravlenie resursnym potentsialom ekonomicheskikh sistem* [Management of the resource potential of economic systems]. Orenburg: IPK GOU OGU Publ., 2008. 194 p.
11. Misko K.M. *Resursnyy potentsial regiona* [The resource potential of the region]. Moscow, 1991. 94 p.
12. Shlychkov V.V., Arzamastsev A.D., Fadeeva E.P. *Teoretiko-metodologicheskie aspekty upravleniya resursnym potentsialom regiona* [Theoretical and methodological aspects of managing the resource potential of the region]. Yoshkar-Ola: Mari State Technical University Publ., 2007. 390 p.
13. Plotkin B.K. *Upravlenie material'nyimi resursami* [Material resource management]. Leningrad: LFEI Publ., 1991. 128 p.
14. Bukhval'd E.M. *Sotsial'naya napravленность ekonomicheskogo rosta* [The social orientation of economic growth]. Moscow: Nauka Publ., 1990. 132 p.
15. Rayzberg B.A. *Osnovy biznesa* [Business Basics]. Moscow: Os'-89 Publ., 1996. 192 p.
16. Samoukin A.I. *Potentsial nematerial'nogo proizvodstva* [Potential of non-material production]. Moscow: Znanie Publ., 1991. 62 p.
17. Avdeenko V.N. *Proizvodstvennyy potentsial promyshlennogo predpriyatiya* [The production potential of an industrial enterprise]. Moscow: Ekonomika Publ., 1989. 239 p.
18. Gunina I.A. *Teoriya i metody formirovaniya mekhanizma razvitiya ekonomicheskogo potentsiala predpriyatiya*: avtoref. dis. d-ra ekon. nauk [Theory and methods of formation of the mechanism of development of the economic potential of an enterprise. Abstract of Economics Dr. Diss.]. Voronezh, 2005.
19. Zadoya A.A. *Narodnokhozyaystvennyy potentsial i intensivnoe proizvodstvo* [The national economic potential and intensive production]. Kiev: Vishcha shkola Publ., 1986. 153 p.
20. Popov E.V. *Rynochnyy potentsial predpriyatiya* [The market potential of an enterprise]. Moscow: Ekonomika Publ., 2002. 559 p.
21. Khan D. *Planirovaniye i kontrol'*: kontsepsiya kontrollinga [Planning and control: the concept of controlling]. Moscow: Delo i Servis Publ., 2001. 126 p.
22. Meshechkina R.P. *Razvitiye ekonomicheskogo potentsiala potrebitel'skoy kooperatsii: teoriya, metodologiya, praktika*: avtoref. dis. d-ra ekonomicheskikh nauk [The development of the economic potential of consumer cooperatives: theory, methodology, practice. Abstract of Economics Dr. Diss.]. Belgorod, 2006.
23. Prizhigalinskaya T.N., Ternovskiy D.S. *Otsenka faktorov ekonomicheskogo rosta v organizatsiyakh potrebitel'skoy kooperatsii* [Evaluation of the factors of economic growth in the consumer cooperation organizations]. *Ekonomicheskiy analiz: teoriya i praktika – Economic analysis: theory and practice*, 2003, no. 10, pp. 61–63.
24. Khramtsova T.G., Borodina Yu.B. *Ekonomicheskiy rost potrebitel'skoy kooperatsii: analiz i modelirovaniye* [Growth of consumer cooperatives: analysis and modeling]. Novosibirsk: SibUPK Publ., 2007. 160 p.
25. Torgunakov E.A. *Upravlenie konkurentosposobnost'yu predprinimatel'skikh struktur na osnove stoimostnogo podkhoda*: avtoref. dis. d-ra ekonomicheskikh nauk [Management of competitiveness of enterprise structures based on the cost approach. Abstract of Economics Dr. Diss.]. St. Petersburg, 2007.
26. Khramtsova T.G. *Sotsial'naya missiya kooperativnoy modeli khozyaystvovaniya* [The social mission of the cooperative model of economic management]. Novosibirsk: SibUPK Publ., 2002. 28 p.
27. Kopaygora A.V. *Metodika kompleksnoy otsenki sotsial'noy deyatel'nosti organizatsiy potrebitel'skoy kooperatsii* [Methods of integrated assessment of social activity of consumer cooperatives]. Novosibirsk: SibUPK Publ., 2005. 24 p.
28. Khramtsova T.G., Kopaygora A.V. *Sotsial'naya deyatel'nost' potrebitel'skoy kooperatsii: soderzhanie i otsenka* [Social activity of consumer cooperatives: the content and assessment]. Novosibirsk: SibUPK Publ., 2007. 148 p.

Received: 23 February 2015

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 159.923.3

М.Г. Биллер

ТЕХНОЛОГИЯ РАЗРАБОТКИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ, НАПРАВЛЕННОЙ НА УСПЕШНУЮ ТВОРЧЕСКУЮ САМОРЕАЛИЗАЦИЮ ОБУЧАЮЩИХСЯ

На общегосударственном уровне с учетом модернизации профессионального образования предполагается приоритетное развитие образовательных учреждений, занимающихся подготовкой будущих квалифицированных рабочих. Востребоваными стали такие выпускники, которые заинтересованы в своем профессиональном становлении, имеют четкую гражданскую позицию, способны к творческой активности, творческой самостоятельности и творческой самоэффективности.

Ключевые слова: профессиональное образование; квалифицированные рабочие; творческая самореализация; творческая активность; творческая самостоятельность; творческая самоэффективность.

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» (2012 г.) и государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг. в качестве одной из приоритетных задач образования как единого целенаправленного процесса воспитания и обучения выделяется творческое развитие обучающихся и удовлетворение их потребности в самореализации. Необходимость ориентирования обучающегося на творческую деятельность и творческую самореализацию, формирования готовности будущего рабочего к преобразующей деятельности на этапе его профессионального образования отражена в федеральном государственном образовательном стандарте среднего профессионального образования. Социальные и экономические преобразования в современном российском обществе коренным образом изменили систему требований, предъявляемых к подготовке квалифицированных рабочих в процессе их профессионального образования [1, 2]. В своих исследованиях Н.В. Малашкина отмечает, что на современном этапе преобразований непременным требованием к квалифицированному рабочему становится профессиональная и психологическая готовность к постоянному самообразованию, умение адаптироваться в быстро меняющейся производственной ситуации [3].

Будущий квалифицированный рабочий в контексте исследуемой проблемы – это специалист, который имеет высокую квалификацию, компетентность, ориентированность в смежных областях деятельности, социальную и профессиональную мобильность, умеет эффективно работать на уровне мировых стандартов, владеет необходимыми навыками работы на современном высокотехнологичном оборудовании, а также обладает определенными личностными качествами [2]. Соответствовать таким требованиям современного производства может только творческий человек, способный себя реализовать в профессиональной деятельности.

Таким образом, в настоящее время проблема подготовки квалифицированных рабочих требует своего решения с учетом перспектив развития профессионального образования и имеющихся достижений в данной области.

Далее рассмотрим творческую самореализацию обучающихся в связи с теми изменениями, которые проходят в российской системе образования.

Теоретический анализ концепции развития творческой самореализации личности позволяет рассматривать ее не только как процесс и результат самоосуществления, самоопределения и самопознания, но и через качества личности (В.И. Андреев, И.М. Вертигин, Е.С. Громов, Л.А. Коростылева, В.А. Моляко, Я.А. Пономарёв, К. Тейлор и др.). Для нашего исследования важно было выявить качества личности, связанные с творческой самореализацией, с тем чтобы создать оптимальные условия их формирования и возможность для личностной самореализации обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих. Поэтому особое внимание обращено на два аспекта: качества творческой и самореализующейся личности.

Ученые Е.С. Громов и В.А. Моляко выделяют следующие качества творческой личности: оригинальность, эвристичность, склонность к фантазии, активность, концентрированность, четкость, чувствительность, настойчивость в достижении цели, находчивость, критичность и самокритичность, гибкость мышления, энергичность, упрямство, вера в себя. Американский психолог К. Тейлор указывает на такие качества творческой личности: независимость и самостоятельность; склонность к риску; активность; любознательность; неутомимость в поисках; нестандартность мышления; готовность принимать решения; дар общения; талант предвидения.

Среди личностных характеристик Я.А. Пономарёв выделяет наиболее значимые, по его мнению, качества творческой личности: упорство, самоотверженность, высокая самооценка, гордость, отклонение от шаблона в поведении, незаурядная энергичность, работоспособность, мужество, непосредственность, независимость, подчеркивание своего «Я». Итак, можно заметить, что, по мнению ученых, творческая личность имеет богатые личностные характеристики, выраженные в различных качествах.

Достаточно четкое выделение качеств «самоактуализирующейся» и «самореализующейся» личности является важным достижением психологов экзистенциально гуманистического направления (А. Маслоу, К. Роджерс, Э. Фромм и др.). А. Маслоу делает акцент на личностном росте, и в его теории представлена модель самореализующейся личности, для которой

характерны демократический характер (отсутствие предубеждения к людям), более эффективное восприятие реальности (отсутствие стереотипов восприятия и понимания), приятие себя, других и природы, самокритичность, креативность, сосредоточенность на проблеме (целеустремленность, деловитость). Такие личности, по мнению ученого, центрированы на идеях, которые выходят за пределы их личностных потребностей и составляют экзистенциальную ценность.

К. Роджерс и Э. Фромм обращают внимание на два важнейших качества, присущих самореализующейся личности: продуктивность (способность человека применять свои силы, реализуя заложенные в нем возможности); рефлексивность (способность к самоанализу и адекватному реагированию). Это качества, которые позволяют личности реализовать свой врожденный потенциал и быть «полностью функционирующей личностью», следуя своей истинной природе. В этом случае мы можем говорить о таком качестве личности, как самоэффективность.

Базовым свойством человеческой природы, по Фромму, является способность личности познавать саму себя. К особым вершинам творческих достижений человека могут привести его природные свобода и независимость, при этом сущность личности достигнет эффективного самовыражения в том обществе, в котором он существует. Отношения в социальной и культурной обстановке, которые основаны на взаимной любви, понимании, щедрости и уважении, способствуют формированию системы взглядов человека как устойчивого и согласованного способа восприятия и осмыслиения мира.

Г. Олпорт демонстрирует некоторые взгляды, характерные для актуализационного подхода, в котором модель самореализации предполагает, что человек пытается стать тем, что соответствует его врожденным потенциальным возможностям. Он ввел специальное название для самости – *проприу*. Поскольку, по мнению ученого, жизненный процесс развития личности определяется самостью, или проприумом, то его можно рассматривать с позиции самореализации. Данная точка зрения имеет значительное сходство с теорией А. Маслоу, который относит к качествам самореализующейся личности расширение самости: самоидентичность, самоуважение, саморазвитие, самоуправление, логичность, способность усердно трудиться (трудолюбие), гибкость. Он характеризует самореализующуюся личность через интерес к внешнему миру, расширенное чувство «Я»; теплоту в отношении к другим (сострадание, уважение, терпимость); чувство самоконтроля; самоэффективность и активность в действиях; самопонимание, привнесение своего внутреннего опыта в актуально переживаемую ситуацию и др. Однако следует отметить, что в научной литературе нет единого представления о качествах самореализующейся личности.

В данной статье нами проанализированы работы ученых (Л.А. Коростылева, Р.А. Зобов, Х. Ремшмидт и др.), в которых раскрываются некоторые качества, характерные для творчески самореализующейся личности. Рассматривая самореализацию личности в контексте личностных характеристик, Л.А. Коростылева

выделяет следующие качества, необходимые для личностной самореализации, которые необходимо развивать в комплексе: творческое мышление; самоуверенность; инициативность; реальная самооценка; сотрудничество и созворчество; высокая работоспособность [4, 5].

В современное представление о самореализации существенный вклад внес отечественный специалист в области науки о человеке Р.А. Зобов. Автор приходит к выводу, что эффективность самореализации определяется сочетанием трех качеств личности: продуктивностью, результативностью, удовлетворенностью своим трудом, при этом обязательным условием является отсутствие разрушающих «нервно-психических» затрат. Даже при высокой продуктивности, результативности и удовлетворенности вряд ли можно говорить об успешности самореализации, если человек расплачивается за нее физическим или психическим здоровьем [6].

Х. Ремшмидт отмечает, что частица «само» означает качества личности: самовыражение (выражение собственной индивидуальности), самоосуществление (реализация человеком своих потенций), саморазвитие, самоутверждение, самостоятельность, самообразование, самореализацию, т.е. качества «само» отражаются в деятельности, которая характеризует эффективность личности. Деятельность личности приобретает характер самодеятельности, а реализация личностных качеств в деятельности становится результатом творческой самореализации. Если способность к реализации рассматривать как деятельностную характеристику, то между процессом творчества и реализацией качеств личности в общественно значимой деятельности существует прямая связь.

Таким образом, в научной литературе не только описаны отдельные качества творчески самореализующейся личности, но и операционализованы ее проявления. На основе анализа совокупности качеств самореализующейся личности и качеств творческой личности с позиции их взаимодополнительности нами выделены качества, которые являются деятельностными характеристиками творческой самореализации.

В результате получения знаний о творчестве, самореализации и творческой самореализации мы эксплицировали понятие творческой самореализации личности посредством выделения деятельностных характеристик: творческой активности, творческой самостоятельности, творческой самоэффективности, в результате которых возникает потребность в самоосуществлении и саморазвитии творческих потенциальных возможностей, обеспечивающие высокие достижения в деятельности. Развитость этих качеств личности позволяет судить об уровне ее творческой самореализации (характерны по большинству признаков; характерны по отдельным признакам; скорее не характерны).

Остановимся на общих характеристиках каждого структурного компонента.

В справочной литературе творческая активность характеризуется как особый вид деятельности или особая деятельность, отличающаяся интенсификацией своих характеристик (целенаправленность, мотива-

ция, осознанность, владение способами и приемами действий, эмоциональность), а также наличием таких свойств, как инициативность и ситуативность. Проявляется творческая активность в повышении общеобразовательного и квалификационного уровня, формировании личности пытливой, ищущей, утверждающей творческое начало во всех сферах жизни общества.

Творческая активность выступает в качестве одной из наиболее развитых форм человеческой деятельности, т.е. целенаправленной деятельности конкретной личности или группы людей, участвующих в профессиональном взаимодействии [7]. Как правило, постановка задачи для творческой деятельности осуществляется извне. Однако формулировка сознательно поставленной цели не исключает, а предполагает ее модернизацию и поиск новых путей. Для творческой самореализации личности творческая активность имеет социальную значимость, как показатель уровня развития общества. Проявления творческой самореализации могут принимать различные формы и занимать разные уровни, а следовательно, и ценность творческой активности может оказаться различной.

Сущность и содержание развития творческой активности в различных проявлениях творческой деятельности рассматривались в исследованиях Н.А. Бердяева, Д.Б. Богоявленской, И.П. Волкова, А.Н. Лука, А.М. Матюшкина, Я.А. Пономарева, О.К. Тихомирова и других ученых.

По мнению Т.Н. Балабановой, творческая активность – одно из существенных свойств личности, в котором наиболее полно выявляется индивидуальное, особенное в человеке, это обобщающий критерий развития творческой личности, в котором выявляется уровень реализации сущностных ее сил, отражается мера возможностей актуализации этих сущностных творческих сил в реальной преобразовательной практике. Именно проявляя сверхнормативную активность, личность реализует свои творческие возможности, внося что-то новое, чего не требовала наличная ситуация и что не входило в круг ее функциональных обязанностей.

Обращаясь к научной литературе по проблеме формирования творческой самостоятельности личности, мы обнаружили, что данная проблема привлекает внимание крупных теоретиков и практиков, философов, социологов, психологов (В.И. Андреев, Д.Б. Богоявленская, А.В. Брушлинский, Л.С. Выготский, А.М. Коршунов, Я.А. Пономарев, С.Л. Рубинштейн, О.К. Тихомиров).

В педагогическом энциклопедическом словаре творческая самостоятельность определяется как одно из ведущих качеств личности. Она выражается в умении поставить определенную цель, настойчиво добиваться ее достижения собственными силами, ответственно относиться к своей деятельности, действовать при этом сознательно и инициативно не только в знакомой обстановке, но и в новых условиях, требующих принятия нестандартных решений [8].

А.М. Коршунов связывает показатель творческой самостоятельности со способностью личности ставить перед собой творческие цели и путем самообразования, самовоспитания и самоактуализации определять

способы и средства их достижения. Таким образом, творческая самостоятельность выступает в качестве одного из обобщающих критериев развития творческой личности, ее творческой самореализации.

В качестве еще одного обобщающего структурного компонента творческой самореализации мы рассматриваем творческую самоэффективность (А. Бандура, А.Н. Демин, М. Ерусалем, В. Ромек, Р. Шварцер и др.). По мнению А. Бандуры, самоэффективность, или вера в эффективность, означает убеждение человека в том, что в сложной ситуации он сможет продемонстрировать удачное поведение, творчески подойти к решению проблемы. То есть вера в творческую самоэффективность означает оценку собственной очень конкретно обозначенной поведенческой компетентности. Одним из ключевых терминов в социально-когнитивной теории А. Бандуры является общая самоэффективность, которая складывается из частных самоэффективностей, существующих в различных областях человеческой деятельности. В творческой деятельности целесообразно говорить о творческой самоэффективности как способности личности мобилизовать свои ресурсы, необходимые для достижения творческого результата.

Творческая личность, осознающая свою самоэффективность, прилагающая больше усилий для выполнения творческой деятельности, связанной с ожиданием успеха, приходит к положительному результату, что способствует ее самоуважению и творческой самореализации. Напротив, низкая самоэффективность, связанная с ожиданием провала, обычно приводит к неудаче, снижению самоуважения и «разрушению» потребности в творческой самореализации. Это объясняется тем, что человеку необходимо осознать и почувствовать, что он обладает творческим потенциалом и способен его реализовать. Только в этой своей вере в собственные творческие потенции он способен достичь социально-значимого творческого результата (творческая самореализация). Это позволило нам включить творческую самоэффективность в совокупность критериев развития творческой самореализации личности.

В целом анализ научной литературы показал, что каждое описанное качество характеризуется качествами творческой и самореализующейся личности. Выделенные качества позволили нам рассматривать их как признаки проявленности творческой самореализации и применить к диагностике для различия уровня ориентированности. Выделенные нами качества личности (творческая активность, творческая самостоятельность, творческая самоэффективность) рассматриваются как критерии ориентированности обучающихся на творческую самореализацию.

Согласно положениям системно-диагностического подхода М.И. Шиловой, В.В. Игнатовой, диагностический аппарат должен отражать изучаемое явление и строиться на основе системно-структурного анализа. Руководствуясь данным положением и опираясь на анализ научной литературы, представленный выше, мы уточнили структурные компоненты процесса ориентирования обучающихся на творческую самореализацию и смогли соотнести выделенные личностные

качества с целью содержательного «наполнения» каждого из них (табл. 1) [9].

Творческая самореализация личности представлена деятельностными характеристиками: творческой активностью, творческой самостоятельностью, творческой самоэффективностью. Следовательно, каждая из названных характеристик творческой самореализации

обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих развертывается через творческие качества, способствующие удовлетворению потребности личности в творческом самовыражении, самоосуществлении и саморазвитии. Эти качества сгруппированы нами в кластеры: творческая активность, творческая самостоятельность, творческая самоэффективность.

Таблица 1

Критериальные характеристики уровней ориентированности обучающихся на творческую самореализацию

Критерий	Уровни ориентированности на творческую самореализацию		
	Трансситуативный (Х)	Ситуативный (О)	Гипоситуативный (Н)
Творческая активность	Способен производить общественно значимые преобразования в мире на основе освоения богатств материальной и духовной культур. Способен к деятельности, отличающейся интенсивностью, обладает целеустремленностью, настойчивостью, наблюдательностью. Владеет способами и приемами творческих действий, импровизацией. Характеризуется работоспособностью	Способен производить общественно значимые преобразования в мире на основе освоения богатств материальной и духовной культур при поддержке со стороны. Ситуативно способен к деятельности, отличающейся интенсивностью, обладает целеустремленностью, настойчивостью, наблюдательностью. Иногда владеет способами и приемами творческих действий, импровизацией. Характеризуется работоспособностью в некоторых ситуациях	Не способен производить общественно значимые преобразования в мире на основе освоения богатств материальной и духовной культур. Не способен к деятельности, отличающейся интенсивностью, не обладает целеустремленностью, настойчивостью, наблюдательностью. Не владеет способами и приемами творческих действий, импровизацией. Не характерна работоспособность
Творческая самостоятельность	Способен к оригинальному замыслу, настойчиво добиваться его выполнения собственными силами, проявляет творческую самобытность. Действует без посторонней помощи, осознанно и инициативно не только в знакомой обстановке, но и в новых условиях, проявляя любознательность, находчивость, открытость, гибкость в ситуациях творческой самореализации и требующих принятия нестандартных решений	В некоторых ситуациях способен к оригинальному замыслу, может добиваться его выполнения при поддержке со стороны, проявляет творческую самобытность. Действует при поддержке, осознанно и инициативно в знакомой обстановке, проявляя любознательность, находчивость, открытость, гибкость в ситуациях творческой самореализации и требующих принятия стандартных решений	Не способен к оригинальному замыслу, не может настойчиво добиваться его выполнения собственными силами, не проявляет творческую самобытность. Не стремится к действиям без посторонней помощи, не проявляет любознательность, находчивость, открытость, нет гибкости в ситуациях творческой самореализации и требующих принятия нестандартных решений
Творческая самоэффективность	Проявляет готовность к самоконтролю и самоуправлению в ситуациях творческой самореализации. Обладает способностью мобилизовать ресурсы личности, самокритичностью, самоуважением, необходимыми для достижения творческого результата и его презентации. Ведет себя релевантно творческой ситуации: представляет себя как личность, способную к творческой рефлексии, сомнению, по достоинству оценивает других. Способен предвидеть развитие ситуации в контексте креативного влияния на творческие достижения	Проявляет готовность к самоконтролю и самоуправлению в некоторых ситуациях творческой самореализации. Ситуативно обладает способностью мобилизовать ресурсы личности, самокритичностью, самоуважением, необходимыми для достижения творческого результата и его презентации. Ведет себя релевантно в некоторых творческих ситуациях: представляет себя как личность, способную к творческой рефлексии при поддержке со стороны, сомнению, по достоинству оценивает других. Способен предвидеть развитие некоторых ситуаций в контексте креативного влияния на творческие достижения	Не проявляет готовность к самоконтролю и самоуправлению в ситуациях творческой самореализации. Не обладает способностью мобилизовать ресурсы личности, самокритичностью, самоуважением, не стремится к достижению творческого результата и его презентации. Ведет себя пассивно в творческой ситуации: не представляет себя как личность, способную к творческой рефлексии, сомнению, не оценивает достоинства других. Не способен предвидеть развитие ситуации в контексте креативного влияния на творческие достижения

Клaster (англ. cluster – скопление) – объединение нескольких однородных элементов, которое может рассматриваться как самостоятельная единица, обладающая определёнными свойствами [10]. В нашем случае объединение происходит за счет общего признака – творчества.

Согласно разработанной авторской диагностике в кластер входят:

– творческая активность (целеустремленность, деловитость, наблюдательность, инициативность, настойчивость, решительность, импровизация, работоспособность, предприимчивость, настойчивость, способность предвидеть);

– творческая самостоятельность (творческое сомнение, креативность, открытость, проницательность, деликатность, гибкость, оригинальность, любознательность, согласованность деятельности, находчивость, сознательность);

– творческая самоэффективность (организованность, мобильность, изобретательность, самокритичность, творческое сомнение, личностную самобытность, самоорганизованность, самоуважение, рефлексивность).

Данная идея позволила ввести понятие кластера в разработанное нами определение творческой самореализации обучающегося по программам подготовки квалифицированных рабочих [11].

Таким образом, творческая самореализация обучающегося характеризуется как кластер интегративных качеств личности (творческая активность, творческая самостоятельность и творческая самоэффективность), определяющих способность мобилизовать собственные внутренние ресурсы, необходимые для преобразовательной деятельности и достижения творческого результата в будущей профессиональной деятельности [Там же].

Проявленность критериев (творческая активность, творческая самостоятельность, творческая самоэффективность) в виде описания их характеристик позволяет охарактеризовать различные уровни актуализации творческой самореализации обучающихся. Поскольку нами рассматривается проблема творческой самореализации обучающихся по профессиональным образовательным программам подготовки квалифицированных рабочих в контексте компетентностного подхода, с точки зрения их возрастного и профессионального становления, то при разработке критериальных характеристик творческой самореализации нами учитывалась специфика профессионального обучения, отраженная в новых федеральных государственных образовательных стандартах третьего поколения.

Нами разработаны уровни ориентированности на творческую самореализацию, которые отражают ее в модусе проявления ситуативности: трансситуативный – отражает стабильно устойчивое проявление по большинству признаков в различных ситуациях; ситуативный – отражает умеренно устойчивое проявление по отдельным признакам в различных ситуациях; гипоситуативный – отражает крайне редкое, неустойчивое проявление отдельных признаков в различных ситуациях.

В целях перевода качественных показателей в количественные каждому проявлению групп критериальных признаков ориентированности обучающихся на творческую самореализацию присвоены соответствующие баллы: «+» – 3 балла; «±» – 2 балла, «-» – 1 балл, где «+» – характерно по большинству признаков, «±» – характерно по отдельным признакам и «-» – не характерно.

Уровень ориентированности на творческую самореализацию обучающихся в самооценке в различных сферах деятельности определяется интервалами с учетом суммарного балла: трансситуативный – от 36 до 45 и выше баллов, ситуативный – от 21 до 35 баллов, гипоситуативный – от 0 до 20 баллов. Данный прием позволил познать и описать качественные связи и отношения, оптимизировать собственные педагогические действия по организации экспериментальной работы.

В нашем исследовании принимали участие обучающиеся профессиональных образовательных организаций г. Лесосибирска Красноярского края (ГОУ профессиональные училища № 14 и № 48, Красноярский политехнический техникум (Лесосибирский филиал), НОУ СПО Лесосибирский колледж «Знание», Лесосибирский филиал ФГБОУ ВПО «СибГТУ», Лесосибирский педагогический институт – филиал СФУ).

Экспериментальная работа носила основной и дублирующий характер. Суть дублирующей экспериментальной работы состояла в одновременном создании педагогических условий, которые разрабатывались и реализовались с учетом их результативности для исследуемого процесса. Данная работа осуществлялась по той же системе, что и основная экспериментальная работа. Результаты ее осуществления подтвердили правомерность проводимой основной экспериментальной работы.

Нами разработана творческая образовательная программа развития личностных качеств обучающихся

в контексте компетентностного подхода. В рамках данной программы обучающиеся профессиональных образовательных организаций получают знания о творчестве, о способах реализации творческого потенциала, актуализируют способы творческой самореализации и обогащают опыт творческой деятельности. Данная программа получила название «Творческая активность. Творческая самостоятельность. Творческая самоэффективность» (ТАСС). ТАСС направлена на ориентирование обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих на творческую самореализацию.

Рассмотрим более подробно влияние личностных качеств на творческую самореализацию в контексте возрастного и профессионального становления обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих.

Нами выделены три модуля реализации творческой образовательной программы по ориентированию обучающихся на творческую самореализацию [9]:

- пропедевтический (осознание собственной потребности в ориентировании на творческую самореализацию);
- поисковый (накопление потенциала для творческой самореализации через последовательную организацию творческой работы с обучающимися);
- праксиологический (развёртывание критериев творческой самореализации посредством организации творческой деятельности).

Данные модули выступали как формы проведения учебных и внеучебных занятий, которые создают условия для формирования творческой образовательной программы, обеспечивая преемственность содержания разных уровней проявления творческой самореализации обучающихся и различных схем интеграции основных образовательных программ профессиональных образовательных организаций. Совмещение модульного структурирования творческой образовательной программы с разработанной нами критериальной диагностической программой измерения процесса ориентирования обучающихся на творческую самореализацию позволяет достичь высокого качества дидактического обеспечения. Такой подход обеспечивал формирование компетенций обучающихся по профессии [12].

Пропедевтический модуль нацелен на осознание личностью обучающегося собственной потребности в творческой активности, творческой самостоятельности, творческой самоэффективности. Задачами педагога на данном этапе являются: ознакомление обучающихся с понятиями творчества, творческой самореализации, самопрезентации и др.; создание условий для рефлексии; оказание помощи обучающимся в осознании необходимости успешной творческой самореализации. Данный модуль направлен на формирование общекультурных компетенций ФГОС третьего поколения [13, 14], таких как способность владеть культурой мышления, способность к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей её достижения (ОК-1); умение работать в команде, эффективно общаться с коллегами, руководством, клиентами (ОК-6).

Поисковый модуль необходим для педагогического поддерживания обучающихся в овладении качествами творческой самореализации, определении собственной стратегии и стиля творческой самореализации на основе принятия себя и значимого другого. Направлен на развитие компетенций, позволяющих осуществлять поиск информации, необходимой для эффективного выполнения профессиональных задач (ОК-4); использовать информационно-коммуникационные технологии в профессиональной деятельности (ОК-5). Задача-

ми педагога являются: 1) обогащение умений обеспечивать продуктивные преобразования в творческой деятельности, удовлетворять собственные потребности в творческой активности и творческой самореализации; 2) формирование способности действовать творчески, контролировать импульсивные порывы в творческой обстановке, мобилизовать творческие силы на достижение цели; 3) вооружение способами самовоспитания, саморазвития и самореализации; 4) ориентирование на решение различных задач творческими способами.

Таблица 2

Данные оценки эффективности исследовательской работы в развитии критериев творческой самореализации (в оценке обучающихся)

Качества творческой самореализации	Э1			Э2		
	Удалось	Не всегда удалось	Скорее не удалось	Удалось	Не всегда удалось	Скорее не удалось
1) творческая активность	10	8	5	9	8	6
2) творческая самостоятельность	19	3	1	14	6	2
3) творческая самоэффективность	12	6	2	10	5	6

Таблица 3

Сводные результаты изучения уровня ориентированности на творческую самореализацию на окончание программно-организационного этапа экспериментальной работы (второй контрольный срез) (в самооценке)

Сфера деятельности	Э1 (32 чел.)		К1 (27 чел.)		Э2 (30 чел.)		К2 (28 чел.)	
	Σ	Средний балл						
Познавательная	231	7,2	242	8,9	260	8,7	202	7,2
Гражданко-общественная	210	6,6	182	6,7	240	8	191	6,8
Социально-трудовая	211	6,6	135	5	218	7,3	168	6
Бытовая сфера	194	6	109	4	151	5	148	5,3
Культурно-досуговая	207	6,5	140	5,2	153	5,1	113	4
Обобщённый показатель	1053	32,9	808	29,8	1022	34	822	29,4
Усредненные общие данные		6,58		5,96		6,8		5,88
Уровень ориентированности		Ситуативный		Ситуативный		Ситуативный		Ситуативный

Таблица 4

Сводные данные изучения уровня ориентированности на творческую самореализацию на окончание программно-организационного этапа экспериментальной работы (второй контрольный срез) (в оценке педагога)

Группа	Качества творческой самореализации								Общие данные по творческой самореализации		
	Творческая активность		Творческая самоэффективность		Творческая самостоятельность		Суммарный балл	Усреднённый балл			
	Суммарный балл	Усреднённый балл	Уровень качества	Суммарный балл	Усреднённый балл	Уровень качества	Суммарный балл	Усреднённый балл	Уровень творческой самореализации		
Э1 (32 ч)	78	2,44	с	79	2,47	с	80	2,5	т	237	7,4
К1 (27 ч)	65	2,4	с	57	2,1	с	58	2,1	с	180	6,6
Э2 (30 ч)	64	2,13	с	57	1,9	с	65	2,16	с	186	6,2
К2 (28 ч)	62	2,21	с	63	2,25	с	55	1,96	с	180	6,42

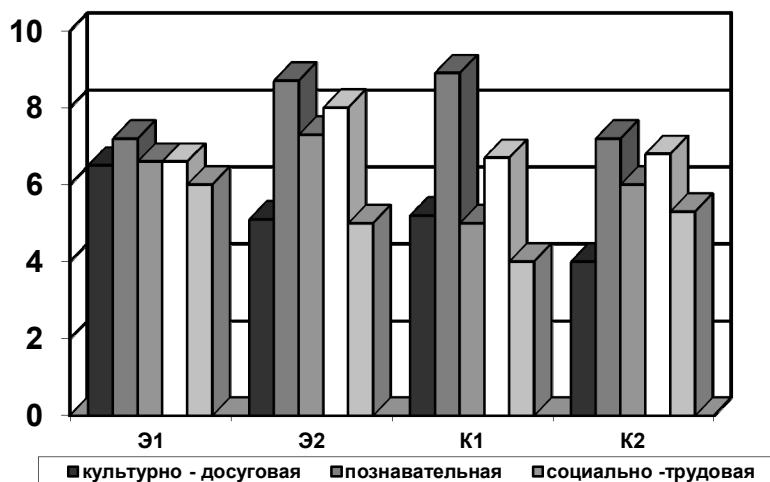

Рис. 1. Диаграмма изучения уровня ориентированности обучающихся на творческую самореализацию (в самооценке)

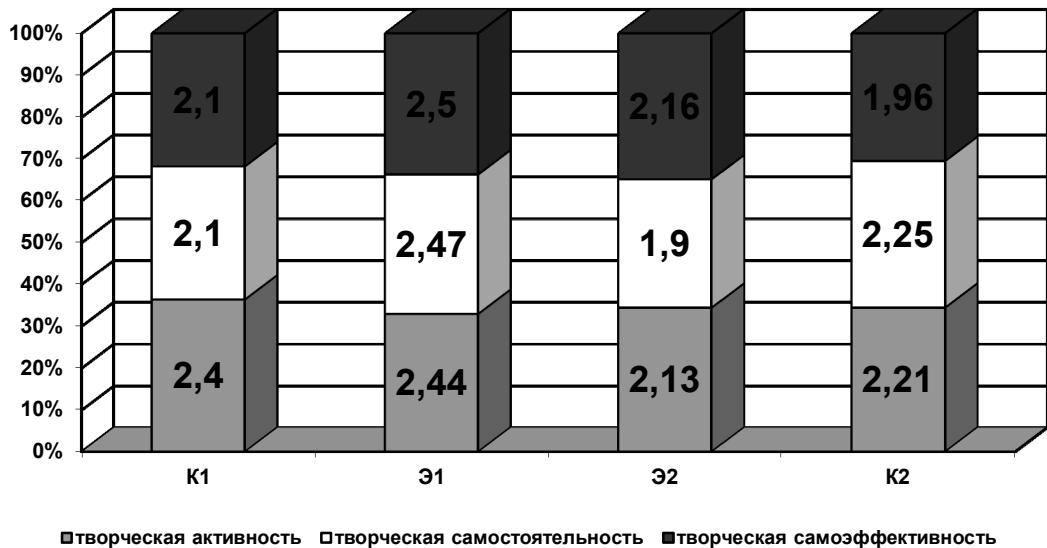

Рис. 2. Диаграмма изучения уровня ориентированности обучающихся на творческую самореализацию (в оценке педагога)

В ходе реализации праксиологического модуля обогащается творческий опыт, раскрываются и реализуются качества творческой самореализации. Задачами педагога являются: 1) создание условий самоприятия и самораскрытия обучающихся; 2) обеспечение безусловного позитивного отношения к творческой деятельности; 3) организация разнообразных форм для свободного выбора творческой деятельности с учётом интересов и индивидуальных особенностей каждой личности; 4) ориентирование на выбор продуктивных творческих стратегий.

С учетом проявления ориентированности обучающихся на творческую самореализацию в данном модуле формируются компетенции: способность организовывать собственную деятельность исходя из цели и способов ее достижения, определенных руководителем (ОК-2); анализировать рабочую ситуацию, осуществлять текущий и итоговый контроль, оценку и коррекцию собственной деятельности, нести ответственность за результаты своей работы (ОК-3).

Каждый из представленных модулей имел завершенный характер, что определило порядок их реализации: от пропедевтического к праксиологическому модулю. Для решения задач реализации потребовалась разработка содержательного наполнения данных модулей и, соответственно, творческой образовательной программы.

При реализации пропедевтического модуля использовались лекции и самодиагностические методики [13, 14]. Обучающимися выполнялось задание (составить тезаурус качеств творческой самореализации). Опишем реализацию данного модуля. Подобранные и апробированные лекции носили интерактивный характер. Они позволяли обучающимся быть субъектом осознания проблемы. Обучающиеся готовили информационный материал по проблеме творчества и выступали в ходе лекций с краткими сообщениями. Лекционная работа позволила расширить представление о проблеме, а также способствовала творческой самореализации обучающихся с наиболее

выраженным познавательным показателем творческой самореализации. В экспериментальной группе Э1 проявили активность 10 человек, в экспериментальной группе Э2 – 5 человек. На лекции отводилось от 30 до 40 минут. Темы лекций: «Повышение конкурентоспособности выпускника профессиональных образовательных организаций», «Ориентирование обучающихся на успешную творческую самопрезентацию», «Конструирование самообразовательной деятельности обучающихся по формированию их творческой активности», «Створчество обучающихся и педагогов в образовательном пространстве», «Индивидуальное самовыражение как способ интеграции обучающихся в социальное пространство».

Параллельно с лекциями проводилась самодиагностика. Нами использовались известные методики: «Проверьте свои способности» (Г.Ю. Айзенк), «Самоактуализационный тест (САТ)» (Э. Шостром, Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман), «Ваш творческий возраст», «Ваш творческий потенциал», «Творческое мышление» (Гилфорд, Торренс, модификация Е. Туник). Данный вид работы был особенно эффективным для обучающихся с ситуативным и гипоситуативным уровнями ориентирования на творческую самореализацию. Низкие результаты диагностики позволили этим обучающимся осознать собственные проблемы и задуматься о необходимости работы над собой.

Ведение тезауруса по творческой самореализации было полезно для расширения понятийного аппарата, что также способствовало осознанию обучающимися собственной потребности в творческой активности и творческой самостоятельности. Мы предложили обучающимся занести в тезаурус те понятия, которые, по их мнению, пригодятся им как творческим личностям. Обучающимся было рекомендовано пользоваться специальной литературой, подобранный нами в соответствии с их возрастом, а также конспектами лекций и словарями. По выбранным понятиям можно было судить о степени ориентированности некоторых обучающихся на творческую

самореализацию. Важно, что практически все обучающиеся выбирали термин «творчество», что, на наш взгляд, свидетельствует о личностной значимости понимания в контексте возрастного развития старшего подростка. Вместе с тем следует отметить, что отдельные обучающиеся отказались вести тезаурус или подошли к этому формально и на лекциях были пассивны. Это подтвердило наше предположение о том, что для эффективности реализации разработанной нами стратегии необходимо включение в неё поисково-творческого модуля.

Реализация поискового модуля связывалась с организацией исследовательской работы и ее творческим наполнением. Так, исследовательская работа «Моя профессия» предполагала осуществление анализа и решения творческих задач, выполнение упражнений (составление личностной самопрезентации, интервью). Данная работа проводилась с целью развития творческой активности, творческой самостоятельности, творческой самоэффективности и накопления опыта творческой самореализации. Она была направлена на развитие творческих способностей, умений и навыков. В ее организации мы использовали эвристические методы и интерактивные формы обучения. Опишем проведение данной исследовательской работы с точки зрения ее творческой компоненты.

Исследовательская работа «Моя профессия» включала следующие блоки: 1) интервью, 2) постановка и анализ производственной задачи, 3) поиск решения производственных задач, 4) личностная самопрезентация.

Первый блок направлен на активизацию познавательной деятельности и творческой активности методами работы в парах смешного состава. Давалось задание опросить всех участников группы с тем, чтобы выяснить их мнение по поводу проблемы профориентации, получить суждения, ответы на поставленные вопросы. Работали одновременно. Затем результаты, итоги опроса обсуждались всеми.

Второй блок направлен на саморазвитие стимуляции творческой активности и продуктивности. Проводится заседание группы, каждый из членов которой высказывает на предложенную тему, в зависимости от специфики профессии группы, любые мысли, не контролируя их течение, не оценивая их как истинные или как ложные, стремясь при этом побуждать других к подобным «ассоциациям идей». С помощью метода анализа конкретных ситуаций происходит процесс общения на равных, когда все участники такого общения заинтересованы в нем и готовы обмениваться информацией, высказывать свои идеи и решения, обсуждать проблемы и отстаивать свою точку зрения. После первого тура «атаки на мозг» общая масса высказанных идей аннулируется в расчете на то, что среди них окажется по меньшей мере несколько содержащих наиболее удачные решения.

Третий блок связан с решением задачи развития «переоткрытия» знаний, которая позволяет существенно повысить ориентированность обучающихся на творческую самореализацию. Типовые задачи заменяются творческими, для решения которых требуется знание соответствующей темы, а также творческое

мышление, формируемое на основе ТРИЗ. Происходит формирование научного творчества обучающихся, направленного на профессиональную компетентность.

Четвёртый блок отражает формирование личного профессионального имиджа, т.е. умения «подать себя», произвести нужное впечатление на окружающих, грамотно представить себя им. Это помогает найти решение проблемы конкурентоспособности на рынке труда обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих. Организация внеурочного мероприятия строилась на проявлении основных критериев творческой самореализации: творческой активности, творческой самостоятельности и творческой самоэффективности.

Основной задачей педагога при реализации поискового модуля исследовательской работы являлось обеспечение следующих механизмов его эффективности: установление обратной связи с участниками, предоставление возможности экспериментирования, идентификации себя с другими, самоанализа и само-раскрытия, адресное включение в творческую практику через выполнение упражнений, создание ситуаций успешности и актуализации реальных творческих возможностей обучающихся. Данный модуль предлагал проведение творческо-поисковых упражнений с опорой на теоретические знания о сущностных проблемах ориентирования на творческую самореализацию, возникших в пропедевтическом модуле.

Обучающимся было предложено оценить, насколько эффективно им удалось проявить признаки творческой самореализации на начало проведения и по окончании исследовательской работы по следующим уровням показателям: «удалось», «не всегда удалось», «скорее не удалось» (см. табл. 2).

Анализ результатов показал, что исследовательская работа «Моя профессия» в целом была эффективной, особенно для развития умений, ориентированных на творческую самореализацию. Несмотря на то что некоторые обучающиеся указали на низкую эффективность данной формы работы для развития творческой самореализации, в целом все обучающиеся остались довольны, активно включались в выполнение творческих заданий.

При реализации праксиологического модуля разработанной нами творческой образовательной программы проводились занятия на основе метода проектов во время изучения дисциплины «Информационные технологии». Приоритетной задачей в ходе творческого занятия было создание реального проекта «Информационная база данных для создания компьютерного класса». От педагога требовались следующие профессиональные умения: создание атмосферы исследовательской активности и творческой самореализации; поощрение и поддержка творческой самостоятельности; помочь в стремлении к творческой самоэффективности. Данное занятие предполагало формирование способности к творческой активности, творческой самостоятельности, творческой самоэффективности, что позволяет обучающимся реализовать потребности в творческой самореализации и обогатить собственный творческий потенциал. Для примера приведём план занятия по методу проектов.

Учебная группа обучающихся разбивалась на группы, каждая из которых разрабатывала проект на предложенную педагогом тему. Затем группы поочерёдно презентовали свою тему. Наблюдение показало, что занятия, основанные на методе проектов, особенно эффективны для развития такого критерия творческой самореализации, как творческая самоэффективность. Беседы с обучающимися показали, что такие уроки очень нравятся малоактивным обучающимся, которые в ходе традиционных занятий «стесняются выражать собственную точку зрения и поэтому молчат, хотя знают материал», «не имеют возможности получить хорошую оценку, так как их не спрашивают / не успевают ответить», «мало отвечают, потому что боятся осуждения со стороны одногруппников и педагога». Также выяснилось, что на занятии, связанном с разработкой проекта, особенно комфортно чувствуют себя интеллектуально выраженные обучающиеся, имеющие трудности в общении со сверстниками (с речевыми недостатками, застенчивые, некоммуникабельные, неуверенные в себе). С целью выявления результативности организации экспериментальной работы на данном этапе проведен контрольный

рез (результаты которого представлены в табл. 3–4 и рис. 1–2).

О результативности реализации творческой образовательной программы ТАСС свидетельствуют положительные изменения в уровне ориентированности обучающихся на творческую самореализацию. По общим данным уровня ориентированности обучающихся (117 человек) на творческую самореализацию на начало программно-организационного этапа экспериментальной работы (в оценке педагога и в самооценке), у 15,85% из них проявляется транссиативный уровень, у 68,35 – ситуативный, у 15,8 – гипосиативный. По окончании программно-организационного этапа у 24,75% тех же обучающихся проявляется транссиативный уровень, у 65,4% – ситуативный, у 9,85% – гипосиативный.

Положительные результаты апробации творческой образовательной программы ТАСС в профессиональных образовательных организациях г. Красноярска и г. Лесосибирска с целью актуализации творческой самореализации обучающихся позволяют рекомендовать ее к реализации.

ЛИТЕРАТУРА

- Газман О.С., Вейсс Р.М., Крылова Н.Б. Новые ценности образования: содержание гуманистического образования. М., 1995. 103 с.
- Ткаченко Е.В. Современное состояние и вопросы развития профессионального образования // Вестник МГАУ. Теория и методика профессионального образования. 2006. № 2 (17). С. 6–10.
- Малашина Н.В. Педагогическая поддержка профессионального становления конкурентоспособного специалиста в учреждении начального профессионального образования : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Томск, 2010. 23 с.
- Коростылева Л.А. Психология самореализации личности. М. : Речь, 2005. 222 с.
- Коростылева Л.А. Психология самореализации личности: подход к проблеме // Психологическая наука: Традиции, современное состояние и перспективы : тез. докл. науч. конференции ИП РАН. М., 1997. С. 52.
- Зобов Р.А., Келасьев В.Н. Самореализация человека: введение в человекознание : учеб. пособие. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2001. 280 с.
- Балабанова Т.Н. Развитие творческой активности личности в условиях высшего образования : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Курск, 1999. С. 22.
- Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б.М. Бим-Бад ; редкол.: М.М. Безруких, В.А. Болотов, Л.С. Глебова [и др.]. М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. 528 с. : ил.
- Шишкина М.Г. Ориентирование обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих на успешную творческую самореализацию : дис. ... канд. пед. наук. Красноярск, 2013. 243 с.
- Кластеры качества // Энциклопедия интеллигентизации отношений. URL: intelligentia.ru/klastery-kachestv.html
- Шишкина М.Г. Ориентирование обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих на успешную творческую самореализацию : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Красноярск, 2013. 22 с.
- Осипова С.И. Компетентностный подход в контексте качества образования. URL: <http://www.fkgpu.ru/conf/12.doc>
- Федеральный государственный образовательный стандарт начального профессионального образования по специальности 150709.02 Сварщик (электросварочные и газосварочные работы). М., 2009. 28 с.
- Федеральный институт развития образования: Программы / Министерство образования и науки РФ. URL: http://www.firo.ru/?page_id=1040
- Истратова О.Н., Эксакусто Т.В. Психодиагностика. Коллекция лучших тестов. 2-е изд. Ростов н/Д : Феникс, 2006. 375 с. : ил.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 27 марта 2015 г.

THEORETICAL ASPECTS OF PROFESSIONAL SELF-ACTUALIZATION OF STUDENTS THROUGH PERSONAL QUALITIES INTEGRATION

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 188–197. DOI: 10.17223/15617793/395/31

Biller Marina G. Siberian State Technological University, Lesosibirsk Branch (Lesosibirsk, Russian Federation). E-mail: arinna3@mail.ru

Keywords: vocational education; skilled workers; creative self-realization; creativity; creative independence; creative self-efficacy.

At the national level, taking into account modernization of professional education, the prioritized development of educational institutions that train future skilled workers is assumed. Graduates who are interested in professional development, have a clear civil position, are capable of creative activity, possess creative independence and creative self-efficacy are in demand. In the Federal law “On Education in the Russian Federation” (2012) and in the Russian Federation state program “Development of Education” for 2013–2020, outstanding students’ creative development and satisfaction of their needs for self-actualization are stated as a priority of education as a single purposeful process. The need to orient the student to the creative activity and creative self-realization, the formation of readiness for future work and transformation activities at the stage of professional education is reflected in the Federal State Educational Standard of Primary Professional Education. Social and economic changes in the contemporary Russian society have changed the requirements for skilled workers in the course of their professional education fundamentally. A future skilled worker in the context of the research problem is a specialist who is highly qualified, competent and apt in related fields of activity,

socially and professionally mobile, able to work meeting the world effectiveness standards, has necessary skills to use modern high-tech equipment, and also has certain personal qualities. Only a creative person can meet the requirements of modern production, a person capable of self-realization in professional activity. Thus, at present, the problem of training skilled workers needs to be addressed taking into account the prospects of professional education development and accomplishments that have developed in the past in this area. A creative educational program has been developed for students' personal qualities development in the context of the competence approach. Through this program, students of professional educational organizations gain knowledge about creativity, about using their creative potential, actualize creative ways of self-realization and enrich the experience of co-creative artistic activity. This program is called "Creative Activity. Creative Independence. Creative Self-Efficacy" (TASS). The TASS program is aimed at guiding students in the skilled workers training programs focusing on creative self-realization. Positive results achieved from testing the TASS creative educational program in professional educational institutions of Krasnoyarsk and Lesosibirsk with the aim of students' self-realization actualization allow recommending TASS for implementation.

REFERENCES

1. Gazman O.S., Veyss R.M., Krylova N.B. *Noyye tsennosti obrazovaniya: soderzhanie gumanisticheskogo obrazovaniya* [The new values of education: the content of humanistic education]. Moscow: Innovator Publ., 1995. 103 p.
2. Tkachenko E.V. Sovremennoe sostoyanie i voprosy razvitiya professional'nogo obrazovaniya [Current status and the development of vocational training]. *Vestnik MGAU. Teoriya i metodika professional'nogo obrazovaniya*, 2006, no. 2 (17), pp. 6–10.
3. Malashkina N.V. *Pedagogicheskaya podderzhka professional'nogo stanovleniya konkurentospособnogo spetsialista v uchrezhdenii nachal'nogo professional'nogo obrazovaniya*: avtoref. dis. kand. ped. nauk [Pedagogical support of professional formation of a competitive expert in vocational schools. Abstract of Pedagogy Cand. Diss.]. Tomsk, 2010. 23 p.
4. Korostyleva L.A. *Psichologiya samorealizatsii lichnosti* [The psychology of person's self-realization]. Moscow: Rech' Publ., 2005. 222 p.
5. Korostyleva L.A. [The psychology of person's self-realization: approach to the problem]. *Psichologicheskaya nauka: Traditsii, sovremennoe sostoyanie i perspektivy: tez. dokl. nauch. konferentsii IP RAN* [Psychological Science: Tradition, current state and prospects. Theses of conference reports]. Moscow, 1997, p. 52. (In Russian).
6. Zobov R.A., Kelas'ev V.N. *Samorealizatsiya cheloveka: vvedenie v chelovekoznanie* [Self-realization of man: an introduction to the science of man]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2001. 280 p.
7. Balabanova T.N. *Razvitiye tvorcheskoy aktivnosti lichnosti v usloviyakh vysshego obrazovaniya*: avtoref. dis. kand. sotsiol. nauk [Development of creative activity of an individual in terms of higher education. Abstract of Sociology Cand. Diss.]. Kursk, 1999. 22 p.
8. Bim-Bad B.M. (ed.) *Pedagogicheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Pedagogical encyclopaedic dictionary]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., 2002. 528 p.
9. Shishkova M.G. *Orientirovaniye obuchayushchikhsya po programmam podgotovki kvalifitsirovannykh rabochikh na uspeshnyyu tvorcheskuyu samorealizatsiyu*: dis. kand. ped. nauk [Orientation of students on successful creative self-realization in programs for skilled workers training. Pedagogy Cand. Diss.]. Krasnoyarsk, 2013. 243 p.
10. *Klastery kachestv* [Quality clusters]. In: *Entsiklopediya intelligentatsii otnosheniy* [Encyclopedia of intelligentization of relations]. Available from: intelligentia.ru/klastery-kachestv.html.
11. Shishkova M.G. *Orientirovaniye obuchayushchikhsya po programmam podgotovki kvalifitsirovannykh rabochikh na uspeshnyyu tvorcheskuyu samorealizatsiyu*: avtoref. dis. kand. ped. nauk [Orientation of students on successful creative self-realization in programs for skilled workers training. Abstract of Pedagogy Cand. Diss.]. Krasnoyarsk, 2013. 22 p.
12. Osipova S.I. *Kompetentnostnyy podkhod v kontekste kachestva obrazovaniya* [Competence approach in the context of the quality of education]. Available from: <http://www.fkgpu.ru/conf/12.doc>.
13. Federal State Educational Standard of initial vocational training for the specialty 150709.02 Welder (gas welding and electric welding work). Moscow, 2009. 28 p. (In Russian).
14. RF Ministry of Education and Science. The Federal Institute of Education Development: Programs. Available from: http://www.firo.ru/?page_id=1040. (In Russian).
15. Istratova O.N., Eksakusto T.V. *Psichodiagnostika. Kolleksiya luchshikh testov* [Psychodiagnostics. Collection of the best tests]. 2nd edition. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 2006. 375 p.

Received: 27 March 2015

МОТИВАЦИОННЫЕ КРИЗИСЫ И КРИЗИСНО-ОБУСЛОВЛЕННАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ

Предложена педагогическая интерпретация понятия «мотивационный кризис». На основании проведенного автором эмпирического исследования выделены кризисные периоды становления учебной мотивации студентов средних профессиональных учебных заведений технического профиля. Представлена разработанная с учетом выделенных мотивационных кризисов модель формирования учебной мотивации студентов. Определены и кратко описаны этапы педагогического содействия обучающимся в преодолении трудностей кризисных периодов.

Ключевые слова: учебная мотивация; мотивационный кризис; формирование учебной мотивации; модель; педагогическое содействие.

В современном образовательном процессе на первый план выходит не простое обучение предметным знаниям, объем которых постоянно и неуклонно растет и которые со временем могут оказаться устаревшими или невостребованными, а формирование личности обучающегося как активного деятеля, способного планировать свою деятельность, ставить цели и добиваться результатов, обладающего нравственными идеалами и имеющего активную гражданскую позицию. Характер протекания и результативность любой деятельности, в том числе и учебной, обусловливаются силой и качественными характеристиками побуждений, мотивирующих эту деятельность. В связи с этим в последнее время изучение мотивации и механизмов ее формирования стало одной из основных задач современной педагогики.

Проблема формирования учебной мотивации приобретает особую актуальность в учреждениях среднего профессионального образования (СПО), в которые поступают молодые люди преимущественно с невысоким уровнем обученности, с низкой мотивацией учения, часто неосознанно сделавшие выбор профессии.

Проведенное нами и описанное в статье «Психолого-педагогические особенности становления учебной мотивации студентов технического среднего специального учебного заведения» [1] исследование показало, что в развитии мотивации в процессе профессионального обучения существуют относительно стабильные и кризисные периоды (мотивационные кризисы).

При формировании нашего понимания мотивационного кризиса мы опирались на представленные в психологической литературе (Ф.Е. Василук) положения:

– ситуация характеризуется как кризисная, если жизненные обстоятельства ставят перед индивидом проблему, от которой он не может уйти и которую не может разрешить в короткое время и привычным способом (Дж. Каплан);

– выделяются четыре последовательные стадии кризиса: 1) первичный рост напряжения, стимулирующий привычные способы решения проблем; 2) дальнейший рост напряжения в условиях, когда эти способы оказываются безрезультатными; 3) еще большее увеличение напряжения, требующее мобилизации внешних и внутренних источников; 4) если все оказывается тщетным, наступает четвертая стадия, характеризуемая повышением тревоги и депрессии, чувствами беспомощности и безнадежности, дезорганизацией личности. Кризис может кончиться на любой стадии, если обнаруживается выход из ситуации (Дж. Каплан);

– кризис содержит в себе не только возможные патологические следствия, но и возможности роста и развития личности;

– с момента возникновения кризисной ситуации начинается психологическая борьба с нею процессов переживания, которые могут как способствовать преодолению кризиса, так и усложнять этот процесс [2].

Под *мотивационным кризисом* (от греч. *krisis* – переломный момент) мы понимаем внутренний диссонанс, возникающий при несоответствии уровня развития обучающихся, их потребностей и притязаний условиям образовательной среды и вынуждающий студентов искать пути преодоления внутреннего конфликта. Мотивационный кризис обладает как отрицательным, так и положительным потенциалом. Положительный потенциал мотивационного кризиса проявляется в том, что он инициирует деятельность обучающихся по устранению возникшего несоответствия. Отрицательный потенциал мотивационного кризиса проявляется при неспособности обучающихся справиться с трудностями кризисного периода, что приводит к переживанию чувства беспомощности или отрицанию объективности и значимости новых требований, снижает учебную мотивацию и дезорганизует учебную деятельность.

Анализ особенностей становления мотивации учения студентов в процессе обучения в технических средних специальных учебных заведениях (ссузах) позволил нам выделить четыре кризисных периода: адаптационный кризис, кризис становления познавательных мотивов, кризис профессионального выбора, кризис вытеснения учебных мотивов мотивами pragmatischenkimi.

Адаптационный кризис (первый семестр), связанный с неосознанностью выбора профессии и проблемами адаптации.

Начало обучения традиционно связывают с адаптацией к новой образовательной среде. Динамика мотивации начинается с защитной реакции на изменившиеся условия личностно значимой сферы деятельности и приспособления к этим условиям как способа поддержания активности. Затем следует осознание себя в новых условиях, рефлексия своих способностей, сформированности приемов и способов учебной

деятельности, своего отношения к обучению и соотнесение наличного уровня развития с новыми требованиями. Выявленные несоответствия вызывают рождение новых мотивов, целей, смыслов, реализация которых приводит к изменениям в структуре мотивации учения, ее перестройке.

Период адаптации является для студентов сложным этапом обучения в ссузе, его влияние на развитие мотивации учения неоднозначно. С одной стороны, в этот период происходит резкая ломка многолетнего, привычного рабочего стереотипа, включение в новые виды учебной деятельности и в новые виды общественных взаимоотношений. В ходе осуществления этих видов деятельности и социальных контактов в мотивационной сфере обучающихся возникают новые качества – новообразования. Эти новообразования состоят, по данным психологических исследований (А.К. Марковой), в проявлении нового отношения: 1) к учебной деятельности; 2) к другому человеку; 3) к себе [3].

Новый тип отношения к учебной деятельности означает пересмотр смысла и значимости учения, освоение новых способов приобретения знаний, осознание роли самообразования.

Включение в новые виды взаимодействий со сверстниками и преподавателями оказывает влияние на отношение к учению как к общению и сотрудничеству с другими людьми, на все виды социальных мотивов (стремление занять позицию в отношениях с другими людьми, стремление осознать способы сотрудничества и др.).

В процессе освоения новых видов учебной деятельности и общения в структуре мотивационной сферы обучающихся происходят качественные изменения, и они постепенно приходят к осознанию этих изменений, к восприятию себя как более взрослой по сравнению со школой личности.

С другой стороны, изменившиеся условия обучения вынуждают студента проанализировать, насколько его уровень развития соответствует новым требованиям, оценить количество усилий, которые необходимо затратить для ликвидации выявленного несоответствия. Если обучающийся видит, что разрыв между его знаниями, умениями, навыками и новыми требованиями существенный, что для достижения цели необходимо приложить значительные усилия, а его волевые качества развиты слабо и он плохо владеет приемами планирования и организации своей деятельности, то учебная мотивация такого студента резко ослабевает. Студент отчаявается, перестает учиться, пропускает занятия, что неизбежно приводит к проблемам во время сессии и отчислению.

Негативно влияют на становление мотивации учения в этот период различного рода трудности: отрицательные переживания, связанные с уходом вчерашних учеников из школьного коллектива; неосознанный выбор профессии, недостаточная психологическая подготовка к ней; неумение осуществлять саморегулирование поведения и деятельности; поиск оптимального режима труда и отдыха в новых условиях; налаживание быта и самообслуживания, особенно при переходе из домашних условий в общежитие; отсут-

ствие навыков самостоятельной работы, неумение конспектировать, работать с первоисточниками, словарями, каталогами, справочниками, указателями.

Как показало проведенное исследование [1], для большинства первокурсников характерна ориентация на внешние моменты учебной деятельности, которая чаще всего носит отрицательный характер: низкий уровень обученности и негативный опыт учебной деятельности обуславливают доминирование мотивов избегания. Учение мотивируется тревогой и страхом перед неизвестными формами контроля и наказания (зачетами, экзаменами, дисциплинарными взысканиями за пропуски занятий и др.). У немногих студентов отмечается ориентация на успех, которая также имеет внешний характер (мотивация экстерниоризированного успеха, успеха, направленного во внешний контроль, внешнее признание и одобрение). Такие обучающиеся еще не столько стремятся получить прочные знания, сколько проявить себя, заработать определенный авторитет у преподавателей, доказать себе и другим, что они могут успешно обучаться в новом для них учебном заведении. В этот период обучения у многих первокурсников ярко выражены позиционные мотивы, проявляющиеся в стремлении занять определенную позицию в новом коллективе, заслужить одобрение окружающих.

Кризис становления познавательных мотивов (конец второго – третий семестр), характеризующийся ослаблением влияния внешних стимулов и недостаточной сформированностью познавательных мотивов.

В течение первого семестра происходит так называемая первичная адаптация: студент усваивает нормы и правила учебного заведения, у него появляется опыт учебной и внеучебной деятельности в новой образовательной среде, происходит становление студенческого коллектива группы.

Постепенно уменьшаются страх и тревожность, вызванные непривычными условиями обучения. Снижение тревожности неизбежно приводит к ослаблению влияния внешних стимулов. Более адаптированные к новой учебной среде и социальной группе студенты чувствуют себя увереннее. Как показывает проведенное нами исследование [1], на данном этапе учебная деятельность студентов мотивируется уже не столько страхом, стремлением проявить себя и приспособиться к новым условиям обучения, сколько пониманием необходимости получения образования, желанием получить знания по приобретаемой профессии, быть успешным. Однако перечисленные выше мотивы создают лишь установку к действию. Они оказывают существенное влияние на учебную деятельность лишь тех обучающихся, которые умеют воплощать свои мотивы через последовательную систему целей. Умение ставить промежуточные и перспективные цели, выбирать средства и способы их достижения организует и систематизирует учебную деятельность, а волевые качества помогают обучающимся преодолевать препятствия на пути достижения поставленных целей, воплощать цели в жизнь. Однако проведенное нами исследование показало, что у многих обучающихся слабо развиты приемы целеполагания и волевые качества, вследствие чего в большин-

стве случаев мотивы остаются лишь намерениями и слабо стимулируют учебную деятельность.

На данном этапе обучения «знаемые» мотивы ценности образования являются слабо действующими еще и потому, что обучающиеся видят лишь отдаленную перспективу практического применения знаний, получаемых на занятиях.

Кризис профессионального выбора (пятый – шестой семестр после возвращения студентов с производственной практики), являющийся следствием несовпадения реалий профессиональной деятельности со сформировавшимися представлениями обучающихся.

Отношение студентов к обучению в ссузе меняется после первой производственной практики, которая сталкивает их сложившиеся представления и ожидания с реальной профессиональной жизнью. Динамика учебной мотивации студентов в этот период неоднозначна: мотивация учения либо повышается (если реалии производства соответствуют ожиданиям студентов), либо резко ослабевает (если студент разочаровывается в профессии). Как показало проведенное нами исследование, причиной разочарования является не только несоответствие профессиональных интересов и склонностей студента приобретаемой специальности, но и неготовность обучающихся к работе в условиях производства (к выполнению тяжелой физической работы, к работе на открытом воздухе при неблагоприятных климатических условиях и т.п.). В ряде случаев негативное влияние на отношение студентов к специальности оказывает низкий престиж рабочих профессий в сочетании с необоснованными амбициозными желаниями молодых людей, запросом на высокую зарплату при недостаточном уровне компетенций.

Кризис вытеснения учебных мотивов мотивами pragmatischen (седьмой семестр), возникающий вследствие неумения студентов рационально организовать совмещение трудовой деятельности с обучением).

Особенностями последнего года обучения являются длительная производственная практика, короткий период теоретического обучения, который составляет 18–19 недель (в зависимости от специальности).

Значительная часть студентов ссуза после окончания производственной практики продолжают работать, боясь потерять хорошее место или финансовый доход. Для некоторых из них трудовая деятельность и возможность самостоятельного заработка становятся более привлекательными, чем обучение. Такие студенты воспринимают работу как основной лично значимый вид деятельности, уделяют недостаточно внимания обучению, не всегда умеют найти рациональные способы совмещения работы с учебой, что неизбежно приводит к многочисленным пропускам занятий, снижению учебных показателей, проблемам во время сессии, а иногда и к отчислению.

Степень выраженности каждого из выделенных кризисов обуславливается индивидуальными особенностями обучающихся, которые необходимо учитывать при организации педагогического содействия студентам в преодолении трудностей кризисных периодов.

На основании результатов проведенного исследования была разработана модель формирования моти-

вации учения студентов учреждений СПО технического профиля, которая опирается на следующие теоретические положения:

– становление учебной мотивации студентов технических ссузов носит кризисно обусловленный характер, проявляющийся в кризисных периодах (адаптационном, становления познавательных мотивов, профессионального выбора, вытеснения учебных мотивов мотивами pragmatischen), способных стимулировать развитие учебной мотивации студентов;

– педагогический механизм формирования учебной мотивации реализуется посредством активизации положительного потенциала мотивационных кризисов через педагогическое содействие обучающимся в преодолении трудностей кризисных периодов: актуальное (оказание помощи в преодолении текущих трудностей) и опережающее (подготовка обучающихся к решению задач следующего этапа обучения);

– соответственно четырем кризисным периодам выделяются четыре этапа формирования мотивации учения: начальный, переходный, основной, завершающий;

– содержание и средства педагогического содействия отбираются с учетом специфики мотивационного кризиса, характерного для каждого этапа, и перспектив развития обучающихся и способствуют формированию: на начальном этапе – адекватного представления о профессии, положительной мотивации учения (ориентации на успех); на переходном – нацеленности на приобретение общих и специальных знаний, на основном – стремления к овладению основами профессионального мастерства; на завершающем – готовности к работе по специальности, стремления к профессиональному самосовершенствованию и конструктивному сотрудничеству;

– эффективность педагогического содействия обеспечивается посредством создания единых педагогических условий (включение в работу большинства педагогов, синхронизация их деятельности) и ориентации на индивидуальные траектории развития обучающихся (оказание адресной помощи в преодолении трудностей кризисных периодов, опора на сильные стороны студентов);

– принципами формирования мотивации учения студентов технического ссуза являются:

1) *принцип пролонгированного и поэтапного формирования учебной мотивации*, предполагающий, что данный процесс должен представлять собой не единичную смену условий, а пролонгированное управление развитием учебной мотивации студентов, осуществляющееся на основе определенной логики, выстроенной с учетом особенностей поступивших в ссузы первокурсников и социального заказа среднему профессиональному образованию (неопределенная мотивация – ориентация на положительные моменты учебной деятельности – познавательные мотивы – мотивы овладения специальными знаниями и основами профессионального мастерства – мотивы профессионального и личностного самосовершенствования, социальной ответственности и сотрудничества);

2) *принцип активности обучающихся*, основанный на идеи А.Н. Леонтьева о том, что мотивы рождаются в

деятельности [4]. Для формирования мотивации необходимо включение обучающихся в различные виды деятельности и общественных взаимоотношений;

3) *принцип благоприятного эмоционального климата*, регулирующий характер взаимоотношений между субъектами образовательного процесса. Для формирования учебной мотивации необходимо создание комфортных психологических условий, предполагающих отношения доброжелательности, поддержки и сотрудничества между педагогами и студентами и в среде обучающихся;

4) *принцип социально-личностной ориентации*, выражающий направленность процесса формирования учебной мотивации на оптимальное удовлетворение социального и личностного заказа образованию. Данный принцип опирается на сформулированное в работах И.В. Исмагиловой положение, что «задачей образования сегодня является, с одной стороны, удовлетворение социального заказа на качество специалиста как компетентного, инициативного, социально-адаптированного человека, обладающего гражданской позицией, ответственностью, с другой – сохранение и развитие уникальности его личности» [3, 5]. При формировании мотивации учения необходимо, ориентируясь на требования государственного образовательного стандарта, выстраивать индивидуальные траектории развития мотивации каждого обучающегося с опорой на сильные стороны его личности.

Предлагаемая модель (схема) представляет формирование учебной мотивации как двусторонний процесс, включающий в себя самостоятельную деятельность студентов по преодолению трудностей кризисных периодов и педагогическое содействие этой деятельности (актуальное и опережающее), организованное с учетом логики формирования учебной мотивации и специфики выявленных мотивационных кризисов.

Краткое описание этапов формирования мотивации учения:

1. Начальный этап (первый семестр)

Актуальное содействие

Цель: формирование положительной мотивации учения.

Задачи:

- 1) формирование опыта успешной учебной деятельности;
- 2) облегчение адаптации к условиям новой образовательной среды;
- 3) сплочение коллектива группы.

Методы: создание «ситуаций успеха» (дифференцированный подход, снятие негативной оценки, повышение успешности деятельности через использование коллективных форм работы и др.), ознакомление первокурсников с учебным заведением и организацией образовательного процесса в ссузе, тренинг сплочения коллектива и др.

Опережающее содействие

Цель: формирование базы для становления познавательных мотивов.

Задачи:

- 1) формирование адекватного представления о приобретаемой специальности;

2) формирование навыков самоорганизации и самоконтроля учебной деятельности.

Методы: экскурсии на производственные предприятия, просмотр тематических фильмов, самостоятельный поиск информации о профессии, увеличение объема самостоятельной работы, выделение этапов осуществления деятельности, анализ эффективности и др.

Показатели эффективности: усиление ориентации обучающихся на положительные моменты учебной деятельности (стремление к достижениям и признанию), адекватное представление о приобретаемой специальности, повышение уровня самостоятельности учебной деятельности.

2. Переходный этап (второй – четвертый семестры)

Актуальное содействие

Цель: формирование познавательных мотивов.

Задачи:

- 1) повышение привлекательности учебных занятий для обучающихся;
- 2) создание условий для становления мотивов самообразования;
- 3) ориентация образования на будущую профессиональную деятельность.

Методы: активные методы обучения, создание ситуаций, стимулирующих самостоятельный поиск обучающимися информации (дискуссии, требующие убедительной аргументации своей позиции, урок-КВН и др.), расширение форм самостоятельной работы, интеграция специальных знаний в содержание занятий по общеобразовательным дисциплинам, техническое конструирование и др.

Опережающее содействие

Цель: подготовка студентов к производственной практике.

Задачи:

- 1) формирование реальных представлений об условиях производства;
- 2) подготовка обучающихся к адаптации к работе на производственных предприятиях.

Методы: экскурсии на производственные предприятия, моделирование проблемных ситуаций в аудиторных условиях, тестирование, индивидуальные и групповые консультации и др.

Показатели эффективности: ориентация обучающихся на приобретение общих и специальных знаний, умение осуществлять самостоятельную учебную деятельность и эффективное деловое взаимодействие, адекватное представление об условиях труда на производственных предприятиях, готовность к работе в этих условиях.

3. Основной этап (пятый – шестой семестры)

Актуальное содействие

Цель: повышение профессиональной мотивации

Задачи:

- 1) стимулирование профессионального интереса;
- 2) нейтрализация негативных впечатлений от практики, ориентация студентов на преодоление трудностей.

Методы: экскурсии на предприятия с современным уровнем организации производственного процесса,

конкурсы профессионального мастерства, обмен студентов опытом, полученным во время практики и др.

Опережающее содействие

Цель: воспитание понимания необходимости образования для реализации жизненных планов.

Задачи:

1) формирование образа современного конкурентоспособного специалиста;

2) ориентация студентов на завершение среднего профессионального образования.

Методы: анализ требований работодателей, обсуждение жизненных планов студентов, личные беседы и др.

Показатели эффективности: осознанное положительное отношение к профессии, стремление овладеть

основами профессионального мастерства, знание требований, предъявляемых к специалистам на рынке труда, понимание важности получения образования.

4. Завершающий этап (седьмой семестр)

Актуальное содействие

Цель: ориентация студентов на завершение среднего профессионального образования.

Задачи:

1) формировании у обучающихся понимания приоритета образования, которое в будущем обеспечит им постоянную работу по специальности, перед временным заработком;

2) оказание помощи обучающимся в рациональной организации совмещения учебной и трудовой деятельности.

Модель формирования учебной мотивации студентов учреждений СПО технического профиля

Этапы формирования мотивации

Начальный

первокурсник

преобладание неопределенной мотивации учения

(знаемые мотивы необходимости получения образования, мотивы избегания, стремление занять позицию в новом коллективе, неопределенное отношение к специальности)

адаптационный кризис

Переходный

переход от неопределенной мотивации к ориентации на положительные моменты учебной деятельности

(мотивы успеха и признания, адекватное представление о специальности, навыки учебной деятельности в условиях ссуза)

кризис становления познавательных мотивов

Основной

кризис профессионального выбора

Завершающий

осознанное положительное отношение к профессии, понимание необходимости образования для реализации жизненных планов

(стремление овладеть общими и специальными знаниями и основами профессионального мастерства)

кризис вытеснения учебных мотивов прагматическими мотивами

выпускник

Условные обозначения:

деятельность студентов по преодолению трудностей

→ актуальное педагогическое содействие

→ опережающее педагогическое содействие

Методы: анализ значимости образования для успешной самореализации в профессии, индивидуальные беседы со студентами и их родителями, со-

ставление индивидуальных образовательных графиков, использование возможностей дистанционного обучения и др.

Опережающее содействие

Цель: формирование у студентов мотивов личностного и профессионального самосовершенствования, социальной ответственности и сотрудничества.

Задачи:

1) формирование профессионального мышления, инициативной позиции, навыков коллективного взаимодействия, ответственного поведения;

2) формирование мотивов самообразования и саморазвития.

Методы: моделирование производственных ситуаций в аудиторных условиях, расширение форм и видов коллективной работы, тренинг ответственного поведения и др.

Показатели эффективности: успешное окончание ссуза, готовность работать по специальности, наличие планов профессионального самосовершенствования.

В результате реализации предложенной модели создаются благоприятные педагогические условия для поэтапного перехода от доминирования неопределенной мотивации учения и мотивов избегания к сочетанию познавательных мотивов с мотивами личностного и профессионального самосовершенствования, социальной ответственности и сотрудничества, который осуществляется в процессе преодоления студентами трудностей кризисных периодов и актуального и опережающего педагогического содействия этой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ведута О.В. Психолого-педагогические особенности становления учебной мотивации студентов технического среднего специального учебного заведения // Образование и наука: Известия Уральского отделения РАО, 2011. № 7 (86). С. 55–65.
2. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.
3. Маркова А.К. Формирование мотивации в школьном возрасте. М. : Просвещение, 1983. 96 с.
4. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции / под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 162–171.
5. Имагилова И.В. Формирование смысло-ценностных основ профессионального самоопределения студентов ссуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тюмень, 2006. 22 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 9 апреля 2015 г.

MOTIVATION CRISES AND CRISIS-MEDIATED MODEL OF STUDENTS' EDUCATIONAL MOTIVATION FORMATION

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 198–203. DOI: 10.17223/15617793/395/32

Veduta Olga V. Tyumen State Oil and Gas University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: o_veduta@mail.ru

Keywords: educational motivation; motivation crisis; development of educational motivation; model; pedagogical aid.

The article presents the pedagogical interpretation of the term “motivation crisis”. Motivation crisis is considered as an internal dissonance resulting from a discrepancy between the students’ level of knowledge and skills and the conditions of the educational environment. Motivation crisis makes students search for ways of overcoming the internal conflict. Motivation crisis possesses both positive and negative potentials. This means it can stimulate the development of educational motivation as well as decrease it. An empirical research allowed the author to determine crisis periods in the evolution of educational motivation of students of technical secondary professional educational institutions: *adaptation crisis* (the first term) connected with an unconscious choice of profession and adaptation problems; *crisis of development of cognitive motives* (the end of the second term – the third term) characterized by a reduction of influence of external stimuli and insufficient development of cognitive motives; *crisis of professional choice* (the fifth term – the sixth term, after the field internship) resulting from a discrepancy between students’ expectations and the conditions of the professional life; *crisis of substitution of educational motives by pragmatic motives* (the seventh term) resulting from students’ inaptitude to combine their work and study. The results of the research allowed the author to create a crisis-mediated concept model of students’ educational motivation development. This model shows educational motivation development as a bilateral process including students’ activity aimed at overcoming the difficulties of crises periods and pedagogical aid (actual and advanced). Actual pedagogical aid helps students to overcome the difficulties of an actual crisis period, and advanced pedagogical aid prepares them to solve the problem of the next stage of education. Pedagogical aid is organized according to the features of the determined crisis periods. Four stages referring to the four motivation crises of pedagogical work were determined: initial, intermediate, principal and final. The goals, tasks and methods of actual and advanced pedagogical aid were developed for each of these stages. The implementation of the proposed model creates favorable pedagogical conditions for phased transition from negative motivation and avoidance motives to combination of cognitive motives with motives of personal and professional self-improvement, social responsibility and cooperation. This transition occurs in the process of students’ overcoming the difficulties of crisis periods and actual and advanced pedagogical support of this activity.

REFERENCES

1. Veduta O.V. Psychological Pedagogic Peculiarities of Developing Students' Motivation at Secondary Technical Institutions. *Obrazovanie i nauka – Education and Science*, 2011, no. 7 (86), pp. 55–65. (In Russian).
2. Vasilyuk F.E. *Psichologiya perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskikh situatsiy)* [Psychology of experience (analysis of overcoming crisis situations)]. Moscow: Moscow State University Publ., 1984. 200 p.
3. Markova A.K. *Formirovaniye motivatsii v shkol'nom vozraste* [Formation of motivation at school age]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1983. 96 p.
4. Leont'ev A.N. *Potrebnosti, motivy i emoty* [Needs, motives and emotions]. Moscow: Moscow State University Publ., 1984, pp. 162–171.
5. Ismagilova I.V. *Formirovaniye smyslo-tsennostnykh osnov professional'nogo samoopredeleniya studentov ssuza*: avtoref. dis. kand. ped. nauk [Formation of axiological basis of professional self-determination of secondary specialized college students. Abstract of Pedagogy Cand. Diss.]. Tyumen, 2006. 22 p.

Received: 09 April 2015

ФАКТОРНАЯ СТРУКТУРА МОДУСОВ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ АКТУАЛЬНОГО СМЫСЛОВОГО СОСТОЯНИЯ

Представлены результаты эмпирического исследования качественных особенностей временной перспективы личности при различных типах актуального смыслового состояния (АСС), характеризующихся низкими и высокими показателями осмысленности модусов временного континуума. В исследовании был проведен анализ взаимосвязи различных параметров временной перспективы в зависимости от уровня осмысленности временных локусов, проанализирована система корреляционных взаимосвязей между параметрами временной перспективы и компонентами смысложизненных ориентаций, выявлена факторная структура модусов временной перспективы личности. По результатам проведенного эмпирического исследования были сделаны выводы о наличии качественных особенностей временной перспективы личности, а также представлены различия факторных структур системы оценивания временных периодов при различном уровне осмысленности прошлого, настоящего и будущего.

Ключевые слова: актуальное смысловое состояние; временная перспектива личности; смысложизненные ориентации; факторная структура комплексной оценки модусов временной перспективы.

Изучая Человека как сложную и многофункциональную систему, исследователи сталкиваются с множеством задач и проблем, решение которых позволяет глубже изучить природу человеческого бытия. Одним из наиболее фундаментальных вопросов постнеклассической психологии является вопрос, касающийся ценностно-смысловой сферы личности, ее структуры, функций, процесса формирования и развития, ее влияния на различные подсистемы личности и на жизнедеятельность человека в целом. Сегодня не вызывает сомнения тот факт, что ценности и смыслы придают определенную направленность личности, определяют значимость объектов окружающей действительности и формируют некий стержень личностного бытия [1]. Однако при изучении вопроса о данных ценностно-смысловых образованиях необходимым и обязательным является условие принятия во внимание двойственности природы человека. Эта двойственность, согласно многим мыслителям и философам (Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, М.М. Бахтин, С.Л. Рубинштейн и др.), заключается в духовно-материальной природе человека. Конкретизируя двойственную природу человека, можно говорить о сосуществовании временного и вневременного аспектов в нем. Ссылаясь на положение Н.А. Бердяева о том, что человек осознает себя принадлежащим к двум мирам одновременно – и к духовному, отражающему сопричастность к бесконечности и неразрывную связь с вневременными смыслами и самосознанием, и к материальному, отражающему конечность биологического существования и прямую зависимость от времени, М.Г. Гинзбург делает заключение о том, что вневременной аспект является носителем смыслов и становится осмысляющим основанием временного [2]. Изначально в природе человека заложено некое противоречие: конечность – бесконечность, временность – вневременность существования, решение данного противоречия лежит в обретении человеком своего ценностно-смыслового единства в пространственно-временной организации собственной жизни. Именно стремление к реализации личностно-значимых смыслов помогает человеку отодвинуть на задний план осознание своей конечности, однако по-

нимание временности существования не исчезает полностью, оно остается и преобразуется в некое виденье времени своей жизни, временную перспективу, психологическое время личности и т.д. По нашему мнению, обозначенная двойственность природы человека актуализирует необходимость изучения ценностно-смысловых аспектов в единстве с временной организацией человеком своего жизненного пути и внутреннего мира.

Подобная интеграция смыслового и временного аспектов является основанием в теоретическом подходе А.В. Серого, выделяющего в качестве связующего звена между личностными смыслами и временной перспективой «актуальное смысловое состояние» (АСС), представляющее собой форму переживания совокупности актуализированных, генерализованных смыслов, размещенных во временной перспективе относительно конкретных условий действительности [3].

Автор отмечает, что временные локусы смысла во многом определяют состояние субъективной смысловой реальности индивида – ее границы, ценностные компоненты и собственно направленность личностного смысла (к ситуации, к себе, к другим, к жизни). По его мнению, именно актуальное смысловое состояние регулирует процесс интеграции личности и окружающей действительности и во многом определяет адекватность субъективного действия относительно объективной реальности [Там же].

Вышесказанное актуализирует проблему исследования факторов, обуславливающих временную перспективу личности в контексте различных типов переживания АСС и их взаимосвязи с процессом синхронизации временных локусов смысла. Результаты ряда исследований (О.В. Лукьянов, Ж.С. Мамедова, Е.Ю. Мандрикова, Ю.Ю. Неяскина, Н.В. Хван и др.), направленных на изучение данной взаимосвязи, обнаружили сложность и нелинейность ее характера [3–8]. Цель нашего исследования заключалась в выявлении качественных особенностей временной перспективы при низких и высоких показателях осмысленности модусов временного континуума (прошлого, настоящего и будущего) и характере их синхронизации.

Организация исследования и методики. Исходя из конкретных задач эмпирического исследования,

нами были использованы следующие диагностические методики: для определения текущего АСС респондента, а также для выявления качественных характеристик параметров осмысленности жизни использовался тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева (в интерпретации, предложенной А.В. Серым и А.В. Юпитовым); для выявления качественных характеристик временной перспективы – методика Ф. Зимбардо (модификация А. Сырцовой, Е.Т. Соколовой, О.В. Митиной); оценка индивидуальных установок по отношению к личному прошлому, настоящему и будущему проводилась с помощью шкал временных установок Ж. Нюттена.

Эмпирическую базу исследования составили 103 человека (мужчин и женщин) в возрасте от 30 до 41 года, поделенные нами в ходе исследования на четыре выборки. По результатам использования теста СЖО были выделены две группы респондентов с высокими и низкими показателями выраженности осмысленности модусов временного континуума (первый и восьмой типы АСС соответственно).

В первую группу вошли респонденты с низкими показателями осмысленности прошлого, настоящего и будущего (21 человек). Далее эта группа будет условно обозначаться, как «ННН», что означает низкий уровень осмысленности прошлого, настоящего и будущего. Для респондентов данной группы характерны десинхронизация временных локусов смысла, неудовлетворенность прожитой частью жизни, недооценка настоящего, отсутствие осмысленного отношения к событиям прошлого, настоящего и четко сформулированных целей в будущем. Жизненные цели несут низкую мотивационную нагрузку. Фатализм, убежденность в невозможности контролировать события собственной жизни.

Вторая группа представлена респондентами с высокими показателями осмысленности прошлого, настоящего и будущего (42 человека). Условное обозначение «ВВВ», что означает высокий уровень осмысленности прошлого, настоящего и будущего. Для них характерна высокая оценка субъективного прошлого как результативного. Все временные локусы являются носителями смыслов и синхронизируются. События настоящего воспринимаются как эмоционально насыщенные. Достаточно высокий уровень мотивации через будущие события. Активная жизненная позиция, уверенность в способности контролировать свою жизнь.

Остальные респонденты (40 человек) составили третью и четвертую выборки исследования, для которых характерны конструктивные и деструктивные типы актуального смыслового состояния. В статье будут представлены результаты сравнения только двух групп, характеризующихся двумя полярными типами АСС, т.е. выборки с низкими и высокими показателями осмысленности прошлого, настоящего и будущего.

Для выявления специфики взаимосвязи между показателями осмысленности жизни и временной перспективы проводился корреляционный анализ. Для выявления факторной структуры системы оценивания временных модусов применялся факторный анализ.

Результаты. Корреляционный анализ, направленный на выявление взаимосвязей между шкалами методики временной перспективы Ф. Зимбардо, позволил нам обнаружить как различия, так и сходства во взаимосвязи исследуемых параметров при различных уровнях осмысленности прошлого, настоящего и будущего (табл. 1). Так, для респондентов обеих выборок характерна достаточно сильная взаимосвязь таких параметров временной перспективы, как негативное прошлое и фаталистическое настоящее. Мы можем сделать вывод о том, что независимо от того, насколько наполнены смыслами те или иные компоненты временного континуума, существует прямая взаимосвязь между фаталистическим отношением к жизни и негативной оценкой своего прошлого. Восприятие своего прошлого как негативного непосредственно отражается на интерпретации жизненных событий, которые наполняются отрицательными смыслами и оценками. Восприятие таких событий как чего-то, не зависящего от самого субъекта (фаталистическая установка), становится неким защитным механизмом, позволяющим субъекту снимать с себя ответственность за происходящие в его жизни события, на которые человек повлиять не в силах.

Интересным результатом, на наш взгляд, является выявление прямой взаимосвязи таких параметров временной перспективы, как негативное прошлое и будущее в выборке респондентов с высокими показателями осмысленности. Расчет коэффициента корреляции не позволяет нам говорить о направленном влиянии одного параметра на другой, однако мы можем выдвинуть предположение о том, что именно высокий уровень осмысления событий прошлого, даже несущих в себе объективную негативную нагрузку, позволяет людям более четко представлять себе свое будущее, ставить цели и намечать пути достижения этих целей с учетом прошлого опыта. Таким образом, временная перспектива, характеризующаяся негативным отношением к прошлому, для людей с высоким уровнем осмысленности является своеобразным внутренним ресурсом к движению в будущее. Данный ресурс не выявлен у респондентов с низким уровнем осмысленности прошлого, настоящего и будущего. Если рассмотреть данную взаимосвязь с другой стороны, то можно выдвинуть предположение о том, что стремление к лучшему будущему (выявленное с помощью диагностических методик) наталкивает людей на частичное обесценивание прошлого и, возможно, негативную оценку.

У респондентов с низким уровнем осмысленности прошлого, настоящего и будущего выявлены следующие взаимосвязи шкалы «гедонистическое настоящее»: прямая взаимосвязь со шкалой «фаталистическое настоящее» и обратная со шкалой «будущее». Для респондентов с низким уровнем осмысленности своего опыта, текущего процесса жизни и планируемых перспектив характерна взаимосвязь между убеждением в невозможности влиять на события собственной жизни и стремлением получать максимум удовольствий от настоящего, не загадывая при этом ничего на будущее.

Таблица 1

Коэффициент корреляции Пирсона между шкалами методики Ф. Зимбардо по временной перспективе

Шкалы методики Ф. Зимбардо	Шкалы методики Ф. Зимбардо			
	Негативное прошлое		Гедонистическое настоящее	
	ННН	ВВВ	ННН	ВВВ
Фаталистическое настоящее	0,63**	0,40**	0,48*	—
Будущее	—	0,41**	-0,53**	—

Примечание. * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

При исследовании взаимосвязи между смысло-жизненными ориентациями и временной перспективой были выявлены значительные различия между выборками респондентов (табл. 2). Так, у людей с низкой осмысленностью своего прошлого, настоящего и будущего отмечается наличие различной по силе обратной взаимосвязи между такими показателями временной перспективы, как негативное прошлое, фаталистическое настоящее, и практически всеми шкалами методики СЖО. Уровень осмысленности своего жизненного пути, отношение к себе как к свободному в своем выборе человеку, а также ощущение контроля над собственной жизнью у респондентов данной выборки находится в обратной взаимосвязи с пессимистическим, негативным отношением к своему прошлому и фаталистическим, безнадежным отношением к будущему и к жизни в целом. Подобная картина не наблюдается у респондентов с высоким уровнем осмысленности жизни, единственное, что объединяет изучаемые выборки, это наличие обратной взаимосвязи между рассматриваемыми параметрами временной перспективы и шкалой «ЛК-жизнь».

Интересен тот факт, что для людей с локализацией смыслов в различных временных локусах были выяв-

лены положительные взаимосвязи между шкалой «будущее» методики Ф. Зимбардо и шкалами «локус контроля-Я» и «цели» методики СЖО. Представление о себе как о сильной личности, обладающей свободой выбора, и наличие целей в будущем, придающих жизни осмысленность, находятся в прямой взаимосвязи с общей ориентацией человека на будущее, со стремлением действовать в настоящем ради выгоды в близком или отдаленном будущем. Ранее нами была описана специфика восприятия элементов временного континуума, заключающаяся в отделении области прошлого от областей настоящего и будущего, характерная для выборки ВВВ [9, 10]. Наличие обратной корреляции между восприятием своего прошлого как позитивного и восприятием настоящего как интересного и осмысленного подтверждает особенности субъективного восприятия временных локусов. Можно сделать предположение о том, что для людей с высоким уровнем осмысленности положительное отношение к прошлому становится неким якорем, не позволяющим двигаться вперед и наслаждаться настоящим, именно поэтому при восприятии прошлого, даже как светлого и теплого, респонденты данной группы отдаляют его от момента «сейчас» и «потом».

Таблица 2

Коэффициент корреляции Пирсона между шкалами методики СЖО и методики Ф. Зимбардо по временной перспективе

Шкалы методики СЖО↓	Шкалы методики Ф. Зимбардо					
	Негативное прошлое		Фаталистическое настоящее		Позитивное прошлое	
	ННН	ВВВ	ННН	ВВВ	ВВВ	ВВВ
Результат	-0,61**	—	-0,45*	—	—	—
Процесс	-0,59**	—	-0,47*	—	-0,30*	—
ЛК-Я	-0,48*	—	-0,69**	—	—	0,32*
ЛК-жизнь	-0,53*	-0,39**	-0,48*	-0,37*	—	—
ОЖ	-0,60**	—	-0,60**	—	—	—
Цели	—	—	—	—	—	0,31*

Примечания. * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

Результаты, полученные с помощью методики «Шкалы временных установок» Ж. Нюттена (представляющей собой семантический дифференциал и позволяющей респонденту дать вербальную оценку личному прошлому, настоящему и будущему), были подвергнуты факторному анализу. При проведении данного анализа нами использовался метод максимального правдоподобия (maximum likelihood) с применением варимакс-вращения. Полученные факторные структуры, в свою очередь, сравнивались между двумя выборками (табл. 3–5).

При низком уровне осмысленности временных локусов факторные структуры системы оценивания прошлого включают четыре фактора (описывают 76,2% общей суммарной дисперсии); настоящего – три фактора (64,37% общей суммарной дисперсии); будущего – шесть факторов (78,9% общей суммарной дисперсии).

При высоком уровне осмысленности временных локусов факторные структуры системы оценивания прошлого включают четыре фактора (описывают 62,89% общей суммарной дисперсии); настоящего – семь факторов (65,40% общей суммарной дисперсии); будущего – восемь факторов (69,82% общей суммарной дисперсии).

Для анализа содержания выделенных факторов нами были введены параметры измерения, к которым относились определенные группы прилагательных: 1) аффективная оценка (приятное / неприятное, прекрасное / ужасное, угрожающее / привлекательное, холодное / теплое, светлое / темное); 2) отдаленность во времени (стремительное / медленное, отдаленное / близкое, краткое / долгое, неизменное / постоянно меняющееся); 3) сложность (тяжелое / легкое); 4) ценность (полное/пустое, завершенное (успешное) / разочаровывающее (неудачное), скучное / интересное,

полное надежд / безнадежное, важное / неважное); 5) внутренний контроль (определенное извне/мое

личное, пассивное ожидание / активные действия, открытое / закрытое, знакомое / незнакомое).

Таблица 3

Факторная структура комплексной оценки личного прошлого в исследуемых группах

Группа 1 (ННН)	Группа 2 (ВВВ)
Содержание фактора и параметр измерения	Содержание фактора и параметр измерения
F1(38,45%) Эмоциональная ценность	F1 (23,92%) Общая аффективная оценка
1. Важное – неважное (ценность). 2. Интересное – скучное (ценность). 3. Привлекательное – угрожающее (аффективная оценка). 4. Полное надежд – безнадежное (ценность). 5. Теплое – холодное (аффективная оценка). 6. Стремительное – медленное (отдаленность во времени). 7. Светлое – темное (аффективная оценка)	1. Теплое – холодное (аффективная оценка). 2. Прекрасное – ужасное (аффективная оценка). 3. Светлое – темное (аффективная оценка). 4. Приятное – неприятное (аффективная оценка). 5. Легкое – тяжелое (сложность). 6. Привлекательное – угрожающее (аффективная оценка)
F2 (17,81%) Удовольствие	F2 (17,43%) Эффективная наполненность
1. Приятное – неприятное (аффективная оценка). 2. Полное – пустое (ценность). 3. Прекрасное – ужасное (аффективная оценка). 4. Легкое – тяжелое (сложность). 5. Близкое – отдаленное (отдаленность во времени)	1. Полное – пустое (ценность). 2. Завершенное (успешное) – разочаровывающее (неудачное) (ценность). 3. Полное надежд – безнадежное (ценность). 4. Стремительное – медленное (отдаленность во времени)
F3 (11,20%) Контроль	F3 (12,8%) Принятие
1. Мое личное – определяемое извне (внутренний контроль)	1. Мое личное – определяемое извне (внутренний контроль). 2. Интересное – скучное (ценность). 3. Близкое – отдаленное (отдаленность во времени)
F4 (8,71%) Результативность	F4 (8,74%) Ценность
1. Завершенное (успешное) – разочаровывающее (неудачное) (ценность). 2. Долгое – краткое (отдаленность во времени)	1. Важное – неважное (ценность) 2. Долгое – краткое (отдаленность во времени)

Проведенный анализ демонстрирует различную факторную структуру оценок личного прошлого, настоящего и будущего респондентами с низкими и высокими показателями осмысленности временных локусов. Кроме того, при рассмотрении системы параметров оценивания в рамках каждой выборки отдельно мы обнаружили, что для оценки прошлого, настоящего и будущего респондентами обеих групп применяются различные системы оценивания. При оценке своего жизненного пути для респондентов обеих групп, независимо от смысловой нагруженности временных компонентов, характерна более простая система оценок прошлого и усложнение данной системы при оценивании настоящего и будущего (для выборки ВВВ) и только будущего (для выборки ННН).

При сравнении факторных структур оценки временных периодов жизненного пути между выборками отмечается большая дифференцированность системы оценивания у респондентов с высоким уровнем осмысленности. Для респондентов же с низким уровнем осмысленности прошлого, настоящего и будущего характерна относительно недифференцированная система оценок – так, практически во всех выделенных факторах наряду с такими параметрами, как сложность, внутренний контроль и ценность, присутствует категория аффективного отношения. Исключение составляет система оценивания личного будущего – в данном случае выявлена довольно дифференцированная система оценивания, что, на наш взгляд, может быть объяснено уже описанным выше отношением к будущему, характерным для респондентов с низким уровнем осмысленности, для них будущее –

это отдельный жизненный этап, в котором будет воплощено все то, чего человек лишен в прошлом и настоящем. Именно поэтому система оценки будущего усложняется и дифференцируется.

У респондентов второй выборки аффективные установки выделяются в отдельные факторы и лишь иногда встречаются в единстве с таким параметром измерения, как ценность.

На наш взгляд, выявленные различия между выборками в структурах комплексной оценки личного прошлого, настоящего и будущего объясняются особенностями актуального смыслового состояния, характерного для данных групп. У людей с низкими показателями осмысленности прошлого, настоящего и будущего отмечается восприятие мира через призму неудовлетворенности и пессимизма; отсутствие осмысливания опыта прошлого и настоящего представляет собой некие закрытые каналы взаимодействия с окружающим миром, что в результате приводит к довольно сумбурной и размытой системе оценивания личного жизненного пути, непосредственно связанной с эмоциональным отношением. Противоположный тип актуального смыслового состояния характеризуется продуктивным оцениванием прошлого и настоящего, в свою очередь для подобной оценки необходимо разграничивать аффективные установки и осознание ценности принятого опыта. Осмысленность в различных временных локусах позволяет человеку рассматривать внешние объекты с различных ракурсов, наделяя их при этом определенной ценностью для себя, не зависимой от эмоционального отношения к объекту.

Факторная структура комплексной оценки личного настоящего в исследуемых группах

Т а б л и ц а 4

Группа 1 (ННН)	Группа 2 (ВВВ)
Содержание фактора и параметр измерения	Содержание фактора и параметр измерения
F1 (28,6%) Удовольствие от процесса	F1 (19,41%) Осмысленное управление
1. Приятное – неприятное (аффективная оценка). 2. Завершенное (успешное) – разочаровывающее (неудачное) (ценность). 3. Полное – пустое (ценность). 4. Прекрасное – ужасное (аффективная оценка). 5. Светлое – темное (аффективная оценка). 6. Легкое – тяжелое (сложность). 7. Привлекательное – угрожающее (аффективная оценка). 8. Близкое – отдаленное (отдаленность во времени)	1. Интересное – скучное (ценность). 2. Важное – неважное (ценность). 3. Активные действия – пассивное ожидание (внутренний контроль). 4. Открытое – закрытое (внутренний контроль). 5. Стремительное – медленное (отдаленность во времени). 6. Полное – пустое (ценность)
F2 (26,13%) Насыщенность	F2 (10,29%) Эмоциональная ценность
1. Полное надежд – безнадежное (ценность). 2. Постоянно меняющееся – неизменное (отдаленность во времени). 3. Теплое – холодное (аффективная оценка). 4. Важное – неважное (ценность). 5. Активные действия – пассивное ожидание (внутренний контроль). 6. Открытое – закрытое (внутренний контроль). 7. Стремительное – медленное (отдаленность во времени). 8. Интересное – скучное (ценность). 9. Мое личное – определяемое извне (внутренний контроль)	1. Текущее – холодное (аффективная оценка). 2. Полное надежд – безнадежное (ценность). 3. Светлое – темное (аффективная оценка). 4. Привлекательное – угрожающее (аффективная оценка)
F3 (9,65%) Динамичность	F3 (9,29%) Отношение
1. Знакомое – незнакомое (внутренний контроль). 2. Долгое – краткое (отдаленность во времени)	1. Знакомое – незнакомое (внутренний контроль). 2. Легкое – тяжелое (сложность). 3. Близкое – отдаленное (отдаленность во времени). 4. Долгое – краткое (отдаленность во времени)
F4 (7,49%) Удовольствие	F4 (7,49%) Удовольствие
	1. Приятное – неприятное (аффективная оценка)
F5 (7,33%) Управляемость	F5 (7,33%) Управляемость
	1. Мое личное – определяемое извне (внутренний контроль). 2. Постоянно меняющееся – неизменное (отдаленность во времени)
F6 (6,11%) Аффективная оценка	F6 (6,11%) Аффективная оценка
	1. Прекрасное – ужасное (аффективная оценка)
F7 (5,47%) Результативность	F7 (5,47%) Результативность
	1. Завершенное (успешное) – разочаровывающее (неудачное) (ценность)

Факторная структура комплексной оценки личного будущего в исследуемых группах

Т а б л и ц а 5

Группа 1 (ННН)	Группа 2 (ВВВ)
Содержание фактора и параметр измерения	Содержание фактора и параметр измерения
F1 (16,75%) Активный контроль	F1 (18,66%) Аффективная ценность
1. Активные действия – пассивное ожидание (внутренний контроль). 2. Близкое – отдаленное (отдаленность во времени). 3. Мое личное – определяемое извне (внутренний контроль). 4. Открытое – закрытое (внутренний контроль). 5. Стремительное – медленное (отдаленность во времени)	1. Полное надежд – безнадежное (ценность). 2. Светлое – темное (аффективная оценка). 3. Привлекательное – угрожающее (аффективная оценка). 4. Завершенное (успешное) – разочаровывающее (неудачное) (ценность). 5. Теплое – холодное (аффективная оценка). 6. Интересное – скучное (ценность)
F2 (16,66%) Эмоциональная ценность	F2 (9,03%) Отношение
1. Светлое – темное (аффективная оценка). 2. Интересное – скучное (ценность) 3. Долгое – краткое (отдаленность во времени) 4. Важное – неважное (ценность)	1. Легкое – тяжелое (сложность). 2. Знакомое – незнакомое (внутренний контроль). 3. Близкое – отдаленное (отдаленность во времени)
F3 (15,08%) Насыщенность	F3 (8,45%) Нацеленность
1. Полное – пустое (ценность). 2. Привлекательное – угрожающее (аффективная оценка). 3. Завершенное (успешное) – разочаровывающее (неудачное) (ценность)	1. Активные действия – пассивное ожидание (внутренний контроль). 2. Важное – неважное (ценность). 3. Полное – пустое (ценность)
F4 (10,87%) Удовольствие	F4 (8,06%) Организованность во времени
1. Прекрасное – ужасное (аффективная оценка). 2. Приятное – неприятное (аффективная оценка)	1. Открытое – закрытое (внутренний контроль). 2. Постоянно меняющееся – неизменное (отдаленность во времени)
F5 (10,68%) Беззаботность	F5 (6,67%) Длительность
1. Легкое – тяжелое (сложность). 2. Постоянно меняющееся – неизменное (отдаленность во времени). 3. Полное надежд – безнадежное (ценность)	1. Долгое – краткое (отдаленность во времени)
F6 (8,87%) Комфорт	F6 (6,53%) Эмоциональная насыщенность
1. Знакомое – незнакомое (внутренний контроль). 2. Теплое – холодное (аффективная оценка)	1. Прекрасное – ужасное (аффективная оценка). 2. Стремительное – медленное (отдаленность во времени)
F7 (6,19%) Удовольствие	F7 (6,19%) Удовольствие
	1. Приятное – неприятное (аффективная оценка)
F8 (6,02%) Контроль	F8 (6,02%) Контроль
	1. Мое личное – определяемое извне (внутренний контроль)

Выводы. Результаты проведенного эмпирического исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Временная перспектива при высоком и низком уровне осмысленности прошлого, настоящего и будущего характеризуется рядом различий по таким параметрам как: осмысленность временных локусов; восприятие взаимосвязи модусов временного континуума; широта и наполненность событийного диапазона временных модусов; аффективные установки по отношению к прошлому, настоящему и будущему; уровень удовлетворенности прошлым и настоящим, уровень притязаний к будущему; мотивационные устремления, входящие в субъективный образ будущего.

2. При низком и высоком уровне осмысленности отмечаются различия в системе корреляционных взаимосвязей между параметрами временной перспективы, в то же время, независимо от уровня осмысленности прошлого, настоящего и будущего, отмечается взаимосвязь между такими параметрами временной перспективы, как негативное прошлое и фаталистическое настоящее.

3. При низком уровне осмысленности временных компонентов жизненного пути отмечается наличие различной по силе обратной взаимосвязи между всеми компонентами смысложизненной ориентации и такими параметрами временной перспективы, как негативное прошлое и фаталистическое настоящее.

4. Факторные структуры системы оценивания временных периодов жизненного пути при высоких показателях осмысленности характеризуются дифференцированностью и сложностью; при низких показателях осмысленности – отмечается ведущая роль аффективных установок в оценке прошлого и настоящего, а также наблюдается усложнение и дифференциация системы оценивания личного будущего.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает наличие качественных особенностей временной перспективы личности при различном уровне осмысленности прошлого, настоящего и будущего, что, в свою очередь, говорит о сложной и нелинейной системе взаимосвязей и взаимовлияния параметров осмысленности жизни и временной перспективы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яницкий М.С., Серый А.В. Основные методологические подходы к изучению ценностно-смысловой сферы личности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 19. С. 82–97.
2. Гинзбург М.Р. Психологическое содержание личностного самоопределения // Вопросы психологии. 1994. № 3. С. 43–52.
3. Серый А.В. Психологические механизмы функционирования системы личностных смыслов у студентов вуза в процессе обучения : дис. ... д-ра психол. наук. Иркутск, 2005. 411 с.
4. Лукьянов О.В., Нейскина Ю.Ю. Смысловые детерминанты временной перспективы личности // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 360. С. 152–157.
5. Мамедова Ж.С. Взаимосвязь ценностных ориентаций и временной перспективы личности: (на примере делинквентных подростков) : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2007. 26 с.
6. Серый А.В., Карась Д.В. Уровень напряженности защитных механизмов личности в зависимости от типа актуального смыслового состояния // Сибирский психологический журнал. 2007. № 25. С. 29–34.
7. Хван Н.В. Взаимосвязь временной перспективы и ценностно-смысловой организации жизненного мира человека : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2015. 24 с.
8. Яницкий М.С., Серый А.В., Проконич О.А. Особенности временной перспективы личности представителей различных ценностных типов массового сознания // Вестник КРАУНЦ. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 2 (20). С. 175–180.
9. Вечканова Е.М., Нейскина Ю.Ю. Событийная наполненность временной перспективы личности при блокировке модусов временного континуума // Теория и практика современных гуманитарных и естественных наук. Вып. 1 : в 3 ч. Ч. 2. 2012. С. 28–35.
10. Вечканова Е.М., Нейскина Ю.Ю. Особенности временной перспективы личности при различных типах актуального смыслового состояния // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 167–179.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 23 апреля 2015 г.

FACTOR STRUCTURE OF PERSON'S TIME PERSPECTIVE MODES IN THE CONTEXT OF ACTUAL MEANING STATE EXPERIENCES

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 204–210. DOI: 10.17223/15617793/395/33

Vechkanova Elena M. Vitus Bering Kamchatka State University (Petropavlovsk-Kamchatskiy, Russian Federation). E-mail: Colombina6@mail.ru.

Keywords: actual meaning state; person's time perspective; meaning-life orientation; factor structure of integrated assessment of time perspective modes.

The problem of the study of axiological aspects in unity with the temporal organization of an individual life way makes it relevant to study time perspective factors in the context of different types of actual meaning state (AMS) experience. The article describes the results of an empirical research of qualitative features of person's time perspective in different types AMS, these types are characterized by low and high levels of meaningfulness of time continuum modes. The study involved 103 people (men and women) aged 30 to 41. The total sample of respondents was divided into four groups according to the type of actual meaning state. The article attempts to compare the parameters of two groups, characterized by polar AMS types. It was found that the correlation of the various time perspective parameters varies with a different level of time loci meaningfulness: respondents with high indicators of life meaningfulness show a direct correlation between such parameters of time perspective as a negative past and future. These data can be explained by an assumption that for people with a high level of meaningfulness, negative attitude to the past is a kind of an internal resource to move to the future. Respondents with low indicators of life meaningfulness show a direct correlation between the indicators of the hedonistic present and future. Regardless of the level of meaningfulness, actual meaning state has a sufficiently strong correlation between the parameters of “negative past” and “fatalistic present”. The analysis of the correlation system between the time perspective parameters and the components of life-

purpose orientations revealed that a low level of meaningfulness of time continuum modes show inverse correlations of different degree between all life orientation components and such parameters of time perspective as a negative past and a fatalistic present. The study describes the factor structure of person's time perspective modes. This structure reflects an integrated system of assessment of a temporal life period. With a high level of meaningfulness of time continuum modes, the factor structure is characterized by differentiation and complexity. With a low level of meaningfulness of time continuum modes in the assessment of the personal past and present, affective orientations are most significant, the assessment of the personal future is characterized by increasing complexity and differentiation.

REFERENCES

1. Yanitskiy M.S., Seryy A.V. The basic methodological approaches to the study of the personal value-semantic sphere. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2012, no. 19, pp. 82–97. (In Russian).
2. Ginzburg M.R. Psichologicheskoe soderzhanie lichnostnogo samoopredeleniya [Psychological content of personal self-determination]. *Voprosy psichologii*, 1994, no. 3, pp. 43–52.
3. Seryy A.V. *Psichologicheskie mekhanizmy funktsionirovaniya sistemy lichnostnykh smyslov u studentov vuza v protsesse obucheniya*: dis. d-ra psikhol. nauk [Psychological mechanisms of functioning of the system of personal senses of the university students in the learning process. Psychology Dr. Diss.]. Irkutsk, 2005. 411 p.
4. Luk'yanov O.V., Neyaskina Yu.Yu. Meaning determinants of personality's temporal perspective. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 2012, no. 360, pp. 152–157. (In Russian).
5. Mamedova Zh.S. *Vzaimosvyaz' tsennostnykh orientatsiy i vremennoy perspektivy lichnosti: (na primere delinkvencykh podrostkov)*: avtoref. dis. kand. psikhol. nauk [Interrelation of value orientations and time prospect of the person in delinquent adolescents. Abstract of Psychology Cand. Diss.]. Moscow, 2007. 26 p.
6. Seryy A.B., Karas' D.V. Uroven' napryazhennosti zashchitnykh mekhanizmov lichnosti v zavisimosti ot tipa aktual'nogo smyslovogo sostoyaniya [The level of intensity of the protective mechanisms of personality depending on the current semantic state]. *Sibirskiy psichologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 2007, no. 25, pp. 29–34.
7. Khvan N.V. *Vzaimosvyaz' vremennoy perspektivy i tsennostno-smyslovoy organizatsii zhiznennogo mira cheloveka*: avtoref. dis. kand. psikhol. nauk [Correlation of time perspective and axiological organization of human life world. Abstract of Psychology Cand. Diss.]. Tomsk, 2015. 24 p.
8. Yanitskiy M.S., Seryy A.V., Prokonich O.A. Osobennosti vremennoy perspektivy lichnosti predstaviteley razlichnykh tsennostnykh tipov massovogo soznaniya [Features of personal time perspective of representatives of various value types of mass consciousness]. *Vestnik KRAUNTs. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2012, no. 2 (20), pp. 175–180.
9. Vechkanova E.M., Neyaskina Yu.Yu. [Eventfullness of time perspective of a person with locked modes of time continuum]. *Teoriya i praktika sovremennykh gumanitarnykh i estestvennykh nauk: materialy ezhegodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Theory and practice of contemporary arts and sciences: materials annual scientific conference]. 2012, v. 1, pt. 2, pp. 28–35. (In Russian).
10. Vechkanova E.M., Neyaskina Yu.Yu. Osobennosti vremennoy perspektivy lichnosti pri razlichnykh tipakh aktual'nogo smyslovogo sostoyaniya [Features of personal time perspective for various types of current sense condition]. *Vestnik KRAUNTs. Gumanitarnye nauki*, 2011, no. 2, pp. 167–179.

Received: 23 April 2015

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИИ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРОСТКОВ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Рассматривается рабочий вариант педагогической модели процесса формирования мотивации творческой деятельности подростков в системе дополнительного образования. В ходе создания педагогической модели были определены её основные структурные составляющие и представлены связи между её педагогическими блоками. Модель ориентировала подростков на достижение успеха, который по принципу положительной обратной связи усиливает формирование мотивации и повышает творческие возможности воспитанников.

Ключевые слова: педагогическое моделирование; оценка творческой деятельности; мотивация; поэтический кружок; система дополнительного образования.

Моделирование – один из теоретических методов научного исследования. Метод моделирования даёт возможность объединить эмпирическое и теоретическое в педагогическом исследовании – сочетать в ходе изучения педагогического объекта эксперимент, построение логических конструкций и научных абстракций [1. С. 3]. Многие теории построения и создания моделей прочно укрепились в педагогике, однако единства подходов к данному понятию нет. Поэтому возникает необходимость уточнения понимания моделирования в контексте нашего исследования.

Как указывает В.А. Штофф, слово «модель» произошло от лат. *modus*, *modulus* (мера, образ, способ и т.п.), и его первоначальное значение было связано со строительным искусством.

По мнению К.Б. Баторова, «модель – есть созданная или выбранная субъектом система, воспроизводящая существенные для данной цели познания стороны (элементы, свойства, отношения, параметры) изучаемого объекта и в силу этого находящаяся с ним в таком отношении замещения и сходства, что исследование её служит опосредованным способом получения знания об этом объекте».

В широком смысле, модель – это любой образ, аналог (мысленный или условный: изображение, описание, схема, чертёж, график, план, карта и т.п.) какого-либо объекта, процесса или явления, используемый в качестве его «заместителя», «представителя» [2. С. 4].

Модель – это искусственно созданный объект в виде схемы, физических конструкций, знаковых форм или формул, который, будучи подобен исследуемому объекту (или явлению), отображает и воспроизводит в более простом и огрубленном виде структуру, свойства, взаимосвязи и отношения между элементами этого объекта [3. С. 1].

Л.И. Новикова характеризует моделирование как «воспроизведение характеристик некоторого объекта на другом объекте, специально созданном для его изучения». Этот второй объект называют моделью.

«Модель» в педагогической литературе применяется в значении схемы, теории или как синоним гипотезы.

Отношения между моделью и оригиналом отвечают определённым требованиям: между ними существуют отношения ограниченного подобия, в процессе научного познания модель заменяет оригинал, и изучение модели даёт информацию об оригинале [4. С. 7].

При этом отношения объектов являются социальными обусловленными, а не природными. Их определяет исследователь в процессе познания, основываясь на объективных свойствах и связях оригинала и модели. Это значит, что модель в процессе познания осуществляет свою функцию в зависимости от значения, получаемого ею как заместителем исследуемого объекта [5. С. 15]. Кроме того, использование модели оправдано, как правило, для получения такой информации об оригинале, которую невозможно или затруднительно приобрести при помощи непосредственного исследования оригинала.

Для моделирования и изучения системы требуется, во-первых, определить её структурные составляющие, а во-вторых, выделить между ними связи. Кроме того, этот процесс необходимо организовать таким образом, чтобы множество структурных единиц и связей модели включали меньше элементов по сравнению с реальной системой. Добиться этого возможно выделением существенных определяющих поведение системы составляющих и связей между ними [6. С. 50].

В процессе моделирования педагогических систем в качестве основного взаимодействия между их компонентами, как правило, указывают педагогические связи, так как при рассмотрении человека (в нашем случае подростка) как объекта с его психическими и физиологическими параметрами появляется возможность подобрать такие параметры и объективные ограничения, которые должны соблюдаться в любой методике или технологии. Модель с педагогическим взаимодействием даёт возможность более точно спроектировать деятельность подростка и определить критерии выбора, направленные на формирование мотивации его творческой деятельности в системе дополнительного образования.

Создав такую педагогическую модель, можно выделить структуру и содержание, требующиеся для достижения поставленных целей, что, в свою очередь, способствует возникновению различных вариантов формирования мотивации творческой деятельности подростков в системе дополнительного образования.

В ходе создания педагогической модели процесса формирования мотивации творческой деятельности подростков в системе дополнительного образования будут определены её структурные составляющие и связи. Необходимо отметить, что автор статьи является

ся педагогом дополнительного образования в православной гимназии г. Белгорода и руководит поэтическим кружком, направленным на изучение поэтического творчества и умения донести его духовную глубину до слушателей с помощью разных сценических представлений.

Нами разработана педагогическая модель, адаптивная к изменяющимся условиям и использующаяся при обучении поэтическому искусству воспитанников.

Модель процесса формирования мотивации творческой деятельности подростков в системе дополнительного образования состоит из нескольких блоков и представлена на рис. 1.

Целевой блок, содержащий основную цель исследований, включает в себя параллельное формирование у воспитанников устойчивой мотивации к поэтическому творчеству и их обучение основам профессионального мастерства в сфере поэзии.

Содержательный блок включает педагогические условия, определяющие качество работы в сфере дополнительного образования, а также методы и формы обучения и воспитания и основные критерии, с помощью которых можно оценить уровень развития творческой деятельности подростков. Важной предпосылкой для реализации модели является наличие необходимого комплекса педагогических условий, обеспечивающих формирование мотивации творческой деятельности подростков в системе дополнительного образования.

В ходе изучения психолого-педагогической литературы и на основании нашего исследования мы пришли к выводу, что необходимыми педагогическими условиями выступают следующие:

1. Разработка областными органами управления образования дополнительных положений и нормативно-правовой базы, обеспечивающей развитие различных форм дополнительного образования в учебных заведениях на региональном и муниципальном уровнях.

2. Создание образовательной среды по развитию творческой деятельности в системе дополнительного образования в учебных заведениях.

3. Постепенное увеличение трудности упражнений и заданий в работе поэтического кружка.

4. Участие подростков в поэтических концертах.

5. Организация в коллективе педагогической поддержки педагогом дополнительного образования.

6. Разработка индивидуального творческого маршрута для каждого ученика.

7. Создание для каждого школьника ситуации успеха.

В ходе исследования нами были использованы следующие методы и формы развития мотивации творческой деятельности подростков в системе дополнительного образования: беседы, анкеты, психологические тесты, психологические игры, самоанализ, взаиморецензирование, индивидуальная, групповая и коллективная работа.

Для выявления уровня развития творческой деятельности подростков были разработаны критерии

оценки на разных этапах работы с воспитанниками, определяющие начальный, промежуточный и завершающий уровни знаний, способностей и отношения к творческой деятельности:

1. Основы стихосложения. Знание и понимание рифмы, жанра, поэтической стопы, которое выражается в умении подобрать рифму к заданному слову; в знании видов рифм (смежная, кольцевая, перекрёстная, сквозная, женская, мужская); определить жанр стихотворения (лирика, басня, частушка, потешка, загадка, эпиграмма, ода, сказка, элегия); определить поэтический метр и поэтическую стопу (хорей, ямб, анапест, амфибрахий, дактиль).

2. Декламация, качество речи. С учетом этой оценки строились занятия по риторике, дикции, ораторскому искусству.

3. Гибкость мышления и оригинальность. Эти качества оценивались через игровую форму (игра «Буриме»), а также по индивидуальному заданию.

4. Толерантность. Оценивалась с помощью психологических игр на доверие.

5. Качество памяти. Проверялось путём сравнения запоминания стихотворения на разных этапах занятий.

6. Умение держаться на сцене. Оценку давал педагог по итогам выступлений воспитанников на различных творческих мероприятиях.

Творческий блок, направленный на развитие творческой деятельности подростков, включает в себя: проведение поэтических выступлений, творческих игр, творческих заданий, упражнения по риторике, изучение творческих концепций, истории поэзии, написание собственных поэтических произведений воспитанниками.

Мотивационный блок раскрывает теоретические концепции формирования мотивации творческой деятельности и излагает практическую часть нашего диссертационного исследования, а именно: формирование любопытства, интереса, побуждения и мотива к развитию творческой деятельности подростков в системе дополнительного образования.

Творческий и мотивационный блоки составляют единый комплекс педагогических действий, направленных на формирование у воспитанников устойчивой привычки к занятиям творчеством. Привычка систематического посещения кружковых занятий побуждала к формированию мотивации к творческой деятельности и способствовала дальнейшему развитию поэтических способностей.

Реализация данной модели на практике позволила провести с воспитанниками ряд поэтических выступлений как в самой гимназии, так и в других учебных заведениях г. Белгорода. Подчёркнём, что особенностью представленной модели является ориентация подростков на достижение успеха, который по принципу положительной обратной связи усиливает формирование мотивации и повышает творческие возможности воспитанников.

Все блоки нашей педагогической модели: целевой, содержательный, творческий, мотивационный – реализовывались в системе дополнительного образования.

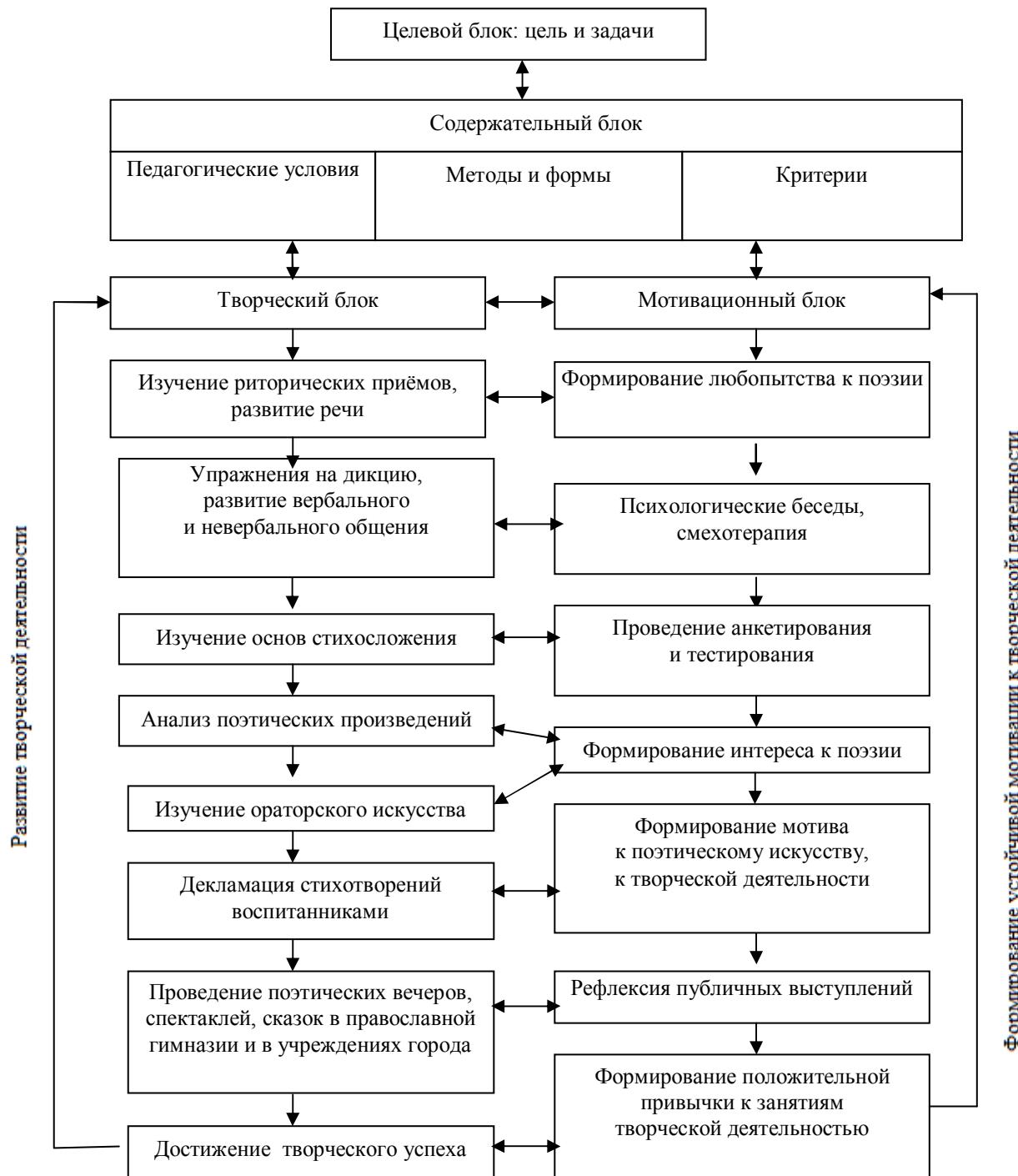

Рис. 1. Модель процесса формирования мотивации творческой деятельности подростков в системе дополнительного образования

На начальном этапе становления поэтического кружка при работе с подростками важно постепенное увеличение трудности упражнений, поэтому первые занятия были посвящены формированию любопытства к поэтическому творчеству. На этом этапе разработана система игр и личных выступлений, бесед, включённых в нашу рабочую программу, содержащих в себе занимательные упражнения, пояснения и задания по развитию поэтического искусства. Для закрепления первичного интереса и его дальнейшего формирования были проведены практические занятия, включающие в себя чтение поэтических произведе-

ний, упражнения на развитие речи и дыхания, изучение риторических приёмов.

Для развития риторических способностей с воспитанниками были изучены приёмы верbalного и невербального общения на сцене. В дополнение к этому рассказывались юмористические выдержки из собственного творческого опыта с целью снятия напряжения перед выступлениями. Классный руководитель принимал активное участие и поддерживал подростковый коллектив психологическими советами и рекомендациями, совместно с ним осуществлялась разработка индивидуального творческого маршрута для каждого ученика.

Для углубленного изучения поэтического произведения и декламации его на публике нами были проведены практические занятия на сцене с воспитанниками, где они обучались тонкостям ораторского и поэтического мастерства.

На основании проведенных бесед и практических занятий в классе и на сцене у воспитанников начало проявляться стремление к индивидуальной и коллективной творческой деятельности. Стремление воспитанников усилило первичный интерес к изучению поэтического творчества.

Для дальнейшего формирования мотивации творческой деятельности ставилась задача создания ситуаций успеха. В соответствии с нашей рабочей программой «В мире поэзии» был организован и проведён поэтический вечер, где выступил наш творческий коллектив. На это мероприятие были приглашены подростки из других классов, родители наших воспитанников и администрация школы. Благодаря успешному выступлению воспитанники получили удовлетворение от участия в поэтическом вечере. Ситуация успеха также усилила интерес к творческой деятельности в сфере поэзии.

После выступления осуществлялась рефлексия, а именно проводилось обсуждение с подростковым коллективом успехов и неудач поэтического вечера; выдвигались предложения по устранению ошибок, недочётов в ходе проведения поэтического вечера, на основании фото- и видеоматериалов проводился анализ проведённого мероприятия: дальнейшее обучение и формирование уверенности в усложнении выполнения поставленных творческих задач. Во время рефлексии нами осуществлялась педагогическая поддержка, способствующая выработке у воспитанников уверенности в своих силах, желания трудиться дальше и формированию устойчивой привычки к коллективному творчеству.

Для закрепления успеха были организованы и проведены ряд поэтических вечеров на различную тематику в стенах гимназии с активным участием нашего творческого коллектива.

В ходе экспериментальной работы у воспитанников вырабатывалась устойчивая привычка посещения поэтического кружка с целью встреч с коллективом и педагогом, а также для повышения своих профессиональных творческих навыков, поэтому всталась задача

выйти с поэтическими концертами в другие учебные заведения города.

Для демонстрации результатов работы поэтического кружка за пределами гимназии были выбраны и проведены поэтические спектакли-сказки.

Успех публичных выступлений побудил подниматься на новый творческий уровень: некоторые воспитанники стали осуществлять первые попытки в написании собственных поэтических произведений.

Подводя общий итог, подчеркнём, что у воспитанников поэтического кружка в конечном итоге был сформирован мотив, направлённый на активную творческую работу, который способствовал созданию собственных стихотворений и постановке поэтических спектаклей-сказок.

Из представленного выше материала следует, что описанная нами педагогическая модель была реализована на практике, помогла нам добиться положительных творческих результатов.

Безусловно, существовало большое количество трудностей по внедрению и реализации модели. Были периоды спада инициативы, особенно при изучении концепций мотивации и истории поэзии. Также были неудачи в публичных выступлениях. На начальных этапах низкий уровень самоанализа не давал должного понимания и осмысливания проделанной воспитанниками самостоятельной работы. Контакты с родителями, классным руководителем на первых этапах были крайне неустойчивы. Формирование мотивационной сферы личности потребовало больших временных затрат и энергии. Для прочтения поэтических произведений, написанных воспитанниками, потребовалось заслужить доверие коллектива, ведь стихотворения – это индивидуальная психологическая часть мировоззрения подростка. Но в итоге нам удалось заинтересовать подростков и ознакомиться с большим количеством их собственных произведений.

В заключение отметим, что эффективность применения данной педагогической модели в процессе реализации творческой деятельности с подростками доказана на примере работы поэтического кружка в православной гимназии. Это подтверждается процентным ростом показателей критериев творческой деятельности, описанных нами в начале статьи. Данные приводятся в таблице.

Критерии / этапы эксперимента	Констатирующий эксперимент, %	Формирующий эксперимент, %	Контрольный эксперимент, %
Основы стихосложения	18	25	30
Декламация	20	23	29
Гибкость мышления и оригинальность	30	35	45
Толерантность	40	43	50
Качество памяти	40	44	55
Умение держаться на сцене	20	25	40

Приведенные данные получены нами в ходе эксперимента, проводимого по результатам анкетирования, контрольных работ, тестирования и процесса мониторинга за деятельностью воспитанников. Наше исследование было разбито на три основных этапа: констатирующий, формирующий и контрольный эксперименты. Констатирующий экспе-

римент демонстрировал невысокий уровень показателей критериев творческой деятельности. Однако постепенная работа на основе представленной педагогической модели повысила результаты. Так, в процессе формирующего эксперимента критерий «основы стихосложения» поднялся на 7% по сравнению с показателем констатирующего экспери-

мента. Критерий «декламация» повысился на 3%, «гибкость мышления и оригинальность» – на 5%. «Толерантность» повысилась на 3%, а «качество памяти» улучшилось на 4%. Критерий «умение держаться на сцене» – на 5%. Среднее значение повышения всех критериев от констатирующего до формирующего эксперимента составило 5%.

Контрольный эксперимент продолжил повышение процентных результатов по сравнению с формирующим экспериментом. Так, критерий «основы стихосложения» повысился на 5%, «декламация» – на 6%, «гибкость мышления и оригинальность» – на 10%, «толерантность» – на 7%, «качество памяти» – на 11%, «умение держаться на сцене» – на 15%. Среднее значение повышения всех критериев от формирующего до контрольного эксперимента составило 9%.

Таким образом, повышение каждого критерия творческой деятельности увеличилось более чем на 10% от констатирующего до контрольного эксперимента, что

говорит об эффективности применения педагогической модели в процессе формирования мотивации творческой деятельности подростков в системе дополнительного образования. Повышение критериев, по нашему представлению, привело к эффективной организации творческой деятельности подростков.

Представленная модель была реализована и дала положительный результат. Воспитанники избавились от страха выступать публично, стали писать собственные произведения, выступать на поэтических вечерах, самостоятельно организовывать поэтические выступления, у них появилось желание к углубленному изучению поэтического искусства.

Таким образом, представленная модель процесса формирования мотивации творческой деятельности подростков на сегодняшний момент является эффективной и может быть рекомендована для использования в различных сферах дополнительного образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаев И.Ф., Ерошенкова Е.И., Ларина Е.О. Моделирование институциональных структур в высшей школе // Научные ведомости БелГУ. Гуманитарные науки. №18 (137). Вып. 15. 2012. С. 168–173.
2. Богатырев А.И. Теоретические основы педагогического моделирования (сущность и эффективность). Издательский дом «Образование и наука». URL: http://www.rusnauka.com/SND/Pedagogica/2_bogatyrev%20a.i..doc.htm.
3. Бешенков С.А. Моделирование и формализация : метод. пособие. М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2002. 336 с.
4. Новикова Л.И. Методологический аспект проблемы моделирования воспитательных систем // Моделирование воспитательных систем: теория практике / под ред. Л.И. Новиковой, Н.Л. Селивановой. М. : Изд-во РОУ, 1995. С. 5–10.
5. Лодатко Е.А. Моделирование педагогических систем и процессов. Славянск : СГПУ, 2010. 148 с.
6. Дахин А.Н. Педагогическое моделирование. Новосибирск : Изд-во НИПКиПРО, 2005. 230 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 15 апреля 2015 г.

SIMULATION OF TEENAGERS' CREATIVE ACTIVITY MOTIVATION FORMATION IN THE SYSTEM OF ADDITIONAL EDUCATION

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 211–216. DOI: 10.17223/15617793/395/34

Zverev Pavel A. Belgorod National Research University (Belgorod, Russian Federation). E-mail: Z O-V-V@yandex.ru

Keywords: teenagers; creative activity; motivation; pedagogical modeling; poetry.

The article discusses the working version of the pedagogical model of the formation of motivation of the teenagers' creative activity in the system of additional education (next is the pedagogical model). During the creation of this pedagogical model, its general structural components and varied connections between forms and methods of the pedagogical education were determined. It should also be stated that the author of the article is a teacher of additional education in the Belgorod Orthodox School and he also heads a poetry circle which studies poetry and skills to convey its spiritual intensity to the audience using different stage performances. The pedagogical model, according to the results of the work done, may be represented by the following units. ***The objective unit*** contains the main objective of the research that includes parallel formation of the pupils' sustainable motivation to poetry and their study of fundamentals of professional skills in the field of poetry. ***The content unit*** includes pedagogical conditions that define work quality in the field of additional education, methods and forms of teaching and upbringing and basic criteria that help to assess the level of teenagers' creative activity development. Availability of the necessary complex of pedagogical conditions that help form teenagers' creative activity motivation in the system of additional education is an important background for the implementation of the model. ***The creative unit***, aimed at the development of the teenagers' creative activity, includes the following: holding poetry nights, creative plays, creative tasks, exercises in rhetoric, studying creative concepts, the history of poetry, writing one's own poetry, reciting poetical works. ***The motivational unit*** shows the theoretical concepts of creative activity motivation formation and is the practical part of our pedagogical research, namely: formation of curiosity, interest, motivation and motive for the development of the teenagers' creative activity in the system of additional education. The creative and motivational units form a single complex of pedagogical actions aimed at the formation of a long-term habit to be creative. The habit of regular visiting classes in circles stimulated the creative activity motivation formation and contributed to the further development of poetic skills. The implementation of this model in practice gave an opportunity to make a number of poetic performances with the pupils both in the Orthodox School and in other educational institutions of Belgorod. The author emphasizes that a feature of this model is targeting teenagers for success, which intensifies motivation formation and increases the creative possibilities of the pupils by the principle of a positive feedback.

REFERENCES

1. Isaev I.F., Eroshenkova E.I., Larina E.O. Modelirovaniye institutsiynykh struktur v vysshey shkole [Modeling institutional structures in a university]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2012, no.18 (137), is. 15. pp. 168–173.

2. Bogatyrev A.I. *Teoreticheskie osnovy pedagogicheskogo modelirovaniya (sushchnost' i effektivnost')* [Theoretical basis of pedagogical modeling (nature and effectiveness)]. Available from: http://www.rusnauka.com/SND/Pedagogica/2_bogatyrev%20a.i..doc.htm
3. Beshenkov S.A. *Modelirovaniye i formalizatsiya* [Modeling and formalization]. Moscow: BINOM. Laboratoriya znaniy Publ., 2002. 336 p.
4. Novikova L.I. *Metodologicheskiy aspekt problemy modelirovaniya vospitatel'nykh sistem* [The methodological aspect of the problem of educational systems modeling]. In: Novikova L.I Selivanova N.L. (eds.) *Modelirovaniye vospitatel'nykh sistem: teoriya praktike* [Modeling of educational systems]. Moscow: ROU Publ., 1995, pp. 5–10.
5. Lodatko E.A. *Modelirovaniye pedagogicheskikh sistem i protsessov* [Modeling of pedagogical systems and processes]. Slavyansk: Slavyansk State Pedagogical University Publ., 2010. 148 p.
6. Dakhin A.N. *Pedagogicheskoe modelirovaniye* [Pedagogical modeling]. Novosibirsk: NIPKiPRO Publ., 2005. 230 p.

Received: 15 April 2015

АКТУАЛЬНОСТЬ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ К.Э. ЦИОЛКОВСКОГО В СВЕТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Определяя сферу дополнительного образования детей как инновационную площадку для отработки образовательных технологий будущего, авторы обращаются к антропокосмической концепции воспитания К.Э. Циолковского, изучение которой может предопределить направления развития системы образования в России в XXI в. Статья построена на теоретическом анализе трудов К.Э. Циолковского, в которых раскрыты идеи, содержащие значимые подходы к отбору приоритетных ценностных ориентиров образования и воспитания. Проведено обращение к образовательной практике дополнительного космического образования в России.

Ключевые слова: модернизация образования; дополнительное образование детей; космическое образование; дополнительное космическое образование; антропокосмическая концепция воспитания.

Характерной чертой современного этапа обновления образовательного процесса является ориентация на максимальную индивидуализацию сопровождения развития учащихся, призванную обеспечить достижение результатов и эффектов в их личностном, социальном и интеллектуальном развитии. Именно так ставится вопрос в Федеральном государственном образовательном стандарте нового поколения, в «Законе об образовании в РФ», в материалах национальной образовательной инициативы «Наша новая школа».

Важной задачей деятельности образовательных организаций становится оказание помощи растущему человеку в процессе самосозидания и саморазвития. Акцент в воспитательной практике постепенно смещается в сторону поддержки становления личности, развития у нее способности к самореализации. Как отмечено в Концепции модернизации дополнительного образования детей Российской Федерации до 2020 г., в постиндустриальном обществе, где решены задачи удовлетворения базовых потребностей человека, на передний план выдвигаются ценности самовыражения, личностного роста и гражданской солидарности.

Одним из условий, призванных обеспечить саморазвитие учащихся, в современной образовательной практике выступает дополнительное образование детей.

Дополнительное образование – часть общего образования, позволяющая учащемуся приобрести потребность в познании и творчестве, максимально реализовать себя, самоопределиться профессионально и личностно. Пространство дополнительного образования является благоприятным и естественным для саморазвития ребенка. Оно позволяет саморазвиваться в том виде деятельности, который соответствует направленности личности, интересам и потребностям, что дает возможность быть успешным, почувствовать себя значимым, поверить в свои возможности.

Дополнительное образование детей сегодня приобретает новый статус. В ситуации перехода Российской Федерации от индустриального к постиндустриальному информационному обществу нарастают вызовы системе образования и социализации человека. Все острее встает задача общественного понимания необходимости дополнительного образования как открытого вариативного образования и его миссии наиболее полного обеспечения права человека на раз-

витие и свободный выбор различных видов деятельности, в которых происходит личностное и профессиональное самоопределение детей и подростков [1].

Востребованность неформального образования как важнейшей составляющей образовательного пространства современного российского общества нашла свое отражение в основополагающих документах образовательной политики страны: Национальной доктрине образования в РФ, Федеральной программе развития образования, Концепции модернизации российского образования, Концепции модернизации дополнительного образования детей Российской Федерации до 2020 г. В соответствии с этими документами основной целью современного образования является подготовка разносторонне развитой личности гражданина, способной к активной социальной адаптации в обществе и самостоятельному жизненному выбору, к началу трудовой деятельности и продолжению профессионального образования, к самообразованию и самосовершенствованию.

Конкурентные преимущества дополнительного образования в сравнении с другими видами формального образования проявляются в следующих его характеристиках:

- добровольный, свободный выбор направлений и видов деятельности, содержания образования, объема и темпа его освоения, педагога, формы освоения образовательной программы;
- вариативность содержания и форм организации образовательного процесса;
- учет индивидуальных потребностей ребенка и его семьи;
- отсутствие универсальных, единых для всех стандартов содержания образования, жесткой регламентации образовательного процесса, что создает благоприятные условия для естественного роста, культурного и личностного становления, творчества, инновации, инициативы, успешности в достижении общезначимой цели;
- возможность реализации индивидуальных образовательных маршрутов и программ для каждого ребенка;
- доступность знания и информации для каждого;
- учет педагогического принципа принятия и защиты индивидуальных интересов ребенка без учета его академических заслуг;
- адаптивность к возникающим изменениям [2].

Персонализация дополнительного образования усиливает его преимущества по сравнению с другими институтами формального образования посредством актуализации следующих аспектов:

- участие в вариативных развивающих образовательных программах на основе добровольного выбора детей (семей) в соответствии с их интересами, склонностями и ценностями;
- возможность выбора режима и темпа освоения образовательных программ, выстраивания индивидуальных образовательных траекторий (что имеет особое значение применительно к одаренным детям, детям с ограниченными возможностями здоровья);
- право на пробы и ошибки, возможность смены образовательных программ, педагогов и организаций;
- неформализованность содержания образования, организации образовательного процесса, уклада организаций дополнительного образования;
- вариативный характер оценки образовательных результатов;
- тесная связь с практикой, ориентация на создание конкретного персонального продукта и его публичную презентацию;
- возможность на практике применить полученные знания и навыки;
- разновозрастный характер объединений;
- возможность выбрать себе педагога, наставника, тренера.

Анализ характеристик и аспектов дополнительного образования детей позволяет осознать **ценностный статус дополнительного образования** как уникальной и конкурентоспособной социальной практики наращивания мотивационного потенциала личности и инновационного потенциала общества.

Ключевая социокультурная роль дополнительного образования детей состоит в том, что мотивация внутренней активности саморазвития детской и подростковой субкультуры становится задачей всего общества, а не отдельных организационно-управленческих институтов: детского сада, школы, техникума или вуза. Именно в XXI в. приоритетом образования должно стать **превращение жизненно-го пространства в мотивирующее пространство**, определяющее самоактуализацию и самореализацию личности, где воспитание человека начинается с формирования мотивации к познанию, творчеству, труду, спорту, приобщения к ценностям и традициям многонациональной культуры российского народа.

Таким образом, сфера дополнительного образования детей создает особые возможности для развития образования в целом, в том числе для расширения доступа к глобальным знаниям и информации, определяющего обновления его содержания в соответствии с задачами перспективного развития страны. Фактически эта сфера становится **инновационной площадкой для отработки образовательных моделей и технологий будущего**, а персонализация дополнительного образования определяется как ведущий тренд развития образования в XXI в.

Говоря об инновационной образовательной деятельности, об **образовательных технологиях будущего**, нельзя не обратить свой взор на идеи великого педагога, ученого, калужского изобретателя Константина Эдуардовича Циолковского, который оставил своим потомкам ценные педагогические идеи, имеющие возможность найти свое воплощение в инновационной образовательной практике. Созданная ученым «космическая педагогика» является мировоззренческим синтезом его «космических идей».

Обратимся к **антропокосмической концепции воспитания К.Э. Циолковского**, современное прочтение которой может стать полезным при проектировании моделей развития современного образования, в том числе дополнительного.

Ученый думал над тем, как «изменить самого человека в сторону ума, нравственности, знания, общественности, здоровья, долголетия...» [3], т.е. как воспитать человека **«совершенным», способным к самопознанию, саморазвитию, самосовершенствованию**, что означает, согласно его концепции, разумным, жаждущим знаний, способным к активной преобразующей деятельности по изменению на основах высшей нравственности самого себя, Земли, а затем и Космоса. Этим вопросам посвящена антропокосмическая концепция воспитания К.Э. Циолковского, которая вся пронизана идеями саморазвития, самоактуализации и самосовершенствования личности, особенно актуальными и востребованными в контексте модернизации современного образования в России.

В антропокосмической концепции К.Э. Циолковского проблемы воспитания «земного человека» (еще не совершенного, у которого чувства и страсти преобладают над разумом) **переходят к человеку «космическому», «совершенному»**, у которого ум заменил «животные страсти», причинявшие страдания. Циолковский верил в то, что в будущем обществе вполне возможно существование такого «бесстрастного» человека, который не мучается, а чувствует себя всегда ровно и спокойно. Такое состояние, которое педагог характеризует как «спокойствие души», «нирвана», и нужно начинать воспитывать в человеке в детские годы [4. Л. 41].

Размышляя над этими вопросами, ученый оставил много ценных мыслей. Важным фактором воспитания «совершенного человека» он считал **духовно-нравственное воспитание**. В этом смысле **космическое воспитание, по мнению К.Э. Циолковского, можно соотнести с духовно-нравственным воспитанием**, целью которого является духовное самопознание личности в опоре на общечеловеческие ценности жизни и культуры; воспитание личности, способной и готовой к жизненному выбору и самоконтролю. Здесь образование понимается как расширение возможностей личности, раскрытие ее внутреннего мира, нравственного начала.

Сформированные мировоззренческие, духовно-нравственные ценности являются условием формирования нравственной устойчивости личности к влиянию отрицательных факторов социальной среды, а значит, способствуют движению саморазвития личности в направлении позитивных проявлений идентичности [5].

Нравственная устойчивость как готовность и способность личности к грамотному оцениванию и рефлексии ситуаций, изменений, происходящих в обществе и личностном плане, является одной из категорий, включенных в механизм формирования ценностных ориентаций. Именно этот механизм позволяет ребенку в ситуации сложного выбора осознанно, ориентируясь на духовно-нравственный багаж своих мировоззренческих основ, отстаивать свою позицию, идти по пути продуктивного саморазвития и самосовершенствования.

Особую ценность представляют размышления ученого о вопросах психологии формирования ценностно-смысловой сферы личности. К.Э. Циолковский считал, что основной источник зла и страданий кроется в самом человеке, в двойственности его природы, в биологически и социально предопределенной внутренней борьбе добра и зла. С одной стороны – низменные, животные страсти, приносящие человеку страдания. С другой – изначально заложенные в человеке стремления к познанию себя и окружающего мира, к самореализации и самосозиданию, к активному участию в разумном, гармоничном преобразовании мира. Кто победит в этой внутренней борьбе – во многом зависит, по глубокому убеждению Циолковского, от воспитания и образования человека. Ученый советовал с раннего детства развивать «полезные» и подавлять у учащихся «дурные» наклонности, такие как зависть, мстительность и др., с помощью «изучения души ребенка, понимания страстей», устранив всех поводов для их проявления. Педагог был уверен, что **«в детские годы человека можно многое создать в душе и подавить дурное врожденное»** [4].

К.Э. Циолковский много думал о внутренней психической природе человека, о том, как научиться управлять заложенной в ней энергией, **«переключать» дурные свойства на полезные для общества и самого человека**. Этому он посвятил значительную часть своих работ («Нирвана», «Ум и страсти», «Свойства человека» и др.).

В представлении ученого великой ценностью является **способность личности к такому нравственному саморазвитию и преобразованию**, которым не может обладать никто, кроме человека. Он утверждал, что человек безграничен в своем духовном развитии, как безгранична и бесконечна сама Вселенная [3].

Исходя из собственных этически-нравственных возврений о том, что смысл жизни – «сделать как можно больше полезного для людей», Циолковский подчеркивает, что «высокий подъем чувств» должен обязательно реализоваться в «добрых плодах на благо человечества», в связи с этим изучать свойства человека, его внутренний духовный мир надо больше для того, чтобы «изменить все дурные свойства» на «общественно-полезные» [6. С. 14]. В этом состоит основной аксиологический смысл педагогических взглядов К.Э. Циолковского.

В работах ученого мы также находим **идею учета психолого-педагогических особенностей детей в процессе обучения, что позволит обеспечить свободное самопознание и саморазвитие личности**. Он предлагал строить обучение и воспитание исходя из

природы человека, его возрастных и психологических особенностей.

Константин Эдуардович также писал о ведущей роли социального в самореализации личности, считая, что наибольшую радость и удовлетворение приносит труд, творческая деятельность, особенно если они имеют общественно полезную направленность [6. С. 17]. Данный постулат особенно рельефно сегодня представлен в системе дополнительного образования детей, в условиях которого каждый ребенок имеет возможность заниматься любимым делом, подготавливать и реализовывать различные социальные и творческие проекты.

Великий ученый и педагог, основоположник научной космонавтики, Циолковский специально не разрабатывал конкретные проблемы психолого-педагогической теории, но изучение его учительского труда показывает, что вся многогранная деятельность ученого, включая космическую педагогику и психологию, отражена в его работах. Ученого волновали психолого-педагогические вопросы, связанные с воспитанием человека в плане его антропокосмической концепции, основанной на философии понимания смысла человеческой жизни на Земле и будущей жизни в Космосе. Созданная К.Э. Циолковским антропоцентрическая концепция воспитания глубоко гуманистична, так как обращена к человеку, его судьбе. «...Важность знания и усовершенствования человеческого рода, – писал ученый, – составляют основание моего труда» [7].

К.Э. Циолковский понимал, что для космического будущего человеческого сообщества нужны и соответствующие свойства человека, и иные человеческие качества. Отсюда его интерес и обращение к проблемам педагогики и психологии, к наукам, напрямую связанным с самим человеком и его воспитанием.

Ученый говорит о научном (психолого-педагогическом) подходе к качествам «строительного материала», а именно – к свойствам человека. Педагог-космист подчеркивает, что все свойства человека (физические, нравственные и умственные) должны развиваться в гармонии и единстве. «Совершенный человек, – писал Константин Эдуардович, – должен обладать умом, силой, красотой и здоровьем» [4. Л. 6].

Чтобы воспитать «совершенного человека», К.Э. Циолковский стремится «узнать все о человеке, его психологии, биологических свойствах». Считая психологию «механикой мозга», он подробно останавливается на процессе возникновения и развития **физических, умственных и нравственных свойств личности**. Под физическими подразумеваются «здоровье, плодовитость, органы чувств, красота, долголетие». Под умственными – память, воображение, логичность, творчество и др. В числе нравственных свойств определены «голод, жажда, боль, ревность, любовь, дружество, бескорыстие, жестокость, доброта, правдивость, лживость, справедливость и т.д.» [4. Л. 3]. Идея гармоничного развития личности, уделяния особого внимания физическому здоровью подрастающего поколения нашла свое отражение в содержании Концепции развития дополнительного образования детей до 2020 г. и других документах, определяющих образовательную политику России в настоящее время.

Особый интерес представляют педагогические *идеи ученого, касающиеся сенсорного развития детей*. Признавая, что «все способности в зачаточном состоянии прирожденны и у разных людей при одинаковых внешних условиях имеют самую разнообразную величину», ученый подчеркивал роль и силу организованного стороннего воздействия (воспитания, сопровождения). Правильно построенное воспитание, по его мнению, такое, при котором человек получает от внешнего мира как можно больше впечатлений. В связи с этим в его антропокосмической концепции уделяется внимание развитию органов чувств (зрения, слуха, речи, осязания, вкуса). Циолковский считал их «окнами» в окружающий мир, которые помогают его понять. «Органы чувств, – отмечал он, – принимая впечатления, откладывают их в мозгу, обогащая мир воображения, память, образуя идеи» [4. Л. 26]. Чем больше впечатлений от внешнего мира получит человек, тем больше у него будет возникать новых идей, новых чувств, в том числе связанных с космосом. Ученый говорит о познании мира, изучении его основ, что приведет к познанию себя через мир, самостроительству. Данные идеи могут сегодня быть широко востребованы в практике дополнительного образования, не скованного рамками образовательных стандартов.

Говоря о системе дополнительного образования детей, каждый представляет ее как пространство, представляющее максимум условий для раскрытия индивидуальных способностей личности, развития творческого потенциала. В данном контексте уместно отметить, что К.Э. Циолковский придавал большое значение «выращиванию» гениев, способных быстро и эффективно «продвинуть человечество вперед» к счастливой жизни. Он размышлял об истоках гениальности, о том, что определяет способность гения заглянуть далеко вперед и открыть пути ускорения научно-технического и нравственного прогресса. Константин Эдуардович, пытаясь найти ответы на поставленные вопросы, изучал биографии наиболее выдающихся ученых (Морзе, Фарадей, Гершель, Уатт и др.), анализировал собственную жизнь, пытаясь определить, сказалась ли наследственность на его характере и способностях [6. С. 57]. В результате ученый сделал следующие выводы: «В деле прогресса человечества мы редко замечаем влияние наследственности. Все эти фарадеи, эдиссоны, форды, граммы, колумбы, ватты, стефенсоны, ньютоны, лапласы, франклины и прочие вышли из народа и не имели талантливых предков. Никаких следов наследственности мы тут не видим. Ясно, что гений более создается условиями, чем передается от родителей или других предков. Таланты у предков, может быть, и были, но, очевидно, на весь мир не проявились: они выражались мелочно... Только в редких случаях оказывается явно наследственность дарований» [8. С. 15–16].

Однако ученый не отрицал целиком влияния наследственности: «Я думаю, что получил соединение сильной воли отца... и его страсти к изобретательству с талантливостью матери» [8. С. 25] и пояснял, что подобные признаки не проявились у его братьев и сестер, поскольку те были счастливыми, без физических недо-

статков, а его постоянно «унижала глухота, бедная жизнь и неудовлетворенность. Она подгоняла мою волю, заставляла работать, искать» [Там же].

И эта мысль ученого имеет особую актуальность в современной теории и практике дополнительного образования детей. Сегодня в системе дополнительного образования в России стоит задача по созданию условий, способствующих гармоничному развитию личности, при этом важным самостоятельным звеном выделяется *уровень оказания педагогической поддержки детям*, нуждающимся в ней (дети с повышенным уровнем агрессивности, тревожности, стеснительности, гиперактивные, одаренные дети). Предметом педагогической поддержки становится процесс совместного с ребенком определения его собственных интересов, целей, возможностей и путей преодоления препятствий (проблем), мешающих ему сохранить свое человеческое достоинство и самостоятельно достигать желаемых результатов в обучении, само-воспитании, общении, здоровом образе жизни.

Циолковский глубоко верил, что наступит время, когда изменятся взгляды на образование, когда человек будет воспитываться как «гражданин Вселенной», проявляющий заботу о своем «большом доме» – Вселенной, о собственном совершенствовании и развитии.

В созданной К.Э. Циолковским концепции воспитания «совершенного человека» особое значение придается условиям жизни, социальной среде, в которой должны воспитываться гении [9. С. 65]. В педагогических взорваниях ученого *воспитанию отводится главная социальная функция*. Только воспитав совершенного человека, подчеркивал Константин Эдуардович, мы сможем построить совершенное общество. Эти процессы должны идти параллельно друг другу. «Двигатели прогресса, – писал Циолковский, – есть результат природных дарований, воспитания и влияния среды» [10]. В высказывании ученого кроется *смыслообразующая идея саморазвития и самосовершенствования личности* и возможность ее достижения через согласованное действие внешних факторов (воспитание, сопровождение) с индивидуальными свойствами личности.

На вопрос, каким должно быть образование, чтобы оно смогло выполнить свою главную функцию – воспитать «совершенного человека», гражданина, заложить в нем те высшие культурные, духовные и нравственные ценности, которые он понесет потом в Космос, Циолковский дал ответ в своем проекте школы будущего. Сфера образования, школа только тогда сможет выполнить свою человекосозидающую функцию, когда ее усилия, ее аксиологические приоритеты будут направлены на *формирование гуманистически ориентированной личности, «гражданина Вселенной»*, имеющего «высшую точку зрения» и руководствующегося ею в своей активно-преобразующей деятельности. В его «идеальной» школе нашли отражение идеи антропокосмической концепции воспитания: отсутствие насилия, страха, угроз, наказаний, угрюмого настроения, строгой системы преподавания и режима [11].

Философские основы и сущность антропоцентризма, идеями которого пронизаны труды

К.Э. Циолковского, можно представить в общем виде следующими постулатами:

- космизм как принцип, лежащий в основе мировоззрения, позволяет рассматривать всё происходящее на Земле в тесном единстве с космическими процессами;
- провозглашение взаимозависимости человека и Космоса, их неразрывности;
- ведущая идея нравственного Всеединства человека, человечества и Вселенной;
- рассмотрение духовно-нравственного воспитания как условия взращивания гражданина Вселенной;
- провозглашение человека как существа разумного и созидающего, который выступает во Вселенной как сила, способная на основах разума и нравственности преобразовывать природу и воздействовать на динамику космической эволюции;
- приданье личности самосозидающей функции, рассмотрение человека как ключевой единицы саморазвития через познание Вселенной;
- определение творчества и саморазвития в качестве важнейших факторов эволюции, призванных вести мир к совершенству и гармонии;
- приданье космической направленности процессу преобразования человеком самого себя, своей духовной, нравственной природы;
- провозглашение идеи воспитания детей в духе «всекосмического единства на основах нравственности»;
- определение в качестве ведущей задачи космического образования создания условий для того, чтобы сделать человека высокоразумным и нравственным, а значит, и более совершенным и счастливым.

Данные постулаты имеют прямое отношение к сфере образования и воспитания. В идеях К.Э. Циолковского заключены предпосылки для создания космической педагогики, назначение которой состоит в разработке теоретических проблем воспитания «человека космического», обладающего «космическим сознанием», «космической нравственностью», «космическими чувствами».

Многие идеи К.Э. Циолковского в отношении образования **«совершенного человека»** согласуются с современными идеями модернизации дополнительного образования детей в России:

- создание условий, мотивации для взращивания разумного человека, жаждущего знаний, способного к активной преобразующей деятельности по изменению на основах высшей нравственности самого себя, Земли, а затем и Космоса;
- обеспечение свободного самопознания и творческого самовыражения личности;
- развитие конгруэнтной личности, готовой к самоприятию и самопрогнозированию;
- приоритет духовно-нравственного развития личности;
- обеспечение всестороннего развития ребенка (сенсорное, физическое, духовное, умственное);
- создание условий для оказания педагогической поддержки детям, нуждающимся в ней;
- индивидуальный подход к развитию ребенка;

– учет индивидуально-психологических и возрастных особенностей личности и др.

Реализация данных идей, согласно К.Э. Циолковскому, приведет к воспитанию **«совершенного человека, способного к самопознанию, саморазвитию, самосовершенствованию»**.

Созданная ученым антропокосмическая концепция педагогики раскрывает цели, пути и средства воспитания **«совершенного человека»**, **«гражданина Вселенной»**, обладающего нравственными качествами и **«высшим»** разумом. **«Космическая педагогика»** Циолковского представляет для современности большой интерес в плане проектирования и реализации инновационных моделей дополнительного образования детей, направленных на формирование гармоничного человека, способного к совершенствованию себя и окружающего мира.

Главная ценность антропокосмической концепции Константина Эдуардовича заключается в том, что он стремился к тому, чтобы воспитать Человека, помнящего свое родство и единство со всем живым на планете и в Космосе; научить его жить так, чтобы «устраниить всякое зло и страдания из обихода человеческой жизни; помочь понять лучше общественное устройство, основанное на свободе и демократии», создать такую школу, которая воспитает в человеке «чувство нравственной ответственности за судьбу человечества и Вселенной, заложит в нем высокие нравственные гуманистические идеалы, которые он понесет в Космос, где и обретет счастье и достойное человека существование» [12. С. 57–58].

Проблемы **«социализации»** и **«космизации»** образования на современном этапе модернизации образования представляются особенно актуальными. Новая философия образования и воспитания, связанная со взглядом на человека, чья деятельность приобретает новые измерения: общепланетарное и земное, может стать основой для долговременного прогностического подхода к разработке стратегии образования.

Все эти положения актуализируются в наше время, когда процессы переориентации ценностей и стремление выработать новые аксиологические представления о мире и человеке воспринимаются как движение к гуманистическому мировоззрению, проникнутому идеями самоценности личности, ее нерушимых прав и достоинств человека. Современное реформирование образования направлено прежде всего на создание новой российской гуманистической и личностно-ориентированной школы, на создание условий для самоактуализации и самовыражения ребенка, раскрытие его духовных устремлений.

Научно-практическое значение для современных реформ образования имеет педагогическая аксиология, которая исследует природу ценностей, их место в реальности человеческого бытия и Вселенной, рассматривает их взаимосвязь и отражение в структуре и деятельности личности. Главное место в структуре ценностей отводится приоритету науки, знания и образования, в процессе приобретения которых формируются общечеловеческие и гуманистические начала в мировоззрении людей.

К аксиологическим приоритетам космического образования можно отнести: ценности, связанные с самопознанием личности через ощущения связи с окружающим миром, Вселенной, Космосом; ценности, связанные с самосовершенствованием и самовыражением через познание своих интересов, индивидуальных возможностей и способностей; экзистенциальные и моральные ценности.

Целью космического образования является духовное самопознание личности в опоре на общечеловеческие ценности жизни и культуры; воспитание личности, способной и готовой к жизненному выбору и самоконтролю. В этом смысле образование понимается как раскрытие нравственного начала личности. Эти представления о человеке и его развитии близки к экзистенциализму как учению о построении своей судьбы и являются общей чертой идей космического воспитания мыслителей-космистов.

Содержание космического образования по своему смыслу близко:

– к пониманию полного освобождения и раскрепощения личности, обладающей собственной нравственной ценностью и осознающей себя Гражданином Вселенной;

– служению гуманистическим идеалам и вечным ценностям, Святыням, которые сопровождают историю человеческого рода от самых истоков (святость жизни, достоинство свободы, величие любви, лучезарность истины, немеркнущий свет красоты, неиссякаемый источник добра);

– соотнесению себя с всечеловеческим, осознание своей сопричастности к другому, укрепление вселенской близости, основанной на единой принадлежности к человеческому роду;

– заботе о мире и согласии между людьми, о сохранении природы и гармонизации отношения с ней;

– видению мира как единого целого, где благополучие каждого зависит от благополучия остальных.

Духовно-нравственная ориентация в космическом образовании ставит задачу создания новой философии образования, открытой к таинствам жизни человека, его стремлениям, возможностям и свершениям. Реализация идей космического образования отвечает тенденции модернизации современного образования в РФ в области создания условий для стимулирования саморазвития личности учащихся и развития духовно-нравственных качеств подрастающего поколения.

Рассуждая о возрастающей роли дополнительного образования детей в воспитании подрастающего поколения в настоящее время, важно отметить, что идеи космического образования, изложенные в трудах К.Э. Циолковского, сегодня особенно рельефно могут быть воплощены в **системе дополнительного космического образования**, которое соединяет в себе две характерные тенденции развития образования в России – вариативность дополнительного образования и мировоззренческую основу личностно-ориентированного образовательного процесса.

Педагогические воззрения К.Э. Циолковского представляют собой не только теоретически стройные постулаты, но имеют реальное воплощение в образовательной практике организаций дополнительного образования, дошкольных образовательных организаций, школ. Организаций космического образования в настоящее время насчитывается не так уж много: Боровская ноосферная школа, Новосибирский космический лицей, космическая школа-лицей им. В.Н. Челомея города Байконур, Международная космическая школа, Школа свободного воспитания пос. Черноголовка Московской области, Центр дистанционного образования «Эйдос», Детско-юношеский центр космического образования «Галактика» г. Калуги. Содержание деятельности данных организаций построено с учетом идей космического образования. Кроме того, во многих из них построена система сотрудничества с образовательными организациями разных типов и видов через реализацию инновационных образовательных проектов космической направленности, что позволяет вовлечь большое количество детей [13].

Дополнительное космическое образование сегодня предоставляет максимум условий и возможностей для возвращения в ребенке мировоззренческой основы, развития космического мышления, которое в будущем предопределит, как говорил великий педагог, ученый-космист К.Э. Циолковской, формирование высоко духовной личности

Завершая статью, отметим, что педагогическое наследие К.Э. Циолковского содержит в себе методологически значимые подходы к отбору приоритетных ценностных ориентиров отечественного образования и воспитания, которые могут предопределить направления и технологии инновационного развития системы образования в России в XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция развития дополнительного образования детей на период до 2020 года. Утв. распоряжением Правительства РФ от 04.09.2014 г. №1726-р.
2. Иванова И.В. Неформальное образование – инвестиции в человеческий капитал // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 179–184.
3. Циолковский К.Э. Попытка концентрическими кругами уяснить направление и ценность моих работ для людей. Архив РАН. Ф. 555. Оп. 1. Д. 224. Л. 1–70.
4. Циолковский К.Э. Свойства человека // Архив РАН. Ф. 555. Оп. 1. Д. 380.
5. Шадриков В.Д. Философия образования и образовательные политики. М., 1993. 288 с.
6. Циолковский К.Э. Нирвана // Очерки о Вселенной. М. : ПАИМС, 1992. 256 с.
7. Циолковский К.Э. Письма в Социалистическую Академию общественных наук, 30 июля 1918 г. // Архив АН СССР. Ф. 555. Оп. 3. Д. 130. Л. 1–4.
8. Циолковский К.Э. Черты из моей жизни. Тула, 1983.
9. Циолковский К.Э. Любовь к самому себе, или истинное себялюбие // Очерки о Вселенной. М. : ПАИМС, 1992. 256 с.
10. Циолковский К. Э. Руководители человечества // Архив РАН. Ф. 555. Оп. 1. Д. 466. Л. 2.
11. Циолковский К.Э. Какой тип школы желателен? // Архив РАН. Ф. 555. Оп. 1. Д. 386. Л. 1.
12. Касаткина С.Н. Антропокосмическая концепция воспитания К.Э. Циолковского. Калуга : КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2010. 200 с.

13. Иванова И.В., Кононова А.Ю. Практика социализации детей средствами космического образования // Дополнительное образование и воспитание. 2013. № 4. С. 50–56.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 26 марта 2015 г.

THE RELEVANCE OF THE PEDAGOGICAL VIEWS OF K.E. TSIOLKOVSKY IN THE LIGHT OF FURTHER MODERNIZATION OF EDUCATION IN RUSSIA

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 217–223. DOI: 10.17223/15617793/395/35

Ivanova Irina V. Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky (Kaluga, Russian Federation). E-mail: IvanovaDIV@yandex.ru

Keywords: modernization of education; additional education of children; cosmic education; additional cosmic education; anthropocosmic concept of education.

A characteristic feature of the present stage of renovation of the educational process is to focus on the maximum individualization support development of students, which is reflected in the Concept of modernization of additional education of children of the Russian Federation until 2020 and other fundamental documents of the educational policy of Russia. One of the conditions that can provide self-development of students is additional education of children. Analysis of the characteristics and aspects of additional education for children helps to realize its value as a unique and competitive social practice of increasing the motivational potential of a person and the innovative potential of society. Additional education of children becomes an innovative platform for developing educational models and technologies of the future, and personalization of additional education is defined as a leading trend in the development of education in the 21st century. Speaking about the educational technologies of the future, one cannot ignore the ideas of the great teacher, scientist, inventor Konstantin Tsiolkovsky, who left his descendants valuable pedagogical ideas that can be translated into innovative educational practice. The ideas of anthropocentrism penetrate the works of K.E. Tsiolkovsky. The philosophical foundations and essence of anthropocentrism can be represented in the following postulates: – cosmism as a principle underlying the world view allows considering everything happening in the world in close connection with the cosmic processes; – declaration of interdependence of man and the cosmos; – leading idea of unity of moral union of man, humanity and the universe; – consideration of spiritual and moral education as a condition for the cultivation of a citizen of the universe; – declaration of man as a rational and creative creature which in the universe is a force capable of transforming nature and impacting the dynamics of cosmic evolution on the basis of reason and morality; – giving a person a self-creating function; – definition of creativity and self-development as the most important factors of evolution designed to lead the world towards perfection and harmony; – the leading problem in cosmic education is creating conditions to make a person highly intelligent and moral, therefore, more perfect and happy. K.E. Tsiolkovsky's ideas on educating a "perfect person" are in line with modern ideas of children's additional education modernization in Russia: – creating an environment and motivation for nurturing a reasonable person eager to learn, capable of active transforming activity based on the highest morality of oneself, the Earth, and the Cosmos (the world); – ensuring free self-cognition and creative self-expression of a person; developing a congruent person ready to self-acceptance and self-forecasting; – prioritizing the spiritual and moral development of a person; – ensuring the balanced development of a child; – creating conditions for educational support of children; – considering individual psychological characteristics of personality and age, and others. Today, K.E. Tsiolkovsky's ideas of cosmic education can be implemented in the system of additional cosmic education that combines the variability of additional education and philosophical foundations of a student-centered educational process. Pedagogical views of K.E. Tsiolkovsky are not only theoretically orderly postulates, but also have a real embodiment in the educational practices of organizations of additional education, pre-school educational institutions and schools.

REFERENCES

1. The concept of additional education for children in the period up to 2020. Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of 04.09.2014 no. 1726-r. (In Russian).
2. Ivanova I.V. Non-formal education as investment in human capital. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2015, no. 390, pp. 179–184. (In Russian).
3. Tsiolkovsky K.E. *Popytka kontsentricheskimi krugami uyasnit' napravlenie i tsennost' moikh rabot dlya lyudey* [Trying to understand the direction and the value of my work for people by concentric circles]. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 555. List 1. File 224. P. 1–70.
4. Tsiolkovsky K.E. *Svoystva cheloveka* [Properties of man]. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 555. List 1. File 380.
5. Shadrikov V.D. *Filosofiya obrazovaniya i obrazovatel'nye politiki* [Philosophy of education and educational policy]. Moscow: Logos Publ., 1993. 288 p.
6. Tsiolkovsky K.E. *Ocherki o Vselennoy* [Essays on the Universe]. Moscow: PAIMS Publ., 1992. 256 p.
7. Tsiolkovsky K.E. *Pis'ma v Sotsialisticheskuyu Akademiyu obshchestvennykh nauk, 30 iyulya 1918 g.* [Letters to the Socialist Academy of Social Sciences, July 30, 1918]. Archive of the USSR Academy of Sciences. Fund 555. List 3. File 130. P. 1–4.
8. Tsiolkovsky K.E. *Cherty iz moey zhizni* [Features of my life]. Tula: Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1983. 448 p.
9. Tsiolkovsky K.E. *Ocherki o Vselennoy* [Essays on the Universe]. Moscow: PAIMS Publ., 1992. 256 p.
10. Tsiolkovsky K. E. *Rukovoditeli chelovechestva* [Leaders of humanity]. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 555. List 1. File 466. P. 2.
11. Tsiolkovsky K.E. *Kakoy tip shkoly zhelatelen?* [What type of school is desirable?]. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 555. List 1. File 386. P. 1.
12. Kasatkina S.N. *Antropokosmicheskaya kontseptsiya vospitaniya K.E. Tsiolkovskogo* [Anthropocosmic concept of education of K.E. Tsiolkovsky]. Kaluga: KGPU im. K.E. Tsiolkovskogo Publ., 2010. 200 p.
13. Ivanova I.V., Kononova A.Yu. *Praktika sotsializatsii detey sredstvami kosmicheskogo obrazovaniya* [The practice of socialization of children by means of cosmic education]. *Dopolnitel'noe obrazovanie i vospitanie*, 2013, no. 4, pp. 50–56.

Received: 26 March 2015

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ УМЕНИЙ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В ПРОЦЕССЕ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Авторы рассматривают коммуникацию как сложное явление, включающее информационно-коммуникативный, регуляционно-коммуникативный, аффективно-коммуникативный аспекты. Развитие коммуникативных умений у детей дошкольного возраста на занятия физкультурой возможно, по мнению авторов, через создание ситуаций, в которых ребёнку необходимо взаимодействовать с другими детьми и педагогом, при этом результат такого взаимодействия чаще всего заранее неизвестен (личностно-ориентированный подход).

Ключевые слова: коммуникация; коммуникативные умения; дети дошкольного возраста; формирование личности; физическая культура.

Общеизвестно, что формирование личности ребёнка – одна из главных задач педагогики. В период дошкольного детства закладываются основы физического, психического, интеллектуального, нравственного и эмоционального развития личности. При этом колоссальное влияние на процесс формирования личности дошкольника оказывает общение. В процессе общения со взрослыми и сверстниками у ребёнка развиваются коммуникативные умения, которые приобретают особую актуальность на этапе перехода от дошкольного детства к младшему школьному возрасту. Базовой гипотезой нашего исследования является предположение о том, что в развитии коммуникативных умений в дошкольном возрасте значимую роль могут сыграть средства физической культуры. Однако прежде следует прояснить, что мы понимаем под коммуникацией и коммуникативными умениями, поскольку в современной науке трактовки данных терминов, вообще говоря, неоднозначны.

В настоящее время существует множество определений коммуникации. П. Хартли, например, утверждает, что он легко может привести список из пятнадцати таких дефиниций, репрезентирующих различные идеи и подходы [1. С. 17]. Отсюда и возникает неоднозначность понимания как самого термина «коммуникация», так и производных терминов – «коммуникативные умения», «коммуникативные навыки», «коммуникативное развитие», «коммуникативная деятельность» и т.д. Но все же некие общие моменты, касающиеся темы нашего исследования, указать можно.

Для начала отметим, что чаще всего понятие «коммуникация» соотносят с понятием «общение». Для некоторых исследователей важно данные понятия различать. В качестве примера можно обратиться к монографии А.М. Агальцева «Природа общения». В ней автор соотносит понятие «общение» с понятием «коммуникация», опираясь на работы философов, социологов, психологов, культурологов. В итоге А.М. Агальцев приходит к выводу, что «общение есть взаимодействие между людьми, субъект-субъектное отношение» [2. С. 31]. Коммуникацию же он рассматривает как субъект-объектное отношение. Причём в качестве объекта коммуникации, по его мнению, «могут выступать и выступают не только люди, но и технические средства, животные и другие феномены ре-

альности» [2. С. 31]. Другими словами, коммуникация предполагает обмен информацией в рамках той или иной семиотической системы. Однако очевидно, что общение только лишь к такому обмену информации не сводится.

К схожим результатам при попытке развести понятия «общение» и «коммуникация» приходит Е.П. Ильин [3]. По его мнению, соотношение между понятиями «общение» и «коммуникация» понимается как отношение общего к частному. Коммуникация в этом случае выступает как общее, а общение – как частное. Он считает, что не все виды коммуникации можно назвать общением, однако любое общение является частным видом коммуникации. Общение Е.П. Ильин определяет как частный вид коммуникации, специфичный для высокоразвитых живых существ, в том числе для человека. Под коммуникацией же понимается связь, взаимодействие двух систем, в ходе которого от одной системы к другой передаётся сигнал, несущий в себе информацию.

Таким образом, можно выделить первое (более узкое) понимание коммуникации как одной из сторон процесса общения, связанной с информационным обменом. Представляется, что именно так коммуникацию интерпретируют те авторы, которые при изучении коммуникативных умений делают акцент на вербальной составляющей. Так, например, задачу коммуникативного развития ребёнка обычно сводят к задаче развития речи, а точнее, обогащения её языковыми средствами (пополнение словарного запаса, развитие диалогического общения, формирование словообразовательных навыков и т.п. [4]).

В то же время уместно предположить, что в реальном взаимодействии людей информационный обмен в чистом виде не реализуется никогда. М. Улюкен и М. Долкилик в связи с этим справедливо указывают, что коммуникацию не следует понимать как *прямой* обмен информацией между людьми – любое общение или данные должны ещё стать информацией [5. С. 1786]. Это приводит к необходимости говорить и о других сторонах общения, которые как раз и влияют на процесс превращения сообщения в информацию. Здесь можно согласиться с Ю.И. Мирошниковым, утверждающим, что «коммуникативный процесс, оторванный от других элементов общения, взятый сам по себе, не имеет внутреннего смысла, не спосо-

бен объяснить суть человеческой культуры» [6. С. 108]¹. В таком контексте возможно второе (более широкое) понимание коммуникации (и коммуникативных умений), когда коммуникация фактически отождествляется с общением, рассматриваемым как целостное, хотя и сложное явление. Примеров такого рода отождествления в научной литературе достаточно много. Так, И.А. Гришанова вводит понятие «коммуникативная успешность» и определяет коммуникативную успешность как «результат положительного опыта учебной коммуникативной деятельности, проявляющегося в стремлении учащихся включиться в учебное общение на своём уровне развития, обученности, воспитанности (курсив наш. – Авт.)» [8. С. 16]. В данном случае мы видим, что термины «общение» и «коммуникативная деятельность», похоже, используются как синонимы². Аналогично Л.Л. Балакина, перечисляя основные функции коммуникации, указывает среди них «удовлетворение потребности общения» [9. С. 14]³.

Рассматривая коммуникацию во втором (более широком) смысле, мы далее предполагаем, что коммуникативные умения фактически подразумевают под собой умения общаться (ситуация субъект-субъектного взаимодействия). Такой подход требует анализа различных сторон общения (коммуникации). Здесь мы будем опираться на идеи Б.Ф. Ломова [10] (см. также [11]). Он выделяет ряд функций общения, которые раскрывают отдельные его аспекты: информационно-коммуникативную, регуляционно-коммуникативную, аффективно-коммуникативную. Другими словами, помимо собственно обмена информацией процесс коммуникации включает также взаимное воздействие на поведение и эмоциональное состояние партнёров по общению⁴. При этом отметим, что только наличие *всех* трёх обозначенных ранее аспектов делает коммуникацию между людьми возможной, хотя её и пытаются порой свести к информационному обмену.

Поскольку коммуникативные умения формируются в процессе сложного субъект-субъектного взаимодействия, то представляется оправданным исследовать их с позиций личностно-ориентированного подхода. Другими словами, развитие коммуникативных умений детей дошкольного возраста в процессе физического воспитания следует рассматривать в контексте развития личности ребёнка.

В философской и психологической литературе можно встретить множество различных определений личности, однако представляется, что такой подход не совсем корректен. Вероятно, дать строгое и однозначное определение личности вообще не получится – к пониманию сути феномена личностного можно выйти только отрицательно, т.е. через экспликацию того, чем личность не является. Личность не задаётся через физиологические или психологические особенности человека, не выводится из социального опыта. Поэтому неверно говорить, что личность формируется в процессе социализации (хотя, безусловно, социализация нужна). Человек может быть социализированным, включённым в систему социальных связей, может

успешно в этой системе действовать, однако при этом возможна ситуация, когда все его поведение полностью детерминировано извне [13]. Уместно предположить, что личность все же возникает иначе – на *своих собственных основаниях*, личность *самооснована*. М.К. Мамардашвили говорит об этом следующим образом: «Эмпирические интересы, желания, удовольствие и вдруг – поступок, который не вытекает из всего этого, и тогда мы говорим: личностное основание. Поступил как личность. То есть не по удовольствию или неудовольствию, не по интересу, предмет которого находится вне человека, вообще не по какому-то внешнему основанию его поведения – норме, закону, обычаю. Ничего этого нет, а поступок есть – поступил *личностно* (курсив Мамардашвили. – Авт.). Он поступил, сам взяв на себя весь риск, всю ответственность, не имея на то никаких оснований, кроме самого поступка» [14. С. 34]. Далее мы будем говорить о личности с этих позиций.

Если обратиться к задаче формирования личности, рассматривая её как практическую, то здесь мы столкнёмся с закономерной трудностью, поскольку гарантированных механизмов формирования личности нет. Это следует из самой природы личностного. Личность появляется тогда, когда у человека просыпается стремление самостоятельно мыслить, чувствовать, понимать, сопереживать и т.д. (возможна лишь имитация этих состояний), т.е. стремление быть живым, что и означает брать «на себя весь риск, всю ответственность» (никто не гарантирует, что у человека что-то получится на этом пути, что он встретит одобрение со стороны социального окружения и т.п.). Однако это стремление не зависит от желания самого человека или социума. Нельзя вызвать, например, мысль или муки совести по своему (или чьему-либо ещё) желанию, как и нельзя их по своему желанию отменить. Поэтому сформировать личность напрямую не получится, однако можно создать социокультурную среду, в которой личностные акты будут, впервых, *возможны* и, во-вторых, *востребованы*⁵. Мы предполагаем, что создание такой среды невозможно вне общения. Любой личностный поступок, выражая внутренний мир человека, одновременно направлен вовне и явно или неявно предусматривает обмен информацией, взаимодействие с другими людьми, их восприятие. С другой стороны, научиться общению можно только через взаимодействие с окружающими, но никто за человека этот путь не пройдёт, это его личностный путь. Не случайно М.И. Лисина указывает на взаимосвязь и взаимообусловленность процессов формирования личности ребёнка и развития у него навыков общения [7]. Попробуем проанализировать эту взаимосвязь в контексте физического воспитания ребёнка.

Поясним прежде, почему мы рассматриваем формирование коммуникативных умений именно у детей старшего дошкольного возраста. Существует точка зрения, согласно которой «в коммуникативном развитии (автор фактически подразумевает здесь развитие коммуникативных умений. – Авт.) ведущую роль играет обучение, поэтому управляемой коммуникатив-

ная деятельность становится только в период школьного обучения (курсив наш. – Авт.), которое может существенно ускорить этот процесс, если учитель создаёт условия для развития коммуникативной деятельности» [8. С. 15]. Данное утверждение представляется достаточно спорным, поскольку эффективно управлять коммуникативной деятельностью можно и в дошкольном возрасте. Более того, дошкольный возраст является сензитивным периодом для формирования ряда способностей и качеств личности, и одну из ведущих ролей в этом процессе можно отвести коммуникативным умениям. У дошкольников вырабатывается умение ориентировать свою речь на партнёра и ситуацию общения, отбирать и использовать соответствующие речевые и невербальные средства. В свою очередь, это способствует развитию межличностных отношений, осмысливанию языковых и речевых явлений, усвоению социального опыта, развитию творческих способностей ребёнка. Вот почему, как подчёркивает Р.Е. Уилборн, «те дошкольники, которые начинают учиться взаимодействию с ровесниками один на один, а затем и предпринимают попытки входления в малые игровые группы, обычно преуспевают в создании и поддержании взаимоотношений позже в жизни» [16. С. 23].

Вернёмся теперь непосредственно к выдвинутой нами ранее гипотезе. Мы будем опираться на работы В.Н. Шебеко, которая говорит о возможности формирования личности дошкольника средствами физической культуры. Ключевую роль в указанном процессе В.Н. Шебеко отводит творчеству⁶. Эту идею она раскрывает в четвёртом положении, выносимом на защиту: «Педагогическая технология развития творчества дошкольников в двигательной деятельности направлена на переосмысливание ребёнком двигательного материала, выработку собственной стратегии поведения. Специальное построение процесса обучения творчеству ориентировано на использование детьми известных способов выполнения движений в различных ситуациях (двигательные инсценировки) и приобретение умений самостоятельно выдвигать двигательные проблемы, создавать новые двигательные решения (проблемно-двигательные ситуации и задачи). Процесс создания нового движения определяется интеллектуальной активностью ребёнка, эмоциональным отношением к объекту, наличием знаний и характерных мыслительных способов (анализ, сравне-

ние). В результате их взаимодействия появляется продукт, который обладает субъективной новизной» [17. С. 18]. В свою очередь мы предполагаем, что через необходимость создания «новых двигательных решений» можно стимулировать и развитие коммуникативных умений. Прежде всего, речь идёт о тех моделируемых в процессе физкультурной деятельности ситуациях, когда для достижения решения нужно договариваться с партнёрами. Здесь вступают в силу как вербальные, так и невербальные средства общения. Кроме того, невербальное общение играет очень важную роль и во взаимодействии с педагогом. В процессе выполнения физических упражнений с детьми педагог часто использует невербальные сигналы (прикосновение, жест, поза, контакт глаз, выражение лица, пространственное расположение и т.д.). Невербальное общение не только помогает установить контакт с детьми, но и дать оценку, донести срочную информацию, которую порой сложно выразить словами. Необходимость взаимодействия с педагогом и сверстниками даёт возможность ребёнку, с одной стороны, вырабатывать приемлемые и удобные схемы общения, которые в большинстве случаев работают в актуальной для него культурной среде, с другой стороны, формировать личностные структуры, которые позволяют эффективно строить общение в тех ситуациях, когда готовые схемы уже неэффективны.

Подводя итог, отметим, что развитие коммуникативных умений на физкультурном занятии в рамках реализации личностно-ориентированного подхода возможно через создание ситуаций, в которых ребёнку необходимо взаимодействовать с другими детьми и педагогом, при этом результат такого взаимодействия чаще всего заранее неизвестен. В данных обстоятельствах ребёнок учится не только передавать информацию вербально, но и использовать невербальные средства общения, воспринимать эмоциональные состояния сверстников, согласовывать свои действия с действиями других и т.д. Всё это и составляет полноценное общение, которое с очевидностью не сводится лишь к информационному обмену. И хотя первостепенными задачами физического воспитания для нас по-прежнему остаются задачи по формированию двигательных умений и навыков, развитию физических качеств, мы уверены, что средства и методы физической культуры могут способствовать также и развитию коммуникативных умений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Схожие мысли можно встретить у М.И. Лисиной, которая подчёркивает, что абсолютизация какой-либо из сторон общения обедняет представления о нем [7].

² Интересно, что И.А. Гришанова связывает коммуникативную успешность ребёнка только с учебной деятельностью, а это, вообще говоря, является достаточно узким пониманием коммуникации. Аналогична ситуация в работе Л.Л. Балакиной, шестой пункт научной новизны которой выглядит следующим образом: «Дано определение КК (коммуникативной компетентности. – Авт.) учащихся как интегративной характеристики личности, выражающейся в умениях и навыках говорения, понимания, согласования своих действий и мыслей при создании коммуникативного пространства урока (курсив наш. – Авт.)» [9. С. 7].

³ Отметим, кроме того, что у данного автора можно встретить очень запутанные и непонятные рассуждения о специфике так называемой «педагогической» коммуникации: «Осмысливание основных функций коммуникации... позволило выявить главное отличие педагогической коммуникации от простого обмена информацией, которое состоит в том, что её участники не просто взаимодействуют друг с другом, но оказывают друг на друга коммуникативное влияние, воздействие. Такое воздействие происходит при условии, если они понимают друг друга, т.е. «говорят на одном языке», обладают единой, общей для всех системой кодирования (декодирования) смыслообразующей информации (курсив наш. – Авт.)» [9. С. 14–15]. Если участники не понимают друг друга и не «говорят на одном языке», то «простой обмен ин-

формацией» тоже едва ли состоится. Представляется, что специфика «педагогической» коммуникации здесь не раскрыта, несмотря на попытки автора сделать это.

⁴ Предложенные Б.Ф. Ломовым термины для обозначения трёх функций общения в какой-то степени условны. Известно, например, также выделение в структуре общения коммуникативного, интерактивного и перцептивного аспектов (см., например: [12]). Данные аспекты более или менее совпадают с функциями общения, обозначенными Ломовым. Однако в связи с более широким пониманием коммуникации для нас удобнее использовать те термины, которые предложил Ломов.

⁵ Можно создать такую культурную ситуацию, которая, напротив, будет личностное экранировать. Это прекрасно показали, например, авторы ряда антиутопий [15].

⁶ О положительном влиянии занятий физической культурой на уровень креативности детей говорят и зарубежные исследователи (см., например: [18]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Hartley P. *Interpersonal Communication*. 2nd ed. London; N.Y. : Routledge, 1999. viii, 258 p.
2. Агальцев А.М. Природа общения. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 220 с.
3. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. СПб. : Питер, 2009. 576 с.
4. Арушанова А.Г. Развитие диалогического общения: речь и речевое общение детей : метод. пособие для воспитателей. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мозайка-Синтез, 2008. 126 [2] с.
5. Ulukan M., Dalkilic M. Primary school students' level of participation in sport in terms of different variables and the relationship between the level of participation and communication skills // *Procedia Social and Behavioral Sciences*. 2012. № 46. P. 1786–1789.
6. Мирошиников Ю.П. Аксиологическая структура социокультурной коммуникации. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1998. 113 с.
7. Лисина М.И. Формирование личности ребёнка в общении. СПб. : Питер, 2009. 320 с.
8. Гришанова И.А. Дидактическая концепция формирования коммуникативной успешности младших школьников : автореф. дис. ...д-ра пед. наук: 13.00.01. Ижевск, 2010. 39 с. URL: <http://dlib.rsl.ru/01004611006>
9. Балакина Л.П. Педагогические принципы реализации коммуникативного подхода в организации урока и формировании коммуникативной компетентности учащихся : автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01. Томск, 2010. 43 с. URL: <http://dlib.rsl.ru/01004601154>.
10. Ломов Б.Ф. Общение и социальная регуляция поведения индивида // Психологические проблемы социальной регуляции поведения / под ред. Е.В. Шороховой. М. : Наука, 1976. С. 64–93.
11. Мунирова Л.Р. Формирование у младших школьников коммуникативных умений в процессе дидактической игры : автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. М., 1992. 19 с.
12. Андреева Г.М. Социальная психология. 5-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2008. 363 с.
13. Константинов Д.В. Система образования, самостоятельная работа и личность: точки пересечения // Пути оптимизации самостоятельной работы студентов в условиях модернизации профессионального образования : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (20–22 марта 2013 г.) : в 2 ч. / под общ. ред. С.Г. Куртева. Омск : Изд-во СибГУФК, 2013. Ч. 1. С. 64–69.
14. Мамардашвили М.К. Введение в философию // Философские чтения. СПб. : Азбука-классика, 2002. С. 7–170.
15. Константинов Д.В. Антиутопии: будущее без человека // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 366. С. 42–48.
16. Wilburn R.E. *Understanding the Preschooler*. N.Y. : Peter Lang, 2000. vii, 139 p.
17. Шебеко В.Н. Формирование личности ребёнка дошкольного возраста средствами физической культуры : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2011. 53 с. URL: <http://dlib.rsl.ru/01004851074>
18. Tekina M., Güllü M. Examined of Creativity Level of Primary School Students Who Make Sports and Do Not Make Sports // *Procedia Social and Behavioral Sciences*. 2010. № 2. P. 3351–3357.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 9 апреля 2015 г.

CONCEPTUAL PREMISES OF PRESCHOOLERS' COMMUNICATIVE SKILLS DEVELOPMENT IN THE PROCESS OF PHYSICAL EDUCATION

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 224–228. DOI: 10.17223/15617793/395/36

Konstantinova Elena A., Konstantinov Dmitrii V. Siberian State University of Physical Culture and Sports (Omsk, Russian Federation). E-mail: elena-0111@list.ru; konstantinov@sibgufk.ru; dm konstantinov@yandex.ru

Keywords: communication; communication skills; preschoolers; personality formation; physical culture.

The basic hypothesis made by the authors of this research is an assumption that physical culture can play a significant role for development of communication skills at preschool age. The authors analyze two approaches to the term “communication”. Firstly, communication can be treated as information exchange. Secondly, communication in a broader sense can be considered as a complex phenomenon including informative-communicative, regulatory-communicative, affective-communicative aspects. In other words, the process of communication includes mutual influence on the behavior and emotional state of communicating partners besides simple information exchange. Thusly understood communication is a complex subject-subject interaction. As a result of it, the authors believe that it is right to speak about the process of communication skills development from the positions of personality oriented approach. The authors emphasize that there are no guaranteed mechanisms of forming a personality. It follows from the nature of personality. Personality appears when a person has an aspiration to independently think, feel, understand, empathize etc. But this aspiration does not depend on the desire of a person or society. It is impossible to cause, for instance, thought or remorse at will, as well as it is impossible to cancel them voluntarily. Therefore, one cannot form a personality directly. However, it is possible to create a sociocultural environment in which personal acts will be possible and in demand. It is by means of creation of such an environment during sports lessons that the authors expect to develop communication skills of preschoolers. On the whole, communication skills development of preschoolers in the process of physical education is possible through creation of situations in which a child needs to interact with other children and the teacher, and the result of such interaction in most cases is unknown in advance. The necessity of interaction with the teacher and coevals gives a child an opportunity to develop, on the one hand, acceptable and convenient schemes of communication which in most cases work in the actual cultural environment. On the other hand, it helps to form personal structures which will allow the child to communicate effectively in situations when prefabricated schemes are already inefficient.

REFERENCES

1. Hartley P. *Interpersonal Communication*. 2nd edition. London; N.Y.: Routledge, 1999. viii, 258 p.
2. Agal'tsev A.M. *Priroda obshcheniya* [The nature of communication]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2007. 220 p.
3. Il'in E.P. *Psichologiya obshcheniya i mezhlichnostnykh otnosheniy* [Psychology of communication and interpersonal relations]. St. Petersburg: Piter Publ., 2009. 576 p.
4. Arushanova A.G. *Razvitiye dialogicheskogo obshcheniya: rech' i rechevoe obshchenie detey* [The development of dialogic communication: speaking and speech communication of children]. 2nd edition. Moscow: Mozaika-Sintez Publ., 2008. 126 p.
5. Ulukan M., Dalkilic M. Primary school students' level of participation in sport in terms of different variables and the relationship between the level of participation and communication skills. *Procedia Social and Behavioral Sciences*, 2012, no. 46, pp. 1786–1789. DOI: 10.1016/j.sbspro.2012.05.379
6. Miroshnikov Yu.I. *Aksiologicheskaya struktura sotsiokul'turnoy kommunikatsii* [Axiological structure of sociocultural communication]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii Publ., 1998. 113 p.
7. Lisina M.I. *Formirovanie lichnosti rebenka v obshchenii* [Axiological structure of social and cultural communication]. St. Petersburg: Piter Publ., 2009. 320 p.
8. Grishanova I.A. *Didakticheskaya kontseptsiya formirovaniya kommunikativnoy uspeshnosti mladshikh shkol'nikov*: avtoref. dis. d-ra ped. nauk [Didactic concept of formation of communicative success of younger pupils. Abstract of Pedagogy Dr. Diss.]. Izhevsk, 2010. 39 p. Available from: <http://dlib.rsl.ru/01004611006>.
9. Balakina L.L. *Pedagogicheskie printsyipy realizatsii kommunikativnogo podkhoda v organizatsii uroka i formirovaniyu kommunikativnoy kompetentnosti uchashchikhsya*: avtoref. dis. d-ra ped. nauk [Pedagogical principles of realization of the communicative approach in the organization of a lesson and the formation of the communicative competence of students. Abstract of Pedagogy Dr. Diss.]. Tomsk, 2010. 43 p. Available from: <http://dlib.rsl.ru/01004601154>.
10. Lomov B.F. *Obshchenie i sotsial'naya reguljatsiya povedeniya individu* [Communication and social regulation of individual behavior]. In: Shorokhova E.V. (ed.) *Psichologicheskie problemy sotsial'noy reguljatsii povedeniya* [Communication and social regulation of individual behavior]. Moscow: Nauka Publ., 1976, pp. 64–93.
11. Munirova L.R. *Formirovanie u mladshikh shkol'nikov kommunikativnykh umeniy v protsesse didakticheskoy igry*: avtoref. dis. kand. ped. nauk [Formation of communicative skills in younger pupils in the process of didactic games. Abstract of Pedagogy Cand. Diss.]. Moscow, 1992. 19 p.
12. Andreeva G.M. *Sotsial'naya psichologiya* [Social Psychology]. 5th edition. Moscow: Aspekt Press Publ., 2008. 363 p.
13. Konstantinov D.V. [The education system, independent work and personality: the points of intersection]. *Puti optimizatsii samostoyatel'noy raboty studentov v usloviyakh modernizatsii professional'nogo obrazovaniya: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (20–22 marta 2013 g.)*: v 2 ch. [Ways of optimization of independent work of students in the modernization of vocational education: Materials of All-Russian scientific-practical conference (20-22 March 2013): in 2 pt.]. Omsk, 2013, pt. 1, pp. 64–69. (In Russian).
14. Mamardashvili M.K. *Filosofskie chteniya* [Philosophical reading]. St. Petersburg: Azbuka-klassika Publ., 2002, pp. 7–170.
15. Konstantinov D.V. Dystopia: future without man. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 2013, no. 366, pp. 42–48. (In Russian).
16. Wilburn R.E. *Understanding the Preschooler*. N.Y.: Peter Lang, 2000. vii, 139 p.
17. Shebeko V.N. *Formirovanie lichnosti rebenka doshkol'nogo vozrasta sredstvami fizicheskoy kul'tury*: avtoref. dis. d-ra ped. nauk [Formation of a preschooler's personality by means of physical culture. Abstract of Pedagogy Dr. Diss.]. Moscow, 2011. 53 p. Available from: <http://dlib.rsl.ru/01004851074>.
18. Tekina M., Güllü M. Examined of Creativity Level of Primary School Students Who Make Sports and Do Not Make Sports. *Procedia Social and Behavioral Sciences*, 2010, no. 2, pp. 3351–3357. DOI: 10.1016/j.sbspro.2010.03.514

Received: 09 April 2015

АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СИСТЕМЫ ВНЕШНЕГО ДЫХАНИЯ ПРИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УДАРНЫХ ДВИЖЕНИЙ У БОКСЕРОВ РАЗЛИЧНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

Исследовались показатели системы внешнего дыхания при совершенствовании ударов руками по спортивным снарядам у спортсменов различной квалификации. Отмечено, что использование средств, ограничивающих нагрузку на кисть при сопротивлении со спортивным снарядом, оказывает влияние на тип выполнения ударных действий, что качественно влияет на спирографические показатели у спортсменов различной квалификации. Отмечено, что удары, выполняемые баллистическим типом мышечного напряжения, наиболее экономичны. Это выражается в незначительном снижении показателей дыхательной системы после выполнения ударных действий в экспериментальной группе у квалифицированных спортсменов.

Ключевые слова: бокс; система внешнего дыхания; ударные движения; боксеры различной спортивной квалификации; спортивная тренировка.

Введение

При совершенствовании ударных движений в процессе спортивной подготовки показатели системы внешнего дыхания зависят от мощности выполняемой мышечной работы [1]. Ряд авторов свидетельствует, что неоптимальное межмышечное взаимодействие при выполнении движений оказывает существенное влияние на спирографические показатели после их выполнения [2]. Биоэлектрическая активность значительно увеличивается в мышцах-антагонистах, что искажает биомеханические характеристики движения и значительно увеличивает нагрузку на дыхательную систему [3]. Анализ литературы по боксу свидетельствует, что согласованность межреберных мышц обеспечивает увеличение силовых возможностей боксеров. По мнению специалистов, одной из причин увеличения силы удара является акцентированный выдох в заключительной фазе ударного движения. Выдох должен быть свободным и мощным, без излишнего напряжения мышечных групп, не играющих существенной роли в двигательно-координационных и скоростно-силовых характеристиках удара [4].

Анализ научно-методической литературы свидетельствует, что показатели системы внешнего дыхания качественно влияют на работоспособность спортсменов при выполнении скоростно-силовых движений [5, 6]. При чрезмерном напряжении системы дыхания существенно снижаются показатели силы, скорости и специфической выносливости при выполнении ударных движений [7]. Это отражается на качестве соревновательных поединков в боксе и ведет к неспособности спортсменов младших разрядов и начинающих спортсменов восстановиться в перерыве между раундами за 1 минуту.

Авторы свидетельствуют, что при совершенствовании ударных действий на тяжелых боксерских снарядах болевые воздействия в области кисти при ее соударении способны менять тип мышечного напряжения. При выполнении ударов небаллистического типа мышечного напряжения в действие вовлекаются мышцы-антагонисты, значительно снижающие динамические характеристики ударного движения. Чрезмерное мышечное напряжение и неоптимальное межмышечное сокращение вызывает быстрое утомление,

которое значительно снижает многие показатели системы внешнего дыхания у спортсменов [8].

Целью нашего исследования являлся анализ показателей системы внешнего дыхания при совершенствовании ударных движений различного типа мышечного напряжения у боксеров различной квалификации.

Методы исследования

Спирография: определение показателей системы дыхания проводилось на аппаратно-программном комплексе «Валента» до и после тестирующего задания. Определялись показатели жизненной емкости легких (ЖЕЛ), объема форсированного выдоха за 1 с (ОФВ₁), дыхательного объема (ДО). Минутный объем дыхания (МОД) рассчитывался произведением дыхательного объема на частоту дыхания (ЧД). Исследование проводилось на базе лаборатории функциональной диагностики Национального исследовательского Томского государственного университета.

Полученные данные были представлены в виде «среднее ± ошибка среднего» ($X \pm m$). Полученные результаты обрабатывались методами вариационной статистики, достоверность оценивалась с помощью непараметрического критерия Манна – Уитни.

Объект исследования

Исследование выполнялось на базе спортивной секции по боксу ТГАСУ, были обследованы 42 спортсмена различной квалификации в возрасте 18–23 лет. Все исследуемые спортсмены входили в весовую категорию до 69 кг. Были сформированы две группы: экспериментальная группа состояла из 21 человека (4 боксера КМС, 7 боксеров 1-го разряда, 10 боксеров-новичков); контрольная группа состояла из 21 человек (4 боксера КМС, 7 боксеров 1-го разряда, 10 боксеров-новичков).

Боксерам обеих групп было предложено наносить одиночный прямой удар правой рукой в голову из боевой стойки по боксерскому мешку в течение раунда (3 мин) с установкой на максимальную силу и скорость. Спортсмены экспериментальной группы наносили удары в боксерских перчатках (10 унций), а спортсмены контрольной группы – в снарядных пер-

чатках, предназначенных для совершенствования ударных действий на боксерских снарядах.

Результаты исследования

На начальном этапе исследования не было зафиксировано достоверно значимых различий в показателях системы внешнего дыхания между экспериментальной и контрольной группой у спортсменов различной квалификации в состоянии покоя (табл. 1, 2).

Нами было отмечено то, что значения ЖЕЛ, зафиксированной после нагрузки, у начинающих спортсменов экспериментальной группы на 25,8% превосходили уровень контроля. При сравнении величин после тестирующей нагрузки относительно значений, зафиксированных в покое, нами было отмечено, что в экспериментальной группе эти показатели не имели достоверно значимых различий. В контрольной группе результаты показателей, зафиксированные после нагрузки, были

ниже значений, отмеченных в состоянии покоя, на 31,1% (табл. 1). Данный факт позволяет предположить, что система внешнего дыхания боксеров экспериментальной группы была в меньшей мере подвержена нагрузке в связи с попыткой спортсменов выполнять ударные движения баллистического типа мышечного напряжения. Это было выражено тем, что боксеры стремились начинать ударное действие более расслабленно и с большей скоростью, развивая его по инерции от мышц нижних конечностей, проявляющих большую стартовую силу в начальной фазе ударного движения. В величинах ДО, наблюдаемых после выполнения ударных действий, нами не было отмечено достоверно значимых различий между экспериментальной и контрольной группой. При сопоставлении значений, зафиксированных после нагрузки, с уровнем, наблюдаемым в покое, нами было отмечено, что в экспериментальной группе эти результаты стали выше на 93,2%, а в контрольной – на 99,1% (табл. 1).

Таблица 1

Спирографические показатели у начинающих спортсменов при совершенствовании ударных действий правой рукой, использующих различные средства предупреждения травматизма кисти $X \pm m$

Показатели	Боксеры-новички		Эксперимент	
	Контроль	Нагрузка	Покой	Нагрузка
ЖЕЛ, л	4,5±0,04	3,1±0,05 #	4,5±0,11	3,9±0,07 *
ДО, мл	580±41,1	1155±50,1#	585±37,8	1130±48,5#
ОФВ ₁ , л	3,6±0,02	1,8±0,02#	3,6±0,01	2,5±0,03 **
ЧД, раз/мин	15,2±2,7	36,6±4,4#	15,3±3,01	34,6±4,3#
МОД, л/мин	8,8±2,1	42,3±5,2 ##	9±2,7	39,2±4,5##

Примечание. 1) Сравнение полученных данных с соответствующими значениями у контрольной группы спортсменов, $P < 0,05 - *$; 2) Сравнение полученных данных нагрузки относительно уровня покоя, $P < 0,05 - #$; $P < 0,01 - ##$.

Величина ОФВ₁ после нагрузки у спортсменов экспериментальной группы на 38,9% превосходила аналогичный уровень контроля. При сравнении результатов после нагрузки относительно значений, зафиксированных в покое, нами было отмечено, что в экспериментальной группе эта величина стала ниже на 30,6%, а в контрольной – на 50% (табл. 1). Данный факт говорит о существенном уменьшении легочных объемов у спортсменов контрольной группы. На наш взгляд, это связано с тем, что начинающие боксеры контрольной группы выполняли ударное действие с небаллистическим типом мышечного напряжения, в большей степени используя мышцы верхних конечностей при совершенствовании ударов.

В величинах ЧД, наблюдаемых после нагрузки, нам не удалось зафиксировать статистически значимых различий между экспериментальной и контрольной группами. В то же время показатели частоты дыхания после тестирующего задания, превосходили значения результатов покоя в экспериментальной группе на 126,1%, а в контрольной – на 140,8% (табл. 1).

Значения показателей МОД, зафиксированные после нагрузки, не отмечены нами достоверно значимыми различиями между экспериментальной и контрольной группой. При сравнении результатов после нагрузки с показателями покоя было отмечено, что в экспериментальной группе значения после нагрузки превосходили уровень покоя на 335,6%, а в контрольной группе – на 380,7% (табл. 1).

В величине ЖЕЛ мы не отмечали статистически значимых различий на всех этапах исследования

между различными группами у боксеров КМС. Это позволяет предположить, что грудная клетка спортсменов данной квалификации обладает достаточной эластичностью для эффективной работы в зоне субмаксимальной мощности. В величинах ДО, зафиксированных после выполнения тестирующей нагрузки, мы также не обнаружили достоверно значимых различий между экспериментальной и контрольной группами. В то же время показатели, зафиксированные после нагрузки в экспериментальной группе, на 33,9% превосходили значения покоя, тогда как в контрольной группе аналогичное превосходство составляло 48,3%. Это позволяет сделать предположение об экономичности работы дыхательной системы у спортсменов экспериментальной группы. Об этом свидетельствуют меньшие объемы дыхательного цикла, отмеченные после выполнения мышечной работы в тестирующем задании (табл. 2).

Величина ОФВ₁ после нагрузки у спортсменов экспериментальной группы превосходила уровень контроля на 30,3%. При сравнении результатов после нагрузки относительно значений, зафиксированных в покое, было отмечено, что в экспериментальной группе эти показатели не имели достоверно значимых различий. В контрольной группе значения показателей, зафиксированных после нагрузки, были ниже значений, отмеченных в покое, на 42,4%. Данный факт свидетельствует о существенном снижении скорости форсированного выдоха в контрольной группе, выполняемого после тестирующей нагрузки. Это может быть связано с большей степенью утом-

ления после мышечной работы, так как в двигательное действие вовлекаются мышечные группы – антагонисты, которые уменьшают его скоростные и си-

ловые возможности. Это свидетельствует о явном нарушении двигательной координации при выполнении ударных движений (табл. 2).

Таблица 2
Спирографические показатели у спортсменов старших разрядов при совершенствовании ударных действий правой рукой, использующих различные средства предупреждения травматизма кисти $X \pm m$

Показатели	Боксеры КМС		Эксперимент	
	Контроль	Нагрузка	Покой	Нагрузка
ЖЕЛ, л	5,8±0,3	5,4±0,4	5,8±0,2	5,7±0,1
ДО, мл	725±34,3	1075±57,6#	737,5±23,1	987,5±32,3 #
ОФВ ₁ , л	4,7±0,03	3,3±0,02#	4,8±0,02	4,3±0,01*
ЧД, раз/мин	11,3±2,03	26,8±2,35#	11,3±2,01	21,5±2,42#
МОД, л/мин	8,2±1,41	28,8±3,02##	8,3±1,19	20,7±1,01**#
Боксеры 1-го разряда				
ЖЕЛ, л	5,7±0,2	5,2±0,3	5,6±0,2	5,3±0,2
ДО, мл	671,4±20,1	1050±31,3#	671,4±20,4	828,6±22,4 **#
ОФВ ₁ , л	4,7±0,01	3±0,02#	4,7±0,02	4,1±0,02 *
ЧД, раз/мин	12±1,22	29,9±2,02#	12±1,03	23,6±1,11 **#
МОД, л/мин	8±1,03	31,4±2,51##	8,1±1,16	22,5±1,64 **#

В величинах ЧД, зафиксированных после нагрузки, не было статистически значимых различий между экспериментальной и контрольной группами. В то же время показатели частоты дыхания после тестирующего задания превосходили значения результатов покоя на 90,3% в экспериментальной группе, а в контрольной – на 137,2%. Это позволяет предположить, что ударные действия спортсменов экспериментальной группы выполнялись более экономично. Об этом свидетельствует меньшая нагрузка на систему внешнего дыхания при выполнении мышечной работы в экспериментальной группе (табл. 2).

Значения показателей МОД, зафиксированные после нагрузки у спортсменов экспериментальной группы, были ниже контрольных значений на 28,1%. При сравнении результатов после нагрузки с показателями покоя было отмечено, что в экспериментальной группе значения после нагрузки превосходили уровень покоя на 149,4%, а в контрольной группе – на 251,2%. Это позволяет предположить о большей экономичности работы в экспериментальной группе, исходя из анализа показателей ЧД и ДО (табл. 2).

Значения показателей ЖЕЛ у спортсменов 1-го разряда не различались до и после нагрузки. Значения показателей ДО, полученные после нагрузки в экспериментальной группе были ниже аналогичных результатов контроля на 21,1%. В то же время значения показателей, зафиксированные после нагрузки в экспериментальной группе, превышали уровень покоя на 23,4%, тогда как в контрольной группе результаты, полученные после тестирующего задания, были выше исходных значений на 56,4% (табл. 2).

Значения показателей ОФВ₁, зафиксированные у спортсменов экспериментальной группы после выполнения ударных действий, превышали контрольные значения на 36,7%. При сопоставлении показателей после нагрузки показателями в состоянии покоя было отмечено, что в экспериментальной группе

данные результаты не изменились. В контрольной группе аналогичные результаты существенно снизились и были меньше показателей, полученных в покое, на 56,7%. Значения показателей ЧД, полученных после тестирующей нагрузки, в экспериментальной группе были ниже контрольных на 21,1%. При сравнении показателей после нагрузки с уровнем покоя мы отметили, что результаты, зафиксированные после нагрузки в экспериментальной группе, превосходили значения, отмеченные в покое, на 96,7%. Аналогичные значения группы контроля пре-восходили показатели, зафиксированные до начала исследования, на 149,2%. Данные показателей МОД в экспериментальной группе после нагрузки были ниже контрольных значений на 28,3%. При сравнении результатов после нагрузки относительно уровня покоя в экспериментальной группе отмечено увеличение на 177,8%, а в контрольной – на 292,5% (табл. 2).

Выводы

1. Средства, ограничивающие нагрузку на кисть при совершенствовании ударов на боксерских снарядах (боксерские перчатки), вызывают различную реакцию на систему внешнего дыхания у спортсменов различной квалификации.

2. Ударные движения, выполняемые по типу баллистического мышечного напряжения, оказывают минимальное воздействие на систему внешнего дыхания спортсменов старших разрядов, что позволяет увеличивать интенсивность тренировочных нагрузок в процессе спортивной подготовки.

3. При выполнении ударных движений начинающими спортсменами значительно снижаются показатели легочных объемов, что отрицательно влияет на величины, отображающие скорость форсированного выдоха за 1 секунду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаев Г.Г. Регуляция дыхания при мышечной работе. Л. : Наука, 1990. 120 с.
2. Суслина И.В. Индивидуально-типологические особенности функциональных возможностей дыхательной мускулатуры у спортсменов // Фундаментальные исследования. 2012. № 9 (1). С. 73–77.

4. Руненко С.Д., Таламбум Е.А., Ачкасов Е.Е. Исследование и оценка функционального состояния спортсменов : учеб. пособие. М. : Профиль-2 С, 2010. 72 с.
5. Ширяев А.Г., Филимонов В.И. Бокс и кикбоксинг. М. : Академия, 2007. 256 с.
6. Карапурова Л.К., Красноперова Н.А., Расулов М.М. Физиология физического воспитания и спорта : учебник. М. : Академия, 2012. 304 с.
7. Смирнов В.М., Фудин Н.А., Поляев Б.А. и др. Физиология физического воспитания и спорта : учебник. М. : Медицинское информационное агентство, 2012. 544 с.
8. Бреслав И.С., Волков Н.И., Тамбовцева Р.В. Дыхание и мышечная активность человека в спорте. М. : Советский спорт, 2013. 336 с.
9. Неупокоев С.Н., Бредихина Ю.П., Павлов Н.З. Влияние болевых воздействий на функциональные показатели мышц плеча и бедра при совершенствовании ударных баллистических движений у боксеров старших спортивных разрядов // Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием им. В.С. Пирусского, 2014. С. 170–174.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 7 апреля 2015 г.

ANALYSIS OF EXTERNAL RESPIRATION PERFORMANCE IN IMPROVING SHOCK MOVEMENTS IN BOXERS OF DIFFERENT SPORTS QUALIFICATION

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 229–232. DOI: 10.17223/15617793/395/37

Неупокоев Sergey N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: repao@ mail.ru

Капилевич Leonid V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kapil@yandex.ru

Kabachkova Anastasia V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: avkabachkova@gmail.com

Лосон Elena V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: evl@sibmail.com

Krupitskaya Olga N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Olgakrupickaya@mail.ru.

Keywords: boxing; external respiration system; shock movement; boxers of different sports qualification; sports training.

A number of authors suggest that suboptimal intermuscular interaction when performing movements has a significant impact on the spirographic indicators after performance. Bioelectric activity increases significantly in the antagonist muscles, which distorts the biomechanical characteristics of movement and greatly increases the load on the respiratory system. Analysis of literature on boxing shows that the consistency of intercostal muscles provides increased power capabilities of boxers. According to experts, one of the reasons for increased power is an accented exhalation in the final phase of a shock movement. The exhalation should be free and powerful without undue stress of muscle groups that do not play a significant role in the coordination and motor and speed-strength performance impact. We investigated the performance of external respiration in improving strokes with different types of muscular tension. In the VC fixed after loads in beginners, we noted that the values of the experimental group are 25.8 % higher than those of the control one. When comparing values after the test load and values recorded at rest, we noted that these figures had no significant difference in the experimental group. In the control group, results of the indicators recorded after exercise were lower than values at rest by 31.1 %. The value of FEV₁ after exercise in beginner athletes in the experimental group was 38.9 % higher than the same level of the control group. Comparing results after the load with values recorded at rest, we noted that in the experimental group this value was lower by 30.6 %, and in the control group by 50 %. In skilled athletes, the value of FEV₁ after exercise in the experimental group was superior to the control group by 30.3 %. Comparing the results after the load with the values recorded at rest, it was noted that in the experimental group these indices had no significant difference. In the control group, all the parameters recorded after loads were lower than the values at rest by 42.4 %. This fact indicates a significant decrease in the rate of forced expiratory volume in the control group, which is carried out after the test load. This may be due to a greater degree of fatigue after muscular work, as motor actions involve muscle groups-antagonists which reduce their speed and power capabilities. It is shown that the use of tools that limit loads on hands (boxing gloves) helps to optimize the nature of muscular tension in improving accented strokes. The ballistic type of strokes is most economical. This results in a minimum reduction of the respiratory system indicators after the test load. The results lead to the following conclusions: 1. Tools that limit the load on hands in improving strokes on boxing apparatuses (boxing gloves) cause different reactions in the system of external respiration in athletes of different qualifications. 2. Strokes with ballistic muscle tension have a minimal impact on the system of external respiration of high-degree athletes, which allows increasing the intensity of training loads during sports training. 3. When beginners make shock movements, the indicators of lung volumes decrease significantly, which has a negative impact on the values of the forced expiratory volume speed per second.

REFERENCES

1. Isaev G.G. *Regulyatsiya dykhaniya pri myshechnoy rabote* [Regulation of breathing during muscular work]. Leningrad: Nauka Publ., 1990. 120 p.
2. Sushlina I.V. Dependence of breathing muscles functional abilities on specific features of the organism. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental Research*, 2012, no. 9 (1), pp. 73–77. (In Russian).
4. Runenko S.D., Talambum E.A., Achkasov E.E. *Issledovanie i otsenka funktsional'nogo sostoyaniya sportsmenov* [Research and assessment of the functional state of athletes]. Moscow: Profil'-2 S Publ., 2010. 72 p.
5. Shiryev A.G., Filimonov V.I. *Boks i kikboksing* [Boxing and Kickboxing]. Moscow: Akademiya Publ., 2007. 256 p.
6. Karaulova L.K., Krasnoperova N.A., Rasulov M.M. *Fiziologiya fizicheskogo vospitaniya i sporta* [Physiology of Physical Education and Sport]. Moscow: Akademiya Publ., 2012. 304 p.
7. Smirnov V.M., Fudin N.A., Polyaev B.A. et al. *Fiziologiya fizicheskogo vospitaniya i sporta* [Physiology of Physical Education and Sport]. Moscow: Meditsinskoe informatsionnoe agentstvo Publ., 2012. 544 p.
8. Breslav I.S., Volkov N.I., Tambovtseva R.V. *Dyhanie i myshechnaya aktivnost' cheloveka v sporte* [Breathing and muscular activity of man in sport]. Moscow: Sovetskiy sport Publ., 2013. 336 p.
9. Неупокоев С.Н., Бредихина Ю.П., Павлов Н.З. [The influence of pain impacts on functional indicators of shoulder and hip muscles while improving shock ballistic movements in high-degree boxers]. *Materialy VIII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem im. V.S. Pirusskogo* [Proc. of VIII All-Russian scientific and practical conference with international participation n.a. V.S. Pirusskiy]. Tomsk, 2014, pp. 170–174. (In Russian).

Received: 07 April 2015

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 68.47.41

В.П. Горбатенко, А.А. Громницкая, Д.А. Константинова, Т.В. Ерикова, О.Е. Нечепуренко

ОЦЕНКА РОЛИ КЛИМАТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ВОЗНИКНОВЕНИИ И РАСПРОСТРАНЕНИИ ЛЕСНЫХ ПОЖАРОВ НА ТЕРРИТОРИИ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки, проект №. 5.628.2014/К.

Лесные пожары могут возникать как по вине человека, так и по естественным причинам, к которым относят такие метеорологические параметры, как температура и влажность воздуха, скорость ветра, грозовая активность и др. Цель настоящей работы – определение пожароопасности территории Томской области с учетом типа растительности и климатических особенностей. Для достижения поставленной цели была изучена динамика повторяемости лесных пожаров на примере Томской авиабазы, филиала ФГУ «Авиалесоохрана» за период с 1992 по 2011 г. и пространственное расположение пожаров на этой же территории по данным спектрорадиометра MODIS спутников программы EOS (Earth Observation System). Временные и пространственные особенности распределения лесных пожаров сравнивались с характеристиками грозовой активности, средними значениями температуры воздуха и осадков за летний период, распределением видов растительности. Получены оценочные значения пожароопасности территории по пятибалльной шкале.

Ключевые слова: лесные пожары; грозовая активность; пожароопасность территории; спектрорадиометр MODIS.

В Томской области наряду с вырубками одно из первых мест в истреблении леса занимают пожары. Согласно данным Томской базы авиационной охраны лесов, наиболее крупные пожары, причиняющие наибольший ущерб, обычно возникают вне зон авиа-патрулирования леса [1]. Бороться с такими пожарами труднее всего, так как к моменту обнаружения они занимают значительную площадь. Кроме того, их ликвидация требует больших материальных затрат. Однако расширение площади авиа-патрулирования невозможно из-за недостатка финансирования. Поэтому основная проблема лесных пожаров в Томской области заключается в организации эффективной охраны лесов на обширных малонаселенных территориях при очень скромных возможностях государственных субсидий. Оценка роли климатических факторов и их изменчивости в процессах возникновения и распространения лесных пожаров способствует повышению эффективности охраны лесов, поскольку позволяет заблаговременно оценить степень пожароопасности того или иного района.

Недооцененную опасность для лесов средней полосы России представляют грозы. Число пожаров, возникших по вине гроз, по данным разных источников варьируется для различных регионов от 10 до 67% от общего числа лесных пожаров. Однако выгоревшая площадь одного пожара, возникшего от молнии, почти вдвое превышала площадь пожаров, возникших по другим причинам, поэтому возгорания от молнии являются самыми опасными для тайги. Причины этого очевидны – не все пожары, возникшие из-за молний, обнаруживаются быстро, следовательно, и величина выгоревших площадей увеличивается по сравнению с пожарами, возникшими по другим причинам. Характерной особенностью таких лесных пожаров является возникновение как одиночного очага горения, так и «внезапного» появления многочисленных очагов возгораний растительности. Наиболее существенной причиной вспышки природных пожаров являются интенсивные сухие грозы, которые форми-

руются и развиваются чаще всего в условиях засухи. Именно во время таких экстремальных засушливых погодных условий лесные пожары чаще всего приводят к катастрофическим последствиям. При этом надо иметь в виду, что в результате случившегося разряда молнии в землю не везде возгорание равновероятно. Распространение пожара будет зависеть от температурно-влажностных параметров атмосферы, от характеристик состояния подстилающей поверхности, таких как наличие заболоченности, преобладающая растительность и т.п.

Целью настоящих исследований является построение карты-схемы ранжированной пожароопасности лесных массивов, расположенных на территории Томской области, с учетом не только молниевой активности, но и других климатических особенностей территории и состояния подстилающей поверхности, способной воспламениться в результате разряда молнии.

Невозможно по одному климатическому фактору, в том числе и такому, как средняя грозопоражаемость территории, судить о вероятности возникновения и распространения лесного пожара. На способность загораться влияют количество и продолжительность выпавших осадков, температура воздуха, его относительная влажность, число дней, прошедших после дождя и др. Поэтому необходим комплексный подход, наиболее полно учитывающий факторы, влияющие на возможность возникновения пожара, который мы и попробовали осуществить в настоящей работе. Материалом для настоящих исследований послужили:

1. Данные о лесных пожарах по дневникам Томской авиабазы, филиала ФГУ «Авиалесоохрана» за период 1992–2011 гг.

2. Результаты наблюдения лесных пожаров с помощью спектрорадиометра MODIS (MODerate resolution Imaging Spectroradiometer), установленного на космических платформах EOS AM-1 (Terra) и EOS PM-1 (Aqua) [2].

3. Карты средней плотности разрядов молний в землю [3].

4. Карты растительности территории Томской области [4].

5. Климатические характеристики летнего сезона территории Томской области: температура воздуха, количество выпавших осадков [5–7].

Для анализа климатических причин распространения лесных пожаров представляет интерес их динамика, для изучения которой были использованы данные ФГУ «Авиалесоохрана» Томской области. В информационной системе ФГУ «Авиалесоохрана» ведется учет пожаров вплоть до отдельного пожара, по каждому из которых заполняется специальная форма, содержащая следующие сведения:

1. Номер пожара.

2. Зона мониторинга.

3. Характеристика детектирования (широта, долгота, привязка, федеральный округ, область (край, республика, АО), лесхоз, авиа база, авиаотделение).

4. Начало наблюдения (дата, время, площадь регистрации (га)).

5. Последнее наблюдение (дата, время, состояние).

6. Динамика развития (дата, пройденная площадь, облачность в районе пожара, состояние (действует, объединился с другим пожаром, нет данных, ликвидирован)).

7. Данные по пройденной пожаром площади: пройденная с момента возникновения (всего, в том числе покрытая лесом); пройденная за сутки (всего, в том числе покрытая лесом).

Наличие такой информации позволяет провести тщательный анализ не только многолетней динамики повторяемости и активности лесных пожаров, но и особенности их пространственной локализации.

Наличие спутниковых данных позволяет уточнять площади пожаров, оценивать степень повреждения огнем лесной растительности, выявлять гари и погибшие насаждения, а также оценивать состояние и динамику лесовосстановительного процесса. Мониторинг лесных пожаров осуществляется по снимкам со спутников при помощи универсальной и многоцелевой программы NASA EOS. Возможности космического мониторинга лесных пожаров определяются оперативностью съемки, пространственным разрешением и доступностью снимков.

В основном мониторинг пожаров осуществляется с помощью спектрорадиометра MODIS (MODerate resolution Imaging Spectroradiometer), установленного на космических платформах EOS AM-1 (Terra) и EOS PM-1 (Aqua), которые имеют высокую оперативность передачи информации и высокую частоту обзора территории, благодаря широкой полосе захвата 2,5–3 тыс. км, временное разрешение – 3–4 снимка в сутки. Для уточнения информации с метеоспутников, получения итоговых контуров прогоревших территорий, а также для регистрации действующих пожаров используются снимки среднего разрешения Landsat и SPOT. Данные тепловых каналов радиометра обрабатываются по специальному автоматическому алгоритму MOD-14, выявляющему участки поверхности, которые имеют повышенную температуру, – так называемые «горячие точки». Разрешение тепловых каналов радиометра – 1 км², однако на практике возможно выявление горения на меньшей площади.

В настоящей работе для исследования особенностей пространственной локализации лесных пожаров использовались данные, получаемые с помощью спектрорадиометра MODIS. Информация позволяет определять время и пространственную локализацию каждого лесного пожара (табл. 1). Сравнение такой информации с данными грозоотметчиков дает возможность определить долю пожаров, образовавшихся по вине гроз. База данных [2] позволяет найти как карту пространственного распределения пожаров за каждый день, так и отдельные точки возгораний.

На основе данных ФГУ «Авиалесоохрана» Томской области проанализирована изменчивость характеристик лесных пожаров, возникших по разным причинам за 20 лет. Традиционно пожарный максимум на территории области приходится на весенне-летний период (май–июль). Именно в это время на территории области отмечаются сильные ветра, периоды относительно высоких температур и наименьшей влажности воздуха. На рис. 1 видно, что основная часть пожаров возникает по вине населения и составляет около 70% от общего количества. Возникновение пожаров из-за гроз составило около 20%. Автокорреляционный анализ числа пожаров позволил выявить наличие шестилетних циклов с вероятностью около 95%. По результатам предыдущих исследований за период 1951–2000 гг. [1] также было установлено, что число лесных пожаров во временном ходе имеет периодическую составляющую, которая была также определена при помощи автокорреляционной функции. С вероятностью 95% статистически надежно были выделены периоды повышенной пожароопасности продолжительностью 6–7 и 12–13 лет. Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что общая повторяемость лесных пожаров зависит не только от неосторожного обращения с огнем, но и в большой степени определяется временными изменениями естественных факторов, способствующих возникновению таких пожаров, включая динамику грозовой активности [1].

За рассматриваемый период последний минимум числа лесных пожаров наблюдался в 2007 г., а в 2011 г. появилась тенденция на их увеличение, ориентируясь на которую можно было ожидать увеличения числа пожаров до уровня максимума, который и случился в 2012 г. В этот год на территории области было зарегистрировано 551 возгорание, а общая площадь, охваченная пожарами, достигла 102 тысячи га. Заметим, что пожары такого уровня на территории области случаются не впервые, а активность лесных пожаров 2012 г. сопоставима с пожарами, произошедшими в 1952 г. (516 пожаров на площади 90,2 тысячи га.) и 1989 г. (495 пожаров на площади 102 тысячи га.).

Известно [1], что сильные пожары случались на исследуемой территории и ранее, например в 1893–1896 гг., в 1908 г., в 1915 г. и позднее. При этом годы сильных пожаров всегда отличались повышенными средними значениями температуры воздуха за летние месяцы. В 2012 г. [8] в течение июня–июля среднесуточная температура воздуха поднималась выше 30°C, достигая значения 36,9°C на ст. Новый Васюган, что является новым абсолютным максимумом (предыдущий

в 1969 г. составил 36°C). Согласно данным Рослесхоза, с мая по октябрь 2012 г. на исследуемой территории было зафиксировано 162 дня, в течение которых установился пятый класс пожароопасной ситуации на фоне сложившихся метеорологических условий. С июня по

сентябрь чрезвычайный класс пожарной опасности сохранялся в сибирской тайге ежедневно. Основной причиной возникновения лесных пожаров в 2012 г. специалисты называют человеческий фактор – в 31% случаев тайга горела по вине местного населения.

Таблица 1

Пример информации о пожарах из базы MODIS

Июнь 2011 г.			
Дата	Время	Широта	Долгота
01.06.11	16:40	57.272	79.382
01.06.11	7:15	57.374	86.766
01.06.11	5:25	57.378	86.77
02.06.11	8:00	58.151	78.884
02.06.11	15:45	57.272	79.393
03.06.11	7:05	60.675	84.549
03.06.11	7:05	58.672	78.336
03.06.11	7:05	58.676	78.356
03.06.11	6:50	58.676	78.355
03.06.11	6:50	58.681	78.367
03.06.11	6:50	58.688	78.339
03.06.11	16:30	57.271	79.388
04.06.11	7:45	59.695	80.256
04.06.11	5:55	57.607	78.4

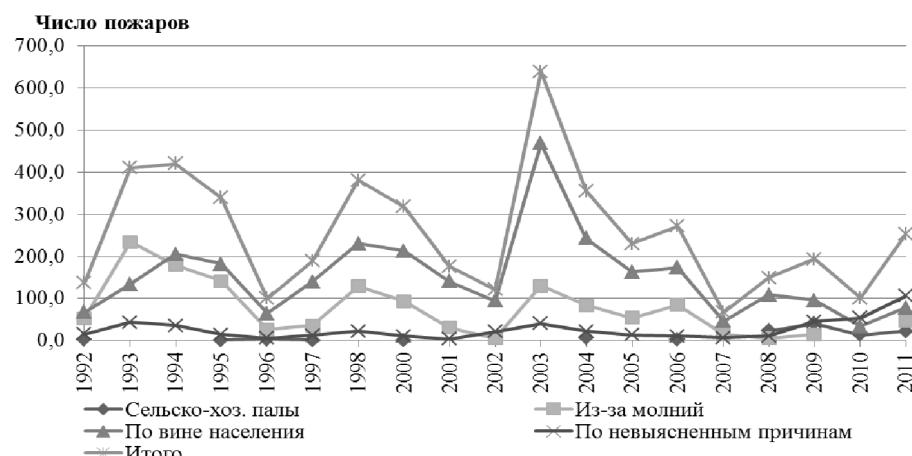

Рис. 1. Динамика числа лесных пожаров на территории Томской области за период 1992–2011 гг.

Таким образом, в активности пожаров лета 2012 г. проявился антропогенный фактор в сочетании с температурно-влажностными характеристиками. Также среди причин развития неблагоприятной обстановки с точки зрения пожароопасности в лесах в Рослесхозе называют недостаточную противопожарную пропаганду в субъектах РФ, слабую работу по противопожарному обустройству лесов, несвоевременное обнаружение очагов и низкий процент кратности авиапатрулирования. Все перечисленные выше проблемы имели место и в Томской области в 2012 г., за исключением одной: в период с июня по середину августа возгораний от гроз быть не могло. Синоптическая ситуация сохранялась такой, что не было объективных условий для их образования, поскольку над Томской областью стационировал анти-

циклон. Мы сознательно не включили в настоящий анализ характеристики лета 2012 г., поскольку погодные условия были исключительными и их повторение в ближайшей перспективе маловероятно. По анализу пространственной локализации пожаров лета 2012 г. можно с уверенностью судить об участках повышенной пожароопасности без влияния грозовой активности.

Многолетняя статистика причин возникновения лесных пожаров позволила увидеть, что основная часть пожаров возникает по вине населения и составляет в среднем 70% от общего количества пожаров. Число пожаров из-за гроз составляет не более 23%. Однако если говорить о площади, выгоревшей в результате лесных пожаров (табл. 2), то она является наибольшей при пожарах, возникших от гроз.

Таблица 2

Средние многолетние значения причин возникновения лесных пожаров (общее количество / %)

Причины возникновения пожаров	Число пожаров	Площадь, га
С/х палы	2 / 1	112 / 3
Из-за молний	102 / 23	7162 / 47
По вине населения	186 / 70	3056 / 33
По невыясненным причинам	20 / 6	1923 / 17
Сумма	310	12 253

Коэффициент корреляции между общей площадью лесных массивов, пройденных пожарами, и числом молний в землю за анализируемый период достаточно высок и статистически значим. Это обусловлено тем, что такие пожары поздно обнаруживаются и огонь успевает охватить огромные площади. Следовательно, пожары, возникшие по вине гроз, представляют наибольшую опасность для тайги.

В целом, пространственное распределение грозовой активности [3] позволяет выделить территории, где грозы наблюдаются гораздо чаще, чем над соседними территориями. Для того чтобы проанализировать пространственное распределение лесных пожаров на территории области, мы воспользовались информацией с метеорологического спутника [2]. На рис. 2 представлена карта-схема пространственной локализации лесных пожаров, зарегистрированных MODIS за период с 2007 по 2011 г.

Замечено, что наибольшее число лесных пожаров приходится не только на территории, расположенные вблизи населенных пунктов. Много их замечено и на территориях с повышенной грозовой активностью [3]. Локальные районы повышенной грозовой активности совпадают с локальными районами наибольшей повторяемости лесных пожаров. Следовательно, роль гроз в возникновении лесных пожаров достаточно велика, и ее исследование требует детальных и индивидуальных исследований в каждом географическом районе. Однако наблюдаются районы со значительным преобладанием лесных пожаров, над которыми грозовая активность мала. Это такие населенные пункты и расположенные вокруг них территории, как Пудино, междуречье рек Чулым и Кеть. Возникновение пожаров в таких районах связано с человеческой неосторожностью в обращении с огнем.

Заметим, что пожароопасность лесов определяется типом растительности в лесу, его природными и

другими особенностями. От типа растительности леса зависят состав, количество и распределение лесных горючих материалов, а также, в значительной степени, содержание влаги в этих материалах. Различные участки леса характеризуются и различной пожарной опасностью. В СССР степень пожарной опасности отдельных участков лесного фонда определяется по Шкале оценки лесных участков по степени опасности возникновения на них пожаров, в основу которой положена шкала, разработанная советским учёным И.С. Мелеховым [9]. Участки лесного фонда делятся по степени пожарной опасности на пять классов: I класс – высокая пожарная опасность, II – выше средней, III – средняя, IV – ниже средней, V – низкая.

Томский район расположен в переходной зоне от темнохвойной тайги и сосновых лесов к березовым лесам и лесным лугам. Сочетание лесных таежных массивов, склонов со степной растительностью на юге области, верховых и низинных болот, рек и озер обуславливает видовое богатство растительного мира. Средняя лесистость территории Томского района 75%. На правобережье в окрестностях г. Томска преобладают смешанные хвойно-березовые леса: в районе поселков Лучаново, Богашево и Ключи, а также в долине р. Киргизки. Большим богатством отличаются смешанные-березовые леса с примесью осины, пихты и лиственницы, они произрастают на подзолистой песчаной почве.

По данным [4] построена карта-схема преобладающего типа растительности для сетки с размером ячейки в 1° по широте и долготе, которые можно сопоставить с картами распределения пожаров. На рис. 3 представлена схема распределения основных типов растительности по территории Томской области и соответствующая ей пожароопасность района.

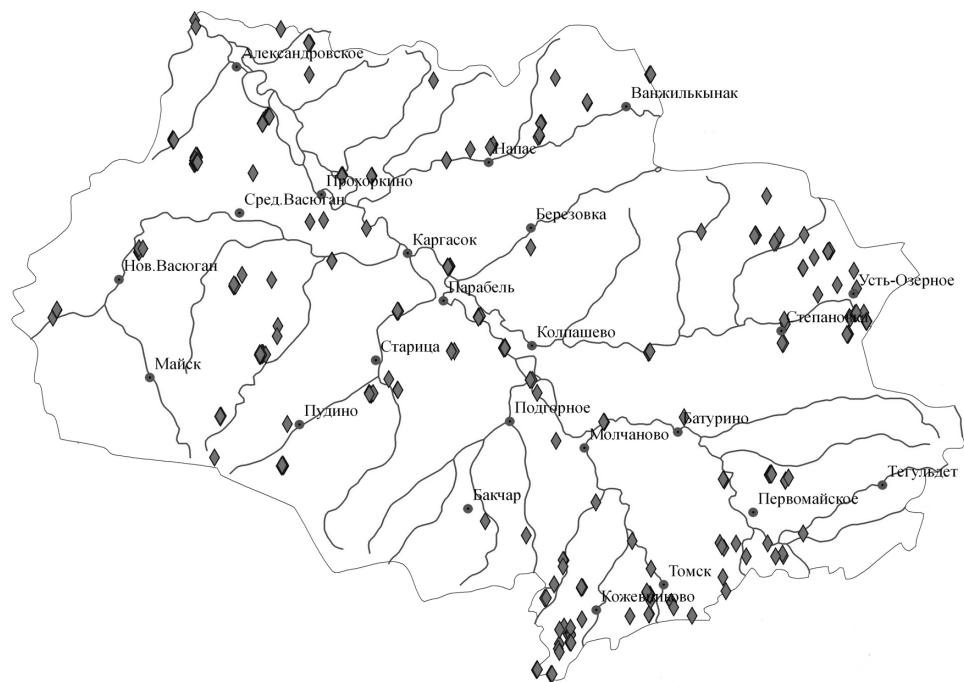
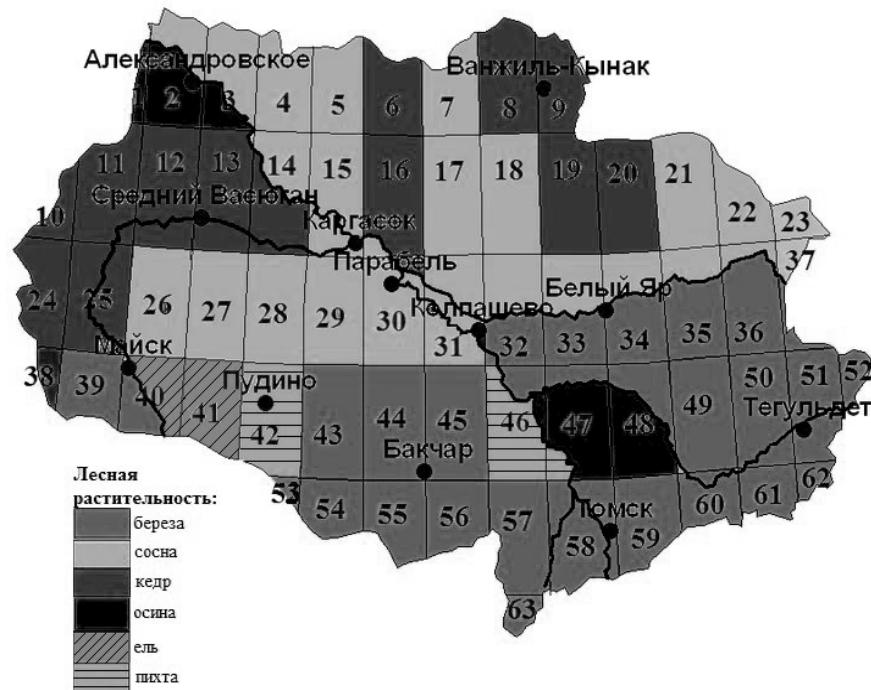
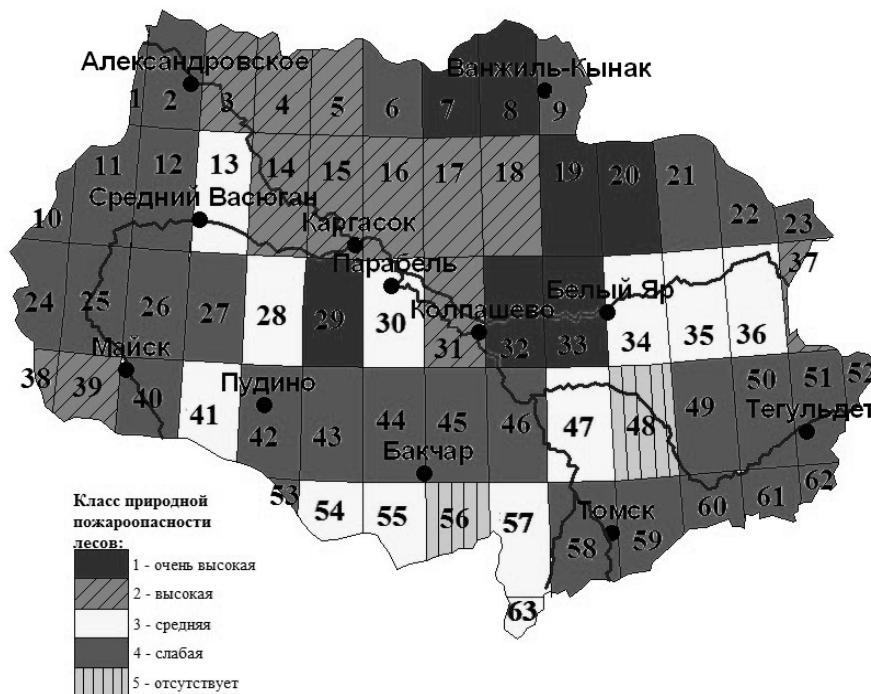

Рис. 2. Распределение лесных пожаров на территории Томской области

а

б

Рис. 3. Карта растительности Томской области (а) и соответствующая ей пожароопасность лесного фонда (б). (Номерами обозначены узлы сетки, по которой территория области была разделена по преобладающему типу растительности и соответствующей ей пожароопасности.)

Для того чтобы выявить совокупное влияние всех климатических факторов и типа растительности на пожароопасность территории Томской области, были построены уравнения регрессии, связывающие эти характеристики. Для регрессионного анализа были получены оценочные значения ряда факторов в узлах сетки, покрывающей территорию Томской области с

разрешением в 1° по широте и долготе. В качестве предиктанта выбрана пожароопасность территории, оцениваемая по пятибалльной шкале. Оценка производилась в соответствии с числом лесных пожаров, зарегистрированных в анализируемой ячейке сетки. В качестве предикторов выступили физико-географические и климатические особенности территории,

определенные также для каждой из 63 ячеек. Для построения уравнения регрессии для каждой из выделенных ячеек было определено:

1. Среднее количество лесных пожаров, оцененное по пятибалльной шкале.
2. Среднее и максимальное значения плотности разрядов молний в землю.
3. Среднее количество осадков, выпадающее за летний период.
4. Средняя за летний период температура воздуха.
5. Значение средней высоты выделенной площади над уровнем моря.
6. Пожароопасность в баллах согласно типу растительности, преобладающей на данном участке территории.

7. Доля торфяных болот на изучаемом участке территории.

В результате корреляционного анализа получено, что высокие значения коэффициентов корреляции, значимые с вероятностью не менее 95%, получены для числа пожаров с характеристикой растительности, количеством выпадающих за летний период осадков, высотой участка над уровнем моря, географической широтой анализируемого участка как фактора заселенности территории.

В результате регрессионного анализа получено уравнение 1, достаточно хорошо описывающее пространственное распределение по территории области лесных пожаров на основе учета ряда факторов (табл. 3).

Таблица 3
Параметры уравнения регрессии, связывающего пожароопасность территории и ее характеристики

	Std.Err.	B	Std.Err.	t(58)	p-level
Intercept		-14,86	4,925	-3,017	0,0037
h	0,156	-0,024	0,006	-3,851	0,0003
N	0,117	0,084	0,132	0,637	0,0267
T	0,149	1,269	0,355	3,574	0,0007
R	0,120	0,294	0,139	2,111	0,0391

Множественный коэффициент регрессии приведенного уравнения составляет 0,61. Уравнение значимо с высокой вероятностью (не менее 99%).

Уравнение регрессии можно представить в виде

$$K = 0,29 R + 1,27 T + 0,08 N - 0,02 h - 14,8, \quad (1)$$

где K – пожароопасность массива конкретной ячейки; R – характеристика растительности (горимость); T – средняя температура воздуха за летний период; N – максимальная плотность молний; Q – среднее количество осадков, выпадающих за теплый период.

В табл. 4 приведены средние климатические характеристики для Томской области, вошедшие в результирующее уравнение регрессии.

Таблица 4
Средние характеристики территории Томской области, влияющие на пожароопасность

Средняя плотность разрядов, молний разр./км ² / год (N)	2,5
Высота над уровнем моря (h, м)	99,8
Среднее значение количества осадков в летние месяцы (Q, мм)	215,6
Среднее значение температуры за летние месяцы (T, °C)	15,2
Горимость растительности (R)	3,1
Класс общей пожароопасности (K)	3,2

По результирующему уравнению регрессии была рассчитана пожароопасность территории Томской области для каждой из ячеек сетки с шагом в 1° по широте и долготе (рис. 4).

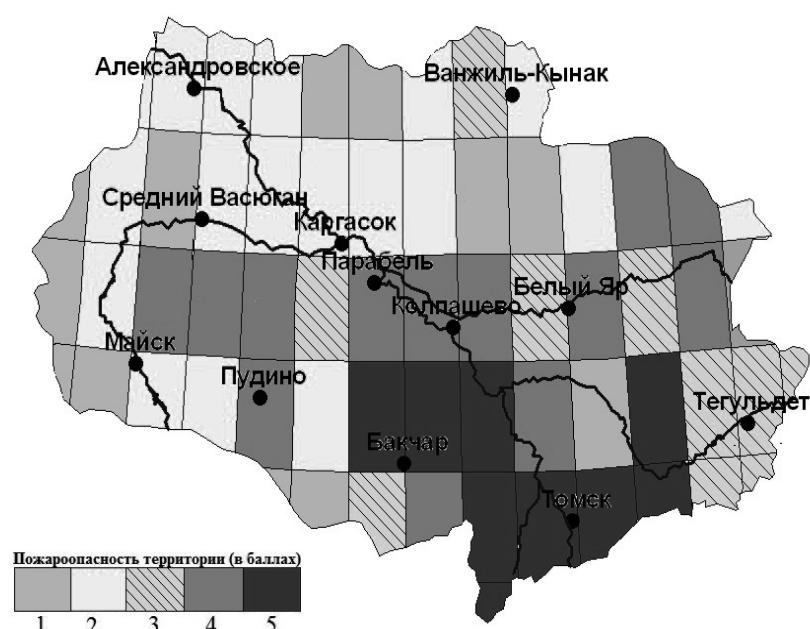

Рис. 4. Пожароопасность территории Томской области

Полученное уравнение регрессии было протестировано на независимом материале. По уравнению регрессии, полученному на основе выполненных в данной работе исследований, была сделана оценка пожароопасности территории Новосибирской области, прилегающей к границам Томской с юго-западной стороны. Оценочные уровни пожароопасности коррелируют с наблюдаемыми (по MODIS) с вероятностью не менее 95%, что свидетельствует о возможности применения уравнения регрессии для оценки пожароопасности территорий, похожих по природным условиям на территорию Томской области.

Как мы уже говорили выше, наиболее крупные пожары, возникающие вне зон авиапатрулирования леса, обычно причиняют наибольший ущерб, так как к моменту обнаружения они занимают значительную площадь. Что в совокупности со скромным финансированием значительно усложняет борьбу с такими пожарами. Полученная в работе оценка роли климатических факторов и в процессах возникновения и распространения лесных пожаров способствует повышению эффективности охраны лесов, поскольку позволяет заблаговременно оценить степень пожароопасности того или иного района.

Основные выводы:

1. Число пожаров от гроз в Томской области составляет в среднем около 23%, но площадь пожа-

ров, возникших по вине гроз, составляет 46% от общей.

2. Благодаря тому, что циклы пожарной опасности имеют периодический характер (квазицентенарный период), возможен прогноз сезонов с наибольшим количеством лесных пожаров при учете прошлых максимумов количества пожаров.

3. Построено уравнение регрессии, позволяющее оценить потенциальную пожароопасность похожих по климатическим характеристикам территорий с разрешением в 1° по широте и долготе.

4. Построенная карта-схема пожароопасности территории Томской области позволяет оценивать опасность возникновения лесного пожара в том или ином районе области по пятибалльной шкале.

Специалисты [10] считают, что в ближайшие годы Россию в целом ожидает рост как количества лесных пожаров, так и размеров уничтоженной ими площади лесов и наносимого ущерба. Они уверены, что уже сейчас положение с лесными пожарами в ряде регионов России стало катастрофическим. А значит, охранные мероприятия по защите лесов должны быть направлены как на борьбу с пожарами, в том числе с их ранним обнаружением, так и на сокращение главной первопричины лесных пожаров – человеческого фактора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбатенко В.П., Ерикова Т.В. Роль климатических факторов в возникновении лесных пожаров на территории Томской области // Сибирский экологический журнал. Новосибирск, 2006. Вып. № 2. С. 151–155.
2. NASA EOS. NASA, Университет штата Мэриленд. URL: <http://firms.modaps.eosdis.nasa.gov/firemap/> (дата обращения 12.10.12).
3. Горбатенко В.П., Дульзон А.А. Результаты исследования грозовой активности над территорией Томской области // Известия ТПУ. Томск, 2006. Вып. № 2. С. 126–130.
4. Народная экологическая карта Томской области. Карта растительности Томской области. ТРБОО «СибЭкоАгентство», Томск. URL: http://ecokarta.info/?page_id=345/ (дата обращения 25.11.12).
5. Мезенцев В.С. Атлас увлажнения и теплообеспеченности Западно-Сибирской равнины. Омск : Омский сельскохоз. ин-т им. С.М. Кирова, 1961. 69 с.
6. Волкова М.А., Чередько Н.Н., Кусков А.И. Пространственно-временная структура атмосферных осадков в Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 328. С. 214–219.
7. Кужевская И.В., Горев Г.В., Задде Г.О. Оценка климатической предрасположенности территории Томской области к возникновению лесных пожаров // Оптика атмосферы и океана. 2004. Т. 17, № 7. С. 576–582.
8. Барашкова Н.К., Кужевская И.В., Поляков Д.В. Экстремальный режим погоды летом 2012 г. на территории Томской области как отражение современных глобальных климатических тенденций // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 173–179.
9. Воробьев Г.И., Анучин Н.А., Атрохин В.Г., Виноградов В.Н. Лесная энциклопедия // Советская энциклопедия. М. : Изд-во МГУ, 1986. 631 с.
10. Воробьев Ю.Л., Акимов В.А., Соколов Ю.И. Лесные пожары на территории России. Состояние и проблемы / под общ. ред. Ю.Л. Воробьева. М. : ДЭКС-ПРЕСС, 2004. 312 с.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 12 марта 2015 г.

ASSESSING THE ROLE OF CLIMATIC FACTORS IN THE FORMATION AND SPREAD OF FOREST FIRES IN TOMSK OBLAST

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 233–240. DOI: 10.17223/15617793/395/38

Gorbatenko Valentina P. Tomsk State University (Tomsk, Russia Federation). E-mail: vpgor@tpu.ru

Gromnitskaya Alena A. Tomsk State University (Tomsk, Russia Federation). E-mail: alenagrom15@mail.ru

Konstantinova Darya A. Tomsk State University (Tomsk, Russia Federation). E-mail: da_konstantinova@mail.ru

Ershova Tatyana V. Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia Federation). E-mail: vpgor@tpu.ru

Nechepurenko Olga Ye. Tomsk State University (Tomsk, Russia Federation). E-mail: tomka020392@rambler.ru

Keywords: wildfires; thunderstorm activity; fire risk areas; MODIS spectroradiometer.

The forests of our planet are severely damaged. Their area is drastically reducing and the structure is degrading, which violates the existing biodiversity. The main reason of forest degradation is wildfires which damage the ecosystem. During massive wildfires there is so much smoke in the atmosphere that it stops the work of water and air transport. In the areas of active forest protection regular monitoring of wildfires is conducted; yet about 30,000 hot spots are reported every year. Siberia is one of the most forested

regions of Russia. Wildfires are a serious and growing threat for other parts of Russia too. However this hazard is most relevant in Siberia. Weather is one of the most important factors that determine the severity of wildfires. Wildfires can occur for natural causes which include such meteorological criteria as air temperature and humidity, wind speed, thunderstorm activity and some others. Many wildfires happen for anthropogenic reasons – agricultural burning, careless handling of fire. To take precautions against fire it is necessary to research a whole range of circumstances that have lead to the fire outbreak. The aim of this research is to determine the potential threat of wildfires based on the types of vegetation and climatic features of Tomsk Oblast. To achieve this aim, the dynamics of the wildfires occurrence frequency has been studied by the data of Tomsk Airbase, a branch of “Avialesookhrana” company, for the period from 1992 to 2011. It was found that the number of wildfires and the burnt-out area have a periodic component of six years in the temporal scale. Many climatic characteristics have a similar periodicity. The main cause of the numerous wildfires in Tomsk Oblast is careless handling of fire. In addition, the largest areas of forest burn out due to fires caused by lightning. This happens because it is difficult to fix the fire start and eliminate it in time in remote areas. The spatial arrangement of the wildfires in the area has also been studied by the data of the MODIS spectroradiometer mounted on a satellite of the EOS (Earth Observation System) program. The author compared the temporal and spatial distribution peculiarities of forest fires with the following parameters: thunderstorm activity, average air temperature, precipitation during the summer period and type of vegetation. During research the estimation of the fire occurrence on a five-point scale was obtained and the map of fire hazard was made for Tomsk Oblast. Information about high fire risk areas is essential for planning and implementing fire suppression strategies.

REFERENCES

1. Gorbatenko V.P., Ershova T.V. The Role of Climatic Factors in the Incidence of Forest Fires in the Territory of the Tomsk Region. *Sibirskiy ekologicheskiy zhurnal – Contemporary Problems of Ecology*, 2006, no. 2, pp. 151–155. (In Russian).
2. NASA EOS. NASA, the University of Maryland. Available from: <http://firms.modaps.eosdis.nasa.gov/firemap/>. (Accessed 12.10.12).
3. Gorbatenko V.P., Dul'zon A.A. Rezul'taty issledovaniya grozovoy aktivnosti nad territoriey Tomskoy oblasti [The results of the study of thunderstorm activity over the territory of Tomsk Oblast]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2006, no. 2, pp. 126–130.
4. People's ecological map of the Tomsk region. The vegetation map of Tomsk Oblast. “SibEkoAgentstvo”, Tomsk. Available from: http://ecokarta.info/?page_id=345/. (Accessed 25.11.12). (In Russian).
5. Mezentsev V.S. *Atlas uvlazhneniya i teploobespechennosti Zapadno-Sibirskoy ravniny* [Atlas of moisture and heat supply of the West Siberian Plain]. Omsk: Omskiy sel'skokhozyaystvennyy institut im. S.M. Kirova Publ., 1961. 69 p.
6. Volkova M.A., Chered'ko N.N., Kuskov A.I. Spatio-temporal structure of atmospheric precipitation in Western Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2009, no. 328, pp. 214–219. (In Russian).
7. Kuzhevskaya I.V., Gorev G.V., Zadde G.O. Estimation of climatic predisposition of Tomsk Region to forest fires. *Optika atmosfery i okeana – Atmospheric and Oceanic Optics*, 2004, v. 17, no. 7, pp. 516–521. (In Russian).
8. Barashkova N.K., Kuzhevskaya I.V., Polyakov D.V. Weather anomaly in Tomsk region during summer 2012 as a reflection of the current global climate. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2013, no. 372, pp. 173–179. (In Russian).
9. Vorob'ev G.I., Anuchin N.A., Atrokhin V.G., Vinogradov V.N. *Lesnaya entsiklopediya* [Forest Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1986. 631 p.
10. Vorob'ev Yu.L., Akimov V.A., Sokolov Yu.I. *Lesnye pozhary na territorii Rossii. Sostoyanie i problemy* [Forest fires in Russia. State and problems]. Moscow: DEKS-PRESS Publ., 2004. 312 p.

Received: 12 March 2015

Л.А. Зырянова, И.В. Пеков, В.О. Яласкурт, С.Н. Бритвин

ПЕРИТ $PbBiO_2Cl$ ИЗ ЗАХАРОВСКОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ АЛТАЙ) – ПЕРВАЯ НАХОДКА В РОССИИ

Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 14-05-00276-а. Рентгеновское изучение минерала осуществлено на оборудовании ресурсного центра «Рентгенодифракционные методы исследования» СПбГУ.

В окисленных рудах Захаровского колчеданно-полиметаллического месторождения на Рудном Алтае впервые для России обнаружен перит $PbBiO_2Cl$. Его химический состав (мас. %; электронно-зондовые данные): Pb 43,71, Bi 41,44, O 7,34, Cl 7,57, Br 0,62, сумма 100,68. Эмпирическая формула: $Pb_{0,97}Bi_{0,91}O_{2,10}Cl_{0,98}Br_{0,04}$. Параметры ромбической элементарной ячейки: $a = 5,604(1)$, $b = 5,574(1)$, $c = 12,437(2)$ Å, $V = 388,5(2)$ Å³.

Ключевые слова: перит; Захаровское месторождение; Рудный Алтай; зона окисления.

Перит относится к редким оксихлоридам свинца и висмута [1]. На территории бывшего СССР этот минерал до недавнего времени был известен лишь в зоне гипергенеза вольфрамового месторождения Кара-Оба в Казахстане [2]. Нами сделана первая находка перита в России – в окисленных рудах Захаровского колчеданно-полиметаллического месторождения на Рудном Алтае. Как неизвестный минерал он был зафиксирован здесь одним из авторов (Л.А.З.) еще в 1980 г. при описании керна разведочной скважины, но лишь более чем тридцать лет спустя надежно идентифицирован и изучен.

Захаровское месторождение – одно из четырех разведанных во второй половине XX в. месторождений Рубцовского рудного района, расположенного в крайней северо-западной части Рудного Алтая. Колчеданно-полиметаллическое оруденение Захаровского месторождения пространственно и генетически (?) связано с базальт-андезит-риолитовой магматической и нижне-среднедевонской известково-терригенной формациями Рудного Алтая [3]. Промышленное сульфидное оруденение концентрируется преимущественно в осадочных породах нижнекаменевской подсвиты среднего девона ($D_2gv_2km_1$) вблизи контакта с нижележащей давыдовской свитой (D_2gv_2dv), сложенной в основном вулканитами кислого состава. На месторождении разведано более двух десятков сульфидных рудных тел, образующих три относительно изолированных участка: северо-западный, центральный и юго-восточный. Большая часть запасов сосредоточена лишь в двух рудных телах. Сульфидные руды имеют простой минеральный состав. Основными рудообразующими минералами являются в порядке убывания содержания сфалерит, галенит, пирит и халькопирит. Руды Захаровского месторождения при среднем суммарном содержании Cu, Pb и Zn 18 мас. % являются одними из самых богатых среди рудноалтайских месторождений (богаче только руды Рубцовского месторождения, в которых среднее суммарное содержание тех же металлов достигает 22,84 вес. %).

По результатам исследования технологических и малообъемных проб сульфидных руд Захаровского месторождения, содержание в них висмута составляет 0,006–0,014 мас. %. На стадии детальной разведки месторождения собственных минералов этого элемента в рудах не было обнаружено. Большая часть висмута здесь связана с его изоморфной примесью в галените [4], в котором его содержание, по результатам полуколичественного спектрального анализа мономинеральных проб, может достигать 0,3 мас. % при среднем содержании в пределах нескольких сотых долей процента.

Подобно Рубцовскому и Степному месторождениям Рубцовского рудного района, Захаровское имеет ярко выраженную древнюю зону окисления медно-свинцового типа с четко проявленной зональностью [5].

Перит обнаружен в керне скважины 378 (интервал глубин 105–109 м), вскрывшей низы зоны окисления.

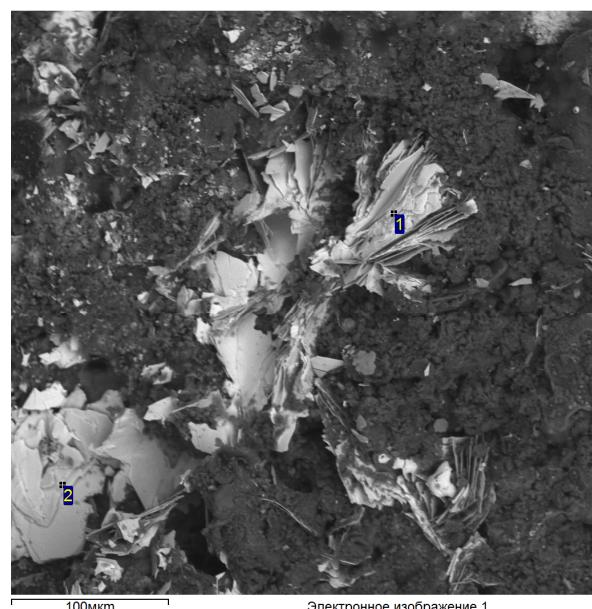

Рис. 1. Агрегаты расщепленных тонкопластинчатых кристаллов перита из Захаровского месторождения

Найдена ассоциация кальцита с самородными медью и серебром. Кальцит в обоих случаях присутствует в виде плотных маломощных корочек белого цвета.

Перит образует скопления розетковидных и хаотических агрегатов, сложенных тонкопластинчатыми до листоватых индивидами, как правило искривленными и часто расщепленными. Размеры отдельных индивидов обычно не превышают первых десятых долей миллиметра, но изредка достигают 0,5 мм. Минерал бесцветный до светло-желтого с очень сильным алмазным блеском, переходящим в металловидный.

Для перита из Захаровского месторождения определен химический состав (включая прямое определение содержания кислорода) и получена порошковая рентгенограмма.

Определение химического состава минерала выполнено с помощью сканирующего электронного микроскопа JEOL JSM-6480LV, оснащенного волновым спектрометром INCA-WAVE 500 (лаборатория локальных методов исследования вещества кафедры петрологии МГУ). Ускоряющее напряжение 20 кВ, ток зонда 20 нА, диаметр зонда – 3 мкм. Эталоны: PbTe (Pb), Bi (Bi), CaMoO₄ (O), NaCl (Cl) и KBr (Br).

Химический состав захаровского перита (мас. %): Pb 43,71, Bi 41,44, O 7,34, Cl 7,57, Br 0,62, сумма 100,68. Эмпирическая формула, рассчитанная на сумму всех атомов, равную 5,00, такова: Pb_{0,97}Bi_{0,91}O_{2,10}Cl_{0,98}Br_{0,04}. Небольшие отклонения от стехиометрии мы объясняем некоторой погрешностью (в сторону завышения) в определении самого легкого компонента – кислорода.

Рентгенограмма порошка перита снята на монокристальном дифрактометре Rigaku R-AXIS Rapid II, оснащенном цилиндрическим IP-детектором (геометрия Дебая–Шеррера, расстояние образец-детектор 127,4 мм, CoKa-излучение). Результаты ее расчета приведены в таблице.

Результаты расчета порошковой рентгенограммы перита из Захаровского месторождения

I _{изм}	d _{изм} , Å	d _{расч} , Å	h k l
20	6.21	6.218	002
57	3.770	3.766	111
14	3.101	3.109	004
100	2.858	2.861	113
40	2.798	2.802, 2.787	200, 020
2	2.551	2.555, 2.543	202, 022
1	2.455	2.454, 2.447	211, 121
2	2.281	2.274	105
1	2.133	2.138	123
18	2.076	2.081, 2.075, 2.073	204, 024, 006
16	1.978	1.976	220
2	1.883	1.883	222
6	1.753	1.762, 1.754, 1.746	125, 311, 131
11	1.666	1.668, 1.666, 1.663	224, 206, 026
22	1.629	1.629, 1.623	313, 133
1	1.547	1.555, 1.540	008, 321
5	1.432	1.430	226
4	1.401	1.401, 1.394	400, 040
1	1.386	1.386, 1.384	234, 036
1	1.358	1.360, 1.359, 1.358	042, 208, 028
2	1.313	1.310	331
3	1.304	1.304	119
9	1.254	1.256, 1.254, 1.252	333, 317, 420
2	1.243	1.244, 1.241	0.0.10, 236
1	1.222	1.223, 1.222	242, 228
4	1.161	1.161, 1.161, 1.158, 1.157	424, 406, 244, 046
2	1.136	1.137, 1.136	2.0.10, 0.2.10
1	1.094	1.097, 1.097, 1.094	052, 238, 511
2	1.088	1.089	151

Параметры ромбической элементарной ячейки, рассчитанные по всем линиям порошковограммы: a = 5.604(1), b = 5.574(1), c = 12.437(2) Å, V = 388.5(2) Å³. При индицировании порошковограммы и выборе индексов hkl для расчета параметров элементарной ячейки учтены интенсивности отражений, рассчитан-

ные из структурных данных для оригинального перита, приведенных в работе [6].

Полученные результаты четко соответствуют справочным данным для перита [1, 2, 6]. В заключение отметим, что на Захаровском месторождении присутствует бромсодержащая разновидность минерала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минералы: Справочник. Т. II. Вып. 1: галогениды. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 244–245.
2. Карташов П.М., Пеков И.В., Марсий И.М. О первой находке перита на территории СНГ // Доклады РАН. 1993. Т. 332, № 5. С. 617–620.
3. Чекалин В.М., Дьячков Б.А. Рудноалтайский полиметаллический пояс: закономерности распределения колчеданного оруденения // Геология рудных месторождений. 2013. Т. 55, № 6. С. 513–532.

4. Зырянова Л.А., Строителев А.Д., Доронин А.Я. Влияние особенностей состава руд Захаровского месторождения на показатели их обогащения. Геохимия, петрография и минеральные месторождения Сибири / под ред. В.Е. Хохлова, Б.М. Тюлюпова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. С. 112–118.
5. Зырянова Л.А., Строителев А.Д., Доронин А.Я. Строение и состав зоны окисления Захаровского месторождения (Рудный Алтай). Геологические формации Сибири и их рудоносность / ред. И.А. Вылчан. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. С. 47–54.
6. Gillberg M. Perite, a new oxyhalide mineral from Langban, Sweden // Arkiv foer Mineralogi och Geologi. 1960. Vol. 2. S. 565–570.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 28 февраля 2015 г.

PbBiO₂Cl PERITE FROM THE ZAKHAROVSKOE DEPOSIT (NW ALTAI): FIRST FIND IN RUSSIA

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 241–243. DOI: 10.17223/15617793/395/39

Zyryanova Luiza A. Tomsk State University (Tomsk, Russia Federation). E-mail: luiza@ggf.tsu.ru

Pekov Igor V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia Federation). E-mail: igorpekov@mail.ru

Yapaskurt Vasiliy O. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia Federation). E-mail: yvo72@geol.msu.ru

Britvin Sergey N. St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia Federation). E-mail: luiza@ggf.tsu.ru

Keywords: perite; Zakharovskoe deposit; Ore Altai; oxidation zone of sulfide ore.

In Russia, PbBiO₂Cl perite was first found in the oxidized ores of the Zakharovskoe base-metal VHMS deposit in North-Western Ore Altai. Its chemical composition (wt %, electron microprobe data) is: Pb 43.71, Bi 41.44, O 7.34, Cl 7.57, Br 0.62, total 100.68. The empirical formula is: Pb_{0.97}Bi_{0.91}O_{2.10}Cl_{0.98}Br_{0.04}. The dimensions of its orthorhombic cell are: a = 5.604(1), b = 5.574(1), c = 12.437(2) Å, V = 388.5(2) Å³. The Zakharovskoe deposit is located in the Rubtsovsk ore region in the North-Western part of Ore Altai. The ores are concentrated in the sedimentological rocks of the Nizhnekamenevskaya subsuite of the Middle Devonian (D2gv2km1) near its border with the underlying Davydovskaya suite which consists of acid volcanic rocks. The main ore minerals are sphalerite, galenite, pyrite and chalcopyrite. The ores are classified as rich if the summary content of copper, lead and zinc exceeds 18 wt %. The Bi content in the ores ranges from 0.006 to 0.014 wt %. Distinct bismuth minerals have not been found. Bismuth occurs as an isomorphic impurity in galenite; its content may reach 0.3 wt %, while the average content is several hundredths parts of percent. Ancient oxidation zone is developed on the field. The type of the zone is copper-zinc with distinct zonation. Perite was found in oxidized ores in the lower parts of the oxidation zone. The mineral is limited to fractures in tuffogenic rocks at a depth ranged from 105 to 109 m. It forms accumulations of thin tabular curved individuals with a typical size of tenth parts of millimeter, up to 0.5 mm. The mineral color is light-yellow with strong adamantine luster. Calcite with native silver and copper was found in the other fractures of this interval. The chemical composition of perite was estimated by the Jeol JSM-6480LV scanning electron microscope (SEM) equipped with the INCA-Wave 500 wave spectrometer (Laboratory of Local Methods of Investigation of Substances of the Petrology Department of Moscow State University). X-ray picture was captured on the Rigaku R-AXIS Rapid II monocrystal diffractometer equipped with a cylindrical IP detector (Debye–Scherrer method, sample to detector distance 127.4 mm, CoK α radiation). The gained results strongly satisfy the reference data for perite. Perite of the Zakharovskoe deposit refers to the bromine-containing variety of the mineral.

REFERENCES

1. Chukhrov F.V., Bonshtedt-Kupletskaya E.M. (eds.) *Mineraly: Spravochnik* [Minerals: A Handbook]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1963. V. II, is. 1, pp. 244–245.
2. Kartashov P.M., Pekov I.V., Marsiy I.M. O pervoy nakhodke perita na territorii SNG [On the first discovery of perite in the CIS]. *Doklady RAN*, 1993, v. 332, no. 5, pp. 617–620.
3. Chekalin V.M., D'yachkov B.A. Rudnoaltayskiy polimetallicheskiy moyas: zakonomernosti raspredeleniya kolchedannogo orudieniya [Ore Altai polymetallic belt: patterns of distribution of pyrite mineralization]. *Geologiya rudnykh mestorozhdeniy*, 2013, v. 55, no. 6, pp. 513–532.
4. Zyryanova L.A., Stroitelev A.D., Doronin A.Ya. *Vliyanie osobennostey sostava rud Zakharovskogo mestorozhdeniya na pokazateli ikh obogashcheniya* [The influence of the composition of ore deposits in the Zakharovskoe deposit on their enrichment]. In: Khokhlov V.E., Tyulyupo B.M. (eds.) *Geokhimiya, petrografiya i mineral'nye mestorozhdeniya Sibiri* [Geochemistry, petrography and mineral deposits in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1984, pp. 112–118.
5. Zyryanova L.A., Stroitelev A.D., Doronin A.Ya. *Stroenie i sostav zony okisleniya Zakharovskogo mestorozhdeniya (Rudnyy Altay)* [The structure and composition of the oxidation zone of Zakharovskoye deposit (Ore Altai)]. In: Vyltsan I.A. (ed.) *Geologicheskie formatsii Sibiri i ikh rudonosnosti* [Geologic formations of Siberia and their ore content]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1983, pp. 47–54.
6. Gillberg M. Perite, a new oxyhalide mineral from Langban, Sweden. *Arkiv foer Mineralogi och Geologi*, 1960, vol. 2, pp. 565–570.

Received: 28 February 2015

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБСЕМЕТОВ Марат Оралбаевич – канд. филол. наук, генеральный директор Национального архива Республики Казахстан (г. Астана, Казахстан). E-mail: m.absemetov@gmail.com

БЕЗЛЕПКИН Евгений Алексеевич – мл. науч. сотр. сектора философии науки Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: evgeny-bezlepkin@mail.ru

БИЛЛЕР Марина Георгиевна – канд. пед. наук, доцент кафедры информационных и технических систем Лесосибирского филиала Сибирского государственного технологического университета. E-mail: arinna3@mail.ru

БОРИНА Любовь Степановна – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории и методики преподавания истории Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета. E-mail: borina@nkfi.ru / hetnos@rambler.ru

БРИТВИН Сергей Николаевич – д-р. геол.-минерал. наук, доцент кафедры кристаллографии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: luiza@ggf.tsu.ru

БУДЕНКОВА Валерия Евгеньевна – канд. филос. наук, доцент кафедры теории и истории культуры Томского государственного университета. E-mail: soler@front.ru, kulturtsu@yandex.ru

ВЕДУТА Ольга Витальевна – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков Тюменского государственного нефтегазового университета. E-mail: o_veduta@mail.ru

ВЕЧКАНОВА Елена Михайловна – ассистент кафедры теоретической и практической психологии, науч. сотр. лаборатории психологических исследований проблем развития личности НИИ региональных гуманитарных проблем Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга (г. Петропавловск-Камчатский). E-mail: Colombina6@mail.ru

ВОРОНИНА Людмила Петровна – ст. преподаватель кафедры иностранных языков Сибирского государственного медицинского университета (г. Томск); аспирант кафедры общего, славяно-русского языкоznания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: Voroninalp@sibmail.com

ГОРБАТЕНКО Валентина Петровна – д-р геогр. наук, профессор кафедры метеорологии и климатологии Томского государственного университета. E-mail: vpgor@tpu.ru

ГОРШКОВА Виктория Викторовна – зав. отделом древнерусского искусства Ярославского художественного музея. E-mail: vika-gorshkova@mail.ru

ГРИШАНОВА Александра Вячеславовна – канд. экон. наук, доцент кафедры банковского дела Новосибирского государственного университета экономики и управления. E-mail: 111944@mail.ru

ГРОМНИЦКАЯ Алёна Андреевна – магистрант кафедры метеорологии и климатологии Томского государственного университета. E-mail: alenagrom15@mail.ru

ГРУЗДЕВ Владислав Викторович – канд. юрид. наук, исполнительный директор юридической компании «Груздев и партнеры» (г. Новосибирск). E-mail: gruzvlad@rambler.ru

ЕРШОВА Татьяна Владимировна – канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры географии Томского государственного педагогического университета. E-mail: vpgor@tpu.ru

ЖДАНОВ Михаил Александрович – аспирант кафедры философии Алтайского государственного технического университета им. И.И.Ползунова (г. Барнаул). E-mail: m.zhdanov@live.ru

ЗАПОРОЖЧЕНКО Галина Михайловна – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. сектора-лаборатории «Музей СО РАН» Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: galinakoop@yandex.ru

ЗВЕРЕВ Павел Александрович – аспирант кафедры педагогики Белгородского государственного университета. E-mail: Z-O-V-V@yandex.ru

ЗОЛОТАРЕВА Наталья Владимировна – канд. ист. наук, инженер-исследователь научно-инновационной лаборатории «Современные музейные и экскурсионно-туристические технологии» Томского государственного университета. E-mail: Natashik@sibmail.com

ЗЫРЯНОВА Луиза Алексеевна – ст. преподаватель кафедры минералогии и геохимии Томского государственного университета. E-mail: luiza@ggf.tsu.ru

ИВАНОВА Анна Николаевна – аспирант кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета. E-mail: adelaidaanna@mail.ru

ИВАНОВА Ирина Викторовна – канд. психол. наук, доцент кафедры социальной адаптации и организации работы с молодежью Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: IvanovaDIV@yandex.ru

КАБАЧКОВА Анастасия Владимировна – канд. мед. наук, доцент кафедры спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета. E-mail: avkabachkova@gmail.com

КАПИЛЕВИЧ Леонид Владимирович – д-р мед. наук, зав. кафедрой спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета; профессор кафедры спортивных дисциплин Томского политехнического университета. E-mail: kapil@yandex.ru

КОНСТАНТИНОВ Дмитрий Владимирович – канд. филос. наук, доцент кафедры истории и философии Сибирского государственного университета физической культуры и спорта (г. Омск). E-mail: konstantinov@sibgufk.ru / dm-konstantinov@yandex.ru

КОНСТАНТИНОВА Елена Анатольевна – преподаватель кафедры педагогики Сибирского государственного университета физической культуры и спорта (г. Омск). E-mail: elena-0111@list.ru

КОНСТАНТИНОВА Дарья Александровна – канд. геогр. наук, ассистент кафедры метеорологии и климатологии Томского государственного университета. E-mail: da_konstantinova@mail.ru

КРУПИЦКАЯ Ольга Николаевна – ст. преподаватель кафедры физического воспитания Томского государственного университета. E-mail: Olgakrupickaya@mail.ru

КУЗНЕЦОВА Ольга Андреевна – аспирант кафедры общего славяно-русского языкоznания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: o.kuz.89@gmail.com

ЛЕКАРЕНКО Оксана Геннадьевна – д-р ист. наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: olekarenko@gmail.com

ЛОСОН Елена Васильевна – ст. преподаватель кафедры физического воспитания Томского государственного университета. E-mail: evl@sibmail.com

НЕУПОКОЕВ Сергей Николаевич – ст. преподаватель кафедры физического воспитания Томского государственного университета. E-mail: geraov@mail.ru

НЕЧЕПУРЕНКО Ольга Евгеньевна – магистрант кафедры метеорологии и климатологии Томского государственного университета. E-mail: tomka020392@rambler.ru

ОЛЬХОВИК Николай Владимирович – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права Томского государственного университета. E-mail: lawtsu@rambler.ru

ПЕКОВ Игорь Викторович – д-р геол.-минерал. наук, гл. науч. сотр. кафедры минералогии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: igorprekov@mail.ru

РЗАЕВА Сабина Валеховна – аспирант кафедры эмпирической социологии и конфликтологии Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: sapfirochek@gmail.com

САВЕЛЬЕВА Елена Николаевна – канд. филос. наук, доцент кафедры теории и истории культуры Томского государственного университета. E-mail: limi77@inbox.ru / kulturtsu@yandex.ru

САЛМИН Антон Кириллович – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. отдела этнографии восточных славян и народов европейской части России Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (г. Санкт-Петербург). E-mail: antsalmi@mail.ru

СКРИПКИН Кирилл Георгиевич – канд. экон. наук, доцент кафедры экономической информатики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; доцент кафедры информационных бизнес-систем Московского физико-технического института. E-mail: k.skripkin@gmail.com

СМОЛЕНЧУК Ольга Юрьевна – соискатель кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: smolenchuk@gmail.com

СОКОЛОВА Татьяна Леонидовна – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета. E-mail: taniavol@yandex.ru

СУЗДАЛЬЦЕВА Татьяна Игоревна – соискатель кафедры гражданского процесса Томского государственного университета. E-mail: suzdalceva_taty@MAIL.RU

УВАРОВА Ирина Александровна – канд. юрид. наук, зав. кафедрой уголовного права и процесса Московского университета им. С.Ю. Витте. E-mail: uvarova_ira@mail.ru

ФАРИТОВ Вячеслав Тависович – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Ульяновского государственного технического университета. E-mail: vfar@mail.ru

ХАРУСЬ Ольга Анатольевна – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: kharus-olga@sibmail.com

ХОХЛОВА Наталья Андреевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: natalyakhohl@ya.ru

ЦЫПИЛЁВА Полина Анатольевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: anilopa87@mail.ru

ШАПОШНИКОВ Иван Альбертович – аспирант кафедры истории, философии и искусствознания Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки. E-mail: shaposhnikovi@mail.ru

ШЕРСТОВА Людмила Ивановна – д-р ист. наук, зав. кафедрой востоковедения Томского государственного университета. E-mail sherstova 58@mail.ru

ШРАЙБЕР Наталья Юрьевна – канд. экон. наук, доцент кафедры инженерного предпринимательства Томского политехнического университета. E-mail: natasha.schreiber@tpu.ru

ШУМАХЕР Анастасия Евгеньевна – аспирант сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: nastasya02@yandex.ru

ЯПАСКУРТ Василий Олегович – канд. геол.-минерал. наук, вед. науч. сотр. кафедры петрологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: yvo72@geol.msu.ru

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является общенаучным периодическим изданием. Первоначально он выходил под названием «Труды Томского государственного университета», в 1998 г. издание университетского журнала было возобновлено уже под новым названием, и всего к 2015 г. было выпущено 389 номеров.

В настоящее время журнал «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет, редакция журнала «Вестник ТГУ».

Телефон 8(382-2)-52-96-67

Факс 8(382-2)-52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from the authors or authors' institution.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Editorial Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050

Tel: 8(382-2)-52-96-67

Fax: 8(382-2)-52-98-46

Executive Editor: Dmitry Katunin

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Общенаучный периодический журнал

2015 № 395 Июнь

Главный редактор (председатель научно-редакционного совета)

Э.В. Галажинский

Ответственный редактор выпуска

Д.А. Катунин

**ФИЛОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ.
ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА. НАУКИ О ЗЕМЛЕ**

Печатная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.

ISSN 1561-7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.

ISSN 1561-7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж).

Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу

<http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Адрес редакционного совета

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ. Журнал «Вестник ТГУ»

Телефон 8+(382-2)-52-96-67

Подписано к печати 20 июня 2015 г.

Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.

Цифровая печать. Усл. печ. л. 28,8. Тираж 250 экз. Заказ № 1131.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, К.В. Полькина

Корректоры: А.Н. Воробьёва, Н.А. Афанасьева

Оригинал-макет А.И. Лелоюр

Дизайн обложки – Л.Д. Кривцова

Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании

Издательского Дома Томского государственного университета

634050, г. Томск, Ленина, 36

Телефон 8+(382-2)-53-15-28